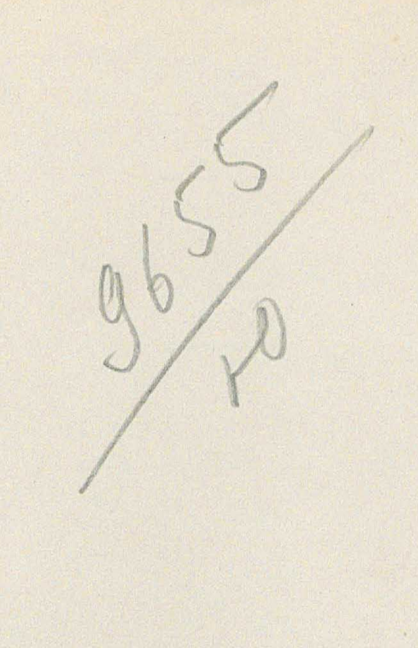
P 10/75


9655
10

Анри Купенъ.

ПРИЧУДЛИВЫЯ ЖИВОТНЫЯ.

ПЕРЕВОДЪ
женщины-врача Е. Д. Вургафтъ.

Съ 211 рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданiе А. Ф. Маркса.

Рисунки дозволены цензурою. СПБ. 27-го сентября 1903 г.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайловск. пр., № 29.

Предисловіе.

На ряду съ животными, болѣе или менѣе нормальными, описанными во всѣхъ сочиненіяхъ по естественной исторіи, существуетъ множество такихъ, которыя, отклоняясь отъ обычнаго типа, кажутся намъ необыкновенными по своей формѣ, своимъ привычкамъ или образу жизни. Большая публика знаетъ этихъ животныхъ очень мало, такъ какъ свѣдѣнія о нихъ встрѣчаются только въ спеціальныхъ научныхъ трактатахъ, которые для огромнаго большинства читателей не представляютъ никакого интереса. Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ, чтобы популяризировать въ обществѣ тѣ знанія, которыя до сихъ поръ составляли лишь достояніе немногихъ избранныхъ, я и предпринялъ настоящій трудъ. При составленіи его, я не шелъ по слѣдамъ Бюффона, не описывалъ по порядку одинъ видъ за другимъ, — это было бы однообразно и скучно. Весь матеріалъ я разбилъ на отдѣльныя главы: каждая глава содержитъ описаніе животныхъ, имѣющихъ какіе-нибудь внѣшніе, физическіе, или внутренніе, психологическіе, общіе признаки. Вотъ, напр., названія нѣкоторыхъ главъ:

Птицы - буревѣстники. — Животныя - блюдолизы. — Своеобразные хвостовые придатки. — Животныя, принимающія странныя положенія. — Плачущія животныя.—Животныя, отличающіяся удивительной живучестью.—Животныя, предчувствующія свою смерть и т. д., и т. д.

Чтобы сдѣлать чтеніе этихъ главъ болѣе легкимъ и интереснымъ, я выпустилъ почти всю спеціальную терминологію, снабдилъ текстъ многими рисунками и иллюстраціями.

Каждому, желающему дополнить свои познанія по зоологіи, интересно будетъ узнать кое-что о плювіанѣ, роль котораго въ природѣ, повидимому, состоитъ въ томъ, чтобы чистить зубы крокодилу, о рыбѣ-прилипалѣ, которая пристаетъ къ акуламъ - людоѣдамъ, и преспокойно разъѣзжаетъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока она не улучитъ удобнаго момента, чтобы поживиться кой-чѣмъ изъ ихъ обильной пищи. Любопытно будетъ познакомиться съ нравами гигантскихъ китовъ и касатокъ, поѣдающихъ у нихъ языкъ, съ привычками фантастическихъ животныхъ, населяющихъ морскія глубины, летучихъ мышей, одинъ видъ которыхъ говоритъ о странностяхъ этихъ звѣрьковъ, рыбы-стрѣлка, которую поистинѣ можно счи-

тать изобрѣтательницей охотничьей стрѣльбы, спрутовъ и хамелеоновъ, имѣющихъ свойство мѣнять свою окраску...

Существуетъ въ природѣ еще много другихъ причудливыхъ твореній, какъ напр., такъ-называемыя «странствующія палки», птицы, поющія, какъ оперные тенора, насѣкомыя, играющія на скрипкѣ, гидры, которыя позволяютъ выворачивать себя наизнанку, точно перчатку, и при этомъ чувствуютъ себя, какъ ни въ чемъ не бывало...

Фактъ существованія всѣхъ этихъ представителей животнаго царства не только весьма интересенъ самъ по себѣ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко поучителенъ: онъ говоритъ намъ о нѣкоторыхъ великихъ законахъ природы, иллюстрируя такія біологическія явленія, какъ, напр., миметизмъ, симбіозъ, развитіе видовъ, приспособленіе къ окружающей средѣ, исчезновеніе менѣе приспособленныхъ, борьбу за существованіе, паразитизмъ, автотомію и т. д. Существованіе этихъ странныхъ животныхъ, кромѣ того, показываетъ, какъ великъ и разнообразенъ изобрѣтательный геній природы, которая, не довольствуясь обыкновеннымъ, установленнымъ, шаблоннымъ, очень часто создаетъ новыя формы, причудливо уклоняющіяся отъ существующихъ типовъ, создаетъ какихъ-то ублюдковъ, чудовищъ, которыя заслуживаютъ это названіе либо по своей странной внѣшности (птеродактили, летающія рыбы, броненосцы, ящеры), либо по своимъ привычкамъ и образу жизни—какъ, напр., личинка жука-бронзовки, которая хотя и имѣетъ лапы, передвигается, однако, на спинѣ, затѣмъ такъ-называемые «висячіе попугаи», которые, вмѣсто того, чтобы сидѣть прямо, по примѣру прочихъ птицъ, цѣпляются когтями за вѣтки и свѣшиваются внизъ головою, крысы, которыя пускаютъ въ ходъ свой хвостъ, когда хотятъ добыть какую-нибудь жидкость, находящуюся на днѣ сосуда, браминскіе быки, которые притворяются мертвыми, чтобы остаться на своихъ любимыхъ лугахъ, и т. д.

Обо всемъ этомъ можно написать очень много: это—тема почти неисчерпаемая. Чтобы имѣть возможность подробно остановиться на странностяхъ наименѣе извѣстныхъ и наиболѣе любопытныхъ животныхъ, я оставилъ въ сторонѣ все, что могло бы отвлечь меня отъ основной моей цѣли—составленія книги, которая не только удовлетворила бы любителей курьезовъ, но и принесла бы пользу лицамъ, стремящимся въ легкой формѣ пополнить свое образованіе.

Анри Купенъ.

ГЛАВА I.

Животныя-блюдолизы.

Птицы почти всегда независимы въ своемъ образѣ жизни: онѣ живутъ на свой ладъ, и на свой счетъ, ничего не требуя отъ окружающихъ и желая только одного: чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Однако, извѣстны исключенія: существуютъ птицы, которыя могутъ жить только вблизи другихъ живыхъ существъ; онѣ кормятся на ихъ счетъ, охотно пользуясь даровымъ столомъ, подчасъ весьма обильнымъ. Эти птицы-приживалки, истинные блюдолизы, не очень многочисленны; то, что мы собираемся о нихъ сказать, будетъ достаточно, чтобы охарактеризовать въ общихъ чертахъ всю эту группу.

Наиболѣе оригинальнымъ представителемъ птицъ-приживалокъ является несомнѣнно плювіанъ, птица, которую арабы на своемъ образномъ языкѣ называютъ «извѣстителемъ крокодила», и которую можно было бы также хорошо назвать птицей-зубочисткой (рис. 1).

Всѣ тѣ, которые путешествовали по Египту, хорошо знаютъ эту подвижную, проворную птицу съ легкой граціозной походкой и поднятыми вверхъ красивыми крыльями, испещренными черными и бѣлыми полосами.

Плювіанъ былъ извѣстенъ уже въ древности, какъ это видно изъ описанія, сдѣланнаго Пливіемъ.

«Когда крокодилъ,—разсказываетъ Плиній:—лежитъ на пескѣ съ раскрытымъ зѣвомъ, къ нему приближается птица, входитъ въ его пасть и принимается чистить ее. Это доставляетъ видимое удовольствіе крокодилу, который очень бережно обращается съ птицей: чтобы не поранить ея, онъ какъ можно шире раскрываетъ свой огромный зѣвъ. Эта птица очень мала: по своей величинѣ она не больше пѣвчаго дрозда; она живетъ вблизи воды, часто прилетаетъ къ крокодилу и, если онъ спитъ, будитъ его, щекоча ему клювомъ морду».

Хотя этотъ разсказъ кажется нѣсколько фантастическимъ,—Плиній передаетъ его со словъ Геродота,—но на самомъ дѣлѣ онъ безусловно вѣренъ. Бремъ подтверждаетъ его и замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее:

«То, что древніе видѣли, можно констатировать и теперь; имя «извѣститель», данное этой птицѣ, выбрано очень удачно и вѣрно: она въ дѣйствительности играетъ роль стража, извѣщающаго объ опасности, которая угрожаетъ крокодилу

и другимъ животнымъ. Чуткая боязливая птица быстро реагируетъ на каждое впечатлѣніе: увидитъ-ли она вдали лодку, бороздящую волны рѣки, человѣка, млекопитающее, большую птицу, рѣющую въ воздухѣ, — она тотчасъ начинаетъ безпокоиться и выражаетъ свое безпокойство рѣзкими криками. «Извѣститель» очень хитеръ, уменъ и разсудителенъ и отличается удивительной памятью. Если онъ относится, повидимому, равнодушно къ угрожающей опасности, то это значитъ, что онъ ее хорошо успѣлъ изучить и оцѣнить по достоинству. Съ крокодиломъ онъ въ большой дружбѣ, и не потому, конечно, что крокодилъ питаетъ къ нему особую симпатію; въ великодушныхъ чувствахъ крокодила заподозрить нельзя, и если онъ не проглатываетъ этой пичужки, то только потому, что она очень осторожна и подвижна, и во̀время замѣчая подозрительныя движенія пресмыкающагося, ловко увертывается отъ нихъ. Живя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крокодилъ спитъ и

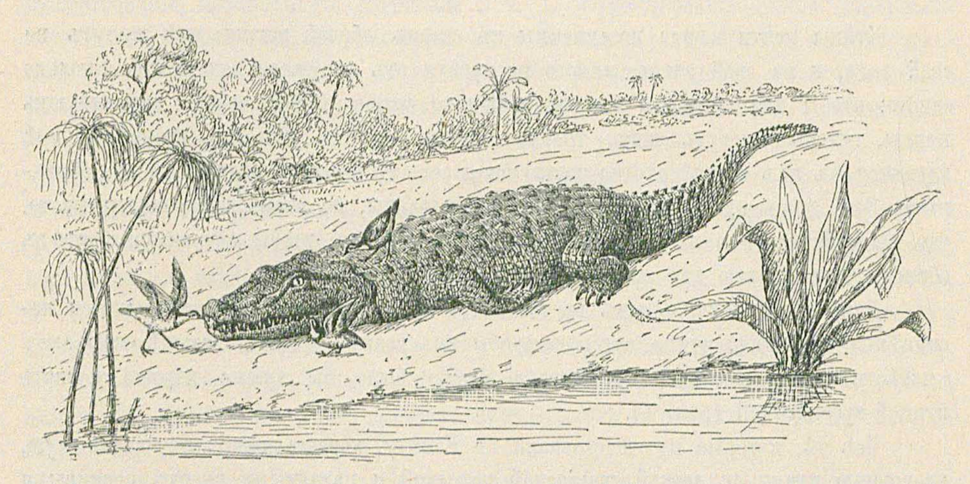


Рис. 1. **Оригинальный, но мало привлекательный способъ добывать себѣ завтракъ.**
Птица, по имени плювіанъ, ковыряетъ клювомъ въ зубахъ крокодила, чтобы поживиться остатками пищи застрявшими въ нихъ. Крокодилу эта операція, повидимому, доставляетъ большое удовольствіе.

грѣется на солнцѣ, эта птичка отлично изучила своего страшнаго сосѣда, и знаетъ, поэтому, какъ нужно вести себя по отношенію къ нему. Она свободно разгуливаетъ по его спинѣ, точно по травѣ, и лакомится піявками и червями, прилипшими къ верхнему щиту животнаго. Далѣе, она очищаетъ ему пасть, вынимая клювомъ остатки пищи, застрявшіе между зубами, и вытаскивая животныхъ, приставшихъ къ его деснамъ и челюстямъ».

Крики, которые эта птица испускаетъ, когда замѣчаетъ что-нибудь подозрительное, предупреждаютъ крокодила о близкой опасности, и животное поспѣшно прячется въ воду, лишь только услышитъ этотъ тревожный сигналъ. Они, такимъ образомъ, оказываютъ другъ другу взаимныя услуги, сами того, конечно, не зная.

Плювіанъ, впрочемъ, кормится не только тѣмъ, что находитъ съѣдобнаго въ пасти крокодила; онъ истребляетъ также не мало червей, моллюсковъ, насѣкомыхъ, и пожираетъ даже цѣлые куски мяса позвоночныхъ животныхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ.

«Однажды,—разсказываетъ Бремъ:—на берегу Бѣлаго Нила я увидѣлъ бѣлаго кобца, сидѣвшаго на песчаной балкѣ; кобцу удалось поймать большую рыбу, и онъ громкими криками призывалъ самку, чтобы раздѣлить съ нею трапезу. Вооруженный биноклемъ, я могъ слѣдить за каждымъ движеніемъ хищной птицы; она прежде всего сняла кожу съ рыбы и затѣмъ принялась тщательно потрошить ее. Въ это время откуда-то появился плювіанъ (Hyas aegyptiacus), который, не долго думая, присосѣдился къ столу хищника. Было очень интересно наблюдать движенія этого маленькаго мужественнаго паразита. Онъ стрѣлою несся къ тому мѣсту, гдѣ завтракалъ кобецъ, быстро схватывалъ нѣсколько кусковъ и поспѣшно удалялся со своей добычей, которую поѣдалъ на нѣкоторомъ разстояніи. Отъ времени до времени кобецъ бросалъ на него довольно благосклонные взгляды, не имѣя, повидимому, ни малѣйшаго желанія напасть на него. Тѣмъ не менѣе, я не сомнѣваюсь, что плювіанъ былъ обязанъ своему спасенію исключительно проворству своихъ движеній. Крокодилъ, безъ сомнѣнія, научилъ его, какъ нужно держаться за столомъ сильныхъ міра, чтобы не поплатиться жизнью за свою смѣлость».

* * *

Птица-волоклюй также довольно интересна по своимъ наклонностямъ. Въ центральной Африкѣ и въ Абиссиніи эти птицы встрѣчаются маленькими отрядами въ семь-восемь штукъ; они обыкновенно держатся вблизи крупныхъ млекопитающихъ; такъ, они сопровождаютъ стада буйволовъ, верблюдовъ, слоновъ, носороговъ и т. д. Волоклюи садятся на спины этихъ животныхъ и расхаживаютъ по нимъ, какъ дятлы по стволу дерева. Они безпрестанно находятся въ движеніи и перекочевываютъ, съ одной части тѣла животнаго на другую: такъ, они появляются то на спинѣ, то на бокахъ, то на груди, шеѣ, лапахъ и т. д.

Рис. 2. Два друга весьма различнаго роста.
Волоклюй освобождаетъ буйвола отъ паразитовъ, присутствіе которыхъ ему очень непріятно.

Мѣстныя млекопитающія, привыкшія къ этимъ птицамъ, не обращаютъ никакого вниманія на ихъ присутствіе; они въ общемъ относятся къ нимъ довольно доброжелательно, и даже хвостомъ не пытаются отогнать ихъ. Но тѣ животныя, которыя видятъ волоклюевъ въ первый разъ, сильно пугаются, когда тѣ присосѣживаются къ нимъ. Андерсонъ разсказываетъ, напр., что быки, возившие его

поклажу, однажды утромъ пришли въ сильное безпокойство и разбѣжались въ смятеніи, когда нѣсколько волоклюевъ опустились къ нимъ на спины.

Абиссинцы не любятъ этихъ птицъ, такъ какъ онѣ имѣютъ обыкновеніе садиться главнымъ образомъ на раненыхъ животныхъ, которымъ, какъ говорятъ туземцы, онѣ растравляютъ раны. Волоклюи дѣлаютъ это потому, что въ тѣхъ частяхъ тѣла животнаго, которыя обнажены до живого мяса, они всегда находятъ лакомую пищу,—именно: личинки мухъ. Когда эти личинки гнѣздятся въ опухоли, подъ кожей,—а это случается очень часто,—птицы немедленно вскрываютъ нарывъ и вытаскиваютъ оттуда паразитовъ. Эту операцію онѣ производятъ очень ловко, какъ настоящіе опытные хирурги, и такимъ образомъ оказываютъ млекопитающимъ немаловажныя услуги. Волоклюи, кромѣ того, полезны имъ въ томъ отношеніи, что подобно плювіану, играютъ роль сигнальщиковъ: замѣтивъ издали человѣка, они тотчасъ съ крикомъ улетаютъ, и этимъ даютъ знать стаду о близости врага.

*

Ибисъ имѣетъ приблизительно тѣ же привычки и наклонности, что и волоклюй; онъ живетъ на спинахъ буйволовъ, слоновъ, дикихъ звѣрей, даже собакъ и питается различными насѣкомыми, которыя кишатъ въ ихъ шерсти или подъ ихъ кожей. Но въ противоположность вышеописанному виду, эта птица находится въ большой дружбѣ съ человѣкомъ, который относится къ ней весьма доброжелательно и никогда не преслѣдуетъ ее; ибисы, поэтому, преспокойно расхаживаютъ по полямъ, гдѣ производятся полевыя работы и нерѣдко разгуливаютъ вблизи жилищъ туземцевъ, точно заправскія домашнія птицы.

*

Алектосы, птицы, замѣчательныя тѣмъ, что строятъ гигантскія гнѣзда, имѣющія 2—3½ арш. въ діаметрѣ, также живутъ на спинѣ буйволовъ въ обществѣ яркоперокъ и оводоѣдовъ, птицъ, которыя, благодаря сходству привычекъ, отлично уживаются съ ними; питаются они главнымъ образомъ клещами, которые въ изобиліи водятся подъ кожей млекопитающихъ.

*

Молотры, которыя сопровождаютъ стада, бродящія по равнинамъ сѣверной Америки, отличаются тѣми же наклонностями, такъ какъ живутъ они на счетъ рогатаго скота. Но эти птицы интересны еще въ томъ отношеніи, что онѣ, подобно нашимъ кукушкамъ, кладутъ свои яица въ чужія гнѣзда. Тутъ коммепсализмъ—пользованіе чужимъ столомъ, граничитъ уже съ паразитизмомъ. Такихъ паразитовъ мы имѣемъ въ лицѣ попугаевъ, извѣстныхъ подъ именемъ *кеа*. Эти попугаи имѣютъ привычку бросаться на барановъ; вцѣпившись когтями въ ихъ шерсть, они выклевываютъ всѣ мясистыя и жировыя части на спинѣ. Животныя, подвергшіяся подобной операціи, обыкновенно умираютъ.

Біологическое явленіе, аналогичное паразитизму, но проявляющееся не въ столь рѣзкой формѣ, какъ въ предыдущемъ случаѣ, наблюдается у поморниковъ. Они кидаются на другихъ морскихъ птицъ, успѣвшихъ поймать что-нибудь

съѣдобное, и ударивъ ихъ съ наскоку клювомъ по головѣ, заставляютъ ихъ выпустить пойманную добычу, которую хищники мгновенно подхватываютъ и пожираютъ. Эти птицы пользуются, значитъ, каштанами, которые другіе вытаскиваютъ для нихъ изъ огня. Мы еще встрѣтимся съ этими интересными представителями пернатаго царства въ той главѣ, гдѣ описываются «птицы - буревѣстники».

* * *

Всѣ разсмотрѣнныя нами птицы имѣютъ между собою то общее, что необходимую для нихъ пищу они большею частью добываютъ отъ другихъ животныхъ, въ сообществѣ съ которыми они и живутъ. Встрѣчаются также такія птицы, которыя проявляютъ комменсалистическія наклонности по отношенію къ человѣку; кромѣ извѣстныхъ, повсемѣстно селящихся вблизи человѣческаго жилья,—аистовъ, воробьевъ и т. д., къ этой группѣ относятся также нѣкоторыя другія птицы, отличающіяся менѣе мирнымъ нравомъ, какъ, напр., птица-каракара.

Каракара имѣетъ обыкновеніе увязываться за караваномъ, за которымъ она неотступно слѣдуетъ на извѣстномъ разстояніи, въ чаяніи поживиться трупами павшихъ животныхъ.

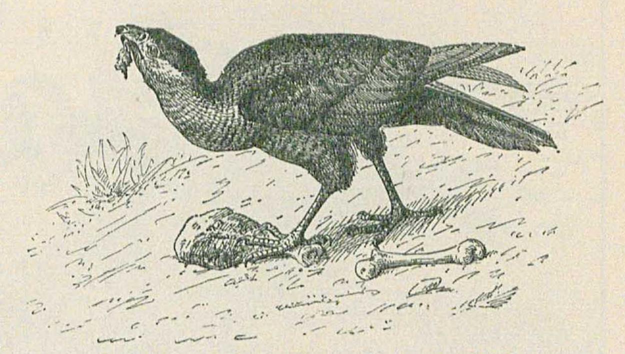


Рис. 3. Каракара хватаетъ объѣдки и пожираетъ ихъ въ мгновеніе ока.

«Путешественникъ,—говоритъ Д'Орбиньи:—считаетъ себя вначалѣ совершенно одинокимъ посреди обширной безпредѣльной пустыни. Но это—ошибка. Пусть онъ сдѣлаетъ привалъ, и тогда точно изъ-подъ земли появляются неподалеку каракары; онѣ прячутся подъ холмами или кустами, выжидая тотъ моментъ, когда имъ удастся полакомиться остатками пищи, которой люди подкрѣпляли свои силы. Путешественникъ засыпаетъ, каракары, насытившись объѣдками, удаляются прочь, но на другой день появляются снова, и слѣдуютъ за караваномъ неотступно, шагъ за шагомъ, ничѣмъ не выдавая своего присутствія, но на слѣдующемъ привалѣ онѣ снова тутъ какъ тутъ».

Присутствіе каракаръ на охотѣ очень непріятно: онѣ стремительно бросаются къ убитому животному и поспѣшно уносятъ добычу прежде, чѣмъ охотникъ или его собака успѣютъ приблизиться къ ней.

*

Другой хищникъ,—птица - монахъ (неофронъ), въ противоположность каракарѣ, не только не имѣетъ дурныхъ качествъ этой послѣдней, но, наоборотъ, приноситъ даже извѣстную пользу человѣку.

Вотъ что говоритъ Бремъ объ этой птицѣ.

«Монаха-неофрона можно разсматривать, какъ животное полу-домашнее. Онъ такъ же смѣлъ, какъ ворона, и почти такъ же развязенъ, какъ воробей. Онъ безъ всякаго стѣсненія, разгуливаетъ возлѣ домовъ, доходитъ иногда до самыхъ дверей кухни, а для отдыха выбираетъ находящееся поблизости дерево. Онъ истребляетъ всѣ нечистоты по мѣрѣ того, какъ онѣ накопляются, и такимъ образомъ помогаетъ сипу въ его работѣ по оздоровленію мѣстности. Присутствіе его въ бойняхъ дѣлается иногда стѣснительнымъ для мясниковъ».

Человѣкъ кормитъ монаха, и тотъ оказываетъ ему въ благодарность за это разныя маленькія услуги. Никогда онъ ничего не стащитъ, не унесетъ цыпленка, не причинитъ зла никому изъ мелкихъ домашнихъ животныхъ; онъ питается почти исключительно нечистотами да кухонными отбросами; этой же пищей онъ вскармливаетъ своихъ птенцовъ. Когда на дворъ живодерни выбрасывается трупъ животнаго, монахъ тотчасъ же прибѣгаетъ, почуявъ падаль; но приняться за нее онъ можетъ только тогда, когда трупъ успѣлъ уже сильно разложиться и кожа подверглась замѣтному измѣненію. Самое большее, на что онъ способенъ,—это выклевать глазъ у недавно околѣвшаго животнаго; клювъ его слишкомъ слабъ, чтобы расковырять кожу и добраться до мяса.

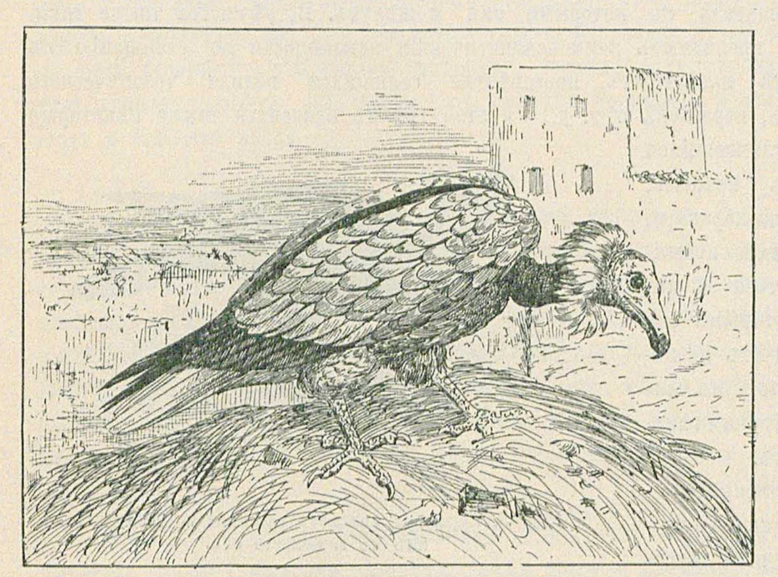


Рис. 4. Пожиратель нечистотъ (неофронъ-монахъ).

Объ его провіантѣ обыкновенно заботятся большіе ястребы.

Монахъ часто бываетъ въ обществѣ этихъ хищниковъ, у которыхъ униженно выпрашиваетъ подачки, пользуясь каждымъ благопріятнымъ моментомъ, чтобы схватить какой-нибудь кусокъ.

Монахъ—довольно красивая птица и по своему внѣшнему виду напоминаетъ ястреба; когда онъ распуститъ свои крылья для полета, то его подчасъ трудно бываетъ отличить отъ крупнаго ястреба, тогда какъ сипа на большомъ разстояніи легко узнать по его остроконечнымъ крыльямъ и коническому хвосту. Голыя части головы и шеи дополняютъ его красоту, такъ какъ на этихъ частяхъ замѣчаются разнообразные оттѣнки цвѣтовъ, какъ на гребнѣ индѣйскаго пѣтуха.

Монахъ очень храбръ и смѣлъ; онъ не боится людей, и поэтому натуралисты могутъ подолгу наблюдать его на очень близкомъ разстояніи: стоитъ бросить ему кусокъ мяса, чтобы онъ тотчасъ приблизился на какую угодно малую дистанцію. Съ ранняго утра монахъ уже отправляется на поиски за пищей. Онъ покидаетъ свое жилище на зарѣ и возвращается домой послѣ заката; почи онъ проводитъ на деревьяхъ, расположенныхъ далеко отъ человѣческаго жилья.

Возлѣ Массовы эта птица почуетъ на одинокихъ мимозахъ или въ пустынныхъ долинахъ Самхары. Прежде чѣмъ опуститься на ночлегъ, монахъ летаетъ вокругъ да около—онъ маневрируетъ, подыскивая подходящее мѣстечко. Наконецъ, сложивъ крылья, онъ стремительно кидается внизъ по косой линіи и садится на дерево, которое онъ себѣ намѣтилъ.

*

Сипъ, о которомъ было уже упомянуто, такая же полезная птица, какъ и монахъ. Сипы исполняютъ обязанности общественныхъ санитаровъ на югѣ Испаніи; они поѣдаютъ человѣческіе экскременты, встрѣчающіеся тамъ понемногу почти повсюду, и всякаго рода нечистоты и отбросы, которые попросту валяются на улицахъ. Поэтому, и тутъ, въ Испаніи, равно какъ въ Индіи и Нижнемъ Египтѣ, люди относятся весьма благосклонно къ этимъ птицамъ: польза, которую онѣ приносятъ странѣ, очень существенна.

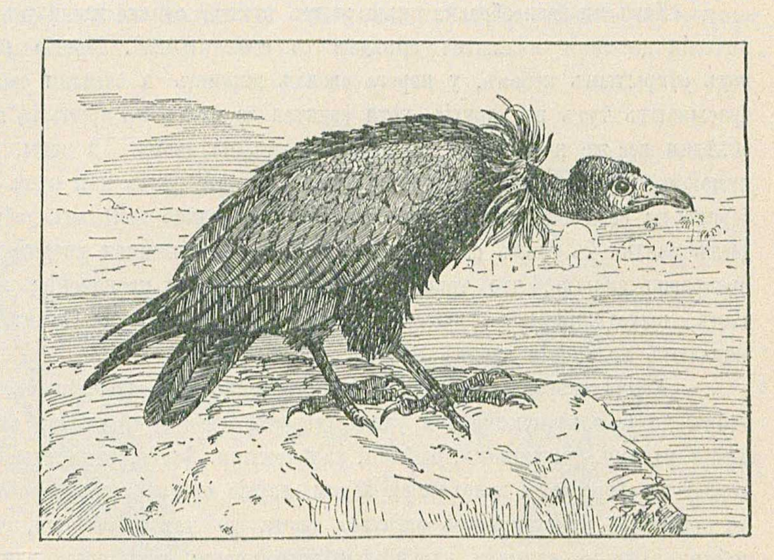


Рис. 5. Птица—общественный санитаръ. Сипъ-поморникъ.

*

Сиповъ часто сопровождаетъ, въ особенности въ Индіи, птица «аномалокораксъ», имѣющая большое сходство съ вóрономъ. Въ виду ея наклонностей къ комменсализму, съ одной стороны, и къ паразитизму—съ другой, ее нужно причислить къ типу животныхъ-блюдолизовъ.

Жердонъ сообщаетъ относительно характера и привычекъ этой птицы слѣдующія интересныя детали.

«Блестящій аномалокораксъ, хотя и не любитъ жить въ большой стаѣ, тѣмъ не менѣе очень общителенъ. Онъ ночуетъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, вблизи

городовъ, деревень, вообще вблизи населенныхъ мѣстъ. Есть нѣкоторыя мѣста, куда эти птицы слетаются въ огромномъ числѣ, образуя многочисленное собраніе въ 3.000—6.000 членовъ. Отыскивая удобное мѣсто для себя, птицы ссорятся другъ съ другомъ, дерутся, кричатъ; подымается невообразимый гамъ, который значительно усиливается послѣ прибытія цѣлой арміи попугаевъ и другихъ птицъ, также прилетѣвшихъ сюда, чтобы найти себѣ пристанище на ночь.

«Рано утромъ, иногда задолго до разсвѣта, аномалокораксы просыпаются и, раздѣлившись на маленькія группы, по двадцати-тридцати индивидовъ, съ крикомъ начинаютъ летать взадъ и впередъ, точно желая подѣлиться другъ съ другомъ своими впечатлѣніями или разработать сообща планъ дѣйствій на сегодняшній день. Тѣ, которые должны предпринять дальнее путешествіе, улетаютъ немедленно; тѣ же, которыя остаются въ окрестностяхъ, не спѣшатъ и пользуются свободнымъ временемъ, чтобы поболтать со своими сосѣдями и привести въ порядокъ свой туалетъ.

«Какъ ни разнообразна пища этихъ птицъ, однако главнымъ элементомъ ихъ питанія все-таки являются объѣдки со стола людей. Многіе индусы обѣдаютъ подъ открытымъ небомъ, у порога своихъ жилищъ и остатки своей трапезы выбрасываютъ тутъ же; другіе, хотя садятся за столъ въ крытыхъ помѣщеніяхъ, но объѣдки все же немедленно выпроваживаютъ на дворъ. Тѣ часы, когда люди принимаютъ свою пищу, хорошо извѣстны птицамъ; одна изъ нихъ заблаговременно беретъ на себя обязанность часового, и лишь только замѣтитъ добычу, немедленно даетъ знать объ этомъ своимъ товарищамъ, находящимся поблизости. Эти птицы прекрасно знаютъ, что такое кухня и каково ея назначеніе; завидѣвъ издали дымъ, выходящій изъ трубы, онѣ тотчасъ являются съ визитомъ и терпѣливо ожидаютъ полученія своихъ порцій.

«Аномалокораксы, обѣдая и ужиная вмѣстѣ съ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе этимъ не довольствуются для удовлетворенія своего аппетита: они охотно лакомятся раками, лягушками, рыбами, насѣкомыми. Далѣе, одни отыскиваютъ бѣлыхъ червей въ бороздахъ вспаханной земли, другіе охотятся за насѣкомыми на лугахъ, не стѣсняясь присутствіемъ рогатаго скота до такой степени, что ловятъ свою добычу даже на спинахъ пасущихся животныхъ; нѣкоторые занимаются ловлей рыбъ на берегу ручья или пруда. Встрѣчаются и такія предпріимчивыя птицы, которыя сопровождаютъ барки и лодки, разъѣзжающія по рѣкамъ, оспаривая добычу у чаекъ и морскихъ ласточекъ. Въ окрестностяхъ Калькутты и въ другихъ большихъ городахъ онѣ находятъ обильную пищу для себя, именно человѣческіе останки, довѣренные водамъ священной рѣки, трупы домашнихъ животныхъ и пр. Далѣе, онѣ не прочь полакомиться и фруктами, и нерѣдко производятъ форменныя опустошенія въ садахъ, гдѣ много банановыхъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ; а когда, вмѣстѣ съ наступленіемъ утренней или вечерней прохлады, въ воздухѣ появляются цѣлыя тучи крылатыхъ термитовъ, аномалокораксы начинаютъ ожесточенно преслѣдовать ихъ и въ компаніи со щурками, коршунами и летучими мышами, которыя также любятъ охотиться за этими насѣкомыми, истребляютъ ихъ во множествѣ».

Теннанъ, съ своей стороны, приводитъ много любопытныхъ фактовъ изъ жизни аномалокораксовъ.

«Туземцы,—разсказываетъ онъ:—до того привыкли къ присутствію этихъ птицъ, что, подобно древнимъ грекамъ и римлянамъ, гадаютъ о будущемъ, принимая во вниманіе ихъ позы, направленіе полета, бо̀льшую или меньшую рѣзкость испускаемыхъ ими криковъ, ихъ многочисленность и т. д. Голландцы въ ту эпоху, когда владѣли Цейлономъ, относились очень благосклонно къ нимъ, и подъ страхомъ суровой кары запрещали ихъ убивать. Правда, голландцы имѣли другія причины щадить ихъ, чѣмъ туземцы; они предполагали, что эти птицы являлись естественными сѣятелями корицы: поѣдая плоды коричневаго лавра и не будучи въ состояніи переварить зерна, онѣ выдѣляли ихъ вонъ вмѣстѣ съ пометомъ, и такимъ образомъ разсѣивали ихъ повсюду.

«Не только вблизи каждой деревни на о. Цейлонѣ, но даже почти возлѣ каждой хижины можно встрѣтить нѣсколько аномалокораксовъ, ожидающихъ благопріятнаго момента, чтобы произвести гдѣ-нибудь грабежъ. Ничто не можетъ укрыться отъ бдительныхъ взоровъ этихъ вороватыхъ птицъ.

Рис. 6. **Аномалокораксъ.**

Вороватая птица, живущая въ Индіи; живетъ главнымъ образомъ объѣдками, выбрасываемыми изъ кухни, и прибѣгаетъ иногда къ хитрости, чтобы отнять добычу у собаки.

«Что бы ни оставить у открытаго окна—ридикюль, перчатки, платокъ, инструменты—все исчезаетъ немедленно. Мало того, аномалокораксы вскрываютъ

пакеты, даже такіе, которые перевязаны шнуркомъ и запечатаны, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ чего-нибудь съѣдобнаго.

«Общество, собиравшееся въ одномъ саду, было однажды не мало испугано, когда вдругъ съ большой высоты—прямо съ неба, значитъ, посреди гулявшихъ, упалъ окровавленный ножъ. Дѣло вскорѣ разъяснилось; оказалось, что это была продѣлка апомалокоракса: воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ, когда поваръ изъ сосѣдняго дома, занятый приготовленіемъ обѣда, отвернулся, птица утащила ножъ и улетѣла съ нимъ; затѣмъ, убѣдившись, вѣроятно, что отправить этотъ предметъ въ желудокъ не совсѣмъ удобно, она выпустила его изъ когтей, и ножъ полетѣлъ въ садъ, надѣлавъ тамъ большой переполохъ.

«Одинъ изъ этихъ смѣлыхъ грабителей однажды, въ теченіе довольно продолжительнаго времени, бродилъ около собаки, которая спокойно грызла кость; чтобы отвлечь вниманіе собаки и, пользуясь ея разсѣянностью, утащить у нея добычу, хитрая птица стала плясать и кривляться, но всѣ ея усилія не привели ни къ чему: собака не пошла на эту удочку. Хищникъ, однако, не унывалъ: онъ улетѣлъ-было, но вскорѣ вернулся въ сопровожденіи своего товарища, который сѣлъ на ближайшее дерево, выбравъ самый близкій къ землѣ сукъ. Снова начались кривлянья, и опять они никакого успѣха не имѣли. Тогда хищники прибѣгли къ рѣшительнымъ мѣрамъ: новоприбывшая птица, снявшись съ сука, на которомъ она сидѣла, свирѣпо напала на собаку и нанесла ей сильный ударъ клювомъ; эта диверсія удалась какъ нельзя лучше: удивленная и раздраженная неожиданнымъ нападеніемъ, собака поднялась съ мѣста и бросилась на своего обидчика (см. рис. 6), но тотъ успѣлъ уже подняться на воздухъ; пользуясь этимъ инцидентомъ, его товарищъ поспѣшно схватилъ кость и улетѣлъ съ нею».

* * *

Чтобы покончить съ описаніемъ птицъ-блюдолизовъ, намъ остается еще упомянуть объ одномъ, наиболѣе любопытномъ представителѣ этой группы, именно о птицѣ-проводникѣ съ бѣлымъ клювомъ (рис. 7). Эта птица интересна въ томъ отношеніи, что она открываетъ мѣсто, гдѣ спрятанъ пчелиный медъ и лично ведетъ туда людей.

Она дѣлаетъ это не изъ особой любезности къ людямъ, а, какъ замѣчаетъ Шпарманъ, руководится при этомъ собственными интересами. Дѣло въ томъ, что она сама большая поклонница пчелинаго меда, и кромѣ того, очень любитъ пчелиныя яица; при этомъ она прекрасно знаетъ, что при разореніи улья обыкновенно либо проливается на землю немного меду, который поступаетъ въ ея полное распоряженіе, либо люди, въ благодарность за оказанную имъ услугу, сами оставляютъ ей кое-что изъ своей добычи. Способъ, къ которому она прибѣгаетъ для оповѣщенія любителей меда о сдѣланной находкѣ, весьма оригиналенъ, и кромѣ того, какъ нельзя лучше приноровленъ къ ея собственнымъ цѣлямъ.

Аппетитъ у нея сильнѣе всего разгорается по утрамъ и вечерамъ, по крайней мѣрѣ, въ эти часы она обыкновенно показывается вблизи человѣческаго жилья и своими пронзительными криками—шерръ-шерръ-шерръ, старается обратить на себя вниманіе людей—готтентотовъ или колонистовъ. Рѣдко случается, чтобы никто

не явился на этотъ призывъ: обыкновенно всегда кто-нибудь выходитъ, лишь только услышитъ сигналъ, и тогда птица, убѣдившись, что ея зовъ услышанъ, начинаетъ медленно летѣть по направленію къ тому мѣсту, гдѣ пчелы устроили свой складъ меду. Туземцы, слѣдуя за нею, никогда не ходятъ большою толпою и стараются не шумѣть, чтобы не испугать своего крылатаго проводника; отъ времени до времени они издаютъ легкій свистъ, чтобы этимъ дать ему знать, что его призывъ услышанъ.

Шпарманъ, лично принимавшій участіе въ подобныхъ экскурсіяхъ, сдѣлалъ слѣдующее наблюденіе: если пчелиный улей находится на сравнительно далекомъ разстояніи, то проводникъ летитъ съ болѣе или менѣе продолжительными остановками; онъ поджидаетъ на этихъ станціяхъ своихъ товарищей по охотѣ и, замѣтивъ ихъ, снова начинаетъ издавать свои характерные крики, точно подбодряя ихъ слѣдовать за нимъ дальше. По мѣрѣ приближенія къ улью, остановки, дѣлаемыя птицей, становятся все чаще и чаще и крики, испускаемые ею,—все рѣже и пронзительнѣе. Шпарманъ былъ не мало удивленъ, когда ему пришлось лично убѣдиться въ фактической достовѣрности того, что ему раньше разсказывали другіе: когда птица, нетерпѣливо желая поскорѣе быть у цѣли, слишкомъ далеко улетаетъ впередъ и вслѣдствіе этого теряетъ изъ виду своихъ спутниковъ, она, спустя нѣкоторое время, возвращается къ нимъ и начинаетъ въ большомъ волненіи выкрикивать свое «шерръ-шерръ» съ удвоенной силой, точно негодуя на ихъ медлительность.

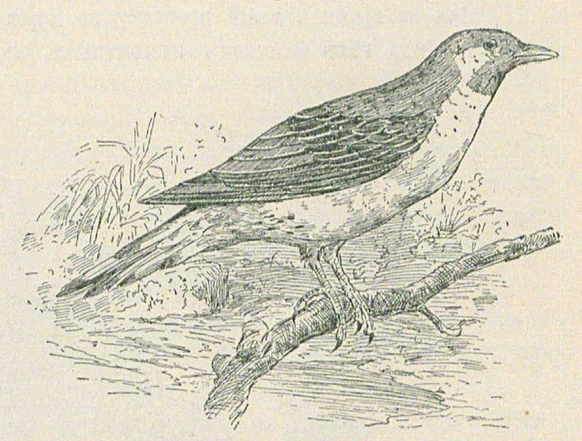


Рис. 7. Птица-проводникъ указываетъ готтентотамъ тѣ мѣста, гдѣ хранится пчелиный медъ.

Когда, наконецъ, птичка добирается до самаго улья, устроеннаго либо въ трещинѣ скалы, либо въ дуплѣ дерева, либо въ землѣ, въ какомъ-нибудь углубленіи, она тотчасъ подымается въ высь и паритъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ надъ тѣмъ именно мѣстомъ, къ которому она такъ жадно стремилась; затѣмъ она умолкаетъ и обыкновенно прячется въ вѣтвяхъ сосѣдняго дерева или въ кустарникахъ, въ ожиданіи полученія своей доли изъ награбленной добычи. По всей вѣроятности, она всегда болѣе или менѣе долго паритъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находится улей, прежде чѣмъ спрятаться; но не всегда на это обстоятельство обращаютъ вниманіе. Если птичка, которая все время почти безпрерывно испускала крики, внезапно умолкаетъ, то это обыкновенно считается самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что цѣль экскурсіи достигнута, что улей находится гдѣ-то очень близко.

Найдя улей и опустошивъ его, готтентоты всегда оставляютъ птичкѣ въ

награду за ея усердную службу изрядную порцію сотовъ, въ которыхъ, кромѣ меду, находится не мало яичекъ. Яички, — на нашъ взглядъ такія не аппетитныя, являются для нея, должно-быть, весьма лакомымъ блюдомъ, которымъ даже и готтентоты не брезгуютъ. По увѣренію туземцевъ, человѣкъ, который хочетъ спеціально заняться добываніемъ пчелинаго меда, не долженъ баловать птичку-проводника слишкомъ щедрой наградой, а долженъ давать ей немного, именно столько, чтобы обострить ея аппетитъ. Желаніе удовлетворить его болѣе полно въ другомъ мѣстѣ заставитъ ее снова пуститься въ дорогу, если только она знаетъ о существованіи новаго улья.

* * *

Въ царствѣ рыбъ также встрѣчается не мало типичныхъ блюдолизовъ.

Дѣлая во время вакацій прогулку по морю, вы встрѣчали, по всей вѣроятности, одну изъ тѣхъ большихъ элегантныхъ медузъ, которыя извѣстны подъ

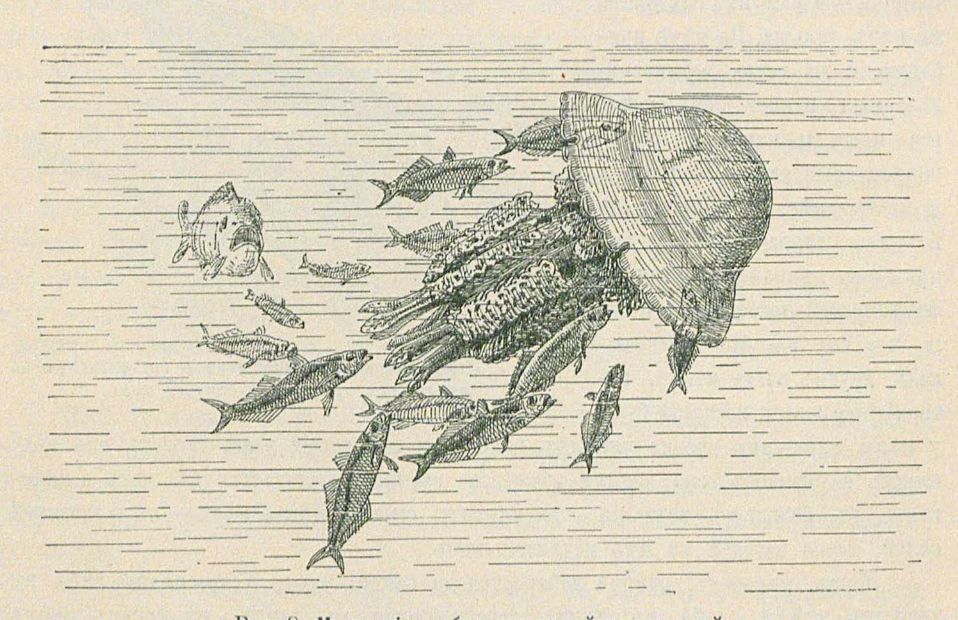


Рис. 8. **Маленькія рыбки изъ семейства сельдей.**
Живутъ въ прозрачномъ домѣ, которымъ является пористое тѣло большой медузы. Онѣ покидаютъ иногда свое убѣжище, чтобы погулять на свободѣ, но при малѣйшей опасности поспѣшно возвращаются.

названіемъ корнеустовъ. Онѣ медленно плаваютъ въ водѣ, причемъ такъ странно сокращаютъ все свое тѣло, что имъ дали прозвище «морскихъ легкихъ». Эти животныя, интересныя сами по себѣ, станутъ для васъ еще интереснѣе, когда вы обратите вниманіе на струю воды, которую они, при движеніи впередъ, оставляютъ за собою: въ этой струѣ вы скоро откроете цѣлую флотилію маленькихъ рыбокъ, длиною въ 2—9 миллиметровъ, изъ семейства сельдей; эти рыбки составляютъ непремѣнную свиту медузы,—онѣ не отстаютъ отъ нея ни на шагъ.

Эта свита, какъ показали наблюденія Кадо-де-Кервилля, бываетъ болѣе или менѣе многочисленна: въ составъ ея входятъ маленькія селедки, числомъ отъ 3—4

до нѣсколькихъ дюжинъ. Большіе корнеусты обыкновенно окружены большимъ числомъ рыбокъ; эти послѣднія плаваютъ въ томъ же направленіи, что и медузы, держась то выше ея, то ниже, слѣдуя за ней то съ боку, то сзади, но никогда не выдвигаясь за черту «зонтика», какъ довольно удачно названа верхняя часть тѣла медузы.

По временамъ свита удаляется на нѣсколько метровъ отъ своего патрона; но при малѣйшей тревогѣ она поспѣшно занимаетъ свою прежнюю позицію возлѣ корнеуста. Нѣкоторыя рыбки, безъ сомнѣнія, напуганныя болѣе, чѣмъ другія, ищутъ спасенія въ самой медузѣ, прячась въ углубленіяхъ и пустотахъ, которыми испещрено ея тѣло. Это тѣло очень прозрачно, и, поэтому, безъ труда можно видѣть скрывшихся внутри его бѣглянокъ, ждущихъ момента, когда все успокоится, чтобы вынырнуть наружу.

Молодыя селедки неотступно сопровождаютъ медузу не для того, чтобы питаться ею, а для того, чтобы прятаться подъ ея крылышко въ случаѣ опасности. Въ самомъ дѣлѣ, медуза представляетъ собою нѣкоторый оплотъ, такъ какъ ее почти ни одно животное не употребляетъ въ пищу, благодаря особымъ свойствамъ ея тѣла со слизистой желатинозной консистенціей; медуза такимъ образомъ невольно дѣлается патронессой и покровительницей слабыхъ: молодыя рыбки и нѣкоторыя породы мелкихъ животныхъ стекаются къ ней подъ ея охрану, инстинктивно ища защиты отъ своихъ многочисленныхъ враговъ.

Селедки, впрочемъ, только въ ранней юности льнутъ къ медузамъ; значительно ранѣе того времени, когда онѣ становятся взрослыми, онѣ оставляютъ ихъ, чтобы начать свободную самостоятельную жизнь.

Случаи совмѣстной жизни медузъ съ мелкими рыбешками можно наблюдать въ Атлантическомъ океанѣ, въ проливѣ Ла-Маншъ. Въ Средиземномъ морѣ живутъ вмѣстѣ прелестная медуза, вся испещренная темными пятнами, и маленькія рыбки—trachurus. Въ Америкѣ наблюдается то же самое; такъ, въ водахъ океана ночныя медузы всегда бываютъ окружены цѣлымъ штатомъ рыбокъ, принадлежащихъ къ породѣ сельдей.

Еще своеобразнѣе проявляется совмѣстная жизнь одной рыбы, живущей вблизи острова св. Маврикія, съ медузой, извѣстной подъ названіемъ *cambressa*.

Нижняя часть тѣла этого животнаго представляетъ собою полый внутри зонтикъ, соединенный съ верхней частью посредствомъ четырехъ студенистыхъ столбиковъ. Вотъ этотъ-то зонтикъ и избрала своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ странная рыба, размѣры которой настолько внушительны, что она тяжестью своего тѣла совершенно обезображиваетъ медузу. Эта рыба, правда, не сидитъ всегда дома: отъ времени до времени она покидаетъ свое убѣжище, чтобы порѣзвиться и покормиться, и затѣмъ снова возвращается къ себѣ, въ полость зонтика; тутъ, чтобы сохранить равновѣсіе, рыба должна лежать на боку въ горизонтальномъ положеніи, что должно ее, какъ кажется, нѣсколько стѣснять. Тѣмъ не менѣе, ни рыба, ни медуза не чувствуютъ, повидимому, особыхъ неудобствъ отъ этой интимной совмѣстной жизни; наоборотъ, они по всѣмъ признакамъ очень довольны другъ другомъ. Какую выгоду извлекаетъ изъ этой близости

медуза, не совсѣмъ ясно; но что совмѣстная жизнь приноситъ большую пользу рыбѣ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію: тѣло ея подруги, усѣянное колючими капсюлями, есть своего рода неприступная крѣпость, съ грозными укрѣпленіями, которыя держатъ въ почтительномъ отдаленіи многихъ животныхъ. Рыбамъ, впрочемъ, эти укрѣпленія не страшны. Въ самомъ дѣлѣ, очень часто можно видѣть взрослыхъ макрелей, которыя лежатъ, свернувшись комкомъ, въ щупальцахъ медузъ — галеръ; колючія капсюли, которыми онѣ вооружены, настолько грозны, что мелкихъ животныхъ онѣ убиваютъ наповалъ, а человѣку причиняютъ очень острую боль, могущую довести до обморока.

Другія рыбы предпочитаютъ водиться съ актиніями, которыя не менѣе страшны, чѣмъ медузы. Въ заливѣ Батавіи, посреди коралловыхъ рифовъ, образующихъ тамъ маленькіе острова, живутъ большія окрашенныя въ разные цвѣта актиніи, дискъ которыхъ имѣетъ въ діаметрѣ около сорока сантиметровъ.

На многочисленныхъ щупальцахъ этихъ актиній, въ особенности такихъ, которыя отличаются крупными размѣрами, часто можно найти пару, а иногда и двѣ пары маленькихъ оранжевыхъ рыбокъ, длиною въ пять сантиметровъ, съ серебристыми полосами на спинѣ. Эти рыбки извѣстны въ зоологіи подъ именемъ Trachichthys tunicatus.

Актинія, повидимому, не обращаетъ никакого вниманія на своихъ гостей: когда она ѣстъ, эти послѣдніе подхватываютъ остатки пищи, которые она бросаетъ, но при этомъ никогда не оставляютъ щитка, гдѣ онѣ находятся. Эти маленькія рыбки, какъ нужно полагать, нуждаются въ могущественномъ покровительствѣ. Слюитеръ, спеціально изучавшій привычки этихъ рыбокъ, сдѣлалъ слѣдующее наблюденіе: если пустить ихъ въ акваріумъ безъ актиніи, то ихъ ожидаетъ очень печальная участь—большія рыбы ихъ немедленно прогоняютъ или пожираютъ; несчастныя рыбки ищутъ спасенія, кто за коралловымъ выступомъ, кто среди иглъ морского ежа, но, въ концѣ-концовъ, рано или поздно онѣ все же дѣлаются добычей своихъ неумолимыхъ враговъ; если же онѣ попадаютъ въ акваріумъ вмѣстѣ съ актиніей, то онѣ остаются здравы и невредимы. Страшась ихъ могущественной покровительницы, никто не смѣетъ ихъ тронуть. Слюитеру при такихъ условіяхъ удалось сохранить двухъ рыбокъ въ теченіе шести мѣсяцевъ.

* * *

Многія другія породы рыбъ живутъ въ тѣсномъ сообществѣ съ морскими анемонами, но это сообщество не является абсолютно необходимымъ условіемъ ихъ существованія: посаженныя въ различные акваріумы, отдѣльно другъ отъ друга, онѣ продолжаютъ жить какъ ни въ чемъ не бывало, при томъ, конечно, условіи, что ихъ существованію не угрожаетъ никакая опасность со стороны. Если въ акваріумъ, гдѣ изолированы рыбы, пустить представителя враждебной и сильнѣйшей породы, то онѣ, конечно, рано или поздно должны погибнуть.

На побережьи Средиземнаго моря часто можно встрѣтить животное, не очень привлекательное по своей внѣшности,—по своей формѣ оно напоминаетъ кровяную

колбасу или, вѣрнѣе, огурецъ; у натуралистовъ это животное извѣстно подъ именемъ голотуріи, рыбаки же называютъ его просто «морскимъ корнишономъ».

Если вы вскроете такого корнишона, то вы увидите, что въ послѣдней части кишечнаго канала берутъ начало органы, по своему виду похожіе на дуплистыя, очень вѣтвистыя деревья, а внутри этихъ «древовидныхъ органовъ», какъ ихъ называютъ, вы найдете двухъ-трехъ, иногда четырехъ маленькихъ рыбокъ, такъ-называемыхъ безусыхъ ошибней, отличающихся длиннымъ узкимъ тѣломъ. Надо признаться, что эти рыбки выбрали для себя довольно странное жилище: да и проникнуть въ него имъ удается не безъ труда. Чтобы попасть туда, безусый ошибень терпѣливо ждетъ наступленія того момента, когда у голотуріи немного раскроется нижняя часть туловища; пользуясь этимъ мгновеніемъ, ошибень просовываетъ въ отверстіе кончикъ своего хвоста. Если отверстіе закрывается, то ущемленная рыба попадаетъ въ нѣсколько непріятное положеніе, которое, впрочемъ, долго не длится; спустя нѣкоторое время происходитъ новое расширеніе, рыба, пользуясь имъ, протискивается дальше и дальше, пока, наконецъ, совсѣмъ не исчезнетъ изъ виду.

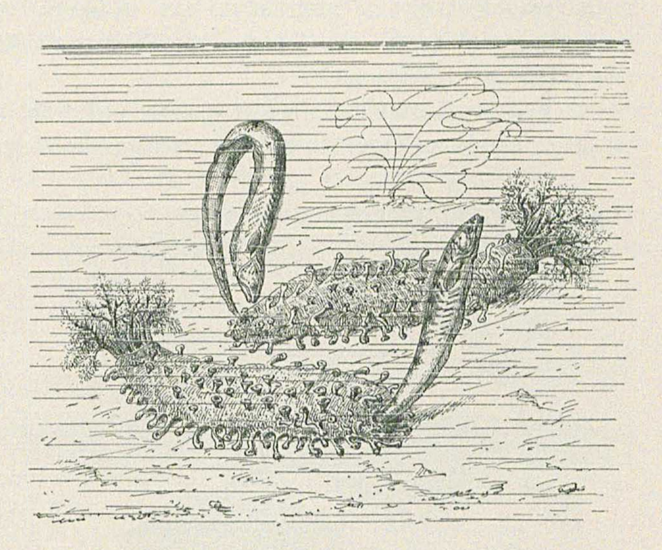


Рис. 9. Голотурія.
Она позволяетъ рыбѣ — безусому-ошибню проживать въ ея кишечникѣ, гдѣ ему по всей вѣроятности живется недурно.

Что дѣлаетъ бузусый ошибень въ желудкѣ голотуріи? Этого въ точности не знаютъ, извѣстно лишь то, что голотурія довольно спокойно относится къ пребыванію въ ея утробѣ непрошеннаго жильца. По всей вѣроятности, ошибень, этотъ Іона рыбьяго царства, отъ времени до времени оставляетъ свою «комнату», чтобы погулять на свободѣ и раздобыть себѣ что-нибудь на обѣдъ, и возвращается въ свои аппартаменты только для того, чтобы наслаждаться dolce far niente и спокойно безъ помѣхъ предаваться пищеваренію.

* * *

Вотъ еще любопытный случай комменсализма, который мы заимствуемъ у Кюєно:

«Чтобы имѣть возможность наблюдать случаи совмѣстной жизни среди рыбъ различныхъ видовъ, вовсе не надо отправляться къ морю: такія наблюденія можно дѣлать въ нашихъ рѣкахъ и рѣчкахъ, гдѣ часто водится rhodeus amarus, горчакъ, маленькая рыбка изъ рода пискарей, длиною въ 5—8 сантим., похожая на жел-

таго карпа; она очень любитъ чистое дно, усыпанное пескомъ и гравіемъ. Юное поколѣніе этой рыбки, вплоть до своего полнаго развитія, живетъ въ жабрахъ двустворчатаго слизняка, также весьма часто встрѣчающагося въ нашихъ прѣсныхъ водахъ.

«Если вскрыть весною такого слизняка, то среди жаберныхъ листочковъ въ такъ-называемой междужаберной камерѣ можно часто найти желтыя овальныя яички, длиною приблизительно въ три миллиметра. Эти яички впослѣдствіи раскрываются и изъ нихъ выходятъ маленькіе горчаки, которые остаются нѣкоторое время въ жабрахъ пріютившаго ихъ моллюска, причиняя этому послѣднему даже нѣкоторый вредъ—такъ, напр., эпителіальная кожица въ жабрахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вздувается.

«При разрѣзываніи жаберъ слизняка, рыбешки, нашедшія себѣ тамъ пристанище, поспѣшно кидаются въ воду и начинаютъ быстро плавать; затѣмъ, спустя нѣкоторое время, опускаются на дно, гдѣ ложатся на бокъ и въ такой позѣ остаются неподвижными въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Эти рыбешки живутъ въ жабрахъ моллюска до момента полнаго всосанія ихъ желточнаго мѣшка, и затѣмъ покидаютъ свое убѣжище, чтобы жить самостоятельно.

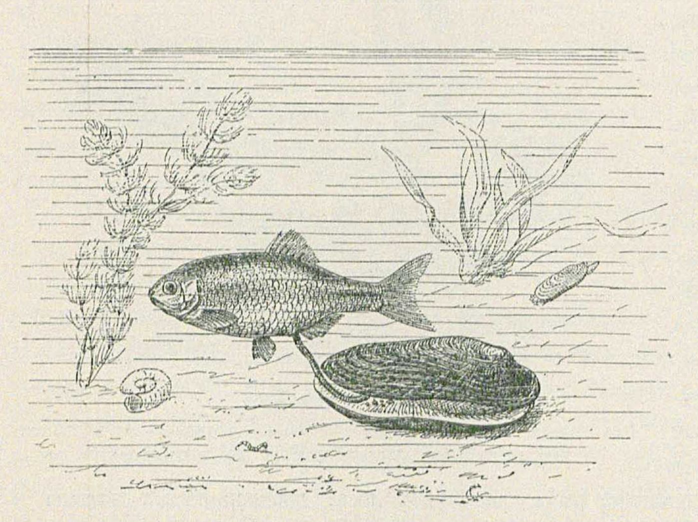


Рис. 10. **Своеобразный способъ отдаванія дѣтей на воспитаніе.**
Рыбка изъ рода пискарей, Rhodeus, опускаетъ свои яички въ жабры прѣсноводной ракушки.

«Способъ метанія икры, практикуемый этими маленькими рыбами, представляетъ нѣкоторыя любопытныя особенности, которыми прежде весьма интересовались натуралисты.

«У самки горчака неподалеку отъ заднепроходнаго отверстія появляется длинная красноватая трубка, нѣсколько суживающаяся къ концу; эта трубка, длина которой можетъ достигнуть нѣсколькихъ сантиметровъ, представляетъ собою не что иное, какъ продолженіе яйцепровода (рис. 10).

«Весною, съ наступленіемъ періода кладки яицъ, самка и ея самецъ, который сопровождаетъ ее повсюду, отправляются на поиски подходящихъ моллюсковъ. Найдя пригодный экземпляръ, самка какъ бы выпрямляется, принимаетъ вертикальную позу, держа голову книзу. Въ тотъ моментъ, когда яичко проникаетъ въ яйцепроводъ и расширяетъ его, самка опускаетъ конецъ трубки въ жабры моллюска, чтобы положить туда яичко; въ жабрахъ этого животнаго можно найти

весною нерѣдко около сорока такихъ яичекъ. Все время, пока длится эта операція, самецъ неотлучно находится при самкѣ и внимательно слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ.

«Когда періодъ метанія икры окончился, яйцепроводная трубка начинаетъ постепенно уменьшаться, превращаясь подъ конецъ въ обыкновенный, слегка выступающій впередъ сосочекъ.

«Врядъ ли нужно доказывать, что это временное пребываніе въ тѣлѣ чужого животнаго вызвано инстинктомъ сохраненія вида: юные горчаки живутъ въ безопасности и спокойно развиваются въ критическую пору своей жизни, роковую для множества другихъ молодыхъ рыбъ».

* * *

Описанные выше нравы ошибней и горчаковъ граничатъ съ паразитизмомъ; болѣе невинный характеръ носятъ коммensалистическія привычки рыбы - прилипала, реморы, или, какъ ее называли въ древности, эхенеиды (рис. 11).

Голова ея снабжена широкимъ овальной формы щиткомъ, составленнымъ изъ черепицевидныхъ пластинокъ, что придаетъ ей очень странный видъ. Въ прежнее время относительно этой рыбы ходили разныя легенды. Упомянемъ здѣсь только то, что въ свое время сообщалъ Плиній, чтобы показать, какъ мало заслуживаетъ этотъ изслѣдователь званія натуралиста, такъ часто пристегиваемаго къ его имени.

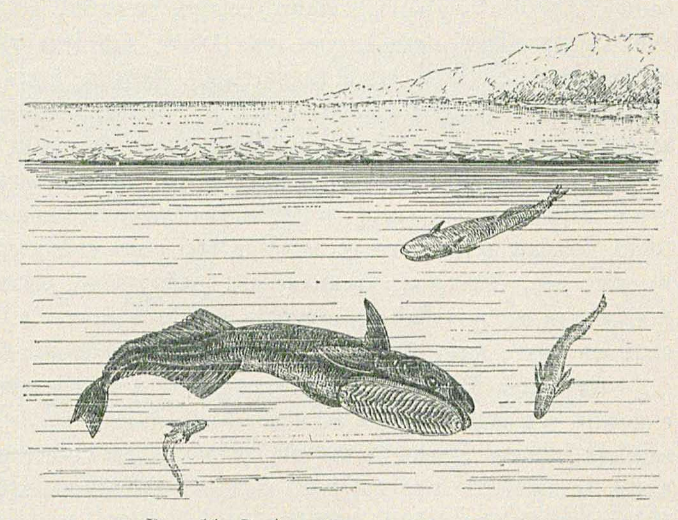


Рис. 11. Рыба-прилипало или эхенеида.
Голова ея украшена своеобразнымъ щиткомъ, съ помощью котораго она прилипаетъ къ акуламъ или къ кораблямъ.

«Эта маленькая рыба,—разсказываетъ онъ: — живетъ обыкновенно вблизи скалъ; полагаютъ, что она можетъ прилипать къ подводной части судна и этимъ задерживать его ходъ. Она одарена, кромѣ того, еще другой, болѣе удивительной, духовной силой; такъ, она можетъ останавливать дѣйствія правосудія и задерживать судопроизводство въ судебныхъ учрежденіяхъ. Далѣе, если сохранять ее въ соли, то достаточно бываетъ одного ея приближенія, чтобы исчезло со дна самыхъ глубокихъ колодцевъ золото, упавши когда-либо туда.

«Что могущественнѣе моря, вѣтровъ, вихрей и бурь? Какихъ болѣе могучихъ помощниковъ создалъ себѣ человѣкъ, помимо парусовъ и веселъ? Прибавьте къ этому необъяснимую мощь морскихъ приливовъ и отливовъ, превращающихъ

океанъ въ одну огромную рѣку. И что же? Всѣ эти могучія силы подвластны одной маленькой рыбкѣ, которая называется эхенеисъ. Какіе бы грозные вѣтры ни дули, какія бы ужасныя бури ни разыгрывались на морѣ, эта рыбка не страшится ихъ, потому что сильнѣе ихъ: она останавливаетъ посреди разбушевавшихся стихій суда, которыхъ никакая цѣпь, никакой якорь не могли бы удержать на мѣстѣ. Она, такимъ образомъ, налагаетъ узду на бушующія стихіи, укрощаетъ ихъ, и дѣлаетъ это безъ всякаго труда, безъ всякаго усилія, дѣйствуя исключительно своимъ чудодѣйственнымъ прилипаніемъ къ кораблю, который она мгновенно задерживаетъ на ходу, не давая ему возможности носиться долѣе по волѣ свирѣпыхъ вѣтровъ по бурнымъ волнамъ (рис. 11).

«Говорятъ, что судьба сраженія при Акціумѣ была рѣшена эхенеидой: она остановила въ критическій моментъ корабль Антонія, который объѣзжалъ эскадру, чтобы призывомъ къ новымъ усиліямъ ободрить своихъ людей; вслѣдствіе этой задержки, флотъ Цезаря получилъ перевѣсъ; приступивъ къ энергичной побѣдоносной аттакѣ, онъ наголову разбилъ своего противника. Въ болѣе близкое къ намъ время снова проявилась могучая сила, которой одарена эта рыба; такъ, она задержала корабль Кая въ то время, когда онъ со своимъ флотомъ возвращался изъ Андуры въ Анцій; всѣ суда продолжали двигаться, за исключеніемъ его собственной квинкверемы. Матросы, бросившіеся искать причину этой непонятной задержки, нашли вскорѣ виновницу происшествія: плотно присосавшись къ рулю, лежала эхенеида; ее сняли, принесли на палубу и показали вождю, который сильно негодовалъ, когда узналъ, что такое маленькое животное могло парализовать усилія четырехсотъ гребцовъ; эхенеида была брошена на бортъ корабля, и тогда сразу потеряла всю свою таинственную силу, что очень изумило Кая. Остановка, произведенная этой рыбкой, была дурнымъ предзнаменованіемъ, на которое Кай не обратилъ никакого вниманія: едва только онъ вступилъ въ Римъ, какъ тотчасъ былъ убитъ своими возмутившимися солдатами».

Изумленіе Кая было вполнѣ законно. Рыбы-прилипалы абсолютно не въ состояніи останавливать движенія кораблей; правда, ихъ часто находятъ на подводныхъ частяхъ судовъ, куда онѣ пристаютъ исключительно ради того, чтобы имѣть возможность перемѣщаться, не тратя собственныхъ силъ. Когда съ корабля выбрасывается что-нибудь съѣдобное, онѣ тотчасъ кидаются на добычу, пожираютъ ее и, сильно работая своими плавниками, поспѣшно возвращаются назадъ, чтобы занять свое прежнее мѣсто.

Прилипалы присосѣживаются также къ большимъ рыбамъ, въ особенности къ акуламъ, извлекая изъ этого тройную выгоду для себя: во-первыхъ, онѣ имѣютъ, такъ сказать, даровой проѣздъ; во-вторыхъ, онѣ находятся въ полной безопасности, такъ какъ акулы внушаютъ неимовѣрный страхъ почти всѣмъ обитателямъ морей; въ-третьихъ, имъ нерѣдко перепадаетъ кое-что съ обильнаго стола прожорливыхъ животныхъ.

Для характеристики прилипала отмѣтимъ еще одну любопытную особенность: нижняя часть тѣла у этой рыбки окрашена въ болѣе темный цвѣтъ, чѣмъ верхняя.

Находясь въ 1883 г. на борту «Талисмана», крейсировавшаго вдоль западныхъ береговъ Африки, я имѣлъ случай видѣть эхенеиду, пойманную вмѣстѣ съ акулой, къ брюху которой она присосалась. Меня поразила прежде всего странная окраска этого животнаго: у всѣхъ рыбъ, какъ извѣстно, верхняя, хребтовая часть тѣла окрашена несравненно болѣе интенсивно, чѣмъ нижняя, брюшная, которая обыкновенно бываетъ бѣлаго цвѣта. У этой эхенеиды распредѣленіе красокъ на тѣлѣ было какъ разъ обратное: животъ и бока были черные съ бѣлесоватымъ оттѣнкомъ, а спина была окрашена въ синевато-серебристый цвѣтъ, такъ что, глядя на эту странную рыбу, въ то время какъ она плаваетъ въ водѣ, можно съ перваго взгляда легко ошибиться, принявъ спину за животъ и обратно. Это необычное распредѣленіе красокъ можно объяснить особенностями строенія и своеобразными привычками эхенеиды. На головѣ у нея, какъ извѣстно, находится

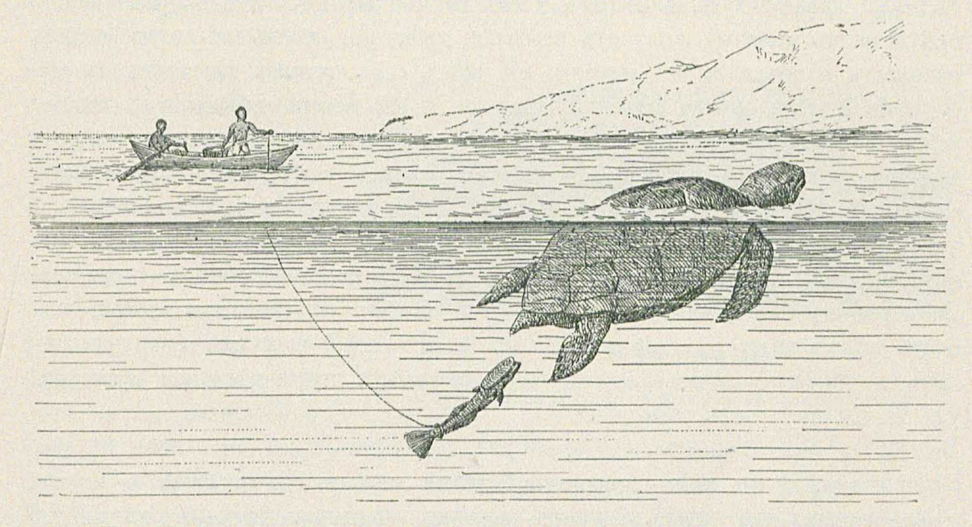


Рис. 12. **Остроумный способъ ловить черепахъ при помощи рыбъ-прилипалъ.**

большой щитокъ, съ помощью котораго она прилипаетъ къ различнымъ крупнымъ животнымъ, къ предметамъ, погруженнымъ въ воду, кораблямъ, лодкамъ и пр.

Верхняя часть туловища находится, такимъ образомъ, непосредственно подъ непрозрачнымъ предметомъ, внѣ сферы дѣйствія солнечнаго свѣта, и поэтому остается лишенной пигмента, тогда какъ брюхо и бока, ничѣмъ не защищенные отъ свѣтовыхъ лучей, пріобрѣтаютъ темную окраску.

Своимъ щиткомъ прилипалы держатся очень крѣпко за тотъ предметъ, за который они уцѣпились. Чтобы овладѣть животнымъ, нужно подталкивать его впередъ; если же тянуть его назадъ, то оно еще сильнѣе прилипаетъ. Выпущенная на свободу, рыба начинаетъ быстро плавать, пуская въ ходъ свой хвостовый плавникъ, и при этомъ лежитъ въ водѣ брюхомъ вверхъ.

Прилипалы употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для ловли черепахъ. Какъ передаетъ Коммерсонъ, для этой цѣли къ хвосту рыбы прикрѣпляется кольцо, настолько широкое, чтобы оно свободно прилегало къ тѣлу, не производя

на него никакого давленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько узкое, чтобы оно не могло пройти черезъ хвостовый плавникъ. Къ кольцу привязывается длинная бечевка. Рыбу опускаютъ въ сосудъ, наполненный соленой водой, которую часто освѣжаютъ. Взявъ съ собою этотъ сосудъ въ свою лодку, рыбаки отправляются на ловлю, держа путь къ тѣмъ мѣстамъ, которыя чаще всего посѣщаются морскими черепахами. Эти черепахи имѣютъ привычку спать на поверхности воды, въ которой плаваютъ; но сонъ ихъ отличается такой необыкновенной чуткостью, что подкрасться къ нимъ на лодкѣ нѣтъ никакой возможности: какъ бы осторожно и тихо ни двигался челнокъ, спящая черепаха во-время услышитъ подозрительный шумъ, проснется и моментально скроется изъ виду, нырнувъ въ воду. Поэтому, рыбаки, чтобы поймать осторожное животное, пускаются на слѣдующую хитрость: завидѣвъ издали спящую черепаху, они бросаютъ въ море эхенеиду, привязанную на бечевкѣ, длина которой соразмѣряется съ разстояніемъ отдѣляющимъ рыбачью лодку отъ черепахи; животное, попавъ въ свою стихію, начинаетъ метаться во всѣ стороны, изо всѣхъ силъ пытаясь вырваться на свободу. Но бечевка крѣпко держитъ плѣнницу, и она вскорѣ убѣждается, что ея усилія напрасны, ей не вырваться изъ неволи. Описавъ нѣсколько разъ въ водѣ широкій кругъ, радіусомъ котораго является бечевка, а центромъ — лодка, она, утомившись бурными стремительными движеніями, произведенными въ водѣ, начинаетъ искать какой-нибудь предметъ, къ которому могла бы пристать, и, значитъ, немного отдохнуть. Ей долго искать не приходится: ея вниманіе скоро привлекается черепахой, мирно покачивающейся на волнахъ. Подплывъ къ ней, эхенеида крѣпко хватается своимъ щиткомъ за ея твердый нагрудникъ,— и черепаха точно на удочку попалась—ее тащутъ на бечевкѣ, и спустя нѣкоторое время она уже бьется въ рукахъ рыбаковъ

* * *

Акулы, кромѣ рыбы - прилипала, имѣютъ еще другого спутника, — именно рыбу - лоцмана или пилота. Согласно древнимъ легендамъ, эта рыба исполняетъ при акулахъ обязанности кормчаго. Но гораздо болѣе правдоподобнымъ является предположеніе, что лоцманъ ведетъ компанію съ акулой изъ-за личной выгоды, пользуясь остатками пищи, которые она бросаетъ, не будучи въ состояніи одолѣть всю массу захваченной добычи. Извѣстный натуралистъ Жоффруа защищаетъ мнѣніе древнихъ; въ одномъ изъ своихъ сочиненій, посвященномъ описанію естественной привязанности животныхъ другъ къ другу, онъ утверждаетъ, что лоцманъ дѣйствительно служитъ акуламъ въ качествѣ проводника. Жоффруа замѣтилъ однажды съ палубы акулу, которая плыла неподалеку отъ кормы въ сопровожденіи двухъ лоцмановъ; лоцманы нѣсколько разъ обгоняли корабль, подыскивая добычу, но, не найдя ничего подходящаго, повернули назадъ, стараясь увлечь акулу въ другую сторону. Въ это время матросъ забросилъ крюкъ, покрытый саломъ. Рыбы были уже далеко; но лоцманы, услышавъ шумъ, произведенный паденіемъ приманки, немедленно вернулись, обнюхали добычу, и затѣмъ направились къ акулѣ, которая беззаботно рѣзвилась въ сторонѣ. Лоцманы привели ее какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ находилось сало; этимъ они оказали акулѣ

плохую услугу,—потому что она была убита гарпунщикомъ. Затѣмъ, спустя два часа, былъ пойманъ одинъ изъ лоцмановъ, которые попрежнему продолжали плыть за кораблемъ.

Аналогичныя наблюденія были сдѣланы другими лицами. Майеръ говоритъ, что лоцманъ плаваетъ обыкновенно впереди акулы, скрываясь подъ однимъ изъ грудныхъ плавниковъ; изъ этого прикрытія онъ выходитъ по мѣрѣ надобности, рѣзкимъ движеніемъ поворачиваясь то вправо, то влѣво, чтобы затѣмъ снова вернуться къ своей покровительницѣ. (Рис. 13).

Однажды съ борта корабля, на которомъ находился Майеръ, была брошена приманка. Акула въ сопровожденіи лоцмана плыла вслѣдъ за кораблемъ на разстояніи приблизительно сорока метровъ. Лоцманъ стрѣлою бросился къ приманкѣ, оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, посмаковалъ и вернулся съ донесеніемъ къ акулѣ; онъ сталъ кружиться около нея, всѣми силами, повидимому, стараясь обратить ея вниманіе на выставленную ловушку. Въ такихъ случаяхъ лучшіе друзья становятся предателями, невольно, конечно. Общеизвѣстный фактъ, — многіе, заслуживающіе довѣрія наблюдатели подтверждаютъ его, — что въ теплыхъ моряхъ крупныя акулы, въ особенности изъ породъ голубыхъ, всегда находятся въ обществѣ лоцмановъ, сопровождающихъ ихъ повсюду. Повидимому, тутъ мы имѣемъ дѣло съ случаемъ комменсализма проявляющагося довольно своеобразно. Утверждаютъ, правда, что между этими рыбами существуютъ болѣе тѣсныя дружественныя связи, что акула явно беретъ подъ свою могучую защиту слабаго лоцмана: вблизи своего страшнаго патрона ему нечего бояться, и, дѣйствительно, на лоцмана, рыбу сравнительно мелкую и слабосильную, никто никакихъ нападеній не дѣлаетъ. Однако, эти утвержденія кажутся нѣсколько рискованными; гораздо болѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что лоцманъ держится вблизи акулы не потому, что она его защищаетъ отъ нападеній, а потому, что онъ извлекаетъ изъ этого сосѣдства матеріальную выгоду: во-первыхъ, онъ подхватываетъ куски, которые бросаетъ акула, во-вторыхъ, онъ питается ракушками-кристацеями, которыя, какъ паразиты, во множествѣ живутъ на поверхности тѣла огромнаго животнаго. (Бремъ).

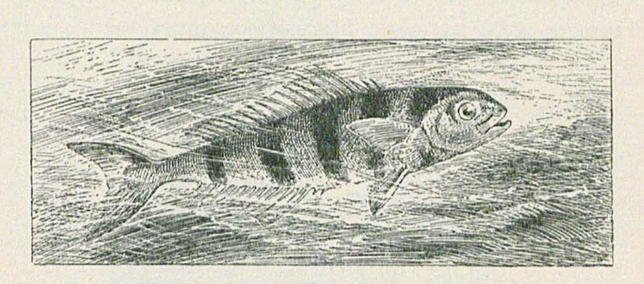


Рис. 13. **Рыба-лоцманъ.**
Сопровождаетъ акулу въ ея странствованіяхъ по океану, скорѣе въ качествѣ приживалки, чѣмъ въ качествѣ компаньонки.

Что касается акулы, то и она, по всей вѣроятности, извлекаетъ какія-нибудь выгоды отъ этого сосѣдства, потому что—какъ же иначе объяснить, что это прожорливое животное, которое такъ неразборчиво въ выборѣ своей пищи, щадитъ лоцмана, постоянно мелькающаго у него передъ глазами?

Чтобы закончить описаніе случаевъ комменсализма, извѣстныхъ въ царствѣ

рыбъ, упомянемъ еще о такихъ представителяхъ его, какъ Sphagebranchus imberbis, живущій въ жаберномъ мѣшкѣ лягвы (морского чорта), Gobius fluviatilis, который иногда кладетъ яйца въ жаберныхъ камерахъ различныхъ моллюсковъ, Anodonta Compalanata и Fierasfer Homei, которыя живутъ въ углубленіяхъ тѣла морской звѣзды, Culcita discoïdea и Fierasfer dubius, которыхъ нѣсколько разъ находили въ створкахъ жемчужной раковины.

Всѣ эти случаи очень интересны, но нуждаются еще въ провѣркѣ.

* * *

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію категоріи блюдолизовъ въ другихъ областяхъ животнаго царства. Кто не знаетъ такъ-называемаго діогенова отшельника, того страннаго ракообразнаго животнаго, брюхо котораго покоится въ раковинахъ моллюсковъ? (Рис. 14).

Въ домѣ этого животнаго всегда можно найти толпу прихлебателей, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ видамъ животнаго царства. Укажемъ прежде всего на очень простой организмъ, на колючую гидрактинію: она никогда не встрѣчается въ пустыхъ раковинахъ, или въ такихъ, гдѣ живутъ еще молюски; присутствіе отшельника ей необходимо. Разсматриваемая простымъ глазомъ, гидроктинія представляетъ собою бѣловато-сѣрую массу, образующую кору на раковинѣ, именно на послѣднемъ оборотѣ ея спирали, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится отверстіе, через которое отшельникъ входитъ и выходитъ. Эта твердая кора продолжается дальше, образуя вѣнчикъ, возвышающійся надъ отверстіемъ. На корѣ постоянно находится много различныхъ полиповъ, которые опускаются другъ на друга и смѣшиваются въ кучу, когда животное вытаскиваютъ изъ воды.

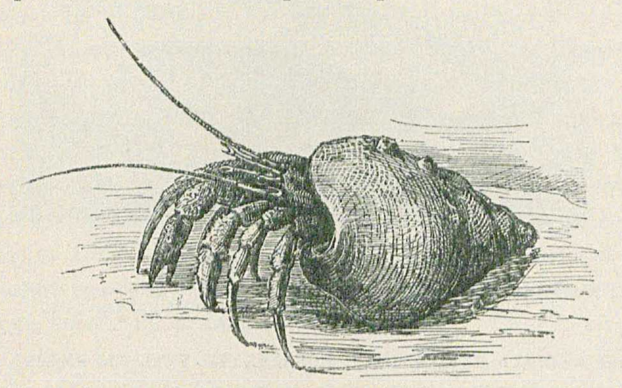


Рис. 14. **Діогеновъ отшельникъ.**
Философъ, который плетется кое-какъ и даетъ пристанище многимъ прихлебателямъ.

Чтобы разсмотрѣть ихъ, какъ слѣдуетъ, нужно опустить раковину въ воду и вооружиться лупой, тогда передъ нами развертывается очень интересная картина. (Рис. 15).

Гидрактинія не есть отдѣльное животное, а представляетъ собою колонію животныхъ, которыя оказываютъ другъ другу взаимныя услуги.

Кора изрѣзана многочисленными каналами, благодаря которымъ животныя имѣютъ возможность поддерживать сношенія другъ съ другомъ. Мѣстами кора поднимается, образуя иглы, служащія, повидимому, для защиты. Среди этихъ иглъ возвышаются маленькія тѣльца, собственно полипы, формы которыхъ и исполняемыя ими функціи весьма разнообразны. Одни изъ нихъ подымаются надъ

корою и, мало-по-малу увеличивая ея діаметръ, непосредственно примыкаютъ къ небольшому отверстію — ко рту. Ротъ соединенъ съ обширнымъ желудкомъ, который въ своей нижней части сообщается съ каналами коры. Роль полиповъ, очевидно, заключается въ томъ, чтобы кормить всю колонію: щупальцы даютъ имъ возможность схватывать маленькую добычу, ротъ разжевываетъ ее, желудокъ перевариваетъ, а каналы разносятъ питательные матеріалы по всей колоніи.

На самомъ краю раковины расположились по спиральной линіи полипы странной формы. Эти полипы имѣютъ очень удлиненное тѣло, лишены рта и снабжены толстыми колючими капсюлями; они перемѣщаются то впередъ, то назадъ, то вправо, то влѣво.

Повидимому, нельзя сомнѣваться въ томъ, что эти полипы являются защитниками всей колоніи: ихъ безпрестанныя движенія, съ одной стороны, и ихъ вооруженіе съ другой—показываютъ, что они исполняютъ роль общественной стражи, всегда готовой дать отпоръ врагу.

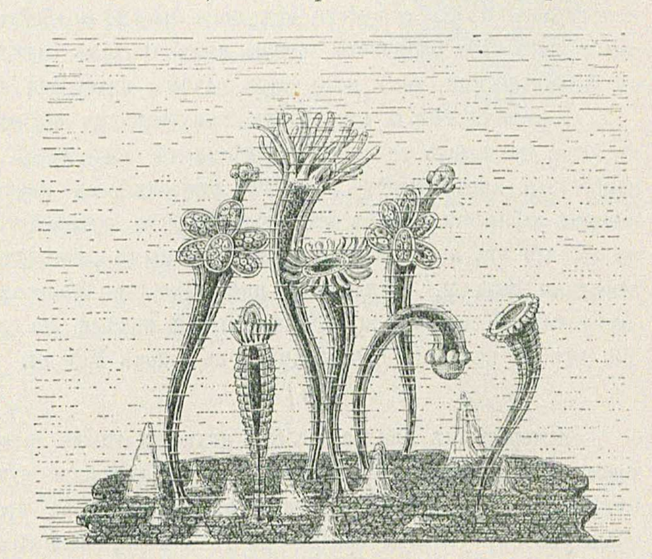


Рис. 15. Гидрактинія.
Счастливая семья, гдѣ каждый членъ имѣетъ свои обязанности и добросовѣстно исполняетъ ихъ для общаго блага, хотя и старается придать себѣ привлекательный видъ, подражая въ своей внѣшности экзотическимъ растеніямъ.

Наконецъ, есть еще одна группа полиповъ; она разсѣяна среди той, которая занимается добываніемъ пищи. Точно такъ же, какъ и только-что описанные полипы-стражники, представители этой группы не имѣютъ рта, но рѣзко отличаются отъ нихъ по своему строенію: у нихъ имѣются вмѣстительные мѣшки въ средней части тѣла: это полипы-воспроизводители. Пузырьки, которыми они обладаютъ, въ извѣстное время начинаютъ лопаться, выпуская на свободу нѣсколько маленькихъ личинокъ; эти послѣднія тотчасъ принимаются плавать въ водѣ, затѣмъ опускаются на какую-нибудь раковину и, прочно укрѣпившись на ней, основываютъ новую колонію.

Колонію гидрактиній, — замѣчаетъ Эдмондъ Перрье: — можно представить себѣ, какъ своего рода городъ, обитатели котораго, распредѣливъ между собою всѣ налагаемыя обществомъ обязанности, исполняютъ ихъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Одни изъ нихъ настоящіе провіантскіе чиновники: они заботятся о доставленіи пищи всей колоніи, они же и занимаются перевариваніемъ этой пищи, которая затѣмъ распредѣляется между всѣми согражданами.

Другіе берутъ на себя обязанности по охранѣ общества, активно защищаютъ его въ случаѣ нужды или же предупреждаютъ его о грозящей опасности; это—солдаты колоніи. Наконецъ, третьи взяли на себя функцію сохраненія вида, т. е. функцію размноженія, состоящую въ данномъ случаѣ въ воспроизведеніи разнополыхъ личинокъ.

Единственная выгода, которую извлекаетъ колонія гидрактиній отъ сосѣдства съ отшельникомъ, состоитъ въ томъ, что она получаетъ возможность безпрепятственно передвигаться, и такимъ образомъ становится въ болѣе благопріятныя условія по пріисканію пищи. Что касается отшельника, то онъ, вѣроятно, весьма доволенъ, что на порогѣ его жилища постоянно находится вѣрная, бдительная стража, но въ сущности онъ могъ бы смѣло обойтись безъ нея: отшельники чувствуютъ себя одинаково хорошо какъ въ томъ случаѣ, когда живутъ вмѣстѣ съ гидрактиніями, такъ и въ томъ случаѣ, когда они лишены ихъ общества.

Взаимная польза для обоихъ живущихъ въ тѣсномъ сосѣдствѣ видовъ тутъ не ясна; не видать ея и въ совмѣстномъ жительствѣ ракообразнаго животнаго, извѣстнаго подъ именемъ Pagurus prideauxii, съ морской анемоной *адамсіей*, которая избираетъ своимъ мѣстопребываніемъ раковину этого животнаго. Несмотря на то, что эта анемона отличается огромными размѣрами, Pagurus носитъ ее повсюду на себѣ и, повидимому, нисколько не безпокоится присутствіемъ своей корпулентной сосѣдки, щупальцы которой похожи на волосы плачущей Венеры или вѣрнѣе на змѣй, копошащихся на головѣ Медузы.

*

Интереснымъ прихлебателемъ является также древесная тля, насѣкомое, которое живетъ въ муравейникахъ. Муравьи всячески ухаживаютъ за нимъ, кормятъ, берегутъ, взамѣнъ чего они отъ времени до времени «доятъ» его, т. е. щекочутъ ему усиками брюшко до тѣхъ поръ, пока онъ не выпуститъ изъ себя каплю сладкой жидкости, до которой муравьи очень лакомы.

*

Въ съѣдобныхъ ракушкахъ и другихъ моллюскахъ часто встрѣчается маленькій ракъ, ракъ-горошекъ; что онъ тутъ дѣлаетъ, — не выяснено въ точности. Раньше предполагали, что онъ, замѣчая надвигающуюся опасность, щиплетъ ракушку и этимъ заставляетъ ее захлопывать свои створки, но ничего такого на самомъ дѣлѣ нѣтъ; ракъ-горошекъ поселился, кажется, здѣсь для того только, чтобы самымъ безцеремоннымъ образомъ захватывать ту пищу, которой могла бы воспользоваться ракушка.

*

Бываютъ случаи, однако, когда одно животное дѣйствительно оказываетъ услуги другому, на счетъ котораго живетъ. Характернымъ представителемъ этого типа животныхъ является клещъ (рис. 16). Это насѣкомое, по примѣру многихъ паразитовъ, живетъ въ шерсти млекопитающихъ или въ перьяхъ птицъ. Но, въ противоположность паразитамъ, клещъ не имѣетъ жала, съ помощью котораго могъ бы сосать кровь изъ животнаго.

Клещъ питается кусочками шелушащейся кожи да грязью, которая находится на шерсти и перьяхъ. Это насѣкомое играетъ, слѣдовательно, одновременно роль санитара и куафера, стараясь держать въ чистотѣ тѣло пріютившаго его животнаго.

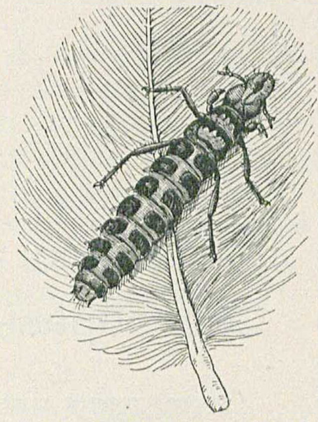


Рис. 16. Клещъ бѣлаго кобца. Парикмахеръ млекопитающихъ и птицъ.

Тутъ взаимность услугъ очевидна. Не всегда, однако, ее удается въ точности выяснить. Часто случается, что видишь въ данномъ животномъ паразита, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оказывается, что имѣешь дѣло съ безобиднымъ сосѣдомъ, и наоборотъ. За примѣромъ не надо далеко ходить. Въ раковинѣ, гдѣ живетъ описанный выше отшельникъ, нашелъ себѣ убѣжище, между прочимъ, одинъ червь, nereilepas. До сихъ поръ полагали, что этотъ червь, живя вмѣстѣ съ ракообразнымъ животнымъ, оказываетъ этому послѣднему извѣстныя услуги, напр., уничтожаетъ выдѣляемые имъ экскременты. Но въ дѣйствительности ничего подобнаго не наблюдается; на основаніи своихъ личныхъ наблюденій я пришелъ къ заключенію, что этотъ червь съ безпримѣрной наглостью отымаетъ добычу у своего патрона, захватывая лучшіе куски себѣ.

ГЛАВА II.

Своеобразные хвостовые придатки.

Создавая живыя существа, природа не очень щедро награждаетъ ихъ своими дарами: каждый органъ, которымъ она ихъ снабжаетъ, обыкновенно имѣетъ какое-нибудь опредѣленное полезное назначеніе. Принципы этой экономіи выступаютъ особенно ярко въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ вліяніемъ измѣнившихся внѣшнихъ условій природа бываетъ вынуждена создать новый аппаратъ: она тогда предпочитаетъ приспособить для этого какой-нибудь существующій органъ, имѣющій второстепенное значеніе, чѣмъ вызвать къ жизни новый.

Отъ времени до времени, однако, та же самая природа, такая экономная въ производствѣ полезныхъ приспособленій, расточаетъ свои творческія силы на созданіе органовъ безполезныхъ, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, польза которыхъ, по нашему мнѣнію, весьма не велика.

Къ числу такихъ органовъ относится хвостъ, которымъ снабжены очень многія млекопитающія; въ девяти случаяхъ изъ десяти онъ ни къ чему не пригоденъ, такъ какъ, повидимому, часто никакихъ услугъ животному не оказываетъ; можетъ-быть, онъ и обладаетъ какими-нибудь скрытыми достоинствами, но мы объ нихъ ничего не знаемъ. Во многихъ случаяхъ, правда, этотъ органъ весьма подвиженъ и служитъ животному въ качествѣ метлы, съ помощью которой оно отгоняетъ мухъ, безпокоящихъ его.

Такъ именно пользуются своимъ хвостомъ, какъ извѣстно, многія домашнія животныя—быки, лошади, ослы. Трудно, однако, предположить, чтобы исключительно для этой, нѣсколько фривольной, цѣли былъ созданъ хвостъ, органъ довольно солидный по своимъ размѣрамъ. Очень длинный хвостъ, какъ кажется, бываетъ полезенъ животному въ томъ отношеніи, что помогаетъ ему сохранять равновѣсіе. Кошка, которой отрѣзали хвостъ, не можетъ уже съ такой же легкостью, увѣренностью и смѣлостью карабкаться по водосточнымъ трубамъ или бѣгать по карнизамъ крышъ, какъ ея товарищи, сохранившіе въ неприкосновенности свой хвостовый придатокъ; этотъ послѣдній играетъ роль шеста, которымъ балансируетъ акробатъ, шагающій по натянутому канату; поворачивая свой хвостъ то вправо, то влѣво, животное перемѣщаетъ центръ тяжести своего тѣла въ ту или

другую сторону, и такимъ образомъ сохраняетъ равновѣсіе. Лазящія животныя обладаютъ вообще болѣе развитымъ и пушистымъ хвостомъ (напр., бѣлка), чѣмъ тѣ животныя, которыя, не отличаясь способностью къ лазанью, могутъ только бѣгать по землѣ (напр., заяцъ).

Во всѣхъ приведенныхъ выше случаяхъ польза отъ хвоста не совсѣмъ очевидна. Существуютъ, однако, животныя,—правда, число ихъ относительно весьма ограничено, которымъ хвостъ несомнѣнно полезенъ: пользованіе имъ такъ своеобразно, что его дѣйствительно можно было бы принять за новый органъ. Американскія обезьяны, напр., имѣютъ «хватательный» хвостъ; отличаясь большой гибкостью, этотъ хвостъ можетъ обвиваться вокругъ вѣтки, такъ что обладательницы его имѣютъ возможность свободно висѣть въ воздухѣ (рис. 17), балансировать, выкидывать разныя акробатическія штуки и пр. Сильно раскачавшись, онѣ, если хотятъ сдѣлать очень большой прыжокъ, срываются съ мѣста и такимъ образомъ сразу перелетаютъ на значительное разстояніе, точно камень, выпущенный изъ пращи. Обезьяны, какъ извѣстно, прыгаютъ съ дерева на дерево; обладаніе хватательнымъ хвостомъ увеличиваетъ ихъ шансы удачно ухватиться за вѣтви и не упасть на землю; гибкій и крѣпкій хвостъ является, такимъ образомъ, большой подмогой для животныхъ, такъ что его по справедливости можно было бы назвать ихъ пятой рукой. Благодаря обладанію такимъ хвостомъ, обезьяны могутъ предаваться самымъ разнообразнымъ забавамъ; такъ, напр., можно часто видѣть слѣдующую картину въ лѣсу: одна обезьяна цѣпляется хвостомъ за самую высокую вѣтку дерева; за эту обезьяну хватается другая, третья и т. д., и вскорѣ между верхушкой дерева и землею образуется живая лѣстница изъ рѣзвящихся животныхъ. Въ другихъ случаяхъ онѣ сплетаются между собою такимъ образомъ, что составляютъ горизонтальную цѣпь, протянутую между двумя деревьями; животныя кувыркаются, производятъ всевозможныя акробатическія фокусы и при первомъ подозрительномъ шумѣ разбѣгаются во всѣ стороны.

Рис. 17. **Обезьяна съ хватательнымъ хвостомъ.**

Ловкій гимнастъ, производящій акробатическія упражненія съ помощью своихъ пяти рукъ.

*

Хватательными хвостами обладаютъ также нѣкоторыя животныя, которыя не имѣютъ ничего общаго съ видомъ обезьянъ, какъ, напр., цѣпкохвостъ, двуутробка-опоссумъ, которыя по цѣлымъ часамъ висятъ на своемъ хвостѣ, молодые кенгуру-филандеры. Послѣдніе цѣпляются кончиками своихъ хвостовыхъ придатковъ за хвостъ матери, чтобы удержаться на ея спинѣ (рис. 18). Къ этой же группѣ относятся такія животныя, какъ лисій кускусъ, который шагу не дѣлаетъ, пока не найдетъ точку опоры съ помощью своего хвоста; затѣмъ граціозная

мышка-карликъ, извѣстная, между прочимъ, тѣмъ, что устраиваетъ очень красивыя сферическія норки, и др.

* * *

Къ серіи своеобразныхъ хвостовъ принадлежитъ также хвостъ льва. Въ числѣ французскихъ метафорическихъ выраженій, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ образу жизни и привычкамъ льва, находится, между прочимъ, слѣдующее: se battre les flancs, что значитъ дословно—бить себя по бедрамъ. Когда говорятъ: «этотъ человѣкъ бьетъ себя по бедрамъ», то этимъ хотятъ сказать, что онъ возбуждаетъ себя искусственными средствами для того, чтобы сдѣлать что-нибудь такое, что расходится съ его вкусами, желаніями, привычками. Чтобы понять происхожденіе этого выраженія, нужно имѣть въ виду, что гнѣвъ въ тѣхъ

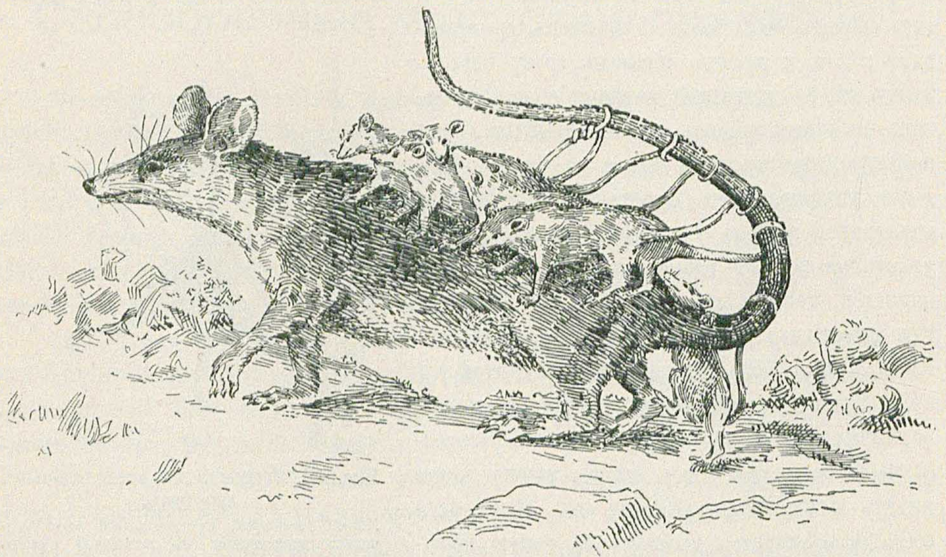


Рис. 18. **Кенгуру-филандеръ со своимъ многочисленнымъ потомствомъ.**
Мать семейства, которая нашла остроумный способъ играть въ лошадки со своими ребятишками.

случаяхъ, когда онъ не сопровождается страхомъ, въ первыя мгновенья обнаруживается жестами нетерпѣнія, что наблюдается какъ у животныхъ, такъ и у человѣка. Левъ, когда раздражается, начинаетъ хлестать себя хвостомъ по бедрамъ, и чѣмъ раздраженіе сильнѣе, тѣмъ быстрѣе летаетъ хвостъ изъ стороны въ сторону, и тѣмъ съ большей силой наноситъ онъ удары. Но люди, повидимому, приняли слѣдствіе за причину: они рѣшили, что левъ, которому нанесено оскорбленіе, долженъ возбуждать себя физической болью для того, чтобы преодолѣть свою инертность, и, доведя себя до «бѣлаго каленія», яростно обрушиться на оскорбителя. Образъ льва, бьющаго себя хвостомъ по бедрамъ, встрѣчается уже у Гомера, который, можетъ-быть, заимствовалъ его у болѣе древнихъ поэтовъ; Луканій, говоря объ ударахъ, которые наноситъ себѣ левъ въ минуты раздраженья, первый далъ объясненіе этому явленію въ указанномъ выше смыслѣ. Плиній серьезно повѣрилъ этому объясненію; оно впослѣдствіи повторялось многими другими писа-

телями, которые пользовались обширнымъ компилятивнымъ трудомъ «перваго естествоиспытателя» для составленія своихъ сочиненій. Впослѣдствіи открытіе, сдѣланное Дидимомъ александрійскимъ, однимъ изъ первыхъ комментаторовъ «Иліады», дало этому объясненію нѣкоторую основу, сдѣлало его нѣсколько болѣе правдоподобнымъ: Дидимъ нашелъ, что на кончикѣ львинаго хвоста подъ шерстью находится роговидное тѣло, нѣчто въ родѣ заостреннаго когтя, и пришелъ къ заключенію, что въ тѣ моменты, когда левъ неистово хлещетъ себя хвостомъ по бедрамъ, этотъ коготь, наподобіе шпоры, впивается въ тѣло животнаго и, причиняя ему сильную боль, доводитъ его до безумной ярости. Натуралисты нашего времени совершенно игнорировали наблюденіе Дидима и не считали даже нужнымъ опровергать его, пока, наконецъ, Блуменбахъ случайно не открылъ, что старый комментаторъ былъ правъ. Затѣмъ, то же самое повторилъ впослѣдствіи Дегэй, который нашелъ роговидныя образованія въ хвостахъ льва и львицы, околѣвшихъ въ звѣринцѣ парижскаго музея. Хвостовый коготь чрезвычайно малъ: онъ имѣетъ въ длину не болѣе трехъ линій и такъ слабо прикрѣпленъ къ кожѣ, что легко слущивается; поэтому хвостовые когти обыкновенно не встрѣчаются на чучелахъ львовъ, которыя сохраняются въ музеяхъ. (Бремъ).

Но для чего собственно можетъ служить этотъ коготь, находящійся на кончикѣ хвоста?

* * *

Чтобы приносить пользу животному, хвостъ не долженъ непремѣнно быть очень гибкимъ и подвижнымъ; онъ можетъ быть очень полезенъ, оставаясь въ покоѣ, какъ, напр., у кенгуру, которые въ своемъ хвостѣ находятъ весьма существенную точку опоры. Этотъ хвостъ, впрочемъ, болѣе длиненъ и мясистъ, чѣмъ у всѣхъ прочихъ млекопитающихъ той же величины, и снабженъ крѣпкими, сильно развитыми мышцами.

Кенгуру, отыскивая пищу для себя, передвигается съ мѣста на мѣсто тяжелыми, неуклюжими скачками; животное ставитъ заднія лапы возлѣ переднихъ и даже между этими послѣдними, опираясь въ то же время на хвостъ; но эта поза очень утомительна, и долго оставаться въ ней кенгуру не въ состояніи.

Рис. 19. Вотъ хвостъ, который приноситъ большую пользу животнымъ. Опираясь на этотъ хвостъ, кенгуру принимаетъ видъ треножника.

Чтобы срывать растенія, употребляемыя имъ въ пищу, животное садится на хвостъ и заднія лапы (рис. 19), поднявъ вверхъ свои передніе члены; какъ только ему удастся захватить что-нибудь съѣдобное, кенгуру снова принимаетъ свою естественную позу и начинаетъ ѣсть. Тѣло животнаго въ томъ видѣ, въ какомъ оно изображено на рис. 19, имѣетъ такой видъ, какъ будто оно покоится на треножникѣ, составленномъ изъ двухъ

заднихъ лапъ и хвоста. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ животное можно видѣть стоящимъ на трехъ лапахъ и на хвостѣ; это положеніе оно принимаетъ только тогда, когда ему приходится шарить въ землѣ одной изъ переднихъ лапъ.

Наѣвшись до-сыта, кенгуру ложится на землю, вытянувъ заднія ноги; а захочется ему снова ѣсть, животное, оставаясь въ лежачемъ положеніи, слегка подымается и опирается на свои короткія переднія лапы. Собираясь уснуть, кенгуру, принадлежащіе къ низкорослымъ видамъ, принимаютъ ту же позу, что и зайцы на ночлегѣ: они садятся на всѣ четыре лапы и откидываютъ хвостъ назадъ; такое положеніе даетъ имъ возможность быстро обратиться въ бѣгство. При малѣйшемъ шумѣ кенгуру встаетъ (особой бдительностью отличаются взрослые самцы), становится на заднія лапы, вытягивается, подозрительно озирается вокругъ и, замѣтивъ опасность, тотчасъ стремительно убѣгаетъ въ babyприпрыжку. Кенгуру скачетъ только на заднихъ лапахъ и дѣлаетъ такіе прыжки, какіе ни одно животное не въ состояніи сдѣлать. Чтобы прыгнуть, кенгуру прижимаетъ свои переднія ноги къ груди, вытягиваетъ хвостъ къ заду, присѣдаетъ, затѣмъ, пуская въ ходъ силу своихъ бедерныхъ мускуловъ, рѣзкимъ движеніемъ вытягиваетъ заднія лапы, длинныя и тощія, и летитъ стрѣлою, описывая кривую по воздуху. Нѣкоторые, совершая прыжки, держатся въ горизонтальномъ положеніи, другіе въ наклонномъ, обыкновенно опуская уши книзу. Чувствуя себя въ безопасности, кенгуру дѣлаетъ прыжки длиною въ 3—4 арш., но если животное напугано, то его прыжки становятся въ два-три раза больше. При такомъ способѣ передвиженія, правая нога нѣсколько опережаетъ лѣвую. При каждомъ прыжкѣ животное подымаетъ и опускаетъ свой хвостъ и производитъ это движеніе тѣмъ съ большей стремительностью, чѣмъ сильнѣе оно испугано. Чтобы измѣнить направленіе своего бѣга, кенгуру производитъ два-три маленькихъ прыжка; хвостъ, повидимому, въ данномъ случаѣ не служитъ животному въ качествѣ руля. (Бремъ).

У другихъ животныхъ, родственныхъ виду кенгуру, наблюдаются въ болѣе или менѣе ясно выраженной формѣ аналогичные по своему строенію хвосты.

*

Довольно оригинальнымъ хвостомъ обладаетъ также бобръ; по формѣ этотъ хвостъ напоминаетъ палитру, покрытую чешуйками. Въ виду этой формы, въ прежнее время полагали, что животное пользуется своимъ хвостомъ, какъ лопаткой, для постройки своего жилья; на этомъ основаніи создалось даже ходячее народное изреченіе, что бобръ строитъ хвостомъ. Теперь въ точности извѣстно, что бобръ пользуется своимъ хвостомъ главнымъ образомъ для плаванія; животное садится на него иногда въ томъ случаѣ, когда грызетъ стволъ какого-нибудь дерева.

*

Выхухоли, мыши, крысы имѣютъ длинный гибкій, кольчатый хвостъ, скудно покрытый волосами, что придаетъ имъ нѣкоторымъ образомъ видъ змѣи или червя. Для чего собственно этимъ животнымъ нуженъ хвостъ, неизвѣстно; можно только предполагать, что онъ замѣняетъ имъ руль въ то время, когда они плаваютъ, или же помогаетъ имъ сохранять равновѣсіе. Если вѣрить Романесу,

крысы дѣлаютъ изъ своего хвоста своеобразное употребленіе; цитируя относящіеся сюда факты, сообщаемые знаменитымъ натуралистомъ, мы оставляемъ достовѣрность ихъ на его отвѣтственности.

Было замѣчено, какъ сообщаетъ Уатсонъ, что крысы, желая воспользоваться масломъ, которое находилось въ бутылкѣ съ узкимъ горлышкомъ, поступали слѣдующимъ образомъ: найдя вблизи бутылки удобное мѣстечко, дававшее ей твердую точку опоры, одна изъ крысъ опускала въ горлышко свой хвостъ и, прождавъ нѣкоторое время, пока онъ не напитается масломъ, вынимала его и

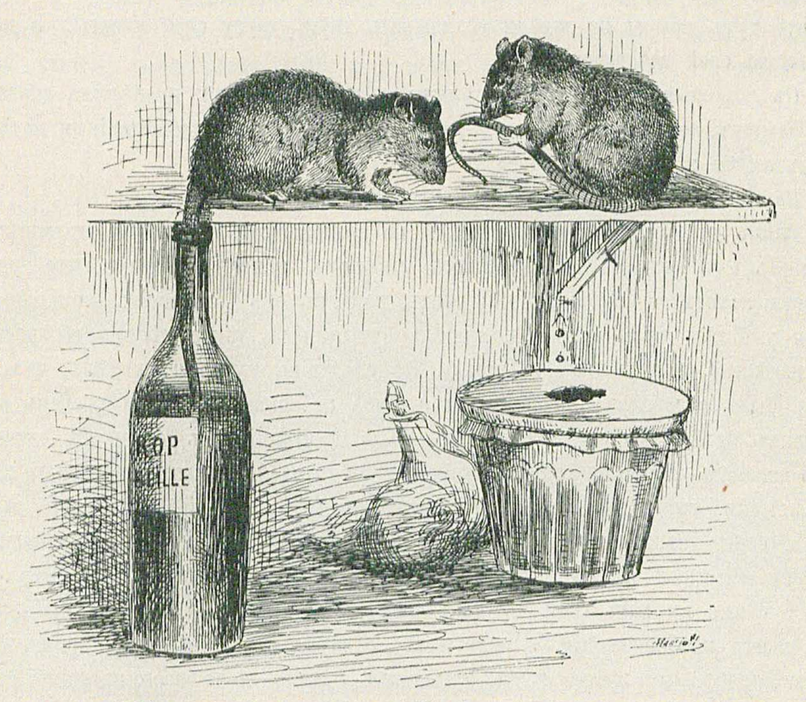


Рис. 20. **Какъ крысы лакомятся смородиннымъ сиропомъ и вареньемъ.**
Это доказываетъ, что при наличности извѣстной доли хитрости можно всегда найти выходъ изъ затруднительнаго положенія и добиться своего.

давала его облизывать своей подругѣ. Такой поступокъ обнаруживаетъ нѣчто большее, чѣмъ проявленіе инстинкта: онъ свидѣтельствуетъ объ умѣ и находчивости животнаго.

Іессе, съ своей стороны, передаетъ слѣдующій фактъ.

Въ какомъ-то амбарѣ, куда рѣдко входили, стоялъ открытый ящикъ, въ которомъ находилось нѣсколько бутылокъ съ флорентійскимъ масломъ; бутылки были закупорены хлопчатой бумагой. Однажды хозяинъ, войдя въ амбаръ, замѣтилъ, что кусочки этой бумаги, замѣнявшіе собою пробки, валяются на полу, и что уровень жидкости въ бутылкахъ значительно понизился. Недоумѣвая, какимъ образомъ это могло случиться, хозяинъ прилилъ новую порцію масла въ бутылки и, наполнивъ ихъ до краевъ, закупорилъ прежнимъ способомъ и удалился. Загля-

3*

нувъ въ амбаръ на слѣдующій день, онъ не замедлилъ убѣдиться, что пробки исчезли, и масла въ бутылкахъ снова стало меньше; не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что тутъ кто-то прикладывался къ бутылкамъ. Желая накрыть вора, хозяинъ, спрятавшись на чердакѣ, сталъ внимательно глядѣть въ амбаръ черезъ слуховое окно, и спустя нѣкоторое время онъ узналъ, кто незаконно пользовался его собственностью: это были крысы. Вскочивъ на стѣнку ящика, онѣ опускали свои хвосты въ бутылки, и затѣмъ, вынувъ ихъ, облизывали языкомъ приставшія къ нимъ капельки масла.

Наконецъ, Родуэллъ приводитъ аналогичный случай, съ той только разницей, что тутъ крысы не давали облизывать другъ другу свои хвосты, а каждая облизывала свой собственный.

Съ помощью очень простого опыта я въ свое время провѣрилъ справедливость фактовъ, сообщаемыхъ о продѣлкахъ крысъ, и своими наблюденіями подѣлился съ читателями журнала «Nature»

Вотъ что я писалъ тогда:

Взявъ двѣ бутылки съ узкимъ и по возможности короткимъ горлышкомъ, я наполнилъ ихъ густымъ смородиннымъ сиропомъ такимъ образомъ, что уровень жидкости находился на разстояніи трехъ дюймовъ отъ отверстія; прикрывъ отверстія рыбьимъ пузыремъ, я поставилъ бутылки въ такое мѣсто, гдѣ, какъ мнѣ было извѣстно, водилось много крысъ. На слѣдующее утро я увидѣлъ, что рыбій пузырь былъ разорванъ; въ центрѣ его зіяла небольшая дыра, и уровень сиропа въ обѣихъ бутылкахъ опустился. Такъ какъ разстояніе отъ отверстія горлышка до поверхности жидкости соотвѣтствовало приблизительно длинѣ крысинаго хвоста, и такъ какъ, съ другой стороны, діаметръ дыры, пробитой въ ткани рыбьяго пузыря, соотвѣтствовалъ толщинѣ этого придатка, то я пришелъ къ заключенію, что тутъ несомнѣнно хозяйничали крысы, которыя лакомились сладкимъ сиропомъ, пустивъ въ ходъ свои хвосты. Чтобы окончательно убѣдиться въ правильности своего предположенія, я поступилъ слѣдующимъ образомъ: прилилъ еще столько сиропу, что жидкость въ бутылкахъ поднялась до своего прежняго уровня, опустилъ на ея поверхность кружокъ влажной бумаги, закрылъ бутылки попрежнему кусочками рыбьяго пузыря и поставилъ ихъ въ такой уголокъ, гдѣ не было ни крысъ, ни мышей. Когда по истеченіи нѣкотораго времени на бумажкѣ, прикрывавшей поверхность жидкости въ горлышкѣ, появился толстый слой плѣсени, я перенесъ бутылки на старое мѣсто, излюбленное крысами. Когда на слѣдующій день я заглянулъ сюда, моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: рыбій пузырь, закупоривавшій бутылки, былъ изгрызанъ у верхняго конца горлышка, и слой плѣсени носилъ многочисленные слѣды, оставленные крысиными хвостами. Эти слѣды представляли собою маленькія круглыя отверстія, точно кто-то кончикомъ карандаша пробивалъ заплѣснѣвшую пленку. Очевидно, крысы изо всѣхъ силъ старались пробить въ бумажкѣ отверстіе, сквозь которое хвостъ могъ бы свободно добраться до сиропа.

*
* *

Хвостовый придатокъ можетъ, однако, быть иногда и вреднымъ для крысъ,

именно въ томъ случаѣ, когда на сцену появляется такъ-называемый «Совѣтъ короля крысъ».

Чтобы читатели не подумали, что я пускаюсь въ область фантастическихъ измышленій, я предпочитаю на нѣкоторое время стушеваться и уступить свое мѣсто авторитетамъ. А авторитеты разсказываютъ намъ слѣдующее.

«Живя на свободѣ,—говоритъ Бремъ:—крысы дѣлаются иногда жертвами весьма курьезной болѣзни. Эта болѣзнь состоитъ въ томъ, что крысы въ довольно изрядномъ числѣ, собравшись въ кружокъ, переплетаются кончиками хвостовъ другъ съ другомъ и сидятъ такимъ образомъ, пригвожденныя къ одному мѣсту довольно продолжительное время. Вотъ это-то странное собраніе народъ назвалъ совѣтомъ короля крысъ, представляя себѣ при этомъ нѣчто такое, чего въ дѣйствитель-

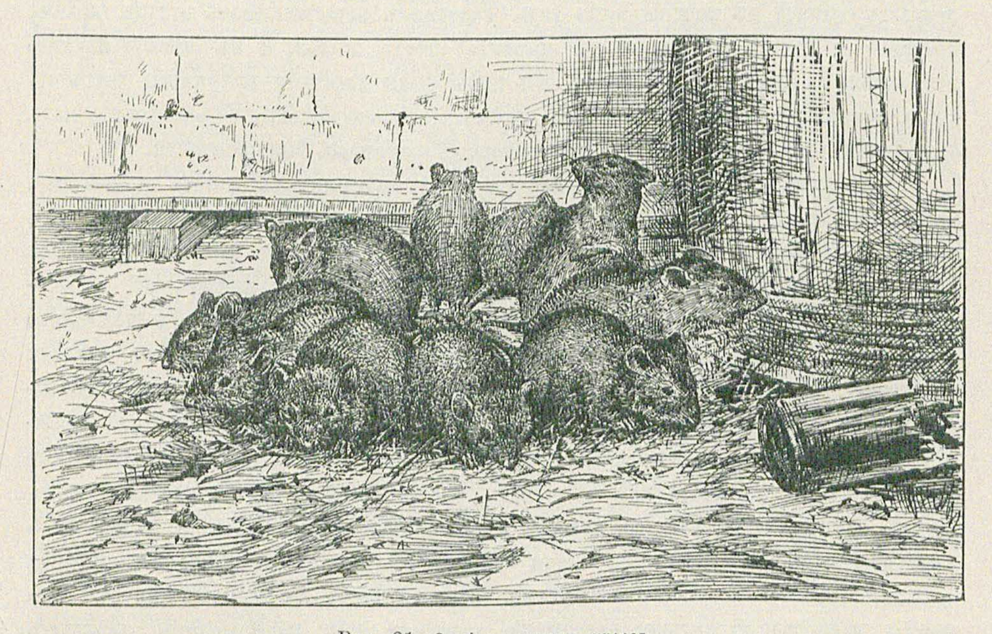


Рис. 21. **Совѣтъ короля крысъ.**
Несчастные грызуны, сцѣпившись другъ съ другомъ хвостами, не предаются какой-нибудь забавѣ, не играютъ, а, наоборотъ, очень хотѣли бы разбѣжаться во всѣ стороны, да не могутъ.

ности совсѣмъ нѣтъ; народное воображеніе создало образъ короля крысъ, который, возсѣдая на тронѣ съ золотой короной на головѣ посреди группы связанныхъ между собою крысъ, управляетъ всѣмъ мышинымъ царствомъ»

Причина этого страннаго явленія въ точности не извѣстна; предполагаютъ, что животныя въ извѣстное время выдѣляютъ изъ себя клейкую жидкость, благодаря которой хвосты ихъ прилипаютъ другъ къ другу.

Въ Альтенбургѣ видѣли *совѣтъ короля крысъ*, составленный изъ двадцати семи индивидовъ. Подобныя же группы наблюдались въ Боннѣ, Шнепфентадѣ, Франкфуртѣ, Эрфуртѣ, въ окрестностяхъ Лейпцига и т. д.

Возможно, что такія своеобразныя ассамблеи происходятъ гораздо чаще, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ; видѣть ихъ во всякомъ случаѣ удается

очень рѣдко, и это объясняется тѣмъ, что суевѣрные люди изъ народа, наткнувшись на подобное необычайное собраніе грызуновъ, тотчасъ уничтожаютъ его.

Ленцъ приводитъ слѣдующій примѣръ. Въ Делльштедтѣ, деревнѣ, лежащей на разстояніи двухъ миль отъ г. Готы, въ декабрѣ 1822 г. были замѣчены сразу два собранія «короля крысъ». Три молотильщика услышали какъ-то слабый пискъ въ ригѣ лѣсничаго; желая узнать причину этого писка, они въ сопровожденіи хозяйскаго работника стали шарить кругомъ, и спустя нѣкоторое время въ одномъ изъ угловъ риги нашли дыру, въ которой сидѣли сорокъ двѣ крысы. Эта дыра, глубиною въ 15 сантим., по всей вѣроятности, была сдѣлана самими крысами; вокругъ не было видно ни слѣдовъ экскрементовъ, ни остатковъ пищи. Дыра, доступъ въ которую былъ очень легкій, въ особенности для крысъ, была покрыта соломой въ теченіе всего года. Работникъ повытаскивалъ оттуда крысъ, которыя не хотѣли или не могли оставить своего жилья, и къ своему изумленію замѣтилъ, что двадцать восемь изъ нихъ были хвостами привязаны другъ къ другу, составляя кружокъ; такой же кружокъ, только меньшій по размѣрамъ, былъ образованъ прочими крысами, число которыхъ равнялось четырнадцати.

Эти сорокъ два звѣрька, повидимому, всѣ страдали отъ голода и поэтому жалобно пищали; но по своему внѣшнему виду они казались здоровыми. Всѣ крысы были одинаковой величины; судя по ней, нужно было допустить, что всѣ онѣ родились прошлой весною. По цвѣту своей шерсти онѣ ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ крысъ. Держали себя онѣ очень спокойно и терпѣливо сносили все, что имъ причиняли люди, отыскавшіе ихъ. А эти люди сдѣлали слѣдующее: прежде всего они перенесли четырнадцать крысъ въ комнату лѣсничаго, куда скоро набралось много народу, съ удивленіемъ глазѣвшаго на странную находку. Когда общественное любопытство было удовлетворено, молотильщики съ торжествомъ перенесли крысъ въ ригу, и тамъ убили всѣхъ ударами цѣпа; затѣмъ они принесли пару желѣзныхъ вилъ и, воткнувши ихъ въ тѣла мертвыхъ животныхъ, начали что есть мочи тащить ихъ въ противоположныя стороны; наконецъ, удалось послѣ долгихъ усилій вырвать трехъ крысъ изъ круга. Ихъ хвосты, несмотря на сильное растяженіе, которому они подвергались, оказались неповрежденными; на поверхности ихъ замѣчались только отпечатки слѣдовъ, сдѣланныхъ хвостами сосѣдокъ; такіе слѣды можно видѣть на ремнѣ, который продолжительное время сдавливался другимъ ремнемъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Анри Рите, адвокатъ въ Шатотенѣ, нашелъ подпольную «ассамблею»; она состояла изъ семи крысъ, державшихся другъ за друга при помощи своихъ хвостовъ, концы которыхъ переплелись между собою или вѣрнѣе были связаны узломъ. Въ такомъ положеніи звѣрьки были найдены въ Куртеленѣ, въ ноябрѣ 1899 г.; находка была передана въ Шатоденскій музей. Каждая крыса имѣла въ длину десять сантиметровъ, считая отъ кончика хвоста до края мордочки.

Изъ-за «совѣта короля крысъ», найденнаго въ Линденау, недалеко отъ Лейпцига, былъ возбужденъ любопытный судебный процессъ, который имѣетъ, пожалуй, не меньшее значеніе, чѣмъ точное наблюденіе, сдѣланное зоологомъ.

Вотъ протоколъ этого курьезнаго процесса.

17-го января 1774 года явился въ трибуналъ г. Лейпцига Христіанъ Кайзеръ, помощникъ мельника изъ Линденау, и заявилъ, что въ прошлую среду онъ нашелъ на мельницѣ въ Линденау совѣтъ крысинаго короля, именно шестнадцать крысъ, которыя переплелись между собою хвостами; всѣхъ этихъ крысъ онъ убилъ, потому что онѣ хотѣли броситься на него.

Нѣкто Іоганнъ-Адамъ Фассгауеръ изъ Линденау явился къ его, Кайзера, хозяину, Тобіасу Іедернъ съ просьбой дать ему этого крысинаго короля, котораго онъ собирался срисовать.

Хозяинъ согласился, но Фассгауеръ впослѣдствіи не возвратилъ крысъ, которыхъ ему дали, а сталъ показывать ихъ за деньги народу и выручилъ такимъ путемъ большую сумму. Въ виду этого, онъ, Кайзеръ, проситъ судъ осудить Фассгауера и заставить его отдать крысъ, возвратить деньги, которыя онъ заработалъ показываніемъ ихъ, и уплатить судебныя издержки.

22-го февраля 1774 г. тотъ же Христіанъ Кайзеръ снова явился въ судъ и заявилъ слѣдующее: «истинная правда, что 12-го января я нашелъ на мельницѣ совѣтъ крысинаго короля, состоявшій изъ шестнадцати крысъ. Въ этотъ день, услышавъ шумъ на мельницѣ, въ верхнемъ этажѣ, я отправился наверхъ; тутъ увидѣлъ нѣсколько крысъ, которыя выглядывали изъ-подъ балки, и убилъ ихъ палкой. Затѣмъ я приставилъ лѣстницу къ тому мѣсту, гдѣ впервые увидалъ ихъ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли тамъ еще крысъ, и дѣйствительно, я нашелъ тамъ совѣтъ крысинаго короля: я тотчасъ перебилъ всѣхъ крысъ на мѣстѣ нѣсколькими ударами топора. Шестнадцать крысъ лежали на полу; пятнадцать изъ нихъ были прикрѣплены другъ къ другу своими хвостами, шестнадцатая держалась въ общей компаніи также при помощи своего хвоста, который, однако, не былъ соединенъ съ другими хвостами, а запутался въ шерсти одной изъ пятнадцати крысъ. Падая съ балки, на которой онѣ находились, крысы не могли освободиться отъ связывающихъ ихъ путъ, однѣ изъ нихъ жили еще нѣкоторое время, но уйти не могли: онѣ такъ крѣпко переплелись между собою, что развязать ихъ не было никакой возможности».

А вотъ экспертиза врача, которая была приложена къ документамъ, относящимся къ разбору этого дѣла.

«Чтобы установить то, что было истиннаго въ массѣ фантастическихъ разсказовъ, ходившихъ въ народѣ по поводу открытія крысинаго короля, я отправился въ Линденау 16-го января.

Въ гостиницѣ Почтоваго Рога въ холодной комнатѣ я увидѣлъ шестнадцать мертвыхъ крысъ; у пятнадцати изъ нихъ хвосты были связаны въ одинъ большой узелъ; головы ихъ были направлены къ периферіи, хвосты—къ центру, который составлялъ общій узелъ. Отдѣльно лежала шестнадцая крыса, которая по словамъ живописца Фассгауера, присутствовавшаго при моемъ осмотрѣ, была освобождена какимъ-то студентомъ при содѣйствіи другихъ лицъ.

Я ни о чемъ не разспрашивалъ; многочисленнымъ посѣтителямъ, желавшимъ узнать подробности объ этомъ странномъ феноменѣ, давались самые несу-

разные, подчасъ весьма забавные отвѣты; не обращаясь ни къ кому съ разспросами, я наблюдалъ только тѣла и хвосты мертвыхъ крысъ.

Я замѣтилъ слѣдующее:

1. У всѣхъ крысъ голова, туловище и лапы находились въ нормальномъ состояніи.

2. Однѣ изъ нихъ были окрашены въ сѣро-пепельный цвѣтъ, другія—въ болѣе темный, третьи же были почти совсѣмъ черныя.

3. Нѣкоторыя крысы были величиной съ добрую пальмовую вѣтвь.

4. Толщина ихъ была пропорціональна длинѣ; все-таки онѣ казались скорѣе похудѣвшими, чѣмъ потолстѣвшими.

5. Хвосты имѣли въ длину $^1/_4$—$^1/_2$ лейпцигскаго локтя; крысы были немного влажны и грязны.

Поднявъ на палкѣ узелъ вмѣстѣ съ крысами, я тотчасъ увидѣлъ, что мнѣ будетъ очень трудно распутать крѣпко стянутые хвосты; я, впрочемъ, и не приступалъ къ этому. Я замѣтилъ, что у шестнадцатой крысы хвостъ нисколько не пострадалъ — слѣдовательно, освободить его удалось, по всей вѣроятности, очень легко. Послѣ зрѣлаго обсужденія я пришелъ къ заключенію, что крысы, сплотившіяся вмѣстѣ такимъ страннымъ образомъ, представляли собою далеко не однородные экземпляры: они отличались другъ отъ друга и по величинѣ, и по цвѣту, и, по моему мнѣнію, также по возрасту и полу. Происхожденіе этого страннаго сплетенія животныхъ я представляю себѣ слѣдующимъ образомъ. Вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, стоявшихъ въ послѣдніе дни, предшествовавшіе открытію совѣта «крысинаго короля», животныя, собравшись въ одну кучу въ какомъ-нибудь углу, тѣсно прижались другъ къ другу, стараясь такимъ образомъ согрѣться; при этомъ хвосты ихъ были направлены въ сторону ихъ жилья, а головы тянулись по направленію къ болѣе защищенному мѣсту.

При такомъ положеніи животныхъ развѣ не могло случиться, что экскременты крысъ, находившихся наверху, падая на нижнія конечности тѣхъ, что сидѣли внизу, примерзали къ хвостамъ, которые вслѣдствіе этого точно припаивались одинъ къ другому? А разъ хвосты примерзли, то животныя не могли, конечно, вырваться, даже въ томъ случаѣ, когда голодъ ихъ гналъ прочь; пытаясь, однако, изо всѣхъ силъ освободиться, они еще болѣе запутывались, такъ что, въ концѣ-концовъ, крысы окончательно потеряли возможность выпростать свои хвосты, и не дѣлали попытки къ этому даже въ томъ случаѣ, когда очутились лицомъ къ лицу со смертельною опасностью».

Предоставляемъ читателю самому составить себѣ мнѣніе объ этихъ удивительныхъ явленіяхъ.

* * *

У многихъ животныхъ хвостъ вообще совершаетъ незначительныя движенія: онъ свѣшивается внизъ и тащится вслѣдъ, точно придатокъ, неизвѣстно зачѣмъ подвѣшенный. У другихъ, наоборотъ, именно у собакъ, хвостъ отличается довольно большой подвижностью; при этомъ разнообразныя движенія этого органа довольно явственно иллюстрируютъ чувства и настроеніе животнаго.

Дарвинъ сдѣлалъ на этотъ счетъ нѣсколько весьма точныхъ наблюденій:

Когда одна собака приближается къ другой съ враждебными намѣреніями (рис. 22), уши ея выпрямляются, глаза пристально устремляются на противника, шерсть ощетинивается на шеѣ и на спинѣ, движенія пріобрѣтаютъ какую-то жесткость, угловатость, хвостъ подымается кверху и торчитъ, какъ палка. Это приподнятое положеніе хвоста, какъ кажется, зависитъ отъ того, что поднимающія мышцы пріобрѣтаютъ бо́льшую силу, чѣмъ опускающія. Этотъ перевѣсъ въ силѣ имѣетъ, естественно, своимъ послѣдствіемъ вертикальное положеніе хвоста, когда сокращены всѣ мускулы задней части тѣла. Однако, нельзя утверждать, что въ дѣйствительности все такъ и происходитъ, какъ мы сказали. Собака, весело прыгающая вокругъ своего хозяина, обыкновенно подымаетъ свой хвостъ кверху, но при этомъ придаетъ ему несравненно меньшую жесткость и неподвижность, чѣмъ въ минуты гнѣва и раздраженія.

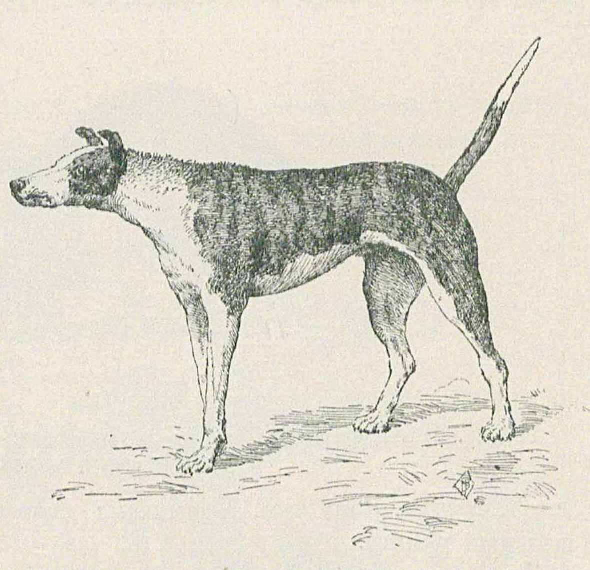


Рис. 22. Собака, находящаяся въ мрачномъ настроеніи духа: хвостъ, торчащій, какъ палка, придаетъ ей грозный видъ.

Когда собака ласкается къ своему хозяину (рис. 23), голова ея нѣсколько подымается, а туловище изгибается, пріобрѣтая волнистые контуры, хвостъ вытягивается и виляетъ въ разныя стороны. Когда человѣкъ попросту говоритъ что-нибудь своей собакѣ, или же такъ или иначе выказываетъ свое вниманіе къ ней, животное реагируетъ на это только движеніями своего хвоста, причемъ даже не опускаетъ ушей.

Собака, находящаяся въ угнетенномъ настроеніи духа, разочарованная, приниженная, опускаетъ голову, уши, туловище, хвостъ, челюсть; взглядъ ея глазъ становится тусклымъ.

Страхъ, даже очень слабый, неизмѣнно проявляется у собаки тѣмъ, что она поджимаетъ свой хвостъ, пряча его межъ ногъ. Уши при этомъ передвигаются кзади, не прижимаясь къ головѣ и не опускаясь внизъ. Послѣднія движенія собака дѣлаетъ, когда ее обуреваютъ совсѣмъ другія чувства,—именно первое движеніе она производитъ въ томъ случаѣ, если она такъ недовольна, что начинаетъ ворчать; второе — тогда, когда она чему-нибудь очень рада или хочетъ выразить свою привязанность къ человѣку, ласкаясь къ нему. Когда двѣ молодыя собаки, играя, преслѣдуютъ другъ друга, то первая, которая находится впереди и убѣгаетъ, такъ сказать, отъ преслѣдованія, всегда на бѣгу поджимаетъ свой хвостъ. То же самое дѣлаетъ собака, которая въ припадкѣ бур-

ной радости, какъ сумасшедшая, бѣгаетъ вокругъ своего хозяина, описывая круги или «восьмерки».

Эта странная манера играть, хорошо знакомая всѣмъ, кто имѣлъ случай часто наблюдать собакъ, замѣчается особенно тогда, когда животное чѣмъ-нибудь удивлено или слегка напугано, напр., когда хозяинъ внезапно бросается на него въ темнотѣ. Въ этомъ случаѣ, а равно въ тѣхъ, когда два щенка, играя, гоняются другъ за другомъ, преслѣдуемое животное, какъ кажется, боится, чтобы его не схватили за хвостъ, и, поэтому, старательно поджимаетъ его. Точно такъ же собака, на самомъ дѣлѣ преслѣдуемая, опасаясь нападенія сзади, старается какъ можно скорѣе убрать свой «трэпъ»; благодаря извѣстной связи, существующей между группами мышцъ, хвостъ окончательно скрывается изъ виду и уходитъ

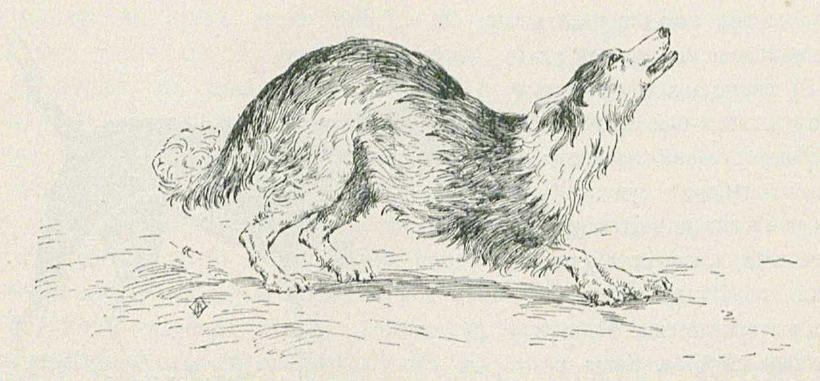


Рис. 23. **Собака, пришедшая въ „телячій восторгъ", выражаетъ чувства преданности и любви своему хозяину.**

вглубь, прячась между ногъ. Аналогичныя движенія хвостового придатка можно наблюдать у гіены.

Собачьи хвосты весьма разнообразны по формѣ и отличаются далеко не одинаковой «выразительностью». Что ни порода, то особенный хвостъ. Припомнимъ, напр., нитевидные хвосты у борзыхъ, заостренные и подвижные—у сетеровъ, очень пушистые—у тибетскихъ договъ, сенъ-бернаровъ, водолазовъ, красивые, но лишенные всякаго выраженія у болонокъ и т. д.

* * *

Интересенъ также, но съ совершенно другой точки зрѣнія, хвостъ яка, тибетскаго быка. Этотъ хвостъ является самой цѣнной частью животнаго; туземцы сдѣлали изъ него эмблему войны.

Особенно цѣнятся, говоритъ Бремъ, бѣлые хвосты. Николо-ди-Конти сообщаетъ, что шерсть, снятая съ хвоста яка, продается на вѣсъ серебра, такъ какъ изъ нея изготовляются вѣера для царей и боговъ. Эти хвосты вставляются въ золотыя и серебряныя оправы и считаются лучшимъ украшеніемъ для слоновъ и лошадей. Высшіе сановники прикрѣпляютъ ихъ къ своимъ копьямъ въ качествѣ символа своей власти и знатнаго происхожденія; китайцы окрашиваютъ ихъ въ

ярко-красный цвѣтъ и дѣлаютъ изъ нихъ султаны для украшенія своихъ лѣтнихъ шляпъ. Велонъ говоритъ, что хорошій хвостъ яка стоитъ четыре-пять червонцевъ; эта сумма значительно превышаетъ стоимость полной лошадиной сбруи. На всемъ Левантѣ хвостами яка съ древнѣйшихъ временъ пользуются, какъ орудіемъ для отмахиванія отъ мухъ. Эти вещи составляютъ предметъ весьма распространенной и весьма прибыльной торговли. Чѣмъ длиннѣе, тоньше и блестящѣе шерсть, тѣмъ выше она цѣнится. Черные хвосты не такъ нравятся населенію и продаются, поэтому, по значительно болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ бѣлые.

Этотъ фетишизмъ можно отчасти понять, если принять во вниманіе, что, согласно вѣрованіямъ калмыковъ и монголовъ, въ тѣла тибетскихъ быковъ переселяются исключительно души очень добродѣтельныхъ людей.

* * *

Упомянемъ здѣсь еще о хвостѣ китообразныхъ, превращенномъ въ плавникъ (объ этихъ интересныхъ животныхъ мы поговоримъ въ отдѣльной главѣ), да еще

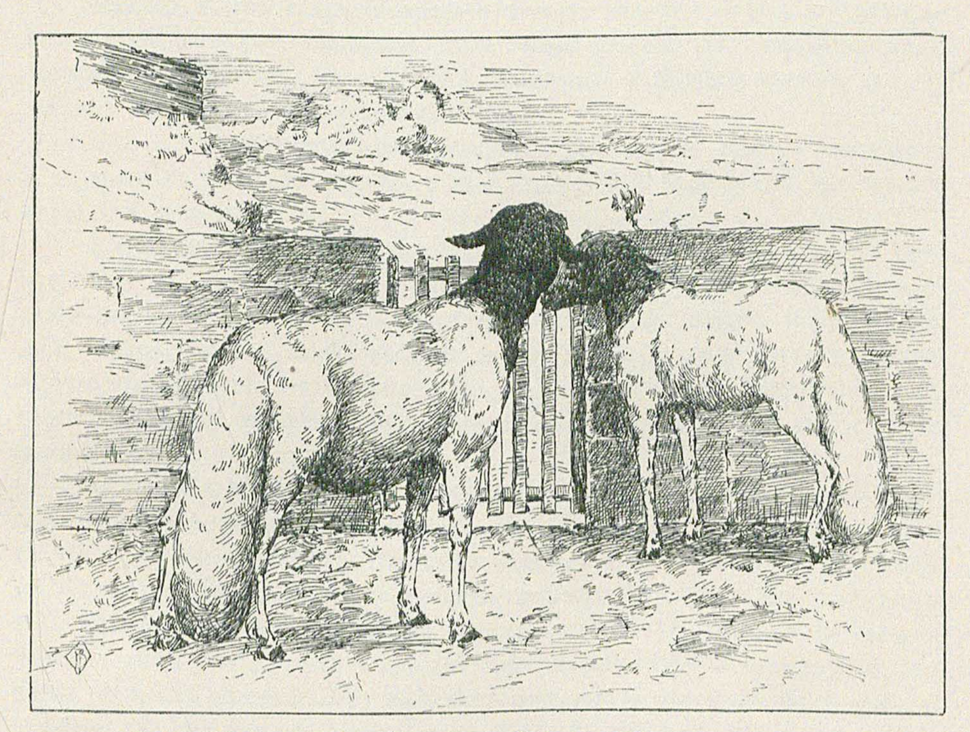


Рис. 24. **Хвостъ, который въ банальной конструкціи упрекнуть нельзя.** Покрытый толстымъ слоемъ жира, онъ является лучшимъ украшеніемъ извѣстной породы африканскихъ барановъ.

о хвостѣ нѣкоторыхъ породъ африканскихъ барановъ (рис. 24), который принялъ форму огромнаго жирнаго мѣшка, свѣшивающагося до самой земли. Этотъ мѣшокъ, повидимому, не только никакой пользы не приноситъ животнымъ, но, вѣроятно, является для нихъ большимъ неудобствомъ, стѣсняя свободу ихъ движеній.

Заканчивая эту главу, замѣтимъ, кстати, что нѣкоторыя млекопитающія совершенно лишены хвостового придатка, тогда какъ родственные имъ виды обладаютъ великолѣпными хвостами, какъ, напр., различныя породы обезьянъ,—гориллы, шимпанзе, орангъ-утанги, гиббоны, кошки съ острова Мена и пр.

Многія животныя имѣютъ такой маленькій хвостъ, что о немъ и говорить не стоитъ, напр., ежъ, медвѣдь, агути, принадлежащій къ семейству грызуновъ, и пр. Такіе ничтожные по своимъ размѣрамъ хвосты, какіе замѣчаютъ у этихъ животныхъ, представляютъ также уклоненіе отъ нормальнаго типа, но въ обратную сторону.

ГЛАВА III.

Животныя, принимающія странныя положенія.

Говорятъ, что нѣтъ правила безъ исключенія. Нигдѣ это изреченіе не оправдывается такъ полно, какъ въ естественной исторіи.

Природа любитъ неожиданности,—эта книга написана со спеціальной цѣлью доказать это положеніе; наблюденіе этихъ неожиданностей, этихъ непредвидѣнныхъ уклоненій отъ обычнаго, обыкновеннаго, шаблоннаго и дѣлаетъ изученіе природы особенно интереснымъ и привлекательнымъ.

Одно изъ самыхъ странныхъ исключеній изъ общаго правила наблюдается въ природѣ въ отношеніи положенія тѣла, занимаемаго животными при передвиженіи ихъ по землѣ.

У безчисленнаго множества животныхъ, населяющихъ земной шаръ, та часть тѣла, которая составляетъ область брюха, направлена внизъ, къ землѣ, тогда какъ спина занимаетъ верхнюю часть туловища. Существуетъ, однако, нѣсколько видовъ, правда, весьма немногочисленныхъ, у которыхъ замѣчается совершенно обратное расположеніе этихъ частей тѣла; при этомъ остается совершенно неизвѣстнымъ, какую, собственно, выгоду извлекаютъ животныя изъ этой странной комбинаціи.

Вотъ для примѣра личинки бронзовки, красиваго жука красновато-коричневаго цвѣта съ металлическимъ зелено-бронзовымъ отливомъ. Этотъ жукъ посѣщаетъ самые красивые цвѣты, главнымъ образомъ розы. Насѣкомое, вполнѣ сформировавшееся, очень красиво; но личинка его мало привлекательна. Представьте себѣ большого, пузатаго, заплывшаго жиромъ червя, очень похожаго на личинку майскаго жука. Подобно этой послѣдней, онъ имѣетъ дурную привычку поѣдать корни овощныхъ растеній и по временамъ производитъ настоящія опустошенія въ огородахъ. Каждое изъ его колецъ складывается на спинѣ въ три валика, покрытыхъ рыжими рѣсничками, которыя жестки, какъ щетина. На брюшкѣ также расположено нѣсколько рѣсничекъ, но болѣе короткихъ; кромѣ того, тутъ находятся три пары лапокъ, весьма неуклюжихъ, правда, но развитыхъ вполнѣ нормально.

Эта личинка, которая по примѣру прочихъ насѣкомыхъ, должна была бы собственно ползти на своихъ лапкахъ, имѣющихся у нея, предпочитаетъ, однако.

передвигаться на спинѣ (рис. 25), брюхомъ вверхъ, и дрыгать при этомъ своими лапками по воздуху. Она двигается благодаря своимъ кольцамъ, которыя то сокращаются, то расширяются, но при этомъ движенія ея очень измѣнчивы, что объясняется присутствіемъ рѣсничекъ, упирающихся въ землю.

Странное зрѣлище представляетъ собою эта гимнастика «вверхъ ногами», въ особенности, когда видишь насѣкомое въ первый разъ; невольно приходитъ въ голову мысль, что личинка внезапно рехнулась; но отъ этого предположенія вскорѣ приходится отказаться: измѣните ея положеніе, переверните ее брюшкомъ книзу, и вы увидите, что она немедленно приметъ прежнюю позу, т. е. опрокинется на спину и начнетъ поспѣшно удаляться, пуская въ ходъ не лапки, а рѣснички.

Это передвиженіе на спинѣ,—говоритъ Ж. Фавръ:—настолько характерно, что по одному этому признаку даже самый неопытный глазъ легко можетъ признать личинку бронзовки. Разворошите такъ-называемую растительную землю, т. е. кусочки прогнившаго разложившагося дерева въ дуплахъ старыхъ ивъ, пошарьте вокругъ ветхихъ истлѣвшихъ пней или поройтесь въ кучѣ чернозема; если при этомъ выползетъ жирненькій червь, передвигающійся на спинѣ, то вы можете безъ всякихъ колебаній сказать, что отыскали личинку бронзовки. Перемѣщеніе на спинѣ совершается довольно быстро; по крайней мѣрѣ, въ скорости своего движенія личинка бронзовки ничѣмъ не уступаетъ другимъ личинкамъ, которыя, отличаясь такой же дородностью, перемѣщаются нормальнымъ образомъ, т. е. ползаютъ на своихъ лапкахъ. Личинка бронзовки имѣетъ даже нѣкоторое преимущество при перемѣщеніи на гладкой, полированной поверхности, гдѣ движеніе замедляется вслѣдствіе постоянныхъ соскальзываній; личинка бронзовки, однако, этого не боится, такъ какъ, благодаря своимъ многочисленнымъ рѣсничкамъ, расположеннымъ на спинѣ, она имѣетъ много точекъ соприкосновенія со скользкой поверхностью, а слѣдовательно, много точекъ опоры. На гладко отструганныхъ доскахъ, на листѣ бумаги, даже на стеклянной пластинкѣ эти личинки, какъ мнѣ неоднократно приходилось видѣть, передвигаются съ такою же легкостью, какъ по кучѣ чернозема. Ползая по моему столу, онѣ въ теченіе минуты передвигались на два дециметра, а на поверхности бумажнаго колпака онѣ въ теченіе этого же времени перемѣщались на разстояніе вдвое большее; на горизонтальной полосѣ

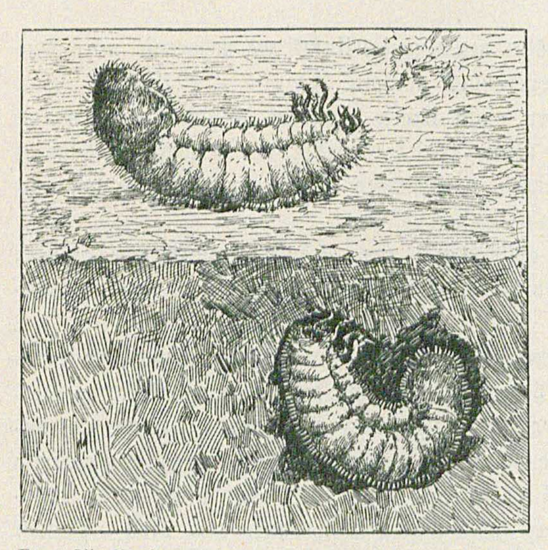


Рис. 25. **Насѣкомымъ иногда приходятъ въ голову странныя идеи. Посмотрите на личинокъ бронзовки: онѣ ходятъ вверхъ ногами, ползая на спинѣ.**

чернозема скорость передвиженія нисколько не больше; она уменьшается вдвое только на поверхности стеклянной пластинки. Скользкая поверхность замедляетъ скорость страннаго движенія наполовину.

* * *

И въ подводномъ царствѣ существуютъ индивиды, которые, подобно личинкѣ бронзовки, любятъ двигаться брюхомъ вверхъ.

Укажемъ для примѣра на очень красивое полужесткокрылое насѣкомое, именно на гребляка, принадлежащаго къ виду водяныхъ клоповъ (рис. 26). Это насѣкомое, отличающееся своимъ роскошнымъ бархатнымъ нарядомъ, окрашеннымъ въ яркіе свѣжіе цвѣта, водится во всѣхъ лужахъ; по своей формѣ оно напоминаетъ лодку; его характерная особенность: плаваетъ всегда на спинѣ брюшкомъ вверхъ.

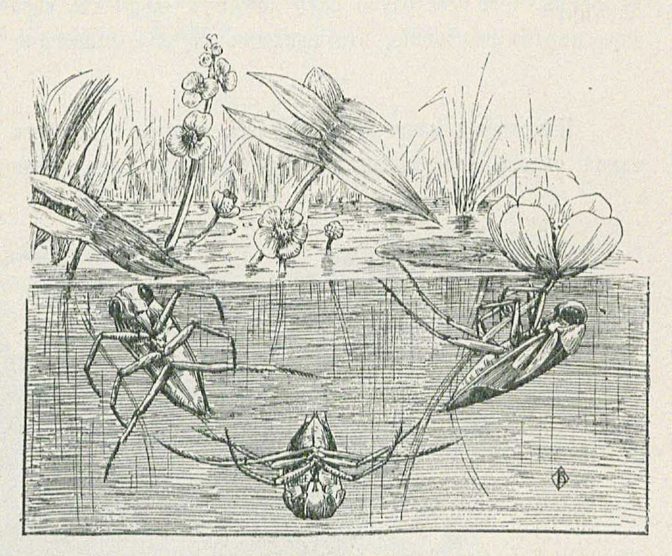


Рис. 26. **Странная фантазія всю жизнь плавать на спинѣ брюшкомъ вверхъ. Греблякамъ, однако, это очень нравится.**

Слегка выгнутая впередъ спинка, покрытая бархатцемъ, дѣлающимъ ее непроницаемой, многочисленныя тонкія бахромчатыя полоски, которыя украшаютъ либо заднія лапки, либо края брюшка и груди, либо, наконецъ, небольшой средній гребень брюшной стѣнки, и которыя по волѣ насѣкомаго могутъ свертываться и снова выпрямляться, какъ настоящіе плавники, — всѣ эти особенности строенія благопріятствуютъ, съ одной стороны, лежанію насѣкомаго на спинѣ, съ другой — даютъ ему возможность совершать быстрыя плавательныя движенія.

По волѣ прихотливой природы, которая, какъ кажется, любитъ иногда поиграть, создавая странныя исключенія, чтобы этимъ, можетъ-быть, доказать все неисчерпаемое богатство своихъ творческихъ силъ, это насѣкомое постоянно находится въ «опрокинутомъ видѣ»; но для того, чтобы оно могло жить и развиваться при этихъ условіяхъ, строеніе его организма должно находиться въ соотвѣтствіи съ этими условіями, т. е. должно быть приспособлено къ ненормальному положенію тѣла, и дѣйствительно, природа позаботилась объ этомъ, давъ насѣкомому соотвѣтственную физическую организацію, характерныя отличія которой состоятъ въ слѣдующемъ: голова насѣкомаго сильно наклонена по направленію къ груди; овальной формы глаза устроены такъ, что могутъ смотрѣть и вверхъ и внизъ; переднія лапки, равно какъ промежуточныя, проворныя и легкія, пред-

назначенныя исключительно для хватанія, могутъ также нѣкоторымъ образомъ «развязываться», распускаться при помощи продолговатыхъ бедеръ, которыя прикрѣпляютъ ихъ къ тѣлу и цѣпко хватаютъ добычу посредствомъ крѣпкихъ клещей, расположенныхъ на пяткахъ. (Л. Дюфуръ).

Гребляки дышатъ задней половиной своего брюшка; находясь въ водѣ, эти насѣкомыя имѣютъ такой видъ, будто ихъ подвѣсили на ниткѣ. Когда ихъ кладутъ на землю, они начинаютъ прыгать, но принимаютъ при этомъ нормальное положеніе, т. е. передвигаются брюшкомъ внизъ, спинкой вверхъ.

Личинки гребляковъ отличаются такими же особенностями, какъ и взрослыя насѣкомыя этого вида; личинки окрашены въ желтоватый цвѣтъ и лишены крыльевъ. Онѣ нѣсколько разъ линяютъ, причемъ сброшенная кожа сохраняетъ опрокинутое положеніе, что придаетъ ей необыкновенно странный видъ.

* *

Нѣкоторыя млекопитающія изъ группы беззубыхъ точно такъ же предпочитаютъ опрокинутое положеніе нормальному; ухватившись лапами за вѣтку, они

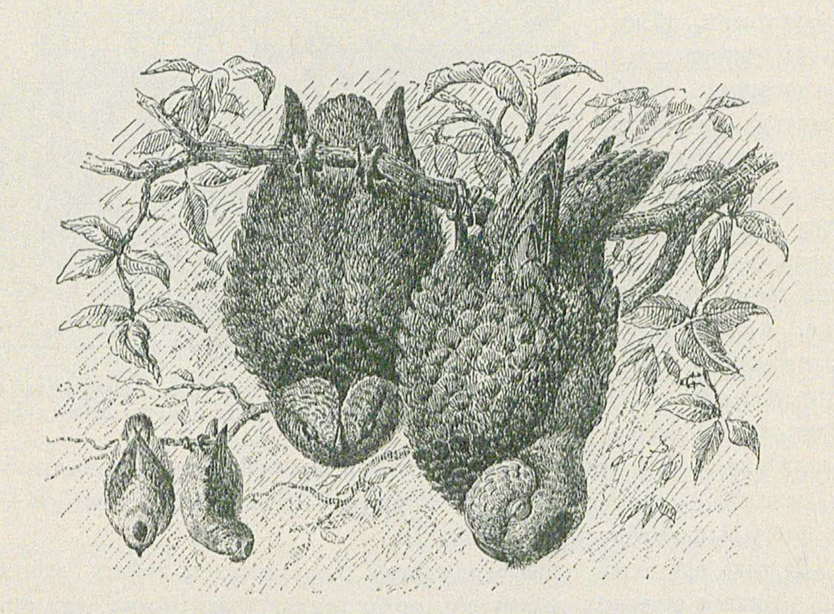


Рис. 27. **На деревѣ висятъ не фрукты, а маленькіе попугаи, которые, неизвѣстно почему, пріобрѣли привычку висѣть головой внизъ, уцѣпившись лапами за вѣтки.**

свѣшиваются внизъ такимъ образомъ, что спина ихъ постоянно обращена къ землѣ, и этой позой напоминаютъ рыбу-прилипало, которая занимаетъ такое почетное мѣсто среди нашихъ животныхъ-блюдолизовъ, а также рыбу, извѣстную подъ именемъ тетраодона, которая всегда плаваетъ на спинѣ.

Чтобы закончить эту главу, скажемъ еще нѣсколько словъ о маленькихъ граціозныхъ попугаяхъ, живущихъ въ Индіи и на Филиппинахъ; ихъ называютъ «висячими попугаями», потому что по странной прихоти они постоянно виснутъ

на деревьяхъ: зацѣпившись лапками за сукъ, они свѣшиваются головою внизъ, и въ такомъ положеніи (рис. 27) остаются очень долгое время. Ихъ легко можно принять за висящіе на деревѣ плоды великолѣпнаго ярко-зеленаго цвѣта, тѣмъ болѣе что странныя птицы имѣютъ привычку собираться въ большомъ числѣ и усаживаться на одно и то же дерево. Почти вся жизнь ихъ проходитъ во снѣ; но когда онѣ просыпаются, что случается приблизительно разъ въ день, онѣ дѣлаются очень подвижными и дѣятельными, съ шумомъ разсыпаются по окрестности, чтобы полакомиться сладкимъ сокомъ плодовъ или нектаромъ цвѣтовъ.

По той позѣ, которую они принимаютъ, когда предаются отдыху, эти попугаи очень напоминаютъ летучихъ мышей, о которыхъ собственно и слѣдовало бы поговорить сейчасъ, но летучія мыши отличаются множествомъ такихъ своеобразныхъ чертъ, что мы рѣшили посвятить имъ особую главу.

ГЛАВА IV.

Летучія мыши—царицы ночей.

Главная особенность летучихъ мышей состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что онѣ хотя и относятся къ млекопитающимъ, обладаютъ крыльями, которыя даютъ имъ возможность летать. Это придаетъ имъ чрезвычайно фантастическій видъ, который казался бы намъ еще болѣе экстравагантнымъ, если бы мы не успѣли достаточно приглядѣться къ этимъ животнымъ.

Эти крылья представляютъ собою не что иное, какъ растянутую кожную перепонку, которая, наподобіе зонтика, натянута на непомѣрно длинные пальцы переднихъ конечностей; летательная перепонка продолжается вдоль рукъ и боковъ вплоть до заднихъ конечностей, тоже соединенныхъ перепонкой. Крылья летучей мыши весьма несовершенны; по сравненію съ настоящимъ летательнымъ аппаратомъ, которымъ владѣютъ птицы, они имѣютъ такое же значеніе, какъ парашютъ по сравненію съ управляемымъ воздушнымъ шаромъ. Летучая мышь, какъ каждому, конечно, извѣстно, летаетъ весьма неправильно; она порхаетъ, мечется изъ стороны въ сторону, и полетъ ея, вслѣдствіе этого, ни въ коемъ случаѣ нельзя сравнить съ полетомъ птицъ по прямолинейной траэкторіи, которая отличается часто замѣчательной правильностью.

Полетъ летучей мыши нельзя собственно назвать полетомъ; это скорѣе рядъ послѣдовательныхъ паденій и поднятій. Животное, поднявшись на воздухъ, только и дѣлаетъ, что борется съ тяжестью своего собственнаго тѣла, а не играетъ ею, какъ это дѣлаютъ съ такой легкостью и непринужденностью морскія чайки.

Отъ формы крыльевъ, которую имѣютъ летучія мыши, замѣчаетъ Блавіусъ: зависитъ какъ сила ихъ полета, такъ и физіономія ихъ движеній. Въ этомъ отношеніи у летучихъ мышей замѣчаются такія же различія, какъ и у птицъ: виды, обладающіе длинными узкими крыльями, летаютъ быстро и проворно, на манеръ ласточекъ; тѣ же виды, которые имѣютъ короткія и широкія крылья, летаютъ неуклюже и тяжело, какъ куры.

Можно довольно точно опредѣлить форму крыльевъ летучей мыши на основаніи отношеній, которыя существуютъ между длиною пятаго и третьяго пальца, или между величиною этихъ пальцевъ и размѣрами всего крыла. Третій палецъ, плечо и предплечье опредѣляютъ собою величину крыла. Ширина перепонки почти равняется длинѣ пятаго пальца. Кто наблюдалъ летучихъ мышей на свободѣ, тотъ знаетъ, что между формой крыльевъ и быстротой полета существуетъ опредѣленная зависимость.

Изъ всѣхъ летучихъ мышей, живущихъ у насъ, быстрѣе всѣхъ летаетъ тонкоухій нетопырь (Vespertilio noctula). Незадолго до заката солнца онъ нерѣдко въ компаніи ласточекъ порывисто носится вокругъ колоколенъ, описывая широкіе торопливые круги. Изъ всѣхъ своихъ родичей онъ имѣетъ наиболѣе узкія и наиболѣе длинныя крылья: длина этихъ послѣднихъ почти въ три раза превышаетъ ихъ ширину. Летучія мыши всѣхъ видовъ, обладающія подобными крыльями, летаютъ высоко, быстро, безъ усилій, и такъ смѣло и увѣренно, что не боятся ни грозы, ни бури. Ихъ крылья во время полета чертятъ въ пространствѣ маленькіе острые углы, усиленно работая при рѣзкихъ поворотахъ, которые иногда животное дѣлаетъ.

Прочіе нетопыри летаютъ болѣе тяжело и неуклюже; это объясняется тѣмъ, что, во-первыхъ, крылья у нихъ меньше, во-вторыхъ, поперечный разрѣзъ этихъ послѣднихъ больше продольнаго; кромѣ того, нетопыри, носясь по воздуху, чертятъ крыльями большіе, обыкновенно тупые углы, вслѣдствіе чего полетъ ихъ дѣлается тяжелымъ и неувѣреннымъ. Обыкновенно эти летучія мыши летаютъ низко и по прямой линіи,—носятся надъ деревьями, надъ дорогами, почти никогда рѣзко не уклоняясь отъ принятаго направленія; нѣкоторые виды почти касаются земли и поверхности воды.

Различные виды летучихъ мышей можно опредѣлить безъ труда, принимая во вниманіе высоту и особенности полета, а также величину самаго животнаго.

Летучія мыши не въ состояніи долго летать, полетъ ихъ длится очень короткое время.

Сдѣлавъ нѣсколько порывистыхъ движеній въ воздухѣ, онѣ отдыхаютъ, садясь на вѣтку дерева или цѣпляясь за карнизъ, выступъ стѣны и пр., чтобы спустя нѣсколько секундъ снова броситься въ пространство, снова трепыхаться по воздуху. Прежде чѣмъ взлетѣть, летучая мышь отнимаетъ голову отъ груди, подымаетъ крылья, раздвигаетъ пальцы, выпрямляетъ хвостъ, и начинаетъ хлопать крыльями по воздуху. Только лишь послѣ этого «вступленія», она рѣшается сняться съ мѣста и кинуться въ пространство. Для удачнаго полета необходимо, чтобы животное сидѣло на такомъ мѣстѣ, гдѣ голова его могла бы свѣшиваться свободно внизъ, и чтобы оно имѣло достаточно простора для размаха своихъ крыльевъ. Съ земли летучая мышь подымается съ большимъ трудомъ; ей удается это сдѣлать только послѣ цѣлаго ряда скачковъ, произведенныхъ вверхъ.

Жизнь летучихъ мышей очень однообразна; этимъ и объясняется, что ихъ умственныя способности мало развиты. Онѣ выходятъ изъ своихъ убѣжищъ только

вечеромъ, лишь только сгустятся сумерки, и возвращаются домой задолго до восхода солнца. Днемъ онѣ наслаждаются покоемъ; ихъ любимая поза та же, что у маленькихъ индійскихъ попугаевъ: уцѣпившись за какой-нибудь предметъ задними лапками, онѣ висятъ внизъ головою въ тѣхъ укромныхъ уголкахъ, которые онѣ избрали своимъ мѣстопребываніемъ. Эти уголки весьма разнообразны: каждый видъ летучихъ мышей, выбирая ихъ, руководится собственнымъ вкусомъ. Такъ, однѣ отдаютъ предпочтеніе колокольнямъ, другія—пещерамъ, гротамъ, третьи—дупламъ деревьевъ и т. д., вообще избираютъ для своего мѣстожительства такія убѣжища, въ которыхъ ихъ рѣдко безпокоятъ, и которыя тѣмъ не менѣе не совсѣмъ уединены и пустынны.

Въ нашихъ деревняхъ летучія мыши нерѣдко ищутъ себѣ пріюта въ дымовыхъ трубахъ, вслѣдствіе чего и сложилось довольно распространенное, но рѣши-

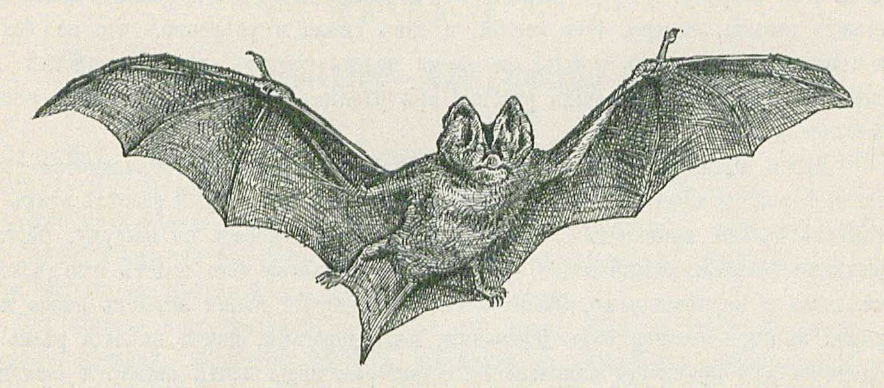


Рис. 28. **Нетопырь имѣетъ довольно мрачную физіономію, но, въ сущности, онъ совсѣмъ не злой.**

тельно ни на чемъ не основанное мнѣніе, будто эти животныя падки до сала, и вообще до различныхъ сортовъ копченаго мяса. Это чистѣйшій вымыселъ.

Существуютъ пещеры, гдѣ множество летучихъ мышей находитъ себѣ пристанище.

Въ этомъ отношеніи очень извѣстна пещера, расположенная у Шатодубль, въ округѣ Варъ. Эта пещера,—говоритъ Бремъ:—или вѣрнѣе, эти пещеры, — такъ какъ существуютъ собственно двѣ, довольно отличныя другъ отъ друга,—находятся въ средней части склона одного холма, на которомъ возвышаются террасами огромныя скалы, оканчивающіяся остроконечными вершинами.

Доступъ въ первую пещеру очень легкій; въ нее проникаютъ черезъ большое отверстіе, которое имѣетъ видъ воротъ, высѣченныхъ въ утесѣ; пещера довольно обширная по своимъ размѣрамъ и устроенная довольно правильно, имѣетъ въ вышину около 1,95 метр., въ ширину—6,5 метр. и въ длину—13 м.

Тамъ и сямъ попадаются остатки сталактитовъ, спускавшихся съ потолка, гдѣ и теперь еще встрѣчаются многочисленные изломы. Большая часть этихъ сталактитовъ доходила до земли, образуя блестящія колонны, которыя, по всей вѣроятности, отличались довольно внушительными размѣрами, если судить по от-

печаткамъ, оставленнымъ ими въ землѣ. Стѣны пещеры во многихъ мѣстахъ покрыты блестящей штукатуркой, которая несомнѣнно образовалась такимъ же путемъ, какъ сталактиты, именно при содѣйствіи воды, которая просачивается сквозь своды почти круглый годъ. Гротъ постепенно суживается, превращаясь въ концѣ въ влажный, грязный проходъ, по которому очень трудно идти; этотъ-то проходъ и ведетъ въ пещеру летучихъ мышей. Эта пещера, почти совершенно круглая, лежитъ по крайней мѣрѣ на три метра выше предыдущей и соединяется съ ней посредствомъ упомянутаго выше прохода или корридора, имѣющаго въ длину 8—10 метровъ.

Въ пещерѣ всегда очень сыро; сводъ ея очень высокъ и гладокъ; онъ отстоитъ отъ слоя гуано, т. е. помета летучихъ мышей, устилающаго собою полъ пещеры, по крайней мѣрѣ на разстояніи 8 метровъ. Толщина этого слоя, согласно оцѣнкѣ поставщиковъ гуано, доходитъ до двухъ метровъ. Въ пещерѣ найдены были остатки животныхъ, не существующихъ теперь на землѣ. Паннескерсъ, во владѣніи котораго находятся нѣкоторые изъ этихъ остатковъ, нашелъ среди нихъ также нѣсколько человѣческихъ костяковъ, довольно хорошо сохранившихся. Стѣны пещеры усѣяны множествомъ летучихъ мышей; ихъ считаютъ здѣсь тысячами. Среди нихъ попадаются весьма крупные экземпляры; животныя спокойно остаются на своихъ мѣстахъ въ продолженіе цѣлаго дня; ни шумъ, ни крики, раздающіеся вблизи, не могутъ заставить ихъ покинуть свою резиденцію. Съ наступленіемъ сумерекъ они вылетаютъ вонъ, чтобы поискать пищи въ окрестныхъ деревняхъ. Въ этой пещерѣ, справа и слѣва, находятся двѣ ямы, имѣющія въ глубину приблизительно три метра, а въ ширину четыре; стѣнки этихъ ямъ, равно какъ стѣны пещеры, покрыты сталагмитическими образованіями. Отъ времени до времени слышится тамъ и сямъ паденіе водяныхъ капель, которое не прекращается даже въ самое сухое время года.

Летучія мыши водятся также въ колодцахъ.

Однажды,—разсказываетъ Кренопъ:—я со своимъ сыномъ отправился въ Эгъ-Мортъ, чтобы поискать тамъ нетопырей, которые, какъ мнѣ давно было извѣстно, любятъ ютиться въ старыхъ заброшенныхъ зданіяхъ.

Мэръ этого городка и нѣкто Но, негоціантъ, изъявили готовность отправиться съ нами въ качествѣ проводниковъ на башню Констансъ. Запасшись фонаремъ, а также на всякій случай и хорошими веревками, мы пустились въ путь. Сначала наши поиски успѣха не имѣли; мы обшарили много разныхъ уголковъ и ничего не нашли, хотя многочисленные слѣды чернаго помета не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что летучія мыши должны находиться гдѣ-то поблизости. Наконецъ, поднявшись довольно высоко, именно достигнувъ средины башни, мы услышали ихъ крики, которые выходили изъ какой-то дыры, напоминавшей собою отверстіе колодца. Мѣстные жители утверждаютъ, что эти колодцы представляютъ собою остатки старинныхъ подземелій, гдѣ содержались преступники.

При свѣтѣ фонаря мы увидали множество летучихъ мышей, столпившихся внизу на небольшой глубинѣ; эта находка меня очень обрадовала.

У насъ была сѣтка, которую я приладилъ къ концу палки. Негоціантъ, въ

рукахъ котораго эта сѣтка находилась, забросилъ ее внизъ по направленію къ звѣрькамъ, мирно дремавшимъ въ подземельи. Въ сѣтку тотчасъ набилось много летучихъ мышей, но оттого ли, что сѣтка внезапно отлетѣла, или оттого, что животныя стали неистово барахтаться въ ней, палка, на которой она была прикрѣплена, выскользнула изъ рукъ негоціанта, и вся добыча полетѣла въ бездну.

Признаюсь, эта неудача сильно раздосадовала меня,—я надѣялся сдѣлать кой-какія интересныя наблюденія,—и вдругъ неловкость моего спутника разбиваетъ всѣ мои предположенія. Видя, что я очень огорченъ, мой сынъ попросилъ у меня позволенія спуститься внизъ по веревкѣ, чтобы найти сѣтку. Послѣ нѣкотораго колебанія я согласился. Лишь только онъ, опустившись на глубину 10 метровъ, ступилъ ногою на дно колодца, какъ наткнулся на цѣлую армію летучихъ мышей; испуганныя животныя заметались во всѣ стороны, какъ угорѣлыя, и такъ порывисто стали хлопать крыльями, что загасили лампочку, которую мы опустили внизъ на шнуркѣ. Мой сынъ поторопился поднять сѣтку, которая валялась у края какой-то ямы: въ ней находилось еще довольно много плѣнниковъ. Схвативъ зубами злополучную сѣтку, онъ сталъ карабкаться по веревкѣ наверхъ, окруженный цѣлой тучей животныхъ, которыя со страшнымъ шумомъ носились по воздуху. Мы оставались наверху, у края колодца, но устоять на мѣстѣ намъ было довольно трудно; переполохъ среди звѣрьковъ былъ страшный: они цѣлыми массами вылетали изъ своего убѣжища и, неистово кружась на одномъ мѣстѣ, немилосердно били насъ по лицу своими крыльями, что было довольно-таки непріятно. Мой сынъ, наконецъ, вылѣзъ изъ колодца; руки его были исцарапаны, платье изорвано; на груди у него висѣло нѣсколько летучихъ мышей, которыя крѣпко вцѣпились въ его блузу.

Я не ошибусь, если скажу, что въ то время мы вспугнули никакъ не меньше трехъ тысячъ штукъ; летучія мыши разсѣялись по всей башнѣ, производя своеобразный шумъ; этотъ шумъ напоминалъ завыванье вѣтра, гудящаго въ листвѣ деревьевъ.

* * *

Летучія мыши живутъ дѣятельною жизнью только въ теплое время года. Зимою онѣ погружаются въ спячку въ томъ уединенномъ, скрытомъ отъ постороннихъ глазъ мѣстѣ, которое онѣ избираютъ для своего жилья. Тутъ ихъ бываетъ обыкновенно очень много; сотнями висятъ онѣ въ своей любимой позѣ—головою внизъ, уцѣпившись задними лапками за выступы гротовъ, за балки амбаровъ, за крюки столбовъ и т. д.

Какъ передаетъ Дюбуа температура крови у летучихъ мышей, которая у нихъ обыкновенно равняется 30,9°, падаетъ во время зимней спячки до 5, иногда даже до 1,2° Ц. Животныя какъ бы цѣпенѣютъ, теряютъ сознаніе; но если холодъ становится настолько сильнымъ, что имъ угрожаетъ опасность замерзнуть, летучія мыши просыпаются и по инстинкту самосохраненія начинаютъ производить разныя движенія, стараясь согрѣться. Обыкновенно же въ холодные зимніе мѣсяцы онѣ висятъ безъ движенія, точно окоченѣлыя; если среди зимы устанавливается оттепель и наступаютъ теплые солнечные дни, летучія мыши

начинаютъ шевелиться; нѣкоторые виды оставляютъ даже свои теплыя убѣжища, чтобы порѣзвиться на свободѣ. Животныя съ наступленіемъ весны сбрасываютъ съ себя дрему и окончательно приходятъ въ себя; при этомъ температура ихъ крови повышается быстрѣе, чѣмъ температура окружающаго воздуха.

Состояніе оцѣпенѣнія измѣняется въ зависимости отъ температурныхъ колебаній атмосферы въ продолженіе зимы, и не у всѣхъ летучихъ мышей длится одинаково долго. Только немногія спятъ безпрерывно; при этомъ болѣе крупные виды предаются спячкѣ болѣе продолжительное время, чѣмъ мелкіе. Просыпаются животныя тоже въ разное время: весною раньше всѣхъ оживаетъ мелкота; представители болѣе крупныхъ породъ показываются значительно позже.

* * *

Какъ мы упоминали уже, умственныя способности летучихъ мышей стоятъ на низкой ступени развитія; мало развито у нихъ также материнское чувство. Онѣ только и думаютъ о томъ, какъ бы поѣсть да поспать. Не трудно замѣтить, кромѣ того, что летучія мыши очень любятъ заниматься своимъ туалетомъ. Наблюденія подобнаго рода легче всего, конечно, производить надъ тѣми звѣрьками, которые находятся въ неволѣ. Наѣвшись до-сыта, летучая мышь, сидящая въ клѣткѣ, тотчасъ принимается за свой туалетъ. Повиснувъ на перекладинѣ на одной лапкѣ, она другую смачиваетъ слюною и проводитъ ею, точно губкой, по головѣ и туловищу, тщательно расправляя шерсть, затѣмъ долго облизываетъ языкомъ наружную и внутреннюю поверхность летательной перепонки, которую потомъ разглаживаетъ энергическими движеніями своей мордочки. Вся эта процедура совершается быстро, ловко и граціозно. (А. Мансіонъ).

При общемъ низкомъ уровнѣ интеллекта нѣкоторые органы чувствъ у летучихъ мышей достигли, однако, поразительнаго развитія. Зрѣніе у нихъ, какъ вообще у ночныхъ животныхъ, очень слабо, по крайней мѣрѣ, днемъ, но зато осязаніе чрезвычайно тонко. Въ этомъ убѣдились слѣдующимъ образомъ: чтобы отнять у нихъ возможность видѣть предметы, летучимъ мышамъ наложили на глаза повязку изъ тафты и затѣмъ выпустили ихъ въ большую комнату, гдѣ у стѣнъ была прикрѣплена масса нитей, переплетавшихся между собою въ самыхъ различныхъ направленіяхъ; нити перекрещивались такимъ образомъ, что въ промежуткахъ между ними оставалось пустое пространство, настолько большое, чтобы безпрепятственно пропустить летучую мышь съ распростертыми крыльями. И что же? Посреди этого лабиринта летучія мыши летали совершенно свободно, не задѣвая ни одной ниточки.

Органомъ осязанія является не только летательная перепонка, но также маленькій ушной наростъ (ушная крышка, козелокъ или заушица), который находится впереди ушной раковины, и листововидные придатки, расположенные у нѣкоторыхъ видовъ на носу. Эти придатки, изогнутые самымъ прихотливымъ образомъ, придаютъ физіономіямъ летучихъ мышей довольно забавный видъ (Рис. 29).

Летучія мыши,—говоритъ М. Мансіонъ:—у которыхъ отрѣзаны заушицы, летаютъ весьма неувѣренно и опрометчиво, натыкаясь по пути на каждое самое

незначительное препятствіе. Звѣрекъ, которому я вырѣзалъ ушные придатки, прекрасно перенесъ операцію и очень скоро вполнѣ оправился, но разучился летать, какъ слѣдуетъ: его полетъ сдѣлался тяжелымъ и весьма неловкимъ. Въ концѣ концовъ, животное само, повидимому, пришло къ сознанію своей неспособности пользоваться крыльями и почти совсѣмъ перестало летать; оно рѣдко выходило изъ своей клѣтки, но зато много бѣгало въ ней, и болѣе охотно, чѣмъ его товарищи по заключенію, брало насѣкомыхъ изъ моихъ рукъ. Съ наступленіемъ сумерекъ, въ тѣ минуты, слѣдовательно, когда его родичи отправлялись на воздушную прогулку, бѣдный изуродованный звѣрекъ всегда дѣлался грустнымъ и выражалъ свою печаль жалобными звуками, напоминавшими мышиный пискъ. Послѣ ампутаціи заушицъ, онъ жилъ не болѣе мѣсяца. Этотъ случай, какъ кажется, показываетъ, что заушица имѣетъ въ качествѣ органа осязанія большее значеніе, чѣмъ перепончатая летательная ткань; возможно, впрочемъ, и такое предположеніе, что оба аппарата только тогда дѣйствуютъ хорошо, когда упражняются одновременно, взаимно помогая другъ другу. Доказать это предположеніе, однако, очень трудно, потому что нельзя произвести провѣрочнаго опыта, нельзя вырѣзать у летучей мыши перепончатую ткань, не отнявъ у животнаго окончательно возможности летать.

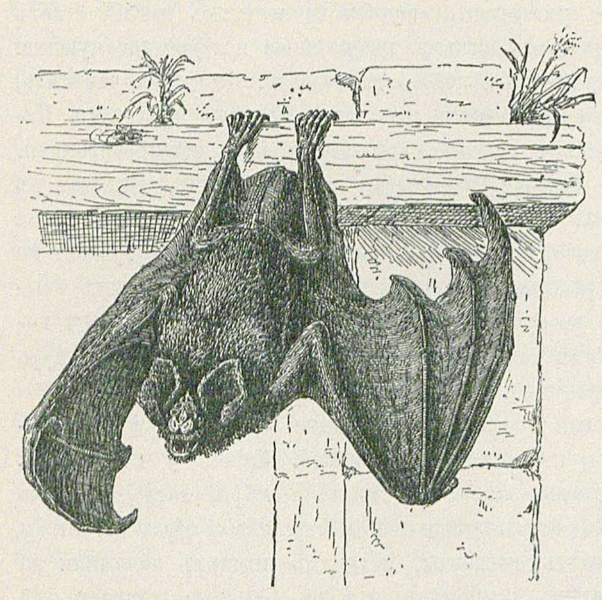


Рис. 29. Носъ этой летучей мыши (листоноса) отличается нѣсколько сложной конструкціей, именно снабженъ листообразнымъ придаткомъ, который очень полезенъ животному, оказывая ему большія услуги во время его ночной охоты за насѣкомыми.

Чтобы опредѣлить роль, которую играетъ носъ у рукокрылыхъ, совершенно лишенныхъ заушицы, но обладающихъ листообразной носовой мембраной, я произвелъ слѣдующій опытъ: закрывъ посредствомъ ваты отверстія ноздрей у одной летучей мыши изъ вида листоносовъ, я всю полость носа покрылъ толстымъ слоемъ коллодія и выпустилъ животное на свободу. Въ то же время я выпустилъ другую летучую мышь, принадлежащую къ виду малорослыхъ нетопырей, у которой были отрѣзаны заушицы. Сравнивая полетъ обоихъ звѣрьковъ, я нашелъ, что неловкости въ движеніи у перваго проявляются ничуть не въ большей степени, чѣмъ у второго. Я повторялъ этотъ опытъ нѣсколько разъ и всегда получалъ одни и тѣ же результаты, вслѣдствіе чего я и пришелъ къ выводу, что при отсутствіи заушицъ роль органа осязанія играетъ носовая мембрана.

*
* *

По роду употребляемой ими пищи летучія мыши дѣлятся на три категоріи; къ первой категоріи относятся тѣ изъ нихъ, которыя питаются насѣкомыми; ко второй—тѣ, которыя кормятся фруктами; третью категорію образуютъ виды, сосущіе кровь.

Въ нашихъ краяхъ водятся почти исключительно представители первой категоріи, истребляющіе множество насѣкомыхъ, чѣмъ оказываютъ большія услуги сельскимъ хозяевамъ. Аппетитъ у летучихъ мышей поистинѣ чудовищный. Одинъ тонкоухій нетопырь можетъ за разъ съѣсть тринадцать майскихъ жуковъ. Малорослый нетопырь въ продолженіе сутокъ истребляетъ 80 мухъ. Ушанъ, сожравъ 15 мучныхъ червей, 6 ночныхъ бабочекъ и большого паука, не чувствуетъ себя еще удовлетвореннымъ: онъ еще не наѣлся, какъ слѣдуетъ.

Наблюденія, сдѣланныя надъ двумя малорослыми нетопырями, содержавшимися въ клѣткѣ въ теченіе цѣлаго лѣта, еще ярче иллюстрируютъ необыкновенную прожорливость летучихъ мышей вообще и въ частности этого вида, самаго мелкаго среди рукокрылыхъ. У обоихъ плѣнниковъ ширина распростертыхъ крыльевъ равнялась приблизительно 18 сантим. Животныя были пріучены брать изъ рукъ своего хозяина пищу, состоявшую изъ мухъ, бабочекъ, мучныхъ червей, сырого мяса, нарѣзаннаго на тонкіе кусочки; какъ оказалось, животныя обладали такимъ громаднымъ аппетитомъ, что съѣдали вдвоемъ въ теченіе дня 100 мучныхъ червей или 200 домашнихъ мухъ. Маленькому нетопырю дали однажды огромнаго бражника—сумеречную бабочку, которая при распростертыхъ крыльяхъ была только наполовину меньше ея. Звѣрекъ, не смущаясь этимъ, тотчасъ приступилъ къ дѣлу: въ теченіе 25 секундъ онъ успѣлъ оторвать лапки и крылышки и истребить безъ остатка брюшко, грудь и голову большого чешуйчатокрылаго насѣкомаго. Это насѣкомое, очень рѣзвое и живое, употребляло всѣ усилія, чтобы вырваться; не желая выпустить изъ рукъ объемистую добычу, нетопырь легъ навзничь и, чтобы заставить успокоиться насѣкомое, не придумалъ ничего лучшаго, какъ плотно завернуть его въ перепончатую ткань своихъ крыльевъ.

Особо лакомое блюдо для обоихъ плѣнниковъ представляла собою бабочка—изъ семейства liparidae, безъ сомнѣнія, благодаря обилію нѣжныхъ яичекъ, содержащихся въ жирномъ брюшкѣ этихъ разноножекъ. Сколько бы ни давали имъ этого лакомства, летучія мыши никогда отъ него не отказывались: однажды одна изъ нихъ съѣла двадцать штукъ въ одинъ присѣстъ.

*
* *

Среди летучихъ мышей, употребляющихъ въ пищу плоды, нужно поставить на первомъ планѣ такъ-называемыхъ крылановъ, или летучихъ собакъ, мясо которыхъ, кстати сказать, отличается довольно пріятнымъ вкусомъ. Крыланы живутъ преимущественно въ очень густыхъ лѣсахъ, собираясь въ многочисленныя общества. Они обыкновенно сидятъ на деревьяхъ.

Въ дупла деревьевъ они прячутся рѣдко; чаще всего они висятъ на вѣткахъ цѣлыми рядами, завернувши голову и туловище въ летательную перепонку своихъ большихъ крыльевъ. Живя въ темныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ, эти

животныя летаютъ иногда и днемъ, но настоящая жизнь ихъ начинается собственно съ наступленіемъ сумерекъ. Благодаря своему довольно острому зрѣнію и тонкому обонянію, они издали открываютъ деревья, обремененныя сочными спѣлыми плодами. Крыланы длинною вереницей одинъ за другимъ слетаются на найденную добычу; спустя нѣкоторое время безчисленное множество летучихъ мышей осаждаетъ дерево, которое очень скоро лишается всѣхъ своихъ плодовъ.

Иногда они нападаютъ большой толпой на виноградники и производятъ тамъ значительныя опустошенія. Летучія мыши любятъ только самыя спѣлыя ягоды; незрѣлыхъ онѣ не трогаютъ. Онѣ, собственно говоря, фруктъ не ѣдятъ; имъ

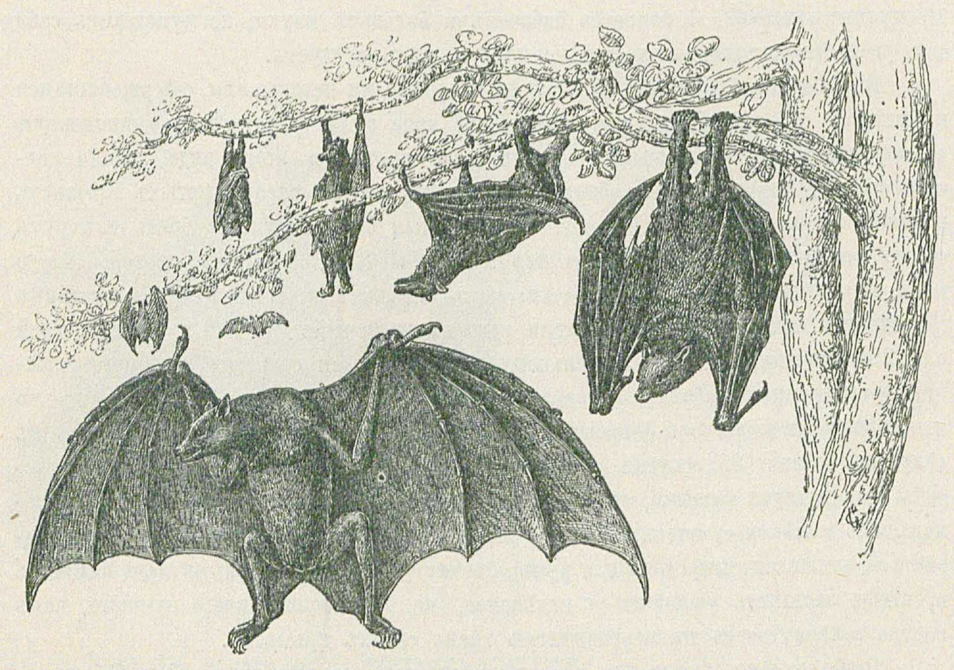


Рис. 30. **Крыланы или летучія собаки.**
Фантастическія, пугающія воображеніе, существа, принимающія очень странныя положенія, которыя еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе, производимое этими животными.

нравится, главнымъ образомъ, фруктовый сокъ, который они и высасываютъ (рис. 31); нѣкоторые виды довольствуются сокомъ цвѣтовъ. Говорятъ, что летучія мыши мякоти плодовъ совсѣмъ не ѣдятъ, а пьютъ одинъ только сокъ; однако, установлено, что нѣкоторые виды пожираютъ плоды цѣликомъ. Крыланы больше всего любятъ сладкіе и пахучіе плоды, какъ, напр., бананы, персики, ягоды омелы.

Сдѣлавъ набѣгъ на виноградникъ, они хозяйничаютъ въ немъ цѣлую ночь; шумъ, который они при этомъ производятъ, выдаетъ ихъ на очень большомъ разстояніи. Выстрѣлы ихъ мало пугаютъ; они реагируютъ на нихъ самое большее тѣмъ, что перемѣщаются съ одного дерева на другое, чтобы продолжать свое дѣло.

По словамъ шведскаго натуралиста Кепинга, крыланы очень падки до пальмоваго сока и иногда истребляютъ его въ такомъ огромномъ количествѣ, что

пьянѣютъ и падаютъ на землю. Кепингъ, подобравъ однажды летучую мышь, находившуюся въ такомъ состояніи, пригвоздилъ ее къ стѣнѣ; но животное скоро вырвалось на свободу, перепиливъ зубами гвозди, точно напильникомъ. (Бремъ).

* * *

Что касается вампировъ, то ихъ кровожадность и жестокость, вошедшія въ пословицу, сильно преувеличены.

Въ дѣйствительности, они въ обыкновенное время питаются, главнымъ образомъ, насѣкомыми и плодами; только въ тѣхъ случаяхъ, когда вампиры не находятъ своей обычной пищи въ достаточномъ количествѣ, они принимаются за сосаніе крови у млекопитающихъ, причемъ дѣйствуютъ довольно деликатно, такъ какъ раны, которыя они дѣлаютъ въ тѣлѣ животнаго, почти незамѣтны. Разсказы древнихъ писателей, будто послѣ укола вампира у животныхъ наступаетъ «страшное кровотеченіе», — чистѣйшій вымыселъ.

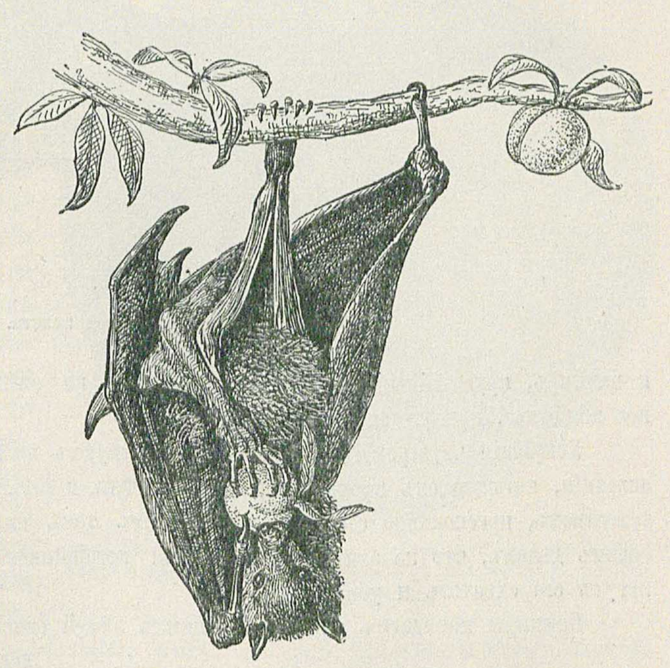


Рис. 31. Крыланъ за завтракомъ: онъ съ большимъ аппетитомъ ѣстъ какой-то плодъ, хотя его положеніе, на нашъ взглядъ, не принадлежитъ къ числу очень удобныхъ.

Во всякомъ случаѣ питаніе кровью живыхъ существъ—явленіе весьма любопытное.

Вампиры нападаютъ преимущественно на упряжныхъ и вьючныхъ животныхъ. Но, какъ замѣчаетъ Бурмейстеръ, они не причиняютъ этимъ животнымъ, въ сущности, никакого вреда, потому что количество крови, теряемой этими послѣдними, весьма ничтожно. Вампиры начинаютъ бросаться на животныхъ только съ наступленіемъ холодовъ, когда насѣкомыхъ, составляющихъ ихъ обычную пищу, невозможно раздобыть болѣе; при этомъ вампиры устремляются на такія части туловища животнаго, гдѣ шерсть, расходясь въ разныя стороны около одной точки, оставляетъ свободной кожу, въ которую кровопійцы и впиваются.

Раны, производимыя вампирами, находятся обыкновенно въ области шеи, въ особенности на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кожа оголилась вслѣдствіе продолжительнаго тренія.

Сочлененіе бедра со стороны таза въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ шерсти, также является любимымъ мѣстечкомъ для вампировъ; они кидаются также иногда на

нижнія части ногъ, но рѣдко садятся подъ шею, и еще рѣже избираютъ мѣстомъ своего нападенія голову, губы, носъ. Лошадь или мулъ никогда не позволятъ вампиру приблизиться къ себѣ, когда находятся въ бодрственномъ состояніи; почуявъ издали врага, они начинаютъ фыркать, храпѣть, метаться, бить копытами о землю,

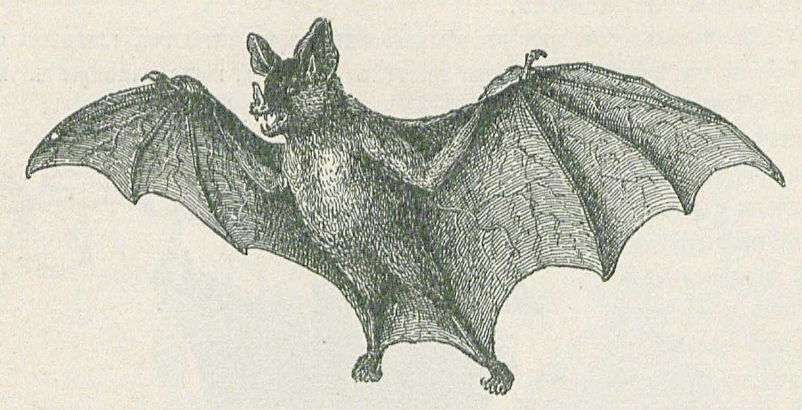


Рис. 32. **Вампиръ во время полета.**

и вампиръ, кружащійся въ воздухѣ поблизости, не смѣя напасть на возбужденное животное, принужденъ ретироваться.

Уснувшія четвероногія, однако, не чувствуютъ ни приближенія вампира, ни операціи, которую онъ производитъ на ихъ тѣлѣ, и тотъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, преспокойно сосетъ кровь, причемъ такъ сильно бываетъ поглощенъ своимъ дѣломъ, что не замѣчаетъ появленія погонщиковъ и пастуховъ, которые могутъ его схватить и убить.

Вампиры нападаютъ также на спящихъ людей (рис. 34). Для примѣра приведемъ случай, заимствованный у Феликса Д'Азара.

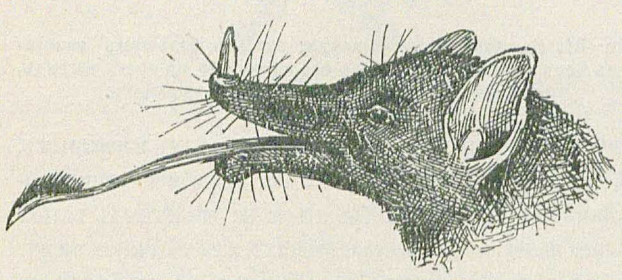


Рис. 35. **Голова вампира.**
Видъ у него лукавый, заставляющій предполагать въ немъ дурныя намѣренія.

«Иногда, — говоритъ онъ:—вампиры опускаются на уснувшихъ домашнихъ птицъ и сосутъ у нихъ кровь; птицы, вслѣдствіе полученной раны, часто заболѣваютъ гангреной и умираютъ. Вампиры кусаютъ также лошадей, муловъ, рогатый скотъ, садясь чаще всего на бедра, плечи и шею; наконецъ, нападаютъ даже на людей, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться на опытѣ: на меня лично четыре раза нападали вампиры посреди деревни въ то время, когда я спалъ въ хижинѣ; объектомъ ихъ вожделѣній постоянно оказывался большой палецъ моей правой ноги. Въ то время, когда вампиры занимались своимъ дѣломъ, я не чувствовалъ ника-

кой боли; раны, нанесенныя ими, представляли собою круглыя или овальныя отверстія, имѣвшія въ діаметрѣ 2—3 сантим. Глубина ранъ была ничтожна; несмотря на это, все же можно было видѣть, что животныя, прежде чѣмъ добраться до крови, должны были оторвать кусочекъ кожи, а не просто уколоть, какъ можно было бы предположить. Помимо той крови, которую высосали вампиры, изъ раны вытекало еще, въ моментъ самой сильной аттаки, какъ нужно думать, около 15 граммовъ ея. Хотя въ ранахъ ощущалась нѣкоторая боль, въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней, однако, онѣ мнѣ казались такими незначительными, что я и не думалъ прибѣгать къ лѣченію. Такъ какъ подобныя раны никакой опасности не представляютъ, и такъ какъ извѣстно, что летучія мыши занимаются сосаніемъ крови только въ такія ночи, когда имъ нечего ѣсть, то никто не боится этихъ животныхъ, никто на нихъ вниманія не обращаетъ, хотя про нихъ и разсказываютъ разныя удивительныя вещи. Такъ, напр., утверждаютъ, что вампиры, чтобы не дать проснуться своей жертвѣ, слегка щекочутъ и обмахиваютъ крыльями то мѣсто, къ которому они хотятъ присосаться».

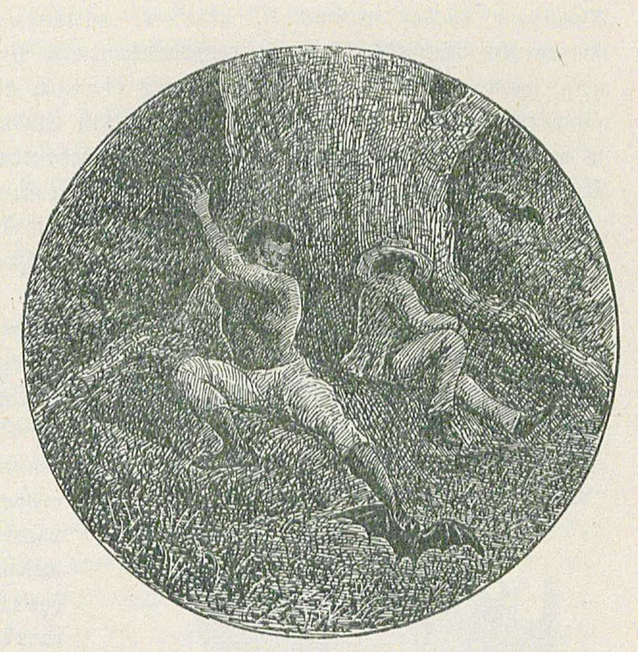


Рис. 34. Путешественникамъ или туземцамъ, уснувшимъ подъ открытымъ небомъ, вампиры устраиваютъ иногда очень непріятные сюрпризы.

Очень странно, во всякомъ случаѣ, въ этомъ разсказѣ то, что нанесеніе ранъ, діаметромъ въ 2—3 сантим., прошло незамѣченнымъ, въ то время какъ извѣстно, что уколъ, причиненный москитомъ или клопомъ, настолько ощутителенъ, что можетъ разбудить спящаго. Д'Азаръ безъ сомнѣнія ошибся, написавъ «2—3 сантиметра» вмѣсто 2—3 миллиметровъ.

* * *

Потомство у летучихъ мышей является весною.

Обыкновенно самка рождаетъ только одного дѣтеныша. Этотъ послѣдній, лишь только появится на свѣтъ, тотчасъ хватается лапками за тѣло матери, отыскивая соски, расположенные въ томъ же мѣстѣ, гдѣ находятся груди у женщины. Самка не разстается со своимъ дѣтенышемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не окрѣпнетъ, и повсюду тащитъ его съ собою. Очень интересно видѣть тогда лету-

чую мышь, которая летаетъ со своимъ потомствомъ, иногда — довольно внушительныхъ размѣровъ дѣтенышемъ, спрятаннымъ подъ брюхомъ.

Пуше разсказываетъ, что, осматривая однажды подземелья въ старомъ аббатствѣ департамента Нижней-Сены, онъ увидѣлъ на сводахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлыя полчища летучихъ мышей, принадлежащихъ къ виду подковоносовъ. Животныя висѣли рядами и, казалось, вплотную прилегали другъ къ другу. Вспугнутые появленіемъ людей, сопровождавшихъ Пуше, и яркимъ свѣтомъ факеловъ, подковоносы стали метаться во всѣ стороны; многіе изъ нихъ въ смятеніи потеряли своихъ дѣтенышей, которые попадали внизъ на землю и скоро поползли по всей пещерѣ; нѣкоторые обрушились на посѣтителей, повисли на ихъ платьѣ. Маленькія существа имѣли въ длину около сантиметра; всѣ самки, которыхъ удалось тогда захватить, были безъ своихъ дѣтенышей, которыхъ онѣ успѣли уже побросать.

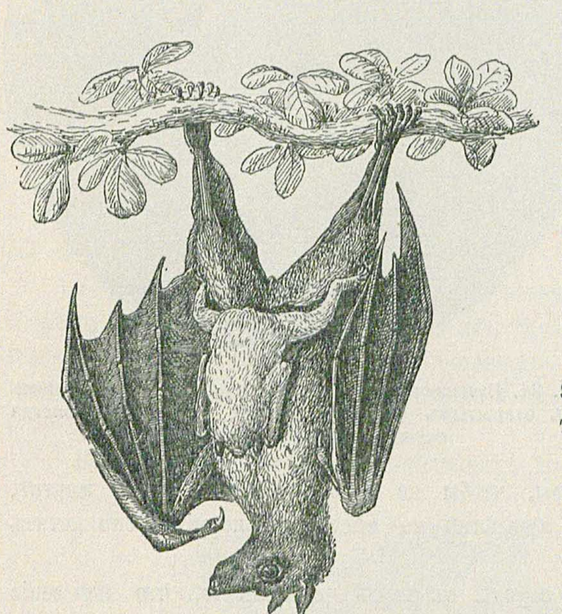


Рис. 35. Летучая мышь, кормящая своего дѣтеныша.

Можно было бы сдѣлать изъ этого изображенія эмблему материнства, если бы „модель“ не была такъ мало привлекательна.

Когда Пуше въ другой разъ посѣтилъ эти подземелья, онъ имѣлъ случай наблюдать, какъ летучія мыши летаютъ вмѣстѣ со своимъ потомствомъ. Во время охоты за этими животными, только двое сосуновъ упали на землю; были пойманы четыре самки, которыя всѣ имѣли по одному дѣтенышу на брюхѣ. Дѣтенышъ крѣпко держался за тѣло своей матери посредствомъ заднихъ лапъ, причемъ лежалъ такимъ образомъ, что передняя часть его тѣла покоилась у задней конечности материнскаго туловища, и обратно. Юнецъ очень тѣсно прижался къ своей матери, и внѣшность обоихъ животныхъ, формы которыхъ отчасти слились между собою, казалась, поэтому, съ перваго взгляда очень странной.

Внимательно разсматривая эту группу, Пуше замѣтилъ, что дѣтенышъ держался за мать съ помощью острыхъ когтей своихъ заднихъ лапокъ, уцѣпившихся за боковыя части материнскаго туловища.

Головка сосуна, направленная кзади, высовывалась изъ-за перепонки, которая простирается отъ лапъ къ хвосту. Самка, чтобы съ своей стороны сдѣлать положеніе сосуна болѣе безопаснымъ, по всей вѣроятности, держала свои пятки подъ складкой крыла своего дѣтеныша.

Юнцы такъ крѣпко вцѣпились въ своихъ матерей, что разорвать эту связь, несмотря на самыя энергичныя насильственныя мѣры, иногда не удавалось совсѣмъ. Пуше полагаетъ, что во время полета мать нисколько не заботится о своемъ сосунѣ, за исключеніемъ развѣ того случая, когда онъ слегка подростетъ и нѣсколько увеличится въ вѣсѣ; тогда она просовываетъ кончики своихъ заднихъ лапъ подъ его крылышки, съ цѣлью крѣпче держать его. Вотъ почему во время своей первой экскурсіи Пуше нашелъ такъ много дѣтенышей на полу подземелья, а во время второй такъ мало: почти всѣ сосуны очень крѣпко держались, за своихъ матерей. Тогда дѣтеныши были значительно моложе и, обладая меньшей силой, не могли такъ крѣпко цѣпляться за материнское тѣло, и вслѣдствіе этого падали внизъ, когда самки въ сильнѣйшемъ испугѣ заметались въ подземельи, дѣлая рѣзкія, грубыя движенія; а теперь, выросши и окрѣпши, дѣтеныши точно припаялись къ своимъ кормилицамъ, и надо было употребить значительное физическое усиліе, чтобы разъединить ихъ.

Летучія мыши этого вида,—говоритъ Пуше:—особой любви къ своему потомству не выказываютъ: когда самка, запертая въ клѣтку, чувствуетъ, что ея дѣтенышъ стѣсняетъ ее своими безпокойными движеніями, она яростно кусаетъ его. Когда летучая мышь отдыхаетъ, т. е., уцѣпившись за выступы пещерныхъ сводовъ, свѣшивается внизъ въ неподвижной позѣ, ея дѣтенышъ, вѣроятнѣе всего, принимаетъ другое положеніе, безъ сомнѣнія обратное, для того, чтобы голова его могла соприкасаться съ сосками; позу, описанную выше, онъ принимаетъ только во время полета матери, по тѣлу которой онъ двигается съ величайшей легкостью, цѣпляясь за ея кожу посредствомъ своихъ когтей и крыльевъ. Нерѣдко можно наблюдать слѣдующее явленіе: въ то время, когда пойманная самка сидитъ въ клѣткѣ, съ распростертыми крыльями, ея дѣтенышъ, передвигаясь подъ этими послѣдними, взбирается ей на спину и начинаетъ свободно разгуливаться по ней, останавливаясь, гдѣ заблагоразсудится. Такая прогулка, однако, причиняетъ самкѣ не малую боль, потому что дѣтенышъ при каждомъ движеніи, которое онъ дѣлаетъ, впивается своими острыми когтями въ ея тѣло; мать, подъ вліяніемъ причиняемой ей боли, либо издаетъ крики, либо кусаетъ своего неугомоннаго сосуна, и этимъ требуетъ, чтобы онъ прекратилъ свое странствованіе по материнскому тѣлу.

Мансіонъ видѣлъ однажды, какъ сорвался дѣтенышъ летучей мыши. Такого рода паденія, какъ мы знаемъ уже изъ наблюденій Пуше, не всегда имѣютъ роковой исходъ. Сосунъ, чувствуя, что онъ падаетъ, инстинктивно расправилъ свою летательную перепонку и, превративъ ее въ своего рода парашютъ, значительно ослабилъ силу вертикальнаго паденія. Едва онъ успѣлъ коснуться земли какъ мать была уже подлѣ, покрывъ своимъ тѣломъ дѣтеныша, лежавшаго безъ движенія; самка тотчасъ предоставила въ его распоряженіе свои соски, которыя тотъ поспѣшилъ схватить; паденіе, сильно замедленное, повидимому, нисколько его не оглушило. Теперь надо было оставить землю и подняться на воздухъ, что для бѣдной матери, обремененной дѣтенышемъ, было очень трудной задачей. Ей, наконецъ, удалось это, послѣ долгихъ безполезныхъ попытокъ, послѣ цѣлаго ряда

торопливыхъ скачковъ, напоминая своими неловкими движеніями, какъ удачно выразился Труссаръ, «походку человѣка съ очень короткими ногами, передвигающагося на костыляхъ, которые для него слишкомъ велики».

И дѣйствительно, для того, чтобы передвигаться по землѣ, летучая мышь, прижавъ къ бокамъ летательную перепонку и приблизивъ къ ней плечо, цѣпляется за землю, впиваясь въ нее послѣдовательно то когтемъ большого пальца правой руки, то когтемъ большого пальца лѣвой, затѣмъ она рѣзкимъ движеніемъ стремительно бросается впередъ, оттолкнувшись отъ земли задними лапами.

Дѣлая такія скачущія движенія послѣдовательно одно за другимъ, летучая мышь передвигается съ довольно большой скоростью; получается даже такое впечатлѣніе, что она быстро бѣгаетъ.

Такимъ-то путемъ, очень остроумнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма утомительнымъ, животному удается наконецъ подняться на воздухъ.

Летучая мышь, которую наблюдалъ Мансіонъ, получивъ, наконецъ, возможность пустить въ ходъ свои крылья, издала радостный торжествующій крикъ, крикъ самки, которой удалось спасти своего дѣтеныша.

Одинъ фермеръ изъ деревни Вирсе-Барсъ (долина Гою) увѣрялъ Мансіона, что онъ однажды видѣлъ, какъ летучая мышь, нечаянно выронившая своего сосуна, поспѣшно распласталась въ воздухѣ и стремительно бросилась внизъ, чтобы подхватить его въ свои большія раскрытыя крылья, прежде чѣмъ онъ ударится о землю.

ГЛАВА V.

Морскія чудовища.

Море даетъ натуралисту неисчерпаемый матеріалъ для наблюденій. Тутъ, рядомъ съ безчисленнымъ множествомъ маленькихъ существъ, живущихъ у береговъ, въ небольшихъ заливахъ и лужахъ, расположенныхъ подъ прибрежными скалами, рядомъ съ рыбами, бороздящими морскія глубины, рядомъ со странными созданіями, населяющими дно моря (къ этимъ животнымъ мы вернемся еще впослѣдствіи), встрѣчаются гигантскія животныя, настоящія морскія чудовища, которыхъ даже пылкое воображеніе Ж. Верна не рѣшилось бы описать, если бы они не существовали на самомъ дѣлѣ. Ничего подобнаго этимъ животнымъ на материкѣ не встрѣчается.

Большинство этихъ «чудовищъ» относится къ млекопитающимъ, принадлежащимъ къ группѣ китообразныхъ. Прежде чѣмъ приступить къ описанію ихъ образа жизни и привычекъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ физической организаціи.

Китообразныя такъ хорошо приспособились къ водной стихіи, въ которой поселились, что переняли нѣкоторыя внѣшнія черты,—форму, главнымъ образомъ,—отъ своихъ сосѣдокъ—рыбъ. Ни на одной группѣ животныхъ съ такой очевидностью не сказывается вліяніе среды на строеніе организма, какъ именно на группѣ китообразныхъ.

Внѣшняя форма ихъ почти всегда однообразна: какъ и у рыбъ, голова, туловище и хвостъ у нихъ точно вылиты изъ одного куска. Голова всегда громадна. Хвостъ оканчивается двураздѣльнымъ плавникомъ. Извѣстно, что хвостовый плавникъ у рыбъ вертикаленъ; у китообразныхъ онъ, наоборотъ, горизонталенъ. На средней линіи хребта часто можно замѣтить маленькое возвышеніе, которое, безъ сомнѣнія, служитъ для того, чтобы сдѣлать положеніе животнаго въ водѣ болѣе устойчивымъ. Заднія лапы отсутствуютъ совсѣмъ; существуютъ только переднія члены, но въ нихъ нельзя различить ни плеча, ни предплечья, ни руки. Всѣ эти части слились въ два широкихъ плоскихъ плавника, ударъ которыхъ, во всякомъ случаѣ, можетъ быть весьма чувствительнымъ.

Млекопитающія въ прежнее время назывались «шерстеносными»; этимъ названіемъ они были обязаны шерсти, покрывающей ихъ тѣло. Когда было дока-

зано, что китообразныя относятся къ млекопитающимъ, пришлось отказаться отъ этого названія, потому что китообразныя совершенно лишены шерсти: ихъ кожа, лишенная всякой растительности, такъ же гладка, какъ черепъ совершенно лысаго человѣка. У очень юныхъ китовъ, преимущественно у такихъ, которые только-что родились, можно найти слѣды кое-какой растительности, но такіе ничтожные, что о нихъ, собственно, и говорить не стоитъ.

Видя, какой необыкновенной толщины достигаетъ кожа у носороговъ и слоновъ, можно было бы предположить, что и киты должны обладать подобными же мощными кожными покровами. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не замѣчается: кожа у китообразныхъ необыкновенно тонка, и пробить ее не стоитъ никакого труда. Зато большой толщиной отличаются слои жира, расположенные подъ кожей; у кита слой жира, прилегающій къ угламъ нижней челюсти, имѣетъ въ толщину 37 сантиметровъ, отложившійся на брюхѣ—10 сантим., а расположенный впереди спинного плавника—40 сантим.

Эти обильныя жировыя отложенія, составляющія главную цѣнность китовъ, имѣютъ двоякое назначеніе: съ одной стороны, они уменьшаютъ вѣсъ тѣла животнаго въ водѣ—каждому извѣстно, что жиръ легче воды,—съ другой—предохраняютъ животное отъ большихъ потерь тепла.

Кости китообразныхъ не представляютъ собою компактной ткани, какъ кости млекопитающихъ; онѣ имѣютъ зубчатое строеніе и испещрены углубленіями, которыя наполнены жиромъ. Отдѣлить этотъ жиръ отъ костной ткани очень трудно.

Мышцы окрашены въ густой темно-красный, почти черный цвѣтъ. Я имѣлъ случай однажды попробовать кусокъ китоваго мяса и долженъ признаться, что большой прелести оно не представляло—я жевалъ настоящую подошву.

Главный органъ движенія—очень мускулистый хвостъ. Вошедшая въ пословицу необыкновенная подвижность дельфиновъ хорошо всѣмъ извѣстна. Киты, кромѣ того, пользуются своимъ хвостомъ, какъ орудіемъ защиты и нападенія: однимъ ударомъ своего сильнаго хвоста животное можетъ разбить вдребезги цѣлую барку. Хвостъ составленъ изъ цѣлаго ряда волокнистыхъ пластинокъ, перекрещивающихся во всевозможныхъ направленіяхъ; на этихъ пластинкахъ фиксируются сухожилія хвостовыхъ мышцъ.

«Если бы, огромныя двигательныя сухожилія плавника,—замѣчаетъ Ивъ Делажъ:—были непосредственно прикрѣплены къ костямъ, какъ это обыкновенно бываетъ, то позвоночный столбъ животнаго непремѣнно долженъ былъ бы сломаться. При существующей конструкціи, наоборотъ, всѣ части связаны между собою и каждая, съ своей стороны, содѣйствуетъ прочности цѣлаго. Хвостовый плавникъ, разсѣкая воду снизу вверхъ, даетъ возможность животному нырять».

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что организмъ китообразныхъ чрезвычайно богатъ кровью. Извѣстно, что обиліе крови есть общій характерный признакъ всѣхъ ныряющихъ животныхъ. Чтобы далеко не ходить за примѣромъ, вспомнимъ только нашу обыкновенную домашнюю утку. Утка, птица водяная, гораздо богаче кровью, чѣмъ курица. Количество крови, содержащееся въ тѣлѣ

кита, колоссально: громадная масса крови, циркулирующей въ кровеносныхъ сосудахъ животнаго, является въ нѣкоторомъ родѣ резервуаромъ или хранилищемъ кислорода, которымъ животное пользуется въ тѣ минуты, когда исчезаетъ подъ водою.

Грудные соски не выступаютъ впередъ, какъ у большей части другихъ млекопитающихъ, а наоборотъ, глубоко запрятаны въ складкахъ, настоящихъ карманахъ, расположенныхъ въ нижней части тѣла подъ брюхомъ. Чтобы схватить соски, надо глубоко засунуть руки въ эти карманы. Молоко, вырабатываемое сосками, имѣетъ густую сливочную консистенцію; оно богато жировыми веществами и отличается пріятнымъ вкусомъ.

*
* *

Изъ китообразныхъ наиболѣе извѣстны киты. Они имѣютъ длину 15 — 20 метровъ, иногда даже больше; тѣло у нихъ крупное, дородное, голова очень большая, толстое туловище по направленію къ хвосту съуживается. Огромный ротъ не имѣетъ, собственно говоря, зубовъ; мѣсто этихъ послѣднихъ занимаютъ на верхней челюсти громадныя роговыя пластинки, извѣстныя подъ названіемъ, китовыхъ усовъ. Эти пластинки, распиленныя на тонкія, гибкія полоски, имѣютъ обширное примѣненіе въ корсетномъ производствѣ; каждый китъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи отъ 300 до 1.000 усовъ.

На головѣ кита находятся два отверстія, такъ-называемыя отдушины; отдушины снабжены мышцами, съ помощью которыхъ животное можетъ ихъ закрывать, находясь подъ водою.

Китъ обыкновенно плаваетъ на поверхности моря, погрузивъ въ воду свой огромный зѣвъ, который почти безпрерывно глотаетъ добычу. Въ виду этого, дыханіе кита должно было бы быть весьма затруднительнымъ, если бы онъ не обладалъ спеціальнымъ приспособленіемъ, которое дѣлаетъ дыхательный процессъ легче и свободнѣе. Гортань снабжена особыми мышцами, которыя позволяютъ ей простираться до задней части дыхательнаго горла и прямо соединяться съ ноздрями.

Такимъ образомъ, легкія имѣютъ возможность непосредственно сообщаться съ окружающимъ воздухомъ.

Во всѣхъ элементарныхъ руководствахъ киты изображаются со струею воды, которая фонтаномъ бьетъ черезъ отдушины; при этомъ говорится, что этотъ фонтанъ питается водою, захваченной пастью животнаго. Это объясненіе, однако, безусловно ошибочно. Фонтанъ, дѣйствительно, существуетъ, но этотъ фонтанъ не водяной, а паровой.

Тѣло кита имѣетъ очень высокую температуру; вслѣдствіе этого, газообразные продукты, выдыхаемые легкими, очень горячи. Приходя въ соприкосновеніе съ холоднымъ окружающимъ воздухомъ, горячіе водяные пары, выдѣляющіяся наружу вмѣстѣ съ угольной кислотой, быстро сгущаются въ туманное непрозрачное облако, которое можно видѣть на большомъ разстояніи (рис. 36).

Вырываясь черезъ щели отдушинъ наружу, выдыхаемые животнымъ газообразные продукты производятъ сильный шумъ, слышный далеко вокругъ. Киты, появившись на поверхности воды, «сопятъ» очень громко, съ перерывами, обык-

новенно 6—8 разъ подъ рядъ. Послѣдній выдохъ длится дольше, чѣмъ предыдущіе; онъ, поэтому, служитъ указаніемъ для рыбаковъ, что животное собирается нырнуть, или, какъ говорятъ, «зондировать» (рис. 37).

При взглядѣ на гигантское тѣло кита невольно является предположеніе, что онъ долженъ питаться крупными животными. Въ дѣйствительности, это совсѣмъ не такъ; колоссальное по своимъ размѣрамъ морское чудище не въ состояніи проглотить благодаря узкому пищеводу даже такой маленькой рыбы, которая по своей величинѣ не больше трески, а питается мелкими животными, плавающими въ морѣ. Размѣры этихъ животныхъ ничтожны:—величина ихъ колеблется отъ 1 милл. до 1 сантим. (см. рис. 36 и 37), но зато въ какомъ невѣроятномъ количествѣ истребляютъ ихъ киты! Вода, заключающая въ себѣ миріады этихъ маленькихъ существъ, широкой волною входитъ въ вѣчно раскрытый громадный зѣвъ, затѣмъ выливается черезъ щели «усовъ», но при этомъ животные организмы, находящіеся въ ней, не уносятся прочь, а остаются внутри, задерживаемые роговыми пластинками, точно ситомъ. Китъ, конечно, глотаетъ свою добычу, не разжевывая ея.

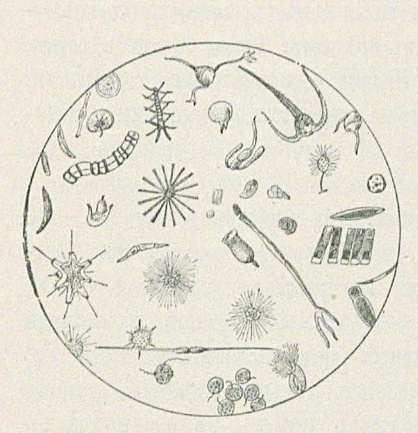


Рис. 36. **Микроскопическія животныя, проглатываемыя во множествѣ китомъ.**

Рис. 37. **Пища кита, видимая простымъ глазомъ.**
Крылоногія, настоящія водяныя бабочки, маленькія ракообразныя. Весь этотъ міръ исчезаетъ въ пасти морского гиганта при каждомъ глоткѣ.

Пищу китовъ составляютъ главнымъ образомъ: медузы, голыя улитки, затѣмъ микроскопическіе — малые организмы, какъ, напр., инфузоріи и пр., и наконецъ ракообразныя и маленькіе крылатые моллюски; эти послѣдніе имѣютъ пару мясистыхъ крыльевъ и, пользуясь ими, летаютъ въ водѣ, какъ бабочки по воздуху.

Въ общемъ киты употребляютъ въ пищу все то, что натуралисты съ нѣкоторыхъ поръ стали называть *планктонами*; подъ планктонами разумѣются «всѣ организмы, которые пассивно плаваютъ на поверхности воды». Киты охотнѣе всего посѣщаютъ тѣ части моря, которыя окрашены въ красный или зеленый цвѣтъ, благодаря присутствію безчи-

сленнаго множества фосфоресцирующихъ микроскопически малыхъ животныхъ организмовъ.

Киты обыкновенно плаваютъ очень медленно, дѣлая въ часъ 5—7 верстъ, не больше; но чувствуя за собою погоню, они начинаютъ двигаться съ значительно бо̀льшей скоростью.

Самка кита производитъ на свѣтъ въ общемъ за разъ не болѣе одного дѣтеныша, къ которому относится съ необыкновенною нѣжностью. Чтобы «китенокъ» имѣлъ возможность свободно сосать грудь, не подвергаясь опасности задохнуться, самка ложится бокомъ такимъ образомъ, что соски чуть-чуть возвышаются надъ уровнемъ воды.

Раньше полагали, что существуютъ только два вида китовъ—именно, такъназываемый «вольный» и австралійскій. Въ настоящее время извѣстно значительно большее число видовъ.

Настоящій сѣверный китъ живетъ вблизи Шпицбергена и въ Баффиновомъ проливѣ; лѣтомъ онъ переселяется на югъ, добираясь до шестидесятаго градуса широты; нѣкоторые заглядываютъ въ Берингово море.

Китоловнымъ промысломъ раньше всѣхъ стали заниматься баски и испанцы. Въ Испаніи до сихъ поръ сохранились еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развалины башенъ, съ высоты которыхъ въ старину наблюдали за появленіемъ китовъ въ Гасконскомъ заливѣ; сохранились также остатки печей, гдѣ производилось топленіе ворвани, а также уцѣлѣли еще нѣкоторые снаряды, которые употреблялись для ловли китовъ.

Сначала баски довольствовались охотой въ Гасконскомъ заливѣ; но замѣтивъ вскорѣ, что добыча дѣлается все скуднѣе, они стали искать ее въ другихъ мѣстахъ; гоняясь за китами, баски доходили до Ламаншскаго пролива и Сѣвернаго моря. Это было приблизительно въ XI вѣкѣ.

Позже, именно въ XIV вѣкѣ, эти неутомимые китоловы доходили до береговъ Новой Земли.

Въ XVI вѣкѣ были открыты киты въ сѣверныхъ моряхъ. Тотчасъ туда явились баски, а вслѣдъ за ними голландцы и англичане, которые вскорѣ пріобрѣли перевѣсъ надъ первыми и вытѣснили почти совсѣмъ піонеровъ китоловнаго промысла изъ сѣверныхъ водъ. Но и оставшіеся не могли сразу подѣлить между собою новыя охотничьи владѣнія: между англичанами и голландцами часто возникали споры изъ-за обладанія тѣмъ или инымъ участкомъ; взаимнымъ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ былъ положенъ впослѣдствіи конецъ мирнымъ соглашеніемъ, благодаря которому вся обширная площадь была полюбовно размежевана: голландцы получили сѣверъ, англичане—югъ. Въ XVII вѣкѣ, когда китоловный промыселъ достигъ своего апогея, голландцы послали къ Шпицбергену около четырехсотъ судовъ.

Въ XVIII вѣкѣ центръ китовой ловли былъ перенесенъ въ Баффиновъ проливъ. Съ 1669 по 1778 годъ было убито не менѣе 57.560 китовъ. Съ той поры этотъ промыселъ сталъ прогрессивно падать въ сѣверныхъ моряхъ; въ настоящее

время имъ главнымъ образомъ занимаются тамъ норвежцы, которые охотятся за китами вблизи своего сѣвернаго побережья.

Въ концѣ XVIII вѣка китоловный промыселъ началъ развиваться въ Тихомъ океанѣ; въ 1788 году была произведена первая охота, и съ тѣхъ поръ въ теченіе многихъ лѣтъ подъ рядъ она производилась довольно дѣятельно въ территоріи, заключенной между 80 град. широты и 100 град. долготы.

Нѣсколько позже китоловы въ поискахъ добычи отправились къ берегамъ Калифорніи, Камчатки, Японіи, гдѣ охотились съ большимъ успѣхомъ. Эта «сѣверо-западная» охота и теперь еще считается весьма прибыльной. 35 лѣтъ тому назадъ китоловный флотъ Соединенныхъ Штатовъ состоялъ изъ 655 судовъ.

Въ настоящее время центромъ торговли продуктами китоловнаго промысла является Санъ-Франциско; въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ здѣсь было продано китоваго уса на сумму 450.000 ф. ст. Въ 1893 г. было поймано 298 китовъ, а въ 1894 г.—всего 87. Это показываетъ, какъ быстро начинаетъ падать китоловный промыселъ.

* * *

Охота за китами производится двоякимъ образомъ: либо животное поджидаютъ на берегу, либо отправляются искать его въ открытомъ морѣ. Первый способъ практикуется въ Норвегіи; тутъ охотятся за тѣми видами китовъ, которые у рыбопромышленниковъ извѣстны подъ названіемъ «голубыхъ». Охота, которая разрѣшается только отъ іюня до сентября, сосредоточивается главнымъ образомъ въ Вадсо, маленькомъ городкѣ въ Варенгерфіордѣ.

Когда съ берега замѣчаютъ приближеніе кита, охотники тотчасъ выѣзжаютъ на баркахъ въ море. Въ прежнее время единственнымъ орудіемъ нападенія служилъ ручной гарпунъ, прикрѣпленный къ лодкѣ посредствомъ длинной веревки. Китоловная лодка имѣла длинный узкій корпусъ; благодаря такому устройству, она получала возможность легко слѣдовать за китомъ, который увлекалъ ее за собою съ неимовѣрною быстротой.

Въ настоящее время охота производится съ помощью болѣе усовершенствованныхъ пріемовъ. Гарпунъ теперь не бросается съ руки, какъ раньше, а вылетаетъ изъ дула небольшой пушки, поставленной на борту китоловнаго судна. Китоловныя суда также значительно измѣнили свою физіономію; среди нихъ встрѣчается не мало такихъ, которыя имѣютъ паровые двигатели.

Пушка на китоловномъ суднѣ,—говоритъ принцъ Роландъ Бонапартъ:—стоитъ на подвижной подставкѣ, которая даетъ возможность поворачивать орудіе во всѣхъ направленіяхъ. Выстрѣлъ производится при помощи курка, собачка котораго привязана къ длинной веревкѣ. Дуло орудія имѣетъ прицѣлъ и мушку, точь въ точь какъ ружье. Къ наконечнику гарпуна прикрѣпленъ снабженный стальнымъ остріемъ разрывной снарядъ, который лопается, когда попадаетъ въ тѣло животнаго (рис. 38).

Въ этотъ моментъ многочисленные стержни, длиною въ 0,25 метра, которые лежали сложенными вдоль ствола гарпуна, мгновенно расправляются наподобіе

палочекъ зонтика, и такимъ образомъ мѣшаютъ снаряду выскользнуть изъ тѣла животнаго.

Къ гарпуну прикрѣпленъ длинный кабель, помѣщенный въ задней части трюма; кабель проходитъ черезъ рядъ нажимовъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ. Наводчикъ, который долженъ быть человѣкомъ очень ловкимъ и хладнокровнымъ, держится одной рукою за прикладъ орудія, а другой за веревку, привязанную къ собачкѣ. Когда сигнальщикъ, сидящій въ вороньемъ гнѣздѣ на верхушкѣ мачты, дастъ знакъ, что на горизонтѣ показался китъ, судно начинаетъ двигаться по направленію къ тому мѣсту, гдѣ было замѣчено животное, такъ соразмѣряя свой ходъ, чтобы очутиться вблизи кита въ тотъ моментъ, когда онъ вынырнетъ на поверхность воды. Трудно сказать заранѣе, въ какомъ именно мѣстѣ вынырнетъ снова китъ, но старые моряки, хорошо изучившіе привычки живот-

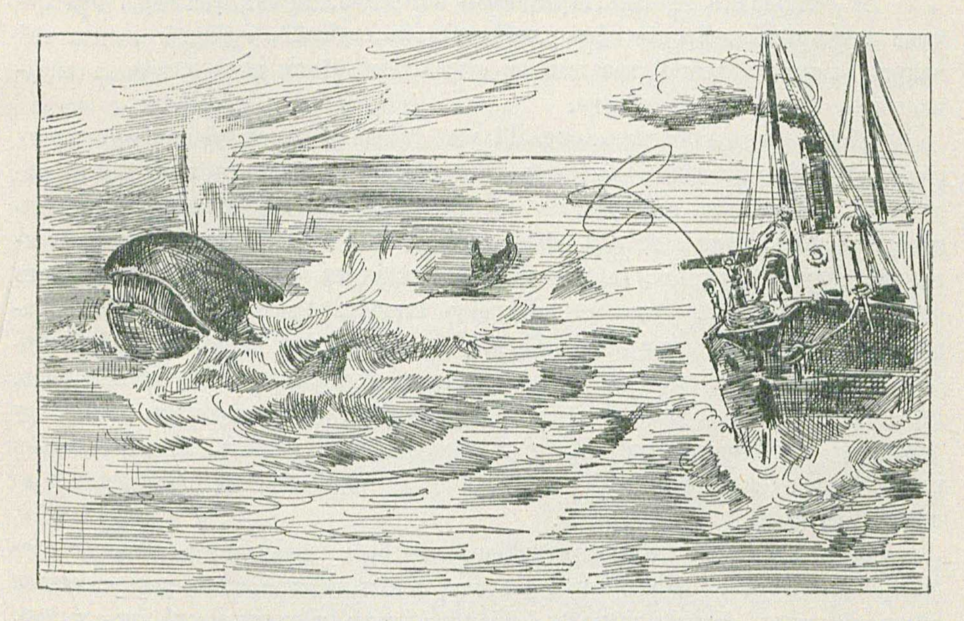


Рис. 38. **Охота на кита.**
Пушка выбрасываетъ снарядъ, впивающійся въ бока животнаго.

наго, опредѣляютъ это на основаніи многолѣтняго опыта довольно точно. Обыкновенно выстрѣлъ въ животное производится на разстояніи 11—12 саженъ; при этомъ силу выстрѣла соразмѣряютъ такимъ образомъ чтобы снарядъ не пробилъ какой-нибудь части животнаго навылетъ, а остался бы въ тѣлѣ и разорвался въ немъ; пробивающая сила снаряда должна быть не велика; слѣдовательно, пушка можетъ получать только слабые заряды, что имѣетъ и свои неудобства. При слабомъ напорѣ вырывающихся наружу газовъ снарядъ описываетъ сильно удлиненную параболу, вслѣдствіе чего попасть, какъ слѣдуетъ, становится довольно трудно.

Раненое животное мгновенно скрывается подъ водою, разматывая огромный

кабель, свернутый въ кругъ на борту судна, которое начинаетъ скользить по водѣ съ головокружительной быстротой; съ цѣлью ослабить хоть отчасти это необыкновенно стремительное движеніе впередъ, дается контръ-паръ и распускаются паруса, которые ставятся перпендикулярно къ бортамъ парохода.

Убитаго кита привязываютъ желѣзными цѣпями за нижнюю челюсть и за хвостъ, затѣмъ выволакиваютъ на отлогій берегъ, гдѣ и приступаютъ къ его потрошенію, которое длится обыкновенно 7 — 8 дней: главный продуктъ изъ всей добычи—это, конечно, ворвань, которая нарѣзывается кусками посредствомъ большихъ ножей и затѣмъ транспортируется въ ближайшій салотопенный заводъ, гдѣ ее растапливаютъ и очищаютъ. Остатки и отбросы, высушенные и измельченные въ порошокъ, представляютъ собою недурное удобреніе, которое имѣетъ довольно широкій сбытъ, главнымъ образомъ въ Германію.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ норвежскаго побережья, китовъ убиваютъ при помощи самострѣловъ. Прежде чѣмъ приступить къ стрѣльбѣ, охотники ждутъ той минуты, когда животное попадетъ въ огороженное мѣсто, которое тотчасъ окружается со всѣхъ сторонъ сѣтями.

«Когда китъ,—разсказываетъ Шарль Рабо:—очутится во второмъ кругу сѣтей, охотники торопливо занимаютъ свои мѣста въ лодкахъ и готовятся къ нападенію, внимательно всматриваясь въ то мѣсто, гдѣ по ихъ мнѣнію долженъ появиться китъ. Оружіе ихъ въ общемъ неудовлетворительно: на большія разстоянія его примѣнять нельзя; болѣе того, конструкція его такова, что не допускаетъ правильнаго прицѣла. Тутъ все искусство состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться благопріятнымъ моментомъ. Когда у кита является потребность подышать воздухомъ, онъ появляется на поверхности воды, обыкновенно три раза подъ рядъ, передвигаясь все въ одномъ и томъ же направленіи. Охотники хорошо знаютъ эту привычку; при первомъ появленіи животнаго они не стрѣляютъ, а становятся на свои мѣста и спускаютъ курокъ только тогда, когда животное показывается во второй или даже въ третій разъ».

Стрѣлы, выбрасываемыя самострѣломъ или арбалетомъ, не въ состояніи пробить толстаго слоя мяса и жира, поэтому, задѣть важные жизненные органы и этимъ обусловить болѣе или менѣе быструю смерть животнаго онѣ не могутъ: онѣ причиняютъ киту только поверхностныя ссадины и царапины. Но эта безвредность стрѣлъ только кажущаяся: — въ дѣйствительности онѣ очень опасны, потому что на наконечникахъ ихъ находятся ядовитыя вещества, вызывающія неминуемую смерть животнаго. Настоящимъ ядомъ норвежскіе охотники своихъ стрѣлъ не намазываютъ, какъ это дѣлаютъ многіе дикари, а поступаютъ гораздо проще: они никогда не чистятъ своего оружія, которое покрывается грязью и ржавчиной, и вслѣдствіе этого пріобрѣтаетъ весьма ядовитыя свойства. Рана, причиненная такимъ загрязненнымъ оружіемъ, быстро вызываетъ острое гнилостное воспаленіе,—и въ результатѣ, спустя болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, наступаетъ смерть отравленнаго животнаго.

Охота въ открытомъ морѣ гораздо труднѣе и рискованнѣе, между прочимъ потому, что море само по себѣ является весьма опаснымъ элементомъ. Тутъ охота

производится на спеціальныхъ, такъ-называемыхъ китоловныхъ, судахъ. Размѣры ихъ и конструкція весьма различны; въ огромномъ большинствѣ случаевъ, водоизмѣщеніе ихъ равняется 400—600 тоннъ. Если сдѣлать ихъ поменьше, то они не будутъ достаточно стойки и крѣпки,—если сдѣлать ихъ больше, то постройка ихъ обойдется слишкомъ дорого: снаряженіе хорошаго китоловнаго судна стоитъ не менѣе 100.000 рублей.

Китоловныя суда должны отличаться такой прочной конструкціей, чтобы имѣть возможность держаться въ морѣ въ продолженіе довольно долгаго времени,—именно, въ продолженіе трехъ-четырехъ лѣтъ; имъ зачастую приходится проплывать огромныя пространства, прежде чѣмъ они наткнутся на желанную добычу. Кромѣ того, эти суда должны быть приспособлены не только къ охотѣ за китами, но также къ препарированію и сохраненію продуктовъ, составляющихъ главную цѣль охоты. Для этого на палубѣ китоловнаго судна устроены печи-салотаялки, гдѣ въ большихъ тазахъ плавятся груды изрѣзаннаго китоваго сала, а остатками жира, негодными для вытапливанія, пользуются, какъ превосходнымъ горючимъ матеріаломъ, замѣняющимъ уголь.

Каждое китоловное судно имѣетъ четыре лодки-пироги, которыя прикрѣплены такимъ образомъ, что по желанію съ величайшей быстротой могутъ быть спущены и вновь подняты на верхъ.

Пироги всегда строятся по одному и тому же типу. Длина ихъ обыкновенно равняется 12—13 арш., причемъ заостренными концами снабжены какъ носовая часть, такъ и кормовая, такъ что лодка можетъ съ одинаковой быстротой передвигаться и впередъ и назадъ: руль замѣненъ большимъ весломъ, посредствомъ котораго можно заставить пирогу двигаться по кругу, или же вращаться на мѣстѣ. На борту пироги поставленъ блокъ, вокругъ котораго намотано нѣсколько сотъ саженъ крѣпкой веревки, прикрѣпленной къ гарпуну. На пирогѣ, кромѣ того, находится много другихъ предметовъ, какъ напр. — ножи, флаги, канаты и т. д.

Главный гарпунъ имѣетъ въ длину около 1½ арш.; его изготовляютъ изъ мягкаго ковкаго желѣза, которое могло бы успѣшно сопротивляться силѣ скручиванія, развиваемой китомъ въ то время, когда онъ производитъ свои стремительныя движенія. Кромѣ гарпуна, большую роль играетъ также копье, имѣющее въ длину 2 — 2½ арш.; къ нему прилаживаютъ веревку длиною въ 7 — 8 саженъ, Наконецъ, нужно упомянуть еще объ одномъ предметѣ, именно объ широкомъ ножѣ, который употребляется для потрошенія животнаго.

Когда китоловное судно входитъ въ воды, населенныя китами, сигнальщики занимаютъ свои мѣста на верхушкахъ мачтъ и внимательно всматриваются вдаль. Замѣтивъ на большомъ разстояніи паровые фонтаны, о которыхъ мы упоминали выше, сигнальщикъ даетъ объ этомъ знать экипажу, который тотчасъ принимается спускать пироги въ воду. Пироги начинаютъ медленно приближаться къ киту; когда разстояніе между ними сократилось до нѣсколькихъ саженъ, гарпунщикъ, стоящій сзади, бросаетъ свое оружіе, которое глубоко впивается въ тѣло животнаго. Китъ такъ изумленъ происшедшимъ, что

въ теченіе нѣкотораго времени не двигается съ мѣста, такъ что охотникъ имѣетъ возможность всадить ему второй гарпунъ.

Почувствовавъ сильную боль, китъ стремительно ныряетъ въ глубину и пытается спастись бѣгствомъ; но это ему не удается, потому что онъ не можетъ разорвать привязанной къ гарпуну веревки, которая быстро развертывается, скользя по блоку.

Гарпунъ предназначенъ не для того, какъ обыкновенно принято думать, чтобы убить животное; цѣль метанія гарпуна состоитъ исключительно въ томъ, чтобы «зацѣпить» кита, не дать ему возможности улизнуть. Когда животное снова появляется на поверхности воды, охотники, таща къ себѣ веревку, привязанную къ гарпуну, начинаютъ снова приближаться къ нему; подойдя къ киту на очень близкое разстояніе, пирога на мгновеніе останавливается, и командиръ ея, схвативъ длинную пику, бросаетъ ее въ животное, съ цѣлью умертвить его. Обыкновенно стараются попасть въ ту часть тѣла, которая расположена позади плавника: это мѣсто считается наиболѣе удобнымъ для нанесенія удара, такъ какъ тутъ легко можно пробить легкія или сердце. Одного удара бываетъ недостаточно, чтобы уложить на мѣстѣ морского гиганта; онъ снова пытается вырваться на свободу, снова увлекаетъ за собою на большое разстояніе пирогу и сидящій въ ней экипажъ.

Второй ударъ, затѣмъ третій постепенно обезсиливаютъ животное все болѣе и болѣе, и, наконецъ, оно испускаетъ духъ; благодаря легкости своего удѣльнаго вѣса, тѣло животнаго всплываетъ на поверхность воды, гдѣ держится брюхомъ вверхъ. Начальникъ пироги даетъ условленный знакъ командиру китоловнаго судна, и судно, дотолѣ неподвижно стоявшее на мѣстѣ, начинаетъ двигаться по направленію къ трупу убитаго животнаго; наконецъ, когда судно остановится вблизи него, трупъ подымаютъ на палубу и приступаютъ къ довольно трудной и сложной операціи потрошенія.

Добытая ворвань продается по 300 руб. за тонну (62 пуда).

Китовый усъ продается по 1.000 руб. за тонну; съ каждымъ годомъ, однако, цѣна на этотъ продуктъ прогрессивно возвышается.

* * *

Другое крупное морское чудовище, на видъ еще болѣе страшное, и во всякомъ случаѣ болѣе неуклюжее, чѣмъ китъ, это—кашалотъ (см. рис. 39). Огромная голова этого животнаго почти такъ же велика, какъ прочая часть тѣла; нижняя челюсть очень мала по сравненію съ верхней, надъ которой возвышается громадная компактная масса, почти срѣзанная подъ прямымъ угломъ; эта масса называется *горбомъ*. Отдушина, единственная, открывается съ лѣвой стороны. Дыханіе кашалота можно узнать на большомъ разстояніи: отъ дыханія кита оно отличается тѣмъ, что длится болѣе короткое время; фонтанъ, выходящій черезъ отдушину, напоминаетъ собою облако табачнаго дыма, такъ какъ имѣетъ голубоватый оттѣнокъ (рис. 39).

Кашалоты живутъ почти во всѣхъ моряхъ земного шара; чаще всего они

встрѣчаются въ тропическихъ и субтропическихъ моряхъ; излюбленное мѣсто этихъ животныхъ—побережье Японіи. Они очень любятъ странствовать и нерѣдко уходятъ очень далеко, добираясь иногда даже до сѣверныхъ морей. Недалеко отъ береговъ Чили находили кашалотовъ, тѣла которыхъ были истыканы японскими гарпунами.

Эти гигантскія чудовища всегда соединяются въ болѣе или менѣе многочисленныя группы и двигаются другъ за другомъ, вытянувшись гуськомъ, причемъ, ныряютъ и показываются на поверхности воды одновременно, точно по командѣ. Эти группы или стаи, въ составъ которыхъ входитъ отъ пятидесяти до ста кашалотовъ, повидимому, имѣютъ во главѣ стараго самца, который играетъ роль предводителя и вожака.

Кашалоты плаваютъ очень быстро, дѣлая въ часъ 10—12 миль. Нерѣдко они измѣняютъ свой строй, растягиваясь по прямой линіи; они дѣлаютъ это, безъ

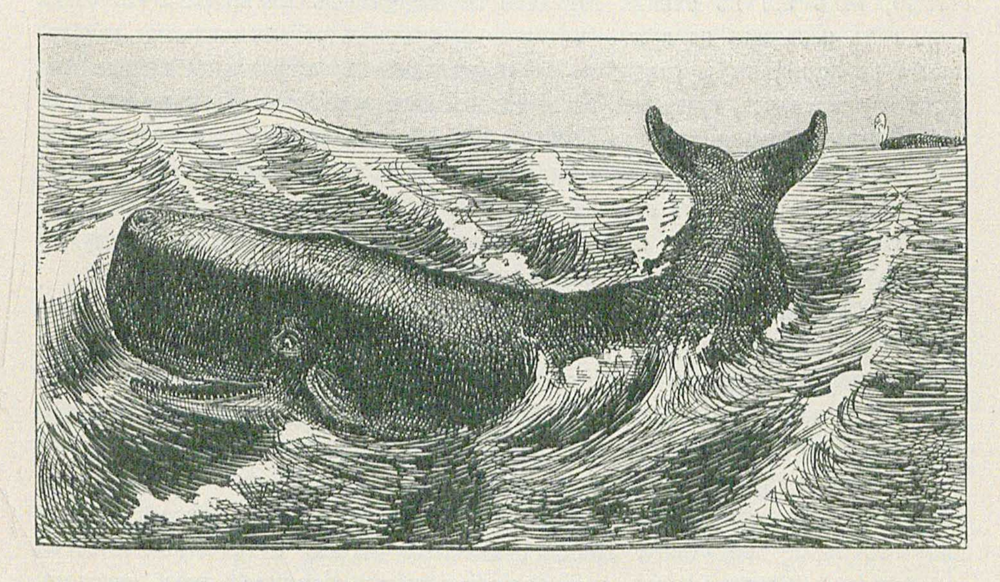


Рис. 39. Кашалотъ.
Морское чудище, огромная голова котораго представляетъ собою цѣлый складъ жира—спермацета.

сомнѣнія, тогда, когда отыскиваютъ пищу для себя; тогда можно видѣть, какъ весь отрядъ внезапно останавливается и затѣмъ разсѣивается въ разныя стороны, натолкнувшись на «теплое» мѣстечко, очень богатое добычей. Кашалоты любятъ очень глубокія моря, избѣгаютъ близости отлогихъ береговъ, предпочитая имъ крутые и обрывистые, гдѣ они, повидимому, подвергаются меньшему риску наткнуться на подводныя скалы.

Кашалотъ имѣетъ зубы только на нижней челюсти. Эти зубы, въ числѣ сорока трехъ или сорока пяти штукъ, очень крѣпки; они имѣютъ коническую форму и съ внѣшней стороны слегка загнуты; на обѣихъ челюстяхъ они расположены не въ равномѣрномъ количествѣ.

Кашалоты питаются болѣе крупными представителями подводнаго царства, чѣмъ киты.

Пищу кашалотовъ составляютъ животныя изъ отряда головоногихъ моллюсковъ, каракатицы и пр. Кашалотъ глотаетъ этихъ животныхъ, не пережевывая своей пищи; зубы служатъ ему только для того, чтобы удержать добычу.

Въ прежнее время думали, что кашалотъ очень свирѣпое животное; теперь извѣстно, что онъ принадлежитъ къ числу очень робкихъ животныхъ. Къ нему можно приблизиться безъ всякаго опасенія; онъ либо остается спокойно на мѣстѣ, либо поспѣшно скрывается.

Кашалоты дѣлаются особенно осторожными въ томъ случаѣ, если подвергались уже преслѣдованію со стороны охотниковъ. Если, однако, гарпунъ, брошенный удачно, впивается въ тѣло животнаго, то сцена моментально можетъ измѣниться; вмѣсто того, чтобъ, подъ вліяніемъ острой боли, вызванной раною, обратиться въ бѣгство, какъ это въ такихъ случаяхъ всегда дѣлаетъ китъ, кашалотъ очень часто самъ нападаетъ на врага: съ широко раскрытымъ зѣвомъ животное приближается къ лодкѣ, чтобы раздробить ее въ щепы своими страшными зубами. Нерѣдко случается, что, судорожно извиваясь въ конвульсіяхъ агоніи, кашалотъ ударомъ хвоста разбиваетъ пирогу, обломки которой летятъ вверхъ, на высоту 15—20 фут. Счастливы охотники, если въ такихъ случаяхъ отдѣлываются только тѣмъ, что принимаютъ ванну въ открытомъ морѣ!

Случалось также, что кашалоты опрокидывали цѣлые корабли. Такая судьба постигла въ 1819 г. корабль «Essez», плававшій въ южномъ морѣ.

...Объ этой аваріи скоро забыли, равно какъ о другихъ случаяхъ, когда суда, подвергшіяся нападенію кашалота, были менѣе повреждены. Но вотъ въ 1851 году въ открытомъ морѣ, вблизи береговъ Перу, случилась аналогичная исторія съ кораблемъ «Annalexandre». 20 августа этого года «Annalexandre» встрѣтилъ огромнаго кашалота, который началъ свои подвиги съ того, что разбилъ въ дребезги три пироги, которыя были отправлены въ погоню за нимъ. Тогда самъ корабль началъ его преслѣдовать; спустя нѣкоторое время, удалось вонзить пику въ голову животнаго. Раненый кашалотъ исчезъ подъ водою. Стоя на кранбалкѣ, капитанъ ждалъ того момента, когда животное снова появится, чтобы опять поразить его ударомъ пики и такимъ образомъ окончательно расправиться съ нимъ, какъ вдругъ онъ замѣтилъ, что чудовище несется прямо на корабль со скоростью приблизительно 15 миль въ часъ. «Annalexandre» получилъ сильный ударъ: онъ затрясся всѣмъ своимъ корпусомъ, какъ будто наскочилъ на подводный рифъ, и тотчасъ легъ на бокъ, наполняясь водою. Экипажъ имѣлъ время только спастись, но ничего не могъ унести съ собою (К. Жуанъ).

Горбъ, возвышающійся на головѣ кашалота, состоитъ изъ жировой массы, морфологическое строеніе которой до сихъ поръ въ точности не выяснено; во всякомъ случаѣ, эта масса не представляетъ собою, какъ долго предполагали раньше, выдѣленіе слизистой оболочки носа, равно какъ не есть придатокъ мозга. Скорѣе всего это просто слой подкожнаго жира. Эта масса вѣситъ 200—250 пуд. и со-

держитъ около 2.000 литровъ бѣлой маслянистой жидкости, быстро превращающейся въ твердое тѣло—такъ-называемый спермацетъ или китовый жиръ, изъ котораго дѣлаютъ различныя мази и помады.

Самымъ цѣннымъ продуктомъ, однако, считается не спермацетъ, а жиръ, извлекаемый изъ сала кашалота; слой этого сала достигаетъ 0,20—0,25 метра толщины. Кашалотовый жиръ цѣнится выше, чѣмъ китовый, такъ какъ болѣе пригоденъ для смазки. Самки даютъ этого жира всего 20 барелей, тогда какъ самцы около 120.

На побережьи островов Суматра, Мадагаскаръ, Молуккскихъ и др. перѣдко можно встрѣтить выброшенные волнами куски пористой, какъ пемза, сѣрой массы, которая издаетъ специфическій запахъ мускуса. Это такъ-называемая сѣрая амбра. О происхожденіи ея написаны цѣлые томы. Въ настоящее время извѣстно, что эта амбра зарождается въ кишечникѣ кашалота, ее нужно отнести къ категоріи тѣхъ камней, которыя встрѣчаются въ печени и мочевомъ пузырѣ другихъ животныхъ. Своимъ довольно интенсивнымъ запахомъ амбра, какъ думаютъ нѣкоторые, обязана не самому кашалоту, а тѣмъ моллюскамъ, которыми онъ питается и которые, какъ, напримѣръ, eledone moschata, сами собою очень пахучи. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ тотъ фактъ, что въ кускахъ амбры почти всегда можно найти роговидные отростки, принадлежащіе этимъ моллюскамъ. Когда охотникамъ удастся поймать кашалота, они никогда не забываютъ вскрыть ему кишечникъ и вынуть всю находящуюся тамъ амбру.

Сѣрая амбра, цѣнится очень высоко и имѣетъ большое примѣненіе въ парфюмерно-косметическомъ производствѣ; помимо своего пріятнаго запаха это вещество обладаетъ еще свойствомъ придавать другимъ запахамъ извѣстную прочность, мѣшая имъ быстро испаряться. Амбра, кромѣ того, употребляется для изготовленія курильницъ, при фабрикаціи испанской кожи и пр.

* * *

Полосатый китъ изъ всѣхъ китообразныхъ имѣетъ самое большое тѣло: онъ достигаетъ 33 метр. въ длину. Это животное, а равно и многозубы (родъ дельфина), изъ всѣхъ китообразныхъ лучше всего изучены съ анатомической стороны, такъ какъ они часто разбиваются о наши скалы, и трупы ихъ выбрасываются волнами на берегъ.

Подобно китамъ, эти животныя обладаютъ китовымъ усомъ, но незначительной величины (0,75 м. самое большее).

Интересно отмѣтить, что поверхность брюха у нихъ испещрена продольными параллельными складками; предполагаютъ, что эти складки, разворачиваясь, даютъ возможность животному пріобрѣсти большой объемъ и тѣмъ облегчаютъ ему движеніе въ водѣ, или, можетъ-быть, эти складки облегчаютъ работу легкимъ, которыя вбираютъ въ себя больше воздуха.

За полосатыми китами можно не охотиться, потому что они даютъ мало ворвани, всего около 20 барелей; кромѣ того, раненые гарпуномъ, они быстро падаютъ на дно. Вотъ въ виду этихъ качествъ, они не истребляются въ такомъ

количествѣ, какъ киты, и до настоящаго времени встрѣчаются почти повсемѣстно.

*
* *

Морскія свинки (имѣющія въ длину 1—1$^{1}/_{2}$ метр.) принадлежатъ къ числу китообразныхъ; онѣ часто встрѣчаются въ нашихъ моряхъ. Эти животныя имѣютъ привычку гнаться за пароходами въ хорошую погоду, причемъ рѣзвятся и кувыркаются въ волнахъ, показывая то голову, то хвостъ, а иногда даже дѣлаютъ прыжки, давая возможность видѣть ихъ гибкое тѣло. Эти животныя—превосходные пловцы.

Морскія свинки встрѣчаются всегда и повсюду—это настоящіе космополиты; родиной ихъ, однако, надо считать Атлантическій океанъ. Подобно всѣмъ китообразнымъ, отличающимся небольшими размѣрами, онѣ предпочитаютъ близость береговъ открытому морю. На югѣ онѣ доходятъ до Средиземнаго моря; на сѣверѣ, перерѣзавъ Беринговъ проливъ, онѣ распространяются по Тихому океану. Нѣкоторыя подымаются даже вверхъ по теченію рѣкъ, ихъ убивали, напр., на Сенѣ возлѣ Парижа.

Морскія свинки питаются главнымъ образомъ рыбами, среди которыхъ онѣ производятъ довольно значительныя опустошенія.

Эти опустошенія наносятъ иногда весьма чувствительный вредъ прибрежнымъ жителямъ, занимающимся рыболовствомъ. На этотъ фактъ обратили вниманіе въ правительственныхъ сферахъ во Франціи, но мѣры, принятыя для борьбы съ морскими свинками не дали пока утѣшительныхъ результатовъ. Назначили-было, напр., за каждое убитое животное премію въ 5—25 франковъ, но это средство принесло мало пользы.

Далѣе, предложено было истреблять морскихъ свинокъ съ помощью динамита. Оцеллюсу пришла въ голову идея привлекать къ берегу этихъ животныхъ посредствомъ сѣтей, наполненныхъ рыбой, и затѣмъ взрывать на воздухъ разлакомившихся гостей. Былъ недавно сдѣланъ слѣдующій опытъ: разставили сѣти и къ нимъ въ различныхъ мѣстахъ прикрѣпили, на разстояніи 15 метровъ другъ отъ друга, динамитные патроны, разрывающіеся при электрическомъ разрядѣ.

Морскія свинки, дѣйствительно, приплыли къ приманкѣ, но когда раздался взрывъ, то больше всего пострадали сѣти, а животныя отдѣлались только незначительными пораненіями.

Система истребленія морскихъ свинокъ посредствомъ динамита непригодна въ тѣхъ именно очень важныхъ случаяхъ, когда эти животныя преслѣдуютъ многочисленныя стаи сельдей или трески: пустить тогда въ ходъ динамитные патроны нельзя: этимъ была бы оказана плохая услуга рыбакамъ, потому что взрывъ сильно пугаетъ рыбу.

Наконецъ, морскія свинки оказались далеко не такими наивными и простодушными, какъ можно было бы ожидать, судя по ихъ внѣшности: убѣдившись на опытѣ, насколько опасна грохочущая приманка, онѣ во второй разъ уже не приплывали къ ней.

Другой изобрѣтатель, нѣкто Белло, придумалъ оригинальный снарядъ для

борьбы съ морскими свинками. Этотъ снарядъ состоитъ изъ небольшого каучуковаго кольца, къ которому прикрѣплены иглы, длиною въ $^1/_{10}$ метр., пересѣкающіяся въ центрѣ круга подъ прямымъ угломъ. Каучуковое кольцо растягивается такимъ образомъ, чтобы иглы приняли параллельное положеніе по отношенію другъ къ другу, и въ этомъ положеніи онѣ укрѣпляются съ помощью двухъ нитокъ. Кольцо съ натянутыми въ немъ параллельными иглами вводится потомъ во внутренности сардинки. Если морской свинкѣ придетъ въ голову мысль проглотить такую адскую сардинку, то она неминуемо должна погибнуть, потому что нитки разорвутся и иглы, принявъ прежнее перпендикулярное положеніе, вонзятся въ брюхо животнаго.

Идея, конечно, прекрасная, но вся бѣда въ томъ, что морскія свинки питаютъ особое пристрастіе къ свѣжимъ, т. е. живымъ сардинкамъ, а мертвыхъ, съ «начинкой» или безъ—все равно, ѣдятъ очень рѣдко. Опыты, произведенные въ Марсели, показали, что изобрѣтеніе Белло практическаго значенія имѣть не можетъ.

Лучше всего было бы снарядить флотилію подъ командой рыбаковъ-спеціалистовъ, вооруженныхъ гарпунами или огнестрѣльнымъ оружіемъ; жиръ, который они найдутъ въ животныхъ съ одной стороны, и правительственное вознагражденіе, съ другой—не только окупятъ ихъ издержки, но еще дадутъ имъ немалую прибыль. Мясо морскихъ свинокъ также можетъ найти примѣненіе—оно не такъ уже противно; извѣстно, что въ древности римляне дѣлали изъ него сосиски. Наконецъ, изъ шкуры животнаго можно приготовить довольно сносную кожу. Власти, какъ кажется, относятся сочувственно къ этой идеѣ; можно, поэтому, надѣяться, что она рано или поздно будетъ осуществлена на дѣлѣ.

* * *

Бѣлуги (длина тѣла 4—7 метр.) также принадлежатъ къ семейству китообразныхъ—ихъ называютъ иначе бѣлыми дельфинами. Ихъ легко можно узнать по бѣлому цвѣту туловища, по отсутствію плавниковъ на спинѣ. Бѣлуги водятся преимущественно въ полярныхъ моряхъ; онѣ живутъ большими обществами, плаваютъ очень быстро.

* * *

Сѣверному каперу или косаткѣ даютъ иногда названіе рыбы-меча; такое названіе, повидимому, находится въ связи съ большимъ спиннымъ плавникомъ, которымъ обладаетъ животное. Этотъ плавникъ очень длиненъ (0,3 метра), широкъ у основанія и съуженъ на концѣ.

Эти животныя очень прожорливы; самымъ лакомымъ блюдомъ для нихъ является китовый языкъ.

Въ то время какъ прочія китообразныя питаются либо микроскопическими животными, либо моллюсками и рыбами, сѣверные каперы отдаютъ предпочтеніе только крупной добычѣ и не боятся нападать даже на китовъ (рис. 40).

Сѣверные каперы, пожалуй, самыя страшныя животныя, живущія въ морѣ. Когда китъ имѣетъ несчастіе показаться въ ихъ владѣніяхъ, они атакуютъ его сообща, чтобы своими крѣпкими острыми зубами отгрызть ему языкъ и десны.

Сѣверные каперы нападаютъ и на мелкихъ животныхъ. Хотя въ сущности эти прожорливыя существа очень крупными размѣрами не отличаются,—въ длину они имѣютъ самое большее 7 метровъ, тѣмъ не менѣе ѣсть они могутъ чрезвычайно много. Эгирихтъ нашелъ однажды въ желудкѣ одного сѣвернаго капера тринадцать морскихъ свинокъ, проглоченныхъ цѣликомъ или слегка только размятыхъ!

«Ужасъ, который эти чудовища внушаютъ многимъ морскимъ животнымъ,— говоритъ Ванъ-Бенеденъ:—такъ великъ, что тюлени, напримѣръ, при видѣ деревянной дощечки, имѣющей сходство со спиннымъ плавникомъ сѣвернаго капера, въ паническомъ страхѣ обращаются въ бѣгство, точно куры при приближеніи хищной птицы. Охотники знаютъ про этотъ страхъ и пользуются имъ, чтобы

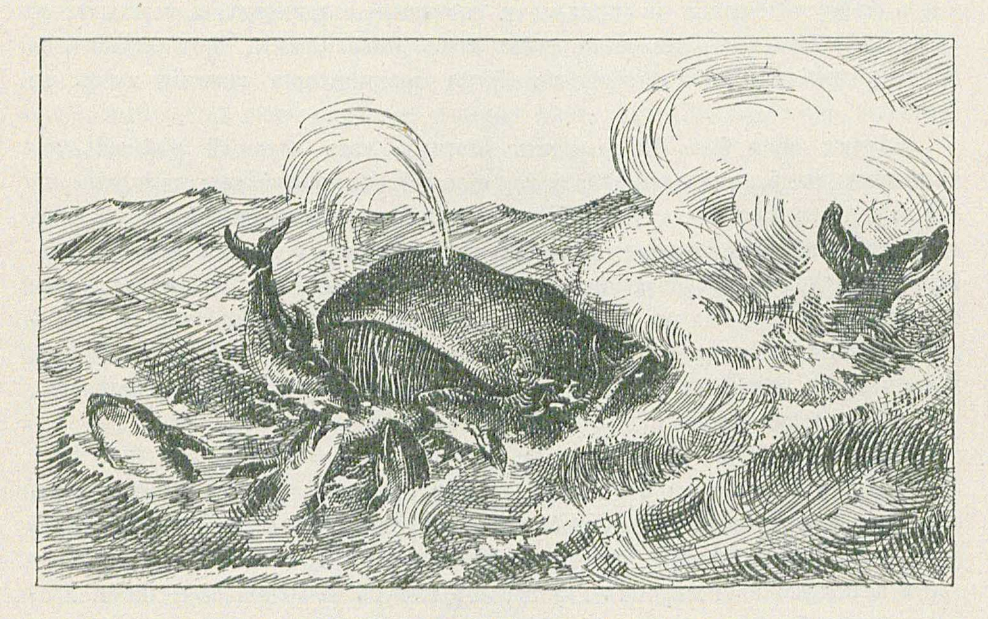


Рис. 40. Сѣверные каперы (косатки).
Эти животныя смѣло нападаютъ на кита, чтобы полакомиться его языкомъ.

вызвать смятеніе въ рядахъ тюленей. Для этой цѣли они втыкаютъ въ льдину кусочекъ разрисованнаго дерева, и этого бываетъ совершенно достаточно, чтобы вызвать желанный эффектъ».

Globicephali (круглоголовыя), имѣющіе въ среднемъ 6 метровъ въ длину, отличаются блестящимъ черным цвѣтомъ кожи. Они очень распространены; живутъ главнымъ образомъ въ Ледовитомъ и Атлантическомъ океанахъ. Встрѣчаются обыкновенно въ видѣ многочисленныхъ стадъ, предводительствуемыхъ старымъ самцомъ. Животныя пассивно слѣдуютъ другъ за другомъ, точно панурговы бараны; если предводитель случайно наскочилъ на мель, то все стадо считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать то же самое (см. рис. 41).

Охота за круглоголовыми, которыхъ называютъ также черными дельфинами, имѣетъ огромное значеніе для сѣверныхъ странъ. Вотъ что разсказываетъ по этому

поводу Граба, который лично присутствовалъ при подобной охотѣ въ Фероэ (рис. 41).

«2-го іюля,—разсказываетъ Граба:—произошло важное событіе: былъ замѣченъ цѣлый отрядъ черныхъ дельфиновъ. Все мѣстечко Торсгавенъ пришло въ большое волненіе; изъ всѣхъ устъ раздавался громкій крикъ: grondabud! grondabud! Кругомъ радостныя, торжествующія лица:—предстоялъ богатый уловъ, явилась надежда запастись свѣжимъ мясомъ! Люди суетливо бѣгали по улицамъ, точно имъ угрожала высадка морскихъ разбойниковъ. Одни снаряжали лодки, другіе вооружались большими ножами; тутъ одна женщина бѣжала слѣдомъ за своимъ мужемъ, протягивая ему кусокъ мяса на завтракъ; тамъ какой-то человѣкъ такъ торопился, собираясь въ путь, что нечаянно упалъ съ своей лодки въ воду.

«Не прошло и десяти минутъ, какъ одиннадцать лодокъ, въ которыхъ сидѣли

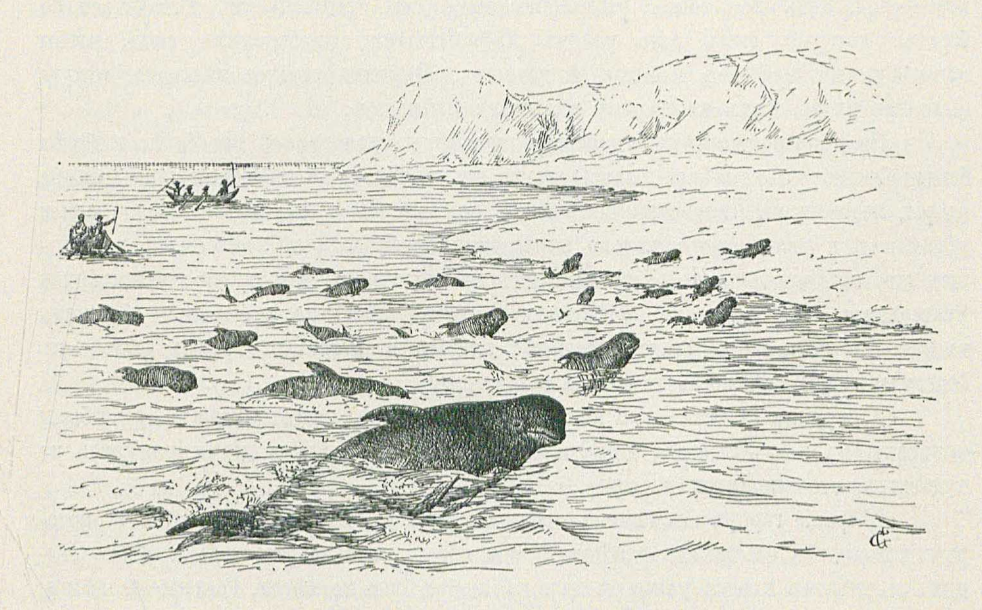


Рис. 41. **Круглоголовыя (Globicephalis), преслѣдуемыя охотниками.**

восемь человѣкъ экипажа, выходили уже въ море; гребцы налегли на весла, и рыбацкіе челноки стрѣлою полетѣли по волнамъ.

«Мы отправились къ губернатору, для котораго снарядили особое судно; въ ожиданіи, когда приготовленія будутъ окончены, мы вмѣстѣ съ губернаторомъ поднялись на укрѣпленія форта, чтобы увидѣть, гдѣ находятся дельфины. Съ помощью зрительной трубы мы вскорѣ отыскали двѣ сторожевыя лодки, которыя держались вблизи животныхъ. Въ это самое мгновеніе высокій столбъ дыма поднялся надъ сосѣдней деревней, затѣмъ такой же на ближайшей горѣ; вскорѣ огненные сигналы запылали во всей окрестности. Весь фіордъ покрылся рыбацкими лодками. Мы сѣли на яхту губернатора и скоро присоединились къ охотѣ. Прежде всего мы увидали большое стадо дельфиновъ, которое лодки оцѣпили широкимъ

полукругомъ; держась на разстояніи приблизительно ста шаговъ другъ отъ друга, онѣ окружали дельфиновъ, заставляя ихъ плыть къ бухтѣ Торсгавена.

«Животныхъ можно было видѣть только отчасти; то высовывалась изъ воды голова, выбрасывая въ воздухѣ столбъ воды, то спинной плавникъ, то вся спина дельфина; когда животныя пытались пробиться сквозь цѣпь лодокъ, въ нихъ бросали камнями, кусками свинца, привязанными къ веревкамъ; когда же они направлялись впередъ, то лодки гнались за ними съ такою быстротою, что весла ломались.

«Тамъ, гдѣ происходилъ малѣйшій безпорядокъ, гдѣ, напр., лодки удалялись на слишкомъ большое разстояніе другъ отъ друга, тамъ немедленно появлялся губернаторъ: его яхта носилась по заливу съ быстротой лошади, пущенной въ галопъ.

«Когда животныя, приблизившись къ порту, очутились въ такомъ положеніи, что ускользнуть имъ было уже невозможно, мы поторопились высадиться на берегъ, который былъ уже усѣянъ любопытными, прибывшими сюда, чтобы поглядѣть на массовое избіеніе животныхъ. Выбравъ удобное мѣстечко, откуда было все видно, какъ на ладони, мы стали наблюдать.

«По мѣрѣ приближенія къ берегу, дельфины становились все болѣе и болѣе безпокойными; они робко жались другъ къ другу и не обращали вниманія на удары, которые имъ наносили камнями и веслами. Но лодки надвигались сзади и тѣснили ихъ безпрерывно; кольцо нападающихъ становилось все ýже, и несчастныя жертвы, чуя опасность, стали медленно входить въ гавань; но тутъ, вблизи Вестерваага, они внезапно остановились — имъ, вѣроятно, показалось обиднымъ дать вести себя, какъ стадо барановъ; животныя отказались плыть дальше къ берегу и стали поворачивать назадъ.

«Наступилъ рѣшительный моментъ. Безпокойство, надежда, жажда крови были написаны на всѣхъ лицахъ; дикій крикъ потрясъ воздухъ, и лодки ринулись на чудовищъ, столпившихся въ кучу.

«Широкіе гарпуны вонзились прежде всего въ тѣла тѣхъ животныхъ, которыя находились на такомъ разстояніи отъ лодокъ, что добраться до этихъ послѣднихъ и ударомъ хвоста разнести ихъ въ щепки они не могли. Раненые дельфины съ невѣроятной стремительностью бросились впередъ, за ними послѣдовали остальные, и скоро всѣ животныя очутились вблизи береговой полосы.

«Тогда наступило нѣчто страшное. Началось поголовное избіеніе. Рыбаки ворвались на своихъ лодкахъ въ толпу дельфиновъ и стали избивать ихъ чѣмъ попало. Люди, столпившіеся на берегу, также приняли дѣятельное участіе въ бойнѣ: они входили въ воду по шею и, приблизившись къ раненому животному, всаживали ему въ тѣло крюкъ, привязанный къ длинной веревкѣ; затѣмъ трое или четверо тащили дельфиновъ къ берегу, гдѣ ихъ рѣзали, какъ телятъ. Животное, корчась въ предсмертной агоніи, неистово било по водѣ хвостомъ; вода въ гавани вся покраснѣла отъ потоковъ лившейся вокругъ крови, изъ отдушинъ животныхъ подымались кверху цѣлые фонтаны горячей крови.

Подобно солдатамъ, которые въ пылу боя забываютъ всякое человѣческое чувство, превращаясь въ жестокихъ кровожадныхъ звѣрей, озвѣрѣли и охотники

при видѣ крови и съ дикимъ ожесточеніемъ предались избіенію. На пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ тѣснилось тридцать лодокъ, триста человѣкъ и восемьдесятъ дельфиновъ, убитыхъ и еще живыхъ.

«Со всѣхъ сторонъ неслись крики; платья людей, ихъ руки и возбужденныя лица—все это было покрыто кровью и придавало мирнымъ жителямъ этихъ острововъ видъ свирѣпыхъ каннибаловъ, не имѣющихъ понятія, что̀ значитъ жалость. Восемьдесятъ труповъ валялось на берегу; ни одно животное не избѣгло смерти».

Мясо молодыхъ дельфиновъ, какъ говоритъ Граба, отличается превосходнымъ вкусомъ; рыбаки утилизируютъ главнымъ образомъ ворвань; каждое животное даетъ ея приблизительно на 40 фр.; изъ кожи, снятой съ плавниковъ, дѣлаютъ ремешки для веселъ, а желудокъ употребляютъ, какъ резервуаръ для храненія ворвани.

Черные дельфины часто путешествуютъ вмѣстѣ съ кашалотами, или держатся вблизи этихъ послѣднихъ, поэтому китоловамъ встрѣча съ ними всегда очень пріятна.

* * *

Обыкновенные дельфины (длиною въ 2—2,6 метра) живутъ во всѣхъ моряхъ сѣвернаго полушарія. По своимъ привычкамъ эти животныя не представляютъ ничего особеннаго. Въ древности о дельфинахъ разсказывали разныя чудеса; утверждали, напримѣръ, что они спасали дѣтей, упавшихъ въ море, и т. д.; на этихъ разсказахъ мы останавливаться не будемъ. Что касается помощи, которую, какъ разсказываетъ Плиній, дельфины оказываютъ человѣку при ловлѣ голавлей, то, кажется, это утвержденіе не лишено нѣкотораго основанія. Поль Беръ описалъ подобную ловлю, которая практикуется въ Аннамѣ.

Мы воспроизводимъ здѣсь часть этого описанія, которое въ то же время является послѣдней замѣткой, написанной знаменитымъ естествоиспытателемъ передъ смертью (рис. 42).

«Бухту часто посѣщаютъ животныя, принадлежащія къ виду дельфиновъ. Длина животнаго достигаетъ трехъ-четырехъ метровъ; цвѣтъ его—молочно-бѣлый, красивый спинной плавникъ имѣетъ розоватый оттѣнокъ.

«Въ юномъ возрастѣ тѣло животнаго окрашено въ блестящій темно-сѣрый цвѣтъ. По утрамъ и вечерамъ эти дельфины приближаются къ берегу маленькими группами по пяти-шести штукъ, преслѣдуя рыбъ, относящихся къ виду голавлей. Скрываясь отъ преслѣдованія, голавли ищутъ убѣжища вблизи песчаныхъ отмелей. Этимъ моментомъ пользуются мѣстные рыбаки, которые являются на берегъ наполовину голые, одѣвъ на голову большую конусообразную шляпу, защищающую ихъ отъ палящихъ лучей солнца. Рыбаки входятъ въ воду по колѣно, держа въ рукахъ огромныя сѣти. Въ ту минуту, когда дельфины начинаютъ гнать голавлей прямо къ берегу, рыбаки забрасываютъ сѣти, въ которыхъ скоро начинаютъ биться десятки рыбъ. Дельфинъ совсѣмъ не намѣренъ отказаться отъ своей добычи; чтобы захватить ее, онъ готовъ порвать сѣть своими острыми зубами, но ему мѣшаютъ: мальчишка, стоящій рядомъ съ рыбакомъ, бросаетъ въ дельфина бамбуковую палку, висящую на бечевкѣ, и заставляетъ этимъ животное отступить на нѣсколько метровъ назадъ. Тѣмъ не менѣе дельфинъ не остается въ накладѣ: на его долю выпадаетъ не мало добычи,—потому что тѣ голавли, которые не были

захвачены рыбаками, въ испугѣ кидаются назадъ, натолкнувшись на сѣти, и такимъ образомъ попадаютъ прямо въ пасть дельфина. Человѣкъ доволенъ, и животное тоже.

«Рыбаки и дельфины, поэтому, лучшіе друзья въ мірѣ. Встрѣчаясь и почти сталкиваясь въ водѣ, они нисколько не пугаются другъ друга и не дѣлаютъ другъ другу ни малѣйшаго вреда. Наоборотъ, рыбаки оказываютъ своимъ друзьямъ при случаѣ большія услуги. Попадется, напр., дельфинъ въ крѣпкія сѣти, разставленныя для крупныхъ рыбъ, его немедленно освобождаютъ, не сердясь на него за то, что онъ попортилъ снаряды. Даже больше. Если дельфинъ по неосторожности наскочитъ на подводную скалу въ открытомъ морѣ, ему помогаютъ вернуться въ свою стихію. На дельфина смотрятъ, какъ на сотрудника, какъ на друга».

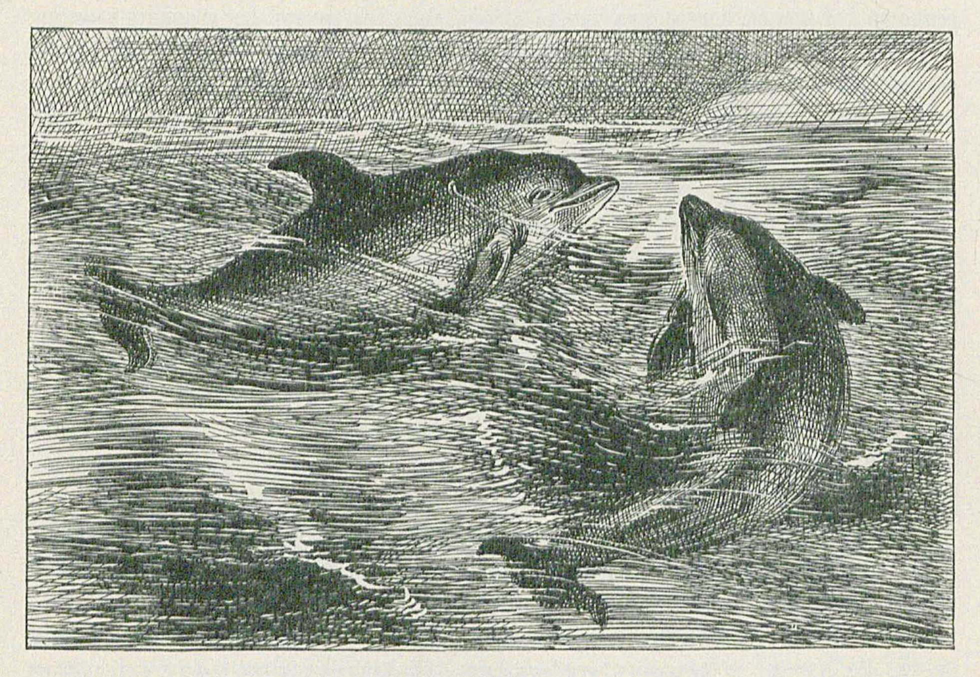


Рис. 42. **Дельфины, рѣзвящіеся на просторѣ.**

Монакскій князь въ своемъ интересномъ произведеніи: «Карьера мореплавателя», въ яркихъ краскахъ рисуетъ жизнь и... смерть дельфиновъ.

«Поймать гарпуномъ одного изъ дельфиновъ, которые, рѣзвясь, гоняются за кораблемъ, доставляетъ большое удовольствіе морякамъ. Во время путешествія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь (на яхтѣ l'Hirondelle), я часто предавался этому упражненію, дававшему возможность обогатить мою естественно-научную коллекцію.

«Когда отрядъ дельфиновъ перестаетъ охотиться за добычей и начинаетъ рѣзвиться подъ феръ-штевнемъ корабля, гарпунщикъ, замѣтивъ это, тихонько крадется вдоль бушприта, спускается вблизи мартинштага и начинаетъ высматривать то мѣсто, которое больше всего полюбилось животнымъ. Для безопасности гарпунщика, а также для того, чтобы охота дѣйствительно доставила ему удовольствіе, прежде всего необходимо, чтобы море было спокойно, потому что если

онъ будетъ смытъ волною и брошенъ въ толпу дельфиновъ, то можно заранѣе сказать, что ему въ этой компаніи весело не будетъ.

«Для того, чтобы не терять золотого времени при появленіи игривыхъ животныхъ, настроеніе которыхъ, надо сказать, весьма измѣнчиво, я приказалъ всегда держать наготовѣ гарпунъ, чтобы во всякое время можно было его пустить въ ходъ. Къ гарпуну прикрѣпленъ канатъ, намотанный на блокъ; съ помощью этого каната пойманное животное тотчасъ же вытаскивается изъ воды, оставаясь въ которой, оно подъ вліяніемъ сопротивленія жидкости съ одной стороны и собственныхъ усилій—съ другой, могло бы вырваться на свободу

«Дельфины подплываютъ очень близко, чуть ли не подъ самыя ноги моряка, который отчетливо видитъ каждый изгибъ ихъ тѣла: животныя держатся почти въ уровень съ поверхностью воды, не дѣлая своими плавниками никакихъ замѣтныхъ движеній. Охотникъ внимательно всматривается въ безпечныхъ животныхъ, подмѣчаетъ ихъ шалости, слѣдитъ за каждымъ ихъ движеніемъ, за игрой ихъ глазъ, прислушивается къ ихъ крикамъ, заглушаемымъ водою; эти крики похожи на глухой сдавленный свистъ, вотъ почему матросы думаютъ, что могутъ привлечь къ борту корабля дельфиновъ, когда начнутъ особымъ образомъ свистать. Наконецъ, когда наблюдатель, такъ внимательно слѣдящій за движеніями животныхъ, замѣчаетъ, что одно изъ нихъ приняло положеніе, удобное для нанесенія удара, онъ пользуется этимъ благопріятнымъ моментомъ, чтобы изо всей силы вонзить ему въ тѣло гарпунъ. Ударъ долженъ быть очень сильный, потому что гарпунъ долженъ такъ сильно вонзиться въ толстое и жирное туловище дельфина, чтобы онъ не могъ сорваться, когда люди, навалившись на канатъ, прикрѣпленный къ гарпуну, начнутъ вытаскивать животное изъ воды.

«При крикахъ: «тащи на бортъ!»—пойманный дельфинъ быстро вытаскивается на палубу и падаетъ вблизи своего убійцы, обдавая его брызгами крови. Кровь заливаетъ палубу, струится по бортамъ и льется въ море, гдѣ соединяется съ той широкой струей крови, которая вытекаетъ изъ глубокой раны животнаго. Полоса, оставляемая яхтой, вскорѣ окрашивается въ темно-красный цвѣтъ, и на ней начинаютъ скользить пузырьки розоватой пѣны.

«Лишь только дельфинъ показался на палубѣ, гарпунщикъ первымъ дѣломъ завязываетъ веревку морскимъ узломъ вокругъ широкаго хвоста животнаго, чтобы добыча какъ-нибудь не вздумала выскользнуть и вернуться назадъ въ море.

«Затѣмъ въ горло несчастной жертвы всаживается длинный ножъ, чтобы освободить ее отъ послѣднихъ остатковъ крови, безполезныхъ для нея и стѣснительныхъ для моряковъ. L'Hirondelle снова начинаетъ идти полнымъ ходомъ, который былъ нѣсколько замедленъ; она двигается среди толпы дельфиновъ, при приближеніи яхты разбѣгающихся въ разныя стороны.

«Если животное, пронзенное гарпуномъ, срывается и падаетъ въ воду, то прочіе дельфины окружаютъ окровавленное тѣло, распространяющее вокругъ себя огромную лужу крови; въ этой лужѣ животъ рѣзко выдѣляется бѣлымъ пятномъ, которое постепенно дѣлается все меньше и меньше, по мѣрѣ того, какъ тѣло животнаго все болѣе и болѣе погружается въ воду.

«Мѣсто, гдѣ разыгралась драма, покрывается новой зыбью, которую развелъ

поднявшійся вѣтеръ; дельфины, повинуясь своимъ кочевымъ инстинктамъ, направляются въ другія области, а l'Hirondelle уступаетъ свое мѣсто морскимъ птицамъ, которыхъ какая-то таинственная сила тотчасъ приводитъ къ полосѣ крови, колеблющейся на волнахъ.

«Вокругъ убитаго дельфина скоро собирается цѣлый кружокъ, такъ какъ животное интересуетъ многихъ. Опытные моряки узкими тонкими ремнями снимаютъ бѣлое сало; это сало бросаютъ въ море къ великой радости птицъ, если не хотятъ выплавить изъ него нѣсколько литровъ ворвани, которая приноситъ нѣкоторую пользу во время бури; вылитая въ море, она успокаиваетъ немного расходившіяся волны.

«Когда синевато-красное тѣло дельфина лежитъ на борту, вздрагивая, точно трупъ казненнаго преступника, являются ученые со своими инструментами, аппаратами и приборами: крупная работа въ скотобойнѣ окончилась, начинается болѣе мелкая—въ колбасной.

«Прежде всего распарывается желудокъ; очень часто оттуда изъ вязкой массы переваренныхъ веществъ выскакиваетъ моллюскъ-осьминогъ, не такой огромный, правда, какой встрѣчается у кашалотовъ, но тѣмъ не менѣе, несмотря на свои очень скромные размѣры, представляющій собою любопытный объектъ для научныхъ изслѣдованій.

«Изъ кишечника, разрѣзаннаго ножницами въ продольномъ направленіи, льется на руки операторовъ весьма неаппетитная жидкость, въ которой копошатся солитеры, повидимому, удивленные, что ихъ могли открыть въ подобномъ убѣжищѣ.

«Въ печени дельфина кишитъ масса паразитовъ — точно въ старомъ сырѣ; печень разрѣзывается на красивыя розовыя полоски, чтобы можно было изслѣдовать всѣ ея изгибы.

«Въ толщѣ жира, который струится, сверкая, какъ мраморъ, также не мало ленточныхъ глистовъ, заключенныхъ въ мѣшочки.

«Когда хирурги окончили свою работу, на сцену являются новыя дѣйствующія лица—повара. Эти господа очень ловко отдѣляютъ филейную часть, большія мышцы, которыя впослѣдствіи будутъ распредѣлены между всѣми, находящимися на кораблѣ, согласно ихъ рангу и вкусу.

«Матросы получаютъ толстое мясо, въ видѣ начинки къ большому пирогу съ лукомъ, сваренны́мъ въ винѣ. Намъ подается болѣе деликатное блюдо—именно языкъ съ соусомъ и корнишонами, или же филейная вырѣзка, которая предварительно подверглась основательной сушкѣ на солнцѣ въ теченіе восьми дней; тогда это мясо подается на столъ въ такомъ видѣ, какъ филе косули.

«Наконецъ являются двое матросовъ, исполняющихъ обязанности могильщиковъ: они бросаютъ въ море безполезный изуродованный остовъ, который быстро идетъ ко дну, точно разбитое судно.

«Останки дельфина громко шлепнулись въ воду; могильщики почему-то расхохотались, и двадцать головъ высунулись за бортъ, чтобы въ послѣдній разъ посмотрѣть на трупъ животнаго, который мы изуродовали до смѣшного отчасти изъ любопытства, отчасти изъ желанія полакомиться вкусной дичью.

«Не безъ сердечнаго трепета, не безъ запоздалыхъ упрековъ совѣсти прислу-

шивался я къ послѣднему акту жестокой комедіи, къ этому ироническому освобожденію животнаго, котораго снова водворили въ его стихіи лишь послѣ того, какъ у него отняли жизнь и воспользовались его мясомъ.

«Случается иногда, что дельфина ловятъ ночью; охота благодаря своей фантастической обстановкѣ пріобрѣтаетъ тогда особый захватывающій интересъ.

«Стоя посреди цѣлой массы переплетающихся между собою канатовъ, похожихъ на гигантскую сѣть паука, протянутую надъ моремъ, гарпунщикъ видитъ себя въ центрѣ фосфорическаго свѣтового круга; дельфины плаваютъ поблизости: ихъ можно

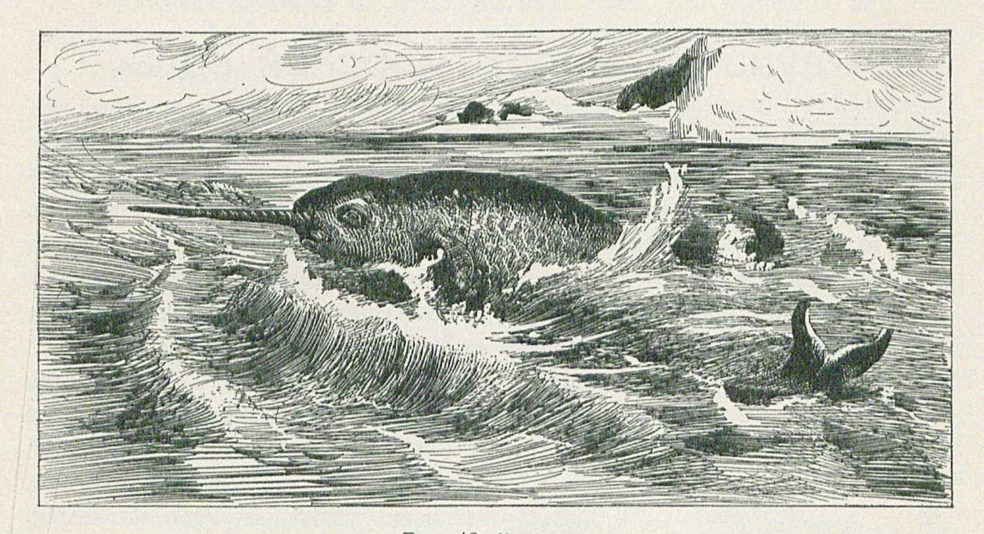


Рис. 43. **Нарвалъ.**
Животное, которое всегда „имѣетъ зубъ" противъ тѣхъ, кто потревожитъ его покой.

узнать по сверкающимъ излучинамъ, которыя они дѣлаютъ въ водѣ, отбрасывая отъ себя множество фосфорисцирующихъ микроорганизмовъ. Очутится эта блестящая волна свѣта вблизи гарпуна... и смертоносное оружіе вонзается въ тѣло свѣтящагося животнаго».

* * *

Чтобы закончить этотъ краткій обзоръ главныхъ представителей китообразныхъ, намъ остается упомянуть еще о нарвалахъ или рогозубахъ (длина 4—6 метр.), которые водятся въ моряхъ между 70 и 80 сѣверн. широты.

Самка не представляетъ собою ничего особеннаго. Но у самца на верхней челюсти находится длинный бѣлый, какъ слоновая кость, рогъ, заостренный на концѣ и свернутый спиралью. Благодаря этому придатку и сложилась въ древности легенда объ единорогѣ.

Съ анатомической точки зрѣнія, рогъ нарвала есть не что иное, какъ одинъ изъ переднихъ зубовъ—именно рѣзецъ, который достигъ необычайнаго развитія. Соотвѣтствующій рѣзецъ, расположенный на другой сторонѣ челюсти, развитъ очень слабо. Рогозубы пользуются своимъ рогомъ, какъ орудіемъ защиты, прокалывая насквозь животныхъ, которыя на нихъ нападаютъ

ГЛАВА VI.

Фауна въ каплѣ морской воды.

Въ предыдущей главѣ у насъ была рѣчь о морскихъ животныхъ, отличающихся гигантскими размѣрами тѣла. Теперь, по антитезѣ, отъ безконечно большого перейдемъ къ безконечно малому и разсмотримъ тѣ микроскопическія живыя существа, которыя представляютъ собою настоящее чудо творенія.

Великолѣпная игра свѣта, достойная самаго дорогого брильянта, изящество рисунка, богатѣйшія краски, эксцентричныя движенія, необыкновенные костюмы— все это восхищаетъ взоръ удивительной красотой и разнообразіемъ формъ.

Вотъ передъ нами просовидная ноктилюка; это имя вамъ, можетъ-быть, ничего не говоритъ, но я думаю, что вы посмотрите съ большимъ уваженіемъ на это маленькое животное, когда узнаете, что оно въ компаніи съ другими менѣе важными микроорганизмами обуславливаетъ фосфорическое свѣченіе моря (рисунокъ 44).

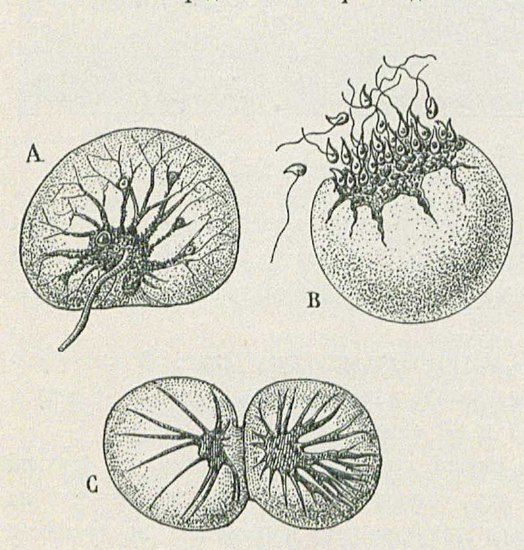


Рис. 44. **Ноктилюка.**

Маленькое животное, обуславливающее свѣченіе моря.
Въ *А*—оно находится въ покоѣ.
Въ *Б*—оно размножается.
Въ *С*—оно также размножается, по другимъ способомъ.

Вы видите передъ собою шарикъ желатины, прозрачный, какъ кристалъ; діаметръ этого шарика не превышаетъ полмиллиметра. Ноктилюка имѣетъ персикообразное тѣло съ плотной кожицей снаружи и съ особымъ щупальцевиднымъ придаткомъ; у основанія послѣдняго находится углубленіе въ видѣ жолоба, съ ротовымъ отверстіемъ, зубовиднымъ отросткомъ и нѣжнымъ мерцательнымъ жгутомъ.

Ноктилюка перемѣщается пассивно—она идетъ туда, куда ее уноситъ волна; щупальцевидный придатокъ дѣлаетъ очень медленныя движенія, и вслѣдствіе этого управлять какъ слѣдуетъ своимъ перемѣщеніемъ животное не можетъ. Самое большее, что можетъ сдѣлать этотъ

придатокъ, это пригнать къ ротовому отверстію частички тѣхъ веществъ, которыми животное питается.

Чтобы покончить съ анатомическимъ описаніемъ ноктилюки, замѣтимъ еще, что центральная мягкая часть ея тѣла состоитъ изъ сократительнаго вещества съ стекляновиднымъ ядромъ внутри; отсюда во всѣ стороны расходятся многочисленные отростки и анастомозирующія нити, доходящія до внутренней поверхности кожицы, гдѣ онѣ переплетаются въ тонкія сѣти; промежутки между ними заполнены стекловидной жидкостью.

Ноктилюки не всегда свѣтятся. Для того, чтобы онѣ испускали изъ себя фосфорическое сіяніе, необходима наличность различныхъ условій, которыя намъ еще мало извѣстны. Тутъ большое значеніе имѣетъ среда, въ которой находятся эти маленькія существа, а также ихъ «настроеніе». Современные психологи, не останавливающіеся ни передъ какими трудностями, можетъ-быть въ недалекомъ будущемъ выяснятъ связь, существующую между фосфоресценціей и психикой микроскопическихъ организмовъ; въ ожиданіи этого открытія, мы можемъ пока сказать, что теперь извѣстно одно только средство, съ помощью котораго можно заставить эти микроорганизмы испускать болѣе яркій свѣтъ; для этого нужно ихъ хорошенько встряхнуть.

Если морскую воду, въ которой плаваетъ много ноктилюкъ, слегка приводить въ движеніе въ какомъ-нибудь сосудѣ, напр., въ стаканѣ, то скоро можно замѣтить, что поверхность воды начинаетъ испускать слабое, голубоватаго цвѣта, фосфорическое сіяніе. При болѣе энергичномъ взбалтываніи жидкости, сіяніе распространяется отъ поверхности дальше въ глубь, постепенно доходя до самаго дна сосуда. Наконецъ, если «бурю въ стаканѣ воды» довести до крайнихъ предѣловъ, то свѣтъ становится въ одно время и болѣе интенсивнымъ и болѣе бѣлымъ, напоминая собою наиболѣе красивые эффекты свѣченія воды въ открытомъ морѣ.

Разсматривая ноктилюку въ микроскопъ, можно убѣдиться, что свѣтъ исходитъ не изъ всего тѣла ея, а только изъ нѣкоторыхъ свѣтлыхъ точекъ, похожихъ на блестящія звѣздочки, разсыпанныя по темному небу. Каждая точка вспыхиваетъ, какъ молнія, и затѣмъ гаснетъ (рис. 45).

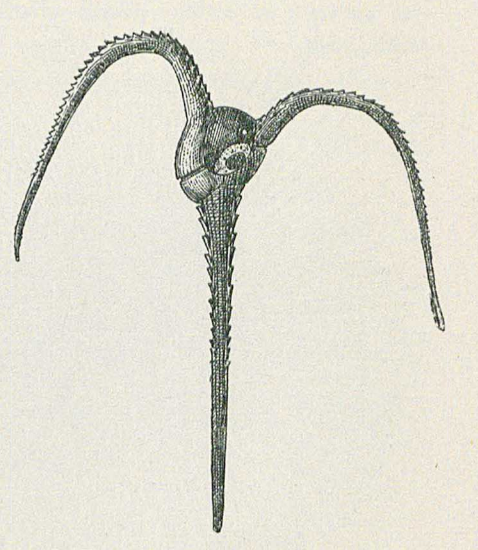


Рис. 45. **Ceratium cornutum.**
Инфузорія съ большими роговидными отростками.

Теперь, когда вы имѣете нѣкоторое представленіе о взросломъ животномъ, вамъ, можетъ-быть, будетъ не безынтересно узнать, какимъ образомъ оно размножается. Способъ размноженія у этихъ маленькихъ созданій очень простъ: онъ состоитъ въ дѣленіи микроскопическаго тѣльца на части. Ноктилюка втягиваетъ

въ себя или отбрасываетъ свой жгутъ и, превратившись въ гладкій шаръ, на нѣкоторое время предается полному покою.

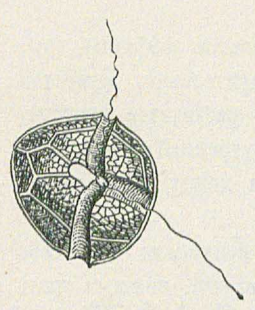


Рис. 46. **Peridinium.** Микроскопическое существо, покрытое твердымъ панцыремъ.

Вскорѣ тѣльце ея посрединѣ начинаетъ съеживаться, принимая видъ двухъ микробовъ, соединенныхъ вмѣстѣ; затѣмъ каждая часть отдѣляется и начинаетъ вести самостоятельную жизнь.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, послѣ періода покоя, поверхность тѣльца ноктилюки начинаетъ почковаться; каждая почка пріобрѣтаетъ рѣсничку, отдѣляется отъ прочихъ и начинаетъ вертѣться въ водѣ. Эти изолированныя почки представляютъ собою колонію изъ 300 споръ, которыя съ теченіемъ времени, по всей вѣроятности, превращаются во взрослыхъ индивидовъ; такимъ образомъ размноженіе происходитъ очень быстро и принимаетъ необычайные размѣры.

Ноктилюки живутъ главнымъ образомъ на поверхности моря, вмѣстѣ съ другимъ видомъ микроорганизмовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ ceratium (рис. 45).

Эти маленькія инфузоріи весьма распространены и отличаются отъ ноктилюкъ, которыя совершенно голы, тѣмъ, что покрыты треугольной формы скорлупой, углы которой тянутся въ видѣ болѣе или менѣе искривленныхъ, несоразмѣрно длинныхъ роговъ.

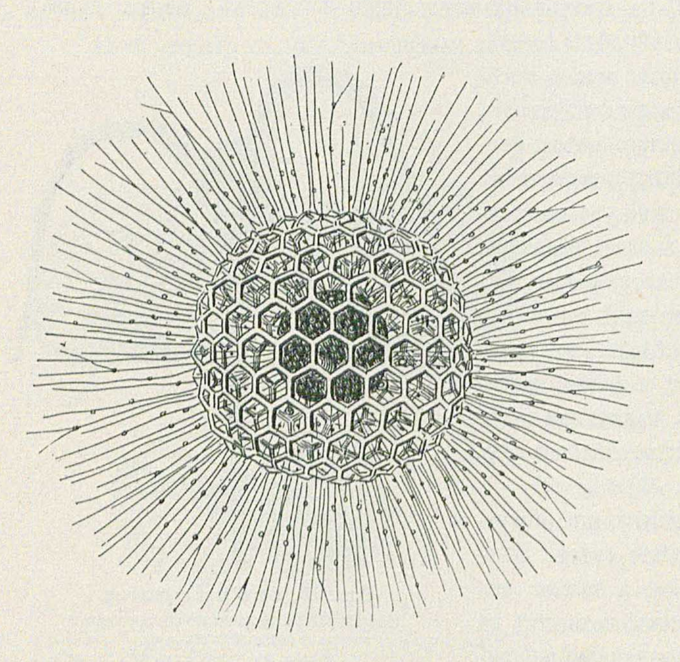


Рис. 47. **Отрядъ морскихъ корненожекъ (Heliosphaera).** Одинъ изъ наиболѣе красивыхъ атомовъ въ океанѣ.

Подвижныя рѣснички, изъ которыхъ одна особенно велика, даютъ имъ возможность плавать.

Кто желаетъ навѣрняка отыскать представителей этого вида микроорганизмовъ, долженъ взять для разсмотрѣнія подъ микроскопомъ содержимое желудка какой-нибудь рыбы.

Рыбы истребляютъ множество микроорганизмовъ, живущихъ въ водѣ, а такъ какъ скорлупа ceratium'а такъ же мало удобоварима для рыбы, какъ устричная раковина для насъ, то эта скорлупа и остается въ теченіе нѣкотораго времени въ желудкѣ, въ неизмѣненномъ видѣ.

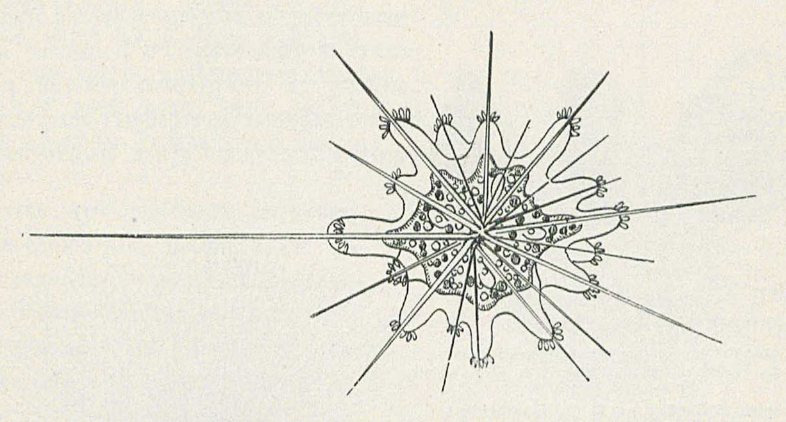


Рис. 48. **Отрядъ морскихъ корненожекъ. (Сем. Acanthometra pellucida.**
Несмотря на нѣжность своего строенія, это существо не забываетъ принять мѣры для своей безопасности: чтобы оградить себя отъ нападенія враговъ, оно окружило себя лѣсомъ штыковъ.

Упомянемъ тутъ также еще одинъ видъ инфузорій, именно peridinium tabulatum. Это крошечное твореньице называется такъ, благодаря своей внѣшней оболочкѣ, составленной изъ маленькихъ правильно сложенныхъ чешуекъ, которыя своимъ видомъ напоминаютъ кирасу; цвѣтъ ея бываетъ различный, — онъ измѣняется отъ интенсивно-бураго до желтовато-зеленаго (рис. 46—47).

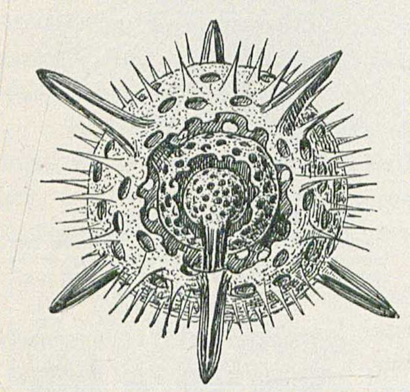


Рис. 49. **Актиномма.**
Китайскія шкатулки, плавающія въ океанѣ

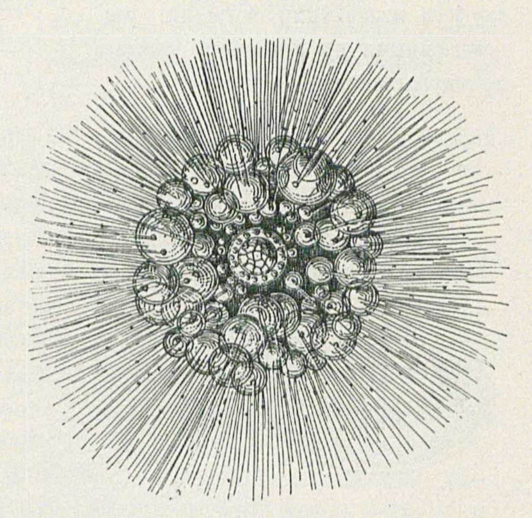


Рис. 50. **Thalassicola pelagica.**
Это, похожее на разрывную гранату,—одно изъ безчисленныхъ живыхъ существъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ водахъ океана.

Поверхность моря кажется очень чистой и прозрачной, а между тѣмъ она даетъ пріютъ множеству самыхъ разнообразныхъ и подчасъ чрезвычайно элегантныхъ живыхъ существъ которыхъ, какъ и предыдущихъ, описанныхъ выше, можно легко захватить сѣткой, сдѣланной изъ тонкаго муслина, если зачерпнуть ею немного морской воды (рис. 48).

Если вы займетесь когда-нибудь этой ловлей, то могу васъ увѣрить, что вы не пожалѣете о потерянномъ времени. Вотъ, напр., heliosphaera, одинъ изъ

многочисленныхъ представителей отряда морскихъ корненожекъ; это—простая круглая клѣтка, на поверхности которой расположены длинныя заостренныя волоконца, наподобіе солнечныхъ лучей. На большомъ раз-

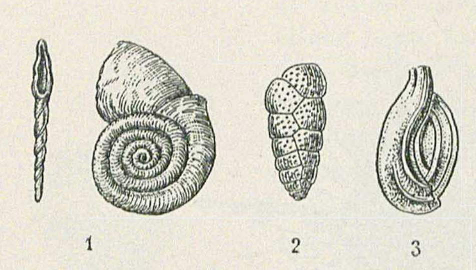


Рис. 51. **Различныя формы раковинъ корненожекъ—фораминиферъ.**

Онѣ отличаются микроскопическими размѣрами и обязаны своимъ происхожденіемъ простой клѣточкѣ.

1. Cornuspira. 2. Gaudryana. 3. Quinqueloculina.

стояніи отъ поверхности находится скелетъ, необыкновенно изящный, составленный изъ цѣлой серіи тонкихъ шестиугольниковъ.

Другой, родственный видъ, называется элегантной геліосферой; у нея это украшеніе дополняется еще шипами, которые расходятся лучеобразно отъ ткани скелета да другими маленькими остріями, расположенными по сторонамъ каждаго шестиугольника.

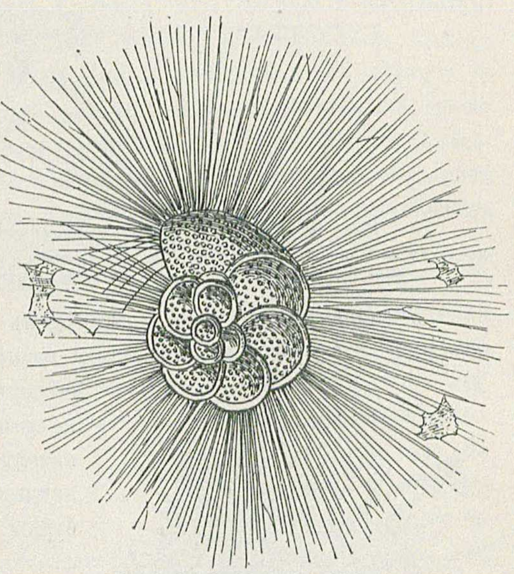


Рис. 52. **Rotalia veneta.**

Очень маленькое существо, которое для того, чтобы поймать животныхъ, еще болѣе мелкихъ, чѣмъ оно само, пускаетъ въ ходъ цѣлую сѣть ложноножекъ.

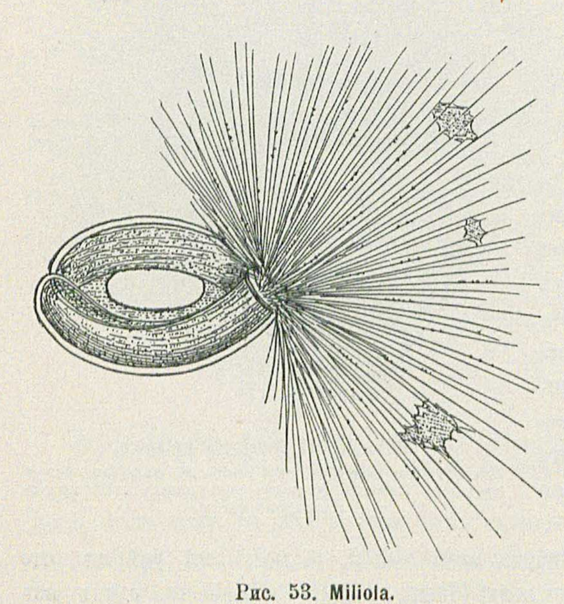


Рис. 53. **Miliola.**

Въ магазинахъ, гдѣ продаются мелкія вещицы, вы навѣрно замѣчали небольшіе рѣзные шарики, вложенные одинъ въ другой, которые искусные мастера,—преимущественно изъ китайцевъ, терпѣливо вытачиваютъ изъ слоновой кости. Вотъ точно такое же произведеніе искусства представляетъ собою *актиномма* (рис. 49), съ той только разницей, что три шарика насквозь пробиты тремя большими отростками, похожими на заостренные съ обоихъ концовъ гвозди, которые идутъ перпендикулярно другъ другу.

Вами невольно должно овладѣть удивленіе, когда вы обратите вниманіе, что всѣ эти части, сработанныя такъ изящно, до того малы, что могутъ быть разсмотрѣны только подъ микроскопомъ.

Очень красивы также корненожки — acanthometra, пронизанныя насквозь длинными заостренными усиками, и thalassicola, составленныя изъ цѣлаго конгломерата шариковъ, назначеніе которыхъ пока еще не извѣстно.

Описанные выше виды, какъ мы уже упоминали, живутъ на поверхности моря; глубокіе слои его также заселены чрезвычайно многочисленными представителями животнаго царства, при этомъ нужно замѣтить, что каждый слой, каждый, такъ сказать, «этажъ», занятъ особыми видами.

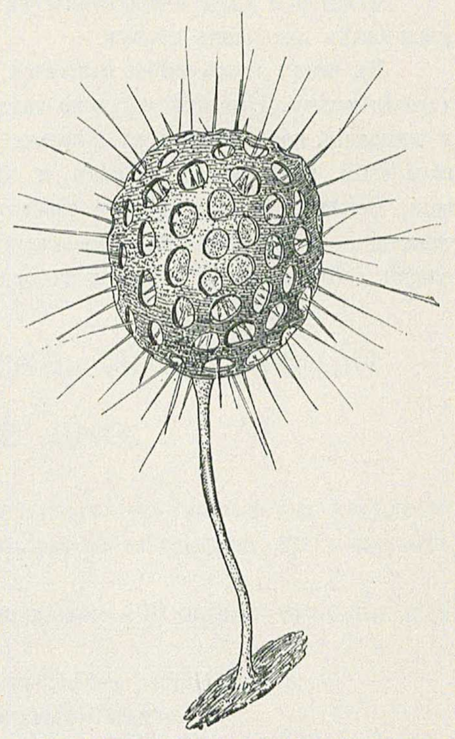


Рис. 54. **Clathrulina.**
Это животное устроило себѣ родъ крѣпости, сквозь стѣнки которой продѣло сѣть хватательныхъ ложноножекъ и въ которую торопливо прячется при малѣйшей опасности.

Такъ, въ болѣе глубокихъ областяхъ живутъ корненожки foraminifera (рис. 51); чтобы описать всѣ разнообразныя формы этихъ послѣднихъ, потребовались бы цѣлые томы. На нашихъ рисункахъ изображены нѣкоторые представители этого отряда корненожекъ, какъ напр., rotalia, miliola, globigerina. Скорлупа rotalia испещрена многочисленными отверстіями, изъ которыхъ высовываются такъ-называемыя псевдоподіи или ложноножки, представляющія собою родъ паутины, въ сѣти которой попадаютъ частички питательныхъ веществъ, составляющія обыкновенную пищу foraminifer'овъ.

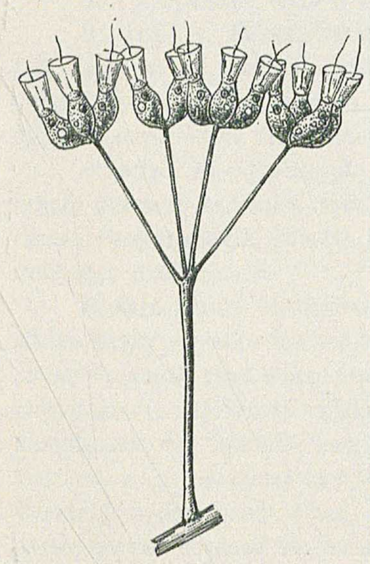


Рис. 55. **Codosiga.**

У miliola (рис. 53), хватательныя рѣснички расположены въ одной только части тѣла, globigerina (рис. 56) снабжена кромѣ того еще длинными отростками — похожими на веревки, назначеніе которыхъ, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы захватывать объемистую добычу.

Нѣкоторые виды микроскопическихъ животныхъ живутъ на водоросляхъ и различныхъ плавучихъ тѣлахъ.

Къ числу этихъ видовъ относятся, напр., clathrulina, извѣстныя подъ кличкой «элегантныхъ». Тѣло ихъ окружено тонкой шарообразной оболочкой, которая внизу, у основанія, превращается въ довольно крѣпкую ножку; далѣе, codosiga (рис. 55), вѣтвистый видъ, который, какъ и предыдущій, также водится въ солоноватой водѣ. Каждая клѣточка codosiga снабжена рѣсничкой, постоянно находящейся въ движеніи, да прозрачнымъ покрываломъ, которое, по всей вѣроятности, представляетъ собою лишь не болѣе, какъ оригинальное украшеніе.

ГЛАВА VII.

Странныя существа, населяющія морское дно.

Недалеко еще то время, когда люди думали, что морское дно совершенно необитаемо. Это предвзятое мнѣніе основывалось на слѣдующихъ трехъ важныхъ фактахъ:

1) На днѣ моря нѣтъ совсѣмъ свѣта: дальше 200 метровъ солнечные лучи въ глубину почти не проникаютъ.

2) На глубинѣ 400 метровъ исчезаетъ всякая растительность.

3) Давленіе воды на днѣ моря чрезвычайно велико.

Какимъ образомъ, говорили ученые, можетъ развиваться жизнь при такихъ явно неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ сильно непохожихъ на тѣ, которыя наблюдаются на поверхности земли?

Это разсужденіе было весьма правдоподобно, но, къ сожалѣнію, невѣрно.

Въ 1861 г. Мильнъ-Эдварсу принесли обломокъ средиземнаго кабеля, который сломался на большой глубинѣ. Внимательно разсматривая этотъ обломокъ, ученый профессоръ нашелъ на поверхности его множество животныхъ, изъ которыхъ большая часть была совершенно неизвѣстна.

Открытіе Мильнъ-Эдварса, сообщенное въ парижской Академіи Наукъ, произвело большую сенсацію, такъ какъ оно являлось неопровержимымъ доказательствомъ существованія живыхъ существъ въ такихъ областяхъ, гдѣ жизнь вообще считалась невозможной.

Естественнымъ послѣдствіемъ этого открытія было желаніе подробно изслѣдовать фауну морского дна; это желаніе было, однако, сначала приведено въ исполненіе не Франціей, какъ можно было бы предполагать, а Англіей. Во время экспедицій, совершенныхъ пароходами «Blake» и «Challenger», было добыто столько интересныхъ матеріаловъ, что Франція, которая открыла новый путь изслѣдованій, вышла, наконецъ, изъ инертнаго состоянія и дѣятельно принялась за работу. По иниціативѣ маркиза Фолена и профессоровъ музея, министръ народнаго просвѣщенія предоставилъ въ распоряженіе научной комиссіи крейсеръ «Travailleur». Изслѣдованія на этомъ крейсерѣ производились сначала въ Гасконскомъ заливѣ (1881 г.), затѣмъ въ

Средиземномъ морѣ и вблизи португальскаго побережья (1881 г.), и, наконецъ, у береговъ Испаніи, Марокко и Канарскихъ острововъ (1882 г.).

На Travailleur'ѣ можно было предпринимать только небольшія экскурсіи, потому что этотъ крейсеръ могъ брать съ собою только очень незначительный запасъ угля. Правительство, поэтому, рѣшило дать ученымъ эскадренное, развѣдочное судно «Talisman», которое было приспособлено къ несравненно болѣе дальнимъ поѣздкамъ, чѣмъ его предшественникъ. На этомъ суднѣ изслѣдователи объѣхали побережье Иберійскаго полуострова, Марокко, Судана, берега Канарскихъ острововъ, Агорскихъ и Зеленаго мыса. Позже были предприняты другія экспедиціи, увеличившія наши познанія относительно фауны морскихъ глубинъ.

Прежде чѣмъ заняться описаніемъ животныхъ, населяющихъ дно моря, мы считаемъ небезынтереснымъ остановиться немного на тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ представители подводной фауны.

Прежде всего обитатели морского дна должны выдерживать колоссальное давленіе огромной массы воды, покоящейся на нихъ; вѣдь то давленіе, которому подвергаемся мы, жители земли, соотвѣтствуетъ давленію столба воды, высотою всего въ 10 метровъ на каждый квадратный сантиметръ поверхности. Организмъ животныхъ, само собою разумѣется, приспособленъ къ такому громадному давленію, точно такъ же, какъ нашъ организмъ приспособился къ давленію одной атмосферы.

Нерѣдко случалось, что животныя, вытаскиваемыя спеціальнымъ аппаратомъ изъ морскихъ пучинъ, лопались, разрывались на части, лишь только, попадая на бортъ корабля, приходили въ соприкосновеніе съ атмосферой. Это явленіе вызывается дѣйствіемъ внутреннихъ газовъ, которые, вслѣдствіе сильно уменьшеннаго давленія, расширяются и, съ силой вырываясь наружу, разрываютъ ткани животнаго. У многихъ рыбъ, живущихъ на большой глубинѣ, плавательный пузырь выходилъ черезъ отверстіе рта, когда ихъ вытаскивали на поверхность моря.

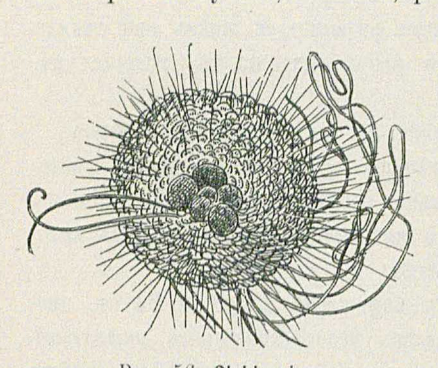


Рис. 56. Globigerina.
Стекловидная раковина съ крутыми порами и простымъ щелевиднымъ отверстіемъ, окружена системой отростковъ-веревокъ, которыми она пользуется для захвата добычи.

Нужно имѣть въ виду, что на большихъ глубинахъ свѣта нѣтъ совсѣмъ, что все, живущее тамъ, погружено въ вѣчный мракъ. Съ этимъ фактомъ находятся въ связи слѣдующія явленія: во-первыхъ, у обитателей этихъ глубинъ зрѣніе сильно ослаблено, во-вторыхъ, многіе изъ нихъ имѣютъ собственное освѣщеніе; не получая извнѣ свѣтовыхъ лучей, они сами вырабатываютъ ихъ, чтобы имѣть возможность ловить животныхъ, составляющихъ ихъ пищу.

Такъ какъ условія существованія на днѣ моря въ общемъ довольно однообразны, то подводная фауна, вслѣдствіе этого, отличается значительно меньшимъ разнообразіемъ, чѣмъ береговая; спеціальные виды, живущіе на днѣ морей и

океановъ, встрѣчаются въ самыхъ различныхъ широтахъ; область ихъ распространенія чрезвычайно велика.

Подводными изслѣдованіями установленъ, между прочимъ, слѣдующій чрезвычайно интересный фактъ, именно: виды животныхъ, населяющіе морское дно, имѣютъ во всѣхъ отношеніяхъ большое сходство съ вымершими видами третичной, вторичной и даже первичной эпохи. Можно предположить, что въ виду того, что условія жизни на днѣ моря въ общемъ не подвергались значительнымъ измѣненіямъ, эти древніе виды остались въ своихъ владѣніяхъ вплоть до нашихъ дней, почти нисколько не измѣнивъ своей организаціи.

Посмотримъ теперь, что представляютъ собою тѣ животныя, которыя были извлечены на свѣтъ Божій изслѣдователями, разъѣзжавшими на Travailleur'ѣ, Talisman'ѣ и т. д.

Тутъ мы прежде всего должны остановиться на томъ видѣ простѣйшихъ существъ, которыя называются globigerina. Globigerina живутъ собственно, не на днѣ моря, а на извѣстной глубинѣ его, какъ мы объ этомъ упоминали въ предыдущей главѣ, но дѣло въ томъ, что скелеты этихъ животныхъ, послѣ смерти ихъ, падаютъ на дно въ такомъ огромномъ количествѣ, что образуютъ тамъ довольно значительныя отложенія.

Представители губчатыхъ весьма многочисленны: на глубинѣ 900—1.200 метровъ находятся цѣлыя поля губокъ, большею частью кремнистыхъ, причудливо-изящныя формы которыхъ мы не беремся описывать. Упомянемъ еще о holtenia,—животномъ, имѣющемъ видъ чаши съ широкимъ отверстіемъ, стѣнки которой составлены изъ длинныхъ колосьевъ, или усиковъ, точно сдѣланныхъ изъ тонкаго стекла.

Среди многочисленныхъ животныхъ, обитающихъ на большой глубинѣ, чаще всего встрѣчаются иглокожія — ихъ тамъ такое множество, что благодаря имъ Э. Перрье долженъ былъ раздѣлить всю подводную фауну на пять поясовъ:

1-й поясъ.—	Глубина:	100— 500	метр.	(Antedon phalangium).
2-й	»	500—1.000	»	(Leptmoge).
3-й	»	1.000—1.500	»	(Brisinga).
4-й	»	1.500—2.000	»	(Caulaster, Demorinus).
5-й	»	2.500—5.000	и болѣе метр.	(Bathycrinus, Hèmiaster и пр.)

Животныя Brisinga, владѣнія которыхъ начинаются на глубинѣ 1.000 метр. и продолжаются вплоть до самаго дна моря, — это морскія звѣзды; обладая длинными отростками, эти интересные представители подводнаго царства испускаютъ великолѣпный фосфорическій свѣтъ.

Голотуріи также встрѣчаются очень часто. Изученіе ихъ привело къ открытію нѣкоторыхъ интересныхъ фактовъ, которые проливаютъ новый свѣтъ на философію зоологіи. Мы вернемся къ этимъ животнымъ впослѣдствіи, въ главѣ, которая носитъ названіе «Странствующіе огурцы».

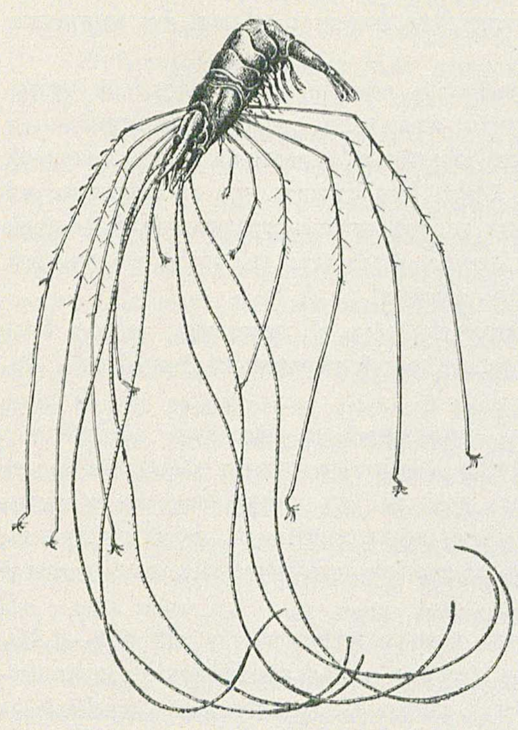


Рис. 57. Nematocarcinus.

Черви попадаются очень рѣдко.

Ракообразныя, наоборотъ, чрезвычайно распространены: ихъ географическое распространеніе зависитъ преимущественно отъ температуры воздуха. Отмѣтимъ наиболѣе замѣчательные виды: nematocarcinus gracilipes (рис. 57), лапки и усики котораго непомѣрно развиты; colossandeis arcuatus (рис. 58), маленькое тѣльце, снабженное очень большими лапками, gnathophausia zoea, лапки-челюсти котораго снабжены органомъ, испускающимъ фосфорическій свѣтъ; hapalode — изслѣдователь, весь красный, грудныя лапки его превращены въ длинные придатки имѣющіе форму усиковъ—cystisoma Neptuni и т. д..

Изъ всѣхъ животныхъ, обитающихъ на большихъ глубинахъ, самые оригинальные виды встрѣчаются среди рыбъ. Описаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ видовъ мы заимствуемъ изъ прекрасной книги Фильголя «Жизнь на днѣ моря».

Malacosteus niger (рис. 59) любитъ илистое дно, живетъ обыкновенно на глубинѣ 1.500 метровъ; длина его тѣла достигаетъ 13—14 сантиметровъ. Кожа красиваго, чернаго цвѣта, имѣетъ бархатистый видъ. Какъ у всѣхъ рыбъ, живущихъ на большихъ глубинахъ, ротъ его чрезвычайно великъ, нижняя челюсть вооружена длинными острыми зубами. Голова спереди закруглена и какъ будто срѣзана.

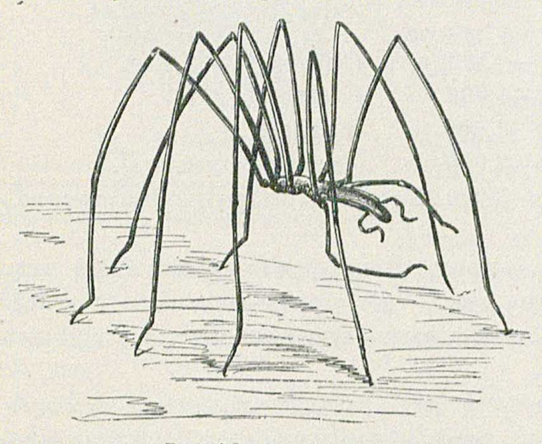


Рис. 58. Colossandeis.

Непосредственно подъ глазами находится широкая фосфоресцирующая пластинка; за ней, немного кзади, почти у самаго края рта, помѣщается другая, но гораздо меньшихъ размѣровъ. Одинъ изъ malacosteus'овъ, пойманныхъ экспедиціей «Talisman'а», подавалъ еще признаки жизни, когда былъ вытащенъ на бортъ; онъ продолжалъ свѣтиться,

и при этомъ можно было разсмотрѣть, что свѣтъ, испускаемый обѣими пластинками, не былъ одинаковъ: отъ верхней пластинки исходило желтое мер-

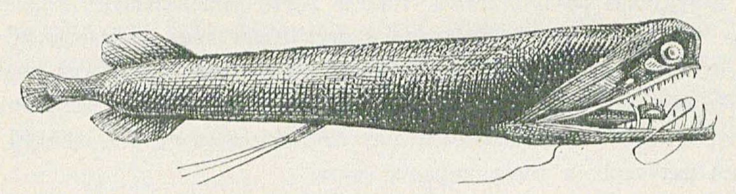


Рис. 59. **Malacosteus.**
Рыба, снабженная спереди фосфорическими пластинками.

цающее сіяніе, отъ нижней — зеленоватое. Такимъ образомъ эта оригинальная рыба постоянно носитъ передъ собою нѣчто въ родѣ двухъ фонарей, освѣщая себѣ дорогу на днѣ моря животныхъ.

Stomias boa (рис. 60) точно такъ же принадлежитъ къ числу самосвѣтящихся. Боковыя части его тѣла представляютъ двойной рядъ фосфоресцирующихъ пластинокъ; эти пластинки испускаютъ сіяніе, такъ что рыба точно окружена блестящимъ ореоломъ.

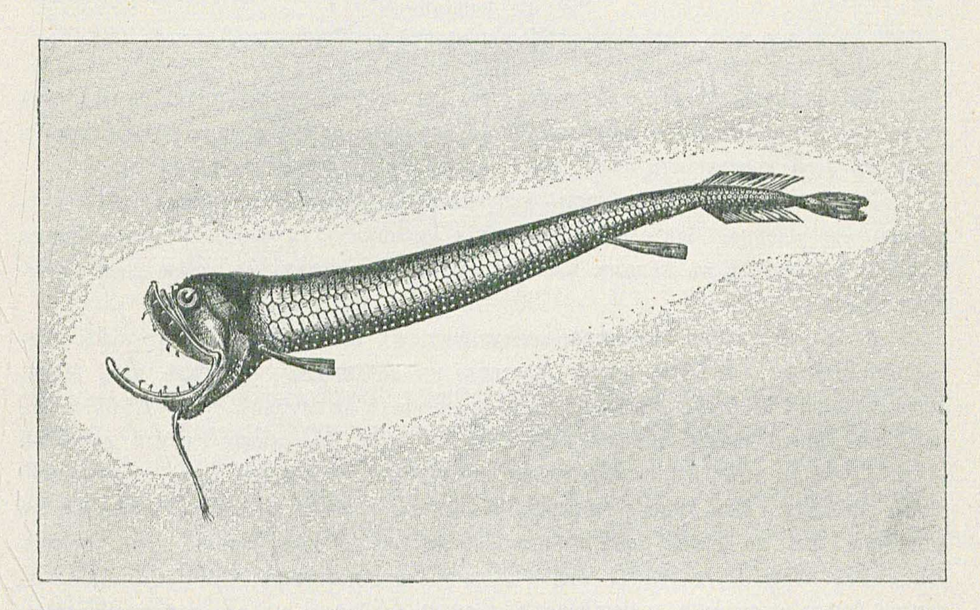


Рис. 60. **Стоміасъ — самосвѣтящаяся рыба.**

Видъ у stomias'а очень хищный; эта рыба вооружена длинными острыми зубами, которые она, должно-быть, часто пускаетъ въ ходъ для нападенія на своихъ враговъ.

Такъ какъ органы, издающіе фосфорическій свѣтъ, въ своихъ нижнихъ глубокихъ частяхъ затянуты оболочкой, похожей немного на сѣтчатую, и такъ какъ, сверхъ того, соединена она съ нервными развѣтвленіями, то нѣкоторые зо-

ологи пришли къ заключенію, что эти фосфоресцирующіе органы играютъ роль побочныхъ глазъ. Съ этимъ мнѣніемъ, однако, трудно согласиться, если имѣть въ виду нормальное развитіе глаза. Гораздо болѣе раціональнымъ является предположеніе, что назначеніе фосфоресцирующихъ пластинокъ заключается въ томъ, чтобы испускать свѣтъ, который благодаря расположенной впереди линзѣ можно концентрировать и направлять на одну какую-нибудь точку. Фосфоресцирующіе органы эти представляютъ исключительно свѣтящіеся очаги, а не центры для одновременнаго излученія и воспринимапія свѣта.

Однако же, у нѣкоторыхъ рыбъ глаза исполняютъ эту двойную функцію; глаза у акулъ-людоѣдовъ, живущихъ на глубинѣ 1.200 — 2.000 метр., какъ, напр., у пойманныхъ возлѣ Сетубала, обладаютъ своеобразнымъ блескомъ.

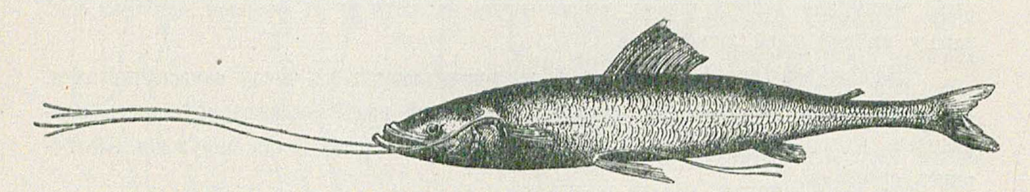


Рис. 61. Bathypterois.
Очень осторожная рыба, оріентирующаяся въ окружающей средѣ посредствомъ своихъ длинныхъ торчащихъ впереди усиковъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что на большихъ глубинахъ недостатокъ свѣта у нѣкоторыхъ рыбъ возмѣщается фосфорическимъ сіяніемъ, которое исходитъ либо отъ всей поверхности тѣла, либо только отъ нѣкоторыхъ частей его.

У другихъ рыбъ способность испускать сіяніе очень ослаблена или отсутствуетъ совершенно. Зрительныя ощущенія въ такихъ случаяхъ воспринимаются только при встрѣчѣ съ такимъ животнымъ, которое носитъ съ собою свой источникъ свѣта.

Рыба bathypterois относится, повидимому, къ категоріи тѣхъ обитателей подводнаго царства, которые вѣчно бродятъ въ потемкахъ. На тѣлѣ этой рыбы, встрѣчающейся въ большомъ количествѣ въ океанахъ на глубинѣ 800—1.500 метр., нѣтъ ни единой точки, которая испускала бы хотя бы самый слабый свѣтовой лучъ. Глаза къ тому же, относительно съ общими размѣрами тѣла, чрезвычайно малы; поэтому, ихъ даже сравнивать нельзя съ глазами stomias'a. Принимая во вниманіе, что по своей организаціи bathypterois longipes стоитъ ниже другихъ обитателей морскихъ глубинъ, можно было бы предположить, что этой рыбѣ очень трудно бороться за свое существованіе посреди глубокаго мрака, окружающаго ее со всѣхъ сторонъ. Но природа не оставила на произволъ судьбы своего творенія: она пришла ему на помощь, приспособивъ своеобразнымъ образомъ одну часть его организма къ условіямъ окружающей среды.

Что прежде всего бросается въ глаза, когда разсматриваешь рыбу bathypterois— это странная форма и расположеніе первой пары ея плавниковъ. У обыкновенныхъ рыбъ этотъ органъ передвиженія состоитъ изъ различныхъ лучей, соединенныхъ вмѣстѣ въ одну полоску, предназначенную для плаванія. У рыбы

bathypterois не то. Передніе плавники ея представляютъ собою пару очень длинныхъ изолированныхъ лучей, не имѣющихъ ничего общаго съ другими лучами. Для чего понадобилось рыбѣ имѣть такой непомѣрно большой плавникъ? Если смотрѣть вблизи, какъ рыба пользуется этими органами, то можно видѣть, что они устроены такимъ образомъ, что могутъ то выпрямляться, то вплотную прижиматься къ передней части тѣла: повидимому, часть плавниковъ пріобрѣла новыя функціи, именно, превратилась въ органъ изслѣдованія, осязанія. Bathypterois,

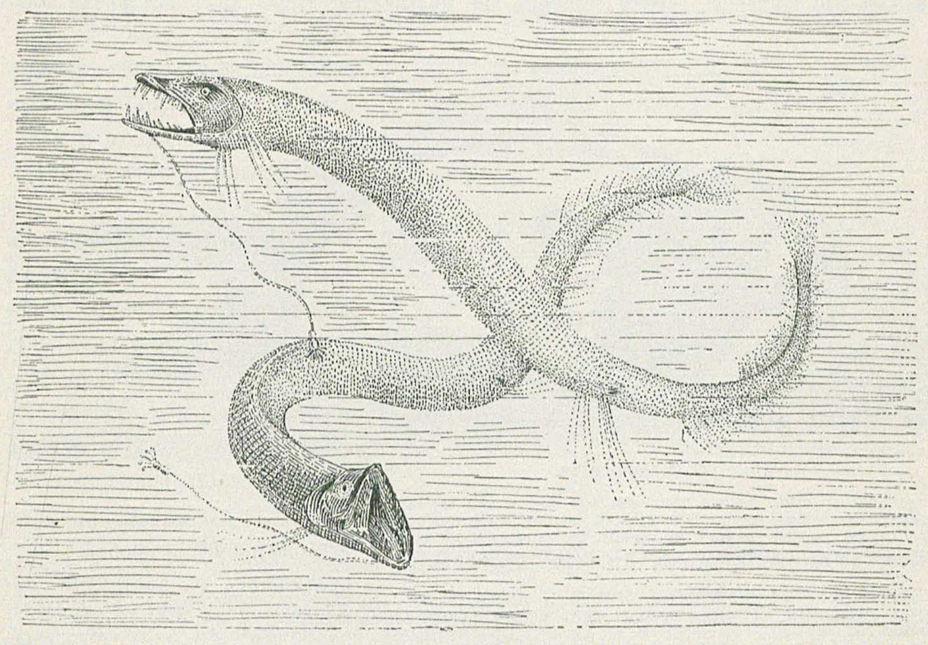


Рис. 62. Eustomias.

двигаясь среди глубокаго мрака, царящаго на большихъ глубинахъ, вытягиваетъ впередъ свои длинные лучи-плавники, свои усики или щупальцы; рыба шаритъ ими въ водѣ, и благодаря ощущенію, которое она при этомъ испытываетъ, узнаетъ, наткнулась ли она на добычу, которую можно захватить, или наскочила на врага, отъ котораго надо поскорѣе скрыться. Эта рыба, должно-быть, пользуется своими плавниками также для того, чтобы нащупать червей, которыхъ она употребляетъ въ пищу.

У другихъ рыбъ, которыя до экспедиціи «Talisman'а» были неизвѣстны, существуютъ, повидимому, органы осязанія, по своему строенію сильно отличающіеся отъ описанныхъ нами выше. У рыбы eustomias obscurus (рис. 62) къ средней части нижней челюсти прикрѣпленъ длинный придатокъ, въ формѣ бѣлой, очень тонкой нити; на концѣ этой нити расположены рядомъ два утолщенія; отъ послѣдняго утолщенія расходятся очень тонкіе и короткіе отростки, расположенные полукругомъ, наподобіе маленькой кисти.

Весьма вѣроятно, что эти рыбы, зарывшись въ верхній слой морского дна, пускаютъ въ ходъ свой своеобразный придатокъ для того, чтобы изловить животныхъ, которыми онѣ питаются (рис. 63).

Рыба eustomias obscurus была поймана въ сѣверной части Атлантическаго океана, на глубинѣ 2.700 метр. Она имѣетъ гладкую, бархатистую, черную, очень тонкую кожу и, сравнительно съ общей величиной весьма длиннаго тѣла, очень маленькую голову. Ея передніе и задніе плавники нисколько не похожи на тѣ органы движенія, которые мы привыкли видѣть у другихъ рыбъ. Своими плавниками это животное почти совсѣмъ не пользуется, такъ какъ все время проводитъ на днѣ моря, не двигаясь съ мѣста; вотъ почему плавники его очень малы: они почти атрофировались и находятся теперь на пути къ исчезновенію.

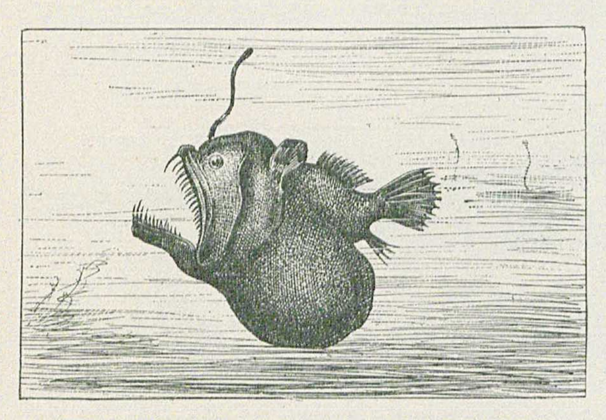


Рис. 63. Melanocetus.

Глядя на эту рыбу, можно подумать, что она готова все проглотить. Это ошибочно: melanocetus, съ трудомъ добывая себѣ пропитаніе, всегда хранитъ въ своемъ большомъ брюхѣ нѣкоторый запасъ пищи, иначе ему пришлось бы умереть съ голоду.

Eustomias obscurus не есть единственная рыба, которая обладаетъ щупальцами, могущими замѣнить собою приманку.

Аналогичное явленіе замѣчается у рыбы Melanocetus Johnstoni (рис. 63), у которой передняя часть спинного плавника сильно видоизмѣнила свое первоначальное назначеніе, превратившись въ настоящій органъ осязанія. Точно такая же метаморфоза наблюдается у рыбы, живущей у нашихъ береговъ, именно у морского чорта, о которомъ мы поговоримъ послѣ, когда коснемся группы «странныхъ рыбъ». Melanocetus обладаетъ огромнымъ брюхомъ—это настоящій морской полишинель!

Отыскиваніе животныхъ, пригодныхъ въ пищу, является, повидимому, очень труднымъ дѣломъ для нѣкоторыхъ рыбъ, и вотъ, чтобы помочь имъ въ этомъ, природа наградила ихъ огромной пастью, въ которую добыча сама кидается. (рис. 64).

Представителемъ этого вида рыбъ является eurypharynx pelicanoïdes, который былъ открытъ вблизи береговъ Марокко въ 1882 г. экспедиціей Travailleur'a.

Эта рыба была поймана на глубинѣ 2.300 метровъ. Длина ея — 0,5 метр., а наибольшая ширина—0,02—0,03 м. Кожа ея интенсивно-чернаго цвѣта и гладкая, какъ бархатъ, настолько нѣжна и тонка, что во время операціи сдиранія всѣ куски, снятые съ различныхъ частей тѣла, оказались разорванными во многихъ мѣстахъ. Голова очень коротка: длина ея едва достигаетъ 0,03 м. Большія челюсти и громадный ротъ придаютъ животному очень странный видъ.

У рыбъ челюсти обыкновенно бываютъ прилажены къ черепу цѣлымъ рядомъ скрѣпленій, составляющихъ въ совокупности то, что анатомы называютъ суспензоріемъ. У рыбы eurypharynx какъ челюсти, такъ въ особенности суспензоріи чрезмѣрно удлинены.

Непосредственно ко рту примыкаетъ большое углубленіе, образованное растяжимой складкой кожи, которая тянется отъ боковыхъ сторонъ головы и передней части тѣла по направленію къ верхней челюсти. Внизу находится другая складка; она содержитъ внутри многочисленные пучки эластичной ткани и соединяетъ другъ съ другомъ вѣтки челюстей.

Благодаря такому устройству, когда раскрывается зѣвъ, тотчасъ же развер-

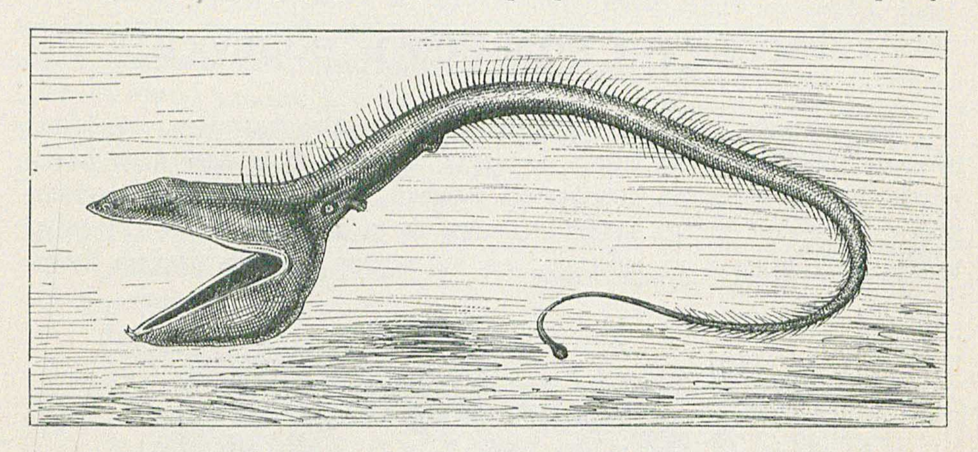


Рис. 64. Eurypharynx.
Одно изъ самыхъ странныхъ животныхъ, живущихъ на днѣ моря: его пасть больше, чѣмъ желудокъ.

зается огромный мѣшокъ, весьма растяжимый, который очень напоминаетъ собою извѣстный «карманъ» пеликана. Такъ какъ челюсти животнаго могутъ широко раздвигаться, а мѣшокъ сильно расширяться, то зѣвъ и гортань придаютъ головѣ его видъ воронки, продолженіемъ которой является все тѣло, длинное и тонкое.

Нужно думать, что мѣшокъ играетъ роль складочнаго мѣста для съѣстныхъ припасовъ, которые можетъ-быть отчасти даже перевариваются тутъ.

Органы передвиженія значительно атрофировались. Изъ двухъ паръ плавниковъ, которыми обыкновенно обладаютъ рыбы, осталась только одна. Брюшные плавники исчезли совершенно, что же касается грудныхъ, то ихъ мѣсто заняли два очень маленькихъ придатка, которые расположены нѣсколько ниже жабернаго отверстія.

Рыба eurypharynx живетъ на днѣ моря, глубоко зарывшись въ его поверхностный слой; высовывается наружу только лишь голова. Увидя приближающуюся добычу, животное рѣзкимъ движеніемъ раскрываетъ свой огромный зѣвъ, въ который тотчасъ попадается жертва.

ГЛАВА VIII.

Пѣвцы на вольномъ воздухѣ.

По отношенію къ пѣвчимъ птицамъ наша страна поставлена въ особо благопріятныя условія: изъ ста видовъ пернатыхъ наберется по крайней мѣрѣ десять такихъ, которые обладаютъ мелодичнымъ голосомъ. Такой процентъ пѣвчихъ птицъ кажется на первый взглядъ незначительнымъ, но въ дѣйствительности онъ очень великъ, если принять во вниманіе, что въ теплыхъ странахъ пѣвчихъ птицъ

Рис. 65. Соловей.

несравненно меньше: тамъ на тысячу видовъ птицъ придется только одинъ, который поетъ. Вообще птицы жаркаго пояса способностью къ пѣнію не отличаются: онѣ, повидимому, находятъ больше удовольствія въ роскошномъ опереніи, чѣмъ въ пѣніи—точь-въ-точь какъ въ театрѣ, гдѣ великолѣпныя декораціи и богатѣй-

шіе костюмы какъ бы возмѣщаютъ иногда слабость талантовъ и голосовыхъ средствъ у артистовъ.

Какъ бы человѣкъ ни былъ мало музыкаленъ, онъ всегда съ удовольствіемъ слушаетъ милое щебетаніе маленькихъ пѣвцовъ. Кого не очаровывали трели соловья или даже простыя рулады щегленка? И удивительное дѣло: наше восхищеніе нисколько не уменьшается при тщательномъ анализѣ этого щебетанья: число нотъ, которыми располагаетъ птичій голосокъ, очень незначительно, поэтому поневолѣ приходится изумляться замѣчательному искусству пернатыхъ пѣвцовъ, съ какимъ они пользуются своими небольшими голосовыми средствами.

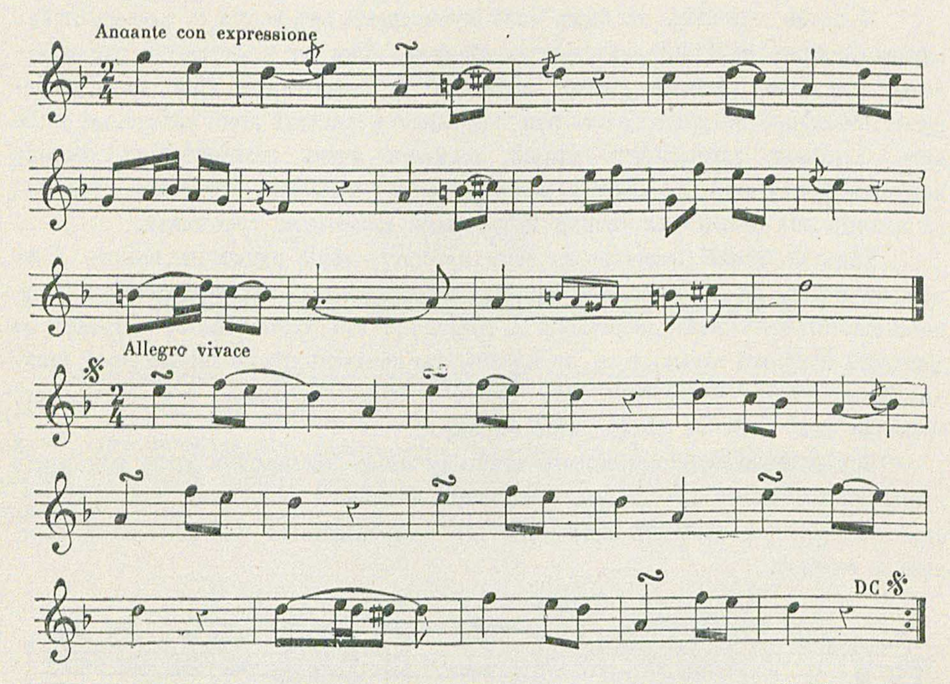
Тѣмъ не менѣе, несмотря на свою простоту, пѣніе птицъ не можетъ быть воспроизведено ни однимъ изъ нашихъ музыкальныхъ инструментовъ. Правда, послѣдовательность нотъ, повышенія и пониженія ихъ возстановить не трудно, но діапазонъ птичьяго голоса, т. е. то именно, что придаетъ пѣнію характерныя, отличительныя черты, составленъ изъ такого множества звуковъ, что передать его точно до сихъ поръ не удалось еще никому.

Всѣ музыкальныя подражанія птичьему пѣнію составлены болѣе или менѣе несовершенно. Наиболѣе удачной композиціей считается знаменитое адажіо въ шестой пасторальной симфоніи Бетховена, гдѣ воспроизводится пѣніе кукушки, перепела и соловья:

Въ этомъ отношеніи замѣчательны также такія музыкальныя произведенія, какъ «Святой Францискъ» Листа и «Vogel als Prophet» Шумана.

Больше всего труда композиторы посвятили воспроизведенію чарующихъ соловьиныхъ трелей, которыя встрѣчаются, между прочимъ, въ извѣстномъ «Вальсѣ Мефистофеля» Листа, въ романсѣ Давыдова—«И ночь, и луна, и любовь», и т. д. Въ Германіи любители-музыканты съ особымъ удовольствіемъ разыгрываютъ «Соловья», пьесу, которая имѣетъ большое сходство съ пастушескими мелодіями, рас-

пѣваемыми въ швейцарскихъ горахъ. Эта баллада, какъ по своему ритму, такъ и по экспрессіи передачи, напоминаетъ трели соловья:



Д'Орбиньи передаетъ пѣніе птицы-трупіала, живущей на о. Кубѣ, слѣдующими звуками, повторяемыми три раза подъ рядъ.

Въ XVIII в. Атанасъ Кирхеръ слѣдующимъ образомъ воспроизвелъ звуки, издаваемые кукушкой, въ своемъ произведеніи «Фонургія».

Въ одной нѣмецкой популярной пѣснѣ, авторъ которой мнѣ не извѣстенъ, пѣніе кукушки имитируется такимъ образомъ:

Д-ръ Оппель замѣтилъ, что мелодія кукушки состоитъ изъ двухъ тактовъ, оба тона которыхъ почти одинаковы и отдѣлены другъ отъ друга только одной паузой.

Эти звуки, какъ можно видѣть, сильно напоминаютъ бой деревянныхъ нюренбергскихъ часовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «кукушекъ».

Я долженъ признаться, что этой музыкальной имитаціи я предпочитаю описаніе, сдѣланное Ф. Геферомъ:

«Самка издаетъ лишь рѣзкіе крики, похожіе на тѣ, которыми щеголяетъ полишинель въ нашихъ ярмарочныхъ балаганахъ: въ этихъ звукахъ слышится больше задора, чѣмъ нѣжности. Самецъ отвѣчаетъ ей, поспѣшно удваивая первую ноту своей излюбленной малой терціи.

Высокая нота выводится на первомъ слогѣ «ку-ку», а низкая — на второмъ, такъ что если, напр., первая нота была mi bémol, вторая будетъ нижнее do. Когда вмѣсто медленнаго ку-ку, слышится торопливая дробь ку-ку-ку-ку-ку-ку, то это вѣрный знакъ, что самецъ замѣтилъ свою подругу и намѣренъ приблизиться къ ней. Послѣ того, какъ прошелъ май, кукушка обыкновенно перестаетъ пѣть; но сказать, что это обычное правило, нельзя, потому что намъ случалось слышать кукованье вплоть до средины лѣта.

Лѣтняя мелодія, однако, отличается отъ весенней, именно: удваивается не первая нота, а вторая, такъ что слышится теперь ку, ку-ку, которое поется безъ прежней страсти, очень спокойно и степенно.

Не всѣ кукушки поютъ одинаковымъ голосомъ; не зависитъ ли эта разница въ тембрѣ отъ возраста? Мы имѣли бы тутъ очень любопытное сходство съ человѣческимъ голосомъ: баритоны—были бы старыя кукушки, а контральто—молодыя. Среди нихъ совсѣмъ нѣтъ сопрано, которымъ поетъ такое множество пернатыхъ пѣвцовъ.

Вернемся, однако, къ музыкѣ. По мнѣнію д-ра Оппеля, долго изучавшаго вокальные таланты птицъ, голосъ чернаго дрозда больше всего приближается къ человѣческому. Оппель отмѣтилъ не менѣе семидесяти двухъ арій, распѣваемыхъ этой птицей.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Вечернее пѣніе въ апрѣлѣ.

Утреннее пѣніе въ апрѣлѣ.

Вечернее пѣніе въ маѣ.

Утреннее пѣніе въ концѣ мая.

Мы упоминали уже о пѣніи соловья. Леке пытается слѣдующимъ образомъ передать его:

Геферъ замѣчаетъ по поводу пѣнія соловья, что оно представляетъ собою бурные пассажи изъ трехъ октавъ, по крайней мѣрѣ нижнихъ, точно пѣвецъ, когда поетъ, всегда имѣетъ желаніе показать все богатство и гибкость своего обширнаго голоса.

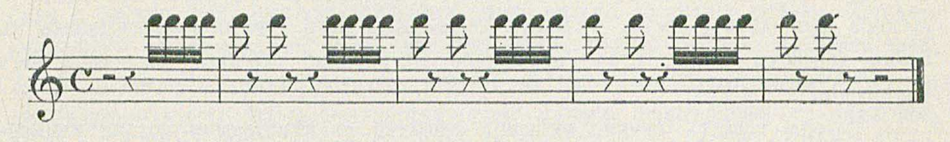
Тотъ же Геферъ передаетъ мѣрное пѣніе пѣвчаго дрозда слѣдующими нотами:

Маленькая американская птичка, извѣстная подъ именемъ pyranga rubra, по отзыву неизвѣстнаго автора, поетъ такимъ образомъ:

Пѣніе иволги, по Леке:

Пѣніе жаворонка по тому же автору:

Въ произведеніи «Ромео и Джульета», пѣніе жаворонка передается иначе, а именно:



* * *

Ф Лескюэ сдѣлалъ очень интересныя наблюденія надъ пѣвчими птицами. Онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

Звуки, которые мы слышали въ пѣніи пернатыхъ, составляются не только изъ двѣнадцати нотъ нашей гаммы, но также изъ многочисленныхъ вибрацій, которыя находятся въ промежуткѣ между отдѣльными нотами.

Такимъ образомъ, одинъ изъ этихъ звуковъ можетъ быть не только do или re, но также можетъ представлять собою какую-нибудь промежуточную ноту. Птицы имѣютъ особую способность брать послѣдовательный рядъ восходящихъ нотъ: онѣ всегда дѣлаютъ между ними интервалы—терціи или квинты, какъ do, mi, sol. Промежуточныя ноты имѣютъ нѣкоторое сходство съ si, la, fa, re, въ особенности со звуками, которые изображаются посредствомъ коммы, представляющей собою, какъ извѣстно, девятую часть тона.

Такъ какъ дѣленія нотъ у птицъ не чередуются такими длинными, опредѣленными и правильными интервалами, какъ цѣлые тоны и полутоны, то птица не можетъ пѣть фальшиво; на этомъ же основаніи, когда нѣсколько птицъ поютъ вмѣстѣ, никогда не слышится разлада въ ихъ концертѣ.

Что касается цѣлаго музыкальнаго періода, то пѣніе птицъ и въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ образомъ напоминаетъ наше. Въ сочетаніи звуковъ, образующихъ сложную музыкальную фразу, такъ или иначе проявляется испытываемое чувство. Эти сочетанія звуковъ представляютъ собою иногда замѣчательныя особенности, — напр., можно слышать послѣдовательный рядъ мягкихъ нотъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга только одной коммой, полутономъ или тономъ, эффекты быстрой смѣны кварты, квинты, сексты и октавы, красивые переливы въ формѣ граціозной трели, модуляціи, блестящія рулады, поэтическія мелодіи, — передаются птицами съ необыкновенной ясностью, выразительностью и экспрессіей.

Птица долго не поетъ, но зато часто повторяетъ свои мотивы. Пѣвчій дроздъ поетъ всего 2—3 минуты, зябликъ столько же, черный дроздъ 3—4 мин., соловей—3 мин., черноголовая славка 4—5 мин., щегленокъ—4 мин., горлица—2 м., жаворонокъ 2—5 мин. Горлица послѣ полуминутной паузы, снова принимается за свое воркованье. Щегленокъ дѣлаетъ очень маленькіе перерывы; я однажды слышалъ, какъ эта птица повторила свою пѣсенку 203 раза подъ рядъ.

Когда нѣсколько птицъ, собравшись въ одно мѣсто, начинаютъ пѣть, то голоса ихъ сливаются въ стройный гармоничный хоръ. Прислушиваясь внимательно къ этому пѣнію, съ удовольствіемъ отмѣчаешь, что пѣвцы поютъ безукоризненно правильно, нисколько не фальшивятъ, такъ что нѣтъ и признаковъ диссонанса; далѣе, можно различить разнообразные мотивы на протяженіи пяти октавъ, имѣющихъ въ своей основѣ гамму камертона, и отдѣльные аккорды, состоящіе изъ двухъ, трехъ, четырехъ согласныхъ нотъ. Что всегда поражаетъ въ этомъ хоровомъ пѣніи, это — проявленіе безгранично веселаго, жизнерадостнаго настроенія.

Ворона издаетъ звуки, имѣющіе сходство съ нѣкоторыми нотами камертонной гаммы, и въ этомъ отношеніи ея карканье приближается къ звуку человѣческаго голоса. Наоборотъ, звуки, издаваемые хохлатымъ королькомъ, трудно отличить отъ писка насѣкомаго. Среднее между этими крайними представителями голосистыхъ птицъ занимаютъ послѣдовательно всѣ пернатые пѣвцы — дроздъ, соловей, щеголъ и т д.

Извѣстно, что всѣ духовые инструменты одного и того же рода имѣютъ одинъ и тотъ же тембръ. Голосовыя связки, благодаря своей гибкости, даютъ возможность каждому человѣку имѣть свой особый тембръ голоса. На этомъ же основаніи тембры птичьихъ голосовъ весьма разнообразны: они варьируютъ въ зависимости отъ того, къ какому виду принадлежитъ пернатый пѣвецъ и даже въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей данной птицы.

Каменный стрижъ издаетъ пронзительные крики, похожіе на свистъ, который получается, когда дуютъ въ отверстіе ключа. Цапля испускаетъ рѣзкіе звуки, схожіе со звуками сигнальной трубы. Въ голосѣ соловья слышатся иногда какъ мягкіе, такъ и пронзительные звуки гобоя, соединенные съ вибраціями полныхъ грудныхъ нотъ.

Горлица и кукушка издаютъ мягкіе бархатные звуки, напоминающіе

флейту; въ пѣніи иволги и дрозда слышатся переливы флажолета; въ мелодіяхъ зяблика есть что-то похожее на кларнетъ, а когда выпь начинаетъ кричать, вспоминаешь гулъ контрабаса.

* * *

Не всѣ птицы, однако, поютъ такъ музыкально, какъ перечисленныя выше. Есть много пернатыхъ, въ пѣніи которыхъ нѣтъ ни гармоніи, ни порядка, ни метода; такъ, напримѣръ, поетъ горный зябликъ. Его «*я-эк*, *ку-аэк*, *шруй*», представляютъ собою безпорядочный наборъ неопредѣленныхъ звуковъ. Эта птица не умѣетъ пользоваться своими голосовыми средствами.

Нѣкоторые виды пернатыхъ выдѣляютъ изъ своей среды какъ хорошихъ, такъ и плохихъ пѣвцовъ, что особенно рельефно замѣчается на тѣхъ пѣвчихъ птичкахъ, которыя содержатся въ клѣткахъ. Аналогичныя явленія наблюдаются, впрочемъ, даже среди крылатыхъ пѣвцовъ, живущихъ на свободѣ.

Очень трудно,—говоритъ Бремъ:—описать пѣніе птицы-флейтиста, потому что различные виды, являющіеся представителями этого рода, поютъ разно: одинъ, напримѣръ, прекрасно владѣетъ своимъ голосомъ, какъ истинный артистъ, другой же совсѣмъ не умѣетъ пѣть. Мнѣ приходилось слышать и превосходное во всѣхъ отношеніяхъ пѣніе, и чрезвычайно плохое; попадались флейтисты, отъ которыхъ кромѣ двухъ-трехъ негармонично связанныхъ звуковъ ничего нельзя было услышать.

Хорошіе пѣвцы, принадлежащіе къ этому виду, выводятъ каждую ноту отчетливо и звучно; исключеніемъ являются развѣ только послѣднія строфы, которыя они скорѣе выкрикиваютъ, чѣмъ насвистываютъ. Чтобы точнѣе выразить свою мысль, я скажу въ двухъ словахъ, что эти птицы превосходные исполнители, но плохіе композиторы. Часто они портятъ свои мелодіи, примѣшивая къ нимъ все, что ни взбредетъ въ голову.

Вышколить ихъ не трудно; они легко научаются пѣть различныя аріи, все равно, насвистываетъ ли ихъ другая птица, играетъ ли органъ, флейта или другой какой музыкальный инструментъ. Всѣ птицы-флейтисты, которыхъ мнѣ приходилось слышать, имѣли обыкновеніе приплетать къ своимъ мелодіямъ разныя мотивы, именно, народныя пѣсни, которыя они, повидимому, переняли отъ матросовъ во время переѣзда черезъ океанъ.

Флейтистъ, сидящій въ клѣткѣ, всегда встрѣчаетъ какой-нибудь пѣсенкой человѣка, котораго хорошо знаетъ.

...Хохлатая тималія не задумывается много надъ композиціей своихъ мелодій: она довольствуется тѣмъ, что повторяетъ безъ конца съ короткими интервалами пять нотъ: do, re, mi, fa, sol.

* * *

Изучая пѣніе птицъ, скоро приходишь къ заключенію, что оно представляетъ собою настоящій языкъ, который очень понятенъ для пернатыхъ и такъ мало понятенъ для насъ. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ отличать отъ обыкновеннаго

пѣнія звуки, выражающіе страхъ, тревогу, жалобу, безпокойство, боль, призывъ радость, восторгъ и т. д. и т. д.

Маленькія пѣвчія птицы, какъ показываютъ наблюденія, отличаются большой экспансивностью; страсть, пылъ, увлеченіе онѣ вкладываютъ въ каждое свое дѣйствіе, начиная съ постройки гнѣзда и кончая защитой своего потомства. Эта страстность проявляется особенно рельефно въ ихъ пѣніи. По поводу птичьяго языка скажемъ вмѣстѣ съ Лескюэ, что уже простой звукъ голоса можетъ быть долгимъ или короткимъ и даже варьировать въ зависимости отъ выдержки, подобно тому, какъ продолжительность звука измѣняется въ трехсвязной нотѣ полутакта.

Рулады воробья представляютъ собою серію двувязныхъ нотъ; лѣсная пѣночка, которая молитъ о пощадѣ человѣка, проходящаго мимо ея гнѣзда, выводитъ четвертную ноту.

Заключительный крикъ неясыти—это полутактная нота. Съ другой стороны, одна и та же нота можетъ повторяться нѣсколько разъ съ различными оттѣнками, образуя такимъ образомъ новыя звуковыя сочетанія.

Нѣкоторыя птицы часто съ увлекательной пылкостью берутъ двувязную ноту; въ серебристомъ пѣніи жаворонка слышится серьезная выдержка тона. Отмѣтимъ далѣе отрывистое стаккато вертошейки, граціозную мягкость звуковъ, которыя издаетъ пѣночка, медленный кадансъ синкопа у большого вяхиря, ритмъ плавныхъ звуковъ, правильно повторяемыхъ въ равные промежутки времени, чѣмъ особенно отличается пѣніе славки, эффекты сурдины у каменнаго стрижа, наконецъ, попеременное чередованіе forte и piano у пѣночки и лугового жаворонка.

* * *

Очень многіе натуралисты пытались изучить языкъ птицъ, но ихъ наблюденія, повидимому, особой точностью не отличались. Знаменитый англійскій романистъ Диккенсъ, въ 1870, т. е. въ годъ своей смерти, опубликовалъ интересное сочиненіе, носящее заглавіе «Азбука животныхъ». Авторъ замѣчаетъ, что птицы имѣютъ болѣе обширную азбуку, чѣмъ четвероногія; эта азбука составлена изъ большого числа разнообразныхъ звуковъ, которые можно изобразить буквами именно въ видѣ простой, двойной или тройной гласной, даже въ томъ случаѣ, когда они очень удлинены, потому что нѣтъ ни одной гласной, которую бы пернатыя не могли произнести. Благодаря особому устройству своего горла, онѣ не могутъ произносить такіе слоги, которые составлены изъ гласной и губной согласной; существуетъ много птицъ, очень легко одолѣвающихъ такіе слоги, какъ, напримѣръ, *си*, *жи*, *ки*, *пи*, *ти*, *ци*, а также такіе, въ составъ которыхъ входятъ тѣ же согласныя, соединенныя съ другими гласными. Диккенсъ замѣчаетъ далѣе, что есть согласныя, которыя птицы произносятъ съ трудомъ или почти совсѣмъ произнести не могутъ, напримѣръ *л* и *в*. Исключеніемъ является жаворонокъ, въ пѣсняхъ котораго мягкое *л* встрѣчается довольно часто.

Ленцъ сумѣлъ выдѣлить въ вокальныхъ упражненіяхъ зяблика девятнадцать пѣсенокъ, каждой изъ которыхъ онъ далъ особое имя. Мы приведемъ здѣсь только одну самую красивую, которая прерывается посрединѣ одной паузой и

оканчивается на очень высокой нотѣ. Вотъ эта пѣсенка: «*Тцитцитцитцитцитцитцитцитцитцитцирррентцерія,—тололололололоцисссскуція*».

Сдѣланы также нѣкоторыя наблюденія относительно чириканья воробьевъ. Эти рѣзвыя пташки издаютъ звукъ *диб-диб*, когда летаютъ, и *шлипъ-шлип*, когда садятся на дерево; принимаясь за завтракъ, онѣ безпрестанно повторяютъ: *бильп* или *біум*.

Дурр, а также *діе, діе, діе* — это тѣ звуки, которыми онѣ выражаютъ свою нѣжность. *Терр*, произнесенное съ особымъ удареніемъ, обозначаетъ приближающуюся опасность.

Если опасность дѣлается очень большой, воробьи испускаютъ другой крикъ, именно—*теллътереллътеллътеллътелль*. Въ минуты сантиментальной нѣжности самцы безъ умолку кричатъ: *телль, теллът, слип, делль, делль, диб, шлик* и т. д.

* *

Почти всѣ птицы, помимо своихъ обычныхъ болѣе или менѣе мелодическихъ звуковъ, издаютъ еще другіе, совершенно особенные, которые принято называть тревожными или сигнальными. Эти звуки, которые птицы испускаютъ въ моменты надвигающейся опасности, оказываются весьма полезными и для другихъ пернатыхъ того же вида, давая имъ общій сигналъ къ бѣгству. Что это дѣйствительно такъ, доказывается тѣмъ, что всѣ они обращаютъ должное вниманіе на предупредительный крикъ и немедленно принимаютъ его къ свѣдѣнію, спасаясь кто куда попало. Болѣе того, этотъ крикъ хорошо знакомъ другимъ животнымъ, которыя прекрасно знаютъ, что̀ онъ означаетъ и какія мѣры нужно предпринять.

Тревожный крикъ, издаваемый нѣкоторыми птицами, чрезвычайно рѣзокъ и силенъ; надо, поэтому, полагать, что пернатыя нарочно кричатъ такъ пронзительно, чтобы предупредить товарищей.

Животныя, находящіяся поблизости, спасаются бѣгствомъ, какъ только услышатъ сигналъ пернатыхъ—«извѣстителей». Объ одномъ изъ такихъ извѣстителей, предупреждающемъ крокодила о грозящей бѣдѣ, мы говорили уже въ I-ой главѣ, посвященной животнымъ-блюдолизамъ.

Вотъ какіе предупредительные сигнальные крики издаютъ нѣкоторыя птицы, когда онѣ видятъ, что имъ грозитъ опасность:

пѣвчій дроздъ. . . .	*шнерр*;
славка лѣсная. . . .	*эрр*;
славка садовая . . .	*тэк-тэк*;
пѣночка	*церр, цеер, церц*;
жаворонокъ луговой. .	*срик*.

Всѣ эти птицы свои пѣсенки начинаютъ съ этихъ именно криковъ, которые онѣ испускаютъ не съ такой силой и рѣзкостью, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подаютъ сигналъ къ тревогѣ.

Призывный крикъ соловья, по наблюденіямъ Наумана, проявляется звукомъ «*ви-ид*», яснымъ, звучнымъ, продолжительнымъ, за которымъ обыкновенно слѣдуетъ другой, очень громкій «*каэр*». Когда соловей сильно напуганъ, онъ нѣ-

сколько разъ повторяетъ свое «*ви-ид*», и только разъ кричитъ «*кахр*»; разсерженный, онъ издаетъ крикъ *крэ-э*, а когда находится въ благодушномъ настроеніи, пускаетъ протяжное гармоничное «*так*». Юные соловьи кричатъ сначала «*фи-ид*» и позже—«*круэк*».

Каждый изъ этихъ звуковъ, издаваемыхъ съ особой интонаціей, которая нерѣдко ускользаетъ отъ нашего вниманія, имѣетъ особое значеніе.

Пѣніе соловья совершенно особенное. Звукъ его голоса отличается удивительной чистотой и звучностью, варіаціи разнообразны и необыкновенно гармоничны, ничего подобнаго нельзя услышать отъ другой пѣвчей птицы. Нѣжныя мелодіи, рулады, грустные, меланхолическіе, веселые мотивы чередуются съ неописуемой граціей. Одинъ соловей начинаетъ свою серебристую пѣснь очень тихо, причемъ постепенно его голосъ усиливается, звуки растутъ, возвышаясь почти на терцію, затѣмъ становятся жалобными и внезапно обрываются быстрымъ аккордомъ.

Другой съ самаго начала беретъ сильныя, полныя страсти ноты, у третьяго нѣжные меланхолическіе звуки перемѣшаны съ взрывами бурной, торжествующей радости. Ясные, чистые, какъ колокольчикъ, звуки поспѣшно слѣдуютъ одни за другими и разрѣшаются трелью, своей бѣглостью превосходящей все.

Паузы, такты еще болѣе подчеркиваютъ красоту соловьинаго пѣнія. Трудно понять, какимъ образомъ маленькая пичужка можетъ испускать такіе сильные, полные чарующей прелести звуки. Какой крѣпостью и упругостью должны отличаться мышцы ея голосовыхъ связокъ! Дѣйствительно, иногда изъ дивнаго горлышка вырываются звуки такой силы, что ухо съ трудомъ можетъ ихъ переносить.

Соловей, чтобы считаться хорошимъ пѣвцомъ, долженъ имѣть въ своемъ репертуарѣ двадцать—двадцать-пять строфъ, не считая модуляцій; многіе, однако, обладаютъ менѣе богатымъ голосомъ.

Мѣстность имѣетъ большое вліяніе на ихъ пѣніе. Молодые соловьи формируютъ свой голосъ, учась у стариковъ, которые живутъ тутъ же. Вотъ почему въ однихъ мѣстахъ встрѣчаются сплошь превосходные пѣвцы, а въ другихъ только посредственные. Старые самцы поютъ лучше молодыхъ: и у птицъ совершенство техники достигается продолжительными упражненіями.

Особенно хорошо поетъ соловей въ тѣ моменты, когда его обуреваетъ ревность: пѣніе становится тогда его оружіемъ, которымъ онъ стремится поразить на смерть своихъ соперниковъ. Нѣкоторые соловьи поютъ главнымъ образомъ ночью, другіе—исключительно днемъ. Въ періодѣ первыхъ восторговъ любви, соловей оглашаетъ окрестность своими восхитительными руладами во всякіе часы ночи; когда самка начинаетъ высиживать яйца, пѣніе умолкаетъ: птичка, повидимому, успокаивается и возвращается къ своему обыденному образу жизни.

Большой такъ-называемый венгерскій соловей отличается отъ соловья филомелы своимъ голосомъ. Его призывный крикъ не *ви-ид-каср*, а *глэк-арр*. Голосъ изобилуетъ низкими протяжными нотами; паузы болѣе продолжительны; кромѣ того, голосъ у него громче, вибрируетъ сильнѣе, но зато не такъ богатъ

варіаціями, какъ у представителей перваго вида. Тѣмъ не менѣе, по качеству пѣнія онъ не уступитъ, пожалуй, своему родичу, есть даже такіе любители, которые ставятъ его выше.

Случается довольно часто, что представители обоихъ видовъ живутъ вмѣстѣ, и тогда можно слышать ихъ совмѣстное пѣніе. Истинные знатоки, однако, не находятъ большого удовольствія въ этихъ дуэтахъ, предпочитая слушать пѣніе соло во всей его чистотѣ.

* * *

Клестъ—птица съ крестовиднымъ клювомъ, отличается слѣдующими вокальными особенностями, по наблюденіямъ Брема.

«*Гип-гип*» или «*цок, цок, гэп*»—вотъ призывный крикъ еловаго клеста (еловика)—самца или самки, безразлично. Онѣ кричатъ «*гэп*», когда летаютъ или когда садятся на вѣтку; этотъ крикъ есть, повидимому, сигналъ къ перелету, призывъ, которымъ всѣ члены птичьяго общества приглашаются собраться вмѣстѣ; поэтому, онъ всегда звучитъ очень громко.

«*Гип-гип*»—это тѣ нѣжные звуки, которыми супруги привѣтствуютъ другъ друга во время отдыха; они произносятся вполголоса; поэтому, чтобы услышать ихъ, необходимо стоять у самаго ствола дерева, на которомъ сидятъ птицы.

Когда слышишь эти звуки, кажется, будто они доносятся издалека, а на самомъ-то дѣлѣ, поднявъ голову, видишь, что клесты сидятъ поблизости на вѣткѣ.

Крикомъ «*цок*» сидящій на деревѣ клестъ приглашаетъ остановиться своихъ товарищей, летающихъ мимо. Этотъ крикъ очень силенъ, и надо полагать, что онъ-то и есть главный призывный крикъ.

Птенцы кричатъ почти такъ же, какъ коноплянка; но скоро пріобрѣтаютъ всѣ тѣ оттѣнки голоса, которыми отличаются взрослыя птицы.

Рис. 66. Клестъ.

Это очень хорошій пѣвецъ, хотя ротъ у него имѣетъ довольно странную форму.

Сосновый клестъ или сосновикъ испускаетъ свой призывный крикъ «*гип-гип*», когда летаетъ или когда садится на дерево. Эти крики очень характерны, и ихъ нельзя смѣшать даже въ томъ случаѣ, когда они раздаются вмѣстѣ. Я ихъ отличаю въ лѣсу даже на далекомъ разстояніи. Это «*гип*» есть не только предупреждающій призывъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сигналъ къ перелету. Когда птицы, сидящія на деревѣ, слышатъ этотъ крикъ, онѣ тотчасъ настораживаются и улетаютъ всѣ,

лишь только одна изъ нихъ подастъ примѣръ и снимется съ мѣста. Когда онѣ слышатъ этотъ крикъ въ то время, когда завтракаютъ, то обыкновенно не обращаютъ на него никакого вниманія и преспокойно продолжаютъ ѣсть, въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ отвѣчаютъ своимъ товарищамъ крикомъ «*цок-цок*», приглашая ихъ принять участіе въ трапезѣ. Это «*цок-цок*» произносится ими громче и отчетливѣе, чѣмъ еловыми клестами. Если одна изъ птицъ, сидя на вершинѣ дерева, хочетъ пригласить туда всю компанію, она испускаетъ очень рѣзкое и громкое «*цок-цок*»; Хорошая приманная птица должна очень отчетливо и часто повторять этотъ призывъ; если она кричитъ «*гип-гип*» чаще, чѣмъ «*цок-цок*», то пользы отъ нея очень мало.

Клестъ, садясь на дерево, издаетъ слабый звукъ, похожій на пискъ цыплятъ. Птенцы пищатъ чаще, но голосъ ихъ въ общемъ такой же, какъ у молодыхъ еловыхъ клестовъ.

Пѣніе самца восхитительно. Обыкновенно еловикъ поетъ лучше, чѣмъ сосновикъ, но манера пѣть у обѣихъ птицъ почти одинакова. Полнымъ голосомъ берется тема, которую сопровождаетъ нѣсколько слабыхъ свистящихъ нотъ. Находясь на свободѣ, клестъ поетъ охотнѣе всего въ хорошую ясную теплую погоду; въ холодные вѣтреные дни его совсѣмъ не слышно.

Клестъ когда поетъ, обыкновенно сидитъ на самыхъ высокихъ вѣтвяхъ дерева. Самки поютъ такъ же, но болѣе низкимъ голосомъ и менѣе увѣренно, чѣмъ самцы. Находясь въ клѣткѣ, клестъ поетъ въ продолженіе цѣлаго года за исключеніемъ времени линянія

* * *

Свои самыя мелодичныя, самыя поэтичныя пѣсни — это общее правило для всего пернатаго царства, — крылатые пѣвцы распѣваютъ только въ періоды токованія. Затѣмъ, когда страсти затихаютъ, пѣсни становятся рѣже и тише; парочка занята тогда устройствомъ своего гнѣздышка. Но когда появляются птенцы, снова раздаются пѣсни, очень нѣжныя и красивыя: родители учатъ своихъ маленькихъ ѣсть и летать, и при этомъ много поютъ. Видя приближеніе врага, старики прекращаютъ пѣніе и испускаютъ крики ужаса.

Богатство и разнообразіе вокальныхъ средствъ, которыми природа такъ щедро одарила пернатыхъ, изумительны, замѣчаетъ Шанфлери. Манера пѣнія у разныхъ видовъ различна, и всегда находится въ соотвѣтствіи съ характеромъ крылатаго пѣвца. Такъ, пылкій зябликъ (рис. 67), проворная малиновка поютъ всегда presto; наоборотъ, деряба или можжевеловый дроздъ, толстый—сентиментальный пѣвецъ, меланхолическій черный дроздъ и элегическій реполовъ любятъ въ пѣніи больше всего largo, adagio и andante.

Въ пѣснѣ другихъ птицъ, у которыхъ способъ передачи звуковыхъ эффектовъ отличается еще большимъ разнообразіемъ, слышатся частые переходы отъ радостнаго allegretto къ сладострастному smorzando; таковы прелестныя мелодіи лѣсного жаворонка. Существуютъ среди пернатыхъ такіе упрямцы, которые не признаютъ тактовъ въ пѣніи; ихъ капризные речитативы, много разъ повторенные

эхомъ, кажутся похожими на призывные крики. А вотъ группа классическихъ пѣвцовъ, истинныхъ виртуозовъ, одаренныхъ въ высочайшей степени тѣми вокальными особенностями, совокупность которыхъ составляетъ главную основу художественнаго bel canto и которыя вмѣстѣ такъ рѣдко встрѣчаются у человѣка; эти особенности — гибкость, грація и сила голоса съ одной стороны, и страстность, патетичность передачи — съ другой. Въ пѣніи соловья слышится вся гамма чувствъ, которыя вообще могутъ быть выражены музыкой, начиная съ бурной торжествующей радости и кончая трагическимъ отчаяніемъ. Пѣвчій дроздъ переходитъ непосредственно отъ простого призывнаго крика къ восторженному дифирамбу; у жаворонка спокойное идиллическое настроеніе неожиданно смѣняется самыми живыми лирическими порывами.

Рис. 67. Зябликъ.

Для обозначенія характерныхъ звуковъ, испускаемыхъ различными птицами, люди придумали особыя звукоподражательныя слова. Такъ, куры *кудахтаютъ*, гуси *гогочутъ*, голуби *воркуютъ*, вороны *каркаютъ*, кукушки *кукуютъ*, маленькія пташки *щебечутъ*, воробьи *чирикаютъ* и т. д.

Дюри слѣдующимъ образомъ пытаетъ передать пѣснь соловья:

Тиню, тиню, тиню,
Спрецію, з-ква,
Кверекъ, пи, пи
Тіо, тіо, тіо, тиксъ,
Квтіо, квтіо, квтіо, квтіо, кв-тіо
Зквъ, зывъ, зыквъ, зыквъ,
Зи, зи, зи, зи, зи, зи, зи,
Кверекъ, тіо, зквіа, пи, пи, квп!

Попытки передавать пѣніе птицъ звукоподражательнымъ образомъ дѣлались не только во Франціи, а и въ другихъ странахъ. Такъ, напр., на Камчаткѣ къ пѣнію красноватаго дрозда русскіе рыбаки подобрали соотвѣтствующій текстъ, начинающійся словами: «чевичу видалъ». Чевичей на Камчаткѣ называется самый большой и самый цѣнный видъ лосося, который появляется у береговъ Камчатки въ то же время, когда прилетаетъ красноватый дроздъ. Пѣніе этого послѣдняго

служитъ такимъ образомъ вѣрнымъ сигналомъ появленіе лосося, и въ странѣ, гдѣ все населеніе питается почти исключительно рыбой, эта птица является вѣстникомъ наступленія благодатной эры. Пѣстъ она, впрочемъ, очень красиво и увлекательно, и кто разъ слышалъ это пѣніе, тотъ никогда его не забываетъ.

Пѣніе птицы-лиры (рис. 68), составленное изъ отрывистыхъ торопливыхъ фразъ, оканчивающихся низкой нотой, напоминаетъ собою голосъ чревовѣщателя. Эта птица имѣетъ привычку примѣшивать къ своимъ мотивамъ звуки, которые она слышитъ вокругъ себя. Беккеръ разсказываетъ, что въ провинціи Ситѣ на склонѣ австрійскихъ Альпъ была какъ-то устроена механическая лѣсопилка. И вотъ сюда по воскресеньямъ, когда работа на лѣсопильномъ заводѣ прекращалась, изъ лѣсу доносились какіе-то странные звуки: прислушавшись внимательно къ этимъ звукамъ, можно было различить и лай собакъ, и смѣхъ человѣка, и пѣніе разныхъ птицъ, и плачъ дѣтей и визгъ пилы; все это производила одна птица-лира, поселившаяся вблизи лѣсопилки.

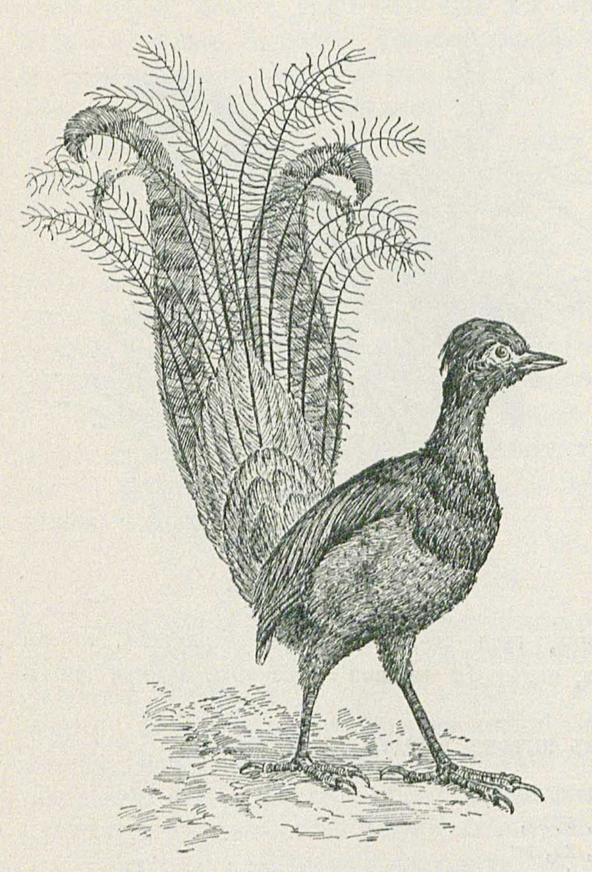


Рис. 68. Птица-лира.

Что касается способности пернатыхъ перенимать пѣніе птицъ, принадлежащихъ къ совершенно другимъ видамъ, то на этотъ счетъ Луи Минго сдѣлалъ любопытное наблюденіе, которое онъ сообщилъ обществу естествоиспытателей въ Нимѣ.

«Съ апрѣля 1893 г.,—говоритъ Луи Минго:—у меня жилъ обыкновенный воробей, взятый изъ гнѣзда еще совсѣмъ неоперившимся. Когда птенецъ подросъ настолько, что могъ ѣсть безъ посторонней помощи, я посадилъ его въ клѣтку, въ которой находились слѣдующія птички: зябликъ, щегленокъ и два чижика. Спустя нѣкоторое время воробей началъ подражать пѣнію своихъ товарищей по заключенію, и дѣлалъ это такъ хорошо, что можно было легко ошибиться и принять имитацію за оригиналъ. Мой воробей чиликаетъ, какъ зябликъ, въ совершенствѣ копируетъ рулады щегленка, отлично подражаетъ пѣнію чижа. Въ этомъ не было бы собственно еще ничего удивитель-

наго, потому что многія птицы, какъ извѣстно, обладаютъ способностью перенимать манеру пѣть у своихъ пѣвчихъ родичей. Что меня поразило и привело къ убѣжденію, что воробей, если можно такъ выразиться, многоголосъ, — было вотъ что: весною я имѣю обыкновеніе ловить полевыхъ кузнечиковъ, которыхъ держу въ спеціально для нихъ изготовленныхъ клѣткахъ. Эти маленькія клѣтки висѣли неподалеку отъ той, въ которой жили перечисленныя выше пѣвчія птички вмѣстѣ съ воробьемъ. Ни этимъ птичкамъ, ни воробью не приходило никогда въ голову подражать стрекотнѣ кузнечиковъ. Въ этомъ году я наловилъ много новыхъ кузнечиковъ и посадилъ ихъ въ клѣткѣ, рядкомъ съ компаніей моихъ старыхъ пѣвцовъ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда два дня спустя я услышалъ, что мой воробей прекрасно копируетъ голоса своихъ сосѣдей-кузнечиковъ!

«Кузнечики затѣмъ вскорѣ погибли. Прошло много времени послѣ ихъ смерти, а маленькій фигляръ не переставалъ подражать пѣнію этихъ прямокрылыхъ, перемѣшивая его съ мелодіями другихъ птицъ.

«Интересно отмѣтить, что этотъ воробей совсѣмъ не умѣлъ чирикать по-воробьиному: онъ былъ взятъ изъ гнѣзда очень юнымъ и, повидимому, не научился еще отъ своихъ родныхъ издавать звуки, которые отличаютъ весь воробьиный родъ».

Извѣстны также случаи, когда юныя коноплянки, помѣщенныя вблизи соловьевъ, перенимали пѣсни этихъ послѣднихъ.

*
* *

Манера пѣнія у птицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же виду, измѣняется отъ характера данной мѣстности. Среди пернатыхъ, такъ же, какъ и среди насъ, существуютъ діалекты, нарѣчія, «говоры»: основа языка остается та же, измѣняются только детали. Особенно ясно замѣчаются подобныя отклоненія у чижей: чижи изъ Тюрингіи поютъ гораздо лучше, чѣмъ товарищи ихъ, живущіе въ горахъ Гарца. Но эти различія понемногу сглаживаются благодаря безпрестаннымъ переселеніямъ птицъ. Чижи имѣютъ привычку подражать пѣнію своихъ родичей, и къ счастію, такому именно, которое лучше ихъ собственнаго. Вслѣдствіе этого, если въ данной мѣстности начинаетъ пѣть хорошій пѣвецъ, заглянувшій сюда случайно, то всѣ представители даннаго вида, подражая ему, начинаютъ довольно замѣтно совершенствовать свои голоса.

Рис. 69. **Голландскіе чижи.**
Они некрасивы, но зато прекрасно поютъ и стоятъ очень дорого.

Это обстоятельство хорошо извѣстно птицеводамъ; чтобы улучшить голоса пернатыхъ, они сажаютъ въ клѣтку съ другими птицами хорошаго пѣвца, искус-

ство котораго птички довольно скоро перенимаютъ. Достойно замѣчанія, что достигнутые успѣхи въ пѣніи передаютя иногда потомству. Одинъ парижскій столяръ сдѣлался извѣстнымъ тѣмъ, что въ продолженіе 26 лѣтъ воспиталъ нѣсколько поколѣній жаворонковъ, съ которыми усердно проходилъ хорошую школу пѣнія; неутомимый воспитатель добился прекрасныхъ результатовъ: онъ настолько улучшилъ голоса своихъ питомцевъ, что какъ богатствомъ мелодіи, такъ и красотой звука они нисколько не напоминали своихъ предковъ.

У нѣкоторыхъ видовъ способность къ подражанію развита до крайнихъ предѣловъ.

Очень интересенъ въ этомъ отношеніи мексиканскій дроздъ-пересмѣшникъ, который подражаетъ голосамъ всѣхъ живущихъ въ окрестности птицъ. Что касается птицы-пересмѣшника, который водится въ Соединенныхъ Штатахъ, то это настоящее чудо! Вотъ что разсказываетъ объ этой птицѣ Жераръ.

«Я наблюдалъ,—разсказываетъ онъ:—многоязычнаго пересмѣшника, голосъ котораго раздавался вблизи меня. Какъ всегда, подражаніе призывному крику и пѣнію американскаго королька составляло добрую четверть его репертуара. Началъ онъ съ мелодіи королька, затѣмъ запищалъ, какъ пурпурная ласточка, потомъ, бросившись внизъ съ вѣтки, гдѣ сидѣлъ, сталъ подражать пѣнію трехцвѣтной синицы и перелетнаго дрозда. Послѣ этого, онъ съ распущенными крыльями, съ поднятымъ вверхъ хвостомъ, бѣгая вокругъ какого-то частокола, принялся копировать пѣніе мухоловки, кардинала, синицы; перелетѣвъ на кустъ малины и поклевавъ нѣсколько ягодъ, пересмѣшникъ началъ кричать, какъ дятелъ, и подъ конецъ запѣлъ, какъ виргинская перепелка».

Одюбонъ характеризируетъ пѣніе американскаго пересмѣшника слѣдующимъ образомъ:

«Къ вамъ доносятся не мягкіе звуки флейты или какого-нибудь другого музыкальнаго инструмента,—а вы слушаете голосъ еще болѣе мелодичный, голосъ самой природы».

* * *

Среди птицъ, живущихъ въ нашихъ краяхъ, также встрѣчаются такія, у которыхъ способность къ звукоподражанію развита въ высокой степени. Тутъ на первомъ планѣ нужно поставить подсемейство *сойковыхъ*, среднеевропейскимъ представителемъ котораго является наша общеизвѣстная дикая кукша. Характерный звукъ, выдающій ея присутствіе — это пронзительное, хриплое «*рэтшъ*» или «*рэ-рэ-рэ*», превращающееся подъ вліяніемъ боли въ крикливое «*кэ-кэ*» или «*крэ*». По временамъ этой птицѣ приходитъ фантазія мяукать по-кошачьи. Очень часто она воспроизводитъ звуки, которые слышитъ по близости, напр. визгъ пилы, ржаніе жеребенка, кудахтанье наседки и т. д.

«Однажды, возвращаясь какъ-то въ одинъ изъ осеннихъ дней съ охоты,— разсказываетъ Розенгейнъ:—я присѣлъ подъ березой: я усталъ и хотѣлъ отдохнуть немного. Въ лѣсу было очень тихо. Вдругъ я услышалъ неподалеку птичій голосъ. Кто бы это могъ быть?—подумалъ я:—поздней осенью вѣдь птицъ почти не слыхать въ нашихъ лѣсахъ. Я сталъ внимательно осматривать деревья, стояв-

шія поблизости, но никого не нашелъ; а между тѣмъ невидимый артистъ продолжалъ пѣть все громче и звонче... Сначала я принялъ его за дрозда. Это навѣрно дроздъ! рѣшилъ я, когда услышалъ вначалѣ его голосъ. Но вотъ неожиданно раздались звуки совсѣмъ другого рода, менѣе мелодичные, отрывистые: повидимому, около меня составлялся концертъ изъ самыхъ разнообразныхъ голосовъ. Вскорѣ я различилъ характерные звуки, издаваемые дятломъ и сорокой; ихъ смѣнили затѣмъ голоса сорокопута, пѣвчаго дрозда, скворца, сивоворонки. Наконецъ, на одной изъ самыхъ высокихъ вѣтвей я увидѣлъ сойку-кукшу: это она устроила этотъ своеобразный концертъ, подражая голосамъ различныхъ лѣсныхъ птицъ».

Случается иногда, что способность къ подражанію развита только отчасти. Птица вспоминаетъ, напр., только обрывки подслушанныхъ мелодій, которые и вставляетъ въ свои собственные мотивы. Это очень часто дѣлаетъ сорокопутъ, живущій въ Италіи. Вотъ что говоритъ объ этой птицѣ Науманъ:

«Голосъ сорокопута, не умолкающій не на минуту и ни мало оживляющій собою окрестный пейзажъ, невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе путника. Сорокопутъ летаетъ легко и плавно; онъ носится по воздуху, почти не двигая крыльями, какъ это обыкновенно дѣлаютъ хищныя птицы. Когда ему приходится перелетать большое пространство, онъ часто отдыхаетъ, и, летая, описываетъ спиральныя линіи съ большими изгибами. Онъ оглашаетъ лѣсъ своимъ пронзительнымъ «*кіэк, кіэк*» или «*шек, шек*»; его призывный крикъ лучше всего передается слѣдующими звуками: «*квіэ, кви-элл*» или «*перленч-раллентч*», а также «*шаррек-шаррек*».

«Говорятъ, что сорокопутъ въ высокой степени одаренъ способностью перенимать голоса и пѣніе другихъ птицъ. Я лично не имѣлъ еще случая убѣдиться въ этомъ вполнѣ. Правда, я часто слышалъ, какъ сорокопутъ подражаетъ призывному крику дубоноса, воробья, ласточки, щегленка, и повторяетъ нѣкоторыя музыкальныя фразы; но дѣло въ томъ, что онъ никогда не доводитъ ихъ до конца, а дѣлаетъ попурри изъ различныхъ арій, перемѣшивая ихъ съ собственными криками; въ общемъ получается все-таки пѣніе гармоничное, которое слушается не безъ удовольствія. Никогда еще мнѣ не приходилось слышать такого сорокопута, который довелъ бы до конца начатую пѣснь: начавъ одну мелодію, онъ тотчасъ переходитъ къ другой, третьей и т. д. Такъ, я часто слышалъ, какъ онъ повторялъ обрывки мотивовъ, заимствованныхъ у жаворонка, перепела и т. д. Сорокопутъ подражаетъ каждому звуку, который раздается вблизи него; тѣмъ не менѣе, я никогда не слышалъ, чтобы онъ подражалъ пѣнію соловьевъ, хотя этихъ послѣднихъ было довольно много въ лѣсу вблизи моего дома, гдѣ жило также не мало чернолобыхъ сорокопутовъ».

Точно такія же наблюденія были сдѣланы надъ представителями другого вида сорокопутовъ, такъ-называемыми жуланами. Жуланъ примѣшиваетъ къ своимъ крикамъ цѣлыя строфы, выхваченныя изъ пѣсенъ другихъ птицъ.

«Если какая-нибудь птица заслуживаетъ названіе пересмѣшника, то это прежде всего сорокопутъ-жуланъ,—говоритъ графъ Гурей.—Въ его собственномъ

вокальномъ репертуарѣ, кромѣ нѣсколькихъ хриплыхъ рѣзкихъ нотъ ничего нѣтъ, и если онъ не живетъ по сосѣдству съ птицами, которыя хорошо поютъ, то голосъ его навсегда остается непріятнымъ.

«Однако, жуланы, живущіе вблизи хорошихъ пѣвцовъ, скоро дѣлаютъ большіе успѣхи въ пѣніи, повторяя съ большой экспрессіей тѣ строфы изъ пѣсенъ своихъ сосѣдей, которыя имъ больше всего нравятся. Къ сожалѣнію, они отъ времени до времени вставляютъ въ эти строфы весьма негармоничные звуки, тоже, вѣроятно, гдѣ-то подслушанные. У меня есть одинъ жуланъ-сорокопутъ, который подражаетъ пѣнію соловья, жаворонка, ласточки, славки, иволги, хорошо передаетъ призывный крикъ чернаго дрозда и куропатки, и въ то же время лаетъ, какъ собака. Иногда онъ поетъ еще въ сентябрѣ, затѣмъ умолкаетъ и снова принимается пѣть въ среднихъ числахъ ноября.

«Варакушка, птица, которая водится у береговъ прѣсныхъ водъ, такъ хорошо подражаетъ пѣнію различныхъ птицъ, что лапландцы прозвали ее «стоголосымъ пѣвцомъ».

Къ числу птицъ, отличающихся способностью къ подражанію, надо отнести также нашего обыкновеннаго горнаго жаворонка.

«Своимъ призывнымъ крикомъ,—говоритъ графъ Гурей:—горный жаворонокъ очень напоминаетъ своего родича—хохлатаго жаворонка. Онъ поетъ очень красиво и увлекательно и къ тому же обладаетъ талантомъ подражанія, который даетъ ему возможность измѣнять свой голосъ по желанію, испускать то пронзительные крики, то мелодичные мягкіе звуки. Свое пѣніе горный жаворонокъ начинаетъ съ того, что издаетъ свой характерный призывный крикъ; затѣмъ онъ начинаетъ подражать голосамъ различныхъ птицъ — пѣвчаго дрозда, ласточки, перепела, синицы, дубоноса, полевого жаворонка, хохлатаго жаворонка, зяблика, воробья, сороки, цапли, причемъ придаетъ каждому звуку такую вѣрную интонацію, что знатокъ тотчасъ можетъ узнать, какую птицу онъ копируетъ. Горный жаворонокъ, кромѣ того, воспроизводитъ очень точно самые своеобразные звуки, которые ему приходится слышать отъ окружающихъ. Между прочимъ, онъ отлично подражаетъ храпу спящаго человѣка. У меня былъ одно время горный жаворонокъ; когда я пріобрѣлъ его, онъ не зналъ еще тѣхъ пѣсенъ, которыя распѣваетъ полевой жаворонокъ, не умѣлъ еще копировать голосъ длиннохвостой синицы; но скоро онъ всему этому научился, и исполнялъ свои «номера» безукоризненно. Часто онъ пѣлъ очень страннымъ образомъ: казалось, что онъ никакихъ движеній горломъ не производитъ, а испускаетъ звуки только съ помощью клюва.

«Къ сожалѣнію, по временамъ онъ издавалъ такіе рѣзкіе пронзительные звуки, что держать его долго въ комнатѣ оказалось невозможнымъ. Поэтому я постарался отдѣлаться отъ его общества. Птицеловъ продавалъ его нѣсколько разъ; лица, которымъ онъ сбывалъ этого крикуна, не могли оставлять его у себя на долгое время, по той же причинѣ, которая и меня заставила отказаться отъ него».

Нѣкоторыя птицы хорошо подражаютъ человѣческому голосу. Тутъ на первомъ планѣ стоятъ попугаи, не всѣ конечно, а только извѣстные виды ихъ. Можно сказать, что эти птицы научаются произносить всѣ слова и даже въ из-

вѣстной степени понимать ихъ смыслъ, или по крайней мѣрѣ пользоваться ими кстати. Попугай пепельнаго цвѣта, такъ-называемый жако, говоритъ очень хорошо. Бремъ подробно разсказываетъ о способности одного изъ этихъ попугаевъ, который, во вниманіе къ его блестящему ораторскому таланту, былъ купленъ за тысячу франковъ.

«Жако,—передаетъ Бремъ:—внимательно прислушивался ко всему, что говорилось въ комнатѣ, умѣлъ судить обо всемъ, отвѣчалъ толково на вопросы, которые ему задавали, повиновался приказаніямъ, кланялся входившимъ и уходившимъ, говорилъ «доброе утро» только по утрамъ, и «добрый вечеръ» только по вечерамъ, просилъ ѣсть, когда бывалъ голоденъ. Онъ называлъ по имени всѣхъ членовъ семьи и имѣлъ среди нихъ своихъ любимцевъ. Когда онъ хотѣлъ видѣть своего хозяина, священника Клеймайна, онъ кричалъ: «иди сюда!» Онъ говорилъ, пѣлъ, свисталъ, точно человѣкъ. Иногда онъ вдохновенно импровизировалъ какую-нибудь рѣчь, и тогда казалось, что голосъ неизвѣстнаго оратора доносится откуда-то издалека.

Вотъ фразы, которыя произносилъ этотъ попугай:

«Господинъ аббатъ, здравствуйте!—Господинъ аббатъ, дайте мнѣ, пожалуйста, одну миндалину, прошу васъ!—Хочешь миндалю?—Ты получишь кое-что.—Вотъ, попробуй!—А, капитанъ, здравствуйте, здравствуйте, капитанъ!—Къ вашимъ услугамъ, госпожа суперинтендентша.—Мужикъ, воръ, негодяй, браконьеръ; ну-ка, покажись, войди, ну, войди же! Берегись! — Негодяй, бездѣльникъ, плутъ! — Милый Жако, добрый Жако!—Ты славный малый, право, очень славный малый!—Ты получишь конфетку, получишь, да!—Ненни, ненни.—Позвольте, сосѣдъ, позвольте!»

Если кто-нибудь стучалъ въ дверь, попугай громко кричалъ человѣческимъ голосомъ: «Войдите. Я къ вашимъ услугамъ. Очень радъ васъ видѣть».

Иногда онъ самъ стучалъ клювомъ въ свою клѣтку и произносилъ эти привѣтствія, или же принимался подражать кукушкѣ.

А вотъ еще нѣкоторыя фразы изъ его репертуара:—Поцѣлуй меня, поцѣлуй, дамъ миндалю. — Вотъ! — Выйди, покажись! — Иди сюда. — Мой дорогой Жако. — Браво, брависсимо.—Помолимся, помолимся.—Будемъ ѣсть.—Подойдемъ къ окну.—Жеромъ, встань!—Я ухожу, да хранитъ васъ Богъ.—Да здравствуетъ императоръ. Да здравствуетъ императоръ! — Ты откуда, повѣса? — О, извините, господинъ: я принялъ васъ за птицу

Случалось, что онъ грызъ клювомъ какую-нибудь вещь, портилъ мебель или ломалъ что-нибудь: тогда онъ говорилъ: «Не кусайся! Сиди смирно!—Что ты надѣлалъ, что-ты надѣлалъ? Подожди, негодяй, подожди! Ужъ я тебѣ задамъ трепку.—Жако, какъ ты поживаешь, Жако? — Не голоденъ ты? — Псть, псть, спокойной ночи!—Жако можетъ выйти, ну, иди же.—Берегись, цѣлься, пли! Бумъ!—Ступай домой; иди же; сію минуту, смотри, буду бить!»

Онъ дергалъ за звонокъ, висѣвшій въ его клѣткѣ, и кричалъ: «Кто звонитъ? Кто звонитъ? — Это Жако. — Вотъ собачка, славная маленькая собачка!» И онъ принимался свистать. — «Какъ говоритъ собака?», спрашивалъ онъ и начиналъ тотчасъ лаять.—«Позовите собаку!» и попугай, сказавъ это, свисталъ.

Услышавъ команду «пли!» онъ кричалъ «бумъ!» Онъ зналъ слова военной команды: «Стой! Ружья на перевѣсъ! Цѣлься! Пли! Бумъ, браво, брависсимо».

Иногда попугай кричалъ «бумъ!» забывъ предварительно скомандовать «пли!» и затѣмъ прибавлялъ «цѣлься!» но въ этихъ случаяхъ онъ не говорилъ «браво, брависсимо», сознавая, по всей вѣроятности, что сдѣлалъ ошибку. «Храни васъ Богъ, до свиданья, храни васъ Богъ!»—такъ напутствовалъ онъ всѣхъ, кто уѣзжалъ. «Какъ, меня ударить, меня!» и онъ издавалъ крикъ ужаса, какъ будто его въ самомъ дѣлѣ били, и затѣмъ продолжалъ: «меня ударить, меня? Подожди, негодяй! Меня ударить? Да, да, вотъ какъ все идетъ на свѣтѣ», и вслѣдъ за тѣмъ разражался громкимъ смѣхомъ. «Жако боленъ; онъ боленъ, бѣдный Жако!—Подожди, я встряхну тебя!»

Когда онъ замѣчалъ, что собираютъ на столъ, или слышалъ, что въ другой комнатѣ дѣлаются приготовленія къ завтраку, попугай кричалъ: «Идемъ ѣсть! Пожалуйте къ столу!» Когда хозяинъ его завтракалъ въ сосѣдней комнатѣ, Жако напоминалъ о себѣ, повторяя нѣсколько разъ: «Шоколадъ! Ты получишь чашку шоколаду, чашку шоколаду!»

Когда соборный колоколъ возвѣщалъ начало богослуженія, попугай произносилъ: «Я иду, храни васъ Богъ, я иду».

Когда хозяинъ его уходилъ изъ дому въ другое время, Жако кричалъ ему вслѣдъ: «Храни васъ Богъ!» Если хозяинъ выходилъ изъ комнаты въ сопровожденіи другихъ людей, онъ кричалъ тогда: «Храни Богъ васъ всѣхъ!»

Попугаю приходилось иногда почевать въ спальнѣ хозяина: Жако въ такихъ случаяхъ хранилъ молчаніе, пока тотъ спалъ; если же онъ проводилъ ночь въ какой-нибудь другой комнатѣ, то уже съ разсвѣтомъ принимался болтать, пѣть, свистать.

Хозяинъ Жако имѣлъ куропатку. Когда она въ первый разъ «запѣла», попугай повернулся къ ней и замѣтилъ: «Браво, малышъ, браво!»

Вначалѣ когда еще не знали, будетъ ли онъ въ состояніи пѣть или нѣтъ, текстомъ вокальныхъ упражненій выбирали такія фразы которыя были ему уже извѣстны; какъ напр.: Тамъ ли красавецъ Жако? Тамъ ли добрый Жако?

Позже его научили пѣть маленькія пѣсенки. Онъ бралъ аккорды, насвистывалъ гаммы, восходящія и нисходящія, пускалъ трели и т. д., но при этомъ, начиная пѣть или свистать, обыкновенно не попадалъ въ надлежащій тонъ, а всегда бралъ тономъ-полутономъ выше или ниже, хотя никогда не фальшивилъ. Въ Вѣнѣ его научили насвистывать арію изъ оперы «Марта». Видя, какъ его хозяинъ мѣрно танцуетъ передъ нимъ, Жако, подражая его движеніямъ, началъ также подымать то одну лапу, то другую, причемъ раскачивался всѣмъ туловищемъ прекомичнымъ образомъ.

Клеймайнъ умеръ въ 1853 г., и Жако заболѣлъ отъ огорченія. Въ 1854 г. пришлось уложить его на маленькую кушетку, за нимъ ухаживали очень заботливо, а онъ, пока могъ говорить, безпрестанно повторялъ слабымъ голосомъ: «Жако боленъ, онъ боленъ, бѣдный Жако». Спустя короткое время попугай умеръ.

Скворецъ, который хорошо воспроизводитъ различные звуки, можетъ также

до извѣстной степени подражать человѣческому голосу. Если потратить много труда и терпѣнія, то его можно научить произносить разныя слова и даже цѣлыя фразы.

* * *

Манера пѣть у птицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же виду, измѣняется въ зависимости отъ возраста. Молодые рябчики, по наблюденіямъ Леже, пять разъ измѣняютъ свой призывный крикъ до сентября мѣсяца, въ первый годъ своей жизни. Очень трудно передать этотъ крикъ. Онъ начинается высокой нотой и оканчивается въ томъ же тонѣ болѣе или менѣе короткой трелью. Лѣсные рябчики одного года отъ роду, самцы, равно какъ и самки, поскольку они остаются вмѣстѣ, кричатъ просто «*пи-пипи-пи*». Достигнувъ зрѣлости, но не успѣвъ еще расстаться другъ съ другомъ, они издаютъ звукъ *ти* или *тити*; позже ихъ крикъ звучитъ, какъ *ти-ти-тити* или *ти ти-тит*. Взрослый самецъ поетъ самымъ настоящимъ образомъ, и пѣснь его пробуютъ передать звуками—*ти ти-тити дири*. Часто, впрочемъ, онъ измѣняетъ эту фразу въ началѣ, равно какъ и въ концѣ. Самка испускаетъ звуки совершенно другого рода. Улетая, она издаетъ низкій звукъ, который постепенно становится сильнѣе и полнѣе, заканчиваясь торопливой прерывистой трелью.

По Лепену, этотъ звукъ слышится какъ *тититити*, *тити*, *ти*, *ти*, *ти кіуль*, *кіуль*, *кіуль*, *кіуль*, а баварскіе охотники передаютъ его нѣмецкой фразой: zieh, zieh, zieh, bei der Hitz in die Höhe (иди, иди, иди, когда жарко, въ горы). Когда самецъ очень возбужденъ, онъ поетъ всю ночь отъ зари до зари, сидя на деревѣ; самка обыкновенно сидитъ тогда на сосѣднемъ деревѣ. (Бремъ).

* * *

Классификація, т. е. подраздѣленіе птицъ на роды, виды и т. д. и ихъ манера пѣть имѣетъ очень мало общаго между собою. Все, что можно въ этомъ отношеніи сказать, это то, что наибольшее число пѣвчихъ птицъ принадлежитъ къ роду воробьиныхъ, тогда какъ крикуны встрѣчаются чаще всего среди хищниковъ.

Это правило имѣетъ, однако, очень много исключеній; такъ, съ одной стороны извѣстно не малое количество воробьиныхъ, которые поютъ плохо или совсѣмъ не поютъ; съ другой стороны, среди хищниковъ попадаются пѣвцы, и къ тому же довольно хорошіе. Представители двухъ весьма близкихъ видовъ поютъ иногда различно, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ пѣніе кажется одинаковымъ, чуткое ухо натуралиста уловитъ характерные отличительные нюансы. Такъ, напр., существуетъ извѣстная разница въ пѣніи пѣвчихъ и черныхъ дроздовъ; описывая эту разницу, мы будемъ придерживаться тѣхъ указаній, которыя сдѣланы Бремомъ.

Крики, издаваемые дроздами различныхъ видовъ, очень похожи другъ на друга; тѣмъ не менѣе, прислушавшись внимательно къ этимъ крикамъ, приходишь къ убѣжденію, что каждый видъ кричитъ по-своему. Звукъ «*шнерр*» есть призывный крикъ дрозда-дерябы; этотъ звукъ легко можно воспроизвести, проводя палочкой по зубьямъ гребня; когда дроздъ возбужденъ, онъ прибавляетъ еще другіе звуки, именно: *ра та та*.

Крикъ испуга, испускаемый имъ, очень трудно, почти невозможно передать.

Призывный крикъ пѣвчаго дрозда есть хриплый свистъ «*цип*», за которымъ слѣдуетъ обыкновенно «*так*» или «*ток*». Когда птица взволнована, она прибавляетъ еще звуки — «*сшикс, стир, стикс*». У сѣраго дрозда призывный крикъ выражается звуками «*чак, чак, чак*», произнесенными нѣсколько разъ подъ рядъ и очень быстро; сзывая своихъ товарищей, онъ, сверхъ того, издаетъ еще крикъ «*гри-гри*». У сизоголоваго дрозда-рябинника призывный крикъ «*ци*» начинается съ очень высокой ноты, за которой слѣдуетъ болѣе низкая — «*чак*»; когда онъ испуганъ, эта птица кричитъ «*шерр*» или «*черр*». Черный дроздъ заливается трелью изъ звуковъ «*три*» или «*трэнк*». Подозрѣвая какую-нибудь опасность, онъ выкрикиваетъ громко «*дикс, дикс*», если же онъ убѣждается, что опасность такъ велика, что приходится немедленно улетѣть, онъ прибавляетъ еще торопливое «*гри, гиш-гиш*».

Всѣ эти крики, которые мы можемъ передать лишь весьма несовершеннымъ образомъ, очень разнообразны, но всѣ дрозды понимаютъ ихъ. Они съ большимъ вниманіемъ прислушиваются къ крикамъ, испускаемымъ представителями другихъ видовъ, въ особенности къ такимъ, которые служатъ предупредительнымъ сигналомъ.

Дрозды могутъ быть причислены къ разряду хорошихъ пѣвцовъ. На первомъ планѣ нужно поставить пѣвчаго дрозда, за которымъ слѣдуетъ черный дроздъ, деряба и рябинникъ.

Норвежцы называютъ пѣвчаго дрозда сѣвернымъ соловьемъ, а поэтъ Вельхеръ назвалъ его соловьемъ лѣсовъ.

Его голосъ напоминаетъ звуки флейты, но, къ сожалѣнію, къ этимъ мелодичнымъ звукамъ онъ иногда прибавляетъ другіе, крикливые и непріятные; это обстоятельство, однако, въ общемъ мало измѣняетъ характеръ пѣнія.

Черный дроздъ поетъ едва ли хуже; въ его пѣсняхъ попадаются необыкновенно красивыя фразы,—но онѣ звучатъ печальнѣе, чѣмъ у пѣвчаго дрозда.

Вокальный репертуаръ дерябы состоитъ всего изъ пяти-шести фразъ, мало отличающихся другъ отъ друга, но составленныхъ почти исключительно изъ полныхъ нотъ, напоминающихъ звуки флейты. То же самое можно сказать про дрозда-рябинника.

«Пѣніе этихъ птицъ,—говоритъ Чуди:—не можетъ, правда, уподобиться вполнѣ пѣнію соловья, но когда образуется хоръ изъ сотенъ голосовъ, оглашающихъ окрестность, то онъ звучитъ весьма мелодично, оживляя молчаніе высокихъ горъ».

Не менѣе замѣчательны въ этомъ отношеніи экзотическіе виды птицъ. «Пѣніе краснобрюхаго бразильскаго дрозда,—говоритъ принцъ Видъ:—весьма мелодично; звуки чисты и красивы; варіаціи очень разнообразны, хотя и не такъ многочисленны, какъ у европейскихъ дроздовъ. Подобно своимъ сородичамъ Стараго Свѣта, этотъ дроздъ является лучшимъ украшеніемъ гигантскихъ дѣвственныхъ лѣсовъ и принадлежитъ въ то же время къ числу первыхъ вѣстниковъ весны».

Американскіе натуралисты въ восторженныхъ выраженіяхъ описываютъ пѣніе своихъ дроздовъ.

«Пѣніе дрозда-отшельника,—говоритъ Одибонъ:—хотя и состоитъ изъ нѣсколькихъ нотъ, отличается, однако, такой силой, чистотой и мелодичностью, что его нельзя слушать безъ глубокаго внутренняго волненія. Я не знаю, съ какимъ музыкальнымъ инструментомъ можно было бы сравнить голосъ этого дрозда; я не знаю ни одного такого инструмента, который издавалъ бы такіе гармоничные звуки».

Не принадлежа къ числу восторженныхъ поклонниковъ дроздоваго пѣнія, мы, однако, не колеблемся причислить дроздовъ къ категоріи тѣхъ пѣвчихъ птицъ, которыя заслуживаютъ названія безусловно хорошихъ пѣвцовъ.

Въ противоположность большинству птицъ, которыя во время пѣнія производятъ движенія крыльями, хвостомъ, иногда всѣмъ тѣломъ, дрозды, наоборотъ, начиная пѣть, принимаютъ спокойную, торжественно-величавую позу. Каждая фраза выходитъ у нихъ законченной, округленной, каждая нота берется очень чисто и ясно. Слушать дроздовъ можно только подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу; въ комнатахъ ихъ пѣніе звучитъ слишкомъ громко. Дрозды начинаютъ пѣть очень рано и прекращаютъ свои вокальныя упражненія только къ концу лѣта. Черный дроздъ принимается пѣть въ февралѣ, когда деревья покрыты еще снѣгомъ. Пѣвчій дроздъ, живущій въ эту пору въ чужихъ краяхъ, по всей вѣроятности, думаетъ тогда о своей родинѣ и посвящаетъ ей свои лучшія пѣсни; то же можно сказать про перелетнаго сѣверо-американскаго дрозда, вообще про всѣ виды птицъ, которые улетаютъ болѣе или менѣе далеко.

Самцы очень ревнивы и всегда соперничаютъ другъ съ другомъ въ пѣніи: лишь только одинъ изъ нихъ, усѣвшись на вершинѣ дерева, запоетъ, какъ ему тотчасъ отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ.

Говорятъ, что дроздъ хорошо знаетъ, какъ восхитительно его пѣніе, и на этомъ основаніи гордится нѣкоторымъ образомъ своимъ талантомъ. Начиная пѣть, онъ то прячется, то снова показывается; его любимое мѣсто—кончикъ вѣтки на высокомъ деревѣ, неподалеку отъ вершины; сидя здѣсь, онъ оглашаетъ лѣсъ своимъ серебристымъ голосомъ.

* * *

Рядомъ съ дроздами нужно поставить другую категорію хорошихъ пѣвцовъ—именно, славокъ.

«Пѣніе черноголовой славки какое-то особенное,—говоритъ Гомейеръ:—звуки очень мягки и мелодичны, точь-въ-точь какъ у пересмѣшниковъ: манера пѣнія, въ общемъ, такая же, какъ у садовыхъ славокъ, съ той только разницей, что звуки отличаются бо́льшей чистотой и мелодія бо́льшимъ разнообразіемъ. Садовая славка не признаетъ ничего, кромѣ полныхъ, ровныхъ, правильныхъ звуковъ, тогда какъ лѣсная умѣетъ еще и щебетать, и брать нѣкоторыя высокія ноты съ необыкновенной, поразительной силой и страстностью. Пѣніе черноголовой славки состоитъ обыкновенно изъ тихаго, довольно длиннаго и мелодичнаго вступленія и громкихъ звуковъ, подобныхъ звукамъ флейты и повторяемыхъ ими по нѣскольку разъ. Каждое слово, каждую фразу эта птичка произноситъ такъ внятно, что ихъ можно записывать, какъ подъ диктовку. Ея призывный крикъ—«*жіе, черръ*», и «*труи, ра-*

рара». Крикъ испуга, *«вихль, вихль»*, она повторяетъ нѣсколько разъ. Нѣкоторыя черноголовыя, между прочимъ, умѣютъ подражать пѣнію другихъ птицъ».

Гомейеръ относится нѣсколько сурово къ садовымъ славкамъ. Науманъ болѣе снисходителенъ къ нимъ.

«Лишь только садовыя славки появляются весною, онѣ тотчасъ начинаютъ пѣть. Пѣніе самца — одно изъ самыхъ лучшихъ, продолжительное, связное и богатое переходами, слышится уже съ ранняго утра; къ полудню самецъ умолкаетъ,—онъ садится на яйца, замѣняя самку на нѣкоторое время; затѣмъ снова принимается пѣть; отыскивая пищу, онъ шаритъ въ листвѣ деревьевъ, скачетъ съ вѣтки на вѣтку, причемъ безпрерывно оглашаетъ лѣсъ звуками своего голоса. Въ пѣніи садовыхъ славокъ преобладаютъ протяжныя нотки, чего не замѣчается у славокъ другихъ породъ. Пѣніе садовой славки ближе всего подходитъ къ пѣнію черноголовки и ястребиной славки или пестрогрудки, отъ котораго отличается только нѣсколькими нотами, болѣе мягкими, но менѣе мелодичными».

При оцѣнкѣ пѣнія той или иной птицы натуралисты иногда сильно расходятся въ мнѣніяхъ: одинъ находитъ это пѣніе пріятнымъ, другой—посредственнымъ, третій—даже прямо плохимъ. Такъ, напр., нѣкоторые считаютъ очень пріятнымъ и мелодичнымъ воркованье горлицы, которое состоитъ изъ безпрестанно повторяющагося *«тур-тур, тур-тур»*. Другихъ людей, въ особенности нервныхъ, это однообразное повтореніе однихъ и тѣхъ же звуковъ раздражаетъ и нагоняетъ тоску. Это воркованье подчасъ становится несноснымъ потому, что, начинаясь на разсвѣтѣ, оно продолжается до заката солнца, если только погода хороша.

* * *

Многія птички поютъ въ продолженіе всей своей жизни, другія только въ извѣстные періоды, напр., только въ періодъ токованія, какъ это дѣлаетъ снѣжный вьюрокъ. Щеглы, живущіе на свободѣ, перестаютъ пѣть, когда наступаетъ время линянія; они молчатъ также въ дурную погоду, какъ многія другія пѣвчія птицы.

Большая часть этихъ послѣднихъ умолкаетъ зимою. Однако, самый сильный морозъ не портитъ хорошаго настроенія оляпки или водяного дрозда; эта птичка, прыгая по снѣгу какъ ни въ чемъ не бывало, напѣваетъ свое *«церр-церр»*, или, *«церб церб»*. Нѣсколько меланхоличная, но пріятная пѣсенка оляпки состоитъ изъ разнообразныхъ тихихъ щебечущихъ звуковъ и громкихъ свистящихъ строфъ: она напоминаетъ собою щебетанье варакушки, отчасти пѣніе каменки.

«Чрезвычайно пріятно бываетъ,—говоритъ Шинцъ:—видѣть оляпку зимою, въ январѣ мѣсяцѣ, когда вся природа точно оцѣпенѣла и замерла: не смущаясь тѣмъ, что на дворѣ стоитъ довольно ощутительный морозъ, эта птичка поетъ свою мелодичную пѣсенку, стоя на холодной землѣ, на камнѣ или на льдинѣ» Крапивникъ обыкновенный, самая маленькая европейская птичка, также поетъ зимою.

* * *

Нѣкоторыя птицы во время пѣнія остаются спокойными и неподвижными, другія, наоборотъ, оживлены и безпрестанно дѣлаютъ движенія хвостомъ, крыльями, головою, третьи поютъ только на лету, какъ, напр., хохлатый

чибисъ, и четвертыя, наконецъ, поютъ и тогда, когда находятся въ покойномъ состояніи, и тогда, когда летаютъ, какъ, напр., сѣрая трясогузка.

Нѣкоторыя пернатыя сопровождаютъ свое пѣніе странными позами, въ особенности въ періодѣ токованія. Такъ поступаетъ, напр., птица-лира.

Вотъ что о ней разсказываетъ Бремъ:

«Свою любовь она выражаетъ пѣснями и танцами; пѣснь свою она начинаетъ свистомъ или чириканьемъ, которое смѣняется щелканьемъ; въ этомъ щелканьѣ слышатся густыя низкія нотки, довольно удачно передаваемыя Нильсономъ посредствомъ «*чиго и*»; затѣмъ раздаются рулады — именно быстрое «*гольголь-гольгольрей*» (по Бернштейну); по мнѣнію Нильсона, котораго и я придерживаюсь, эти рулады нужно передать такимъ образомъ: «*рутту-руругтту-руики-урр-урр-урр-ррруттуру-руттуруики*».

«Когда она находится въ сильномъ возбужденіи, всѣ эти различныя фразы, быстро слѣдуя другъ за другомъ, такъ перемѣшиваются между собою, что нельзя найти ни начала ихъ, ни конца. Рѣдко бываетъ, что птица-лира, подобно тетереву-глухарю, въ своемъ увлеченіи доходитъ до того, что забываетъ все на свѣтѣ, дѣлается слѣпой и глухой ко всему, что вокругъ нея происходитъ. Я знаю, однако, случаи, когда нѣкоторыя изъ этихъ птицъ, находясь въ сильномъ возбужденіи подъ вліяніемъ пѣнія, не покидали своихъ мѣстъ, несмотря на то, что въ нихъ стрѣляли: повидимому, онѣ такъ увлеклись, что не слышали выстрѣла.

«Самецъ во время токованія ведетъ себя довольно странно, дѣлая очень комичныя движенія: прежде чѣмъ приступить къ пѣнію, онъ подымаетъ хвостъ, развертываетъ его наподобіе вѣера, выпрямляетъ голову и шею, топорщитъ перья, нахохливается, расправляетъ крылья и затѣмъ начинаетъ прыгать налѣво и направо, описываетъ нѣсколько круговъ, прикладываетъ свой клювъ къ землѣ, теребитъ и дергаетъ свои перья на подбородкѣ, хлопая въ то же время крыльями, не переставая вертѣться. Чѣмъ болѣе онъ возбужденъ, тѣмъ стремительнѣе его движенія: можно подумать, что эта птица рехнулась окончательно».

Большое сходство въ этомъ отношеніи имѣетъ съ нею другая птица—erythrospize githagine, она принадлежитъ къ числу прекрасныхъ комнатныхъ пѣвцовъ.

«Эти птицы,—говоритъ Болль:—безпрестанно окликаютъ другъ друга: по вечерамъ онѣ болѣе оживлены, чѣмъ днемъ. Лишь только въ комнатѣ зажигается лампа, онѣ тотчасъ привѣтствуютъ своего хозяина криками, но при этомъ не имѣютъ дурной привычки, подобно другимъ насѣкомояднымъ, безъ устали перепархивать съ мѣста на мѣсто. Начинается восхитительнѣйшій концертъ, какой только можно себѣ представить. То раздаются трубные звуки, ясные и чистые, то слышатся низкія, протяжныя нотки, которыя смѣняются ворчаньемъ съ разнообразными интонаціями, похожими на мяуканье кошки».

Иногда онѣ вначалѣ издаютъ нѣсколько чистыхъ серебристыхъ, какъ звонъ колокольчика, звуковъ, и затѣмъ снова принимаются повторять свое безконечное «ке-ке», которое почти всегда сопровождается низкой отрывистой нотой. Эти звуки то рѣзкіе, то гармоничные, но всегда необыкновенно выразительные, прекрасно передаютъ ощущенія птицы.

Когда ее прогоняютъ или когда намѣреваются взять ее живьемъ, она издаетъ короткій крикъ испуга. Но всѣ ея крики такъ выразительны и гармоничны, что поражаешься, слыша ихъ отъ такой маленькой пичужки. Ея голосъ навѣрно можно усовершенствовать, какъ голосъ снѣгиря.

Весною самцы трубятъ сильнѣе всего. При этомъ они запрокидываютъ голову назадъ, широко раскрываютъ клювъ и держатъ его почти въ отвѣсномъ положеніи. Самые мягкіе мелодичные звуки они издаютъ тогда, когда закрываютъ клювъ почти совсѣмъ. Во время пѣнія птицы принимаютъ весьма комическія позы; онѣ танцуютъ, скачутъ, вообще находятся въ очень сильномъ возбужденіи. Когда самецъ преслѣдуетъ самку, онъ выпрямляетъ свое тѣло, широко расправляетъ крылья, становясь похожимъ на гербовый щитъ.

Болль называетъ erythrospize «трубою пустыни», благодаря тому, что эта птица издаетъ особые характерные звуки.

«Натуралистъ скоро сбился бы съ пути,—говоритъ Болль:—если бы голосъ птицы не служилъ ему проводникомъ. Въ воздухѣ раздается звукъ, похожій на звукъ трубы; онъ рѣзокъ и сильно вибрируетъ; люди съ тонкимъ слухомъ могутъ различить, кромѣ того, нѣсколько другихъ нотъ, тихихъ, мягкихъ, серебристыхъ, похожихъ на послѣдніе аккорды лиры, струны которой перебираются невидимыми пальцами. Иногда, впрочемъ, птица издаетъ какіе-то совсѣмъ особые низкіе звуки, сходные съ кваканьемъ канарской лягушки; эти звуки повторяются, отдѣляемые хорошими интервалами, а птица отвѣчаетъ на нихъ себѣ самой аналогичными нотами, почти одинаковыми, но болѣе слабыми.

Ничего нѣтъ труднѣе, какъ описывать пѣніе птицъ; передать же пѣніе птицы erythrospize githagine нѣтъ никакой возможности: чтобы имѣть представленіе о тѣхъ вокальныхъ эффектахъ, которые она продѣлываетъ, необходимо послушать, какъ она поетъ на свободѣ, въ пустынѣ, гдѣ меньше всего надѣешься услышать чей-нибудь голосъ. Слушаешь его всегда съ большимъ удовольствіемъ, и становится грустно и тоскливо, когда онъ умолкаетъ. Эти трубные звуки— меланхолическій голосъ самой пустыни или тѣхъ духовъ, которыми она населена

*
* *

Значительное большинство птицъ поетъ только днемъ; лишь только солнце взойдетъ, онѣ тотчасъ принимаются пѣть и умолкаютъ только вечеромъ. Каждому, конечно, извѣстно, что достаточно бываетъ покрыть клѣтку, гдѣ содержатся птицы, платкомъ, для того, чтобы онѣ прекратили свое пѣніе.

Но не всѣ птицы начинаютъ пѣть въ одно и то же время. Такъ, напр., зябликъ, согласно сдѣланнымъ наблюденіямъ, приступаетъ къ своему концерту въ $1^1/_2$—2 ч. утра; синица—въ 2—$2^1/_2$ ч. утра; перепелъ—въ $2^1/_2$—3 ч. утра; краснохвостка—въ 3—$3^1/_2$ ч. утра; дроздъ—въ $3^1/_2$—4 ч. утра; трясогузка—въ 4—$4^1/_2$ ч. утра; болотная синица—въ $4^1/_2$—5 ч. утра. Воробей начинаетъ подавать голосъ только послѣ 5 часовъ утра.

Очень мало такихъ птицъ, которыя поютъ по ночамъ.

Для примѣра приведемъ обыкновеннаго щура,—птицу, которую можно слышать въ хорошія тихія лѣтнія ночи; шведскіе натуралисты дали этой птицѣ названіе *«ночного сторожа»*. Другія, какъ, напр., лапландская пуночка, поютъ только на лету. Мелодіи козодоя или ночного голубка слышатся только по ночамъ. Къ ночнымъ пѣвцамъ принадлежитъ также лѣсная варакушка, пѣніе которой можно передать звукомъ «сирр».

«Странно, — говоритъ Науманъ: — что этотъ звукъ, такой слабый вблизи, можно слышать на очень большомъ разстояніи. Обыкновенно, самецъ выпаливаетъ свою трель единымъ духомъ; если онъ сильно возбужденъ, то поетъ непрерывно цѣлыхъ двѣ минуты съ половиною; я убѣдился въ этомъ, слушая его съ часами въ рукахъ. Затѣмъ пѣвецъ дѣлаетъ паузу, которая длится нѣсколько секундъ, и снова принимается пѣть. Вблизи того мѣста, гдѣ устроено гнѣздо, пѣніе днемъ слышится весьма рѣдко, и длится оно лишь нѣсколько мгновеній. Самецъ начинаетъ пѣть только съ закатомъ солнца; поетъ онъ всегда «съ чувствомъ», которое наростаетъ постепенно, достигая высшаго напряженія въ полночь; затѣмъ пѣвецъ умолкаетъ. Послѣ часовой паузы онъ снова начинаетъ свою страстную пѣснь и продолжаетъ ее до зари. Когда самка сидитъ на яйцахъ, самецъ совсѣмъ не подаетъ голоса въ продолженіе дня, онъ поетъ немного только въ полночь да на разсвѣтѣ».

Варакушка во время пѣнія обыкновенно порхаетъ съ вѣтки на вѣтку, такъ что къ концу своей трели, можетъ удалиться на разстояніе 50—60 шаговъ отъ того мѣста, гдѣ она начала ее. Впрочемъ, она поступаетъ такимъ образомъ только до окончательной постройки гнѣзда; когда гнѣздышко устроено, птица по цѣлымъ часамъ остается на одномъ и томъ же мѣстѣ; въ рѣдкихъ случаяхъ только она перемѣщается вдоль вѣтки, на которой сидитъ.

«Много разъ, — продолжаетъ Науманъ: — я пытался застигнуть эту птицу врасплохъ въ разные часы дня и ночи. Я проводилъ въ лѣсу цѣлыя ночи напролетъ, и каждый разъ, когда мнѣ удавалось ее слышать, ея пѣніе производило на меня сильное впечатлѣніе, и послѣ того какъ она давно умолкла, мнѣ все казалось, что я слышу ее».

* * *

Птицы поютъ всегда соло. Встрѣчаются, однако, среди нихъ такія, которыя поютъ только вдвоемъ: Приведу отрывокъ изъ сочиненія Брема, въ которомъ описываются варварійскіе сорокопуты.

«Отличительной чертой этихъ птицъ, — говоритъ Бремъ: — является ихъ своеобразное пѣніе, не имѣющее ничего общаго съ пѣніемъ прочихъ пернатыхъ, распѣвающихъ обыкновенно соло; эти птицы предпочитаютъ дуэты: самецъ и самка поютъ всегда вмѣстѣ.

«Крикъ малиноваго сорокопута напоминаетъ свистъ иволги; пѣснь варварійскаго или эфіопскаго сорокопута состоитъ изъ трехъ нотъ, рѣже изъ двухъ, очень чистыхъ, серебристыхъ, отдѣленныхъ промежуткомъ въ одну октаву. Птица начинаетъ свою пѣснь средней нотой, за которой сначала слѣдуетъ вторая, болѣе

низкая, затѣмъ третья, значительно болѣе высокая. Первыя двѣ ноты образуютъ обыкновенно терцію; вторая и третья—октаву. Такъ поетъ только самецъ; самка, которая начинаетъ вторить самцу, лишь только онъ подаетъ голосъ, издаетъ хриплые, ворчащіе, непріятные звуки, которые очень трудно передать.

«Самка малиноваго сорокопута принимается пѣть только тогда, когда самецъ окончилъ первую фразу; самка эфіопскаго сорокопута начинаетъ вторить тотчасъ послѣ второй ноты, пропѣтой самцомъ. Интересно отмѣтить, что представители обоихъ видовъ выказываютъ въ своемъ пѣніи ясно выраженное чувство мѣры, чего нельзя сказать про другихъ пернатыхъ. Иногда начинаетъ дуэтъ самка: она кричитъ три, четыре, шесть разъ подъ рядъ, прежде чѣмъ самецъ подастъ голосъ; затѣмъ крики возобновляются съ той же правильностью. Я убѣдился, что эти послѣдовательные звуки могутъ быть воспроизведены самцомъ и самкой вдвоемъ; если самку убиваютъ, то самецъ, правда, продолжаетъ пѣть, но вы не слышите болѣе низкаго горлового акомпанемента; наоборотъ, если самецъ погибъ, то кромѣ тѣхъ криковъ, которые испускаетъ самка, ничего услышать нельзя.

«Когда эти птицы поютъ вмѣстѣ, ихъ дуэтъ обыкновенно въ началѣ приводитъ слушателей въ восторгъ, но потомъ это пѣніе, несмотря на то, что нѣкоторые звуки отличаются удивительной чистотой и мелодичностью, начинаетъ утомлять слухъ своимъ однообразіемъ, и въ концѣ концовъ становится невыносимымъ».

Вдвоемъ поютъ также абиссинскія птицы—носороги (bucorax abyssinicus); самецъ издаетъ глухой раскатистый звукъ, на который самка отвѣчаетъ аналогичнымъ звукомъ, но октавой выше. Такой разговоръ длится болѣе четверти часа безъ перерыва. Дуэтъ всегда начинаетъ самецъ: его голосъ разносится далеко по окрестности, такъ что его можно слышать иногда на разстояніи двухъ англійскихъ миль.

* * *

Есть много страстныхъ любителей птичьяго пѣнія. Было время, когда въ Бельгіи и отчасти въ Германіи сильно увлекались пѣніемъ зябликовъ. Увлеченіе доходило до того, что люди не останавливались даже передъ варварской операціей: чтобъ усовершенствовать таланты пернатыхъ пѣвцовъ, имъ выкалывали глаза, подъ тѣмъ предлогомъ, что птичка, лишенная зрѣнія, поетъ лучше зрячей, такъ какъ ея вниманіе не развлекается окружающими предметами. Всѣ, отъ мала до велика, занимались воспитаніемъ зябликовъ; по воскресеньямъ устраивались состязанія въ пѣніи, всегда привлекавшія много народу. Иногда шли пѣшкомъ нѣсколько верстъ исключительно для того, чтобы послушать хорошаго пѣвца. Клѣтки съ сидѣвшими въ нихъ зябликами разставлялись въ рядъ; состязаніе длилось обыкновенно часъ. Кто изъ пѣвцовъ въ теченіе этого времени большее число разъ повторилъ свою пѣсенку, тотъ и считался побѣдителемъ.

Лѣсная щеврица или лѣсной конекъ также имѣетъ много поклонниковъ, въ особенности въ Англіи.

Что касается соловья, то его пѣніемъ люди восхищаются уже съ очень давнихъ поръ. Императоръ Клавдій подарилъ Агриппинѣ соловья, который стоилъ шесть тысячъ сестерцій, или на наши деньги около 500 рублей. Многіе соловьи

цѣнились дороже драгоцѣнныхъ камней. Позже любовь къ соловьямъ выродилась самымъ варварскимъ образомъ; соловьи сдѣлались излюбленнымъ гастрономическимъ блюдомъ у римскихъ богачей. Лукуллъ, какъ передаетъ исторія, съ особымъ удовольствіемъ ѣлъ жареныхъ соловьевъ, положенныхъ на ломтикъ хлѣба съ вареньемъ.

Какой фактъ можетъ болѣе рельефно обрисовать полную деморализацію общества въ ту эпоху? Въ настоящее время люди, желающіе послушать пѣніе соловья, отправляются въ лѣсъ или въ садъ. Соловей плохо переноситъ неволю: запертый въ клѣтку, онъ скоро умираетъ и, во всякомъ случаѣ, поетъ значительно хуже, чѣмъ на свободѣ.

Если держать двухъ соловьевъ въ отдѣльныхъ клѣткахъ,—говоритъ Сабенъ Берти:—то они начинаютъ страстно соперничать другъ съ другомъ въ пѣніи: возбужденіе разныхъ соперниковъ доходитъ иногда до того, что состязаніе кончается смертью одного изъ нихъ: умирающій побѣдитель продолжаетъ пѣть до послѣдняго вздоха: victa morte finit saepe vitam, spiritu prius deficiente quam cantu (Plinius, lib. X, § XLVIII).

Въ большомъ фаворѣ у любителей находятся также чижи, несмотря на то, что эти птички слывутъ за очень глупыхъ; почему собственно за чижами установилась такая репутація, я не знаю. Чижи или, какъ ихъ иначе называютъ «соловьи привратниковъ», были необыкновенно популярны во Франціи въ царствованіе Людовиковъ XIII, XIV и XV.

Впослѣдствіи увлеченіе чижами перешло въ сосѣднія страны. Въ настоящее время центрами разведенія чижей считаются слѣдующія мѣстности: Сентъ-Андреасбергъ, спеціальностью котораго являются гарцскіе чижи; окрестности Ліежа, гдѣ главнымъ образомъ воспитываютъ большихъ чижей, такъ-называемыхъ бельгійскихъ горбуновъ и голландскихъ болтушекъ съ длинными лапками. Въ Англіи лучшіе норвичскіе чижи встрѣчаются въ графствахъ: Іоркъ, Дерби и Норфолькъ. Во Франціи разведеніемъ чижей занимается множество любителей. Кажется, что страны сѣвера требуютъ въ годъ не менѣе четырехсотъ тысячъ чижей, изъ которыхъ каждый стоитъ отъ 3 до 500 фр. Въ Парижѣ ежегодно продаютъ около двухъ тысячъ чижей; тутъ иногда устраиваются состязанія между ними съ призами: первый призъ—500 фр., второй—200 фр., третій—100 фр., четвертый—75 фр. и т. д. Чижи, удостоившіеся похвальнаго отзыва, продаются по 50 — 25 фр. пара. Высчитали, что всѣ чижи въ Парижѣ съѣдаютъ вмѣстѣ мокрицы въ день на сумму 10.000 фр.: за достовѣрность этого сообщенія мы, однако, не ручаемся.

Хорошіе пѣвцы цѣнятся очень высоко, и это объясняется тѣмъ, что отыскать ихъ бываетъ довольно трудно. Надо прослушать много чижей, прежде чѣмъ удастся выбрать одного, который отличается хорошими музыкальными способностями. Если попадается такой экземпляръ, который умѣетъ и отдѣльныя ноты брать отчетливо, и выдѣлывать трели и рулады, и плавно повторять музыкальныя фразы, то это исключительно счастливый случай.

Воспитаніе обыкновенныхъ чижей, т. е. такихъ, которые продаются самое

большое по 25 фр. за пару, состоитъ въ томъ, что ихъ помѣщаютъ вблизи хорошихъ пѣвцовъ, такъ-называемыхъ «профессоровъ», отъ которыхъ они перенимаютъ манеру пѣнія.

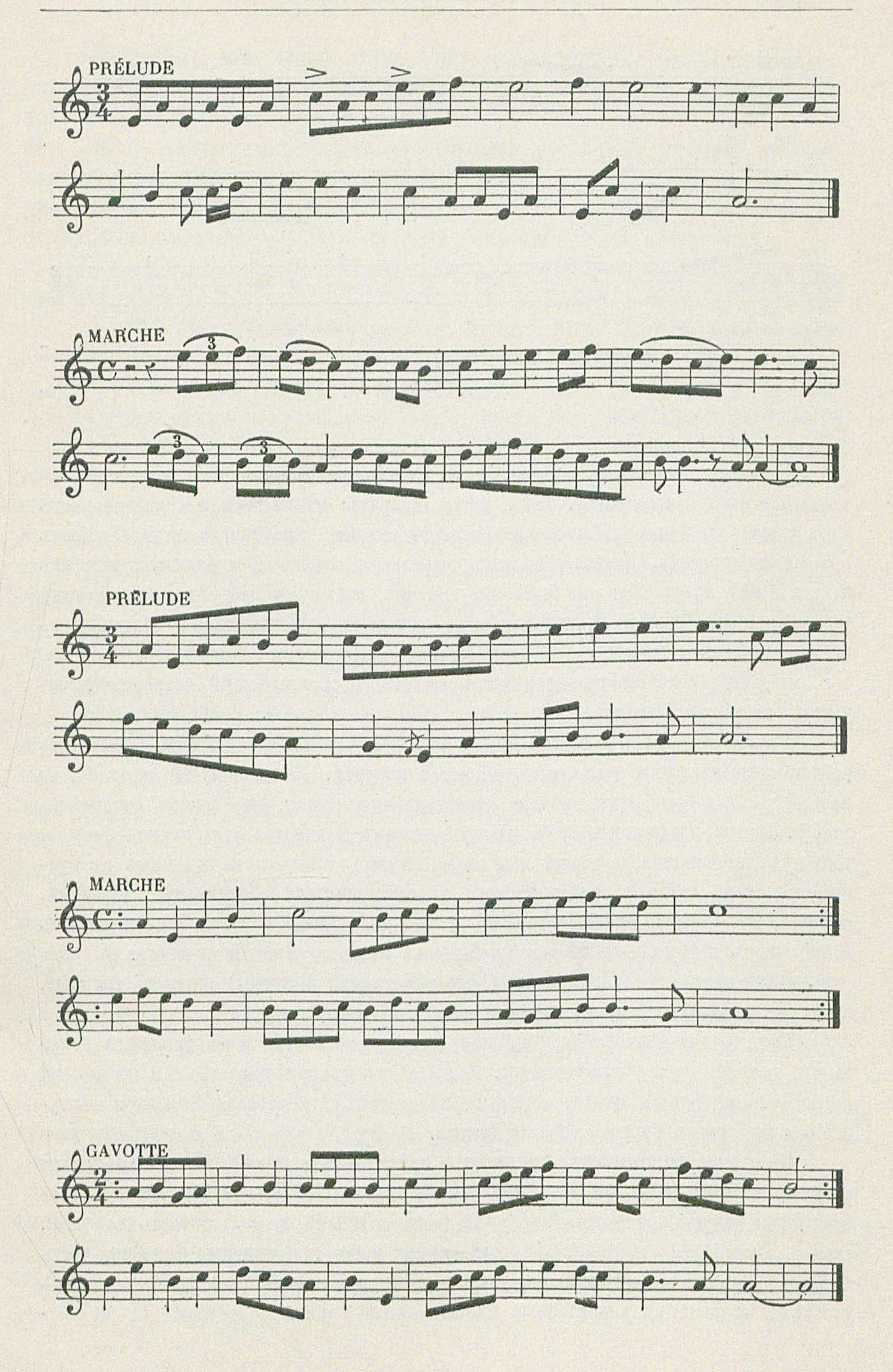
Пѣвцы-виртуозы воспитываются совершенно иначе: съ ними проходятъ полную школу пѣнія по строго-опредѣленной системѣ. Какъ передаетъ Дево, эта система состоитъ въ слѣдующемъ.

Юнаго чижа двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ онъ начинаетъ жить болѣе или менѣе самостоятельно, т. е. начинаетъ издавать первые музыкальные звуки, помѣщаютъ въ клѣтку средней величины, завѣшанную покрываломъ изъ свѣтлой матеріи; клѣтку ставятъ въ такой комнатѣ, гдѣ царитъ абсолютная тишина, гдѣ не слышно уличнаго шума, грохота проѣзжающихъ телѣгъ, экипажей и т. д. Для того, чтобы юный пѣвецъ оказывалъ хорошіе успѣхи, необходимо, чтобы онъ жилъ въ изолированномъ помѣщеніи, куда не долетаютъ никакіе посторонніе звуки, могущіе испортить его пѣніе. Цѣлую недѣлю чижъ живетъ въ полномъ уединеніи— онъ ничего не слышитъ и его никто не безпокоитъ.

Затѣмъ приступаютъ къ ученію, которое состоитъ въ томъ, что два раза въ день, въ опредѣленные часы, наигрываютъ на маленькомъ флажолетѣ одну и ту же арію; это дѣлается для того, чтобы птица могла усвоить себѣ эту арію и затѣмъ передавала бы ее по-своему. По прошествіи слѣдующихъ восьми дней свѣтлое покрывало замѣняется другимъ, сдѣланнымъ изъ зеленой саржи или изъ другой какой-нибудь матеріи, все равно, которая совершенно не пропускаетъ свѣта въ клѣтку: чижикъ не долженъ развлекаться ни звуковыми, ни свѣтовыми впечатлѣніями. Пить и ѣсть ему даютъ только по вечерамъ; ученіе же идетъ своимъ чередомъ, по описанному выше способу. Вмѣсто флажолета можно также пользоваться маленькимъ ручнымъ органчикомъ. Учитель не долженъ злоупотреблять выдержками и органными пунктами и прежде всего не долженъ играть слишкомъ быстро: предоставленный самому себѣ, чижъ впослѣдствіи самъ начнетъ пѣть значительно болѣе ускореннымъ темпомъ, чѣмъ въ началѣ. Ученіе длится самое меньшее—два мѣсяца и самое большее—шесть мѣсяцевъ, въ зависимости отъ способностей пѣвца.

Въ общемъ, каждый юный чижикъ можетъ научиться пѣть одну арію и одну прелюдію; если терпѣливо заниматься съ нимъ, можно достигнуть того, что онъ будетъ распѣвать не одну, а цѣлыхъ три аріи.

Нѣкоторые любители, желая научить чижа какой-нибудь пѣсенкѣ, играютъ ее на скрипкѣ или на піанино; модуляціи, перенимаемыя чижами, бываютъ иногда весьма курьезны, какъ, напр., слѣдующія:


PRÉLUDE
MARCHE
PRÉLUDE
MARCHE
GAVOTTE

Голосъ чижа подверженъ хрипотѣ; чтобы вернуть охрипшей птичкѣ звучный тембръ голоса, ей даютъ пить отваръ укропа и кормятъ ее толченымъ бисквитомъ, смѣшаннымъ съ медомъ.

* * *

Народныя выраженія, имѣющія отношеніе къ естественной исторіи, очень часто бываютъ неправильны. Такъ, когда говорятъ: такой-то или такая-то поетъ какъ птица, то этимъ обыкновенно желаютъ сказать, что данное лицо обладаетъ красивымъ голосомъ. Исходя изъ этого выраженія, можно предположить, что всѣ птицы поютъ прекрасно: это было бы, конечно, большимъ заблужденіемъ, потому что птицы въ рѣдкихъ только случаяхъ обладаютъ дѣйствительно мелодичнымъ голосомъ; хорошіе пѣвцы среди нихъ являются въ нѣкоторомъ родѣ исключеніемъ.

Огромное большинство пернатыхъ имѣетъ незначительный, странный, зачастую непріятный голосъ.

Въ самомъ дѣлѣ, многія птицы не поютъ, а кричатъ. Самымъ типичнымъ представителемъ этого рода птицъ является попугай. Когда попугай сердится, то начинаетъ издавать такіе рѣзкіе пронзительные крики, что ушамъ больно дѣлается. Можно представить себѣ, какимъ адскимъ концертомъ встрѣчаютъ попугаи того путешественника, который изъ любопытства заглядываетъ къ нимъ въ тропическіе лѣса, гдѣ эти птицы живутъ многочисленными обществами. Впрочемъ, каждый, кто имѣетъ терпѣніе держать у себя въ комнатѣ попугая, знаетъ, какимъ непріятнымъ сосѣдомъ по временамъ бываетъ этотъ несносный крикунъ.

Нѣкоторые виды попугаевъ (такъ-называемые Несторы) издаютъ хриплые, ворчащіе, крикливые звуки, напоминающіе лай собаки.

Сиплые односложные крики, испускаемые красными американскими попугаями, похожи на карканье вороны. Когда охотникъ приближается къ нимъ, они подымаютъ страшный крикъ, который, по словамъ А. Гумбольдта, можетъ заглушить собою шумъ бурнаго горнаго потока.

Къ числу непріятныхъ крикуновъ принадлежатъ также вороны со своимъ рѣзкимъ «*каркъ-каркъ*, *колкъ-колкъ*, *раббъ*, *раббъ*, *раббъ*»,—затѣмъ грачи («*кра-кра*, *гирръ*, *кверръ* и *якъ-якъ*»), кедровки («*крэкъ*, *крэкъ*, *крэкъ* или *кэрръ кэрръ*»), сороки, цѣлый день повторяющія свое «*кракъ-шакъ*», наконецъ, большая часть хищныхъ птицъ, въ обыкновенное время рѣдко подающихъ голосъ, но въ періодѣ токованія издающихъ характерные пронзительные звуки.

По Науману, изъ всѣхъ птицъ самымъ непріятнымъ голосомъ обладаетъ дубоносъ. Конечно, всѣ эти голоса кажутся непріятными только намъ, людямъ; эстетическія требованія птицъ совсѣмъ другія. Крики самцовъ, заставляющіе насъ дѣлать гримасу неудовольствія, приводятъ въ явный восторгъ самокъ, по адресу которыхъ эти крики обыкновенно направлены. Самцы, въ свою очередь, очень высокаго мнѣнія о своемъ голосѣ: крича во все горло, они принимаютъ гордый, воинственный, неприступный видъ, видъ настоящихъ побѣдителей.

Ночныя птицы вида Hesperiphonae также принадлежатъ къ числу плохихъ пѣвцовъ.

«Голосъ ихъ, раздающійся въ то время, когда птицы отыскиваютъ пищу, — говоритъ Таунсендъ: — очень крикливъ; я долго принималъ эти крики за предупредительный сигналъ. Около полудня самцы взбираются на самыя высокія вѣтви соснъ и принимаются пѣть. Поютъ они очень плохо и, кажется, сами понимаютъ это: они часто умолкаютъ, будучи, повидимому, очень недовольны собою. Затѣмъ, послѣ продолжительной паузы, снова начинаютъ пѣть, и попрежнему неудачно. Ихъ пѣніе—это короткая трель, очень похожая на первыя ноты изъ пѣсни перелетнаго дрозда, но она менѣе мелодична и обрывается неожиданно, точно у птицы голосу не хватило. Это пѣніе, по моему мнѣнію, весьма однообразно, скучно и утомительно».

Голосъ европейской просянки также мало пріятенъ: онъ напоминаетъ собою шумъ, который производитъ машинка для вязанья чулокъ; вотъ почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эту птицу называютъ «*чулочницей*».

Пѣніе каменнаго скворца — это смѣсь хриплыхъ, крикливыхъ, скрипучихъ звуковъ, какъ говоритъ Нордманъ; это пѣніе похоже на шумъ, который производятъ мыши, когда, запертыя въ одну клѣтку, онѣ бьютъ и кусаютъ другъ друга, издавая невыносимый пискъ. Тому, кто въ первый разъ слышитъ каменныхъ скворцовъ, всегда кажется, что эти птицы готовы вступить другъ съ другомъ въ отчаянную драку.

Звуки, издаваемые печальной синицей — «*труи-труи*», похожи на крики человѣка, зовущаго на помощь. Голосъ рыжей таксостомы напоминаетъ мяуканье кошки; англичане поэтому и дали ей прозвище cat-bird (кошка-птица).

Музофага или куровидка издаетъ крикъ «*кагу-ая-гагуга*»; особенность этого крика состоитъ въ томъ, что кажется, будто онъ несется откуда-то издалека, между тѣмъ, какъ сама птица-то находится совсѣмъ близко—настоящій чревовѣщатель! Птица издаетъ свой крикъ, не раскрывая клюва.

Своимъ голосомъ полосатая шицорисъ напоминаетъ обезьяну; собравшись въ многочисленную стаю,—а это онѣ дѣлаютъ довольно часто,—эти птицы подымаютъ ужасный шумъ.

Крики батары похожи на звуки, которые слышатся при паденіи съ большой высоты билльярднаго шара, подскакивающаго нѣсколько разъ на каменной плитѣ.

Пѣніе европейскаго свиристеля напоминаетъ скрипъ немазаннаго колеса, а пѣніе бураго лысуна — мычанье теленка. Звуки, издаваемые звонаремъ, очень похожи на колокольный звонъ.

«Голосъ звонаря,—говоритъ принцъ Видъ:—легко можно принять за звенящій колокольчикъ. По временамъ эта птица испускаетъ протяжный крикъ, который повторяетъ нѣсколько разъ подъ рядъ: получается такое впечатлѣніе, будто поблизости кузнецъ бьетъ молотомъ по наковальнѣ. Эти крики можно слышать во всѣ часы дня и на очень большомъ разстояніи.

«Обыкновенно въ одномъ и томъ же мѣстѣ находится нѣсколько птицъ, которыя безпрестанно перекликаются между собою.

«Однѣ издаютъ только одинъ звукъ, но часто громкій и чистый; другія заливаются колокольчикомъ, и въ результатѣ получается одинъ изъ самыхъ причудливыхъ концертовъ. Излюбленнымъ мѣстомъ «звонаря» являются сухія, наиболѣе близкія къ вершинѣ вѣтви, откуда онъ оглашаетъ окрестность своимъ трещаніемъ. Когда онъ летаетъ, то блестящее, бѣлое опереніе его рѣзко выдѣляется на лазурномъ фонѣ неба».

Пѣніе птицы hylactes tarnii—это настоящій собачій лай; туземцы поэтому совершенно справедливо назвали ее лающей птицей. Пѣніе медососа также большой красотой не отличается: его сравниваютъ со звуками, которые издаетъ человѣкъ въ тѣ минуты, когда его одолѣваютъ приступы морской болѣзни. Отсюда и мѣстное названіе этой птицы,—именно, звукоподражательное *«гоо-гвар-ракъ»*. Крикъ зимородка напоминаетъ собою хриплый хохотъ, вотъ почему эту птицу и прозвали «Иваномъ-насмѣшникомъ». Оводоѣдъ, благодаря гнусявымъ звукамъ, которые онъ испускаетъ, получилъ прозвище «старой вѣдьмы». Крикъ птицы dichochera ничѣмъ не отличается отъ рева осла; интересно отмѣтить, что птица можетъ издать этотъ крикъ одинаково легко и при вздохѣ и при выдохѣ. Громкое *«валь-валь»*, издаваемое черноголовымъ трагопаномъ, легко можно принять за блеяніе заблудившейся козы.

* * *

Весьма своеобразенъ также крикъ выпи, который, по отзыву всѣхъ, слышавшихъ его, очень похожъ на мычанье быка. Такъ какъ птица кричитъ только ночью, то весьма трудно опредѣлить, какимъ образомъ она производитъ свои странные звуки. Чтобы узнать это, натуралистъ Водзицкій нѣсколько часовъ просидѣлъ неподвижно въ водѣ; но выпи, подозрѣвая, вѣро-

Рис. 70. Выпь.

ятно, его присутствіе, не пожелали мычать. Въ концѣ концовъ, онъ узналъ все-таки то, что хотѣлъ.

«Мѣсто, гдѣ водились выпи, я зналъ очень хорошо,—разсказываетъ Водзицкій.—Я пробрался туда во время сильнаго вѣтра и скоро увидѣлъ въ водѣ самку, а на разстояніи десяти шаговъ отъ нея—самца. Со вздутымъ зобомъ, съ шеей, ушедшей въ плечи, самка, точно очарованная, внимала серенадѣ своего поклонника, хриплый басъ котораго оглашалъ всю окрестность. Самецъ стоялъ въ величественной позѣ, опустивъ клювъ въ воду. Въ тѣ моменты, когда раздавалось мычанье, брызги воды летѣли во всѣ стороны. Послѣ того, какъ птица взяла нѣсколько нотъ, я разслышалъ, наконецъ, громкій звукъ «*у*», отмѣченный Науманомъ. Токующій самецъ поднялъ голову, запрокинулъ ее назадъ, затѣмъ быстро опустилъ клювъ въ воду и издалъ такой сильный ревъ, что мнѣ страшно стало. Очевидно, тѣ высокія ноты, которыя слышались вначалѣ, птица издавала только тогда, когда она съ силой выбрасывала изъ глотки струю воды.

Серенада продолжалась; но выпь не откидывалъ, какъ раньше, голову назадъ, и я не слышалъ больше высокихъ нотъ. Какъ кажется, этотъ крикъ раздается только въ тѣ моменты, когда самецъ чѣмъ-нибудь взволнованъ; успокоившись немного, онъ не повторяетъ больше этого крика.

Взявъ нѣсколько аккордовъ, самецъ подымаетъ голову и осторожно озирается во всѣ стороны; повидимому, въ томъ, что онъ своимъ голосомъ произвелъ сильное впечатлѣніе на самку, онъ нисколько не сомнѣвается. Токующій самецъ никогда не избираетъ своимъ мѣстопребываніемъ густую чащу кустарниковъ; наоборотъ, онъ ищетъ по возможности открытыя мѣста, откуда самка могла бы его видѣть и восхищаться имъ. Прежде чѣмъ испустить свой громкій крикъ, самецъ ударяетъ нѣсколько разъ по водѣ клювомъ, и затѣмъ опускаетъ его въ струи; при этомъ слышится такой шумъ, точно кто-то кидаетъ палку плашмя въ воду. Послѣдній звукъ—глухое сдавленное «*бу*»—раздается тогда, когда птица, вытянувъ клювъ, выливаетъ находящуюся въ немъ воду» *).

* * *

Звуки, издаваемые хохлатой каріамой, очень похожи на лай щенка. Собираясь «пѣть», эта птица всегда выбираетъ какое-нибудь высокое дерево. Когда каріама взлетаетъ на дерево, то нервные люди должны поскорѣе удалиться, потому что, въ противномъ случаѣ, имъ предстоитъ выслушать одинъ изъ самыхъ «адскихъ» концертовъ. Птица выпрямляется, смотритъ на небо, затѣмъ сильнымъ оглушительнымъ голосомъ, кричитъ «*га, гагага-ги, ги-ги, гиль, гиль, ги, эль*», наступаетъ пауза, которая длится четыре-пять секундъ, потомъ раздается отрывистое «*га*». При этомъ птица то наклоняетъ, то подымаетъ свою голову, что, въ общемъ, произ-

*) Однако не всѣ согласны съ этимъ толкованіемъ. Наблюденія надъ американской выпью показали, что птица втягиваетъ въ себя не воду, а воздухъ, вслѣдствіе чего расширяется зобъ и слышатся ревущіе звуки; послѣдніе исходятъ, такимъ образомъ, не изъ глотки, а изъ зоба, т. е. расширенія пищевода. *Прим. перев.*

водитъ довольно комичное впечатлѣніе. Подъ конецъ она совсѣмъ запрокидываетъ голову назадъ и приступаетъ ко второй части своего удивительнаго концерта, испуская болѣе громкіе и рѣзкіе звуки, чѣмъ въ первый разъ. Эти звуки—«*гагиль, гагиль, иль, ильк, ильк, ильк, альк*» постепенно дѣлаются все слабѣе и слабѣе и потомъ замираютъ окончательно. Случается, что птица кричитъ такимъ образомъ полчаса и болѣе. (Принцъ де-Видъ).

Свистъ коростели напоминаетъ шумъ, который слышится, когда разсѣкаютъ хлыстомъ воздухъ.

Пѣніе лебедя, непріятное вблизи, дѣлается очень мелодичнымъ, если слушать его издали. Тембръ голоса у лебедя очень чистый,—онъ напоминаетъ звонъ серебрянаго колокольчика. Эта птица поетъ часто; даже при послѣднемъ издыханіи она издаетъ нѣкоторые звуки,—вотъ почему и создалась легенда, что лебедь поетъ только передъ своей смертью. Его обыкновенный крикъ—протяжное «*килль-кли-и*»; болѣе мягкій звукъ, издаваемый имъ,—это «*анг*». Лебедь воспѣвается во многихъ русскихъ народныхъ пѣсняхъ.

«Однажды мнѣ удалось,—разсказываетъ Гомейеръ:—слышать, какъ поетъ лебедь. Восемьдесятъ лебедей, плававшихъ на разстояніи, приблизительно, ста шаговъ отъ корабля, на которомъ я находился, испускали громкіе, но довольно пріятные звуки. Мелодіи въ этомъ пѣніи нельзя было разобрать; можно было слышать только нѣсколько протяжныхъ красивыхъ нотъ; но такъ какъ эти ноты были то высокія, то низкія, и такъ какъ онѣ чередовались между собою съ небольшими паузами, то въ общемъ получалось довольно гармоничное сочетаніе звуковъ, которые, несмотря на сравнительно большое разстояніе, доносились весьма отчетливо».

Шиллингъ выражается болѣе опредѣленно:

«Лебедь-пѣвецъ,—говоритъ онъ:—чаруетъ любителя не только своей красотой граціей и умомъ, но еще своимъ мощнымъ голосомъ, богатыми, чистыми и разнообразными нотами.

«Находясь въ обществѣ себѣ подобныхъ, лебедь становится общительнымъ, и иногда вступаетъ въ вокальное состязаніе со своими товарищами.

«Когда наступаютъ сильные морозы и море на значительномъ протяженіи покрывается льдомъ, лебеди собираются въ многочисленныя стаи и отправляются въ тѣ мѣста, гдѣ, благодаря теченію, вода не замерзаетъ; часто оттуда несутся меланхолическіе звуки, свидѣтельствующіе о той печальной участи, которая постигла несчастныхъ птицъ. Въ долгія зимнія ночи мнѣ не разъ приходилось слышать жалобные крики, похожіе не то на звонъ колокольчика, не то на звуки, издаваемые духовымъ инструментомъ; такъ какъ знаешь, что эти звуки испускаетъ не мертвый металлъ, а живыя существа, то впечатлѣніе получается болѣе сильное, болѣе захватывающее. Трагическая судьба, нерѣдко постигающая гордыхъ птицъ, вѣроятно, и послужила основаніемъ для знаменитой легенды о такъ-называемой «лебединой пѣснѣ». Въ глубокихъ водахъ, гдѣ они принуждены искать себѣ убѣжище, лебеди не находятъ пищи въ достаточномъ количествѣ; голодные, истощенные, они не имѣютъ силъ, чтобы отправиться въ страны, гдѣ условія жизни

болѣе благопріятны, и поэтому часто умираютъ отъ голода и холода, причемъ до послѣдняго издыханія продолжаютъ пѣть свою меланхолическую пѣснь».

* * *

Печальныя пѣсни американскаго козодоя придаютъ своеобразную прелесть лѣсамъ, въ которыхъ живетъ эта птица.

«Среди ночи,—разсказываетъ Шомбурхъ:—вы слышите вдругъ полные грусти звуки—это затянули свою похоронную пѣснь козодои, которые сидятъ на сухихъ искривленныхъ вѣтвяхъ, пригнувшихся къ поверхности воды. Крики, испускаемые козодоями, производятъ такое удручающее впечатлѣніе, что вполнѣ понятнымъ является тотъ страхъ, который туземцы питаютъ къ этимъ птицамъ. Ни одинъ индѣецъ, ни одинъ негръ, ни одинъ креолъ не посмѣютъ убить ихъ. Индѣецъ вѣритъ, что козодои—вѣрные служители злого духа Ябагу; негры смотрятъ на нихъ, какъ на гонцовъ злого божества Юнибо; креолы считаютъ ихъ вѣстниками смерти. Съ каждаго дерева раздается жалобное, стонущее *«га-га-га-га»*. Сначала птица кричитъ полнымъ голосомъ, затѣмъ звуки начинаютъ постепенно слабѣть, понижаться, заканчиваясь чуть слышными вздохами. Въ этихъ звукахъ чуются какія-то слова, даже цѣлыя фразы, какъ, напр., полный ненависти и страха вопросъ: «who are you, who, who, who are?» (Кто ты, кто, кто, кто ты?). То слышится приказаніе, отданное мрачнымъ голосомъ: «work away, work, work, work away!» (Работай подальше отсюда, работай, работай, работай подальше). Вслѣдъ за этимъ приказаніемъ слышится жалобный и печальный призывъ: «Willy come go, Willy, Willy, Willy, come go!» (Вилли, Вилли, Вилли, уйдемъ, Вилли, Вилли, Вилли, уйдемъ!); или же: «whip poor Will, whip Will, whip, Will, whip, whip, whip, poor Will» (бѣда, бѣдный Вилль, бѣда, Вилль, бѣда, бѣдный Вилль). Эти печальныя фразы безпрестанно повторяются до тѣхъ поръ, пока ихъ не заглушитъ рѣзкій крикъ обезьяны, разбуженной какимъ-нибудь хищнымъ животнымъ».

Очень трудно перечислить всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя отличаются непріятнымъ голосомъ, потому что то, что нравится одному, не нравится часто другому, и наоборотъ.

Для примѣра укажемъ здѣсь на виргинскаго кардинала, пѣніе котораго нравится въ Америкѣ и совсѣмъ не нравится въ Европѣ. Такъ, принцъ Видъ говоритъ, что это пѣніе ничѣмъ не выдѣляется; Жераръ утверждаетъ, что оно нисколько не соотвѣтствуетъ красивому оперенію птицы; зато Одюборъ посвящаетъ ему горячій панегирикъ.

«Я не могу согласиться съ распространеннымъ въ Европѣ мнѣніемъ, будто американскія птицы поютъ значительно хуже европейскихъ. Нельзя, конечно, поставить на одну линію огромные лѣса Америки и обработанныя поля Англіи, гдѣ, какъ извѣстно, пѣвчія птицы встрѣчаются очень рѣдко; но если даже взять одинаковыя по природѣ мѣста въ Америкѣ и въ Европѣ, то и въ этомъ случаѣ нужно придти къ заключенію, что Новый Свѣтъ поставленъ въ лучшія условія, чѣмъ Старый. Нѣкоторыя американскія пѣвчія птицы, перевезенныя въ Европу, вызывали восторгъ и удивленіе у лучшихъ знатоковъ.

«Пусть какой-нибудь европеецъ погуляетъ въ майскій вечеръ у опушки

лѣса,—тогда онъ будетъ имѣть представленіе о томъ, какой прекрасный концертъ могутъ дать американскія птицы. Кардинала часто называютъ виргинскимъ соловьемъ и, по всей справедливости, онъ заслуживаетъ этого названія за свой великолѣпный голосъ, который оглашаетъ лѣса отъ марта до сентября.

«Пѣніе кардинала, вначалѣ громкое и звучное, напоминаетъ собою звуки флажолета; затѣмъ оно постепенно дѣлается все слабѣе и тише, и подъ конецъ замираетъ совсѣмъ. Во все время токованія кардиналъ поетъ очень страстныя, пылкія пѣсни, причемъ отлично знаетъ себѣ цѣну: во время пѣнія онъ выпячиваетъ грудь, распускаетъ розовыя перья хвоста, бьетъ крыльями, безпрестанно поворачивается то направо, то налѣво, и, повидимому, самъ восхищается необыкновенной красотой своего голоса. Пѣніе кардинала весьма разнообразно: онъ то и дѣло мѣняетъ свои мелодіи, дѣлая перерывы только для того, чтобы вздохнуть немного. Особенно хорошо кардиналъ поетъ тогда, когда вечерняя заря начинаетъ золотить края горизонта; пѣніе продолжается вплоть до того момента, когда на небѣ загораются звѣзды, и все въ природѣ затихаетъ; но съ разсвѣтомъ пѣвецъ снова начинаетъ оглашать окрестности своими чудными мелодіями, и умолкаетъ только съ наступленіемъ ночи. Свою самку, сидящую на яйцахъ, кардиналъ развлекаетъ ежедневно множествомъ разнообразныхъ напѣвовъ. Очень немногіе изъ насъ откажутся принести даръ удивленія этому прекрасному пѣвцу. Когда воздухъ начинаетъ темнѣть, когда сумерки сгущаются въ лѣсу, когда кажется, что ночь уже наступила, что можетъ быть пріятнѣе мелодичнаго пѣнія кардинала, которое неожиданно раздается гдѣ-то поблизости? Сколько разъ меня приводилъ въ восторгъ этотъ неожиданный концертъ!»

*
* *

Нѣкоторыя птицы издаютъ звуки не горломъ, а щелканьемъ челюстей, ударяющихъ другъ о друга. Для примѣра укажемъ на одну хищную птицу—гудсонскую сову. Брэмъ, наблюдавшій ее въ неволѣ, разсказываетъ о ней слѣдующее:

«Голосъ ея, который слышится преимущественно въ то время, когда дѣлаются попытки взять ее въ руки, походитъ на крикъ испуганнаго кобчика, иногда же напоминаетъ кудахтанье курицы. Когда она сильно сердится, то начинаетъ хлопать клювомъ, какъ это дѣлаютъ другія ночныя совы; если же ея раздраженіе не велико, то она довольствуется тѣмъ, что ударяетъ одинъ объ другой концы челюстей, и этимъ производитъ своеобразный, не то щелкающій, не то хрустящій, звукъ. Когда я въ первый разъ его услышалъ, мнѣ показалось, что птица сломала себѣ кость. Послѣ полудня она становится особенно оживленной и остается такой до наступленія сумерекъ».

Звуки, издаваемые аистами, напоминаютъ щелканье кастаньетъ. Своими челюстями они производятъ разнообразные звуки, громкіе, тихіе, торопливые, медленные и т. д., сообразно съ тѣмъ настроеніемъ, въ которомъ находятся. У аистовъ, можно сказать, это щелканье замѣняетъ собою голосъ, проявляющійся въ формѣ слабаго хриплаго свиста.

*
* *

Существуютъ, наконецъ, такія птицы, которыя издаютъ звуки при помощи

своихъ крыльевъ. Это наблюдается, напр., у гаршнепфовъ въ періодѣ токованія. Самецъ взлетаетъ вверхъ по наклонной линіи, затѣмъ начинаетъ дѣлать удлиненные зигзаги и подымается на такую высоту, что глазъ съ трудомъ можетъ слѣдить за всѣми его движеніями. Поднявшись очень высоко, птица принимается описывать широкіе круги и, по истеченіи нѣкотораго времени, распластавъ крылья, падаетъ вертикально; затѣмъ снова подымается вверхъ по спиральной линіи; при этомъ сила подъема такъ велика, что концы маховыхъ перьевъ, расположенныхъ на крыльяхъ, приходятъ въ колебаніе, и, вибрируя, производятъ своеобразный дрожащій звукъ, весьма напоминающій блеянье козы. Находясь на большой высотѣ, птица опять начинаетъ кружиться, затѣмъ снова опускается внизъ зигзагами, производя тѣ же звуки. Это продолжается безъ перерыва четверть часа, а иногда полчаса. Что касается вибрирующихъ звуковъ, то они слышатся въ продолженіе, приблизительно, двухъ секундъ, прерываясь паузами, которыя длятся восемь—десять секундъ. Позже, когда птица чувствуетъ себя утомленной, паузы становятся длиннѣе, продолжаясь двадцать—двадцать-пять секундъ. Звуки, которые доносятся сверху, могутъ быть переданы стремительнымъ «*ду-ду-ду-ду-ду-ду*». Самецъ предается этимъ упражненіямъ обыкновенно утромъ или вечеромъ, иногда и днемъ въ хорошую погоду; тогда тотъ, кто отличается острымъ зрѣніемъ, можетъ замѣтить, какъ вибрируютъ кончики крыльевъ у птицы, и такимъ образомъ убѣдится воочію, что только этими вибраціями и обусловливаются звуки, раздающіеся въ вышинѣ. (Науманъ).

* * *

Скажемъ мимоходомъ нѣсколько словъ и о другихъ пѣвцахъ, созданныхъ природой. Хотя пѣніе ихъ не всегда гармонично, но обойти его молчаніемъ мы не можемъ.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду, главнымъ образомъ, лягушекъ.

Звуки, издаваемые зеленой лягушкой, очень сложны, и передать ихъ въ точности очень трудно: обыкновенно замѣчаютъ насмѣшливое «*брекеке*» и отрывистое «*коааръ*».

Бурая лягушка довольствуется глухимъ и болѣе протяжнымъ кваканьемъ; А. де-Лисль передаетъ его словами: «*рру-у, гру-у, урру, рру-у-у*», а Шифъ— «*уорръ, уорръ*».

Звуки, издаваемые лягушкой-повитухой, которая такъ часто встрѣчается въ окрестностяхъ Парижа, состоятъ, собственно говоря, только изъ одной короткой, слабой, но довольно мягкой и мелодичной ноты; но эта нота такъ измѣняется въ зависимости отъ возраста животнаго, величины его и т. д., что, когда нѣсколько лягушекъ квакаетъ вмѣстѣ, то всегда кажется, будто слышишь не одну, а нѣсколько нотъ.

Оффруа передаетъ это «пѣніе» слѣдующимъ образомъ:

Эти ноты нужно насвистывать тихо и отрывисто.

Повитухи испускаютъ свое «*клок-клок*» съ апрѣля до начала сентября.

Кваканье зеленой древесной лягушки не такъ красиво, какъ ея нарядъ: оно напоминаетъ собою лай цѣлой своры собакъ, заливающихся гдѣ-то вдали. Звуки «*крак-крак*» или «*карак, карак, карак*» въ общемъ мало мелодичны. Къ счастью для насъ, поютъ только самцы. Мы можемъ также благодарить судьбу за то, что жаба начинаетъ «напѣвать» только въ періодъ метанія икры, потому что ея жалобное «*крррра-а, кррраа, квера, квера*» не особенно пріятно для слуха.

Птицы и лягушки поютъ горломъ; насѣкомыя также испускаютъ звуки, но способомъ болѣе простымъ, именно,—треніемъ твердыхъ шероховатыхъ частей своего тѣла.

Насѣкомыя, поэтому, не пѣвцы, а музыканты; мы поговоримъ о нихъ въ слѣдующей главѣ

ГЛАВА IX.

Странствующіе музыканты.

Хотя пѣніе насѣкомыхъ не такъ мелодично, какъ пѣніе птицъ, тѣмъ не менѣе оно не лишено извѣстной прелести.

Въ музыкальномъ отношеніи пѣсни насѣкомыхъ большого интереса не представляютъ — обыкновенно онѣ состоятъ всего изъ двухъ-трехъ нотъ; но вотъ что бросается въ глаза: пѣніе насѣкомыхъ слышится только въ хорошую погоду, когда земля утопаетъ въ потокахъ теплыхъ солнечныхъ лучей. Поэтому пѣніе насѣкомыхъ какъ-то невольно соединяется съ представленіемъ о томъ жизнерадостномъ настроеніи, которое создается хорошей погодой. Въ самомъ дѣлѣ, кто не слушаетъ съ удовольствіемъ, какъ сверчки оглашаютъ луга своимъ хотя и монотоннымъ, но вѣчно-радостнымъ «*кри-кри*», какъ стройные кузнечики, сидя на травкѣ, жужжатъ свою жалобную пѣсенку?

Публика обыкновенно имѣетъ довольно смутное представленіе о томъ, какимъ образомъ производятся эти звуки, какія приспособленія въ организмѣ насѣкомыхъ служатъ проводникомъ этихъ звуковъ.

Изложимъ вкратцѣ то, что извѣстно па этотъ счетъ.

У птицъ и у млекопитающихъ, равно какъ у человѣка, пѣніе, вообще звуки голоса производятся воздухомъ, который, выходя изъ легкихъ, начинаетъ вибрировать въ своего рода звучащей трубѣ, именно въ гортани, при помощи особыхъ, спеціально приспособленныхъ для этой цѣли, мышцъ. Ничего подобнаго мы не замѣчаемъ у насѣкомыхъ: звуки, издаваемые ими, вызываются не воздухомъ, который былъ употребленъ для дыханія, а, какъ мы замѣтили уже, треніемъ двухъ твердыхъ шероховатыхъ частей тѣла. Мы тутъ имѣемъ дѣло не съ пѣвцами, а съ музыкантами.

* * *

Однимъ изъ наиболѣе простыхъ аппаратовъ, производящихъ стрекочущіе звуки, обладаютъ саранчевыя, которыхъ нужно причислить къ категоріи музыкантовъ-скрипачей. Главныя составныя части этого аппарата, устройство котораго не у всѣхъ видовъ вполнѣ одинаково,—это смычокъ, роль котораго играютъ лапки и крылья, о которыя эти лапки трутся; крылья изображаютъ собою, такимъ образомъ, скрипку. Самый сложный аппаратъ для производства стрекочущихъ звуковъ наблюдается у представителей одного изъ наиболѣе шумливыхъ видовъ саранчи,

извѣстнаго подъ именемъ stenobothrus. На каждомъ подкрыліи находится болѣе или менѣе прозрачное пятнышко, образованное сухой и эластичной мембраной, которая и представляетъ собою квинту; она приподнята кверху крѣпкой продольной жилкой, а съ боковъ двумя жилками, но значительно болѣе тонкими, чѣмъ предыдущая. Все это вмѣстѣ образуетъ шероховатую поверхность; если провести по ней булавкой, то мембрана приходитъ въ колебательное движеніе. Роль смычка играетъ заднее бедро; съ внутренней стороны оно представляетъ собою желобокъ, ограниченный небольшимъ, тянущимся во всю длину органа, выступомъ, который покрытъ зубчиками, точно напильникъ. Чѣмъ сильнѣе проводитъ смычокъ по квинтѣ, тѣмъ громче дѣлается звукъ.

Это треніе можно искусственно произвести на мертвомъ насѣкомомъ: получается тотъ же звукъ, но значительно болѣе слабый; это зависитъ, по всей вѣроятности, отъ того, что мы не умѣемъ пользоваться, какъ слѣдуетъ, инструментомъ, которымъ такъ хорошо владѣетъ насѣкомое.

У другихъ саранчевыхъ квинта менѣе ясно выступаетъ на поверхности подкрылія. Очень часто случается даже, что въ томъ участкѣ, гдѣ происходитъ треніе, жилки не бываютъ ни болѣе многочисленны, ни болѣе жестки, чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ. Что касается смычковъ, то они покрыты жилками какъ внутри, такъ и снаружи; это доказываетъ, что гладкія жилки предназначены не спеціально для того, чтобы извлекать стрекочущіе звуки.

Несмотря на несовершенство этого аппарата, звуки, которые онъ производитъ, слышны на довольно большомъ разстояніи.

Насѣкомое управляетъ своимъ инструментомъ слѣдующимъ образомъ: оно становится на четыре переднія лапки, а заднія поджимаетъ такимъ образомъ, что нога попадаетъ въ бороздку соотвѣтствующаго бедра. Затѣмъ смычки начинаютъ двигаться, то вмѣстѣ, то поочередно, извлекая скрипучіе звуки, которые, повидимому, доставляютъ большое удовольствіе насѣкомому; въ извѣстномъ отношеніи его можно было бы сравнить съ человѣкомъ, который потираетъ руки отъ удовольствія.

Одни насѣкомыя музицируютъ очень усердно, подолгу не прекращая своихъ музыкальныхъ упражненій; другія, наоборотъ, довольствуются тѣмъ, что проводятъ свои смычки по подкрыльямъ раза два-три, и затѣмъ умолкаютъ на довольно продолжительное время. Многія насѣкомыя дѣлаютъ подобныя же движенія, но мы не воспринимаемъ ни единаго звука. Это зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ несовершенства нашего слухового аппарата; очень интересно было бы, поэтому, изслѣдовать эти движенія съ помощью микрофона.

Самки, какъ извѣстно, имѣютъ гладкіе смычки и поэтому звуковъ не издаютъ; несмотря на это, онѣ часто трутъ своими смычками-бедрами о надкрылія: весьма возможно, что эти движенія дѣлаются только по инстинкту подражанія.

Самцы производятъ свои скрипучіе звуки, повидимому, только съ цѣлью привлечь самокъ. Трещаніе самцовъ, принадлежащихъ къ семейству саранчевыхъ, отличается бо̀льшимъ разнообразіемъ, чѣмъ пѣніе другихъ прямокрылыхъ.

У представителей вида stenobothrus biguttulatus, столь распространеннаго въ Европѣ, трещаніе, издаваемое ими, сначала усиливается, затѣмъ постепенно ослабѣваетъ; характернымъ отличительнымъ признакомъ его является металлическій тембръ.

Въ трещаніи многихъ насѣкомыхъ, живущихъ въ Европѣ и въ Америкѣ, можно уловить довольно явственные ритмы, которые не трудно изобразить музыкальными знаками.

Переложены на ноты также звуки, издаваемые кузнечиками и сверчками, у которыхъ различія въ ритмѣ значительно больше, чѣмъ у саранчевыхъ. Саранчевыя, въ особенности stenobothrus, взобравшись на стебли хлѣбныхъ растеній или на листья низкорослаго кустарника, начинаютъ оглашать воздухъ своей пронзительной, монотонной пѣсенкой, составленной изъ множества куплетовъ: пѣніе каждаго куплета длится восемь-десять секундъ, а перерывы между ними—двѣ-три секунды. Если самецъ, сыгравъ цѣлый рядъ строфъ, замѣчаетъ, что самка не явилась на его зовъ, онъ улетаетъ на другое мѣсто и тамъ снова принимается за свою музыку. Если же, наоборотъ, онъ видитъ, что появилась самка, то тотчасъ начинаетъ стрекотать съ удвоенной энергіей, пока она находится вдали; лишь только же она очутилась вблизи, самецъ тотчасъ понижаетъ тонъ, придавая ему извѣстную мягкость и нѣжност

Другія саранчевыя, издающія менѣе громкіе звуки, держатся почти всегда на землѣ, гдѣ легко ходятъ и быстро бѣгаютъ. Они молчатъ до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ самки; какъ только эта послѣдняя появится, они бѣгутъ ей навстрѣчу и, остановившись на небольшомъ разстояніи отъ нея, начинаютъ издавать слабые скрипучіе звуки; надо очень внимательно прислушиваться, чтобы уловить ихъ. Если самка остается неподвижной, самецъ подъ конецъ бросается къ ней; если же она продолжаетъ подвигаться впередъ, то онъ удаляется, и потомъ либо возвращается на прежнее мѣсто, либо отправляется искать другую самку. (М. Жираръ).

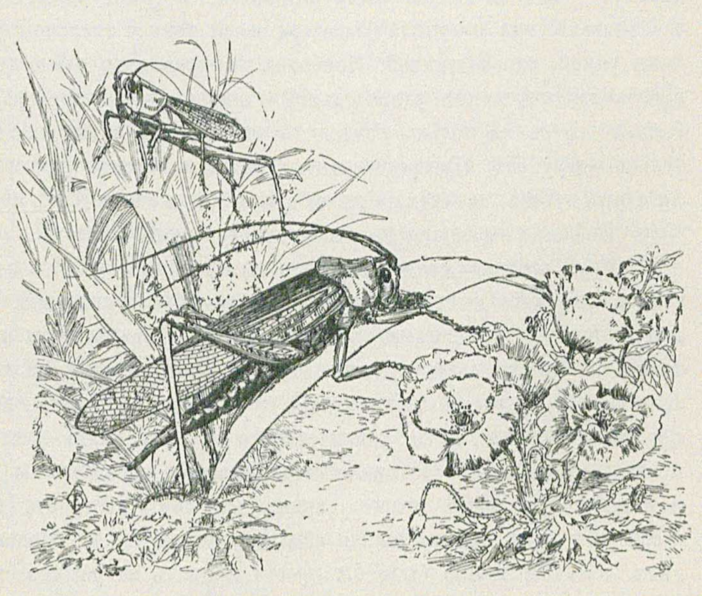


Рис. 71. Зеленый кузнечикъ.

Рядомъ съ саранчевыми скрипачами нужно поставить родственное имъ се-

мейство locustidae—т. е. кузнечиковъ, которыхъ, по роду издаваемыхъ ими звуковъ, нужно отнести къ категоріи музыкантовъ, играющихъ на бубнахъ. Кузнечики извлекаютъ свои звуки треніемъ двухъ надкрылій: оба эти надкрылія, скользя другъ на другѣ, приходятъ въ колебательное движеніе, въ особенности одно изъ нихъ, похожее на барабанную кожу и благодаря своему блестящему виду получившее названіе «зеркала».

Для примѣра приведемъ одинъ видъ кузнечиковъ, такъ-называзмый Decticus verrucivorus, который недавно*) такъ мастерски былъ описанъ Ж. Г. Фабромъ.

«Трещаніе этого кузнечика,—говоритъ онъ:—начинается сухимъ пронзительнымъ, почти металлическимъ звукомъ, похожимъ на тотъ, который издаетъ сѣроголовый дроздъ, лакомящійся сливами, когда его застаютъ врасплохъ на мѣстѣ преступленія. Вы слышите рядъ отдѣленныхъ другъ отъ друга паузами звуковъ—«*тик-тик*». Потомъ трещаніе, становясь все громче, превращается въ торопливый стукъ, въ которомъ основное «тик-тик» сопровождается глухими низкими нотами. Подъ конецъ звукъ усиливается настолько, что металлическій тембръ его теряется, такъ что слышится простой шелестящій шумъ, именно, съ большой скоростью вылетающее—*пррр-фррр-фррр*...

Надкрылія этого кузнечика расширяются у основанія и образуютъ на спинѣ плоскую покатость въ формѣ продолговатаго треугольника.

Лѣвое надкрыліе, скользящее на правомъ, скрываетъ совершенно музыкальный аппаратъ насѣкомаго. Отчетливѣй всего выступаетъ и наиболѣе извѣстна съ давнихъ поръ та часть этого аппарата, которая носитъ названіе «зеркала»: это названіе она получила благодаря своей тонкой овальной мембранѣ, окруженной, какъ рамой, одной жилкой. Мембрана представляетъ собою въ данномъ случаѣ родъ барабанной перепонки удивительной тонины, отличающейся отъ настоящей барабанной перепонки только тѣмъ, что она издаетъ звуки, не подвергаясь предварительно удару. Въ непосредственномъ соприкосновеніи съ зеркаломъ не находится ни одинъ органъ насѣкомаго въ то время, когда оно издаетъ свои стрекочущіе звуки.

Вибраціи сообщаются зеркалу слѣдующимъ образомъ.

Край зеркала соединяется съ внутреннимъ угломъ основанія посредствомъ тупого широкаго выступа, снабженнаго на концѣ складкой, болѣе плотной, чѣмъ прочія жилки, разсѣянныя тамъ и сямъ. Я назвалъ бы эту складку «жилкой тренія»: она и представляетъ собою исходную точку тѣхъ колебаній, которыя заставляютъ звучать зеркало. Мы убѣдимся въ этомъ, когда познакомимся съ прочими частями этого удивительнаго музыкальнаго инструмента. Эти части, предназначенныя для механическаго движенія, расположены на лѣвомъ надкрыліи, и покрываютъ собою правое своимъ плоскимъ бортомъ. Снаружи нѣтъ ничего особеннаго, если только вы не обратите вниманія на маленькій поперечный валикъ, который можно было бы просто принять за обыкновенную, болѣе рельефно выступающую жилку. Разсмотримъ, однако, посредствомъ лупы устройство этого валика съ его внутренней стороны: мы не замедлимъ тогда убѣдиться, что онъ

---

*) «Souvenirs enthomologiques,» 6-e Serie.

представляетъ собою нѣчто большее, чѣмъ обыкновенную жилку—это чрезвычайно тонко сработанный инструментъ, именно смычокъ съ зубчатой полоской, который, несмотря на свою ничтожную величину, сдѣланъ удивительно правильно. Тончайшія части часового механизма никогда не сравнятся съ такимъ совершенствомъ отдѣлки, какъ этотъ маленькій валикъ, вышедшій изъ мастерской природы. Онъ имѣетъ форму искривленнаго веретена, испещреннаго восьмью-десятью трехгранными, одинаковыми зубчиками, сдѣланными изъ твердой коричневой массы.

Какъ пользуется насѣкомое этимъ удивительнымъ инструментомъ? Если у мертваго насѣкомаго приподнять слегка плоскіе края надкрылій и поставить ихъ въ то положеніе, которое они принимаютъ, когда издаютъ звуки, то можно видѣть, какъ смычокъ задѣваетъ своими зубчиками выступающую жилку, которую я назвалъ бы «жилкой тренія». Если дѣйствовать умѣло, то мертвое насѣкомое начинаетъ пѣть, т. е. начинаетъ издавать нѣсколько стрекочущихъ звуковъ. Механизмъ полученія этихъ звуковъ очень простъ. Зазубренный смычокъ лѣваго надкрылія есть двигатель; жилка тренія, что на правомъ надкрыліи, это центръ колебательныхъ движеній, а тонкая перепонка зеркала играетъ роль резонатора.

Наши музыкальные инструменты имѣютъ не мало вибрирующихъ мембранъ, но всѣ онѣ приводятся въ движеніе посредствомъ прямого удара.

Болѣе смѣлый, чѣмъ наши инструментальные мастера, decticus verruciforus комбинируетъ скрипку съ барабаномъ. Аналогичная комбинація встрѣчается у другихъ прямокрылыхъ изъ семейства locustidae. Наиболѣе извѣстный представитель этого семейства есть зеленый кузнечикъ, прославившійся какъ своимъ стройнымъ тѣломъ, такъ и своей великолѣпной зеленой окраской.

Другой видъ, принадлежащій къ семейству кузнечиковъ, Ephippigera perforata, издаетъ болѣе громкіе звуки, — именно жалобное, протяжное «*чи-чи-чи*». Но надо замѣтить, что у представителей этого вида надкрылія очень коротки: для летанія они не годятся, поэтому они и могли цѣликомъ превратиться въ музыкальный инструментъ. На нижней части лѣваго надкрылія находится зубчатая полоска, на которой расположены восемь-десять поперечныхъ, очень крѣпкихъ зубчиковъ. Правда, надкрыліе снабжено зеркальцемъ съ очень крѣпкой жилкой. Этотъ видъ кузнечиковъ, въ отличіи отъ прочихъ, характеренъ, между прочимъ, еще тѣмъ, что поютъ не только самцы, но также и самки; при этомъ интересно отмѣтить тотъ фактъ, что самецъ всегда бываетъ лѣвшой — онъ можетъ дѣйствовать только своимъ верхнимъ надкрыліемъ; самка наоборотъ: она пускаетъ въ ходъ нижнее надкрыліе. Самка не имѣетъ зеркальца, и пѣніе ея болѣе жалобно, чѣмъ пѣніе самца.

Музыкальный аппаратъ у сверчковъ устроенъ на тѣхъ же основаніяхъ, что у кузнечиковъ.

Оба надкрылія имѣютъ совершенно одинаковое строеніе: знать одно—значитъ знать другое. Опишемъ правое надкрыліе. Расположенное почти на спинѣ, оно круто обрывается прямоугольной складкой, окружая брюшко косыми параллельными жилками. Спинная пластинка усѣяна крѣпкими, черными, какъ смоль,

жилками, которыя, сочетаясь вмѣстѣ, образуютъ сложный своеобразный рисунокъ, напоминающій арабскія письмена. Разсматриваемая на свѣтъ, эта пластинка имѣетъ блѣдно-красный цвѣтъ, за исключеніемъ двухъ смежныхъ участковъ—одного большаго, находящагося спереди, треугольнаго, другого меньшаго, расположеннаго назади, овальнаго. Каждый окруженъ крѣпкой жилкой и украшенъ легкими морщинками. Первый снабженъ, кромѣ того, четырьмя-пятью скрѣпленіями, а второй — только однимъ, изогнутымъ въ дугу. Оба эти участка играютъ роль зеркальца кузнечиковъ: имѣя видъ перепонокъ, они представляютъ собою звучащую поверхность. Передняя четверть перепонки гладкая и нѣсколько рыжеватая, ограничена сзади двумя изогнутыми, параллельными жилками, между которыми находится углубленіе, занятое пятью-шестью черными складками, похожими на ступеньки миніатюрной лѣстницы. Подъ лѣвымъ надкрыліемъ, представляющимъ точную копію праваго, эти складки превращены въ жилки тренія, которыя дѣлаютъ производимыя сотрясенія болѣе интенсивными, увеличивая точки соприкосновенія смычка со звучащей поверхностью. Одна изъ нижнихъ жилокъ, ограничивающая углубленіе, имѣетъ видъ зубчатой пластинки.

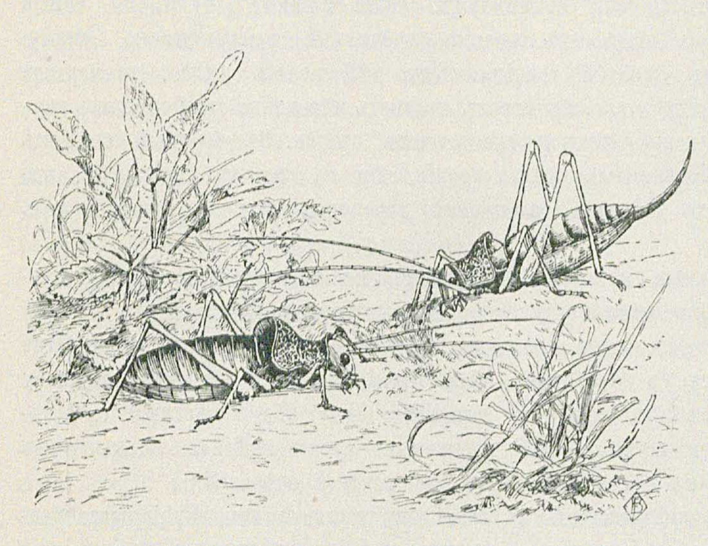


Рис. 72. Представители вида Ephippigera perforata.

Вотъ вамъ и смычокъ; на немъ можно насчитать около 150 зубчиковъ или треугольныхъ призмъ, имѣющихъ видъ замѣчательно правильныхъ геометрическихъ фигуръ. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасный инструментъ, значительно болѣе совершенный, чѣмъ тотъ, который находится у кузнечика. Сто пятьдесятъ призмъ смычка, задѣвая ступеньки противоположнаго надкрылія, въ то же время приводятъ въ колебаніе четыре перепонки,—изъ которыхъ пара нижнихъ начинаетъ вибрировать подъ вліяніемъ непосредственнаго тренія, и верхнія—вслѣдствіе дрожанія инструмента, производящаго треніе. Какой получается, поэтому, сильный звукъ! Кузнечикъ-decticus, въ распоряженіи котораго находится только одно крошечное зеркальце, можетъ быть услышанъ лишь на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, тогда какъ сверчокъ, обладатель четырехъ звучащихъ поверхностей, издаетъ несравненно болѣе громкіе звуки, которые можно услышать на разстояніи сотни метровъ». (Ж. Г. Фабръ).

Замѣтимъ кстати, что лѣвое крыло также имѣетъ смычокъ, который въ сущ-

ности безполезенъ, потому что не можетъ быть примѣненъ къ дѣлу, за отсутствіемъ соотвѣтствующей поверхности для тренія.

Подымая свои надкрылія болѣе или менѣе высоко, сверчки могутъ по желанію издавать то громкіе, то глухіе звуки. Можно предположить, что эти насѣкомыя не лишены способности къ чревовѣщанію. Когда приближаешься къ сверчку, то стрекотанье его умолкаетъ, и слышится потомъ снова, но немного дальше. Если опять къ нему подойти, то звуки еще болѣе удаляются, или начинаютъ раздаваться въ прежнемъ мѣстѣ. Но, можетъ-быть, это иллюзія, обманъ слуха. Всякій, кому случалось бывать на лугу, гдѣ много сверчковъ, замѣчалъ, по всей вѣроятности, что всѣ эти полевые музыканты издаютъ свое «*кри-кри*» въ одно время, и въ одно же время дѣлаютъ паузы. Этотъ фактъ, мимоходомъ сказать, показываетъ, что сверчки прислушиваются другъ къ другу, иначе они не могли бы пѣть въ унисонъ. Имѣя это обстоятельство въ виду, предположимъ, что вы приближаетесь къ тому мѣсту, гдѣ сверчокъ стрекочетъ. При вашемъ приближеніи стрекотанье умолкаетъ; пройдя нѣсколько шаговъ, вы снова слышите «*кри-кри*», но это стрекочетъ теперь уже другой сверчокъ; если вы начнете приближаться къ нему, то онъ умолкнетъ, но зато опять встрепенется новый музыкантъ, или, можетъ-быть, первый, котораго вы только-что оставили. Въ этомъ явленіи нѣтъ и тѣни чревовѣщанія.

Желая музицировать, сверчки высовываются изъ своего убѣжища или даже отходятъ отъ него на нѣсколько сантиметровъ прочь; для своихъ музыкальныхъ упражненій, которымъ они предаются, повидимому, для собственнаго удовольствія, сверчки выбираютъ теплые солнечные дни. Въ періодѣ спариванья, стрекотанье сверчковъ или, какъ принято называть, пѣніе усиливается въ значительной степени: самцы поютъ тогда съ исключительной цѣлью привлечь самокъ, которыя нѣмы, т. к. никакихъ звуковъ издавать не въ состояніи.

*
* *

Царь пѣвцовъ въ царствѣ насѣкомыхъ, сверчокъ, имѣетъ соперника въ лицѣ травяной кобылки. Древніе греки очень высоко ставили ея стрекотанье, Гомеръ и Анакреонъ воспѣли его въ стихахъ, Плутонъ — въ прозѣ. Дѣти ловили кобылокъ и запирали ихъ въ маленькія клѣтки, чтобы наслаждаться ихъ пѣніемъ. Наоборотъ, римляне весьма не долюбливали этихъ насѣкомыхъ, что, впрочемъ, не должно насъ удивлять: кто побывалъ на югѣ, тотъ, вѣроятно, знаетъ, какъ несносно бываетъ иногда ихъ монотонное, длящееся цѣлыми часами стрекотанье въ томительно-жаркіе дни. Хотя кобылку часто изображаютъ, какъ эмблему музыки, однако трудно себѣ представить нѣчто болѣе скучное, чѣмъ ея безконечно долгія однообразныя пѣсни.

У всѣхъ кобылокъ музыкальный инструментъ, которымъ онѣ пользуются для того, чтобы издавать свои стрекочущіе звуки, построенъ на основаніи одного и того же принципа, но детали этого инструмента у различныхъ видовъ различны. На груди кобылки-самца находятся два широкихъ ставня, или двѣ *крышки*, которыя играютъ роль демпфера, ослабляющаго силу звука. Подъ каждой крышкой находится углубленіе—*капелла*; двѣ капеллы вмѣстѣ образуютъ *церковь*. Каждая капелла ограничена сзади радужной кожицей, носящей названіе *зеркала*. Всѣ эти

части въ образованіи звуковъ не участвуютъ; ихъ назначеніе—видоизмѣнять и регулировать интенсивность тоновъ. Настоящій звучащій аппаратъ видѣть труднѣе. При разсматриваніи капеллы можно замѣчать на ея внѣшней поверхности родъ петлицы, такъ-называемое *окно*, открывающееся въ *звучащую камеру*; въ глубинѣ этой послѣдней находятся *цимбалы*, состоящія изъ овальной, выпяченной впередъ мембраны, окруженной твердой жесткой рамкой, и изрѣзанной нѣсколькими жилками, которыя увеличиваютъ ея твердость. Къ этимъ цимбаламъ прикрѣплены мышечные столбики, которые, сокращаясь и выпрямляясь, приводятъ инструментъ въ колебательное движеніе. Можно заставить пѣть мертвую кобылку, если дергать пинцетомъ или щипчиками мышечные столбики. Съ другой стороны, можно живую кобылку лишить возможности издавать звуки, если взять обыкновенную булавку и, опустивъ ее въ *окно*, пробить ея остріемъ цимбалы.

Крышки неподвижны; насѣкомое открываетъ ихъ или закрываетъ, когда подымаетъ или опускаетъ свое брюшко. Когда брюшко опущено книзу, крышки плотно закрываютъ какъ капеллы, такъ и окна звучащихъ камеръ; вслѣдствіе этого звукъ становится слабымъ, неяснымъ, глухимъ. Наоборотъ, когда брюшко подымется кверху, капеллы и окна открываются настежь, и звуки становятся громкими и сильными.

Охотнѣе всего кобылка поетъ въ тихую теплую погоду, когда время близится къ полудню; пѣніе ея состоитъ изъ отдѣльныхъ строфъ, которыя слышатся въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Строфы, отдѣляющіяся другъ отъ друга короткими интервалами, начинаются рѣзкими звуками; брюшко начинаетъ двигаться вверхъ и внизъ все быстрѣе и быстрѣе, и пѣснь, постепенно усиливаясь, достигаетъ скоро своей предѣльной звучности; звуки, оставаясь въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ на максимальной высотѣ, постепенно ослабѣваютъ, превращаясь въ жужжанье, которое становится все глуше, по мѣрѣ того, какъ брюшко все больше ослабляетъ свои движенія. Послѣ послѣднихъ вздрагиваній брюшка наступаетъ молчаніе, продолжительность котораго бываетъ различна: она зависитъ, какъ говорятъ, отъ состоянія атмосферы. Затѣмъ, неожиданно раздается новая строфа, представляющая собою монотонное повтореніе первой, и т. д. Случается иногда, что насѣкомое, опьяненное солнцемъ, сокращаетъ свои паузы, или совсѣмъ перестаетъ дѣлать ихъ: пѣніе тогда становится безпрерывнымъ, чередованіе crescendo и decrescendo, однако, остается прежнимъ.

Первые удары смычка раздаются въ семь-восемь часовъ утра, и концертъ оканчивается только съ заходомъ солнца, около восьми часовъ вечера. Но если небо покрыто тучами, или если дуетъ очень холодный вѣтеръ, кобылка молчитъ. (Ж. Г. Фабръ).

Когда ее берутъ въ руки, кобылка не умолкаетъ, въ противоположность большинству другихъ стрекочущихъ насѣкомыхъ, а наоборотъ, усиливаетъ свои звуки, точно испускаетъ настоящіе крики ужаса.

Манная цикада (cicada orni) издаетъ рядъ сильныхъ, хриплыхъ звуковъ «*кан-кан-кан*», не умолкая ни на секунду; на югѣ ей, поэтому, дали названіе «каканъ». Эти звуки очень монотонны; къ счастью, манная цикада позже просыпается и раньше отправляется на покой, чѣмъ ея сосѣдка, обыкновенная кобылка; пѣніе ея къ тому же выходитъ болѣе глухимъ, и слышится поэтому

только на сравнительно близкомъ разстояніи. У манной цикады нѣтъ ни окна, ни звучащей камеры, а ея капеллы весьма малы. Резонаторомъ, усиливающимъ звукъ, является широкая плоскость брюха: если приблизить палецъ къ этой полости, то звуки ослабѣваютъ. Наоборотъ, они усиливаются, когда въ нее вставляютъ бумажку, свернутую въ конусобразную трубочку: тогда стрекотаніе превращается въ настоящее мычаніе.

Подобно многимъ другимъ стрекочущимъ насѣкомымъ, кобылки, повидимому, поютъ только ради собственнаго удовольствія; самцы постоянно держатся вблизи самокъ; почему они обращаются къ этимъ послѣднимъ съ одной и той же пѣсенкой, не понятно. Болѣе того, кобылки, что бы ни говорили, по всѣмъ видимымъ признакамъ, глухи: пусть вблизи нихъ раздастся пушечный выстрѣлъ, онѣ не прекратятъ своего пѣнія, а будутъ стрекотать дальше, какъ ни въ чемъ не бывало. Замѣтимъ еще, что кобылки-самки не издаютъ никакихъ звуковъ: онѣ нѣмы.

Кромѣ виртуозовъ, о которыхъ мы говорили выше, существуетъ, однако, много болѣе скромныхъ музыкантовъ, которые изъ своего инструмента не могутъ извлечь больше одного, мало привлекательнаго, скрипучаго звука. Къ категоріи этихъ музыкантовъ относятся: дровосѣкъ или усачъ, крикуша и трестянка.

* * *

Дровосѣкъ-самецъ испускаетъ звукъ, который въ акустикѣ изображается посредствомъ d''' или посредствомъ re''' (2.140 колебаній въ секунду). Самка же издаетъ звукъ a''' или la'''.

Замѣтимъ кстати, что были сдѣланы попытки изобразить въ нотахъ трещанье различныхъ насѣкомыхъ: нѣкоторыя изъ нихъ мы приводимъ здѣсь.

Эту музыкальную передачу нужно, однако, считать въ общемъ весьма несовершенной.

Такія жесткокрылыя насѣкомыя, какъ дубовники, производятъ звукъ тѣмъ, что своими двумя узкими полосками, расположенными на пятомъ брюшномъ кольцѣ, трутъ поперечныя полоски, находящіяся на внутренней поверхности надкрылій. У дубляковъ поперечное движеніе края задняго бедра, трущагося о край третьяго брюшного кольца, производитъ сухой трескъ. Красная или лилейная крикуша, которая такъ сильно пищитъ, когда ее хотятъ поймать, проводитъ полосатый край надкрылія по шероховатой поверхности соотвѣтствующей части брюха.

Нѣкоторыя бабочки, напр., мертвая голова, могутъ испускать пронзительный звукъ, но механизмъ его образованія до сихъ поръ еще мало извѣстенъ.

Чтобы покончить съ этой темой, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о жужжащихъ насѣкомыхъ, къ числу которыхъ относится и наша домашняя муха.

Ландуа, который долго изучалъ жужжанье насѣкомыхъ, пришелъ, на основаніи своихъ наблюденій, къ выводу, что жужжанье есть сочетаніе трехъ различныхъ звуковъ. Наиболѣе низкій звукъ производится движеніемъ крыльевъ и дрожаніемъ *хоботковъ*. Поймаемъ муху и устроимъ такъ, чтобы эти органы ея перестали двигаться. Тогда низкія ноты не будутъ слышаться болѣе, а взамѣнъ ихъ раздается другой звукъ, болѣе высокій, чѣмъ предыдущій. Посмотрите теперь на брюшныя кольца насѣкомаго—вы увидите, что они конвульсивно трутся другъ о друга: этимъ треніемъ и вызывается второй звукъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ перевязать брюшко такимъ образомъ, чтобы оно сдѣлалось неподвижнымъ, какъ этотъ звукъ смолкаетъ, давая мѣсто третьему, еще болѣе высокому. Чтобы понять образованіе этого послѣдняго, нужно имѣть въ виду, что у мухъ дыхательныя трубочки ограничены роговидной каймой и что трахея, прежде чѣмъ слиться съ ними, вздувается, образуя большой пузырекъ. Воздухъ, съ силой выталкиваемый пузырькомъ, наталкивается на роговидное кольцо и начинаетъ вибрировать: этотъ аппаратъ, такимъ образомъ, немного напоминаетъ гортань высшихъ позвоночныхъ животныхъ. Третій звукъ, какъ можно догадаться, производится трахеями: если дыхательные трубочки покрыть воскомъ, то этотъ звукъ сразу обрывается. Пойманная муха сильно жужжитъ и щекочетъ руку: какъ это жужжанье, такъ и щекотанье обусловлены быстрыми вибраціонными движеніями грудныхъ и брюшныхъ мышцъ.

ГЛАВА X.

Туалетъ у животныхъ.

Разные народы имѣютъ различныя понятія о чистотѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ народностей, мыть тѣло или даже одно лицо есть смѣшной обычай. Въ Египтѣ, на побережьѣ Средиземнаго моря, рыбаки вблизи своихъ жилищъ сваливаютъ въ кучи гнилыя раковины, издающія невыносимо зловонный запахъ, къ которому, однако, туземцы совершенно равнодушны.

Но это исключеніе,—въ общемъ можно сказать, что человѣкъ чистоплотенъ (или, по крайней мѣрѣ, желаетъ казаться таковымъ), т. е. удаляетъ изъ своего жилья и отъ своего тѣла все, что способно ихъ загрязнить: мѣра въ одно и то же время и эстетическая и гигіеническая.

Стремленіе къ чистоплотности наблюдается также у животныхъ. Прежде всего они обладаютъ нѣкоторыми природными качествами, сохраняющими въ чистотѣ ихъ наружные покровы. Животныя почти всегда имѣютъ округленное тѣло, вслѣдствіе чего накапливающаяся пыль легко можетъ падать внизъ. Кромѣ того, волосы, покрывающіе тѣло, наклонены книзу и плотно прилегаютъ другъ къ другу, и такимъ образомъ защищаютъ кожу отъ загрязненія. Брови и рѣсницы защищаютъ глаза, а ушная раковина—ухо. Наконецъ, періодическія линянія кожи, которымъ подвергаются многія животныя, лучше очищаютъ внѣшніе покровы, чѣмъ самое продолжительное купанье.

Д-ръ Байонъ опубликовалъ очень интересную работу объ инстинктѣ чистоты у животныхъ; при составленіи этого очерка мы, главнымъ образомъ, руководствовались этой работой.

Авторъ ея, между прочимъ, говоритъ, что природа въ достаточной степени надѣлила животныхъ средствами для удовлетворенія естественной потребности въ чистотѣ. Природа прежде всего представила въ ихъ распоряженіе воду — самое лучшее и полезное косметическое вещество, родъ натуральнаго мыла — слюну, затѣмъ жиръ, замѣняющій имъ помаду, пыль, суррогатъ рисовой пудры, наконецъ, различныя выдѣленія, сильный запахъ которыхъ имъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ всѣ наши самыя тонкія парфюмерныя издѣлія.

Природа снабдила животныхъ также цѣлымъ ассортиментомъ туалетныхъ

принадлежностей; такъ, у нихъ имѣются: губки, кисти, метелки изъ перьевъ, скребки, рѣдкіе и частые гребни, жесткія и мягкія щетки, зубочистки, уховертки, вѣера, платки и т. д.

Правда, нельзя утверждать, что какое-нибудь животное имѣетъ какой-нибудь органъ, исключительно предназначенный для туалетныхъ цѣлей. Большинство представителей животнаго царства пользуются для поддержанія въ чистотѣ своего тѣла тѣми органами, назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы исполнять весьма важныя для жизни организма функціи. Какъ справедливо замѣчаетъ д-ръ Байонъ, животныя для того, чтобы приводить въ порядокъ свой туалетъ, пользуются органами, предназначенными для хватанія пищи.

Обезьяны обращаютъ больше вниманія на свою внѣшность, но воду для обмыванія тѣла употребляютъ очень рѣдко. Дювансель разсказываетъ объ одномъ гиббонѣ, который носилъ своихъ дѣтенышей на рѣку, гдѣ устраивалъ имъ ванны; но этотъ случай совершенно исключительный, равно какъ другой, сообщенный Буатаромъ: этотъ авторъ упоминаетъ объ одной самкѣ шимпанзе, которая каждое утро мыла себѣ руки и лицо холодной водою.

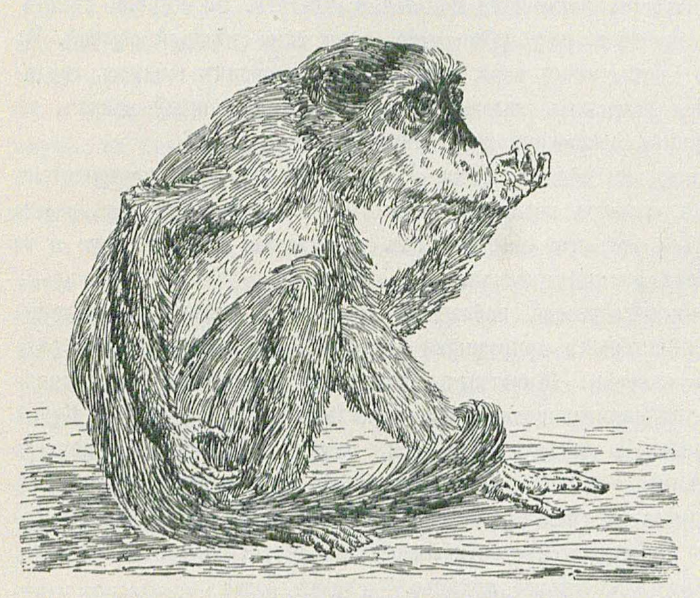


Рис. 73. Обезьяна за своимъ туалетомъ.

Обезьяны, въ общемъ, недолюбливаютъ купанье, зато почесываться и искать у себя на тѣлѣ насѣкомыхъ онѣ очень любятъ. Наблюдая обезьянъ въ зоологическихъ садахъ, можно видѣть, что эти животныя только и дѣлаютъ, что шарятъ длинными руками въ своей шерсти и все, что тамъ находятъ — паразитовъ, чешуйки слущенной кожи и пр., немедленно съѣдаютъ. Нерѣдко видѣли, какъ мандриллы пускали въ ходъ свои руки, чтобы сморкаться.

Многія обезьяны вытираютъ ротъ послѣ обѣда. Бремъ разсказываетъ про одну, жившую въ неволѣ, обезьяну-самку орангъ-утанга, которая пользовалась зубочисткой, точь-въ-точь какъ человѣкъ. Шимпанзе, воспитанный Бюффономъ, неизмѣнно вытиралъ ротъ всякій разъ, когда пилъ что-нибудь.

Обезьяны, находящіяся въ дикомъ состояніи, когда хотятъ пить, отправляются къ пруду или къ рѣкѣ и, наклонившись тѣломъ къ водѣ, тянутъ влагу

ртомъ. Существуютъ однако, нѣкоторыя исключенія изъ этого правила: такъ, напр., лисьехвостыя обезьяны, обезьяны-сакки, пьютъ воду, черпая ее руками. Эта привычка объясняется тѣмъ, что представители обоихъ видовъ, обладая роскошной бородой, не желаютъ мочить ее въ водѣ,—что было бы неизбѣжно, если бы эти обезьяны пили воду прямо изъ источника.

Лемуры, мадагаскарскія руконожки (ай-ай) и прочія полу-обезьяны, приводя въ порядокъ свой туалетъ, поступаютъ точно такъ же, какъ эти обезьяны; это имъ удается тѣмъ легче, что у нихъ есть очень длинные пальцы и большіе когти, и поэтому они могутъ, напр., не только чесать уши, но и вычищать ихъ.

Семейство кошачьихъ отличается удивительной чистоплотностью. Каждому, по всей вѣроятности, приходилось, видѣть, какъ кошка облизываетъ свои губы послѣ ѣды и какъ она старательно охорашивается, гладя свою шерсть.

Если она не можетъ достать языкомъ то мѣсто, которое нужно прилизать, то она пускаетъ въ ходъ свою лапку, которую предварительно смачиваетъ слюною; кошка поступаетъ такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приводитъ въ порядокъ верхнюю часть головы; граціозный жестъ, который она при этомъ дѣлаетъ, становится особенно частымъ передъ дождемъ.

Рис. 74. Медвѣдица заставляетъ своего дѣтеныша принять ванну.

Всѣ представители кошачьяго семейства снабжены отличнымъ аппаратомъ для поддержанія чистоты. Языкъ ихъ, усѣянный многочисленными твердыми сосочками, представляетъ собою великолѣпную щетку, немного жесткую, но прекрасно приспособленную для лощенія и полированія шерсти. Благодаря своей гибкости, животныя могутъ добираться языкомъ почти до всѣхъ частей тѣла.

Лапки съ острыми вытянутыми когтями — это крѣпкіе скребки, хорошіе гребни, изгоняющіе всѣхъ паразитовъ, которые завелись на кожѣ.

Что касается хвоста, длиннаго и гибкаго, то у львовъ онъ представляетъ собою превосходное опахало, которымъ они хлопаютъ себя по бедрамъ. Всѣ кошачьи

виды дѣлаютъ свой туалетъ безъ воды: извѣстно, какъ кошки боятся ее, какія мѣры предосторожности онѣ принимаютъ, чтобы не замочиться, когда имъ приходится переходить мокрый дворъ.

Медвѣди также любятъ чистоту и часто прибѣгаютъ къ помощи своего языка, чтобы придать себѣ и своему потомству болѣе привлекательный видъ. Медвѣди, «плохо облизанные», встрѣчаются очень рѣдко. Тѣмъ не менѣе, въ отношеніи чистоплотности ихъ нельзя поставить на одну линію съ кошками. Заботы о чистотѣ у медвѣдей отличаются болѣе грубымъ характеромъ, несмотря на то, что эти животныя нисколько не боятся воды.

Лѣтомъ бурый медвѣдь охотно купается въ рѣкѣ; самки, отправляясь купаться, берутъ съ собою своихъ дѣтенышей: захвативъ ихъ зубами за шею, медвѣдицы окунаютъ ихъ нѣсколько разъ въ воду (см. рис. 74). Эта любопытная сцена была воспроизведена многими художниками.

Всѣ прочія плотоядныя старательно облизываютъ свои губы и когти послѣ ѣды, въ особенности, если они испачканы кровью.

Летучія мыши также часто лижутъ свое тѣло. Одинъ авторъ увѣряетъ, что одна летучая мышь, которую онъ лично воспитывалъ въ неволѣ, «съ особымъ вниманіемъ относилась къ своему туалету, — именно посвящала много времени чисткѣ шерсти, которую дѣлила на двѣ части проборомъ, проложеннымъ посрединѣ спины, пользуясь задними конечностями, какъ гребнемъ».

Эта летучая мышь, такъ старательно дѣлавшая себѣ прическу, ввела въ заблужденіе автора; возможно, что проборъ ея складывался самъ собою вслѣдствіе естественнаго расхожденія волосъ и вслѣдствіе того, что каждый коготь можетъ чесать только въ одну сторону.

*
* *

Изъ всѣхъ млекопитающихъ о своемъ туалетѣ больше всего заботятся грызуны. Для нихъ чистоплотность есть вопросъ жизни или смерти, потому что они отличаются очень нѣжной организаціей и легко, поэтому, могутъ сдѣлаться жертвой каждаго самаго ничтожнаго паразита или микроба.

Извѣстно, напр., что кролики выживаютъ только въ томъ случаѣ, если сажалка, въ которой они находятся, содержится очень чисто. Заботясь о своемъ туалетѣ, грызуны пускаютъ въ ходъ свои крѣпкіе передніе зубы, языкъ, мясистыя губы, острые коготки, играющіе роль гребня, и, наконецъ, находящійся въ зачаточномъ рудиментарномъ состояніи большой палецъ.

Мыши, бѣлки, кролики, крысы-пасюки очень чистоплотны. Излюбленнымъ мѣстомъ черной американской бѣлки является вѣтка, которая спускается прямо въ рѣку; повиснувъ на этой вѣткѣ, бѣлка свѣшивается внизъ и, достигнувъ воды, начинаетъ пить большими глотками и подъ конецъ обмываетъ себѣ морду передними лапами, которыя послѣдовательно погружаетъ въ воду.

Согласно Брему, хомякъ очень ловко дѣйствуетъ своими передними лапами; онъ пользуется ими, какъ руками, для того, чтобы подносить пищу ко рту, чтобы

сгибать колосья и вытряхивать изъ нихъ зерна, чтобы препроводить эти зерна въ защечные мѣшочки, наконецъ, чтобы разглаживать свою шерсть.

Выйдя изъ воды, хомякъ отряхивается, садится на заднія лапы и принимается за свой туалетъ; начинаетъ онъ, какъ, впрочемъ, всѣ животныя, съ головы. Положивъ свои лапы на уши и приблизивъ ихъ къ мордѣ, онъ беретъ одну прядь волосъ за другой и третъ ее до тѣхъ поръ, пока она не высохнетъ. Чтобы привести въ порядокъ шерсть на спинѣ и на бедрахъ, животное пускаетъ въ дѣло свои зубы, лапы и языкъ. Эта операція длится довольно долго, и оканчиваетъ ее хомякъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

Тотъ же авторъ сообщаетъ интересныя подробности о томъ, какъ охорашиваются тушканчики, хорошенькіе звѣрьки, приступающіе къ своему туалету только вечеромъ. Бремъ наблюдалъ тушканчика въ неволѣ, котораго доставилъ ему одинъ изъ его друзей.

«Ни одинъ грызунъ не отличается такой чистоплотностью, какъ тушканчикъ. На свой туалетъ онъ тратитъ очень много времени, облизывая и разглаживая каждый волосокъ своей шерсти въ отдѣльности. Песокъ ему очень полезенъ, и, повидимому, звѣрекъ не можетъ безъ него обходиться.

«Тушканчикъ, котораго мнѣ доставили, должно-быть, долго не видалъ песку; я заключаю это изъ того, что звѣрекъ съ видимымъ наслажденіемъ барахтался въ кучѣ песка, которую я для него насыпалъ, безъ устали рылся въ ней, валялся, кувыркался и ни за что не хотѣлъ разстаться съ нею.

«Тушканчикъ, когда собирается почиститься, принимаетъ всевозможныя позы. Обыкновенно онъ садится на заднія лапы и на хвостъ. Поднявъ пятки на четыре сантиметра надъ уровнемъ почвы и свернувъ хвостъ дугою такимъ образомъ, чтобы послѣдняя четверть его упиралась въ землю, тушканчикъ наклоняетъ свое туловище впередъ, соединяетъ переднія лапки, такъ что онѣ касаются другъ друга когтями; когда эти лапки вытягиваются впередъ, то кажется, будто они представляютъ собою придатокъ подбородка. Звѣрекъ очень ловко пользуется своими органами, чтобы пообчиститься. Сдѣлавъ въ пескѣ ямку и уткнувши туда морду, онъ начинаетъ двигаться впередъ, отбрасывая лапками встрѣчающіяся на пути препятствія, и дѣлаетъ это до тѣхъ поръ, пока не соорудитъ себѣ родъ небольшого рва или корыта; тогда онъ опускаетъ голову въ углубленіе и третъ ее о песокъ. Этой операціи сначала подвергается верхняя часть головы, затѣмъ нижняя, потомъ правая сторона ея и, наконецъ, лѣвая. Сдѣлавъ это, тушканчикъ ложится въ корыто во весь ростъ, затѣмъ переворачивается брюхомъ вверхъ, вытягиваетъ свои лапки то сзади, то спереди, то вверхъ, то внизъ, приближая ихъ къ мордѣ.

«Подъ конецъ животное перестаетъ почти двигаться; закрывъ на-половину глаза, онъ отъ времени до времени проводитъ лапкой по лбу. Затѣмъ начинается основательная чистка каждой части тѣла въ отдѣльности: прежде всего приводятся въ порядокъ щеки, ротъ, потомъ усы, съ которыми тушканчикъ возится довольно долго. Затѣмъ онъ подымается, усаживается на землю и принимается за дальнѣйшую чистку. Переднія лапки захватываютъ волосы прядями, а зубы расчесываютъ ихъ,

точно гребенки. Когда очередь доходитъ до нижнихъ частей тѣла, тушканчикъ сильно наклоняется корпусомъ впередъ, такъ что все его тѣло принимаетъ шарообразный видъ.

«Позы, которыя онъ принимаетъ, когда чиститъ заднія конечности, очень курьезны. Одну изъ заднихъ лапокъ онъ оставляетъ въ томъ видѣ, какой она имѣетъ, когда тѣло находится въ сидячемъ положеніи, а другую вытягиваетъ

Рис. 75. Тушканчики.
Эти маленькіе, хорошенькіе звѣрьки очень чистоплотны: они принимаютъ всевозможныя позы, изгибаясь въ разныя стороны, чтобы сдѣлать, какъ слѣдуетъ, свой туалетъ.

впередъ, опираясь на хвостъ, который очень полезенъ животному для поддержанія равновѣсія. Когда тушканчикъ чешется задними лапками, то дѣлаетъ это такъ быстро, что ничего, кромѣ движущейся тѣни, разсмотрѣть нельзя. Переднія лапки, которыми животное скребетъ себѣ морду, двигаются не такъ быстро; на одну изъ этихъ лапокъ тушканчикъ опирается, когда наклоняется вбокъ».

*
* *

Любовью къ чистоплотности отличаются также многія насѣкомоядныя и сумчатыя. Вотъ что разсказываетъ Куа и Гемаръ, наблюдавшіе австралійскую косматохвостку, которая жила у нихъ въ неволѣ:

«Окончивъ ѣсть, косматохвостка садилась на корточки и принималась

быстро тереть переднія лапы одну объ другую, точь-въ-точь, какъ мы потираемъ обѣ руки, причемъ то и дѣло поглаживала кончикъ своей морды, всегда очень гладкій, очень влажный и красный; отъ времени до времени она прикасалась также къ ушамъ и къ головѣ, какъ будто желая сбросить частички пищи, которыя могли бы случайно очутиться на этихъ мѣстахъ. Эту крайнюю заботливость о своей чистотѣ животное проявляло всегда послѣ кормежки».

Большія четвероногія животныя также не лишены стремленія къ поддержанію своего тѣла въ чистотѣ. Вотъ что по этому поводу пишетъ д-ръ Байонъ:

«Цѣльнокопытныя по своей организаціи болѣе приспособлены къ бѣгу, чѣмъ къ заботамъ о своемъ туалетѣ; тѣмъ не менѣе, они не забываютъ о немъ, и для этой цѣли пользуются языкомъ, зубами и въ особенности своими толстыми, мясистыми и подвижными губами. Съ помощью своихъ заднихъ ногъ они могутъ кое-какъ чесать себѣ морду и затылокъ. Кожныя мышцы, очень развитыя у этихъ животныхъ, могутъ приводить въ движеніе всѣ части ихъ внѣшнихъ покрововъ, чѣмъ они и пользуются для того, чтобы стряхнуть съ себя капли воды или прогнать мухъ. Хвостъ, снабженный обыкновенно на концѣ пучкомъ длинныхъ волосъ, несомнѣнно оказываетъ имъ большія услуги. Этотъ органъ, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы прикрывать и защищать заднепроходную область, въ то же время играетъ роль естественной щетки, съ помощью которой животныя чистятъ свою шерсть; хвостъ, кромѣ того, является отличнымъ приспособленіемъ для отгона мухъ, которыя такъ часто безпокоятъ животныхъ лѣтомъ. Лошадей, какъ извѣстно, нерѣдко обезображиваютъ, отрѣзывая имъ хвостъ почти цѣликомъ; объ этомъ нельзя не пожалѣть, потому что вздорная мода, съ одной стороны, лишаетъ животныхъ чрезвычайно полезнаго органа, съ другой—отымаетъ у нихъ одно изъ самыхъ лучшихъ украшеній.»

Лошадь любитъ купаться; входя въ воду, она всегда пробуетъ ее раньше своимъ копытомъ. Извѣстно также, что лошадь испытываетъ большое удовольствіе, когда ее чистятъ скребницей. Чувствуя зудъ, въ особенности въ гривѣ или хвостѣ, лошадь сильно трется этими частями о дерево или уголъ стѣны, когда находится на свободѣ.

У слона для туалетныхъ потребностей нѣтъ другого приспособленія, кромѣ хобота. Онъ пользуется своимъ хоботомъ между прочимъ для того, чтобы устраивать себѣ души, доставляющіе ему огромное наслажденіе.

Для обмываній подобнаго рода слонъ всегда ищетъ очень чистую воду, и употребляетъ грязную только въ томъ случаѣ, если не можетъ найти другую. Утверждаютъ, что слонъ, совершающій большіе переходы, хранитъ въ хоботѣ извѣстное количество воды, которой онъ обливаетъ себя отъ времени до времени, частью, чтобы освѣжиться, частью, чтобы удалить со своей шероховатой кожи накопившуюся тамъ дорожную пыль. Однако, весьма сомнительно, чтобы это было дѣйствительно такъ, какъ передаютъ. Что касается гиппопотама, то извѣстно, что онъ еще больше любитъ воду, чѣмъ слонъ.

Большая часть жвачныхъ животныхъ чиститъ свое тѣло только языкомъ; нерѣдко, впрочемъ, они трутся о стѣну или о шероховатый стволъ дерева, представляющій собою великолѣпную скребницу.

* * *

Птицы еще больше заботятся о своей внѣшности, чѣмъ млекопитающія: каждый знаетъ, какія онѣ всегда чистенькія и вылощенныя. И это потому, что почти всѣ птицы имѣютъ въ своемъ распоряженіи неисчерпаемую банку помады, которой одарила ихъ природа. Эта банка помады, находящаяся вблизи гузка, представляетъ собою родъ внутренняго кармана, имѣющаго наружное отверстіе, черезъ которое, по мѣрѣ накопленія, просачивается густая маслянистая жидкость; птица собираетъ эту жидкость клювомъ, распредѣляетъ ее по всему тѣлу, мажетъ ею свои

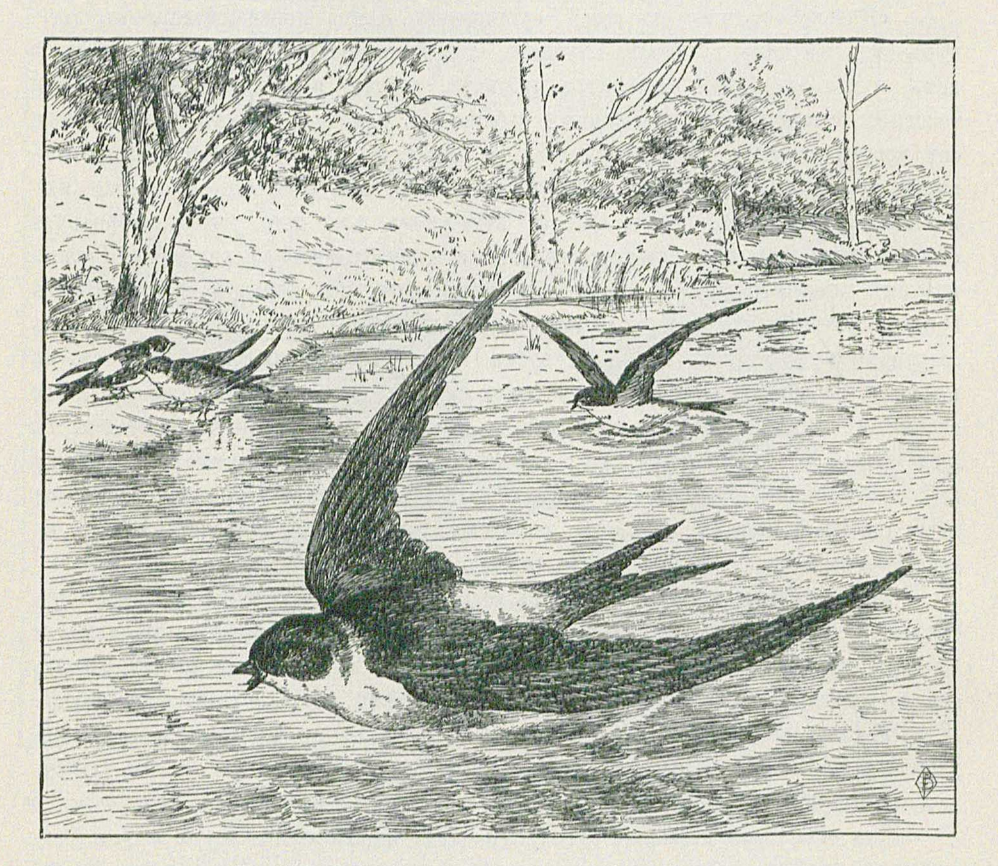


Рис. 76. Ласточки, рѣзвящіяся на поверхности воды.

перья, вслѣдствіе чего они пріобрѣтаютъ лоскъ и блескъ, а главное, благодаря этой жидкости, тѣло птицы становится непроницаемымъ для воды. Вотъ почему плавающія и ныряющія птицы, какъ, напр., гуси, утки, лебеди, никогда не смачиваются водою и сохраняютъ бѣлизну своего оперенія даже въ самыхъ илистыхъ водахъ.

Кромѣ этой мази, въ распоряженіи птицъ находится очень много косметическихъ средствъ. Къ счастью, онѣ обладаютъ очень подвижной шеей, такъ что клювъ ихъ можетъ вращаться во всѣ стороны и во всякое время появляться тамъ, гдѣ его содѣйствіе необходимо. Этотъ клювъ представляетъ собою

превосходную скребницу, заостренный кончикъ которой можетъ захватить мельчайшія частички пыли, попавшія между перьевъ. Лапы, въ свою очередь, приносятъ пользу: снабженныя острыми когтями, онѣ могутъ дѣйствовать, какъ крѣпкіе гребни. У голенастыхъ и лапчатоногихъ гребнемъ, кромѣ того, служитъ внутренній край промежуточнаго пальца, имѣющій форму зубчатой полоски.

Когти весьма полезны каменнымъ стрижамъ и другимъ птицамъ, которыхъ сильно безпокоятъ паразиты. Глядя въ зрительную трубу на летающаго каменнаго стрижа, можно видѣть, какъ онъ останавливается на-лету, чтобы почесать себѣ лобъ.

Всякій, кому приходилось воспитывать птицъ въ клѣткѣ, знаетъ, какъ онѣ любятъ купаться. Въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, ко мнѣ доносится шумъ борьбы: мои два чижа ожесточенно дерутся изъ-за того, кому раньше купаться въ большой чашкѣ, которую только-что наполнили водою и поставили въ клѣтку. Тутъ же находится самка чижа, которая никогда не купается. Среди птицъ, какъ видно, существуютъ такія же индивидуальныя различія въ наклонностяхъ, какъ и среди людей.

Птицы очень рѣдко берутъ полныя ванны. Обыкновенно онѣ погружаютъ въ воду только брюхо и лапы; но вмѣстѣ съ тѣмъ двигаютъ головою и машутъ крыльями, вслѣдствіе чего вода разбрызгивается и маленькими каплями падаетъ на спину; въ то же время перья начинаютъ топорщиться, а вода, просачиваясь между ними, добирается до кожи и смачиваетъ ее.

Нѣкоторыя птицы совсѣмъ не купаются, а довольствуются тѣмъ, что мокнутъ подъ дождемъ. Другія купаются на лету, какъ, напр., ласточки; пролетая надъ поверхностью рѣкъ и прудовъ, онѣ иногда погружаютъ въ воду либо широко раскрытый клювъ, либо широко распростертыя крылья, отъ времени до времени рѣзкимъ движеніемъ прижимая хвостъ къ брюшку для того, чтобы побрызгать тѣло водою.

* * *

Животныя, живущія большими обществами, нерѣдко принимаютъ ванны сообща. Такъ поступаютъ, напр., какъ передаетъ Левальянъ, попугаи, живущіе у мыса Доброй Надежды. Въ зоологическихъ садахъ можно видѣть иногда, какъ чайки одновременно бросаются въ бассейнъ, наполненный водою, причемъ испускаютъ оглушительные крики.

Окончивъ купанье, птицы начинаютъ отряхиваться, чтобы удалить отъ себя лишнюю воду, затѣмъ принимаются за свой туалетъ.

Живя въ неволѣ, нѣкоторые виды птицъ доводятъ до крайности заботы о своей внѣшности. Какаду, напримѣръ, съ такимъ рвеніемъ предаются этому занятію, что подъ конецъ вырываютъ себѣ всѣ перья, такъ что всегда находятся въ состояніи линянія. Какъ я уже замѣтилъ, первая забота птицъ послѣ купанья состоитъ въ томъ, чтобы отряхнуться и растопырить свои крылья; иногда онѣ обнаруживаютъ намѣреніе сушить свои перья. Нѣкоторые виды съ особой тщательностью занимаются этой сушкой; чтобы пообсохнуть, птицы въ теченіе долгаго времени сидятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ съ низко опущенной головой, опущенными крыльями, взъерошенными перьями, и остаются въ такой позѣ до тѣхъ поръ, пока вся вода не испарится.

Я подмѣтилъ эту привычку у нѣкоторыхъ птицъ, живущихъ въ неволѣ, напр., у трясогузокъ, которыя, взобравшись на насѣсть, остаются на ней въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, безпрестанно встряхивая отяжелѣвшія крылья; цапли, выкупавшись въ ближайшей рѣкѣ, торжественно отправляются на лужокъ, чтобы обсушиться на солнцѣ.

Потребность въ просушкѣ особенно сильна у хищныхъ птицъ, которыя вообще воды не любятъ. Такъ, урубу, царь грифовъ, смоченный дождемъ, просиживаетъ цѣлые часы на верхушкѣ дерева, растопыривъ свои крылья. Очень странное зрѣлище, по словамъ А. Д. Орбиньи, представляютъ собою урубу, которые послѣ грозы сидятъ длинными рядами на крышѣ дома, широко распластавъ свои крылья для просушки. (Д-ръ Байонъ).

* * *

Къ числу наиболѣе чистоплотныхъ животныхъ безспорно относятся также насѣкомыя. Чтобы держать въ чистотѣ и порядкѣ свои внѣшніе покровы, насѣкомыя имѣютъ въ своемъ распоряженіи шесть паръ лапокъ, которыя почти всегда снабжены щетинками, зубчиками, рѣсничками. Переднія лапки очищаютъ, главнымъ образомъ, голову и усики, заднія лапки разглаживаютъ крылья и стряхиваютъ съ нихъ пыль.

Привычка охорашиваться, которой отличаются всѣ насѣкомыя, у нѣкоторыхъ изъ нихъ превращается въ настоящую манію. Посмотрите на солидную муху: она охорашивается безпрестанно; сначала она третъ одну переднюю лапку о другую, затѣмъ она въ различныхъ направленіяхъ массируетъ себѣ головку, вокругъ которой очень быстро вращается ея тонкая ножка, затѣмъ наступаетъ очередь заднихъ лапокъ, крыльевъ и т. д.

* * *

Животныя не ограничиваются тѣмъ, что сами стараются быть чистоплотными, а иногда помогаютъ своимъ родичамъ дѣлать туалетъ. Общеизвѣстенъ фактъ, что самецъ и самка моютъ, чистятъ и пр. того изъ дѣтенышей, который самъ не способенъ еще заботиться о себѣ. Точно такъ же часто можно видѣть, какъ самецъ и самка облизываютъ другъ друга или ищутъ другъ у друга паразитовъ.

Такія взаимныя услуги можно наблюдать, впрочемъ, не только у тѣхъ животныхъ, которыя связаны между собою узами родства; присматриваясь къ млекопитающимъ и птицамъ, живущимъ въ неволѣ, можно убѣдиться, что помогаютъ другъ другу индивидуумы, которые ни въ какомъ родствѣ между собою не состоятъ. Кто не видѣлъ, какъ одна обезьяна ищетъ у другой паразитовъ, какъ чижи чистятъ другъ друга клювомъ? Аналогичными наклонностями отличаются многіе другіе представители животнаго царства; даже черепахи, живущія въ морѣ, бываютъ покрыты своеобразной флорой и фауной. Когда ихъ выбрасываетъ приливомъ на прибрежныя отмели, то можно нерѣдко видѣть, по словамъ Шевре и Герна, какъ онѣ помогаютъ другъ другу освобождаться отъ полчищъ паразитовъ, отковыривая толстую кору, образовавшуюся на верхнемъ щитѣ.

ГЛАВА XI.

Странныя рыбы.

Рыбы, которыхъ употребляютъ въ пищу, или которыхъ разводятъ въ акваріумахъ, имѣютъ, приблизительно, одну и ту же форму, поэтому невольно является предположеніе, что классъ рыбъ отличается большимъ однообразіемъ формъ, но такое предположеніе—глубокая ошибка, потому что въ дѣйствительности рыбное царство изобилуетъ удивительно странными формами; описанію этихъ послѣднихъ мы посвятимъ эту главу.

Прежде всего передвиженіе. Есть извѣстное выраженіе: «плавать, какъ рыба»; въ основѣ этого выраженія лежитъ мысль, что плаваніе является для рыбъ единственнымъ способомъ передвиженія, который имъ доступенъ и которымъ они мастерски владѣютъ. Въ большинствѣ случаевъ это утвержденіе совершенно справедливо; однако, существуетъ извѣстное число видовъ, которые перемѣщаются не только посредствомъ плаванія. Существуютъ, напр., такія рыбы, которыя могутъ летать.

Наиболѣе типичнымъ представителемъ ихъ является долгоперъ (exocetus evolans), извѣстный обыкновенно подъ названіемъ летающей рыбы. У этого страннаго обитателя тропическихъ морей передніе плавники превращены въ плоскія перепонки, которыя настолько велики, что даютъ рыбѣ возможность взлетать надъ водою.

Выпрыгнувъ изъ воды, она подымается на воздухъ, и летитъ съ большою скоростью; пролетѣвъ надъ поверхностью моря пять-шесть метровъ, долгоперъ снова погружается въ воду, или же, что случается чаще, онъ, шлепнувшись въ море, черезъ нѣкоторое время выскакиваетъ опять, чтобы подняться вверхъ и пролетѣть небольшое пространство: эта рыба летаетъ рикошетомъ. Траекторія ея полета не представляетъ собою правильной линіи: вытягивая и сокращая свои плавники то въ одну сторону, то въ другую сторону, рыба можетъ уклоняться отъ своего пути или же слѣдовать колебаніямъ волнъ, отъ которыхъ ее отдѣляетъ разстояніе приблизительно въ одинъ метръ.

Что касается пространства, которое можетъ пролетѣть долгоперъ, то на этотъ счетъ мнѣнія сильно расходятся. Нѣкоторые путешественники утверждаютъ, что эта рыба можетъ описать въ воздухѣ дугу, длиною въ сто—сто пятьдесятъ метровъ;

это, конечно, преувеличеніе, которое объясняется очень просто. Долгоперы живутъ большими обществами: взлетаетъ на воздухъ не одна рыба, а нѣсколько сразу,— и поэтому полетъ одной можно невольно смѣшать съ полетомъ другихъ. Иногда одновременно подымаются вверхъ изъ воды стаи въ 100—1.000 рыбъ, которыя летятъ въ сторону, противоположную направленію волнъ.

Долгоперы летаютъ чаще всего тогда, когда море неспокойно или даже бурно. Полетъ ихъ, вначалѣ очень быстрый, постепенно замедляется. Извѣстенъ случай, когда летающія рыбы обогнали корабль, шедшій со скоростью десяти миль въ часъ.

«Летающія рыбы,—говоритъ натуралистъ Мебіусъ:—часто падаютъ на бортъ судна, плавающаго по морю; но это никогда не случается въ тихую хорошую погоду, а всегда тогда, когда вѣтеръ разводитъ большую волну.

«Днемъ долгоперы избѣгаютъ встрѣчи съ судами, летая на далекомъ разстоя-

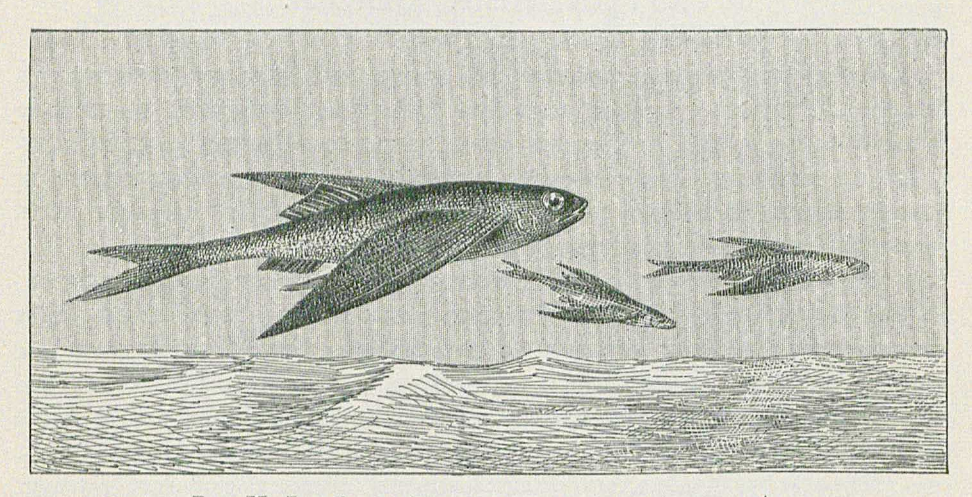


Рис. 77. Exocetus evolans—долгоперъ или летающая рыба.

ніи отъ нихъ, но ночью они нерѣдко налетаютъ на снасти, когда разыгрывается непогода: вѣтеръ несетъ ихъ тогда съ большою силою, подымая ихъ иногда вверхъ на двадцать футовъ надъ уровнемъ моря».

Долгоперы не единственныя рыбы, способныя летать. Этой способностью одарены также летучки Средиземнаго моря (dactylopteres), которыя, по словамъ путешественниковъ, видѣвшихъ ихъ, могутъ пролетѣть разстояніе въ сто метровъ. Весьма вѣроятно, однако, что и тутъ дѣлается та же ошибка, которая была сдѣлана по отношенію къ долгоперамъ, именно полетъ одной рыбы смѣшивали съ полетомъ другихъ, поднявшихся на воздухъ въ одно и то же время.

Относительно причинъ, заставляющихъ рыбъ временно покидать свою стихію, ничего опредѣленнаго не извѣстно. Многіе натуралисты высказываютъ предположеніе, что рыбы выскакиваютъ изъ воды для того, чтобы спастись отъ преслѣдованія акулъ или другихъ морскихъ хищниковъ. Но, поступая такимъ образомъ, летающія рыбы попадаютъ въ просакъ, потому что чайки и буревѣстники охотятся за ними очень усердно.

Ласепедъ оставилъ намъ прекрасное описаніе жизни летучекъ, которыя извѣстны также подъ названіемъ морскихъ ласточекъ:

«Пользуясь благопріятнымъ моментомъ, когда враги ихъ временно удаляются, морскія ласточки выскакиваютъ изъ воды и носятся по воздуху. Онѣ имѣютъ длину около полуметра, и совершаютъ быстрыя движенія своими длинными и широкими плавниками. Онѣ невольно обращаютъ на себя вниманіе прежде всего своею многочисленностью: часто можно видѣть стаи въ тысячу штукъ и больше. Движимыя одинаковымъ чувствомъ страха, гонимыя однимъ и тѣмъ же инстинктомъ самосохраненія, заставляющимъ ихъ искать спасенія внѣ воды, онѣ подымаются въ воздухъ въ большомъ числѣ».

Если это случается ночью, то ихъ можно узнать по фосфорическому сіянію, которое онѣ испускаютъ, подобно многимъ другимъ рыбамъ и свѣтящимся насѣкомымъ. Въ тихую погоду, когда море совершенно спокойно, можно слышать слабый шумъ, который летучки производятъ своими плавниками-крыльями, торопливо разсѣкающими воздухъ. Иногда можно различить еще другого рода шумъ; онъ производится въ бронхіальныхъ отверстіяхъ усиленнымъ выдѣленіемъ газа, который животное, такъ сказать, выдавливаетъ изъ всѣхъ внутреннихъ полостей своего тѣла. Бронхіальныя отверстія у летучекъ очень малы, вслѣдствіе этого ихъ дыхательные органы менѣе подвержены опасности высыханія, и поэтому эти рыбы могутъ оставаться довольно продолжительное время внѣ воды.

* * *

По вопросу о способахъ передвиженія рыбъ можно было бы написать цѣлые томы; поэтому мы остановимся только на тѣхъ видахъ, которые наиболѣе извѣстны.

Въ послѣднее время горожане пріобрѣли привычку покидать на мѣсяцъ-другой то мѣсто, гдѣ они постоянно живутъ, для того, чтобы отправиться либо на берегъ моря, либо въ горы и т. д.

Не надо, однако, думать, что въ этомъ отношеніи человѣкъ имѣетъ какое-нибудь преимущество передъ другими твореніями. Нѣкоторыя рыбы очень любятъ путешествовать; большинство этихъ рыбъ извѣстно каждому, по крайней мѣрѣ по имени и внѣшнему виду, если не по ихъ привычкамъ и образу жизни.

Живой лосось, напр., гораздо интереснѣе такого, который подается на столъ съ каперсовымъ соусомъ. Дѣло въ томъ, что эта рыба страстно любитъ путешествовать. Лосось, какъ извѣстно, кладетъ въ прѣсной водѣ свои яички, изъ которыхъ впослѣдствіи развиваются маленькія рыбки, не очень красивыя, со спинкой матово-сѣраго цвѣта и съ боками, испещренными поперечными полосками.

Приходитъ время, и молодые лососи, подвергшись нѣкоторымъ физическимъ измѣненіямъ, превращаются въ smolts, какъ ихъ называютъ англичане, т. е. они облекаются въ свой дорожный костюмъ: тѣло ихъ пріобрѣтаетъ великолѣпный металлическій блескъ. До этого знаменательнаго момента, молодые ло-

соси жили врозь; но сдѣлавшись smolts, они, обуреваемые инстинктомъ общенія, соединяются въ большія стаи и предпринимаютъ большія путешествія. Лососи отправляются внизъ по теченію рѣкъ, въ которыхъ плаваютъ въ продолженіе всей весны; ихъ цѣль — добраться до моря. Это путешествіе, правда, не обходится безъ приключеній: тутъ ихъ встрѣчаетъ прожорливая щука, отъ которой надо поскорѣе бѣжать, тамъ угрожаетъ опасность отъ разставленныхъ рыбаками сѣтей, а то случается, что они попадаютъ въ сильный водоворотъ, заставляющій ихъ мгновенно повернуть назадъ. Лососи, ряды которыхъ немного порѣдѣли, приплываютъ, наконецъ, къ устью рѣки. Молодь не бросается, однако, сломя голову въ горько-соленую воду,—такой рѣзкій переходъ могъ бы имѣть для животныхъ роковыя послѣдствія; лососи остаются въ солоноватой водѣ дня два-три, чтобы привыкнуть къ ней, и затѣмъ уходятъ въ море.

Что они дѣлаютъ тамъ? Къ стыду ихтіологовъ, нужно признаться, что относительно этого абсолютно ничего не извѣстно. Предполагаютъ, и не безъ основанія, можетъ-быть, что лососи спускаются въ пучины океана, гдѣ рыбачьи сѣти до нихъ добраться не могутъ. Какъ кажется, въ соленой водѣ они находятъ обильную пищу для себя, а можетъ-быть, эта вода дѣйствуетъ на нихъ такъ же благотворно, какъ морской или горный воздухъ на городскихъ жителей, ускоряя обмѣнъ веществъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ слѣдующій фактъ: если держать

Рис. 78. **Анабасъ.**
Эта рыба часто выходитъ изъ воды и взбирается на вершину прибрежной пальмы.

пойманныхъ лососей въ прѣсной водѣ, то, несмотря на обиліе предлагаемой имъ пищи, они все же не поправляются, а мясо ихъ теряетъ свой нормальный цвѣтъ и становится мягкимъ и безвкуснымъ.

Послѣ семи-восьми недѣльнаго пребыванія въ морѣ, лососи снова появляются у устья той рѣки, изъ которой вышли. Но они такъ измѣнились, что ихъ и узнать нельзя; въ прежнее время ихъ принимали за совершенно другого вида рыбъ. Чтобы показать ошибочность этого взгляда, было сдѣлано много опытовъ; они состояли въ томъ, что къ хвосту smolt'а привязывали веревочку или ленточку, и затѣмъ отпускали въ рѣку. Черезъ два мѣсяца лосось возвращался, и если онъ попадался въ сѣти, то его тотчасъ узнавали по значку, красовавшемуся на хвостѣ.

До своего путешествія каждый smolt вѣситъ не болѣе двухсотъ-трехсотъ граммовъ; по возвращеніи вѣсъ его доходитъ до $1^1/_2$—2 килограм.

Возвращаясь въ мѣста своего постояннаго мѣстожительства, лососи не сразу входятъ въ рѣку, а предварительно дѣлаютъ небольшую остановку въ солоноватой водѣ ея устья; затѣмъ вся стая кидается въ рѣку, держа путь вверхъ по теченію; старики образуютъ авангардъ, — молодежь — арьергардъ. Вообще въ составъ путешествующихъ отрядовъ лососей входятъ экземпляры различнаго возраста. Впереди колонны всегда находятся самыя старыя рыбы, средину ея занимаютъ тѣ, которыя однажды совершили уже подобное путешествіе,—за ними тянется многочисленная стая молодыхъ, которыя въ первый разъ пустились въ дальнее плаваніе.

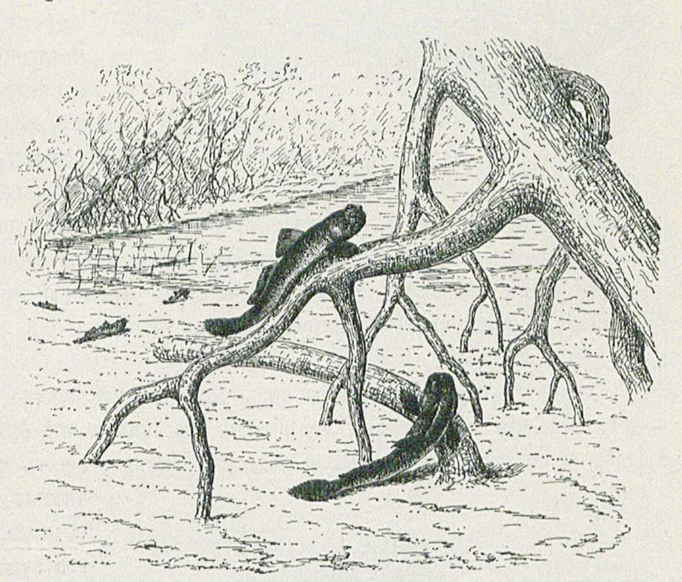


Рис. 79. **Краеглазы.**
Рыбы охотно прогуливаются и съ особымъ удовольствіемъ предаются различнымъ упражненіямъ на корняхъ корнепуста.

«Стаю лососей, подымающуюся вверхъ по теченію рѣки, ничто не можетъ остановить. Если они натыкаются на сѣти, — говоритъ Бодріяръ:—то разрываютъ ихъ, или стараются найти какой-нибудь выходъ; если одной рыбѣ удастся ускользнуть, то ея примѣру тотчасъ слѣдуютъ другія, и нарушенный - было порядокъ возстановляется снова».

Лососи плаваютъ обыкновенно посрединѣ рѣки, держась почти возлѣ самой поверхности воды; такъ какъ ихъ бываетъ всегда очень много, и такъ какъ они сильно волнуютъ воду, то вслѣдствіе этого ихъ передвиженіе сопровождается большимъ шумомъ, который слышится далеко вокругъ. Въ жаркое время года лососи

прячутся въ самыя глубокія мѣста, гдѣ можно найти прохладу; изъ-за этой прохлады, потребность въ которой у нихъ, кажется, очень велика, лососи любятъ главнымъ образомъ прѣсныя воды съ низкими берегами, окаймленными развѣсистыми деревьями.

Различныя предметы, плавающіе на поверхности рѣки, въ особенности такіе, которые окрашены въ яркіе цвѣта, пугаютъ лососей такъ сильно, что нерѣдко заставляютъ ихъ повернуть назадъ.

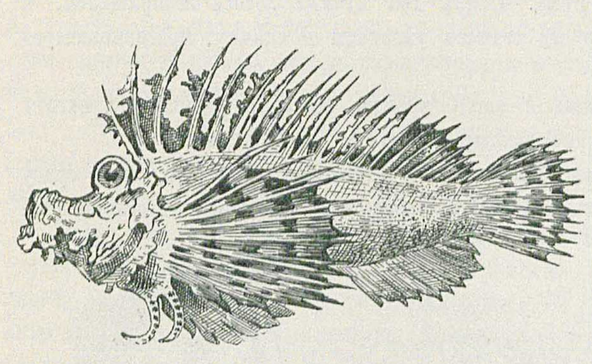


Рис. 80. Щипоносъ.

Если температура воды и качества ея таковы, что лососи чувствуютъ себя въ ней хорошо, то они плаваютъ очень медленно; если же условія подверглись внезапной перемѣнѣ, и рыбы испытываютъ непріятное ощущеніе, или если имъ угрожаетъ какая-нибудь опасность, то они бросаются впередъ съ такою стремительностью, что глазъ едва можетъ слѣдить за ихъ движеніями. Замѣчено, что лососи могутъ проплыть въ часъ разстояніе въ десять миль; если они не утомлены, если имъ не приходилось въ теченіе долгаго времени напрягать свои силы, то они легко дѣлаютъ 24 фута въ секунду.

Хвостъ у лососей играетъ роль мощнаго весла, съ помощью котораго они берутъ большія препятствія, напримѣръ, проскакиваютъ черезъ довольно высокіе пороги. Опершись туловищемъ о большой камень, лосось изгибаетъ свой хвостъ такимъ образомъ, что получаетъ возможность захватить кончикъ его зубами; затѣмъ изогнутый въ формѣ дуги хвостъ, точно сильно натянутая пружина, сразу возвращается въ свое нормальное положеніе и, съ большой силой ударившись о поверхность воды, сообщаетъ животному такой могучій толчокъ, что подымаетъ его на высоту четырехъ-пяти метровъ и перебрасываетъ черезъ порогъ. Если этотъ послѣдній очень высокъ, то случается иногда, что лососи съ перваго раза не долетаютъ до вершины утеса, срываются и падаютъ назадъ; но эта неудача нисколько не смущаетъ ихъ; они съ новой энергіей возобновляютъ свои попытки, неоднократно повторяютъ ихъ, и если самый толстый лосось, котораго называютъ обыкновенно предводителемъ,

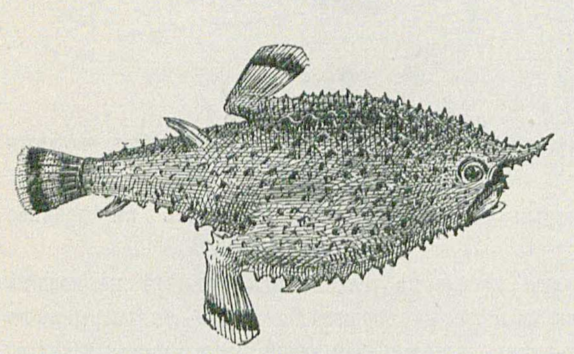


Рис. 81. Иглотѣлъ.

успѣшно проскочилъ препятствіе, то весь отрядъ съ удвоеннымъ пыломъ бросается вслѣдъ за своимъ вожакомъ.

Если загражденія черезчуръ велики, то прибрежные жители являются на помощь: они устраиваютъ «лѣстницы для лососей», чтобы дать животнымъ возможность продолжать свой путь.

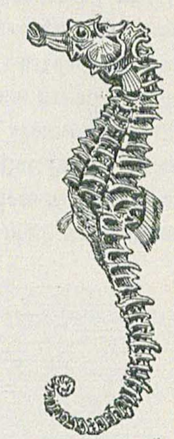


Рис. 82.
Морской конекъ.
Получилъ это названіе благодаря своему черепу, имѣющему нѣкоторое сходство съ формой лошадиной головы.

Сельдь алоза, или такъ-называемая бѣшеная рыба, также страстно любитъ путешествовать, какъ и лосось, отличаясь въ этомъ отношеніи отъ него только тѣмъ, что «курсъ лѣченія» ея въ морѣ длится дольше. Эти рыбы подымаются вверхъ по теченію рѣкъ исключительно для того, чтобы метать икру, и дѣлаютъ это въ такихъ мѣстахъ, которыя лежатъ очень далеко отъ устья; вотъ почему алозу можно видѣть въ Изарѣ выше Гренобля, и въ Саонѣ, почти у Грея.

Что касается корюшекъ, то не всѣ онѣ имѣютъ одинаковыя привычки: нѣкоторыя изъ нихъ питаютъ «слабость къ перемѣнѣ мѣстъ», другія, наоборотъ, предпочитаютъ сидѣть дома и вести спокойную осѣдлую жизнь. Первыя отправляются на «воды» разъ въ годъ, вторыя всю жизнь остаются на своихъ насиженныхъ мѣстахъ.

Осетры, голавли, дорады—также ведутъ кочевой образъ жизни, перемѣщаясь періодически изъ прѣсной воды въ соленую и обратно.

Особой смѣлостью отличаются угри: чтобы перейти изъ одного пруда въ другой, который имъ больше нравится, они, не задумываясь. выходятъ на берегъ и начинаютъ ползти по землѣ, дѣлая иногда довольно большіе переходы. Угри не очень ужъ торопятся; если по пути имъ встрѣтится что-нибудь, что приходится имъ по вкусу, то путники останавливаются и не спѣша принимаются лакомиться. Такъ, недавно было сдѣлано сообщеніе, что цѣлая плантація сладкаго горошка была уничтожена странствующими угрями.

Рис. 83. **Щетинозубъ.**
Очень похожъ на морского конька, искусно пользуется своими длинными и гибкими придатками, чтобы переплетаться съ водорослями, посреди которыхъ живетъ, и такимъ образомъ скрываться отъ глазъ своихъ враговъ.

Къ числу путешествующихъ рыбъ относится также анабасъ (рис. 78), водоземная рыба, встрѣчающаяся въ Индо-Китаѣ. Анабасъ—это настоящій бродяга.

Онъ часто оставляетъ рѣку, чтобы прогуляться по рисовымъ плантаціямъ, побродить по полямъ и садамъ и пр. и пр.; благодаря крѣпкимъ зубцамъ, которыми снабжены его крышки, онъ можетъ безъ труда вскарабкаться на верхушку дерева, чтобы подышать тамъ свѣжимъ воздухомъ.

Періофтальмы или краеглазы (рис. 79) поступаютъ точно такъ же. Въ Сенегамбіи растетъ дерево—пушистая авиценція; если взобраться на это дерево, то нерѣдко можно найти на вершинѣ его нѣсколько такихъ рыбъ, грѣющихся на солнцѣ.

Къ числу рыбъ, отличающихся странной внѣшностью, относятся, между прочимъ, слѣдующія: рыба-молотъ (изъ семейства акулъ), голова которой кажется стянутой въ сторону; шипоносъ (рис. 80), настоящее чудовище, химера; рыба-прилипало съ присасывающимъ щитомъ на головѣ,—объ этомъ животномъ мы болѣе подробно говорили уже въ первой главѣ; страшный на видъ иглотѣлъ (рис. 81), косоротъ и кособокъ (рыбы изъ сем. камбаловидныхъ), у которыхъ голова совершенно обезображена для того, чтобы глаза могли быть расположены на одной и той же сторонѣ; осетръ, на тѣлѣ котораго красуется рядъ крѣпкихъ, какъ эмаль, пластинокъ; минога, ротъ которой имѣетъ видъ присасывающаго щитка, дающаго ей возможность пить кровь изъ тѣла рыбъ; морской конекъ (изъ отряда пучко-жаберныхъ), который обладаетъ хватательнымъ хвостомъ и головою, имѣющей странное сходство съ головой миніатюрной лошади; щетинозубъ, родъ конька, изъ сем. чешуеперыхъ; на тѣлѣ этой рыбы пестрятъ ленточки, переплетающіяся съ водорослями, среди которыхъ она живетъ; морской ежъ (рис. 84), весь покрытый шипами и имѣющій способность надуваться, чтобы пугать своихъ враговъ; огромная рыба-луна, тѣло которой сильно сплюснуто съ боковъ; она обыкновенно держится на поверхности воды, и птицы часто садятся ей на спину, чтобы полакомиться живущими на ней паразитами; кузовка (рис. 85), которая, точно неприступными баррикадами, покрыта твердыми наростами; морской чортъ (рис. 86), рыба, широкая какъ столъ; голову ея украшаютъ два придатка, въ видѣ искривленныхъ роговъ.

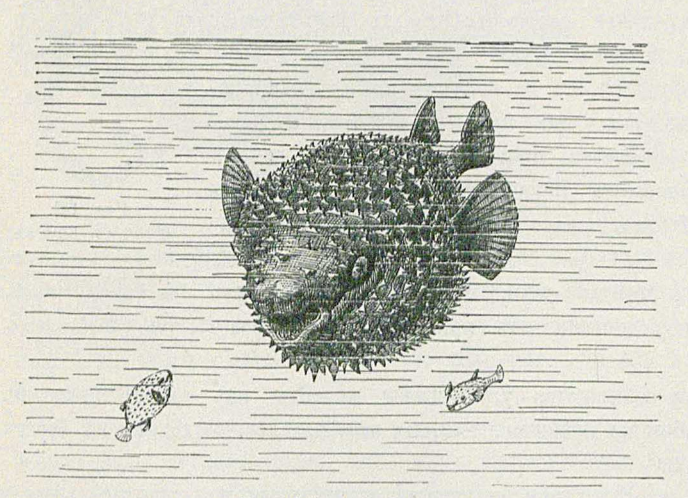


Рис. 84. **Морской ежъ.**

* * *

Что касается окраски, которую имѣютъ рыбы, то она поражаетъ своимъ не-

обыкновеннымъ разнообразіемъ. Самые красивые цвѣта, кажется, встрѣчаются у чешуеперыхъ, живущихъ въ тропическихъ моряхъ.

«Великолѣпіемъ своего наряда,—говоритъ Соважъ:—они соперничаютъ съ самыми красивыми птицами, съ самыми элегантными бабочками; они украшаютъ моря подобно тому, какъ колибри и райскія птицы составляютъ украшеніе дѣвственныхъ лѣсовъ; цвѣта ихъ отличаются еще большей чистотой и бѣлизною, а въ распредѣленіи ихъ царитъ удивительная гармонія. Пятна, полосы, кольца, синія, голубыя, зеленыя, пурпурныя, черныя красиво вырисовываются на свѣтломъ фонѣ, отливающемъ золотомъ и серебромъ; лазуревое небо, зеленыя волны отражаются въ ихъ блестящей чешуѣ; на ихъ тѣлѣ переливаются самые нѣжные оттѣнки цвѣтовъ радуги. Эти животныя принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыхъ природа одѣла въ

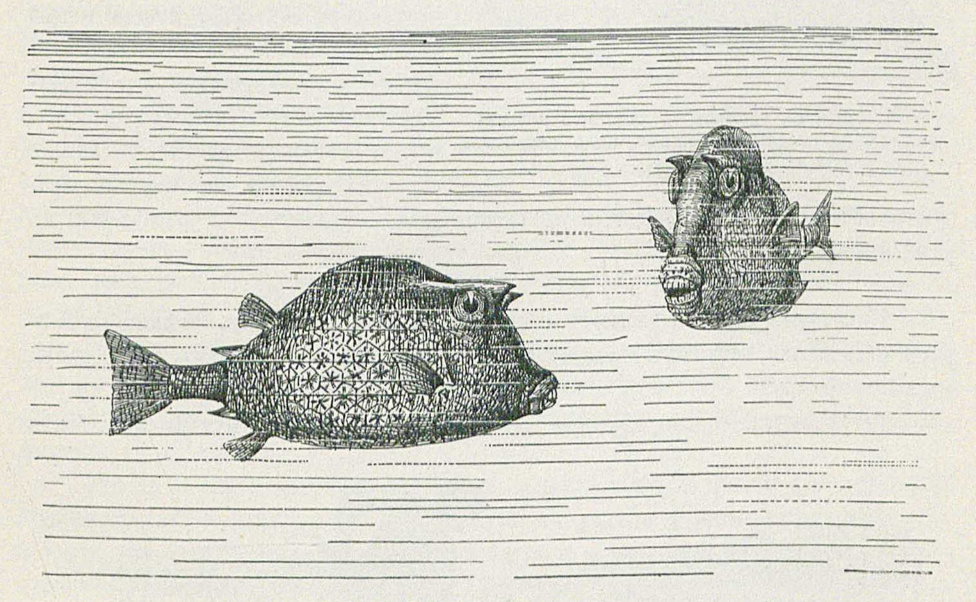


Рис. 85. Кузовки.
Эта рыба окружена крѣпкими приспособленіями, которыя даютъ ей возможность спокойно странствовать по океану и не бояться никакихъ опасностей.

самые блестящіе наряды, не пожалѣвъ для ихъ украшенія ни золота, ни серебра, ни топазовъ, рубиновъ и прочихъ драгоцѣнностей. Къ красотѣ и блеску красокъ, къ ихъ удивительной нѣжности, къ необыкновенному разнообразію рисунка присоединяется еще своеобразная форма тѣла, которая кажется очень странной, въ особенности намъ, жителямъ сѣвера.

«Чешуеперыя, если не считать рѣдкихъ исключеній, живутъ обыкновенно на небольшой глубинѣ и въ непосредственной близости береговъ; нѣкоторыя изъ нихъ подымаются вверхъ по теченію рѣки, другія случайно добираются до открытаго моря.

«Самые красивые по своей окраскѣ виды встрѣчаются вблизи коралловыхъ рифовъ; тутъ чешуеперыя любятъ рѣзвиться въ ослѣпительно яркихъ лучахъ тро-

пическаго солнца; они находятся въ безпрестанномъ движеніи, такъ что можно было бы подумать, что они нарочно такъ часто всплываютъ на поверхности, чтобы показать міру роскошь наряда, полученнаго въ даръ отъ природы. Всѣ, видѣвшіе рѣзвящихся чешуеперыхъ, даютъ о нихъ восторженные отзывы. Въ Красномъ морѣ чешуеперыя рѣзвятся обыкновенно въ глубокихъ расщелинахъ, отдѣляющихъ коралловые рифы другъ отъ друга; тутъ вода очень тиха и прозрачна. Когда судно стоитъ на якорѣ вблизи рифовъ въ темныя ночи, то находящіяся на борту узнаютъ присутствіе рыбъ по сіянію, которое онѣ испускаютъ отъ себя. Иногда можно видѣть на значительной глубинѣ свѣтовыя пятна, внезапно разсѣивающіяся, въ видѣ пучка сверкающихъ искръ, которыя двигаются сначала отдѣльно, затѣмъ сближаются, образуютъ небольшія группы, наконецъ, окончательно отдѣляются и расходятся въ разныя стороны».

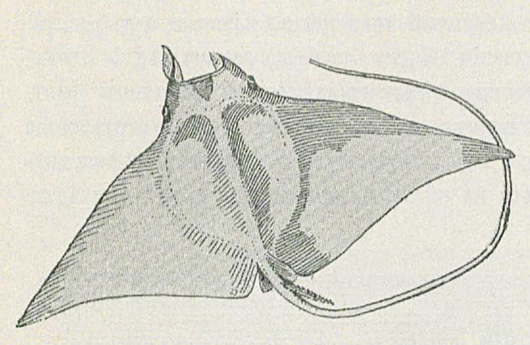


Рис. 86. **Рыба съ огромнымъ хвостомъ и украшеніемъ на головѣ, имѣющимъ видъ роговъ.**
Ее называютъ также „морскимъ чортомъ“.

* * *

Нѣкоторыя рыбы поражаютъ своими крупными размѣрами; такими размѣрами отличаются, главнымъ образомъ, рыбы съ хрящевымъ скелетомъ, какъ, напр., акулы.

Встрѣчаются. однако, крупные экземпляры и среди видовъ, имѣющихъ болѣе высокую организацію, т. е. среди такъ-называемыхъ «костистыхъ рыбъ». Для примѣра приведемъ только рыбу арапаяму; она водится въ рѣкахъ Гвіаны и сѣ-

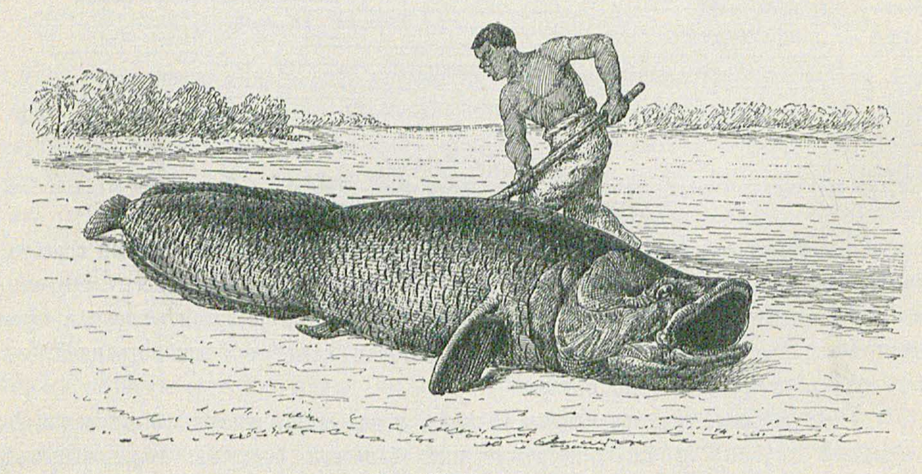


Рис. 87. **Арапаяма.**
Крупная рыба, на которую приходится охотиться: ловить ее обыкновеннымъ образомъ очень трудно.

верной Бразиліи. Это самая большая рыба, которая живетъ въ прѣсныхъ водахъ: длина ея огромнаго тѣла достигаетъ 15 футовъ, а вѣсъ болѣе 400 фунтовъ.

Самыя подробныя свѣдѣнія, касающіяся арапаямы, мы находимъ въ сочиненіи Шербурка.

«Индѣйцы принесли намъ въ числѣ другихъ рыбъ также гиганта прѣсныхъ водъ Гвіаны,—арапаяму. Мы съ удивленіемъ смотрѣли на животное, которое могло бы занять своимъ тѣломъ цѣлую лодку: оно имѣло въ длину около трехъ метровъ и вѣсило по крайней мѣрѣ 250 фунтовъ. Изъ всѣхъ рѣкъ англійской Гвіаны эта рыба водится только въ одной, которая называется Рупунуни, но зато въ очень большомъ количествѣ; она встрѣчается, впрочемъ, довольно часто также въ такихъ рѣкахъ, какъ Ріо-Банко, Ріо-Негро, Амазонка.

«Туземцы ловятъ арапаяму на удочку, но чаще убиваютъ ее стрѣлами. Охота за этой рыбой, очень интересная и увлекательная, производится сообща: на рѣку выѣзжаетъ нѣсколько лодокъ, въ которыхъ сидятъ вооруженные люди, и принимаются за поиски. Когда напали на слѣдъ, дается сигналъ: тотчасъ одна лодка начинаетъ безшумно приближаться къ рыбѣ, и когда разстояніе между ними уменьшилось настолько, что является возможность пустить въ ходъ оружіе, охотникъ, стрѣляющій лучше всѣхъ, пускаетъ стрѣлу: стрѣла впивается въ тѣло арапаямы которая тотчасъ же вмѣстѣ исчезаетъ подъ водою. Тогда начинается общая охота. Лишь только бородка стрѣлы показывается на поверхности воды, какъ десятки рукъ натягиваютъ уже луки, выпуская цѣлую тучу стрѣлъ; спустя нѣкоторое время, арапаяма снова выплываетъ и снова получаетъ цѣлую порцію стрѣлъ; эта исторія повторяется до тѣхъ поръ, пока израненная на-смерть рыба не сдѣлается добычею охотниковъ; они вытаскиваютъ ее на плоскій берегъ, кладутъ въ лодку и съ криками радости несутъ въ свои жилища.

«Среди нашихъ матросовъ-туземцевъ находился одинъ нѣмой, который былъ страстнымъ любителемъ рыбной ловли. Едва мы успѣли разбить лагерь, какъ онъ забралъ уже свои рыболовныя принадлежности и отправился на лодкѣ по направленію къ маленькой песчаной отмели, расположенной на противоположномъ берегу, чтобы предаться своему излюбленному занятію. Прошло нѣсколько часовъ, и лагерь, спавшій глубокимъ сномъ, вдругъ былъ разбуженъ страннымъ шумомъ: не то кричалъ кто-то, не то стоналъ. Сначала никто не могъ разобрать, что значатъ эти вопли, пока одинъ изъ насъ не сказалъ: «Это, должно-быть, нѣмой!» Догадка оказалась справедливой. Вооруженные охотничьими ножами и карабинами, мы вскочили въ лодку, чтобы полетѣть къ нему на помощь: его отчаянные крики, повторявшіеся безпрестанно, ясно показывали, что онъ въ ней сильно нуждался. Когда мы пристали къ песчаной отмели, мы увидѣли, поскольку намъ позволяла темнота, нашего рыбака, который предсталъ передъ нами въ очень страшномъ видѣ: онъ трясся всѣмъ тѣломъ, наклоняясь то вправо, то влѣво, точно какая-то невидимая сила тащила его внизъ, а онъ, сопротивляясь ей, издавалъ дикіе крики.

«Скоро мы очутились вблизи него, но все еще не знали, почему его такъ

сильно трясетъ и дергаетъ, пока, наконецъ, мы не замѣтили, что леса его удочки, обмотанная вокругъ руки, глубоко впилась въ кожу.

«Повидимому, огромная рыба попалась на удочку. Дѣйствительно, на ней висѣла громадная арапаима; но, стараясь вырваться на свободу, она сильно билась, и такъ натянула лесу, что у нѣмого не хватило силъ распутать ее или вытащить рыбу на берегъ.

«Еще нѣсколько минутъ, и человѣкъ не могъ бы дольше противостоять могучимъ усиліямъ рыбы. Съ хохотомъ кинулись мы на помощь бѣдному нѣмому, дружно взялись за лесу и спустя короткое время чудовище, вѣсившее болѣе 100 килогр., лежало уже на пескѣ. Нѣмой, на рукѣ котораго красовались багровыя полосы—бечевка проникла до самаго мяса, старался очень выразительной мимикой передать намъ исторію своего приключенія и описать отчаяніе, въ которое оно его повергло.

«Несмотря на поздній часъ, люди тотчасъ принялись потрошить добычу, лишь только вернулись въ лагерь. Варили и ѣли всю ночь напролетъ: индѣйцы и негры, зная, что въ лагерѣ есть рыба, которая на слѣдующій день можетъ испортиться, торопились ѣсть ее и совсѣмъ забыли думать о снѣ».

Въ свѣжемъ видѣ мясо арапаимы имѣетъ довольно пріятный вкусъ.

* * *

Средства самозащиты, которыя находятся въ распоряженіи рыбъ, очень разнообразны. Нѣкоторыя рыбы противопоставляютъ врагу силу, другія прибѣгаютъ къ хитрости, третьи, наконецъ, пускаютъ въ ходъ вырабатываемый ими ядъ, опасный даже для человѣка.

Изъ ядовитыхъ рыбъ наиболѣе извѣстна петрова рыба, которая, къ несчастью, встрѣчается довольно часто на многихъ нашихъ побережьяхъ. Существуетъ два главныхъ вида этой рыбы: обыкновенная петрова рыба, которая имѣетъ въ длину сорокъ сантиметровъ, и маленькая, длина которой никогда не бываетъ больше двѣнадцати сантиметровъ. Представители обоихъ видовъ обладаютъ очень острыми шипами, которые расположены частью на спинѣ вблизи головы, частью на крышкахъ, покрывающихъ жабры. Когда животное находится въ спокойномъ состояніи, шипы прилегаютъ къ тѣлу; но при малѣйшемъ раздраженіи, они выпрямляются, принимая угрожающій видъ.

Весьма непріятная особенность этихъ рыбъ состоитъ въ томъ, что онѣ имѣютъ привычку лежать въ пескѣ подъ камнями, высовывая вверхъ лишь голову. Если человѣкъ, купаясь въ морѣ, нечаянно задѣнетъ ее ногою, то шипы тотчасъ же ощетиниваются и впиваются въ тѣло. Каждый шипъ сообщается съ ядовитой железкой, выдѣленія которой проникаютъ въ рану.

Ядовитыя свойства петровыхъ рыбъ извѣстны уже давно; объ этихъ свойствахъ упоминаютъ въ своихъ сочиненіяхъ Эліанъ, Оппіанъ и Плиній.

«Петрова рыба,—говоритъ Белонъ, писатель XVI в.:—вооружена крѣпкими колючками, такими ядовитыми, что рука, подвергшаяся ихъ уколу, можетъ быть навсегда потеряна, если во-время не принять предохранительныхъ мѣръ: она распухаетъ и воспаляется вся цѣликомъ, хотя первоначальная рана очень незначи-

тельна. Среди моряковъ держится повѣрье, что въ ранѣ появляются маленькія рыбки; болѣе ста человѣкъ передавали мнѣ, что они видѣли ихъ собственными глазами. По мнѣнію прибрежныхъ жителей, лучшее средство къ заживленію раны— это исколоть пораженное мѣсто той же колючкой, которая причинила заболѣваніе»

Вотъ что сообщаетъ о жизни этой рыбы натуралистъ нашего времени Ласепедъ:

«Любимѣйшее мѣстопребываніе петровой рыбы—это морской песокъ, въ который она старается зарыться какъ можно глубже. Если ее вытащить оттуда и затѣмъ отпустить на свободу, она немедленно возвращается въ свое убѣжище. Сидя во влажномъ пескѣ, эта рыба въ полной мѣрѣ сохраняетъ свою способность къ самозащитѣ и нападенію, пуская въ ходъ свои шипы, въ особенности тѣ, которые лежатъ на первомъ спинномъ плавникѣ, и дѣлаетъ это не только въ тѣхъ случаяхъ, когда защищается отъ нападенія людей и крупныхъ рыбъ; но и пользуется своимъ опаснымъ оружіемъ также для добыванія пищи. Не довольствуясь мелкими ракушками и моллюсками, она смѣло нападаетъ на рыбъ почти такой же величины, какъ она сама.

«Рыбаки, занимающіеся ловлей петровыхъ рыбъ, принимаютъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы избѣжать прикосновенія къ остріямъ животнаго, въ особенности къ шипамъ его перваго спинного плавника, изъ опасенія получить довольно сильныя пораненія.

«Поймавъ петрову рыбу, рыбаки прежде всего стараются сломать или перепилить ея шипы; однако, нерѣдко случается, что, несмотря на принятыя мѣры, пораненіе все-таки происходитъ; на пораженномъ мѣстѣ появляется опухоль, сопровождаемая жгучей болью, а иногда и сильной лихорадкой. Боль длится обыкновенно 12 часовъ, и такъ какъ столько именно времени проходитъ между двумя морскими приливами, то на этомъ основаніи прибрежные жители и говорятъ, что болѣзненныя явленія, вызванныя уколомъ петровой рыбы, находятся въ связи съ приливами и отливами, играющими такую важную роль въ ихъ жизни.

«Рыбаки, живущіе по побережьямъ океана и Средиземнаго моря, не имѣютъ въ своемъ распоряженіи много средствъ для того, чтобы парализовать дѣйствіе яда, вырабатываемаго шипами петровой рыбы; почти всѣ эти средства принадлежатъ къ числу такъ-называемыхъ народныхъ, употреблявшихся еще встарину. Такъ, прикладываютъ къ больному мѣсту свѣжую печень или мозгъ петровой рыбы, или смачиваютъ рану, предварительно чисто обмытую, декоктомъ мастиковаго дерева или отваромъ болотнаго тростника. Жители сѣверныхъ побережій пользуются пескомъ, какъ лѣчебнымъ средствомъ: опухоль обкладываютъ влажнымъ пескомъ, затѣмъ тщательно дѣлаютъ перевязку, обращая главное вниманіе на то, чтобы внѣшній воздухъ не приходилъ въ соприкосновеніе съ пораненнымъ мѣстомъ».

Относительно той же рыбы Эмиль Моро разсказываетъ слѣдующее:

«Я зналъ одного художника, который, въ 1874 г., отправившись на рыбную ловлю въ Велѣ (департаментъ Нижней Сены), былъ раненъ петровой рыбой: одинъ изъ

ея шиповъ поцарапалъ ему большой палецъ. Очень скоро стала ощущаться острая боль во всей рукѣ: кисть и предплечье сильно распухли, но спустя 24 часа опухоль исчезла, а съ нею прекратилась и боль».

Ядъ петровой рыбы, взятый изъ ея живого тѣла, представляетъ собою голубоватую жидкость, которая послѣ смерти рыбы густѣетъ и пріобрѣтаетъ опаловый цвѣтъ. Эта жидкость свертывается подъ вліяніемъ высокой температуры, крѣпкихъ кислотъ и ѣдкихъ щелочей. Физіологическое дѣйствіе ея на организмъ было изучено Шмидтомъ, затѣмъ Грессеномъ. Капля ядовитаго вещества, вырабатываемаго петровой рыбой, быстро убиваетъ мышей, мелкихъ рыбъ; не такъ скоро наступаетъ смерть отъ него у лягушекъ. У животныхъ, которымъ былъ впрыснутъ этотъ ядъ, сначала сильно сокращается мускулатура, затѣмъ наступаетъ параличъ, причемъ замѣтно падаетъ температура. Случаи пораненія, произведеннаго шипами петровой рыбы, наблюдались очень часто. Боль вначалѣ всегда бываетъ нестерпимая, но все дѣло обыкновенно ограничивается мѣстнымъ воспаленіемъ да опухолью; но эти болѣзненныя явленія вскорѣ исчезаютъ.

Амбруазъ Паре разсказываетъ объ одномъ случаѣ, имѣвшемъ смертельный исходъ:—у женщины, исцарапанной петровой рыбой, омертвѣла рука,—и послѣдствіемъ этого омертвѣнія была смерть. Но этотъ случай совершенно исключительный (Р. Бланшаръ).

Петровы рыбы питаются моллюсками-кальмарами и мелкой рыбешкой. Въ іюнѣ онѣ приплываютъ къ берегу, чтобы метать икру. Ихъ ловятъ вершами или сѣтями.

* * *

Шипохвостъ—это рыба, принадлежащая къ семейству скатовъ, отъ обыкновеннаго вида которыхъ она отличается тѣмъ, что боковые плавники соединяются у нея подъ передней частью головы. Заостренный хвостъ, имѣющій форму плети, снабженъ двумя зубчатыми шипами, расположенными вблизи его основанія; уколъ, произведенный этими шипами, очень опасенъ.

Вотъ что разсказываетъ объ этомъ животномъ очевидецъ-натуралистъ Шомбуркъ:

«Среди множества рыбъ, встрѣчающихся въ Такуту, очень видное мѣсто по отличному качеству своего мяса занимаетъ шипохвостъ. Шипохвостъ, тѣло котораго плоско, какъ тарелка, имѣетъ обыкновеніе глубоко зарываться въ песокъ или илъ, оставляя свободными только глаза; онъ такъ ловко прячется, что даже въ самой прозрачной водѣ его нельзя разглядѣть.

«Но если кто-нибудь нечаянно наступитъ ногою на него, то коварная рыба тотчасъ направляетъ на нарушителя своего покоя свои страшные шипы, уколъ которыхъ вызываетъ жестокія конвульсіи, имѣющія иногда смертельный исходъ.

«Наши индѣйцы, зная, насколько опасенъ шипохвостъ, всегда изслѣдовали дно шестами или веслами въ тѣхъ случаяхъ, когда лодка натыкалась случайно на мель, и входили въ воду только тогда, когда убѣждались, что въ данномъ

мѣстѣ шипохвостовъ нѣтъ. Однако, несмотря на эти предосторожности, одинъ изъ нашихъ лодочниковъ, старый индѣецъ, нечаянно набрелъ на коварную рыбу, притаившуюся въ пескѣ, и тотчасъ почувствовалъ въ нижней части ноги два укола. Раненый зашатался и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упалъ на песчаную отмель; прошло нѣсколько минутъ, и несчастный сталъ биться въ сильнѣйшихъ судорогахъ, катался по песку, кусая себѣ губы отъ нестерпимой боли; несмотря на жестокія страданія, которыя онъ испытывалъ, лодочникъ не издалъ ни единаго звука, не проронилъ ни одной слезинки. Вдругъ раздался неподалеку чей-то пронзительный крикъ: другой лодочникъ, совсѣмъ еще юноша, также имѣлъ неосторожность наступить на шипохвоста, который, какъ оказалось, укололъ его въ ступню; не имѣя той силы воли, какой обладалъ его старшій товарищъ, чтобы молча переносить мучительную боль, онъ кричалъ, что было мочи; упавъ на землю, юноша зарылся головою въ песокъ и сталъ скрежетать зубами. Тѣло его сводила судорога, да такая сильная, которую мнѣ не приходилось наблюдать при самыхъ сильныхъ эпилептическихъ припадкахъ.

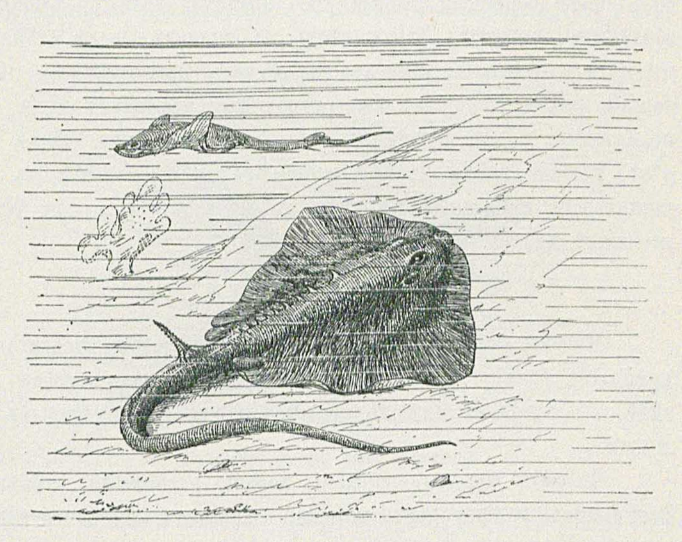


Рис. 88. Шипохвостъ.

Хотя оба индѣйца были ранены въ ногу, однако, самую острую боль они ощущали въ бедрахъ, въ области сердца и плечъ. Старикъ бился въ сильныхъ конвульсіяхъ, но корчи молодого были такъ ужасны, что мы стали опасаться за его жизнь. Чтобы облегчить нестерпимыя страданія бѣдныхъ лодочниковъ, мы обмыли и перевязали ихъ раны и стали прикладывать къ пораженнымъ мѣстамъ припарки изъ такъ-называемаго «кассавскаго хлѣба»

«Описанные выше симптомы имѣютъ много сходства съ тѣми, которые наблюдаются при укушеніи змѣи. Одинъ работникъ, очень крѣпкаго тѣлосложенія, незадолго до нашего отъѣзда изъ Бемерары, былъ раненъ шипохвостомъ, и спустя нѣкоторое время умеръ въ страшныхъ судорогахъ.

«Древнимъ хорошо были извѣстны ядовитыя свойства шипохвоста. Рондле говоритъ, что шипы этой рыбы опаснѣе, чѣмъ пропитанныя ядомъ персидскія стрѣлы, что они сохраняютъ свою разрушительную силу много времени послѣ смерти животнаго, причиняя вредъ не только животнымъ, но и растеніямъ,—деревьямъ и травамъ, которыя засыхаютъ и умираютъ отъ одного прикосновенія къ

этимъ смертоноснымъ остріямъ. Цирцея дала Телегону нѣсколько шипохвостовъ, чтобы онъ пользовался ими, какъ орудіемъ противъ своихъ враговъ; раньше всѣхъ, однако, пострадалъ родной отецъ Телегона: онъ умеръ по неосторожности своего сына, не знавшаго, какое страшное оружіе онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ. Эліанъ и Плиній подробно описываютъ шипохвоста. Эти писатели говорятъ, что лучшимъ противоядіемъ при уколахъ шипохвоста является самъ шипохвостъ; эту рыбу нужно сжечь на огнѣ, а пепелъ смѣшать съ уксусомъ и приложить къ ранѣ; тогда боль быстро утихаетъ. Такое же дѣйствіе оказываетъ тѣло свѣже-распоротаго шипохвоста, наложенное на рану. Хорошимъ продивоядіемъ считается также козій или овечій сычугъ, употребляющійся для сывороточной закваски».

Въ Европѣ встрѣчается видъ шипохвоста, который водится въ песчаномъ днѣ вблизи береговой полосы. Онъ питается мелкими рыбами, моллюсками, ракообразными, которыхъ отыскиваетъ на отмеляхъ послѣ отлива. Когда дѣлаютъ попытку его схватить, шипохвостъ тотчасъ приводитъ въ движеніе свой длинный тонкій хвостъ, которымъ быстро обвивается вокругъ руки, такъ что шипы, расположенные у его основанія, впиваются въ кожу, дѣлая въ ней широкій разрѣзъ. Рыбаки всѣми мѣрами избѣгаютъ прикосновеній къ этой рыбѣ; если же шипохвостъ попадается въ сѣти, то прежде всего, ради безопасности, отрѣзаютъ ядовитый хвостъ.

* * *

Мурены также очень ядовиты. Эти рыбы, достигающія иногда довольно крупныхъ размѣровъ, по своей формѣ напоминаютъ собою угрей, т. е. похожи на змѣй, съ которыми имѣютъ сходство также по нѣкоторымъ привычкамъ и образу жизни.

Челюсти мурены снабжены хорошо развитыми зубами, сообщающимися съ маленькимъ резервуаромъ, который содержитъ приблизительно одинъ кубическій сантиметръ ядовитой жидкости.

Мурена принадлежитъ къ числу прожорливыхъ плотоядныхъ рыбъ; она смѣло нападаетъ на большихъ рыбъ и крупныхъ ракообразныхъ. Вездѣ на островахъ Тихаго океана, у береговъ которыхъ она преимущественно водится, туземцы сильно боятся ея.

Греческая мурена живетъ въ Средиземномъ морѣ; ее часто ловятъ у береговъ Франціи. Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ Бремъ относительно ея.

«Мурена живетъ на днѣ глубокихъ водъ; она встрѣчается иногда въ прѣсныхъ водахъ вблизи Средиземнаго моря. Весною эта рыба приплываетъ къ берегамъ, чтобы метать икру. Питается она рыбами, ракообразными, моллюсками и въ особенности каракатицами».

Древнимъ мурена была хорошо извѣстна. Плиній разсказываетъ, что рана, нанесенная этой рыбой, очень опасна; что лучшимъ лѣчебнымъ средствомъ при подобныхъ пораненіяхъ является пепелъ сожженныхъ волосъ; что мурена часто выходитъ на берегъ. Плиній повѣствуетъ далѣе, что жизненная сила этой рыбы

находится въ хвостѣ,—поэтому, если сломать или отрубить муренѣ хвостъ, она быстро околѣваетъ. По сообщенію того же автора, мурены встрѣчаются зимою очень рѣдко.

Мясо мурены очень жирное, правда, отличается, однако, весьма пріятнымъ вкусомъ и въ общемъ считается весьма лакомымъ блюдомъ. Древніе римляне очень любили эту рыбу; для разведенія ея они, не стѣсняясь значительными затратами, устраивали большіе садки въ морѣ. Какъ сообщаетъ Плиній, первый римлянинъ, которому пришла въ голову мысль разводить такимъ образомъ мурену, былъ Гирій; въ своихъ обширныхъ морскихъ акваріумахъ онъ содержалъ такое множество этихъ рыбъ, что во время тріумфальныхъ торжествъ, устроенныхъ въ честь Цезаря, его друга, онъ могъ предложить приглашеннымъ на торжество гостямъ шесть тысячъ отборныхъ муренъ.

Было время, когда римляне чрезвычайно увлекались разведеніемъ этой рыбы. Извѣстно, что Кассій такъ приручилъ своихъ муренъ, что онѣ выходили на его зовъ. Кассій, разсказываетъ Плиній, имѣлъ въ своемъ акваріумѣ одну большую и красивую мурену, которую очень любилъ; въ знакъ своего особаго расположенія къ ней, онъ велѣлъ надѣть на нее золотыя украшенія. Мурена узнавала голосъ своего хозяина и брала пищу изъ его рукъ. Смерть этой рыбы сильно опечалила Кассія; онъ долго оплакивалъ ее и устроилъ ей великолѣпныя похороны.

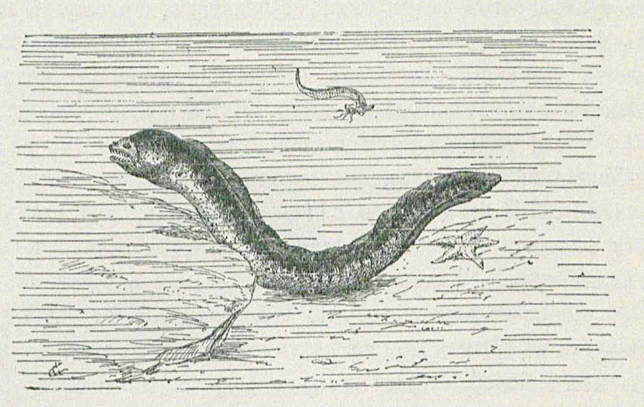


Рис. 89. Угорь вида Muraena.

Ведій Полліонъ, замѣтивъ, что мурены выказываютъ особое расположеніе къ человѣческому мясу, приказалъ однажды умертвить нѣсколько своихъ рабовъ, чтобы накормить ими своихъ любимыхъ рыбъ.

Бодріяръ сообщаетъ, что съ наступленіемъ холодовъ мурены прячутся въ расщелинахъ скалъ; поэтому, ихъ ловятъ только въ извѣстное время года. Мурены водятся большею частью въ широкихъ трещинахъ обрывистыхъ скалъ, и чтобы добраться до нихъ, рыбаки либо дѣлаютъ въ скалѣ выемку, либо наливаютъ вблизи нея немного крови: почуявъ запахъ крови, мурена скоро просовываетъ голову изъ своего убѣжища. Если ей бросить теперь удочку, на которую насаженъ крабъ или какая-нибудь рыба, мурена тотчасъ бросается на приманку и тащитъ ее въ свою расщелину. Этимъ моментомъ нужно воспользоваться, чтобы дернуть удочку: если дать муренѣ возможность уйти въ свое убѣжище, гдѣ она цѣпко хватается за скалистые выступы, то добыча ускользнула безвозвратно, потому что мурена, укрѣ-

пившись въ своей позиціи, скорѣе дастъ оторвать себѣ челюсть, чѣмъ позволитъ, чтобы ее вытащили наружу. Пойманную мурену не легко умертвить; чтобы по возможности скорѣе лишить ее жизни, нужно отрѣзать ей кончикъ хвоста.

* * *

Особаго вниманія заслуживаетъ также индѣйская скорпена, — рыба изъ отряда жесткощекихъ. Эта рыба имѣетъ въ длину 40—45 сантиметровъ; живетъ она въ теплыхъ поясахъ Индійскаго и Тихаго океановъ, именно держится вблизи большихъ Зондскихъ острововъ, а также около острововъ св. Маврикія, Согласія, Таити, Молукскихъ, Новой Каледоніи. Острые шипы, расположенные на ея спинѣ, очень ядовиты. Эта рыба водится вблизи береговъ; ея любимое мѣстопребываніе— расщелины скалъ и коралловые рифы; нерѣдко, впрочемъ, она зарывается въ песокъ, покрывающій дно, отъ котораго очень мало отличается по цвѣту, такъ что замѣтить ее весьма трудно. Если человѣкъ, купаясь въ морѣ, по неосторожности наступитъ ногою на ея спинной плавникъ, то острые шипы тотчасъ впиваются въ кожные покровы; подъ вліяніемъ давленія, производимаго тяжестью тѣла, лопается маленькій резервуаръ, содержащій ядовитую жидкость, которая по крохотнымъ каналамъ, расположеннымъ внутри шиповъ, течетъ прямо въ ранку.

Если не произвести давленія на рыбу, то она не въ состояніи причинить никакого вреда. Правда, она можетъ произвольно выпрямлять свои шипы, но ядъ, заключенный въ двадцати шести мѣшечкахъ, при этомъ не выливается наружу. Эти мѣшечки съ ядомъ представляютъ собою, такимъ образомъ, лишь оборонительное оружіе. Индѣйская скорпена—самая опасная изъ всѣхъ ядовитыхъ рыбъ.

Согласно описанію Надо, «уколъ ея причиняетъ острую боль, которая иррадіируетъ въ область грудной клѣтки, вызывая неожиданно тягостное ощущеніе страха. По истеченіи нѣкотораго времени вокругъ маленькой ранки появляется матовобѣлый кружокъ, который скоро начинаетъ чернѣть. Кожа, лежащая подъ этимъ кружкомъ мертвѣетъ, превращаясь въ струпъ, шириною въ двѣнадцать—пятнадцать миллиметровъ. Окружающія ткани подвергаются обыкновенно слабому воспаленію, которое очень часто сопровождается опухолью клѣтчатки. Наблюдались также случаи легкаго обморока тотчасъ послѣ нанесенія укола, равно какъ рвоты, продолжавшіеся 1—2 часа. Обыкновенно по прошествіи часа боль начинаетъ уменьшаться, и отъ нея вскорѣ ничего не остается, кромѣ легкой мигрени и общей слабости».

Уколъ индѣйской скорпены только въ очень рѣдкихъ случаяхъ бываетъ смертеленъ.

Обыкновенныя скорпены или морскіе скорпіоны, въ особенности скорпены-боровы, изъ которыхъ дѣлаютъ излюбленную на югѣ Франціи булья-бессу, также, какъ кажется, обладаютъ ядовитыми шипами.

* * *

Всѣ животныя, о которыхъ мы теперь говорили, живутъ въ морѣ; въ прѣсныхъ водахъ опасныя рыбы встрѣчаются гораздо рѣже. Среди этихъ послѣднихъ на первомъ планѣ нужно поставить сома (см. рис. 90), который опасенъ

не потому, что ядовитъ, а потому, что, какъ кажется, питаетъ слабость къ человѣческому мясу. Отличительные признаки этой рыбы: широкая тупая сплющенная голова, крѣпкіе зубы, голая или же покрытая костяными пластинками кожа. Сомъ—самая крупная рѣчная рыба въ Европѣ; длина его доходитъ до трехъ метровъ, а вѣсъ равняется 12—15 пуд. Въ большомъ количествѣ эта рыба водится по нижнему теченію Дуная, затѣмъ она встрѣчается въ различныхъ озерахъ и рѣкахъ центральной и восточной Европы.

«Сомъ,—говоритъ Бремъ:—рыба тяжеловѣсная, инертная; движенія ея медлены и лѣнивы. Она любитъ тинистыя мѣста, и по временамъ глубоко зарывается въ илъ, покрывающій дно рѣки, по преимуществу мѣста, расположенныя подъ корнями деревьевъ или подъ утесами.

«Сомъ чрезвычайно прожорливъ. Онъ глотаетъ безъ разбора рыбъ, лягушекъ и даже водяныхъ птицъ. Какъ передаетъ Геснеръ, въ желудкѣ этой ненасытной рыбы нашли однажды человѣческую голову и руку, съ золотыми кольцами на пальцахъ. Сомъ ѣстъ все, что можетъ схватить; его жертвами часто дѣлаются гуси, утки; онъ набрасывается иногда на мелкій рогатый скотъ, приведенный на водопой; прежде чѣмъ отправить въ пасть свою жертву, сомъ ее предварительно топитъ въ водѣ».

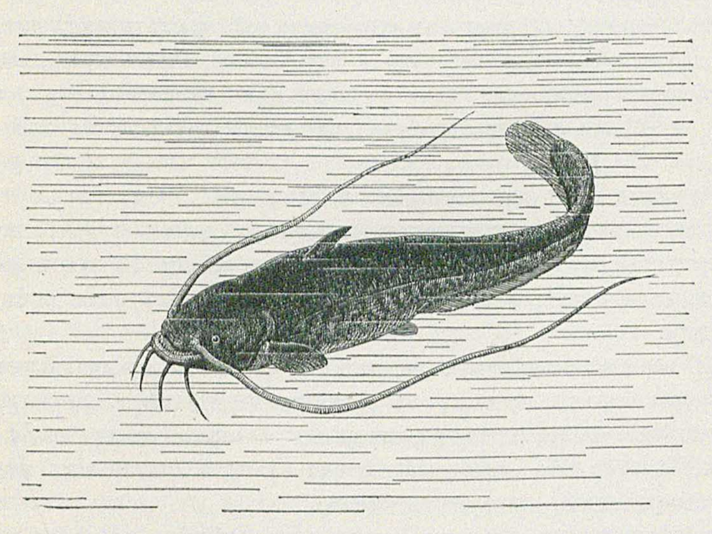


Рис. 90. **Сомъ.**

Эти сообщенія кажутся съ перваго взгляда преувеличенными, но имъ приходится вѣрить, потому что они подтверждаются наблюденіями, которыя были сдѣланы разными лицами.

Утверждаютъ,—какъ говоритъ Валансьенъ:—что сомъ не щадитъ даже человѣка. 3-го іюля 1700 года какой-то нѣмецкій крестьянинъ поймалъ вблизи Торна одного сома, въ желудкѣ котораго былъ найденъ ребенокъ. Въ Венгріи ходитъ много разсказовъ про молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей, которыя, отправившись по воду, были схвачены сомомъ. Говорятъ, что въ сѣти бѣднаго рыбака попался однажды сомъ, имѣвшій въ своихъ внутренностяхъ тѣло женщины, ея кошелекъ, наполненный золотомъ, и много колецъ. Геккель и Кнеръ съ своей стороны сообщаютъ, что въ желудкѣ одного сома, пойманнаго въ Пресбургѣ, нашли останки мальчика, у другого—пуделя, у третьяго — гуся, котораго сомъ утопилъ, прежде чѣмъ проглотить.

По словамъ упомянутыхъ выше ихтiологовъ, рыбаки, живущiе по берегамъ Дуная и его притоковъ, очень боятся сомовъ. Гмелинъ говоритъ, что во время половодья сомъ подплываетъ къ торчащимъ изъ воды деревцамъ, на которыхъ искали спасенiя наземныя животныя; ударяя хвостомъ о стволъ, онъ такъ сильно раскачиваетъ деревцо, что сидящiя на немъ животныя не могутъ сохранить равновѣсiе, падаютъ въ воду и, тотчасъ, дѣлаются жертвами страшнаго хищника.

Самка сома мечетъ около 17.000 яичекъ; къ счастью, изъ нихъ далеко не всѣ достигаютъ полнаго развитiя. Интересно, что всѣ заботы и попеченiя о благоденствiи потомства беретъ на себя не самка, а самецъ.

* * *

Самыя опасныя изъ всѣхъ рыбъ—это, конечно, акулы, которыя вошли въ пословицу своей ненасытной жадностью. Въ теплыхъ моряхъ онѣ являются истиннымъ бичемъ людей: никто изъ туземцевъ не осмѣливается купаться на берегу, изъ опасенiя сдѣлаться добычей акулы.

Акулы имѣютъ привычку слѣдовать за кораблями: онѣ проглатываютъ все, что ни падаетъ съ борта, какъ съѣдобное, такъ и несъѣдобное. Горе матросу, который, зазѣвавшись по неосторожности, упалъ въ море! Какъ бы хорошо онъ ни умѣлъ плавать, его неизбѣжно настигнетъ акула, растерзаетъ и съѣстъ въ мгновенiе ока.

У Ласепеда находимъ очень живое описанiе жизни акулъ.

Съ особымъ усердiемъ акулы охотятся за самыми крупными животными; благодаря своему превосходному обонянiю, онѣ на большомъ разстоянiи чуютъ запахъ мертвечины, и никогда не упускаютъ случая полакомиться трупами рыбъ, четвероногихъ и людей.

Акулы, напр., неотступно слѣдуютъ за такъ-называемыми невольничьими судами. Позорный торгъ людьми, несмотря на принятыя строгiя мѣры, несмотря на протесты и крики негодованiя всего цивилизованнаго мiра, все же продолжаетъ существовать. Отъ береговъ несчастной Африки ежегодно отчаливаетъ нѣсколько кораблей, наполненныхъ «живымъ товаромъ».

Достойные товарищи жестокосердныхъ людей, поставляющихъ рабовладѣльцамъ партiи «чернаго мяса», акулы ни на шагъ не удаляются отъ ихъ страшныхъ судовъ, слѣдуя за ними вплоть до того момента, когда они начинаютъ входить въ гавани американскихъ поселенiй. Акулы, плавая вблизи невольничьяго судна, то и дѣло появляются на поверхности воды съ широко раскрытой пастью, ожидая лакомую добычу—именно трупы негровъ, которые не могли вынести бремя неволи или тягости длиннаго морского пути. Бывали случаи, что эти черные трупы, хотя и привязанные къ реямъ на высотѣ трехъ саженъ, все же попадали въ желудокъ акулъ: прожорливыя рыбы, завидѣвъ лакомую добычу, прыгали изъ воды по направленiю къ ней, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, схватывая несчастные останки, тотчасъ разрывали ихъ на части.

Какъ велика должна быть мощь хвостовыхъ мышцъ и всей задней части тѣла, чтобы такая грузная тяжеловѣсная рыба, какъ акула, могла стрѣлою

подняться на воздухъ на такую значительную высоту? Нужно ли теперь удивляться другимъ фактамъ, иллюстрирующимъ прожорливость акулъ? Человѣкъ, упавшій въ море въ томъ мѣстѣ, которое кишитъ этими ужасными хищниками, въ огромномъ большинствѣ случаевъ погибаетъ страшной смертью. Напрасно пытается онъ спастись вплавь: акула мигомъ нагоняетъ его и увлекаетъ въ бездну. Если даже ему удается ухватиться за брошенную съ корабля спасательную веревку, то въ тотъ моментъ, когда общими усиліями его подняли уже надъ поверхностью воды, акула преслѣдовавшая его, съ быстротой молніи кидается вверхъ, переворачивается въ воздухѣ съ необыкновенной стремительностью, и несмотря на то, что пасть ея находится ниже морды, хватаетъ несчастнаго, который считалъ себя уже спасеннымъ, рветъ его на части и пожираетъ его на глазахъ пораженныхъ ужасомъ товарищей.

Бывали, однако, случаи, когда моряки, свалившіеся за бортъ, спасались отъ гибели, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что пасть акулы находится въ нижней части головы: благодаря такому устройству, акула принуждена переворачиваться всякій разъ, когда она хочетъ схватить предметъ, который не лежитъ внизу, а находится надъ нею.

Акулы иногда вступаютъ въ ожесточенный бой другъ съ другомъ (было бы удивительно, если бы эти свирѣпыя рыбы жили въ ладу между собою!). Съ налитыми кровью глазами, онѣ яростно кидаются въ свалку и наносятъ другъ другу страшные удары, гулъ которыхъ разносится на далекое разстояніе вокругъ.

Объ акулахъ написано и разсказано очень много интереснаго. Извѣстный путешественникъ Геллинъ, описываетъ слѣдующій случай:

«Лоцманъ нашего парохода, Рашидъ, отправился на поиски за птицей, которая была подстрѣлена и упала въ море. На обратномъ пути, лоцманъ, сидя въ баркѣ, замѣтилъ, что за нимъ неотступно слѣдуетъ акула. Рашидъ, испуганный на-смерть, жестомъ указалъ мнѣ на чудовище, плывшее за баркой. Вотъ показалась вторая акула, за ней третья... Мы единогласно рѣшили, какъ можно скорѣе избавиться отъ этихъ «морскихъ гіенъ». Къ желѣзной цѣпи прикрѣпили крюкъ, длиною въ тридцать сантиметровъ, а на этотъ крюкъ насадили приманку, въ видѣ большой копченой рыбы. Не успѣли опустить ее на полъ-сажени въ воду, какъ самая маленькая изъ акулъ быстро подплыла и сильно клюнула. Матросъ, державшій въ рукахъ кабель, дернулъ раньше, чѣмъ слѣдовало, и акула, выпустивъ приманку, упала въ море. Но этотъ опытъ не послужилъ ей на пользу: она еще съ бóльшей энергіей бросилась на предложенную ей добычу, и на этотъ разъ попалась на удочку. Наматывая кабель вокругъ лебедки, стали вытаскивать акулу изъ воды; вскорѣ она очутилась на палубѣ, гдѣ её встрѣтили ударами топоровъ и гарпуновъ.

«Снова спустили въ воду приманку; не прошло и пяти минутъ, какъ была поймана вторая акула. Третья, самая большая, исчезла куда-то; мы были, однако, увѣрены, что чудовище насъ не оставило. Въ самомъ дѣлѣ, спустя нѣкоторое время оно появилось на поверхности воды на небольшомъ разстояніи отъ корабля; но тщетно предлагали мы ему большой кусокъ жирной баранины: гигантъ

равнодушно плылъ около насъ, и, повидимому, не обращалъ никакого вниманія на аппетитную приманку.

«Однако, когда крюкъ съ насаженной бараниной былъ спущенъ на нѣсколько саженъ глубже въ воду, акула не могла совладать со своей жадностью—искушеніе было слишкомъ велико. Приблизившись къ роковому куску, она сильно клюнула и попалась. Однако, вытащить акулу живьемъ на палубу мы не осмѣлились; она, дѣйствительно, была очень страшна на видъ; поэтому, рѣшено было убить её сначала, а потомъ уже притянуть на бортъ. Когда акула, вытащенная на канатѣ изъ воды, балансировала въ воздухѣ, въ нее были сдѣланы два выстрѣла въ голову. Чтобы добить, ей нанесли нѣсколько ударовъ ломомъ и тогда только водворили на палубѣ. Чудовище имѣло въ длину $1^1/_2$ саж.; вѣсъ его, по заключенію матросовъ, долженъ былъ составить не менѣе 12 пудовъ.

«Несмотря на тяжкія раны, пойманныя рыбы были еще живы и такъ сильно бились, что весь корпусъ корабля вздрагивалъ. Чтобы прекратить агонію, матросы влили имъ въ пасть нѣсколько кружекъ прѣсной воды; по мнѣнію моряковъ, прѣсная вода—сильнѣйшій ядъ для акулъ, убивающій ихъ очень быстро. Однако, матросы все-таки сочли нужнымъ взяться за ломы и топоры, которыми стали разбивать черепа трепетавшихъ акулъ, что, конечно, и повлекло за собою смерть ихъ. Затѣмъ занялись потрошеніемъ добычи. Печень, которая имѣла въ длину почти цѣлый метръ, завернули въ ея желудокъ и припрятали: нѣтъ матеріала, который былъ бы болѣе пригоденъ для законопачиванія барокъ, какъ эти органы акулы. Затѣмъ, отрѣзали всѣ плавники—грудные, спинные и хвостовые, чтобы впослѣдствіи продать ихъ въ Массовѣ, откуда они потомъ транспортируются въ Индію. Изъ этихъ плавниковъ тамъ изготовляютъ родъ кожи, которая употребляется для оттачиванія и полировки металлическихъ предметовъ. Послѣ того, какъ всѣ цѣнныя части были вырѣзаны, трупы акулъ выбросили въ море—мясо ихъ, жесткое и безвкусное, въ пищу не годится».

Акулы прекрасно плаваютъ; органы чувствъ развиты у нихъ превосходно.

*
* *

Къ числу рыбъ, могущихъ при случаѣ быть опасными, принадлежитъ прежде всего рыба-мечъ или меченосъ; на головѣ у этой рыбы находится придатокъ, имѣющій видъ заостренной шпаги, которою она пользуется иногда для того, чтобы поранить неосторожнаго купальщика или же пробить насквозь тонкобортную лодку. Въ килевой части судовъ нерѣдко находятъ обломки этого рыбьяго клюва. Мясо меченоса отличается пріятнымъ вкусомъ; эта рыба ловится у береговъ южной Европы, но далеко не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ въ древности.

«Древніе греки,—говоритъ Менье:—отправляясь на ловлю меченосовъ, пользовались особыми лодками, которыя были такъ устроены, что своимъ видомъ походили на этихъ рыбъ. Эти лодки снабжались спереди длиннымъ остріемъ и окрашивались въ такіе цвѣта, которые свойственны меченосамъ. Эти послѣдніе, не подозрѣвая никакой опасности, спокойно приближались къ лодкамъ, принимая

ихъ, по всей вѣроятности, за своихъ товарищей. Рыбаки, улучивъ удобный моментъ, вонзали въ нихъ дротики и копья. Меченосы, застигнутые такимъ образомъ врасплохъ, не сдавались, однако, тотчасъ, и вступали въ ожесточенный бой со своими преслѣдователями; иногда имъ удавалось мощными ударами своей острой шпаги нанести столько поврежденій лодкамъ, что положеніе этихъ послѣднихъ становилось весьма опаснымъ. Рыбаки, въ свою очередь, не дремали: держа наготовѣ сѣкиры и ножи, они старались разсѣчь голову аттакующаго животнаго и отрѣзать его верхнюю челюсть. Убитаго меченоса привязывали къ лодкѣ и доставляли на берегъ». Оппіанъ говоритъ, что обманывая рыбу формой лодокъ, люди пускаются на военную хитрость, безъ которой, можетъ-быть, охота была бы безуспѣшна.

Эта хитрость примѣнялась на дѣлѣ также римлянами. Охота за меченосами въ древности производилась въ обширныхъ размѣрахъ у береговъ Торренскаго моря, а также у побережья южной Галліи. Меченосовъ иногда находятъ въ сѣткахъ, такъ-называемыхъ заколахъ, куда они попадаютъ случайно, увлекшись преслѣдованіемъ тунцовъ и другихъ рыбъ изъ семейства макрелей.

«Хотя рыба-мечъ могла бы легко порвать сѣти, но она этого не дѣлаетъ, говоритъ Оппіанъ:—изъ опасенія попасться въ ловушку. Эта осторожность въ концѣ-концовъ губитъ рыбу, которая попадаетъ въ огороженное мѣсто, занятое рыбачьими лодками; рыбаки соединенными усиліями гонятъ меченоса къ берегу, гдѣ онъ находитъ вѣрную смерть».

Однако, не всегда дѣло принимаетъ такой оборотъ, какъ описываетъ Оппіанъ. Нерѣдко случается, что меченосъ разрываетъ сѣти и такимъ образомъ не только самъ вырывается на волю, но и даетъ свободу другимъ рыбамъ, попавшимъ туда.

Въ настоящее время меченосовъ ловятъ главнымъ образомъ въ Мессинскомъ проливѣ; для ловли крупныхъ экземпляровъ употребляются пики, для малыхъ—сѣти. Эти сѣти длиною въ тридцать метровъ, и шириною—въ три, сдѣланы изъ крѣпкихъ нитокъ, имѣютъ частыя петли, и называются *палимадары*. Ловля начинается въ среднихъ числахъ апрѣля и продолжается до конца іюня вдоль калабрійскаго побережья; послѣ этого она производится на противоположной сторонѣ пролива, именно вдоль береговъ Сициліи, и заканчивается въ срединѣ сентября. Что заставляетъ меченосовъ перекочевывать изъ Калабріи въ Сицилію? Странствуютъ ли у обоихъ побережій рыбы одного и того же вида? Спалланцани, у котораго мы заимствуемъ помѣщаемыя ниже подробности, ставитъ эти вопросы, но не пытается даже рѣшить ихъ: они, поэтому, остаются открытыми... Достовѣрно извѣстно только то, что рыба-мечъ появляется у береговъ Сициліи только въ періодъ метанія икры: самцы неотступно слѣдуютъ тогда за самками. Это очень благопріятный моментъ для охоты: если самки убиты, то самцы не скрываются, а остаются на своихъ мѣстахъ, такъ что приблизиться къ нимъ очень легко.

Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что эти рыбы уходятъ далеко въ море, добираясь до Генуэзскаго залива. Ихъ ежегодно ловятъ въ то время, когда они переплываютъ Мессинскій проливъ, именно съ ноября до марта; въ эту пору попадаются рыбы вѣсомъ отъ 1/2 ф. до 12 ф.

Посредствомъ палимадары ловятъ только молодь. Сѣть, прикрѣпленная къ двумъ баркамъ съ большими латинскими парусами, спускается до самаго дна моря. Барки идутъ полнымъ ходомъ. Своими мелкими петлями сѣть забираетъ все, что попадается на пути. Знаменитый итальянскій натуралистъ, имя котораго мы выше упомянули, справедливо возмущается этимъ варварскимъ способомъ ловли.

«Я нѣсколько разъ выѣзжалъ съ рыбаками на ловлю,—пишетъ Спалланцани:—и не могу даже приблизительно сказать, какое множество молоди гибнетъ напрасно въ рыбачьихъ сѣтяхъ.

«Захваченныя въ сѣти молодыя рыбки выбрасываются обратно въ море, но въ какомъ видѣ! Многія изъ нихъ изуродованы, изувѣчены, вслѣдствіе сильнаго тренія, которому они подвергались въ петляхъ сѣти; не мало также задавленныхъ на-смерть.

«Я писалъ противъ этой хищнической системы, и наглядно показалъ, какія дурныя послѣдствія она неизбѣжно влечетъ за собою. Мнѣ отвѣтили, что въ Генуѣ давно существуетъ законъ, регулирующій ловлю и ограничивающій аппетиты рыбопромышленниковъ; но этотъ законъ, къ сожалѣнію, остается только на бумагѣ. Ежегодно изъ залива Специія отправляются три-четыре пары парусныхъ фелюгъ, которыя, очутившись на открытомъ морѣ, тотчасъ принимаются за запрещенную ловлю. Мало того, мѣстная администрація, которая должна была бы слѣдить за точнымъ исполненіемъ закона, первая поощряетъ нарушеніе его, такъ какъ взимаетъ съ нарушителей довольно значительную мзду»

Ловля рыбъ посредствомъ копій или гарпуновъ болѣе гуманна, и кромѣ того, болѣе интересна. Въ море выходятъ промысловыя барки, имѣющія въ длину шесть метровъ, въ ширину—шесть метровъ и шестьдесятъ сантим., и въ вышину—метръ, тридцать три сантим.; кормовая часть шире носовой. Впереди барки воздвигается мачта, высотой въ пять метровъ, шестьдесятъ шесть сантим., на которой укрѣпленъ круглый помостъ, куда подымаются по ступенькамъ. На этомъ помостѣ или платформѣ стоитъ часовой, слѣдящій за всѣми движеніями меченосовъ, и если рыбы обнаруживаютъ стремленіе перемѣнить направленіе, тотчасъ даетъ объ этомъ знать гребцамъ движеніемъ руки или голосомъ. Къ мачтѣ, вблизи ея основанія, прикрѣплена балка, которая пересѣкаетъ подъ прямымъ угломъ барку во всю ея ширину, и своими концами переходитъ черезъ края бортовъ.

У каждаго конца находится весло, которое приводится въ движеніе гребцомъ. Въ извѣстный моментъ вахтенный спускается съ своей площадки, садится на балку, одной рукой беретъ правое весло, другою—лѣвое, и регулируетъ движеніе лодки, исполняя такимъ образомъ обязанность рулевого.

Прочіе гребцы сидятъ частью въ центрѣ барки, частью на кормѣ; послѣдніе имѣютъ маленькія весла. Впереди, на носу, стоитъ человѣкъ съ пикой въ рукахъ; эта пика, имѣющая въ длину четыре метра, сдѣлана изъ твердаго, бѣлаго буковаго дерева, которое гнется съ большимъ трудомъ. Пика снабжена на концѣ желѣзнымъ наконечникомъ, длиною въ восемнадцать сантим., къ нему съ боковъ

примыкаютъ два острія, такъ-называемыя *уши*, которыя сдѣланы изъ того же матеріала, и такъ же остры, какъ наконечникъ, но отличаются отъ него своею подвижностью: отдѣлившись отъ наконечника, онѣ впиваются въ мясо и дѣлаютъ рану болѣе объемистой, болѣе широкой. Самъ наконечникъ, вонзившись въ тѣло животнаго, отрывается отъ древка, къ которому былъ прикрѣпленъ, но не теряетъ связи съ баркой, такъ какъ къ нему привязана длинная веревка, лежащая на носу.

Это не все. Необходимо имѣть еще двухъ часовыхъ на сушѣ. На калабрійскомъ берегу стража устраиваетъ свой постъ среди скалъ и утесовъ; на противоположномъ берегу сооружены особыя вышки, высотою въ двадцать семь метровъ; на этихъ вышкахъ располагаются сторожевые пикеты.

«Охота,—говоритъ Спаланцани:—производится въ слѣдующемъ порядкѣ. Когда часовые, стоящіе на скалахъ или на вышкахъ, усматриваютъ вдали рыбу-мечъ, или же замѣчаютъ, что поверхность воды, подъ которой она плаваетъ, измѣнила свой цвѣтъ, они тотчасъ даютъ сигналъ рыбакамъ. Рыбаки тогда поспѣшно устремляются на своихъ баркахъ къ указанному мѣсту; сигнализація и крикъ со стороны сторожевыхъ постовъ продолжаются до тѣхъ поръ, пока вахтенный, сидящій на верхушкѣ мачты, въ свою очередь не замѣтитъ искомой рыбы.

«Тогда барка начинаетъ крейсировать, и поворачиваясь то вправо, то влѣво, незамѣтно приближается къ животному. Гарпунщикъ, стоящій на носу, пристально глядитъ на него, держа наготовѣ свою пику. Когда барка приблизилась настолько къ рыбѣ, что можно пустить въ ходъ оружіе вахтенный спускается съ мачты, садится на весла, и даетъ движенію барки то или другое направленіе, сообразуясь съ указаніями гарпунщика. Послѣдніе, улучивъ благопріятный моментъ, съ силой бросаетъ пику въ меченоса, часто на разстояніи десяти футовъ. Если ударъ направленъ мѣтко, человѣкъ, нанесшій его, быстро разматываетъ веревку, привязанную къ наконечнику пики для того, чтобы, какъ онъ говоритъ, «дать отдыхъ» раненой. Гребцы дружно берутся за весла и барка стрѣлою летитъ по волнамъ, догоняя рыбу, которая стремительно несется впередъ до тѣхъ поръ, пора не выбьется изъ силъ. Тогда она подымается на поверхность воды и рыбаки крючьями притягиваютъ ее къ баркѣ и волокутъ къ берегу.

«Случается иногда, что раненый меченосъ яростно нападаетъ на барку и однимъ мощнымъ ударомъ своей крѣпкой «шпаги» пробиваетъ ее насквозь. Рыбаки, зная это, принимаютъ свои мѣры, когда начинаютъ тащить его къ баркѣ, въ особенности, если видятъ, что имѣютъ дѣло съ крупнымъ экземпляромъ, обнаруживающимъ еще признаки жизни. Иногда рыбѣ удается уйти отъ своихъ преслѣдователей; это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда либо наконечникъ не проникъ глубоко въ тѣло, либо веревка оборвалась. Если рана была легкая, то рыба скоро поправляется; не мало изловлено такихъ, на тѣлѣ которыхъ находились рубцы—слѣды зажившихъ пораненій. Если же желѣзный наконечникъ глубоко вонзился въ ткани тѣла, то она неизбѣжно гибнетъ и дѣлается добычей либо другихъ рыбъ, либо перваго встрѣчнаго рыбака».

Существуетъ еще много другихъ рыбъ, опасныхъ либо своими ядовитыми

тканями, либо тѣми микроорганизмами, которые быстро развиваются въ ихъ тѣлѣ. Но отъ разсмотрѣнія ихъ мы должны отказаться, такъ какъ пришлось бы слишкомъ распространяться.

* * *

Нѣкоторыя рыбы обладаютъ еще болѣе своеобразнымъ орудіемъ защиты, чѣмъ обитатели водъ, которыхъ мы описали, именно: онѣ вырабатываютъ электричество, которымъ они убиваютъ своихъ враговъ.

У береговъ Атлантическаго океана, въ особенности же въ Средиземномъ морѣ нерѣдко можно встрѣтить рыбу, по своей формѣ очень похожую на ската; эта рыба носитъ названіе гнюса, торпедо или электрическаго ската; она водится на большой глубинѣ, и очень любитъ лежать на днѣ моря. Ея тѣло плоское и округленное, оканчивается мясистымъ хвостомъ, на которомъ расположены плавники.

Если взять въ руки живого гнюса, то тотчасъ же чувствуется въ сочлененіяхъ болѣзненное сотрясеніе, аналогичное тому, которое вызывается электрическимъ токомъ. И дѣйствительно, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ электрическимъ зарядомъ. Брюхо и спина этой рыбы заряжены противоположнымъ электричествомъ; рука является проводникомъ, соединяющимъ обѣ поверхности, и поэтому происходитъ разрядъ и ощущается сотрясеніе.

Въ тканяхъ животнаго подъ кожными покровами спины находится два нароста, въ формѣ полумѣсяца; эти наросты, расположенные симметрично справа и слѣва, и представляетъ собою такъ-называемые *электрическіе органы*. Поверхность этихъ послѣднихъ покрыта маленькими правильными многоугольниками, которые плотно примыкаютъ другъ къ другу, образуя нѣчто въ родѣ мозаичнаго узора. Каждый многоугольникъ соединяется съ верхней частью одного изъ столбиковъ, совокупность которыхъ образуетъ электрическій органъ. Каждый столбикъ состоитъ изъ многочисленныхъ электрическихъ пластинокъ, попарно соединенныхъ съ пластинками желатины. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собою аппаратъ, очень похожій на вольтовъ столбъ: электрическая пластинка замѣняетъ собою мѣдно-цинковую пáру, а желатина играетъ роль влажныхъ войлочныхъ кружковъ, лежащихъ между металлическими пáрами.

Высчитано, что каждый изъ электрическихъ органовъ гнюса состоитъ изъ двухъ милліоновъ трехсотъ тысячъ одинаковыхъ столбиковъ. Эти послѣдніе соединяются съ многочисленными нервами, которые способствуютъ скорѣйшей выработкѣ электрической энергіи.

Если посредствомъ металлической проволоки соединить оба конца столбика, то можно констатировать въ этой проволокѣ присутствіе электрическаго тока, если же перерѣзать ее, то получается маленькая, но довольно яркая искра.

Электрическій токъ, который вырабатывается гнюсомъ *произвольно*, какъ показали опыты Д'Арсонваля, отличается довольно высокимъ напряженіемъ. Гнюсъ средней величины, т. е. имѣющій въ поперечномъ разрѣзѣ около тридцати сантиметровъ, даетъ токъ въ два—десятъ амперъ, электродвигательная сила котораго равняется 15—20 вольтъ.

Присутствіе электричества въ тѣлѣ живого гнюса Д'Арсонваль демонстри-

руетъ очень наглядно посредствомъ слѣдующаго опыта. Небольшая электрическая лампочка накаливанія, силою въ десять свѣчей, соединяется металлической проволокой съ электрическими органами рыбы; если теперь раздражать его механическими подергиваніями и пощипываніями кожныхъ покрововъ, гнюсъ берется за свое оружіе, т. е. производитъ электрическій разрядъ,—и лампочка вспыхиваетъ яркимъ свѣтомъ.

Д'Арсонваль демонстрировалъ этотъ опытъ въ Парижской академіи наукъ, подвергая рыбу довольно сильному раздраженію.

Если тотъ же электрическій токъ, вырабатываемый гнюсомъ, пустить по проволокѣ катушки Румкорфа, то онъ можетъ заставить свѣтиться гейслеровы трубки, дающія такіе эфектные цвѣта. Наконецъ, этотъ токъ, соединенный со взрывчатой массой, вызываетъ взрывъ

Эти опыты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что гнюсы дѣйствительно являются носителями электричества, притомъ довольно высокаго напряженія.

Д'Арсонваль, на основаніи своихъ многочисленныхъ наблюденій, пришелъ къ заключенію, что электрическій аппаратъ гнюса, представляетъ собою ни что иное, какъ видоизмѣненный мускулъ, который развиваетъ электрическую энергію вмѣсто механической.

Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто одного непрерывнаго разряда мы тутъ имѣемъ дѣло съ цѣлой серіей маленькихъ частичныхъ разрядовъ, числомъ пятнадцать-двадцать, которые слѣдуютъ другъ за другомъ съ перерывомъ въ $^1/_{100}$ секунды. Направленіе тока остается неизмѣннымъ; спина играетъ роль положительнаго полюса, животъ—отрицательнаго. Кривая, изображающая колебанія электричества, очень похожа на кривую, которая является графическимъ изображеніемъ мышечныхъ сокращеній. Далѣе, во время разряда, электрическій органъ издаетъ такой же звукъ, который издаетъ сокращающійся мускулъ, когда къ нему прикладываютъ ухо. Наконецъ, этотъ органъ нагрѣвается во время разряда точно такъ же, какъ мышца въ то время, когда подвергается сокращенію.

Механизмъ образованія электричества въ данномъ случаѣ тотъ же, что и механизмъ сокращенія мышцъ. Въ томъ и другомъ случаѣ явленіе обусловлено измѣненіями поверхностнаго напряженія, какъ это можно видѣть на капиллярномъ электрометрѣ Липмана. Д'Арсонваль въ теченіе восемнадцати лѣтъ разрабатывалъ научную теорію животнаго электричества, и опытами, вполнѣ подтверждающими ее, поставилъ эту теорію на прочную научную основу.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что своимъ электрическимъ аппаратомъ гнюсы пользуются, какъ орудіемъ защиты. Животное, пытающееся напасть на нихъ, получаетъ при соприкосновеніи съ ихъ тѣломъ, сильный ударъ, обусловленный разрядомъ электричества; отраженный такимъ образомъ врагъ не рѣшится въ другой разъ сдѣлать нападеніе на гнюса. Электрическій органъ, кромѣ того, служитъ гнюсамъ еще въ качествѣ орудія нападенія, потому-что благодаря присутствію нервовъ, залегающихъ въ этомъ органѣ, они могутъ произвольно вызывать электрическіе разряды. Гнюсъ дѣлаетъ это для того, чтобы убивать маленькихъ животныхъ, которыхъ употребляетъ въ пищу. Электрическій разрядъ, производимый

гнюсомъ, настолько силенъ, что причиняетъ моментальную смерть даже животнымъ, величиною съ утку.

Особенности, которыми отличаются гнюсы, были извѣстны уже въ древности. Аристотель говоритъ о нихъ въ своихъ сочиненіяхъ. Разсказываютъ даже, что во времена Тиверія какой-то человѣкъ, по имени Антеронъ, воспользовался сотрясеніями, производимыми гнюсомъ, для того, чтобы излѣчиться отъ подагры.

* * *

Гнюсъ, хотя и самый интересный, но во всякомъ случаѣ далеко не единственный представитель той группы рыбъ, которыя извѣстны подъ названіемъ электрическихъ. Такъ, въ водахъ Нила, а также многихъ другихъ африканскихъ рѣкъ, встрѣчается, между прочимъ, такъ-называемый электрическій сомъ— malapterurus electricus, по своей формѣ мало похожій на гнюса; своимъ удлиненнымъ тѣломъ онъ скорѣе напоминаетъ обыкновенныхъ рыбъ. Голова его снабжена массой торчащихъ въ разныя стороны усиковъ. Электрическіе органы расположены вдоль туловища подъ кожнымъ покровомъ; разрядъ ихъ довольно силенъ, но все-таки значительно слабѣе, чѣмъ у гнюсовъ. Арабамъ хорошо извѣстна эта рыба, которую они называютъ «ра-адъ», что значитъ громъ.

* * *

Заслуживаетъ вниманія, по большимъ размѣрамъ своихъ электрическихъ органовъ, еще одна рыба, именно электрическій угорь или гимнотъ. Она живетъ въ рѣкахъ южной Америки, имѣетъ видъ большого угря и достигаетъ двухъ метровъ въ длину; ея электрическіе органы очень велики: они занимаютъ почти двѣ трети всего ея тѣла; разрядъ ихъ чрезвычайно силенъ, что засвидѣтельствовано многими путешественниками. Байонъ, напр., разсказываетъ, что лишь только онъ схватилъ гимнота за кончикъ хвоста, какъ былъ ошеломленъ такимъ сильнымъ ударомъ, что упалъ на землю, и въ теченіе нѣкотораго времени не могъ придти въ себя.

Электричество, которымъ заряжено тѣло гимнота, передается водѣ; достаточно опустить руку въ сосудъ, гдѣ плаваютъ гимноты, чтобы почувствовать легкій уколъ въ пальцахъ.

Александръ Гумбольдтъ въ своемъ сочиненіи «Путешествіе по экваторіальнымъ странамъ Новаго Свѣта», говоритъ, что однажды онъ по неосторожности наступилъ голыми ногами на гимнота, котораго только-что вытащили изъ воды; ни одна лейденская банка не причиняла ему, насколько ему помнится, при своемъ разрядѣ такого сильнаго сотрясенія, какъ это прикосновеніе къ электрическому угрю. Результатомъ этого сотрясенія, была сильная боль, которая ощущалась въ колѣнѣ и во всѣхъ суставахъ цѣлый день.

Тотъ-же авторъ сообщаетъ, что индѣйцы охотятся за гимнотами на лошадяхъ. «Это очень странная охота, о которой мы до тѣхъ поръ не имѣли никакого представленія. Наши проводники вернулись изъ саванны съ табуномъ дикихъ лошадей и муловъ и, выбравъ изъ него штукъ тридцать, заставили животныхъ войти въ болото. Сильный шумъ, произведенный ими при этомъ, обезпокоилъ рыбъ, лежавшихъ въ тинѣ; онѣ выходятъ изъ своего убѣжища и набрасываются

на тѣхъ, кто потревожилъ ихъ покой. На поверхности воды показываются желтоватые и синеватые угри, похожіе на большихъ водяныхъ змѣй; они кидаются на лошадей и муловъ и присасываются къ ихъ брюху.

«Очень оригинальное зрѣлище представляетъ собою борьба этихъ животныхъ, столь различныхъ по своей организаціи.

«Индѣйцы, вооруженные копьями и длинными тонкими тростями, плотнымъ кольцомъ окружаютъ болото; нѣкоторые взбираются на деревья, вѣтви которыхъ протянулись горизонтально надъ поверхностью воды. Держа передъ собою палки и издавая дикіе крики, индѣйцы мѣшаютъ лошадямъ выскочить изъ болота, въ которое ихъ загнали. Угри нападаютъ очень рѣшительно, пуская въ ходъ свой сильный электрическій аппаратъ; долгое время кажется, что побѣда будетъ на ихъ сторонѣ. Нѣсколько лошадей падаютъ подъ невидимыми ударами, которые имъ наносятся со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторыя, ошеломленныя сильными и частыми сотрясеніями, исчезаютъ подъ водою. Другія съ развѣвающейся гривой, съ блуждающими глазами, выдающими ихъ неописуемый ужасъ, подымаются на дыбы, неистово храпятъ и дѣлаютъ отъ времени до времени попытку пробиться къ берегу; но тутъ ихъ встрѣчаютъ индѣйцы, которые ударами копій и палокъ заставляютъ ихъ вернуться на прежнее мѣсто. Однако, несмотря на это, нѣкоторымъ лошадямъ все же удается обмануть бдительность стражи: выскочивъ на берегъ, онѣ дѣлаютъ нѣсколько шаговъ, спотыкаясь и дрожа, затѣмъ бросаются на землю и растягиваются во всю длину, видимо крайне измученныя только-что пережитыми испытаніями. Многія лошади тонутъ. Мало-по-малу, однако, картина отчаяннаго неравнаго боя начинаетъ мѣняться: угри-гимноты, въ свою очередь утомленные, постепенно разсѣиваются, между тѣмъ какъ мулы и лошади, у которыхъ первый пароксизмъ страха прошелъ, становятся спокойнѣе. Гимноты боязливо приближаются къ берегу болота, гдѣ они попадаютъ въ руки индѣйцевъ; эти послѣдніе бросаютъ въ нихъ остроги и копья, къ которымъ прикрѣплены длинныя веревки. Если веревки совершенно сухи, то можно свободно поднять гимнота на воздухъ руками, при этомъ никакихъ сотрясеній не ощущается».

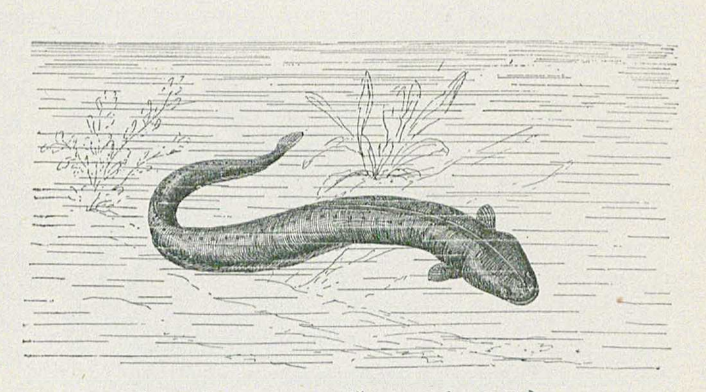


Рис. 91. Электрическій угорь (гимнотъ).

Къ группѣ рыбъ, вырабатывающихъ электричество въ своемъ тѣлѣ, относится также семейство mormyridae, у которыхъ на хвостѣ находится такъ-наз. псевдо-электрическій органъ. Скатъ и нѣкоторыя насѣкомыя также, повидимому,

отличаются способностью давать электрическіе разряды, но достовѣрныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ пока не имѣется.

* * *

Чтобы раздобыть себѣ пищу, рыбы прибѣгаютъ иногда къ весьма оригинальнымъ средствамъ. Къ семейству чешуеперыхъ принадлежитъ, между прочимъ, рыба-брызгунъ (toxotes jaculator), живущая въ рѣкахъ Вестъ-Индіи; она извѣстна также подъ характернымъ названіемъ плюющей рыбы. Живя постоянно въ водѣ, рыба-брызгунъ любитъ лакомиться крылатыми насѣкомыми. Замѣтивъ на листьяхъ растеній, окаймляющихъ берега рѣки, какое-нибудь насѣкомое, напр., муху, рыба подплываетъ какъ можно ближе къ своей жертвѣ, наполняетъ ротъ водою, закрываетъ жабры, затѣмъ высовываетъ изъ воды голову и, сокращая мышцы своихъ челюстей, пускаетъ въ насѣкомое длинную струю воды, которая, стекая внизъ, увлекаетъ его за собою: муха падаетъ въ рѣку, гдѣ ее тотчасъ подхватываетъ изобрѣтательный хищникъ.

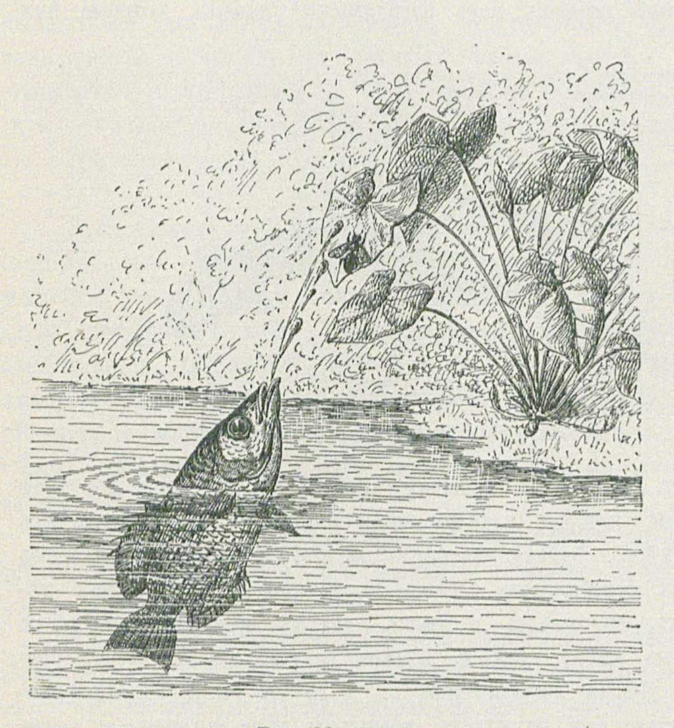


Рис. 92. **Брызгунъ.**

Интересно отмѣтить, что эта рыба «стрѣляетъ» очень мѣтко: въ весьма рѣдкихъ случаяхъ она даетъ промахъ. На Явѣ и смежныхъ островахъ брызгунъ составляетъ цѣнное украшеніе любительскихъ акваріумовъ, гдѣ его способности сдѣлались предметомъ забавы: рыбѣ предлагаютъ муху, помѣщенную на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея. Замѣтивъ добычу, брызгунъ тотчасъ нацѣливается и обдаетъ свою жертву душемъ, къ великому удовольствію зрителей.

Къ болѣе коварнымъ ухищреніямъ прибѣгаетъ лягва или морской чортъ. Эта рыба, прячась въ тинѣ, высовываетъ наружу только кожный придатокъ, прикрѣпленный къ носу посредствомъ длиннаго волоконца. Маленькія рыбы, замѣтивъ этотъ придатокъ, поспѣшно направляются къ нему, въ чаяніи поживиться чѣмъ-нибудь. Когда ихъ набирается довольно много, лягва внезапно раскрываетъ свой широкій зѣвъ и проглатываетъ ихъ всѣхъ.

* * *

Очень интересна, но совсѣмъ въ другомъ отношеніи, рыба-кривобочка, прозванная «отцомъ семейства».

«Яички этой рыбы, окрашенныя въ красивый зеленый цвѣтъ, — говоритъ Лорте:—по своей величинѣ напоминаютъ охотничью дробь № 4; самка, какъ мнѣ нѣсколько разъ удавалось видѣть, кладетъ эти яички, число которыхъ доходитъ до двухсотъ, подъ корнями прибрежныхъ тростниковъ въ маленькомъ углубленіи, которое она сама дѣлаетъ своимъ тѣломъ, копаясь въ илѣ. Окончивъ кладку яичекъ, самка становится неподвижной, какъ будто этотъ актъ очень утомилъ ее. Самецъ, наоборотъ, очень дѣятеленъ: онъ вертится около яичекъ, безпрестанно

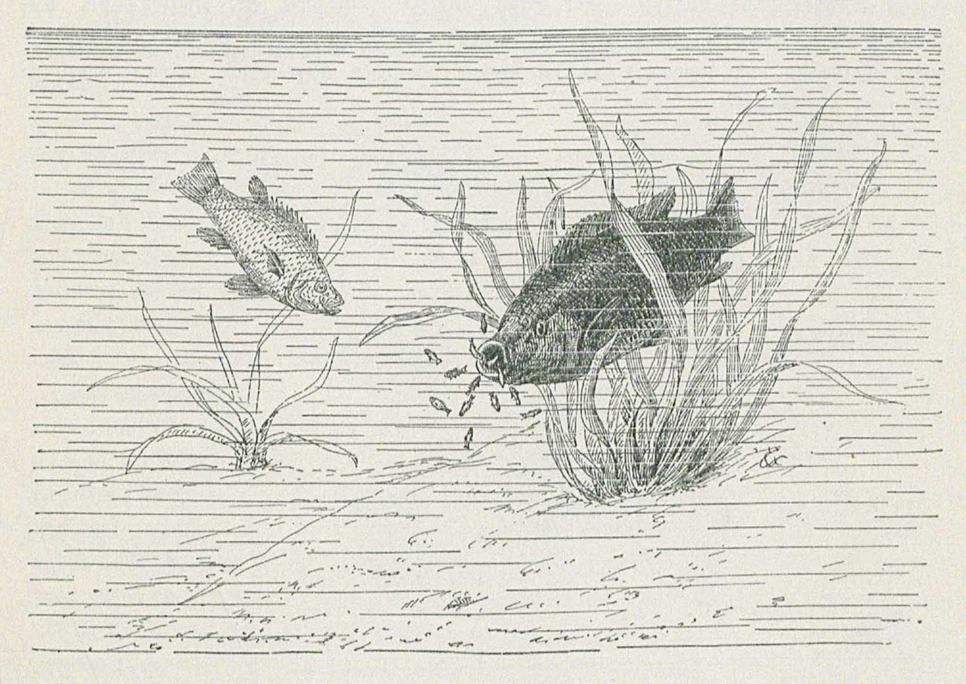


Рис. 93. **Кривобочка.**

всплываетъ наверхъ, чтобы тотчасъ вернуться назадъ, вообще имѣетъ весьма возбужденный видъ. Спустя нѣкоторое время самецъ укладываетъ всѣ яички въ полость рта,—щеки его, вслѣдствіе этого, замѣтно вспучиваются. Нѣкоторыя яички попадаютъ въ жаберную область. Яички хорошо держатся во рту, несмотря на отсутствіе тамъ какой-нибудь специальной липкой жидкости; рыба, находясь въ водѣ, никогда не выпускаетъ ихъ; только въ томъ случаѣ, если пойманная рыба очутится на сушѣ, яички, подъ вліяніемъ судорожныхъ движеній, обусловленныхъ агоніей, выбрасываются вонъ изъ полости рта, гдѣ они дотолѣ находились. Яички, пребывая въ этомъ оригинальномъ помѣщеніи, въ теченіе нѣсколькихъ дней подвергаются цѣлому ряду метаморфозъ. Зародыши скоро развиваются, увеличиваются въ объемѣ

и, вѣроятно, чувствуютъ себя очень стѣсненно въ маленькой тюрьмѣ, куда ихъ заключили: они тѣснятся въ кучѣ, точно зерна спѣлой гранаты.

«Полость рта у рыбы, благодаря присутствію многочисленнаго потомства, настолько расширяется, что челюсти ея теряютъ возможность сближаться. Сильно раздутыя щеки придаютъ рыбѣ чрезвычайно странный видъ. Нѣкоторые зародыши, сформировавшись, продолжаютъ жить и развиваться посреди жаберныхъ листочковъ, но значительное большинство молоди, находящейся во рту, держитъ голову по направленію къ выходному отверстію: лишь только молодыя рыбки достигаютъ въ длину десяти миллиметровъ, онѣ оставляютъ отцовскую пасть, такъ какъ въ это время онѣ дѣлаются такими сильными и проворными, что легко могутъ уходить отъ преслѣдованія своихъ враговъ.

«Удивительно только одно: какъ самецъ, который въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль держитъ у себя во рту болѣе двухсотъ штукъ молоди, можетъ питаться, не проглатывая во время процесса ѣды всего своего многочисленнаго потомства?»

ГЛАВА XII.

Дѣйствіе электричества на простѣйшихъ животныхъ.

Дѣйствіе электричества на животныхъ вообще еще мало изслѣдовано, между тѣмъ, этотъ вопросъ имѣетъ большое значеніе, и разработка его несомнѣнно привела бы къ весьма интереснымъ результатамъ.

О дѣйствіи электричества на низшихъ животныхъ наблюдалось слѣдующее:

Помѣщенная подъ микроскопомъ амеба (одноклѣточный организмъ, встрѣчающійся въ каждой стоячей водѣ), оставленная въ покоѣ, замѣтно распускалась въ студенистую массу, окруженную серіей неправильныхъ *ложноножекъ*, съ помощью которыхъ она перемѣщалась съ мѣста на мѣсто.

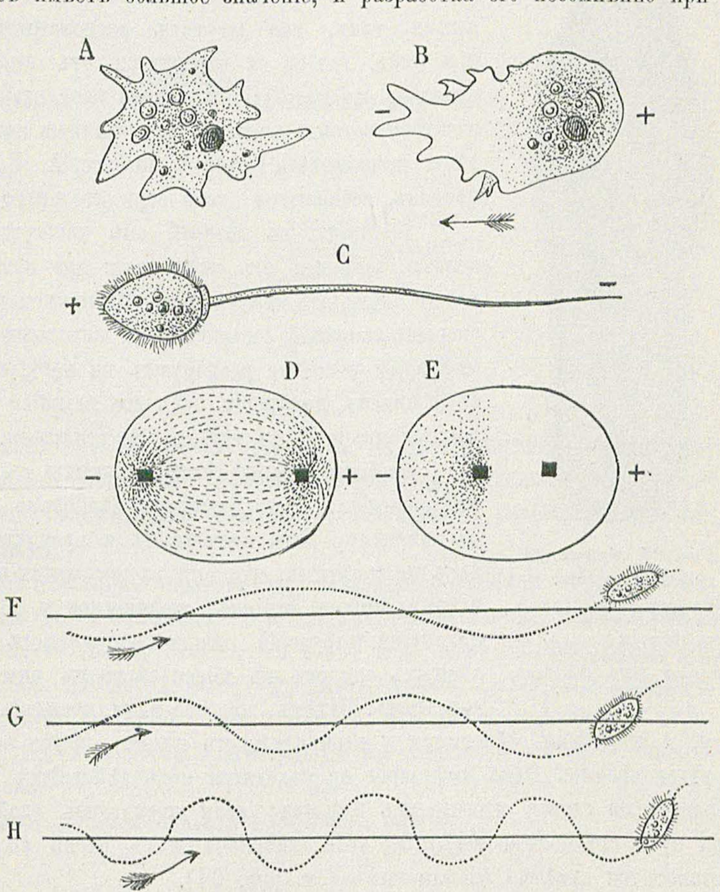


Рис. 94. **Амебы, подвергшіяся дѣйствію электрическаго тока.**

A—Амеба въ покоѣ. *B*—Электризируемая амеба. *C*—Инфузорія Trachelius ovum *D E*—Расположеніе инфузоріи вида Paramaecium подъ вліяніемъ электрическаго тока. *F G H*—Перемѣщеніе инфузоріи вида Paramaecium подъ вліяніемъ электрическаго тока.

Пропустивъ токъ черезъ воду, въ которой амеба двигалась, замѣтно было, какъ всѣ ложноножки быстро сокращались, если токъ слишкомъ силенъ; если же токъ былъ слабъ, то ложноножки, лежащія у положительнаго полюса, втягивались въ тѣло амебы, тогда какъ ложноножки, расположенныя у отрицательнаго полюса, продолжали двигаться попрежнему.

Такимъ образомъ, амеба передвигается отъ положительнаго полюса къ отрицательному, иначе говоря—амеба обладаетъ отрицательной электрочувствительностью.

Инфузорія «Trachelius ovum» изъ семейства «Trachelidae» имѣетъ яйцевидную форму, покрытую на поверхности рѣсничками и снабженную длиннымъ нитевиднымъ жгутикомъ, который постоянно находится въ движеніи: съ его помощью монада передвигается по всѣмъ направленіямъ. Отъ пропущеннаго тока монада начинаетъ понемногу поворачиваться такъ, что жгутикъ располагается по направленію тока, голова ея отвернется отъ анода и будетъ направлена къ катоду: эта монада тоже одарена отрицательной электрочувствительностью. Аналогичныя наблюденія были сдѣланы у множества другихъ инфузорій. Всѣ онѣ, въ концѣ концовъ, собираются около отрицательнаго полюса.

Быстрота, съ которой онѣ движутся и собираются у полюса, зависитъ отъ силы тока: при извѣстной силѣ тока можно наблюдать наибольшее или наименьшее воздѣйствіе на скорость движеній, совершаемыхъ животнымъ. Если токъ слабъ, инфузоріи вовсе не реагируютъ на него, если же онъ слишкомъ силенъ, инфузоріи подъ его вліяніемъ стоятъ, какъ парализованныя, и не могутъ уже двигаться.

Особенно хорошо удаются опыты съ инфузоріями вида «Paramaecia». Если положить нѣсколько такихъ инфузорій на пластинку подъ микроскопъ и пропустить токъ, мы сейчасъ же замѣтимъ, что онѣ расположатся по болѣе или менѣе искривленнымъ линіямъ, сходящимся у полюсовъ; такое расположеніе инфузорій сильно напоминаетъ расположеніе желѣзныхъ опилокъ въ общеизвѣстномъ опытѣ съ магнитнымъ спектромъ. Затѣмъ, мало-по-малу, порядокъ этотъ нарушается, и инфузоріи собираются у отрицательнаго полюса. Можно также замѣтить и другое явленіе. Пока инфузорія не находится подъ дѣйствіемъ тока, она перемѣщается по слегка изогнутымъ линіямъ; если пропустить слабый токъ, изгибы ея пути становятся замѣтнѣе; если, наконецъ, токъ очень силенъ, то путь ея становится замѣтно извилистымъ (см. рис. 94).

Рис. 95. **Инфузорія Paramaecium.**

Это микроскопическое животное покрыто множествомъ мерцательныхъ рѣсничекъ, съ помощью которыхъ оно передвигается.

Всѣ эти движенія можно объяснить колебаніемъ волосковъ, которыми окаймлено тѣло инфузоріи. Микроорганизмы, о которыхъ мы сейчасъ говорили, всѣ обладаютъ отрицательной электрочувствительностью. Но существуютъ и такія,

которые обладаютъ положительной электрочувствительностью, т. е. движутся отъ отрицательнаго полюса къ положительному. Положительная электрочувствительность встрѣчается, напримѣръ, у polytoma uvella, cryptomonas ovata, chelomonas paramaecium.

Наконецъ, нѣкоторые организмы располагаются перпендикулярно къ направленію тока: это можно было бы назвать поперечной электрочувствительностью. Такого рода явленіе замѣчается, напр., у инфузоріи — spirostromum ambiguum.

Итакъ, большинство низшихъ организмовъ обнаруживаетъ чувствительность къ электрическому току и измѣняетъ свое передвиженіе сообразно направленію тока. Наблюдается ли подобное явленіе у животныхъ высшаго порядка? Было произведено множество опытовъ съ цѣлью выяснить этотъ вопросъ; приведенная ниже таблица даетъ наиболѣе важные результаты этихъ опытовъ. Знаки: + или — обозначаютъ полюсъ, положительный или отрицательный, къ которому направляется электризируемое животное.

Названіе животныхъ.	Электрочувствительность.	Названіе животныхъ.	Электрочувствительность.
Моллюски:		Ракообразныя:	
Lymnaea stagnalis	—	Cyclops	+
Брюхоногіе	—	Asellus aquaticus	+
Черви:		Astacus fluviatilis	+
Lumbricus	—	Насѣкомыя:	
Tubifex rivulorum	—	Notonecta	+
Hirudo medicinalis	—	Lorixa striata	+
Branchiobdella parasitica	—	Dytiscus marginalis	+
		Hydrophilus piceus	—

Эти выводы слѣдовало бы распространить и на другіе виды. Тѣмъ не менѣе они позволяютъ сдѣлать слѣдующее любопытное обобщеніе, а именно: что моллюски и черви обыкновенно положительно электрочувствительны, а ракообразныя и насѣкомыя — отрицательно.

Было сдѣлано нѣсколько опытовъ съ названными рыбами и лягушками. Ихъ помѣщали въ сосудъ съ оцинкованными стѣнками, наполненный водой, и соединяли съ батареей. Когда токъ проходилъ по водѣ, было замѣтно, что рыбы или головастики стремились повернуть голову къ аноду. Однако, наблюденія ученыхъ на этотъ счетъ различны, и потому нужно думать, что положительная или отрицательная электрочувствительность у животныхъ въ извѣстной степени зависитъ отъ напряженія тока.

Въ этой области остается сдѣлать еще очень многое.

ГЛАВА XIII.

Мстительность животныхъ.

Мщеніе, когда оно законно, есть актъ справедливаго возмездія, къ которому прибѣгаютъ многія животныя, подвергшіяся жестокому обращенію.

Изъ всѣхъ животныхъ наиболѣе мстительнымъ характеромъ отличаются слоны: они никогда не забываютъ своихъ обидъ. Вотъ нѣсколько случаевъ, характеризующихъ мстительныя наклонности этихъ животныхъ.

Капитанъ Шиппе далъ однажды одному слону бутербродъ, посыпанный крѣпкимъ кайенскимъ перцемъ. Слонъ съѣлъ этотъ бутербродъ, но понялъ, что сдѣлался жертвой злой шутки, и затаилъ свою обиду. Когда, спустя шесть недѣль, капитанъ снова явился и началъ ласкать его, слонъ, сначала довольно спокойно принимавшій знаки расположенія къ своей особѣ, вдругъ повернулся въ сторону, наполнилъ хоботъ грязной водой и окатилъ ею своего обидчика-офицера.

Гриффитсъ разсказываетъ:

«Въ 1805 году, во время осады Бюрпора, подъ вліяніемъ сухихъ горячихъ вѣтровъ, дувшихъ довольно продолжительное время, всѣ окрестные источники изсякли. Только въ одномъ колодцѣ оставалось еще немного воды и, поэтому, тутъ постоянно толпилось много людей и животныхъ. Однажды къ этому колодцу было приведено нѣсколько слоновъ; одинъ изъ нихъ имѣлъ ведро, которое держалъ на кончикѣ своего хобота. Другой слонъ, болѣе рослый и сильный, воспользовавшись моментомъ, когда проводники ушли въ сторону, тотчасъ отнялъ ведро у своего болѣе слабаго товарища. Животное, оскорбленное этимъ насиліемъ, не могло открыто протестовать, повидимому, сознавая недостаточность своихъ силъ для борьбы съ грознымъ противникомъ, и затаило свою обиду. Случай отмстить скоро представился.

«Большой слонъ, черпая воду ведромъ изъ колодца, повернулся бокомъ; маленькій слонъ, замѣтивъ это, съ самымъ невиннымъ видомъ спокойно отошелъ на небольшое разстояніе, затѣмъ неожиданно повернулъ назадъ, со всего разбѣга наскочилъ на своего противника и, ударивъ его головою въ брюхо, бросилъ въ колодецъ».

Вотъ что разсказываетъ почтенный Юліусъ Юнгъ относительно одного слона, по прозвищу Шюни:

«Какой-то господинъ долго дразнилъ слона, настойчиво предлагая ему латукъ-салатъ, — овощь, къ которому животное чувствовало явное отвращеніе. Не

довольствуясь этимъ, господинъ, которому, повидимому, доставляло особое удовольствіе строить каверзы слону, далъ ему яблоко, но въ то же время вонзилъ ему въ хоботъ булавку, причемъ поторопился поскорѣе отойти въ сторону. Видя, что слонъ начинаетъ сердиться не на шутку, сторожъ, находившійся при звѣринцѣ, попросилъ «шутника» уйти во избѣжаніе «недоразумѣній» съ разсвирѣпѣвшимъ животнымъ; тотъ пожалъ плечами, но все же повиновался и перешелъ въ слѣдующее отдѣленіе звѣринца, гдѣ принялся дразнить другихъ, менѣе опасныхъ, животныхъ; однако, черезъ полчаса онъ вернулся и какъ ни въ чемъ не бывало подошелъ къ клѣткѣ, расположенной какъ разъ противъ той, гдѣ находился Шюни, точно забылъ, какую злую шутку онъ только-что сыгралъ съ нимъ. Лишь только этотъ господинъ сталъ спиной къ слону, Шюни, высунувъ хоботъ сквозь рѣшетку своей клѣтки, схватилъ шляпу его, въ мгновеніе ока разорвалъ ее на части и швырнулъ ее прямо въ лицо обидчика со злораднымъ рычаніемъ».

Аналогичные факты извѣстны относительно собакъ. Редакторъ журнала «Family Magazine» описываетъ слѣдующій фактъ.

«Одинъ фермеръ, жившій въ окрестностяхъ Лондона, возилъ каждое утро молоко въ ближайшій городокъ на продажу и для охраны возка всегда бралъ съ собою свою собаку. Эта собака, простая, непородистая, по имени Викторъ, отличалась очень дурнымъ характеромъ: она была большой забіякой, всегда затѣвала драки на улицахъ, не пропуская никогда случая искусать до крови другихъ собакъ, уступавшихъ ей въ силѣ; но если она встрѣчалась съ такими, которыя могли дать ей отпоръ, то становилась тише воды, ниже травы; передъ бульдогами, напр., она очень умильно поджимала хвостъ, прекрасно понимая, что съ ними ссориться очень опасно.

«Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Викторъ былъ грозою всѣхъ окрестныхъ маленькихъ собакъ, которымъ часто сильно доставалось отъ него. Долго онѣ переносили получаемыя ими обиды, но, наконецъ, чаша ихъ терпѣнія переполнилась — собаки возмутились и рѣшили отмстить своему тирану. Въ одинъ прекрасный день на одной изъ площадей городка собралась огромная свора таксъ, болонокъ, пуделей, левретокъ, дворняжекъ и съ неистовымъ лаемъ бросились къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно жилъ ихъ общій мучитель. На слѣдующій день продавецъ молока нашелъ свою собаку у воротъ фермы. Животное было страшно искусано; потерявъ массу крови, оно лежало на землѣ безъ движенія, безъ признаковъ жизни. Съ большимъ трудомъ удалось привести собаку въ чувство; прошло много времени, прежде чѣмъ она выздоровѣла и снова принялась за исполненіе своихъ обязанностей. Жестокій урокъ, данный ей, не пропалъ, однако, даромъ. Викторъ измѣнился до неузнаваемости: отъ прежней буйной драчливости не осталось и слѣда; онъ сталъ скроменъ, спокоенъ, послушенъ, оставилъ свою привычку бросаться на беззащитныхъ левретокъ и немилосердно кусать ихъ, и началъ нести свою службу какъ слѣдуетъ: спокойно слѣдовалъ за своимъ хозяиномъ, никого не трогалъ по пути, оберегалъ только то, что было поручено его присмотру, — именно лошадь, тележку и молоко, словомъ, велъ себя примѣрно. Наказаніе, которому подвергся Викторъ по молчаливому единодушному приговору

собакъ, бывшихъ въ одно и то же время и судьями и палачами, исправило забіяку: онъ раскаялся повидимому въ своихъ прежнихъ прегрѣшеніяхъ, за которыя такъ сильно пострадалъ, и измѣнился къ лучшему».

Одинъ англійскій священникъ разсказываетъ аналогичную исторію о пѣтухѣ, который хотѣлъ забрать себѣ весь кормъ, отдаваемый въ птичникъ, и поэтому, безжалостно отгонялъ ударами клюва утокъ, обнаруживавшихъ намѣреніе клюнуть хоть одно зернышко. Утки долго терпѣли, но, наконецъ, и онѣ возмутились. Въ одинъ прекрасный день утки, построившись полукругомъ, начали наступать на пѣтуха. Тотъ, увидя это, обратился въ бѣгство — онъ благополучно ушелъ отъ своихъ преслѣдователей, но вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ, что озорству его пришелъ конецъ. На слѣдующій день утки преспокойно брали свой кормъ — присмирѣвшій пѣтухъ не трогалъ ихъ болѣе.

Очень мстительнымъ характеромъ отличаются между прочимъ также и обезьяны. Вотъ что пишетъ по этому поводу Чарльсъ Дарвинъ:

«Сэръ Андреа́ Смисъ, зоологъ, извѣстный своими точными наблюденіями, передавалъ мнѣ, что онъ лично видѣлъ, какъ одинъ павіанъ на мысѣ Доброй Надежды забрызгалъ грязью офицера, который въ полной парадной формѣ отправлялся на смотръ. Этотъ офицеръ не любилъ обезьянъ и пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы досадить имъ. Въ описываемый день павіанъ, при приближеніи своего врага, налилъ воды въ яму, насыпалъ туда рыхлой земли и, зачерпнувъ руками грязную жидкость, облилъ ею расфранченнаго офицера. Спустя долгое время послѣ этой продѣлки, павіанъ приходилъ въ дикій восторгъ при видѣ офицера, которому онъ такъ удачно отмстилъ».

Такихъ разсказовъ много. Попугаи, какъ говорятъ, также не прощаютъ своимъ обидчикамъ, сыгравшимъ съ ними какую-нибудь скверную шутку.

ГЛАВА XIV.

Зеленыя животныя.

Обыкновенно думаютъ, что одно изъ главныхъ отличій растеній отъ животныхъ состоитъ въ томъ, что первыя содержатъ въ себѣ зеленое красящее вещество—хлорофиллъ, тогда какъ послѣднія этого вещества лишены вовсе.

Однако, стоитъ бросить хотя бы поверхностный взглядъ на животное царство, чтобы убѣдиться, что многіе его представители окрашены зеленой краской, которая по внѣшнему виду, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не отличается отъ хлорофилла. Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ простой аналогіей, или же съ полнымъ тождествомъ, и свойственно ли зеленое окрашиваніе животнымъ только растительнымъ или также животнымъ-паразитамъ?

Эти вопросы, очень важные съ біологической точки зрѣнія, подробно разработаны въ интересномъ сочиненіи Кювье; вотъ въ общихъ чертахъ выводы, къ которымъ пришелъ этотъ авторъ.

Прежде всего, какія животныя отличаются зеленой окраской?

Число ихъ, какъ оказывается, очень значительно, но любопытнѣе всего то, что они принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ видамъ.

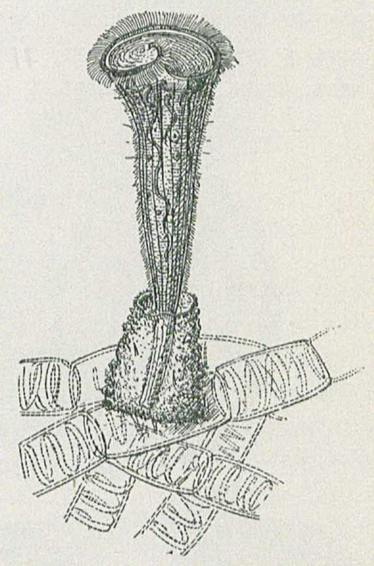


Рис. 96. Инфузорія трубачъ (Stentor) подъ микроскопомъ.

Такъ, зеленыя животныя встрѣчаются среди простѣйшихъ организмовъ (Stentor pilymorphus, Acanthocystis pectinata, Vorticella campanula, Paramaecium bursaria), среди зубчатыхъ (прѣсноводный полипнякъ - бодяга), среди кишечнополостныхъ (Anthaea cereus, Hydra viridis), иглокожихъ (Asterias auranthiacum), моллюсковъ (Mytilus edulis, Buccinum undatum, Elysia viridis), ракообразныхъ (омаръ), червей (Bonellia viridis, Vortex viridis, Aelosoma variegatum) и т. д.

Въ ряду послѣднихъ нужно обратить особое вниманіе на видъ convoluta roscoffensis,—это очень маленькіе плоскіе червячки, часто встрѣчающіеся на нашемъ побережьѣ. Я имѣлъ возможность наблюдать ихъ у самаго подножія лабораторіи

Сентъ-Ваастъ-ла-Угъ, гдѣ послѣ отлива они образуютъ на пескѣ огромныя зеленыя пятна, которыя легко можно принять за водоросли. Разсматривая подъ микроскопомъ кусочекъ этихъ мнимыхъ водорослей, можно видѣть цѣлую кучу этихъ планарій или вьюнушекъ, съ большой быстротой перемѣщающихся въ различныхъ направленіяхъ. Онѣ окрашены въ красивый изумрудный цвѣтъ.

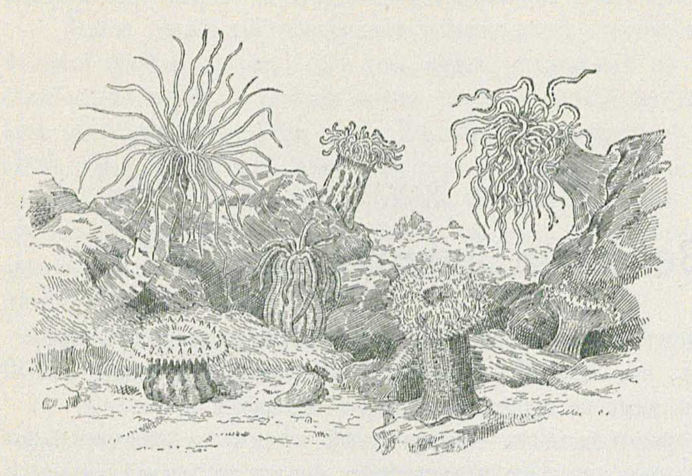


Рис. 97. **Группа морскихъ анемонъ — справа видъ Anthaea cereus.**

Красящее вещество у различныхъ животныхъ находится въ различныхъ частяхъ тѣла. Такъ, у однихъ оно фиксировано на кожѣ или на небольшомъ разстояніи отъ ея поверхностнаго слоя, у другихъ, наоборотъ, красящее вещество залегаетъ въ глубинѣ тканей, какъ, напр., у моллюсковъ, у которыхъ «*внутренній хлорофиллъ*» лежитъ въ печени или въ кишкахъ.

На нашихъ рисункахъ воспроизведены нѣкоторыя изъ самыхъ замѣчательныхъ животныхъ, зеленая окраска которыхъ обусловлена хлорофилломъ. Среди нихъ безспорно красивѣе всѣхъ — моллюскъ Elysia viridis, котораго легко принять за плоскаго червя. Его широкіе боковые придатки, всегда приподнятые вверхъ, представляютъ собой какъ бы крышу, защищающую животное.

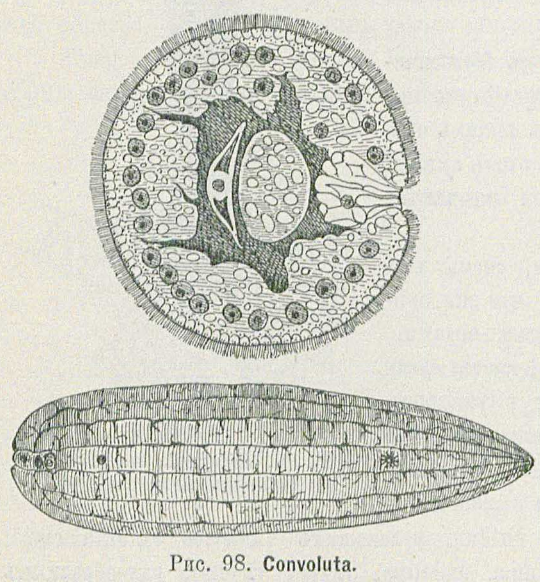


Рис. 98. **Convoluta.**

Маленькій червячокъ, отличающійся очень красивой зеленой окраской. Справа — поперечный разрѣзъ водорослей, у которыхъ онъ заимствовалъ свой изумрудный цвѣтъ.

Общій тонъ окраски—темнозеленый; мѣстами встрѣчаются бѣловатыя пятнышки и зеленоватосинія точки, которыя производятъ впечатлѣніе драгоцѣнныхъ камней, разбросанныхъ въ различныхъ участкахъ кожи.

Это красивое животное встрѣчается почти повсюду на нашемъ побережьѣ; оно имѣетъ привычку медленно карабкаться по поверхности подводныхъ скалъ или

водорослей, причемъ оставляетъ за собою длинный слизистый слѣдъ, какъ это дѣлаютъ травяныя улитки.

Было бы очень интересно знать, какимъ образомъ фиксировано у животныхъ красящее вещество, и въ какомъ состоянiи оно находится у нихъ.

Случаи, когда красящее вещество бываетъ разсѣяно по всему тѣлу животнаго, очень рѣдки, правда, но онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ очень важны, такъ какъ доказываютъ, что это вещество есть принадлежность всего организма, представляя собою одинъ изъ продуктовъ его жизнедѣятельности. Когда говорятъ о такихъ рѣдкихъ случаяхъ, то имѣются въ виду главнымъ образомъ простѣйшiя одноклѣточныя, каковы: vorticella campanula, stentor mulleri, freia producta.

Чаще всего хлорофиллъ бываетъ фиксированъ на маленькихъ круглыхъ совершенно обособленныхъ тѣльцахъ, отчетливо отдѣленныхъ отъ окружающихъ тканей. Эти тѣльца такъ же похожи на зеленыя водоросли, какъ и на зерна хлорофилла, которыя встрѣчаются въ такомъ большомъ количествѣ въ листьяхъ растенiй, что съ перваго взгляда нельзя сказать, находится ли передъ нами паразитарная водоросль, или же зеленое красящее вещество, которое вырабатывается животнымъ.

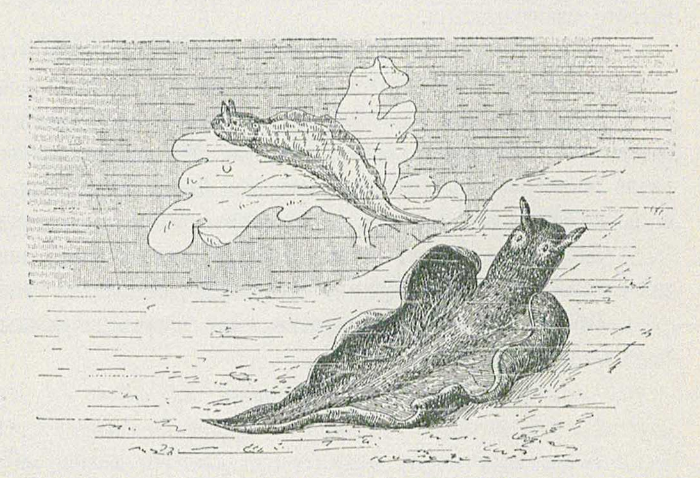


Рис. 99. **Моллюскъ Elysia viridis.**
По своей формѣ и цвѣту это животное имѣетъ большое сходство со свѣжимъ зеленымъ листомъ.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо изучить строенiе и развитiе этихъ зеленыхъ тѣлецъ. Онѣ имѣютъ обыкновенно круглую или овальную форму; acanthocystis pectinata, впрочемъ, имѣетъ продолговатую форму. Поперечный разрѣзъ тѣла этихъ животныхъ равняется 1,5—13 сотыхъ миллиметра. Каждое изъ этихъ зеленыхъ тѣлецъ, имѣющихъ внутри свѣтлое ядрышко, окружено мембраной; эта мембрана въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ целлулоидна; иногда она только пропитана въ извѣстной степени целлулозой, но чаще всего она состоитъ изъ слизистаго вещества.

Зеленыя тѣльца, повидимому, не существуютъ въ организмѣ зародышей, они наполняютъ собою только ткани взрослыхъ животныхъ въ видѣ водорослей-паразитовъ, быстро размножаясь послѣдовательнымъ дѣленiемъ. Внѣ организма животныхъ зеленыя тѣльца развиваются, хотя и съ трудомъ, въ соотвѣтствующей средѣ; можно искусственно прививать ихъ животнымъ одного и того же вида, добиться же удачной прививки ихъ животнымъ различныхъ видовъ до сихъ поръ не удавалось.

Эти зеленыя водоросли, какъ думаютъ, живутъ въ организмѣ животнаго не въ качествѣ паразитовъ, а на основахъ такъ-называемаго *симбіоза*, т. е. на началахъ дружественнаго единенія, изъ котораго обѣ стороны извлекаютъ обоюдную пользу.

Въ самомъ дѣлѣ, зеленое вещество зеленыхъ тѣлъ, какъ это доказано химическимъ и спектроскопическимъ анализомъ, тождественно съ растительнымъ хлорофилломъ; оно такъ же, какъ этотъ послѣдній, разлагаетъ угольную кислоту, содержащуюся въ воздухѣ, фиксируя углеродъ и выдѣляя кислородъ.

Животное получаетъ отъ водоросли кислородъ и крахмалъ, т. е. продукты, являющіеся прямымъ или не прямымъ результатомъ хлорофилльной функціи; водоросль, съ своей стороны, получаетъ отъ организма влагу, которая ей необходима, угольную кислоту и, по всей вѣроятности, еще нѣкоторые азотные продукты животнаго происхожденія.

«Отъ этого совмѣстнаго сожительства, — говоритъ Бувье: — больше выигрываетъ водоросль, чѣмъ животное: водоросль съ трудомъ можетъ жить безъ животнаго, тогда какъ это послѣднее въ большинствѣ случаевъ, если не всегда, можетъ совершенно обходиться безъ водоросли. Животное размножается нормально, все равно живетъ ли въ немъ водоросль, или нѣтъ; водоросль же, предоставленная самой себѣ, не образуетъ зооспоръ, и въ этомъ отношеніи напоминаетъ собою лишай».

Итакъ, мы видимъ, что зеленыя животныя въ большинствѣ случаевъ обязаны своимъ цвѣтомъ живущимъ въ нихъ растительнымъ организмамъ—водорослямъ.

Нѣкоторыя животныя, однако, сами могутъ вырабатывать хлорофиллъ, какъ настоящія растенія.

ГЛАВА XV.

Животное, съ которымъ можно дѣлать все, что угодно.

На многихъ водяныхъ растеніяхъ, какъ, напр., на водяной чечевицѣ, въ особенности же на листьяхъ растенія veronica beccabunga, хорошо извѣстнаго своими голубыми цвѣтками съ двумя тычинками, живутъ прѣсноводныя гидры.

Разсматривая внимательно veronica beccabunga, можно часто видѣть на внутренней поверхности листьевъ этого растенія маленькую зеленоватую съ виду студенистую массу, которая, повидимому, находится въ абсолютномъ покоѣ.

Что это? Животное или растеніе? Съ перваго взгляда рѣшить этотъ вопросъ очень трудно.

Наблюдая растеніе въ акваріумѣ, получимъ слѣдующіе интересные результаты: будучи только-что опущено въ воду, оно держится совершенно неподвижно, но минутъ черезъ десять, черезъ полчаса, неподвижная зеленоватая масса начинаетъ понемногу шевелиться: она осторожно вытягивается, принимаетъ продолговатую форму, выпускаетъ длинные очень тонкіе, очень красивые придатки—ножки, которыя граціозно двигаются въ водѣ. Передъ нами—прѣсноводная или иначе зеленая гидра, называемая также гидрой Трэмблея въ честь этого изслѣдователя, производившаго многочисленные опыты надъ ней. Эти опыты всякій можетъ безъ труда повторить; для этого нужно только вооружиться хорошей лупой, хорошо отточенными ножницами и свиной щетинкой.

Прѣсноводная гидра была открыта Левенгукомъ, однимъ изъ изобрѣтателей микроскопа; но подробнымъ изученіемъ ея занялись значительно позже, именно въ 1744 году, когда Трэмблей впервые серьезно принялся за это дѣло. Съ этого времени прѣсноводная гидра заняла весьма почетное мѣсто въ наукѣ.

Трэмблей, бывшій въ то время воспитателемъ дѣтей графа Бентинка, нашелъ однажды въ одномъ изъ прудовъ замка Сонгюлье маленькихъ полиповъ, которыхъ сначала принялъ за растенія, благодаря ихъ зеленому цвѣту. Опустивъ ихъ въ воду, онъ замѣтилъ, что они начали двигаться, сокращаться, перемѣщаться. Чтобы узнать, имѣетъ ли онъ дѣло съ животными или съ растеніями, Трэмблей и произвелъ свои знаменитые опыты.

Приведемъ разсказъ самого ученаго объ его изслѣдованіяхъ; этотъ разсказъ

покажетъ, какимъ образомъ терпѣливыя и добросовѣстныя наблюденія могутъ привести иногда къ блестящимъ открытіямъ.

«Въ первое же лѣто, проведенное мною во владѣніяхъ графа Бентинка, я нашелъ нѣсколько полиповъ. Однажды я сорвалъ нѣсколько растеній, которыя заинтересовали меня тѣмъ, что на своихъ листьяхъ давали пріютъ различнымъ насѣкомымъ. Эти растенія я помѣстилъ въ большой стаканъ, наполненный водою; поставивъ стаканъ на подоконникъ въ одной изъ внутреннихъ комнатъ дома, я принялся прежде всего наблюдать на близкомъ разстояніи насѣкомыхъ, находившихся въ стаканѣ. Среди нихъ я тотчасъ узналъ много такихъ, которыя хотя встрѣчаются часто, но которыя мнѣ лично были по большей части неизвѣстны. Съ любопытствомъ разсматривая маленькихъ животныхъ, копошившихся въ стаканѣ, я въ первый разъ замѣтилъ полипа на стебелькѣ водяного растенія. Но этотъ полипъ вначалѣ показался мнѣ совсѣмъ неинтереснымъ: маленькія животныя своими быстрыми движеніями больше привлекали мое вниманіе, чѣмъ инертная неподвижная масса, которую съ перваго взгляда легко можно было принять за растеніе, въ особенности когда ничего не знаешь о существованіи животныхъ, по своей организаціи похожихъ на морскихъ полиповъ.

«Открытый мною полипъ отличался красивымъ зеленымъ цвѣтомъ. Я сначала принялъ его за одного изъ растительныхъ паразитовъ, выдѣленныхъ какимъ-нибудь другимъ растеніемъ. Всѣ, кто видѣлъ ихъ въ первый разъ въ томъ положеніи, въ которомъ они обыкновенно находятся, думаютъ, что эти существа представляютъ собою ничто иное, какъ растительные паразиты.

«Полипъ, однако, не долго оставался въ покоѣ: онъ зашевелился, сталъ двигать ножками, сгибая и вытягивая ихъ въ разныя стороны; по вслѣдствіе предвзятой идеи, крѣпко засѣвшей въ моей головѣ, объ его растительномъ происхожденіи, я не могъ предположить, что наблюдаемыя мною движенія—произвольныя. Тѣмъ не менѣе, присматриваясь къ нимъ ближе, я постепенно пришелъ къ заключенію, что вызываются они какими-нибудь внутренними импульсами, а не внѣшними раздраженіями, чуждыми природѣ этихъ существъ.

«Однажды я очень осторожно взболталъ воду, находившуюся въ стаканѣ, чтобы увидѣть, какое впечатлѣніе произведетъ волненіе жидкости на полиповъ. Я былъ убѣжденъ, что тѣльца ихъ, вмѣстѣ съ ножками, будутъ механически вертѣться въ маленькомъ водоворотѣ, который я искусственно устроилъ; но къ великому своему изумленію, я увидѣлъ, что они начали сжиматься и сокращаться: ножки исчезли, и тѣльца полиповъ обратились въ зеленоватые безформенные комочки. Мое любопытство было сильно возбуждено, и я удвоилъ свое вниманіе; я не отымалъ лупы отъ глазъ и вскорѣ замѣтилъ, что тѣльца полиповъ, которые такъ сильно сокращались, стали понемногу расправляться, растягиваться; прошло нѣкоторое время, исчезнувшія-было ножки снова появились, и полипы приняли свой прежній видъ. Глядя на эти движенія, которыя дѣлали полипы, то сокращая свое тѣло, то снова расправляя его, я невольно долженъ былъ придти къ мысли, что передо мною находятся настоящія животныя».

Послѣдующіе опыты, сдѣланные Трэмблеемъ, еще болѣе подтвердили его пред-

положеніе. Разсказываютъ, что Ліонне, узнавъ объ этомъ открытіи, такъ имъ заинтересовался, что началъ учиться граверному искусству, чтобы имѣть возможность лично сдѣлать всѣ рисунки, касающіеся зеленой гидры, которые нужно было помѣстить въ работѣ Трэмблея.

Въ нашихъ прѣсныхъ водахъ водятся три вида гидръ: зеленая гидра, бурая и гидра съ длинными ножками. Каждая изъ нихъ формой своего тѣльца напоминаетъ длинный рожокъ, закрытый конецъ котораго расширяется въ видѣ банки; при помощи его животное присасывается къ постороннимъ предметамъ. Отъ другого, открытаго конца рожка отходятъ ножки, длинныя, гибкія, подвижныя, числомъ отъ шести до восемнадцати. Черезъ отверстіе, находящееся у основанія ножекъ или щупалецъ, поступаютъ въ тѣло гидры питательныя вещества, а также выводятся наружу экскременты. Это отверстіе, такимъ образомъ, играетъ въ одно и то же время роль рта и прямой кишки.

Ножки или щупальца необыкновенно тонки и иногда бываютъ очень длинны, имѣя въ длину нѣсколько дециметровъ, тогда какъ все тѣло не превышаетъ 2—3 миллиметровъ.

Животное вытягиваетъ свои щупальца въ разныя стороны, цѣпляется ими за различные окружающіе предметы, или медленно вращаетъ ихъ въ водѣ. Если какое-нибудь животное, маленькое ракообразное, напр., дафнія, наткнется на ея щупальце, гидра, точно ошеломленная или парализованная, внезапно перестаетъ двигаться; между тѣмъ, щупальца медленно, едва замѣтно, обвиваются вокругъ жертвы, затѣмъ неожиданно сокращаются, чтобы приблизить добычу къ ротовому отверстію, гдѣ она скоро исчезаетъ.

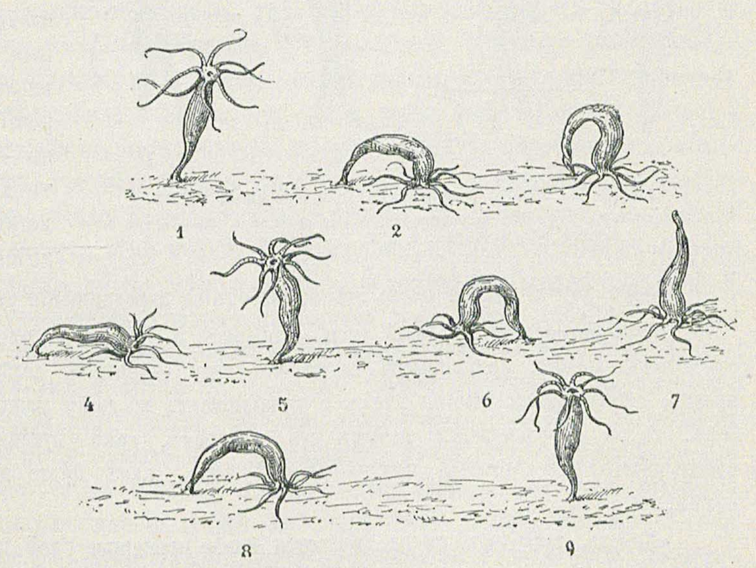


Рис. 100. **Ползающая прѣсноводная гидра. Различныя фазы процесса перемѣщенія.**

Каждое щупальце гидры снабжено множествомъ маленькихъ стрекательныхъ капсюль или нематоцистъ. Это — клѣтки, которыя въ состояніи покоя заключаютъ въ себѣ длинное волоконце, свернутое кольцомъ, наподобіе пружины. Это волоконце по краямъ усѣяно маленькими арканчиками. Если клѣтка подвергается какому-нибудь раздраженію, то волоконце быстро раз-

вертывается, вылетаетъ наружу, причемъ становится твердымъ и жесткимъ, и безъ сомнѣнія, захватываетъ съ собою немного ядовитой жидкости, заключенной въ капсюлѣ.

Такимъ образомъ, лишь только какое-нибудь животное задѣнетъ щупальце гидры, всѣ нематоцисты, разсерженныя, раздраженныя, выбрасываютъ наружу свои ядовитыя стрѣлы, и животное, подвергшееся такому неожиданному и дружному нападенію, дѣлается неподвижнымъ, точно парализованнымъ, и вскорѣ умираетъ.

Если взять гидру въ руки, то тотчасъ чувствуется, что она присасывается къ пальцамъ,—потому что волоконца нематоцистъ проникаютъ въ поверхностный слой кожи. Эти нематоцисты у гидры слабо развиты, но у другихъ кишечно-полостныхъ, напр., у морскихъ анемонъ, у медузъ и пр., онѣ представляютъ собою болѣе дѣйствительное оружіе: результатомъ прикосновенія къ нимъ является интенсивная краснота рукъ, а иногда даже довольно сильная лихорадка.

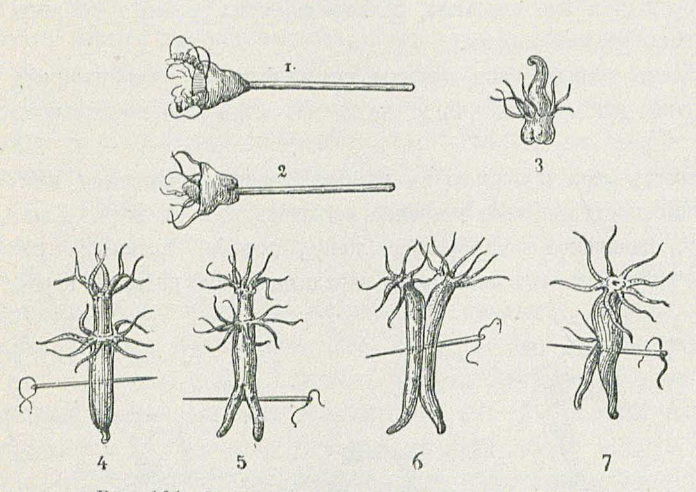


Рис. 101. **Опыты выворачиванія и срощенія гидръ.**
1, 2.—Растяженіе гидры съ помощью толстыхъ щетинокъ. *3.*—Гидра, наполовину вывороченная. *4, 5, 6, 7.*—Срощеніе гидръ.

Въ такомъ оружіи гидра совсѣмъ не нуждается: какъ ни слабы ея стрекательныя капсюли, но онѣ вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію—парализовать тѣхъ маленькихъ животныхъ, которыми питается гидра.

Гидра перемѣщается очень легко; способъ ея передвиженія очень любопытенъ.

«Она изгибается въ видѣ дуги,—говоритъ Э. Перрье:—присасывается ртомъ, отцѣпляетъ ножку, приближаетъ ее къ ротовому отверстію, затѣмъ отводитъ ее назадъ, снова присасывается ртомъ и приближаетъ къ нему ножку. Такимъ образомъ, гидра передвигается такимъ же манеромъ, какъ гусеницы, которыя во время своего передвиженія имѣютъ такой видъ, какъ будто дѣлаютъ какія-то измѣненія.

«Иногда, впрочемъ, гидра двигается болѣе проворно. Свой первый шагъ она дѣлаетъ, какъ раньше: присасывается ртомъ, затѣмъ выпрямляется, принимая вертикальное положеніе, изгибаетъ свое тѣло въ противоположную сторону, прикрѣпляется ногою и потомъ снова выпрямляется, подобно гимнасту, выдѣлывающему различные акробатическіе фокусы.

«Къ такому способу передвиженія гидра прибѣгаетъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда она направляется къ свѣту, который очень любитъ, хотя и

не имѣетъ глазъ; гидра передвигается такимъ манеромъ также и тогда, когда отправляется на поиски за пищей».

Гидра, какъ видно изъ вышеизложеннаго, есть животное, отличающееся необыкновенно простой организаціей; можно сказать, что, въ общемъ, она по своему строенію представляетъ собою мѣшокъ, въ которомъ внѣшняя поверхность играетъ роль кожи, а внутренняя, наиболѣе удаленная отъ внѣшней, роль пищеварительной стѣнки. Въ нормальномъ состояніи одна служитъ для того, чтобы защищать животное отъ вредныхъ вліяній среды, другая же имѣетъ своимъ назначеніемъ переваривать пищу.

Эти двѣ поверхности, повидимому, рѣзко отличаются другъ отъ друга, такъ какъ функціи ихъ весьма различны; но въ дѣйствительности, разница между ними не такъ велика, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Въ самомъ дѣлѣ, Трэмблей показалъ, что наружная кожа можетъ такъ же хорошо переваривать пищу, какъ внутренняя пищеварительная стѣнка. Вотъ что говоритъ по этому поводу этотъ естествоиспытатель:

«Чтобы вывернуть полипа на изнанку, я даю ему маленькаго червя изъ семейства Naidae. Лишь только онъ проглоченъ, я тотчасъ приступаю къ дѣлу. Мнѣ не нужно ждать, пока червь окончательно будетъ переваренъ. Полипа съ наполненнымъ желудкомъ я кладу на лѣвую ладонь, согнутую такимъ образомъ, чтобы въ ней могла держаться вода, въ небольшомъ количествѣ; затѣмъ правой рукою я начинаю сдавливать тѣло животнаго съ помощью кисточки, и ущемляю переднюю часть его сильнѣе, чѣмъ заднюю. Дѣйствуя такимъ образомъ, я заставляю проглоченнаго червя перемѣститься изъ желудка въ полость рта. Я надавливаю сильнѣе и вижу, что часть червя вышла наружу изъ ротоваго отверстія; продолжая этотъ маневръ, можно достигнуть того, что червь цѣликомъ выйдетъ вонъ изъ тѣла полипа, тѣло котораго я соотвѣтственными раздраженіями заставляю сильно сокращаться, что еще больше расширяетъ его ротъ и желудокъ. Послѣ этого я беру въ правую руку свиную, довольно толстую и крѣпкую щетинку, которую многіе естествоиспытатели замѣняютъ тонкой булавкой. Я вставляю щетинку толстымъ концомъ въ заднюю часть тѣла животнаго, и проталкивая ее постепенно впередъ, ввожу этотъ своеобразный инструментъ въ желудокъ; такъ какъ онъ пустъ и къ тому же сильно расширенъ предшествующими манипуляціями, то попасть въ него очень легко. Затѣмъ просовываю щетинку все дальше и дальше въ тѣло полипа, и животное мало-по-малу начинаетъ вывертываться на изнанку; подъ конецъ, щетинка насквозь пронизываетъ полипа, который имѣетъ такой же видъ, какъ курица на вертелѣ; при этомъ внѣшняя сторона животнаго сдѣлалась внутренней, и, наоборотъ, внутренняя—внѣшней. Щетинка потомъ удаляется, и тогда мы имѣемъ передъ собою гидру, вывороченную на изнанку».

Часто случается, что гидра «переворачивается», чтобы принять свое прежнее положеніе. Трэмблей, чтобы предупредить это, вкладывалъ ей въ ротъ толстую щетинку.

Операція, произведенная надъ животнымъ, повидимому, не очень безпокоила

его. Спустя два дня оно оправилось вполнѣ и принялось ѣсть, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ-будто ничего особеннаго не произошло. Но теперь гидра переваривала пищу не внутренней частью своего тѣла, а внѣшней, которая раньше представляла собою поверхностный или кожный покровъ.

Было сдѣлано также слѣдующее наблюденіе. Случается иногда, что животное «выворачивается» не цѣликомъ, а только отчасти, такъ что кожа прилегаетъ къ кожѣ; если животное остается въ такомъ состояніи въ теченіе нѣкотораго времени, то эти части, т. е. прижатые другъ къ другу кусочки кожи срастаются вмѣстѣ.

Если это такъ, то является вопросъ, могутъ ли срастаться точно такимъ же образомъ участки кожи, принадлежащія различнымъ животнымъ? Опыты показали, что это вполнѣ возможно. Двѣ гидры могутъ легко срастись вмѣстѣ, если онѣ плотно прилегаютъ другъ къ другу своими внѣшними покровами. Внутреннія пищеварительныя стѣнки могутъ такъ же сростаться, какъ и наружныя. Если ущемить гидру такимъ образомъ, чтобы внутреннія стѣнки пришли въ тѣсное соприкосновеніе другъ съ другомъ, то спустя нѣкоторое время онѣ срастаются.

Можетъ ли произойти сращеніе между внутренней и наружной стѣнкой? Трэмблей показалъ, что такая комбинація неосуществима.

Можно, напримѣръ, добиться того, чтобы одна гидра—побольше проглотила другую гидру—поменьше; но сліянія тутъ никакого не происходитъ: проглоченная гидра черезъ нѣкоторое время выходитъ наружу, не потерпѣвъ никакихъ чувствительныхъ измѣненій. Можно воспрепятствовать этому выходу, т. е. оставить обѣихъ гидръ на болѣе долгій срокъ въ тѣсномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ,—для этого стоитъ только продѣть щетинку сквозь ротовыя отверстія обоихъ животныхъ; но въ этомъ случаѣ они будутъ употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы отдѣлиться другъ отъ друга. Дѣло кончается тѣмъ, что тѣло одной изъ гидръ, даетъ трещину, сквозь которую выходитъ наружу другая, насильственно заключенная въ ея внутренностяхъ. Трещина съ теченіемъ времени заживаетъ, и обѣ гидры цѣлыя, невредимыя, продолжаютъ жить самостоятельно.

Какъ ни видоизмѣнять этотъ опытъ, добиться сліянія между пищеварительной стѣнкой и кожей невозможно. Попадаются иногда гидры сильно обезображенныя, чудовищныя, нисколько не похожія на обыкновенныхъ нормальныхъ гидръ. Уродливыя формы ихъ обусловлены вреднымъ вліяніемъ особаго паразита.

Относительно этого паразита, извѣстнаго подъ названіемъ Trichodina pediculus, мы находимъ у Брема слѣдующія свѣдѣнія:

«Тѣло паразита, который можетъ замучить до смерти полипа, въ общемъ чисто и прозрачно, но на немъ, если приглядѣться, не трудно отыскать много темныхъ точекъ. Когда паразитъ плаваетъ въ водѣ, онъ имѣетъ овальную форму; движенія его очень быстры и стремительны. Когда же онъ присасывается къ полипу или вообще къ какому-нибудь предмету, одушевленному или неодушевленному, тѣло его тотчасъ начинаетъ вытягиваться. Глядя на этого паразита въ микроскопъ, можно видѣть, что онъ бѣгаетъ по тѣлу полипа съ такою быстротою, что нельзя различить его лапокъ, которыхъ у него множество.

«Сначала полипъ изо всѣхъ силъ старается прогнать непрошеннаго гостя, вытягиваясь и сокращаясь много разъ, но всѣ эти усилія остаются безплодными, потому что паразитъ присасывается непосредственно къ той самой ножкѣ, при помощи которой полипъ старается сбросить его съ себя. Паразитъ преспокойно карабкается по тѣлу гидры, не обращая никакого вниманія на его безпрестанныя сокращенія.

«Мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ паразитъ, оставивъ то мѣсто, которое онъ занялъ, съ быстротою молніи кидался въ воду, нѣкоторое время плавалъ въ ней, описывая кривыя линіи, и затѣмъ возвращался къ полипу, чтобы снова присосаться къ нему.

«Полипъ не долго борется со своимъ врагомъ,—онъ скоро утомляется и отдается во власть паразита, который прочно водворяется въ новыхъ владѣніяхъ. Полипъ бываетъ иногда покрытъ такимъ множествомъ паразитовъ, что въ немъ трудно узнать прежнюю гидру; нерѣдко животное теряетъ, благодаря присутствію многочисленныхъ гостей, свои ножки, и иногда даже погибаетъ совсѣмъ.

«Какія еще чудеса можетъ намъ показать гидра?

«Воспользуемся тѣмъ моментомъ, когда она лежитъ въ вытянутомъ положеніи, и разрѣжемъ ее ножницами пополамъ.

«Надо было бы предположить, что животное не выдержитъ этой операціи и погибнетъ. На самомъ дѣлѣ, однако, ничего подобнаго не наблюдается.

«Передняя часть тѣла, вооруженная щупальцами, начинаетъ двигаться въ водѣ, направляясь къ стѣнкамъ акваріума; тутъ она останавливается. Проходитъ нѣкоторое время, рана, причиненная ножницами, зарубцовывается,—и вотъ передъ нами новое животное, новая гидра.

«Задняя часть, въ свою очередь, возрождается къ самостоятельной жизни: образуется постепенно ротовое отверстіе, появляются соски, которые, увеличиваясь въ длину, превращаются въ ножки и щупальцы.

«Если вмѣсто того, чтобы разрѣзать гидру перпендикулярно, разрѣзать ее продольно, то результатъ получится одинаковый, вмѣсто одного животнаго мы будемъ имѣть двухъ.

«Мало того, мы можемъ раздѣлить гидру на какое угодно число частей, и изъ каждой части образуется отдѣльное животное. Трэмблей разрѣзалъ одну гидру на пятьдесятъ частей, и каждая часть жила потомъ самостоятельно».

Размноженіе гидръ посредствомъ дѣленія, въ общемъ, носитъ искусственный характеръ, и наблюдается въ природѣ очень рѣдко. Но вотъ способъ размноженія, который, пожалуй, не менѣе любопытенъ, чѣмъ предыдущій. Если гидра хорошо питается, — хорошее питаніе есть главное условіе удачнаго исхода опыта, — то на поверхности тѣла появляются маленькіе бугорки или кочки, которые имѣютъ одно общее углубленіе, сообщающееся съ пищеварительными стѣнками. Эти бугорки постепенно увеличиваются въ объемѣ; подъ конецъ у ихъ вершинъ образуется ротовое отверстіе, вокругъ котораго располагаются кольцомъ щупальца: выросли молодыя гидры, желудокъ которыхъ соединенъ пока съ пищеварительными органами матери. Въ такомъ положеніи животныя остаются въ продолженіе нѣ-

скольких дней; если снабжать ихъ обильной пищей, то молодыя гидры скоро развиваются и отрываются одна за другой отъ тѣла матери, чтобы начать самостоятельную жизнь.

Процессъ размноженія гидръ посредствомъ почкованія хорошо описанъ у Резеля.

«Прежде чѣмъ молодой полипъ пріобрѣтаетъ ножки, и прежде чѣмъ онъ пріучается пользоваться ими для схватыванія добычи, онъ получаетъ пищу отъ матери, съ которой онъ связанъ такъ, какъ связанъ кровеносный сосудъ со своими развѣтвленіями. Но лишь только у полипа отрастаютъ щупальца, научившись владѣть ими, онъ самостоятельно начинаетъ добывать себѣ пищу, несмотря на то, что соединенъ еще съ тѣломъ матери. Пищею для молодыхъ гидръ служатъ мелкія насѣкомыя, которыхъ онѣ очень быстро хватаютъ и проглатываютъ.

«Когда молодой полипъ достигаетъ зрѣлости, то съ помощью небольшого увеличительнаго стекла легко можно разглядѣть, какъ онъ отдѣляется отъ тѣла своей матери. Каналъ, который служитъ соединительнымъ звеномъ между ними, становится все уже и уже, и подъ конецъ дѣлается такимъ тонкимъ, что въ самое сильное увеличительное стекло нелегко его замѣтить, несмотря на то, что связь между молодымъ полипомъ и его матерью еще не прервана: ихъ соединяетъ тканевая оболочка, правда, очень тонкая и прозрачная.

«Достигнувъ этой стадіи развитія, молодой полипъ начинаетъ сильно вытягивать свое тѣло, въ особенности свои щупальца; онъ извивается и сокращается безъ устали, и, наконецъ, вырывается на свободу. Тогда онъ, по примѣру своей матери, присасывается къ какому-нибудь предмету задней частью своего тѣла и начинаетъ жить самостоятельно».

Случается иногда, что молодыя гидры, прикрѣпленныя еще къ тѣлу своей матери, начинаютъ почковаться, такъ что можно встрѣтить три-четыре поколѣнія, которыя приросли другъ къ другу.

Трэмблей нашелъ гидру, на которой находились девятнадцать маленькихъ полиповъ, принадлежащихъ къ тремъ различнымъ поколѣніямъ: это было настоящее, живое родословное дерево.

ГЛАВА XVI.

Актеры въ природѣ.

Вся жизнь животныхъ состоитъ изъ трехъ главныхъ функцій—животному необходимо: 1) ѣсть, 2) размножаться и 3) защищаться отъ нападенія враговъ. Эта послѣдняя функція самая трудная и непріятная, въ особенности потому, что она должна проявляться активнымъ образомъ въ видѣ безпрестанныхъ упорныхъ схватокъ.

Къ счастью, природа, всегда вѣрная своимъ экономическимъ принципамъ, дала нѣкоторымъ животнымъ средства къ пассивной защитѣ, которая сберегаетъ ихъ силы, такъ какъ прекрасно достигаетъ своей цѣли. Пассивныя средства самозащиты извѣстны подъ названіемъ миметизма (отъ греческаго мимосъ (μῖμος)—актеръ). Животныя, обладающія такими данными, по своему виду ничѣмъ не отличаются отъ окружающихъ ихъ предметовъ, животныхъ и т. д.: они какъ бы стушевываются въ окружающей ихъ средѣ и такимъ образомъ естественно защищены отъ нападеній.

Рис. 102. **Phyllium siccifolium, насѣкомое изъ отряда прямокрылыхъ.**

Имѣетъ удивительное сходство съ сухимъ листомъ.

Однимъ изъ наиболѣе одаренныхъ миметизмомъ является насѣкомое изъ отряда прямокрылыхъ phyllium siccifolium, встрѣчающееся въ тропическихъ странахъ. Это насѣкомое, живущее на деревьяхъ, имѣетъ приплюснутую овальную форму. Крылья, плоско сложенныя на спинкѣ, представляютъ собою точную копію древеснаго листа: на нихъ отчетливо можно раз-

смотрѣть продольныя и поперечныя жилки съ многочисленными боковыми развѣтвленіями. Когда это насѣкомое лежитъ среди листьевъ, то распознать его невозможно.

* * *

Очень любопытна также бабочка callima, живущая на о. Суматрѣ. Сэръ Уоллесъ, извѣстный путешественникъ-натуралистъ, спеціально изучавшій явленія миметизма, описываетъ это насѣкомое слѣдующимъ образомъ:

«Крылья этого насѣкомаго сверху окрашены въ великолѣпный пурпурный цвѣтъ съ красивымъ пепельнымъ отливомъ; въ поперечномъ направленіи тянется широкая ярко-оранжевая полоса; благодаря такой богатой окраскѣ, эта бабочка всегда бросается въ глаза во время своего полета.

«Она часто встрѣчается въ сухихъ лѣсахъ. Я неоднократно пытался поймать ее, но всегда безуспѣшно. Дѣло въ томъ, что бабочка, пролетѣвъ нѣкоторое разстояніе, садилась на кусты межъ пожелтѣвшихъ листьевъ, и какъ я ни старался, я никакъ не могъ найти ее: она поминутно вспархивала и чрезъ мгновеніе снова исчезала въ листвѣ. Однажды мнѣ всетаки удалось въ точности опредѣлить то мѣсто, на которое она опустилась.

Рис. 103. Бабочка Callima.

На вѣточкѣ сидятъ двѣ бабочки, но онѣ такъ сливаются съ листьями, что разглядѣть ихъ довольно трудно.

Несмотря на то, что бабочка въ одно мгновеніе ока, пролетѣвъ передо мною, сѣла на кустъ, тѣмъ не менѣе я успѣлъ замѣтить, какъ она захлопнула свои крылышки; тутъ она имѣла поразительное сходство съ мертвымъ листомъ, прикрѣпленнымъ къ маленькой вѣткѣ, такъ что даже при самомъ внимательномъ разглядываніи, легко можно было принять бабочку за увядшій листъ. Я поймалъ нѣсколько такихъ бабочекъ на лету, и тогда, имѣя передъ глазами живые экземпляры, понялъ, наконецъ, какимъ путемъ достигается это удивительное сходство.

«Дѣло въ томъ, что верхнія крылышки оканчиваются точно такъ же, какъ листья многихъ тропическихъ деревьевъ и кустарниковъ тонкимъ остріемъ. Нижнія крылья, наоборотъ, имѣютъ на концѣ широкій и короткій придатокъ. Между конечными пунктами верхнихъ и нижнихъ крыльевъ тянется кривая темная линія, весьма похожая на главную, среднюю жилку листа, отъ которой въ разныя сто-

роны отходятъ наклонныя линіи, ничѣмъ не отличающіяся отъ боковыхъ развѣтвленій его. Эти линіи, отчетливо выступающія на внѣшней сторонѣ крыльевъ, у основанія, на внутренней сторонѣ ихъ, въ центрѣ и наверху состоятъ изъ полосокъ и значковъ, довольно распространенныхъ среди другихъ, родственныхъ видовъ, но видоизмѣненныхъ и развитыхъ настолько, что по виду они совершенно сходны съ системой листовыхъ, нервныхъ развѣтвленій. Окраска нижней поверхности крыльевъ бываетъ различна; но основной тонъ ея всегда сѣроватый или красноватый, точь-въ-точь такой, какой составляетъ отличительный признакъ увядающихъ листьевъ. Когда бабочка callima сидитъ съ сложенными на спинѣ крылышками, то она ровно ничѣмъ не отличается отъ листа средней величины, слегка закругленнаго и зазубреннаго. Нижній отростокъ крыльевъ или такъ-называемый «хвостъ» — это настоящій стебелекъ, прикасающійся къ вѣткѣ; лапки, расположенныя на срединѣ, незамѣтны—ихъ закрываютъ находящіеся по близости сучки. Голова и усики занимаютъ между крыльевъ такое положеніе, что ихъ совсѣмъ нельзя видѣть; маленькая выемка, расположенная у самаго основанія крыльевъ, даетъ возможность головѣ легко прятаться внутрь.

«Всѣ эти вмѣстѣ взятыя подробности до такой степени измѣняютъ видъ насѣкомаго, создаютъ такую полную иллюзію увядшаго листа, что всѣ, кто видѣлъ эту бабочку, приходили въ восторгъ отъ этого замѣчательнаго дара природнаго миметизма.

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ даръ приноситъ огромную пользу насѣкомому, являясь своего рода орудіемъ самозащиты. Когда бабочка встрѣчается со своими врагами, въ то время, когда летаетъ, то опасности во время полета для нея нѣтъ; но если бы она, оставаясь въ покоѣ, при своей яркой окраскѣ такъ же была бы замѣтна, такъ же бросалась бы въ глаза, какъ во время полета, то ея существованіе было бы очень короткимъ,—она скоро сдѣлалась бы добычей пресмыкающихся и насѣкомоядныхъ птицъ, которыхъ такъ много въ тропическихъ лѣсахъ».

Отсюда видно, что надѣленная отъ природы даромъ миметизма, бабочка callima имѣетъ прекрасное средство въ борьбѣ за существованіе.

* * *

Въ нашихъ краяхъ можно часто встрѣтить на вѣткахъ кустарника бураго цвѣта гусеницу, которая имѣетъ на передней конечности настоящія, а на задней перепончатыя лапки. Перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто, эта гусеница находитъ точку опоры передними лапками, и изгибаясь всѣмъ тѣломъ, придвигаетъ къ переднимъ лапкамъ заднія, перепончатыя. Эти послѣднія цѣпляются, въ свою очередь за точку опоры, послѣ чего тѣло гусеницы выпрямляется, переднія лапки снова выдвигаются впередъ, за ними опять тянутся заднія и т. д.

Гусеница, такимъ образомъ, какъ будто занимается измѣреніемъ того мѣста, по которому двигается; на этомъ основаніи ей дали названіе гусеницы-землемѣра.

Если немного встряхнуть вѣтку, на которой сидитъ гусеница, то она тот-

часъ же укрѣпляется на своихъ заднихъ лапкахъ, съеживается, откидывается въ стороны подъ острымъ угломъ и замираетъ. Принявъ такую позу, гусеница пріобрѣтаетъ удивительное сходство съ маленькой вѣткой; враги ея безусловно вводятся въ заблужденіе такимъ ловкимъ маневромъ.

* * *

Многія насѣкомыя, принадлежащія къ отряду прямокрылыхъ, имѣютъ весьма удлиненное тѣло, такъ что напоминаютъ своей формой продолговатый сучекъ. Подробное описаніе этихъ «странствующихъ палокъ» мы находимъ у М. Жерардена.

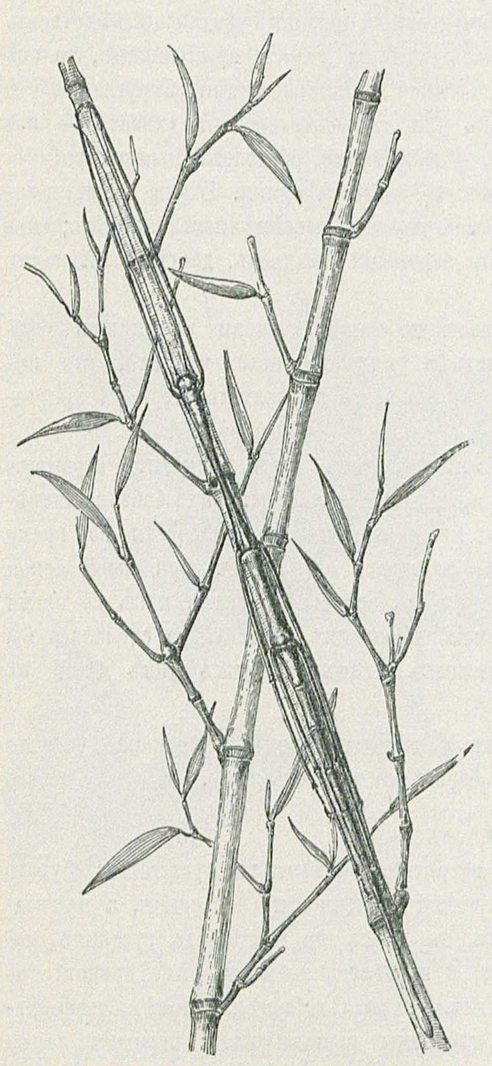


Рис. 104. Phanoclès.
Насѣкомое, которое можно принять за двигающуюся бамбуковую трость.

Нѣкоторыя насѣкомыя этого отряда, принадлежащія къ семейству phasmidae, достигаютъ 27 сантиметровъ въ длину, вслѣдствіе этого они своимъ видомъ производятъ довольно странное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе передается болѣе или менѣе точно тѣмъ именемъ, которое имъ дали (φάσμα—фасма по-гречески значитъ видѣніе, призракъ).

Представители семейства phasmidae, отличающіеся весьма пестрой окраской, водятся въ южной Америкѣ и на Зондскихъ островахъ. Видъ bacillus (bacillus—палочка) имѣетъ сухое тѣло, лишенное крыльевъ и шиповъ, нитевидные усики и короткія лапки.

Видъ, извѣстный подъ названіемъ «привидѣнія Росси», встрѣчается въ Европѣ довольно рѣдко. Эта шагающая палочка встрѣчается въ Италіи и на югѣ Франціи. Бактеріи (отъ греческаго βακτήρια—бактерія—палка) также относятся къ семейству безкрылыхъ phasmidae. Эти виды, чрезвычайно многочисленные, встрѣчаются повсюду въ теплыхъ странахъ.

Bacteria arumatia, родиной которой считается Гваделупа и тропическій поясъ Америки, имѣетъ поразительное сходство съ древесной вѣткой.

Насѣкомое diapheromera femorata весьма распространено въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Массачузетсѣ его называютъ «конемъ колдуньи», въ другихъ штатахъ—«аллигаторомъ прерiи».

Это насѣкомое можно сравнить съ движущеюся соломинкою. Когда оно лежитъ спокойно и дремлетъ, прислонившись своимъ длиннымъ тонкимъ тѣломъ къ стволу куста, когда его прижатыя къ туловищу лапки вытягиваются впередъ, охватывая голову, то замѣтить его рѣшительно невозможно: самый зоркiй глазъ не сумѣетъ разглядѣть его. Пробудившись отъ сна, «соломинка» начинаетъ двигаться; усики вздрагиваютъ, и насѣкомое поспѣшно удаляется на своихъ лапкахъ, похожихъ на вязальныя спицы. Самка, носящая при себѣ яйца, представляетъ очень интересное зрѣлище, потому что она двигается, смѣшно переваливаясь со стороны на сторону, изъ опасенiя, потерять равновѣсiе, несмотря на то, что широко разставленныя лапки даютъ ей въ сущности крѣпкую опору.

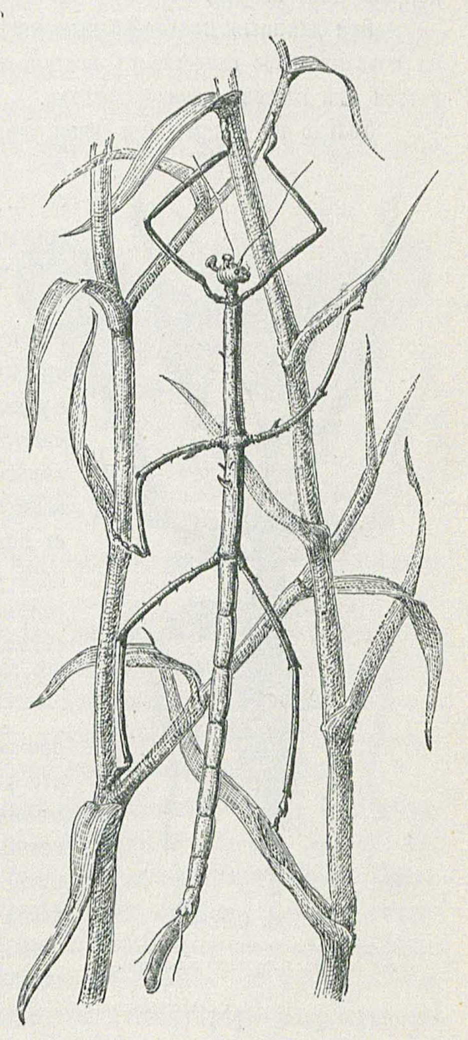


Рис. 105. Phibalosoma.

Diapheromera denticra живетъ въ южномъ Техасѣ; это насѣкомое часто имѣетъ въ длину пятнадцать сантиметровъ, а иногда и больше. Оно не отличается такимъ хрупкимъ тѣлосложенiемъ, какъ описанное выше насѣкомое, но представляетъ большой интересъ съ точки зрѣнiя миметизма.

Другiе виды болѣе странные, болѣе характерные, если можно такъ выразиться, живутъ въ болѣе жаркомъ климатѣ. Они отличаются чрезвычайно тонкимъ тѣломъ, которое слегка вздуто только въ мѣстахъ скрѣпленiя членовъ. Въ Мексикѣ водится насѣкомое phanocles, которое имѣетъ въ длину тридцать сантиметровъ.

Безкрылая самка phibalosoma,—насѣкомое съ колючими лапками, живетъ на о. Явѣ; phibalosoma phyllocephalura, ушастая бактерiя, также безкрылая, водится въ центральной Бразилiи. Оба вида насѣкомыхъ имѣютъ въ длину около сорока сантиметровъ, а въ ширину всего три или четыре миллиметра!

Эти насѣкомыя, настоящiя ходячiя палки, или вѣрнѣе, тонкiя странствую-

щія тростинки, сухія и хрупкія, совершенно затеряны посреди тѣхъ растеній, точной копіей которыхъ они являются какъ по своей формѣ, такъ и по своей окраскѣ.

Phibalosoma phyllocephalura имѣетъ на головѣ два особыхъ придатка, которые расходятся въ разныя стороны, точно уши летучей мыши; на спинѣ его, какъ разъ въ срединѣ между двумя парами заднихъ лапокъ, находится большое жало, направленное вверхъ.

Эти длинныя палкообразныя насѣкомыя очень лѣнивы и боязливы, несмотря на поразительное сходство съ растеніями, которое даетъ имъ возможность скрываться отъ взоровъ своихъ враговъ.

Только по ночамъ они обнаруживаютъ признаки жизни, копошась въ листьяхъ кустарника, гдѣ ихъ никто видѣть не можетъ. Цѣлый день они спятъ глубокимъ сномъ; южный вѣтеръ колеблетъ ихъ тѣла, но не пробуждаетъ отъ сна.

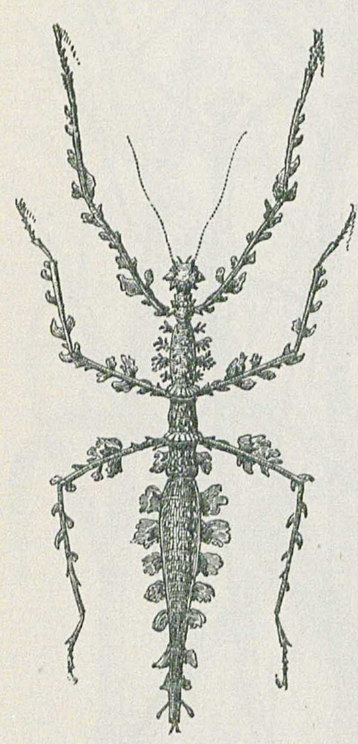


Рис. 106. Céroys.
Какъ легко принять это насѣкомое за вѣтку дерева, покрытую лишаями.

Всѣ перечисленные выше виды семейства phasmidae похожи на обыкновенныя гладкія трости, болѣе или менѣе правильной структуры. Существуютъ, однако, другія формы, которыя отличаются разнообразными, подчасъ весьма причудливыми развѣтвленіями. Глядя на эти формы, кажется, что видишь передъ собою либо вѣтку съ листьями (какъ, напр., céroys изъ Никарагуа), либо обломокъ стебля съ кусочками лишая, перемѣшанными съ иглами; такой видъ имѣетъ насѣкомое heteropterуx, открытое и изученное Уоллесомъ на о. Борнео.

Ночныя бабочки, какъ извѣстно, днемъ спятъ, прижавшись къ корѣ деревьевъ. Извѣстно также, что распростертыя крылья у этихъ насѣкомыхъ имѣютъ бурый цвѣтъ, точь-въ-точь такой, въ какой окрашена древесная кора, и кромѣ того, какъ на этой послѣдней, на нихъ находятся, похожія на мраморныя, отчетливо выраженныя крапинки—жилки.

Припомнимъ кстати упомянутую уже раньше странную рыбу—phyllоptérix; ея зеленоватое худощавое тѣло, снабженное многочисленными неправильными ленточками, очень трудно отличить отъ морскихъ водорослей, извѣстныхъ подъ названіемъ фукусовъ, посреди которыхъ эта рыба живетъ.

Можно указать много аналогичныхъ примѣровъ широко распространеннаго миметизма въ природѣ. Приведемъ только наиболѣе характерные: насѣкомое gastropaca quercifolia имѣетъ большое сходство съ опавшимъ пожелтѣвшимъ листомъ; лишайныя бабочки очень похожи на древесные лишаи, на которые онѣ имѣютъ

обыкновеніе садиться: бразильскаго cryptorynchus легко можно принять за одну изъ древесныхъ почекъ, а chlamys—за хлѣбное зерно, и т. д.

* * *

Извѣстны явленія мимитизма совершенно иного характера: сущность ихъ состоитъ въ томъ, что животныя, по природѣ своей вполнѣ безвредныя, принимаютъ видъ весьма опасныхъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ наиболѣе удивительными примѣрами мимитизма, такъ какъ животныя, съ которыми они имѣютъ поразительное сходство, по своей организаціи сильно отличаются отъ нихъ.

Даже болѣе, это не есть случайное сходство, замѣчаемое иногда между существами, живущими въ различныхъ уголкахъ земного шара: виды, о которыхъ тутъ

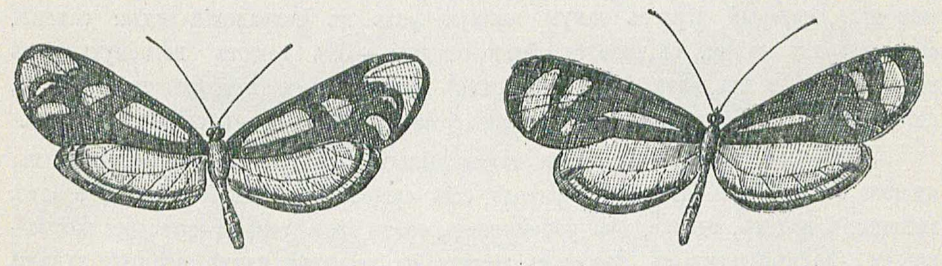


Рис. 107. Jthonia. Рис. 108. Leptalis.

Эти бабочки поразительно похожи другъ на друга, но между ними такая же разница, какъ между безвреднымъ грибомъ масляникомъ и его двойникомъ—очень ядовитымъ тоже—масляникомъ.

идетъ рѣчь, водятся въ одной и той же мѣстности и часто ведутъ одинаковый образъ жизни.

Отмѣтимъ еще слѣдующее общее явленіе: видъ-копія всегда менѣе распространенъ, чѣмъ опасный видъ-оригиналъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безобидныя существа, похожія на опасныхъ или непріятныхъ животныхъ, пользуются тѣмъ страхомъ или отвращеніемъ, которое внушаютъ эти послѣднія; обладая страшной внѣшностью, они могутъ вести спокойную, беззаботную жизнь.

Въ лѣсахъ сѣверной Америки водится красивая дневная бабочка изъ семейства Heliconidae, извѣстная въ зоологіи подъ названіемъ ithonia ilerdina. Эта бабочка имѣетъ большія крылья, окрашенныя въ великолѣпные яркіе цвѣта, но при этомъ испускаетъ отвратительный запахъ, такъ какъ все тѣло насѣкомаго пропитано какой-то вонючей жидкостью. Мясо ея, поэтому, должно имѣть весьма непріятный вкусъ, и дѣйствительно, насѣкомоядныя никогда не трогаютъ этой бабочки; никому не приходилось видѣть, чтобы какое-нибудь животное позарилось на эту добычу.

Въ тѣхъ же лѣсахъ водится другая бабочка, принадлежащая къ совершенно иному семейству — именно къ семейству Leptalidae (Leptalis theonae) (рис. 108). Упомянутые выше представители семейства Heliconidae имѣютъ три пары лапокъ, тогда какъ Leptalidae имѣютъ только двѣ хорошо развитыя пары. Между обоими видами существуютъ, кромѣ того, еще другія, правда, менѣе важныя анатомическія различія; однако, несмотря на это, внѣшнее сходство ихъ такъ велико, что оно

вначалѣ ввело въ заблужденіе такихъ опытныхъ натуралистовъ, какъ Уоллесъ и Бэтсъ, которые въ продолженіе нѣкотораго времени смѣшивали оба вида. А между тѣмъ, Leptalidae имѣютъ одну очень характерную особенность: эти бабочки не имѣютъ никакого запаха, и если онѣ не дѣлаются жертвами многочисленныхъ насѣкомоядныхъ, то этимъ онѣ обязаны только своему поразительному сходству съ представителями семейства Heliconidae, которыми брезгаютъ всѣ птицы, питающіяся насѣкомыми.

Миметизмомъ надѣлены лишь представители того или иного пола даннаго вида; такъ, напр., самка diadema misippus отличается дурнымъ запахомъ, равно какъ самка danaïs chrysippus; самцы же никакого запаха не издаютъ. Запахъ, какъ орудіе самозащиты, является, такимъ образомъ, принадлежностью того пола, который играетъ самую важную роль въ сохраненіи вида: самецъ, оплодотворивъ самку, становится безполезнымъ — онъ можетъ погибнуть безъ всякаго ущерба для вида, тогда какъ самкѣ необходимо еще жить нѣкоторое время, потому что въ ея организмѣ долженъ еще совершиться процессъ созрѣванія яицъ.

Другое насѣкомое изъ отряда прямокрылыхъ, живущее въ нашихъ краяхъ, именно condiglodera, по своей природѣ есть существо весьма безобидное; своимъ внѣшнимъ видомъ, однако, оно напоминаетъ собою одно очень кровожадное жесткокрылое, по сосѣдству съ которымъ живетъ на песчаной почвѣ, залитой лучами солнца.

Въ нашихъ широтахъ встрѣчается много бабочекъ, въ особенности принадлежащихъ къ семейству стеклянницъ (Sesiadae), которыя имѣютъ поразительныя сходства съ пчелами или осами: даже весьма опытный и знающій натуралистъ не безъ нѣкоторой опаски беретъ ихъ въ руки.

Точно такъ же мухи изъ семейства Eristalis tenax, которыхъ такъ много бываетъ на цвѣтахъ въ лѣтнее время, очень похожи на пчелъ, и поэтому чувствуютъ себя въ полной безопасности.

* * *

Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ примѣровъ миметизма, представляютъ собою бразильскія бабочки изъ семейства caligo. Эти насѣкомыя, находясь въ состояніи покоя, принимаютъ такое положеніе, что поразительно напоминаютъ собою голову недремлющей ночной совы, съ широко раскрытыми глазами. Сходство необыкновенное: пятнышки, расположенныя на крыльяхъ, въ точности воспроизводятъ не только глаза совы, но даже ту свѣтлую точку, которая обыкновенно виднѣется на роговой оболочкѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта страшная маска держитъ на почтительномъ разстояніи отъ беззащитной уснувшей бабочки всѣхъ маленькихъ насѣкомоядныхъ птичекъ, добычей которыхъ она сдѣлалась бы безусловно (Дантекъ).

Недурно приспособляются также къ внѣшнимъ условіямъ мухи изъ семейства volucellae. Эти мухи такъ похожи на шмелей, среди которыхъ живутъ, что тѣ, введенные въ заблужденіе этимъ сходствомъ, принимаютъ ихъ за своихъ.

Мухи, пользуясь этимъ, свободно проникаютъ въ гнѣзда шмелей, преспокойно кладутъ тамъ свои яйца посреди запасовъ, которые трудолюбивые шмели накопили для своего потомства. Спустя нѣкоторое время показываются личинки мухъ и тотчасъ начинаютъ пользоваться тѣмъ кормомъ, который предназначался для личинокъ шмелей.

Въ южной Америкѣ встрѣчается много совершенно безвредныхъ змѣй, которыя своей внѣшностью весьма походятъ на другихъ змѣй, чрезвычайно опасныхъ.

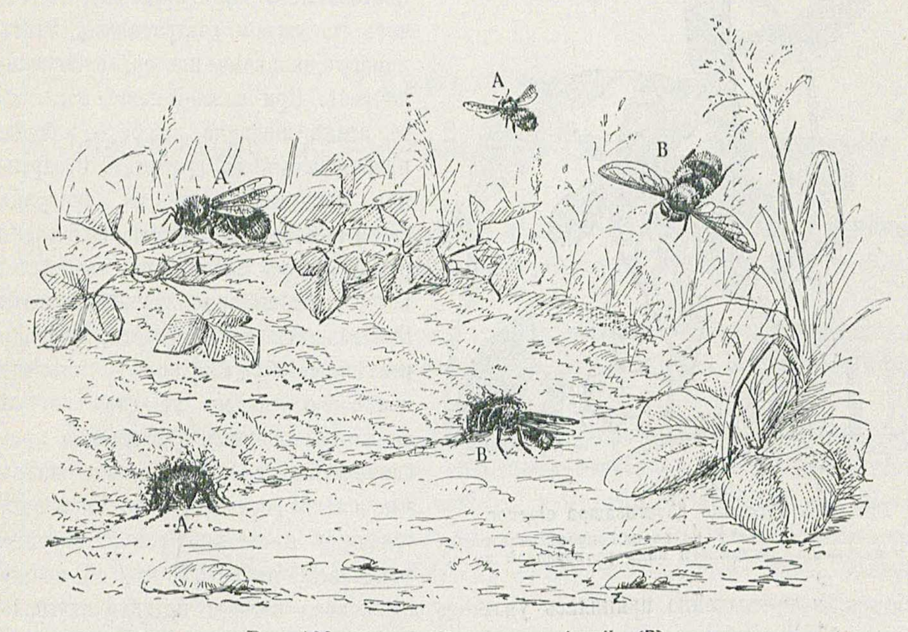


Рис. 109. Шмели (A) и мухи volucella (B).
Еще одинъ примѣръ удивительнаго сходства представителей совершенно различныхъ видовъ.

Согласно наблюденіямъ М. Франсуа, у коралловыхъ рифовъ Ново-Гебридскихъ острововъ водится рыба изъ семейства угрей, которая живетъ вмѣстѣ съ весьма ядовитой змѣей elaps cerallinus, имѣя поразительное сходство съ нею.

* * *

Ученый Бетсъ разсказываетъ, что большая бразильская гусеница внушала ему немалый страхъ, благодаря своему очевидному сходству съ головою ядовитой змѣи.

Въ нашихъ краяхъ можно также наблюдать нѣчто подобное. Гусеница, извѣстная подъ названіемъ chocrocampa elpenor, имѣетъ съ каждой стороны перваго и второго брюшного сегмента широкія пятна, похожія на глаза, которыя ничѣмъ не выдѣляются, когда насѣкомое находится въ покоѣ. Но если гусеница сильно напугана, то голова ея немедленно входитъ въ туловище, а пятна тотчасъ сливаются такимъ образомъ, что принимаютъ видъ змѣиной головы. Сходство велико до того, что рука, протянутая для того, чтобы схватить гусеницу, быстро отдергивается назадъ.

животныхъ эта внезапная метаморфоза пугаетъ точно такъ же, какъ и людей.

Пультонъ разсказываетъ, что онъ предложилъ однажды такую гусеницу взрослой зеленой ящерицѣ. Эта послѣдняя не знала хорошенько, слѣдуетъ ли ей напасть на гусеницу, которая, при приближеніи врага, приняла оборонительное положеніе. Ящерица, наконецъ, рѣшилась; она мужественно приблизилась къ непріятелю, но тотчасъ въ ужасѣ возвратилась. Этотъ маневръ насѣкомое повторяло нѣсколько разъ. При каждой новой попыткѣ къ атакѣ ящерица все болѣе и болѣе приближалась къ гусеницѣ. Ободренная неподвижностью ея, ящерица стала смѣлѣе и нанесла первый очень робкій ударъ зубомъ въ то мѣсто, которое имѣло видъ змѣиной головы. Испугавшись своей дерзости, ящерица поспѣшно убѣжала; но замѣтивъ, что насѣкомое ничѣмъ не отвѣчало на ея атаку, ящерица рѣшительно приблизилась къ нему, и довольно сильно ударила его своимъ зубомъ. Укусивши гусеницу нѣсколько разъ, ящерица убѣдилась, наконецъ, что ей нечего бояться, и преспокойно принялась уплетать насѣкомое, которое недавно внушало ей такой сильный страхъ.

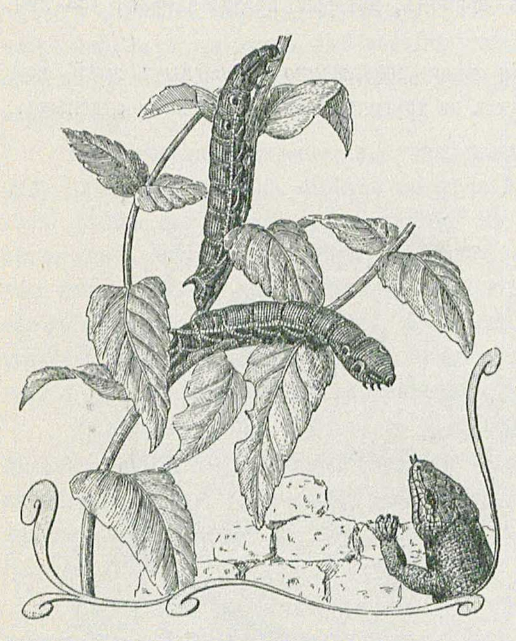


Рис. 110. **Гусеница choerocampa elpenor.**
Чтобы нагнать страху на своихъ преслѣдователей, это насѣкомое принимаетъ видъ разъяренной змѣи.

Гусеница dicranura vinula отличается такими же талантами, какъ и описанная выше. Испуганная или разсерженная, она раздуваетъ свою голову, причемъ два черныхъ пятна на головѣ дѣлаютъ ее очень страшной.

ГЛАВА XVII.

Животныя, мѣняющія свою окраску.

Люди, желающіе замаскироваться, не ограничиваются фантастическими костюмами, а очень часто считаютъ необходимымъ измѣнить свой цвѣтъ лица съ помощью красящихъ веществъ.

Аналогичное явленіе замѣчается у различныхъ животныхъ; разница только въ томъ, что красящія вещества накладываются тутъ не поверхъ кожи, а подъ кожу.

Изъ представителей животнаго царства, прибѣгающихъ къ красочнымъ эффектамъ для того, чтобы измѣнить свою внѣшность, наиболѣе извѣстненъ осьминогъ. Это животное часто встрѣчается на нашемъ побережьѣ; отъ головы его во всѣ стороны расходятся восемь ногъ, снабженныхъ рожками. Животное, спокойно лежащее на днѣ моря, имѣетъ блѣдно-желтый цвѣтъ, точь-въ-точь такой, какимъ отличается морской песокъ. Но эта окраска не постоянна. Когда осьминогъ перемѣщается, въ такое мѣсто, которое окрашено иначе, чѣмъ песокъ, то онъ, приспособляясь къ новымъ условіямъ, немедленно измѣняетъ цвѣтъ своего тѣла. Гдѣ бы это животное ни находилось, оно принимаетъ господствующую окраску окружающей среды.

Эта способность измѣнять цвѣтъ своего тѣла, сообразно съ топографическими условіями, приноситъ большую пользу осьминогу, давая ему возможность дѣлаться незамѣтнымъ для своихъ враговъ. Но кромѣ этой способности осьминогъ обладаетъ другою, не менѣе интересной: подвергшись нападенію, животное тотчасъ начинаетъ мутить вокругъ себя воду, чтобы скрыться изъ виду. Дѣло въ томъ, что осьминогъ имѣетъ у себя въ запасѣ *«пузырекъ съ чернилами»*: это довольно большая желёзка, вырабатывающая черноватую жидкость.

Осьминогъ, котораго начинаютъ преслѣдовать, чтобы овладѣть имъ, сильно нажимаетъ на свою спасительную железку, и въ мгновеніе ока животное окружается густымъ темнымъ облакомъ. Въ то же самое время кожа его, прежде очень свѣтлая и прозрачная, сразу темнѣетъ, и осьминогъ какъ бы теряется во мглѣ: самый зоркій глазъ не въ состояніи указать, гдѣ находится животное. Осьминогъ пользуется этимъ благопріятнымъ моментомъ, чтобы либо уплыть подальше, либо

поспѣшно зарыться въ песокъ, при чемъ тѣло его покрывается грануляціями, которыя трудно отличить отъ песчинокъ.

Эти измѣненія цвѣта производятся специальными органами, находящимися подъ кожей; въ виду выполняемой ими функціи, они получили названіе хроматофоровъ. Это очень маленькія неясно очерченныя круглыя клѣточки, въ которыхъ находятся многочисленныя разноцвѣтныя зернышки. Вблизи расположены маленькія мышечныя волоконца, которыя, растягиваясь, увеличиваютъ объемъ клѣточекъ.

Эти растяженія, болѣе или менѣе интенсивныя, и обусловливаютъ упомянутыя выше характерныя для осьминога цвѣтовыя измѣненія. Хроматофоры обыкновенно имѣютъ видъ маленькаго шарика и едва замѣтны простымъ глазомъ, но они могутъ растягиваться и тогда окраска ихъ становится все болѣе и болѣе яркой.

Это явленіе, по словамъ Пуше, можно уподобить другому, болѣе простому: на листѣ бѣлой бумаги, находящемся на разстояніи 15—20 метровъ, нельзя различить каплю воды, величиною съ булавочную головку; но если эту каплю размазать по бумагѣ, то получится пятно, которое можно отчетливо разсмотрѣть, хотя количество воды остается неизмѣннымъ.

* * *

Способностью измѣнять цвѣтъ своего тѣла отличаются еще другія рыбы, напр., палтусъ. Пуше долго изучалъ ихъ: палтусы свѣтло-желтаго цвѣта быстро пріобрѣтаютъ темную окраску, и, наоборотъ, отъ темныхъ цвѣтовъ

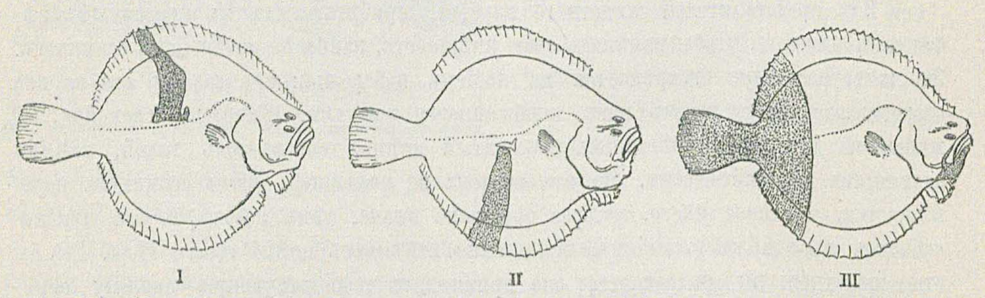


Рис. 111. **Опыты измѣненія окраски, произведенные надъ палтусомъ.**

I.—Видъ рыбы, у которой перерѣзаны переднія вѣточки спинно-мозговыхъ нервовъ *выше* того мѣста, гдѣ онѣ получаютъ вѣточку симпатическаго тѣла. *II.*—Та же операція, но разрѣзъ сдѣланъ *ниже*. *III.*—У рыбы разрушены нервныя ткани, находящіяся въ спинно-мозговомъ каналѣ.

скоро переходятъ къ свѣтлымъ, если живутъ въ водоемѣ, дно котораго частью покрыто пескомъ, частью выстлано морской травой. Тѣ изъ нихъ, которые плаваютъ надъ пескомъ, переходя къ тому мѣсту, гдѣ лежатъ морскія водоросли, кажутся болѣе свѣтлыми, чѣмъ тѣ, которыя, наоборотъ, перемѣщаются отъ водорослей къ песку. Съ теченіемъ времени этотъ контрастъ исчезаетъ, и животныя окрашиваются въ тотъ именно цвѣтъ, который свойственъ данной части водоемнаго дна: надъ поверхностью морскихъ водорослей замѣтить ихъ становится довольно трудно, а надъ поверхностью песка — еще труднѣе. Въ прудахъ и рѣчкахъ, гдѣ ихъ разводятъ, можно видѣть иногда нѣсколько штукъ, если вода очень прозрачна. Съ перваго взгляда кажется, что они единственные обитатели даннаго бассейна, но стоитъ только забросить въ воду ихъ любимую

приманку, именно головки соленыхъ сардинокъ, какъ тотчасъ все дно, которое принимали за землю, начинаетъ шевелиться, и множество рыбъ, въ ожиданіи лакомой добычи, выплываетъ на поверхность.

Нѣкоторые палтусы отличаются необыкновенной чувствительностью. Живя на пескѣ, они пріобрѣтаютъ свѣтло-сѣрую окраску такого оттѣнка, что разглядѣть ихъ удается только съ большимъ трудомъ; но достаточно бываетъ приблизить къ нимъ какой-нибудь предметъ, чтобы они тотчасъ стали покрываться пятнами, широкими, какъ палецъ, и черными, какъ китайская тушь.

Многими опытами доказано, что измѣненія въ цвѣтѣ, появленіе и исчезновеніе окрашивающихъ пигментовъ на тѣлѣ палтуса обусловливаются не вліяніями окружающей среды, а вызываются послѣдовательными измѣненіями, происходящими въ центральной нервной системѣ. Такъ, если палтуса лишить зрѣнія, то красочныя метаморфозы, о которыхъ рѣчь была выше, болѣе не наблюдаются у него. Если перерѣзать извѣстные нервы, то въ той части тѣла, съ которой они были соединены, появляются черныя пятна, такъ какъ результатомъ этой операціи является параличъ хроматофоровъ.

*
* *

Говоря о животныхъ, способныхъ измѣнить свой цвѣтъ, нельзя обойти молчаніемъ хамелеона, который вошелъ въ пословицу своими красочными метаморфозами. Въ общемъ, хамелеонъ принимаетъ свѣтлую окраску, находясь на темномъ фонѣ, и наоборотъ, темную, когда находится на освѣщенномъ мѣстѣ. Поль Беръ, спеціально занимавшійся изученіемъ этого животнаго, нашелъ, что въ кожѣ его хроматофоры заложены въ видѣ двухъ слоевъ—поверхностнаго, свѣтло-желтаго, и болѣе глубокаго, темнаго, буровато-чернаго оттѣнка.

Игра хроматофоровъ у хамелеона точно такая же, какъ у осьминога.

Поль Беръ рядомъ интересныхъ опытовъ доказалъ, что измѣненія окраски которыми такъ славится хамелеонъ, отчасти обусловлены дѣйствіемъ свѣта. Между спокойно лежащимъ хамелеономъ и пучкомъ солнечныхъ лучей, освѣщающихъ его, ставятъ преграду въ видѣ пластинки картона, въ которой сдѣлано нѣсколько отверстій различной формы. По истеченіи нѣкотораго времени пластинку удаляютъ и тогда на кожѣ хамелеона можно явственно видѣть темныя

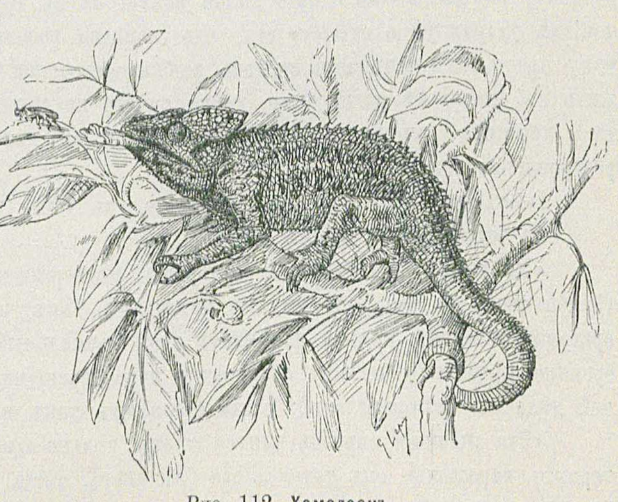


Рис. 112. Хамелеонъ.

пятна, имѣющія ту же форму, что отверстія, сдѣланныя на картонѣ. Очевидно, что эти пятна вызваны непосредственнымъ дѣйствіемъ свѣтовыхъ лучей.

Въ нашихъ краяхъ измѣненія цвѣта, которыя замѣчаются на кожѣ хамелеона, не значительны, краски не богаты разнообразіемъ, варьируя между сѣрымъ, свѣтло-зеленымъ и зеленовато-бурымъ.

«Подъ небомъ Африки,—говоритъ Пуше:—хамелеонъ безпрестанно мѣняетъ свой пестрый костюмъ. На кожѣ животнаго можно видѣть то рядъ широкихъ полосъ, расположенныхъ по бокамъ, то множество маленькихъ пятнышекъ, какими бываютъ испещрены форели. Эти фигуры то кажутся свѣтлыми, вырисовываясь на темномъ фонѣ, то, наоборотъ, черезъ мгновеніе становятся темными, выступая на свѣтломъ фонѣ.

«Однажды мнѣ пришлось прожить около двухъ недѣль на верхнемъ Нилѣ, въ теченіе этого времени я наблюдалъ двухъ пойманныхъ хамелеоновъ, которые жили въ лодкѣ почти на свободѣ. Они были привязаны другъ къ другу только тонкимъ шнуркомъ, и, поэтому, не будучи въ состояніи уйти другъ отъ друга, должны были подвергаться воздѣйствію однихъ и тѣхъ же факторовъ.

«Днемъ у хамелеоновъ наблюдалась совершенно различная игра красокъ, поражавшая своимъ разнообразіемъ; ночью, когда они спали на старомъ, излюбленномъ продырявленномъ стулѣ, они имѣли одинъ и тотъ же красивый свѣтло-зеленый цвѣтъ, не измѣнявшійся въ теченіе всего того времени, что животныя покоились сномъ».

* * *

Нѣкоторыя животныя зачастую мѣняютъ свой цвѣтъ для того, чтобы напугать своихъ враговъ, или же чтобы проявить свое «настроеніе духа»

Какъ на наиболѣе извѣстный примѣръ, укажемъ на колюшекъ, маленькихъ рыбокъ, которыя встрѣчаются такъ часто въ нашихъ болотахъ. Пойманныя и посаженныя въ акваріумъ, онѣ приходятъ въ неистовый гнѣвъ, въ сильномъ волненіи плаваютъ изъ одного конца акваріума въ другой, и съ такимъ ожесточеніемъ ударяются о стѣнки его, что нерѣдко разбиваются насмерть. Мало-помалу ярость ихъ начинаетъ стихать, рыбки постепенно успокаиваются и начинаютъ жить въ акваріумѣ очень тихо, точно ничего не случилось. Но при этомъ все-таки дразнить ихъ не слѣдуетъ, потому что эти маленькія рыбки чрезвычайно раздражительны.

Гнѣвъ ихъ прежде всего проявляется въ томъ, что онѣ мѣняются въ цвѣтѣ.

По этому поводу Бремъ пишетъ:

«Цвѣтовыя метаморфозы, которымъ подвергаются колюшки, находятся въ тѣсной связи съ волнующими ихъ чувствами. Такъ, празднуя побѣду надъ своимъ врагомъ, колюшка сильно измѣняетъ свой нормальный серебристо-зеленый цвѣтъ: брюшко и нижняя челюсть становятся ярко-красными, спина изъ красновато-желтой дѣлается свѣтло-зеленой; глаза сверкаютъ какъ изумруды.

«Эта пышная окраска длится иногда только одно мгновеніе: если побѣдитель терпитъ пораженіе, онъ тотчасъ же блѣднѣетъ, тогда какъ тѣльце его сѣренькаго безцвѣтнаго противника окрашивается въ яркія краски».

Эвенъ сдѣлалъ массу интересныхъ наблюденій; онъ такъ хорошо изучилъ жизнь колюшки, что, глядя только на ея окраску, могъ опредѣлить заранѣе, какія «чувства» ее волнуютъ въ данный моментъ. Каждый самецъ, щеголяетъ самыми блестящими яркими цвѣтами. Если колюшка, самецъ или самка, внезапно окрашивается въ розовато-красный цвѣтъ, то это несомнѣнный признакъ, что она готовится затѣять драку; если же эта окраска внезапно исчезаетъ, то нужно придти къ заключенію, что животное потерпѣло фіаско въ своихъ планахъ и возвратилось въ свои владѣнія, пристыженное и уничтоженное неудачей.

Когда животное, окрашенное въ яркіе цвѣта, сразу перемѣщаютъ въ другой бассейнъ, то окраска его тотчасъ же пропадаетъ и не возвращается никогда, если только животное остается въ покоѣ.

Иногда, впрочемъ, колюшка неожиданно, безъ всякой видимой причины, окрашивается въ яркіе цвѣта; чрезвычайно раздражительная и злая, она можетъ разсердиться на тростникъ, колеблемый вѣтромъ, на песчинку или камешекъ, которые, какъ ей кажется, стоятъ не на своемъ мѣстѣ, иногда даже ее приводитъ въ бѣшенство тѣнь, падающая отъ наблюдающаго ее человѣка.

Въ продолженіе всего того времени, что самецъ строитъ себѣ свое жилье, цвѣтъ его кожи подвергается сильнымъ измѣненіямъ. Колюшка, недавно только имѣвшая блѣдно-зеленую окраску, мѣняетъ свой цвѣтъ: спина окрашивается въ изумрудный цвѣтъ, глаза блестятъ, а брюшко и щеки дѣлаются ярко-красными.

ГЛАВА XVIII.

Удивительныя ящерицы.

Среди ящерицъ попадаются иногда весьма своеобразные, оригинальные виды Такъ, напр., къ семейству ящерицъ-игуановъ относится между прочимъ видъ, извѣстный подъ названіемъ летающаго дракона (Draco volans). У этой ящерицы кожа на бокахъ растянута въ формѣ перепонки, которая соединяетъ пальцы лапъ. Пользуясь этимъ импровизированнымъ парашютомъ, животное можетъ бросаться внизъ съ высокаго мѣста и достигать земли, не подвергаясь опасности ушибиться.

У ящерицы-хламидозавра на шеѣ имѣется щитъ, который животное подымаетъ, когда защищается отъ нападенія.

Ящерица-молохъ, называемая также «колючимъ чортомъ», имѣетъ еще болѣе странный видъ: тѣло ея покрыто колючками, похожими на шипы розы, а на головѣ ея имѣются отростки, напоминающіе рога.

Молохъ, живущій въ Новой Голландіи, любя погрѣться на солнцѣ, залѣзаетъ въ песокъ. Хотя молохъ и очень страшенъ на видъ, въ сущности онъ очень сми-

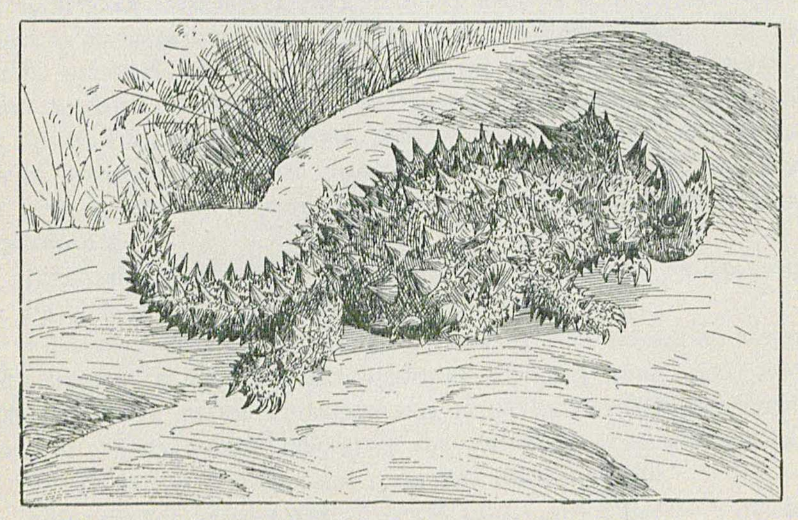


Рис. 113. **Молохъ.**

Это животное, кажущееся очень опаснымъ, очень трусливо: при малѣйшемъ шумѣ оно прячется въ песокъ.

ренъ и безобиденъ; питается онъ главнымъ образомъ муравьями и не оказываетъ никакого сопротивленія, когда хотятъ поймать его. Вотъ еще одно доказательство того, какъ часто наружность бываетъ обманчива.

Ящерицы вида Phrynosoma, хотя также покрыты колючками, однако, кажутся менѣе страшными на видъ, чѣмъ молохъ; ихъ отличаетъ отъ другихъ видовъ одна въ высшей степени любопытная черта, заключающаяся въ слѣдующемъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ Сэръ Дж. Уоллесъ впервые заявилъ, что ящерица phrynosoma можетъ пускать струю крови изъ своихъ глазъ.

«При извѣстныхъ обстоятельствахъ,—говоритъ Уоллесъ:—очевидно съ цѣлью самозащиты, эта ящерица-phrynosoma выбрасываетъ изъ глазъ струю ярко-красной жидкости, поразительно похожей на кровь. Я наблюдалъ это странное явленіе три

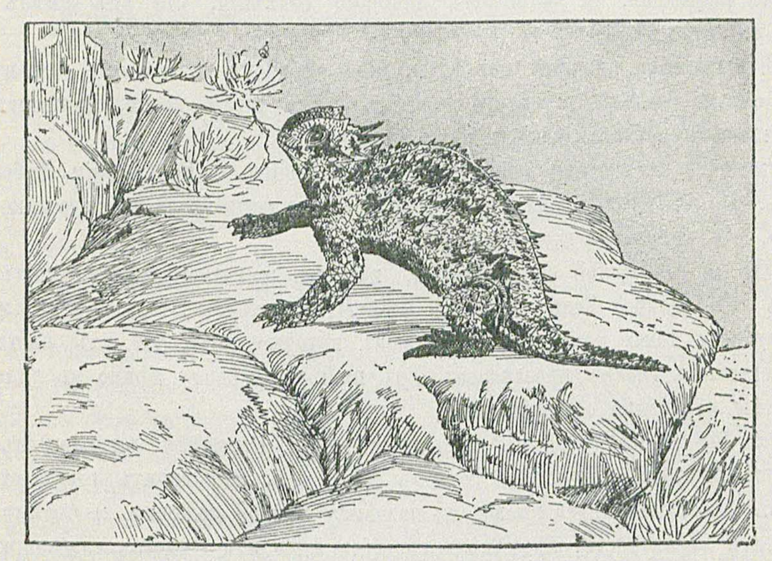


Рис. 114. **Phrynosoma.**
Животное, пускающее изъ глазъ струю крови въ своихъ враговъ.

раза на трехъ различныхъ экземплярахъ; одинъ изъ нихъ пустилъ свою жидкость прямо въ меня—я находился тогда на разстояніи пятнадцати сантиметровъ отъ животнаго; у другого кровь брызнула тогда, когда я сталъ размахивать передъ нимъ сверкающимъ клинкомъ ножа.

«Я думаю, что эта жидкость брызжетъ изъ глазъ, такъ какъ не могу себѣ представить, изъ какого другого мѣста она могла бы появиться».

Очень жаль, что Уоллесъ, такой опытный наблюдатель, не сдѣлалъ болѣе подробныхъ изслѣдованій на этотъ счетъ. Поэтому, его сообщеніе и поселило сомнѣніе въ умахъ натуралистовъ: это явленіе казалось такимъ необыкновеннымъ, что ученые усомнились въ истинности наблюденія, сдѣланнаго знаменитымъ англійскимъ естествоиспытателемъ, утверждая, что если дѣйствительно есть такая жидкость, которая брызжетъ изъ глазъ ящерицы, то эта жидкость должна представлять собою ничто иное, какъ выдѣленіе слезной железы. Эта послѣдняя, вмѣсто

того, чтобы секретировать безцвѣтную прозрачную жидкость, могла бы производить такую, которая окрашена въ красный цвѣтъ, и тогда въ описанномъ выше явленіи не было бы ничего удивительнаго, ничего необыкновеннаго.

Но наблюденія, сдѣланныя недавно, совершенно опровергли этотъ взглядъ. М. Гей, изъ Вашингтона, держалъ у себя ящерицу-phrynosoma, которой весьма интересовался.

Однажды ему удалось увидѣть ее во время линянія, т. е. какъ разъ въ то время, когда она сбрасывала кожу. Надѣясь облегчить животному эту операцію, Гей погрузилъ его въ воду, и былъ не мало удивленъ, когда увидѣлъ, что на поверхности воды появилось девяносто красноватыхъ пятенъ; разсматривая эти пятна подъ микроскопомъ, онъ констатировалъ въ нихъ присутствіе красныхъ кровяныхъ шариковъ: не оставалось никакого сомнѣнія, что онъ имѣлъ дѣло съ кровью.

Гей вытащилъ ящерицу изъ воды, далъ ей время пообсохнуть, затѣмъ началъ ее сильно безпокоить: спустя короткое время струя крови, пущенная изъ праваго глаза животнаго, оросила руку американца.

Два точно такихъ же наблюденія были сдѣланы въ Калифорніи. Любопытно отмѣтить, что въ двухъ случаяхъ струя крови была направлена наблюдателю прямо въ глаза, что вызвало легкое воспаленіе.

Было ли это чистой случайностью, или же животное дѣйствительно прицѣлилось сознательно? Если допустить вторую возможность, то, значитъ, животное поступаетъ такъ, какъ нѣкоторые воры, которые, видя, что ихъ настигаетъ погоня, бросаютъ своимъ преслѣдователямъ пригоршни перцу прямо въ лицо, для того, чтобы мгновенно ослѣпить ихъ.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время считается доказаннымъ тотъ фактъ, что ящерица-phrynosoma можетъ выпускать изъ своихъ глазъ струйку крови, въ количествѣ, превышающемъ половину чайной ложечки, и что это явленіе, по всей вѣроятности, представляетъ собою одно изъ средствъ самозащиты.

Къ числу интересныхъ ящерицъ относятся также слѣдующія: Heloderma horridum, которая живетъ въ Мексикѣ, отличается коническими бороздчатыми зубами; укушеніе ея считается очень ядовитымъ; Basiliscus, который обладаетъ кожистой лопастью, способной подыматься на темени, и длиннымъ гребнемъ на спинѣ и хвостѣ; наконецъ, такъ-называемая бѣлая амфисбена, ящерица, которая, какъ мѣдяница, не имѣетъ совсѣмъ лапъ.

ГЛАВА XIX.

Хорошо укутанныя животныя.

Общеизвѣстно, что шерсть млекопитающихъ становится болѣе густою въ зимнее время; исключеніемъ въ этомъ отношеніи является только человѣкъ, у котораго лѣтомъ обильнѣе растутъ волосы, чѣмъ зимою. Густота или пушистость шерсти вызывается либо удлиненіемъ существующихъ уже на кожѣ животнаго волосъ, либо въ періодъ, слѣдующій за линяніемъ, образованіемъ волосяныхъ придатковъ и появленіемъ между ними болѣе короткихъ, болѣе мягкихъ и пушистыхъ.

Къ новообразованію волосяныхъ покрововъ, которое находится, очевидно, въ связи съ наступленіемъ морозовъ, особенно предрасположены нѣкоторые виды животныхъ; за ними вслѣдствіе этого усердно охотятся въ цѣляхъ добыванія мѣха.

Потребность носить мѣха,—я имѣю въ виду мѣха, хорошо обработанные, а не простыя звѣриныя шкуры, которыя носилъ до-историческій человѣкъ,—эта потребность, столь распространенная въ настоящее время во всѣхъ классахъ общества, въ дѣйствительности не такъ давно нашла себѣ примѣненіе. Мода на ношеніе мѣховъ въ Западной Европѣ установилась лишь послѣ невѣроятно суровой зимы 1879—1880 г.

Слѣдующіе годы были менѣе холодны, но мода на мѣха, прочно утвердившись, уже не мѣнялась. Мѣха, пользованіе которыми сначала было привилегіей высшаго общества, вскорѣ стали общимъ достояніемъ и теперь всѣ носятъ мѣха, настоящіе или болѣе или менѣе удачно поддѣланные.

На этомъ основаніи мы считаемъ умѣстнымъ дать нѣкоторыя свѣдѣнія о торговлѣ мѣхами и о тѣхъ животныхъ, которыя ихъ главнымъ образомъ доставляютъ.

Самымъ большимъ центромъ вывоза и торговли мѣхами безспорно является Сибирь, гдѣ охотой за пушнымъ звѣремъ занимается значительная часть населенія.

Добыча направляется въ три главные пункта: самымъ крупнымъ изъ нихъ считается ирбитская ярмарка, которая ежегодно устраивается въ февралѣ въ уѣздномъ городѣ Ирбитѣ (Пермской губ.). Въ 1891 г. на этой ярмаркѣ было про-

дано 4.500.000 бѣличьихъ шкурокъ, 22.600 лисьихъ и 12.500 собольихъ. Въ 1890—1892 г. торговый оборотъ по пушному товару достигъ $6^1/_2$ милл. руб.

Другой центръ торговли мѣхами — это Кяхта, городъ, лежащій на русско-китайской границѣ; тутъ продаютъ главнымъ образомъ китайцамъ горностаевъ и сибирскихъ бѣлокъ.

Наконецъ, мѣха, добытые на Камчаткѣ, а также въ областяхъ Анадыра и Амура, закупаются американскимъ торгово-промышленнымъ обществомъ Alaska Commercial Company и отправляются въ Лондонъ.

Что же касается нижегородской ярмарки, то мы не упомянули о ней съ самаго начала потому, что на этомъ рынкѣ все продается изъ вторыхъ рукъ, за исключеніемъ астраханскаго и персидскаго каракуля и мѣховъ, добытыхъ въ сѣверной Россіи.

Поражающія своимъ изяществомъ готовыя, щегольски отдѣланныя мѣховыя вещи и дешевы потому, что значительное большинство ихъ — поддѣлка, сфабрикованная въ Парижѣ или въ Лондонѣ.

* * *

Мѣхъ соболя принадлежитъ къ числу наиболѣе цѣнныхъ. Соболь встрѣчается главнымъ образомъ въ Азіи, но съ каждымъ годомъ количество его прогрессивно уменьшается.

По своему внѣшнему виду соболь мало чѣмъ отличается отъ куницы: только шея у него нѣсколько длиннѣе, уши больше, хвостъ короче, да шерсть пушистѣе и мягче.

Охота за соболями, по словамъ Брэма, очень прибыльна, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма опасна. Не одинъ охотникъ погибъ уже въ снѣжныхъ пустыняхъ; не разъ случалось, что внезапно разыгравшаяся метель навсегда отнимала у него надежду увидѣть когда-нибудь своихъ. Только очень крѣпкое тѣлосложеніе, да большая опытность могутъ спасти смѣлаго охотника, захваченнаго снѣжнымъ ураганомъ въ степи. Ежегодно соболиная охота уноситъ извѣстное число жертвъ.

Эта охота начинается въ октябрѣ и продолжается до среднихъ чиселъ ноября или до начала декабря; съ наступленіемъ весны соболя линяютъ и лѣтомъ у нихъ шерсть очень коротка; только осенью животныя начинаютъ пріобрѣтать красивый пушистый мѣхъ.

Охотники отправляются на ловлю группами; въ группѣ иногда насчитывается около сорока человѣкъ. Вслѣдъ за охотниками тянется обозъ: плетутся собаки, запряженныя въ сани, нагруженныя съѣстными припасами на нѣсколько мѣсяцевъ. Замѣтивъ соболя, охотники начинаютъ гнаться за нимъ на лыжахъ до тѣхъ поръ, пока не поймаютъ его или пока не найдутъ его логовища. Если соболя открываютъ въ норѣ, въ дуплѣ дерева, то разставляютъ вокругъ сѣти и выгоняютъ животное изъ его убѣжища; или же срубаютъ дерево и убиваютъ звѣрька ударами палокъ или ружейнымъ выстрѣломъ.

Предпочитаютъ, однако, взять соболя изъ западни, чтобъ не портить его шкурки. Охотники должны употребить нѣсколько дней, чтобы привести въ порядокъ

и разставить въ надлежащихъ мѣстахъ западни для ловли драгоцѣннаго звѣря. Капканы разставляютъ на землѣ, силки ставятъ въ ямахъ, окружая ихъ частоколомъ, покрываютъ сверху досками, чтобы предупредить обвалъ земли, которая могла бы похоронить подъ собою эти хитроумныя приспособленія. Капканы и силки приходится осматривать очень часто, потому что нерѣдко случается, что голубая лисица или другое какое-нибудь хищное животное, пользуясь безпомощнымъ положеніемъ соболя, попавшаго въ силки, съѣдаетъ его; отъ дорогого звѣря остаются только жалкіе остатки, охотникъ же несетъ убытки, теряя отъ 40 до 60 рублей.

Иногда подымается метель, и охотнику приходится тогда бросать

Рис. 115. **Соболь.**
У животного такой гордый видъ, какъ будто оно сознаетъ, какой красотой отличается его мѣхъ.

свою добычу, чтобы поскорѣе принять какія-нибудь мѣры къ собственному спасенію.

Охота за соболями сопряжена съ большими трудностями и лишеніями; она иногда совсѣмъ не окупаетъ расходовъ, которые на нее были сдѣланы. Если она была удачной, то охотники (по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые считаются христіанами) отдаютъ сначала нѣсколько шкурокъ въ пользу церкви, затѣмъ платятъ подати казнѣ, также шкурками; вся оставшаяся добыча продается и вырученныя деньги дѣлятся поровну.

Соболя, извѣстные уже съ давнихъ поръ, никогда въ сущности не выходили изъ моды. За этими животными охотились уже въ XI вѣкѣ у береговъ Оби и Печоры, куда стекались охотники со всѣхъ странъ; туда являлись даже арабы.

Охотники постепенно все болѣе и болѣе расширяли ту область, гдѣ они за-

нимались своимъ промысломъ; покореніе Сибири было въ общемъ подготовлено постепенно расширеніемъ раіоновъ соболиной охоты. Казаки, именемъ Царя, обложили данью туземцевъ; эта дань, называемая *ясакъ,* состояла главнымъ образомъ изъ мѣховъ. Казаки сами охотились, но чаще всего предоставляли это занятіе мѣстнымъ жителямъ, съ которыми вели мѣновую торговлю: взамѣнъ мѣховъ они давали туземцамъ различные мелкіе предметы, напр., ложку, ножикъ, и т. д.

Обычай платить ясакъ сохранился до нашихъ дней. Остяки, самоѣды, тунгусы, якуты, чукчи платятъ подати не деньгами, а натурой, т. е. шкурами. Самые красивые экземпляры отправляются ко Двору или же предназначаются для подарковъ представителямъ иностранныхъ державъ; все остальное продается, и деньги поступаютъ въ казну.

Всѣ инородцы, населяющіе крайній сѣверъ русско-азіатскихъ владѣній, занимаются охотой на соболей, куницъ, бѣлокъ, росомахъ, горностаевъ; причемъ бьютъ звѣря либо изъ кремневыхъ ружей, либо стрѣлами съ шарикомъ на остріѣ, чтобы не испортить мѣхъ животнаго.

Упорное преслѣдованіе пушного звѣря, производившееся непрерывно въ теченіе многихъ вѣковъ, имѣло своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ замѣтное уменьшеніе добычи. Нѣкоторые виды пушного звѣря совершенно исчезли изъ многихъ областей, гдѣ они водились въ большомъ количествѣ встарину; другимъ угрожаетъ опасность полнаго истребленія.

Соболь все рѣже и рѣже становится добычей охотниковъ; въ долинѣ Оби онъ уничтоженъ совсѣмъ, и въ восточной Сибири наблюдается быстрое и значительное сокращеніе добычи соболиныхъ шкурокъ.

Въ 1825 г. было продано въ Якутскѣ 18.000 этихъ шкурокъ; въ 1830 г.— только 6.000; въ 1884 г. вся восточная Сибирь дала лишь 430 штукъ. На ирбитской ярмаркѣ за періодъ времени отъ 1850 до 1870 г. количество проданныхъ соболей уменьшилось на девять десятыхъ.

Всю свою добычу туземцы привозятъ на мѣстные рынки, гдѣ они мѣняютъ ее на колоніальные товары и различныя вещи европейской фабрикаціи.

Эти рынки или ярмарки устраиваются въ маленькихъ русскихъ поселеніяхъ, затерянныхъ въ пустыряхъ сѣверной Сибири; изъ этихъ поселеній особенно извѣстно село Обдорскъ (Березовскаго округа, Тобольской губ., на берегу р. Полуя, въ 6 верстахъ отъ впаденія ея въ Обь, въ 1616 верстахъ отъ Тобольска).

Очень живописное зрѣлище представляетъ собою подобная ярмарка. Представьте себѣ посреди бѣлой равнины нѣсколько деревянныхъ бараковъ-лавокъ, среди которыхъ одиноко возвышается колокольня небольшой церкви; за бараками разбросаны въ безпорядкѣ многочисленныя палатки, сдѣланныя изъ звѣриныхъ шкуръ; а въ пространствѣ между ними снуетъ пестрая толпа людей, съ ногъ до головы закутанныхъ въ мѣха, множество саней (остяцкихъ нартъ), запряженныхъ оленями, въѣзжаетъ и выѣзжаетъ съ ярмарки.

Очень своеобразна обстановка этой ярмарки; но не менѣе своеобразны также

торговыя сдѣлки, заключаемыя здѣсь. Покупатель никогда не расплачивается съ торговцемъ деньгами: тутъ ведется исключительно мѣновой торгъ, гдѣ за монетную единицу принимается песцовая шкурка.

Въ восточной Сибири купцы-промышленники должны совершать громадныя путешествія, чтобы объѣхать охотничій районъ и сдѣлать необходимыя закупки.

Мѣха туземцевъ, обмѣниваемые на европейскіе товары, принимаются, конечно, по очень низкой расцѣнкѣ. На ярмаркѣ въ Обдорскѣ въ 1881 г. бѣлая лисица продавалась по 3 руб., синяя — по 10 руб., горностай и бѣлка по 20 коп. за шкурку; зато за восемь шкурокъ черно-бурой лисицы давали неслыханную въ краѣ цѣну, — именно 25 рублей. Шкурка совершенно черной лисицы продается иногда на этихъ полярныхъ торжищахъ за 200—250 рублей.

Этими сдѣлками начинается длинный рядъ операцій, которымъ подвергаются сибирскіе мѣха, прежде чѣмъ попасть къ намъ.

Въ 1893 г. упомянутое выше торговое общество Alaska Company отправило въ Англію 21.000 собольихъ шкурокъ. Самыя красивыя изъ нихъ стоили болѣе 300 рублей.

* * *

Въ послѣднее время получилъ широкое распространеніе каракулевый мѣхъ, въ которомъ различаютъ два главныхъ сорта—персидскій и астраханскій. Первый красивѣе, изящнѣе, а потому и значительно дороже, чѣмъ второй.

Персидскій каракуль получается изъ шерсти ягнятъ; способъ полученія его состоитъ въ слѣдующемъ. Лишь только ягненокъ рождается, его тотчасъ «пеленаютъ», т. е. обертываютъ туловище сукномъ или плотной матеріей, причемъ края этой послѣдней сшиваютъ, оставляя голову и ноги животнаго совершенно свободными. Это дѣлается для того, чтобы остановить ростъ шерсти, чтобы сдавить, сжать ее и такимъ образомъ придать плоскій волнистый красивый видъ, который такъ высоко цѣнится. Ягненокъ въ теченіе пятнадцати дней долженъ носить эту повязку, чтобы шерсть его приняла надлежащую форму.

Отъ времени до времени ткань снимается, шерсть поливается теплою водою и слегка разглаживается руками на спинѣ и на животѣ животнаго. По истеченіи двухъ недѣль ягнятъ закалываютъ. Шерсть снимаютъ и приносятъ для оцѣнки знатокамъ-покупателямъ, которые живутъ въ Тегеранѣ, Тавризѣ, Испагани и состоятъ торговыми агентами различныхъ европейскихъ фирмъ. Эти агенты отправляютъ готовый каракуль въ Нижній-Новгородъ, гдѣ мѣховщики закупаютъ его цѣлыми партіями во время ярмарки.

Астраханскій каракуль получается изъ шерсти подросшихъ барашковъ, а не ягнятъ: ихъ шерсть менѣе пушиста и нѣжна, и отличается болѣе крупными завитушками, чѣмъ персидская.

Астраханскій каракуль изготовляется не только въ Астраханской губерніи, но и въ Крыму, на Украйнѣ, а также въ Персіи; отсюда онъ отправляется на макарьевскую ярмарку, гдѣ имъ запасаются, между прочимъ, иностранныя торговыя фирмы.

Персидскій и астраханскій каракуль въ сыромъ видѣ продается связками по десяти шкурокъ каждая; цѣна связки колеблется между 40—100 руб.

Но это еще не все. Шкурки, которыя продаются на ярмаркѣ, нуждаются еще

Рис. 116. Полярная, каменная лисица (песецъ)—обладательница очень цѣннаго мѣха.

въ спеціальной отдѣлкѣ—ихъ нужно красить, разглаживать, придавать имъ блестящій видъ и т. д. Эта отдѣлка производится главнымъ образомъ въ Лейпцигѣ, гдѣ съ давнихъ поръ сосредоточена торговля каракулемъ. Окрашиваніе каракуля въ красивый черный цвѣтъ—очень трудная и тонкая работа. По запаху и шелковистости шерсти знатоки тотчасъ узнаютъ, выдѣланъ ли каракуль въ Саксоніи или въ другомъ мѣстѣ.

* * *

Лисица принадлежитъ къ числу тѣхъ пушныхъ звѣрей, шерсть которыхъ подвержена большимъ измѣненіямъ въ зависимости отъ характера мѣстности и времени года. Тутъ мы встрѣчаемся съ опредѣленно выраженнымъ явленіемъ мимитизма, обусловленнаго приспособленіемъ животнаго къ условіямъ окружающей среды.

Одна изъ самыхъ красивыхъ разновидностей лисицы—это такъ-называемая черно-бурая или серебристая, черный мѣхъ которой, точно опыленный бѣлымъ на-

летомъ, мѣстами отливаетъ серебромъ. Эта разновидность встрѣчается сравнительно рѣдко, а потому и цѣнится очень высоко: есть шкурки, которыя продаются по 700—1.200 руб. за штуку. Если вся шкурка имѣетъ серебристый цвѣтъ, то стоитъ она значительно меньше, — именно 70—80 руб. Въ Лондонѣ серебристыя лисицы продаются среднимъ числомъ въ количествѣ 1.500—2.000 штукъ.

Лисица-крестовка, мѣхъ которой очень любятъ въ Россіи, стоитъ самое большее 70 руб.; въ Лондонѣ въ 1894 г. этихъ лисицъ было продано 7.000.

Мѣха другихъ менѣе дорогихъ разновидностей лисицы имѣютъ несравненно болѣе обширное распространеніе. Такъ, на одномъ только лондонскомъ рынкѣ было продано въ 1893 г. 800.000 рыжихъ лисицъ и 100.000 красныхъ; самыя лучшія доставляются изъ Канады; онѣ продаются по 7—12 руб. за штуку. Шкурки этихъ лисицъ легко окрашиваются въ черный или черно-бурый цвѣтъ, что значительно увеличиваетъ ихъ продажную цѣну.

Особенно замѣчательна полярная каменная лисица, или песецъ (Vulpes lagopus); на ней мы остановимся нѣсколько подробнѣе, такъ какъ, во-первыхъ, она доставляетъ рѣдкій по красотѣ и оригинальности мѣхъ, во-вторыхъ, ея нравъ и привычки менѣе извѣстны, чѣмъ характеръ ея родича—обыкновенной рыжей лисицы, встрѣчающейся повсюду въ Европѣ.

Туловище полярной лисицы имѣетъ въ длину въ среднемъ 66 сантим., а хвостъ—33 сантим. Уши у нея маленькія и круглыя, лапы короткія, морда тупая.

Эта порода имѣетъ много разновидностей; даже одно и то же животное въ теченіе года измѣняетъ свою окраску: лѣтомъ оно имѣетъ землистый цвѣтъ, а зимою—цвѣтъ снѣга или льда съ голубоватымъ отливомъ.

Песецъ встрѣчается исключительно въ полярныхъ странахъ. Онъ очень кровожаденъ и безпощадно истребляетъ всѣхъ мелкихъ животныхъ, которыя попадаются ему. Къ человѣческому жилью онъ приближается только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не можетъ найти никакой пищи въ окрестностяхъ; подъ вліяніемъ мучительнаго голода, онъ рѣшается на грабежъ: проникнувъ въ домъ, онъ тащитъ не только живность, но также такіе предметы, которые ему совершенно безполезны, какъ, напр., платье, ботинки и пр. Если ему удалось захватить слишкомъ большую добычу, то онъ часть продуктовъ зарываетъ въ землю, причемъ такъ искусно утромбовываетъ вырытую ямку, что разглядѣть ее нѣтъ никакой возможности.

О пронырливости и дерзости песцовъ много разсказываетъ Штеллеръ, который имѣлъ возможность наблюдать ихъ на Беринговой землѣ.

«Они слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ и слѣдовали за нами неотлучно. Когда море выбрасывало какое-нибудь животное, то песцы тотчасъ овладѣвали имъ, прежде чѣмъ мы успѣвали подойти къ берегу. Если они не могли всего съѣсть, то уносили на нашихъ глазахъ остатки въ горы, гдѣ прятали ихъ въ землю; въ то время, какъ одна партія песцовъ занималась этимъ дѣломъ, другая стояла на часахъ, зорко всматриваясь вдаль, чтобы при первомъ появленіи человѣка предупредить товарищей объ угрожающей опасности.

«Если кто-нибудь дѣйствительно приближался, то всѣ дружно принимались за работу и въ очень короткое время успѣвали такъ хорошо схоронить бобра или бѣлаго медвѣдя, что никакихъ слѣдовъ своей работы не оставляли.

«Ночью, когда мы спали подъ открытымъ небомъ, песцы неслышно подкрадывались къ намъ и забирали наши шапки, перчатки, звѣриныя шкуры, которыя служили намъ въ качествѣ одѣялъ. Мы ложились иногда на свѣже-убитыхъ бобровъ, и дѣлали это съ той цѣлью, чтобы вороватыя животныя не утащили ихъ у насъ. И что же? Песцы умудрялись пробраться подъ наше ложе и самымъ спокойнымъ образомъ лакомились внутренностями бобровъ, на которыхъ мы лежали. Отправляясь спать, мы всегда брали съ собою палку, чтобы имѣть возможность отогнать непрошенныхъ гостей. Когда мы останавливались на привалѣ, песцы уже поджидали насъ; сначала они кувыркались, играли, выкидывали разныя штуки на нашихъ глазахъ, затѣмъ, становясь все смѣлѣе и смѣлѣе, все больше и больше приближались къ нашему лагерю; наконецъ, смѣлость ихъ доходила до того, что они вплотную подходили къ намъ и принимались грызть нашу обувь.

«Когда мы спали, они самымъ хладнокровнымъ образомъ начинали обнюхивать насъ, чтобы убѣдиться, живы ли мы еще или нѣтъ. Если кто-нибудь искусственно задерживалъ дыханіе на нѣсколько мгновеній, то животное тотчасъ же пробовало на немъ силу своихъ зубовъ.

«Когда мы только-что прибыли на Берингову землю и принялись рыть могилы для умершихъ въ пути, тѣмъ временемъ песцы отъѣли у покойниковъ носы и пальцы.

«Они нападали также на нашихъ больныхъ и раненыхъ...

«Иногда мы устраивали себѣ развлеченіе: одинъ изъ насъ поймаетъ, напр., песца за хвостъ и крѣпко держитъ его; песецъ изо всѣхъ силъ старается вырваться, но въ это время кто-нибудь ударомъ ножа быстро отрѣзаетъ хвостъ, — тогда песецъ, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, останавливается и начинаетъ презабавно вертѣться на одномъ мѣстѣ, тщетно стараясь найти свой навсегда потерянный хвостъ... Когда песцы не могли воспользоваться тѣми вещами, которыя они у насъ стащили, они, не долго думая, принимались почему-то отправлять на нихъ свои естественныя потребности, и каждый песецъ, проходя мимо, считалъ своимъ долгомъ остановиться и сдѣлать то, что было сдѣлано его товарищами».

Бѣлый песецъ встрѣчается очень часто; шкурка его продается по 2—8 руб. Изъ Гренландіи, сѣверной Америки, Сибири привозятъ въ Европу ежегодно 25.000—60.000 бѣлыхъ песцовъ. Голубые песцы цѣнятся несравненно дороже: въ 1808 г. одна шкурка стоила 120—130 руб. Голубыхъ песцовъ продаютъ въ среднемъ: 4.000 штукъ въ Лондонѣ, 1.000 штукъ въ Копенгагенѣ и 2.000 штукъ въ Ирбитѣ.

* * *

Мѣхъ американской куницы славится своей прочностью и дешевизной: въ Лондонѣ можно пріобрѣсти шкурки по 20 коп. Самыя красивыя стоятъ не болѣе 10 руб.

Американская куница своимъ внѣшнимъ видомъ очень напоминаетъ ласку:

тѣло ея, въ среднемъ, имѣетъ въ длину 36 сантим., а хвостъ—19 сантим. Лапки коротки, мордочка вытянута. Животное любитъ возвышенные берега рѣкъ и озеръ, покрытые кустарникомъ. Его ловятъ, главнымъ образомъ, посредствомъ капкановъ.

Компанія Гудсонова залива продала въ 1895 г. 46.000 шкурокъ американской куницы.

* * *

Шкурка европейской выдры стоитъ въ среднемъ 14 руб., а американской—25 руб.; продаются онѣ ежегодно въ количествѣ 20.000 штукъ. Мѣхъ у выдры очень густой и короткій. Извѣстно, что это животное водится въ прѣсной водѣ, гдѣ оно питается рыбой. Въ продажѣ его мѣхъ не всегда можно найти: выдра попадается вообще рѣдко и ловится только случайно.

Бобръ также начинаетъ попадаться все рѣже и рѣже. Въ Европѣ его нѣтъ почти совсѣмъ; встрѣтить его можно еще на сѣверномъ побережьѣ Америки. И тамъ вслѣдствіе усерднаго истребленія, ряды бобровъ изъ году въ годъ прогрессивно рѣдѣютъ. Тѣмъ не менѣе въ 1895 г. число добытыхъ бобровыхъ шкурокъ равнялось 60.000.

Американскія куницы и сѣрая бѣлочка, въ противоположность описаннымъ выше рѣдкимъ звѣрямъ, истребляются въ огромномъ числѣ. Американская куница—эта такъ-называемая мускусная мышь; шкуркой этого животнаго, равно какъ и шерстью кролика, пользуются для поддѣлокъ многихъ дорогихъ мѣховъ: самыя лучшія шкурки продаются не дороже 50—70 коп. Сѣрая бѣлочка—эта наша обыкновенная хорошенькая векша, мѣхъ которой въ странахъ, расположенныхъ на востокѣ, темнѣетъ, превращаясь изъ бѣлаго въ сѣрый. На Уралѣ это животное имѣетъ темно-сѣрый цвѣтъ; на берегахъ Лены окраска его пріобрѣтаетъ синеватый оттѣнокъ, еще дальше къ востоку, у Охотска, мы встрѣчаемъ почти совершенно черныхъ бѣлокъ.

Сѣрыя бѣлки очень плодовиты, вотъ почему ихъ и теперь еще очень много, несмотря на то, что охотники истребляютъ ихъ массами. Европейская Россія и Сибирь доставляютъ не менѣе 5 милліоновъ бѣличьихъ шкурокъ. Центромъ сбыта ихъ является Лейпцигъ, гдѣ нѣмцы закупаютъ ихъ въ большомъ количествѣ, чтобы послѣ надлежащей обработки пустить въ продажу подъ видомъ настоящихъ и модныхъ мѣховъ.

О шкурахъ оленей и медвѣдей мы распространяться не будемъ, потому-что онѣ имѣютъ очень ограниченное примѣненіе у насъ: изъ нихъ дѣлаютъ преимущественно ковры.

* * *

Аляска—это своего рода Эльдорадо по части мѣховъ. Въ 1770 году тутъ были убиты: 16.000 морскихъ выдръ, 23.000 соболей, 2.400 черно-бурыхъ лисицъ, 14.000 красныхъ, 36.000 голубыхъ и 25.000 тюленей. Съ тѣхъ поръ добыча, правда, прогрессивно уменьшалась; тѣмъ не менѣе и теперь она еще очень значительна—особенно много убивается тутъ пушныхъ тюленей, охота за которыми подчинена правительственному надзору.

Пушные тюлени послужили въ 1894 г. причиной крупнаго недоразумѣнія,

возникшаго между Соединенными Штатами, купившими у русскихъ Аляску, и Англіей.

Третейскій судъ, засѣдавшій въ Парижѣ, помирилъ враждующія стороны.

Чтобы понять правила охоты, подвергшейся строгому упорядоченію, необходимо знать привычки этихъ цѣнныхъ животныхъ, шкуры которыхъ продаются иногда по 400 рублей.

Въ Беринговомъ морѣ водятся два вида тюленей: такъ-называемый морской левъ (otaria Stelleri) и морской медвѣдь (Callorhinus ursinus), отличающійся мягкой, шерстью. Тюлени имѣютъ привычку лѣтомъ собираться въ огромныя стада и всегда въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, которыя американцы называютъ rookeries; въ Беринговомъ морѣ излюбленными сборными пунктами тюленей являются Командорскіе острова (Россія), Прибылова острова (Соединенные Штаты); въ Охотскомъ морѣ—Тюленій островъ (Россія) и въ Тихомъ океанѣ—Курильскіе острова (Японія).

Всѣ эти тюлени проводятъ зиму частью въ Калифорніи, частью у береговъ Японіи; на сборные пункты rookeries являются только въ періодѣ спариванія. Взрослые самцы, которые размѣрами своего тѣла значительно превосходятъ самокъ, являются первыми въ концѣ апрѣля и выбираютъ себѣ подходящее мѣсто. Самки прибываютъ позже, именно въ іюнѣ, большими стадами, численностью въ сто штукъ и больше, въ сопровожденіи молодыхъ самцовъ.

Лишь только появляются самки, старые самцы вступаютъ въ ожесточенный бой другъ съ другомъ. Побѣдители обзаводятся семьями, въ которыхъ находится отъ 20 до 40 самокъ; ихъ самцы оберегаютъ очень ревниво, не позволяя имъ далеко уходить изъ ихъ владѣній. Молодые самцы не могутъ еще обзаводиться семьей: за право имѣть таковую они будутъ сражаться въ слѣдующемъ году.

Самка приноситъ ежегодно только одного дѣтеныша, котораго вскармливаетъ очень заботливо. Когда мать, отправившись въ море за пищей, возвращается къ своему мѣстожительству, то ее встрѣчаетъ всегда ея дѣтенышъ: они тотчасъ узнаютъ другъ друга, и живыми тѣлодвиженіями выражаютъ свою радость.

Самцы достигаютъ полнаго развитія только по достиженіи семи лѣтъ и тогда вѣсятъ 15—16 пудовъ. На четвертомъ году жизни самки вѣсятъ $2^1/_2$—3 пуда, это ихъ максимальный вѣсъ.

Молодые самцы составляютъ отдѣльныя группы на общихъ сборищахъ; подъ конецъ лѣта они дѣлаютъ попытки нападенія на отдѣльныя семейства, тѣмъ болѣе, что надзоръ за ними со стороны старыхъ самцовъ ослабѣваетъ въ это время.

«Движимые непреодолимымъ инстинктомъ молодые самцы, построившись въ карэ, смѣло идутъ на приступъ, чтобы попасть во владѣнія, находящіяся подъ охраной старыхъ самцовъ. Эти послѣдніе, не будучи въ состояніи выдержать сильнаго натиска, принуждены разступиться, образуя узкую дорожку, по которой безконечнымъ рядомъ тянутся нападающіе. Къ несчастью, эта дорожка нерѣдко упирается въ вершину высокой обрывистой скалы: животныя, добравшіяся сюда, попадаютъ въ довольно опасное положеніе: путь впередъ имъ прегражденъ скалой, а повернуть назадъ они не въ состояніи — на нихъ сзади напираютъ враги. Происходитъ страшная давка. Тюлени, тѣснимые со всѣхъ сторонъ,

принуждены бросаться на прибрежные утесы, гдѣ нѣкоторые разбиваются на смерть или причиняють себѣ болѣе или менѣе тяжелыя поранения; но большинство все-таки, оставшись невредимыми и обогнувъ островъ вплавь, снова идутъ на рискованный штурмъ, и снова попадаютъ въ опасный проливъ, оканчивающійся у береговыхъ скалъ. Такой маневръ повторяется нѣсколько разъ подъ рядъ» (Планшю).

Существуютъ два способа охоты за тюленями: первый — болѣе старый, извѣстенъ подъ названіемъ *бойни,* второй называется *морскимъ,* потому что охота производится на открытомъ морѣ.

Вотъ, согласно описанію Пуаррье, нѣкоторыя подробности, касающіяся истребленія тюленей по первому способу.

Замѣчено, что молодые самцы, сгруппировавшись въ большія стада, выходятъ изъ воды на берегъ въ дождливую или туманную погоду; замѣтивъ это, туземцы тотчасъ снаряжаются въ путь, имѣя въ виду загнать тюленей въ то мѣсто, которое считается наиболѣе удобнымъ для рѣзни. Люди, тихо ступая, неслышно двигаются вдоль берега; занявши площадку, расположенную между стадомъ и моремъ, и отрѣзавши такимъ образомъ животнымъ путь къ отступленію, они принимаются громко кричать и махать руками. Смущенные внезапнымъ появленіемъ людей, тюлени начинаютъ тѣсниться въ безпорядкѣ, лѣзутъ другъ на друга, толкаются, спотыкаются, падаютъ; животныя къ тому же озлобляются другъ на друга, вступаютъ другъ съ другомъ въ драку, и, окончательно сбитые съ толку, ищутъ спасенія въ бѣгствѣ. Нѣсколько человѣкъ, неистово крича и размахивая руками, гонятъ передъ собою цѣлое стадо. Тюлени, объятые паническимъ страхомъ, безостановочно двигаясь впередъ, преодолѣваютъ такія большія препятствія, какъ крутые обрывистые утесы и мелкіе острые камни, перемѣшанные съ рыхлымъ пескомъ. Животныя, дѣлаютъ неимовѣрныя усилія, чтобы двигаться по такому трудному для нихъ совершенно непривычному пути: ихъ тѣла, привыкшіе къ плаванію, совсѣмъ не приспособлены къ такимъ головоломнымъ гимнастическимъ упражненіямъ. Проходитъ нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ измученныя животныя, пройдя 4—5 верстъ, добираются, наконецъ, до того мѣста, на которомъ они должны быть перебиты.

Тюлени раздѣленные на маленькія группы, безъ всякаго сопротивленія подчиняются ожидающей ихъ участи.

Большой тяжелой дубиной, туземцы наносятъ сильный ударъ въ темя тѣмъ животнымъ, которыя были выбраны начальниками. По знаку этого послѣдняго жертвамъ наносится ножомъ ударъ въ сердце; кровь до послѣдней капли должна вытечь, чтобы потомъ не портить шкуры животнаго во время процесса потрошенія. Проходитъ четыре минуты, — и все кончено: тюлень лежитъ бездыханный на землѣ. Ударъ ножомъ наносятъ очень опытные охотники; ножи, которыми они вооружены, очень хороши: они нисколько не хуже отлично отточенныхъ хирургическихъ инструментовъ.

На закланіе обрекаются не всѣ животныя: пощаженнымъ дается возможность добраться до моря.

Убитыхъ тюленей люди на спинѣ переносятъ въ свои жилища. Случается

иногда, что не добитое окончательно животное, извиваясь въ предсмертныхъ судорогахъ, кусаетъ за ногу человѣка, который его тащитъ на себѣ.

Снятыя шкуры тщательно очищаются, солятся, сортируются и затѣмъ отвозятся на продажу.

Въ прежнее время тюленьи шкуры сушили такъ: процессъ обработки ихъ посредствомъ соленія идетъ значительно быстрѣе; пользуясь послѣднимъ способомъ можно въ теченіе лѣта приготовить 100.000 шкуръ, тогда какъ съ помощью сушенья едва удается сдѣлать 50.000.

Въ Европѣ отдаютъ предпочтеніе соленымъ шкурамъ; китайцы, наоборотъ, покупаютъ только сушеныя.

Описанный выше пріемъ массовой рѣзни тюленей былъ бы раціональнымъ, если бы при этомъ не погибало много животныхъ совершенно напрасно. Дѣло въ томъ, что многіе тюлени, которые остались въ живыхъ, не могутъ оправиться отъ послѣдствій тягостнаго странствованія по каменистой почвѣ и вскорѣ погибаютъ отъ ранъ, внѣшнихъ и внутреннихъ.

За тюленями охотятся также на морѣ: ихъ убиваютъ либо гарпунами, либо пулями, пользуясь тѣмъ моментомъ, когда животныя спятъ на поверхности воды.

Охота за тюленями, какъ мы упоминали уже выше, регламентирована особыми правилами; согласно этимъ правиламъ, число ежегодно убиваемыхъ тюленей не должно превышать 100.000.

Торговая компанія, арендовавшая промыслы на Прибыловскихъ островахъ, уплачивала прежде правительству Соединенныхъ Штатовъ по 3 рубля за каждую шкуру: этотъ налогъ за время съ 1870 по 1881 г., въ общемъ, составилъ 6 милл. Съ 1890 г. эта компанія уплачиваетъ 100.000 рубл. налога ежегодно, и кромѣ того 20 рублей за каждаго убитаго тюленя.

* * *

Морская выдра Enhydris marina встрѣчается сравнительно рѣдко. Тѣмъ не менѣе въ 1893—1894 г. фирмой Лампсонъ было продано около 1.500 экземпляровъ. Морская выдра имѣетъ великолѣпный мѣхъ, за который платятъ крупныя деньги: въ 1891 г. шкурка продавалась по 600 руб., а въ 1895 г. за нѣкоторыя давали по 1.000—1.500 руб.

По своему внѣшнему виду это животное представляетъ собою нѣчто среднее между обыкновенной выдрой и тюленемъ. Тѣло его имѣетъ въ длину въ среднемъ 1,3 метра, хвостъ—30 сантим.; короткія перепончатыя лапы снабжены когтями Шерсть черная, пушистая, мягкая, какъ бархатъ.

Вотъ что пишетъ объ этомъ животномъ натуралистъ-путешественникъ Стеллеръ.

Мѣхъ морской выдры несравненно красивѣе, чѣмъ мѣхъ бобра. Лучшія шкурки продаются на Камчаткѣ по тридцати рублей, въ Якутскѣ—по сорока, а на китайской границѣ ихъ обмѣниваютъ на товары, которые оцѣниваются въ 80—100 руб.

Морская выдра — веселое и рѣзвое животное, очень любящее семейную жизнь. Самка часто играетъ со своими дѣтенышами, какъ самая нѣжная мать.

Родители ради спасенія своего потомства готовы подвергнуться самымъ большимъ опасностямъ; когда у нихъ отнимаютъ дѣтенышей, они скучаютъ и тоскливо воютъ. Самка производитъ на свѣтъ за одинъ разъ не болѣе одного дѣтеныша, который родится съ готовыми зубами. Мать носитъ новорожденнаго во рту; войдя въ воду, она ложится на спину и, придерживая дѣтеныша передними лапами, начинаетъ играть съ нимъ, подбрасываетъ его въ воздухъ и подхватываетъ обратно на лету, бросаетъ его въ воду, чтобы научить плавать, и поспѣшно вытаскиваетъ оттуда, лишь только замѣчаетъ, что дѣтенышъ начинаетъ утомляться.

Когда морской выдрѣ, преслѣдуемой охотникомъ, удается достигнуть берега

Рис. 117. Морская выдра.

и хоть немного выбраться въ открытое море, она начинаетъ дѣлать такія забавныя тѣлодвиженія, точно хочетъ посмѣяться надъ неудачей своего преслѣдователя. То она, выпрямивши свое граціозное тѣло, выскакиваетъ изъ воды, придерживая одну лапку у глазъ, точно хочетъ защитить ихъ отъ лучей солнца; то она бросается на спину и подбрасываетъ вверхъ своего дѣтеныша. Если же, наоборотъ, она видитъ, что попалась, то начинаетъ ворчать и шипѣть, какъ разъяренная кошка.

Получивъ смертельный ударъ, животное ложится на бокъ, сдвигаетъ заднія лапки, а передними покрываетъ себѣ глаза. Мертвое животное, съ протянутыми ногами и сложенными на-крестъ передними лапами, напоминаетъ собою трупъ человѣка.

Движенія морской выдры весьма граціозны и быстры. Она прекрасно плаваетъ и хорошо бѣгаетъ. Удивительно то, что чѣмъ животное рѣзвѣе, подвижнѣе и

хитрѣе, тѣмъ большей красотой отличается его мѣхъ. Совершенно бѣлыя, по всей вѣроятности, очень старыя, морскія выдры весьма хитры; поймать ихъ чрезвычайно трудно. Тѣ животныя, которыя имѣютъ очень плохой буроватый мѣхъ, лѣнивы, сонливы, глупы, имѣютъ привычку спать на скалахъ или на льду; взять ихъ очень легко.

Когда морскія выдры спятъ на сушѣ, онѣ свертываются клубкомъ. Выходя изъ воды, онѣ отряхиваются и разглаживаютъ себѣ шерсть передними лапками. Онѣ бѣгаютъ быстро, какъ кошки, дѣлая по пути много зигзаговъ.

Когда имъ отрѣзываютъ путь къ морю, онѣ останавливаются, ощетиниваются, начинаютъ шипѣть, обнаруживая намѣреніе броситься на своихъ враговъ.

Одного удара по головѣ достаточно, чтобы убить животное; падая, оно прикрываетъ глаза лапами. Лежа на спинѣ выдра не оказываетъ никакого сопротивленія нападающимъ, но стоитъ наступить ей на хвостъ, чтобы она мгновенно вскочила и съ остервененіемъ набросилась на своего преслѣдователя. Нерѣдко случается, что получивъ первый ударъ, она притворяется мертвой и тотчасъ же убѣгаетъ, лишь только ее оставляютъ въ покоѣ.

Морскія выдры линяютъ въ іюлѣ и августѣ; тогда онѣ бываютъ окрашены въ буроватый цвѣтъ. Мѣхъ пріобрѣтаетъ самые красивые оттѣнки въ мартѣ и апрѣлѣ.

Съ наступленіемъ весны жители Курильскихъ островов отправляются на охоту за выдрами; они выѣзжаютъ въ открытое море на небольшихъ баркахъ, экипажъ которыхъ состоитъ изъ шести гребцовъ, одного лоцмана и одного охотника. Замѣтивъ выдру, барка тотчасъ начинаетъ преслѣдовать ее. Выдра употребляетъ всѣ усилія, чтобы скрыться изъ виду, но это ей не удается. Охотникъ, стоя на носу барки, стрѣляетъ въ нее изъ лука, лишь только къ ней приблизится на разстояніе выстрѣла. Попалъ ли въ нее охотникъ или промахнулся, все равно, выдра, чуя близость своихъ враговъ, то и дѣло скрывается подъ водою. Лишь только голова ея снова показывается на поверхности, какъ въ нее немедленно летятъ новыя стрѣлы. Пузырьки воздуха, виднѣющіяся на водѣ, показываютъ, по какому пути движется животное. Если преслѣдуютъ выдру вмѣстѣ съ дѣтенышемъ, то этотъ послѣдній, скоро выбившись изъ силъ, начинаетъ тонуть; мать тогда оставляетъ его, чтобы спасти собственную жизнь. Она напрягаетъ всѣ усилія, чтобы уйти отъ преслѣдователей, но цѣли не достигаетъ: силы подъ конецъ оставляютъ ее, она не можетъ больше нырять, и охотникъ убиваетъ ее стрѣлою или копьемъ.

Если морскія выдры попадаютъ въ капканъ, то онѣ съ отчаяніемъ начинаютъ безпощадно кусать другъ друга; иногда онѣ перегрызаютъ себѣ лапы.

Наибольшее число выдръ убиваютъ во время ледохода. Нерѣдко на льдинахъ, выбрасываемыхъ моремъ, сидитъ около сотни животныхъ; если онѣ замѣчены, ихъ убиваютъ ударами дубины. Нерѣдко случается, что какъ разъ въ это время свирѣпствуютъ такія страшныя метели, что человѣкъ съ трудомъ можетъ держаться на ногахъ. Но дурная погода не смущаетъ профессіональнаго охотника: онъ отправляется на охоту даже ночью, если надѣется на хорошую добычу, и не задумывается взобраться на льдину, покачивающуюся на волнахъ, имѣя въ рукахъ ножъ и палку, а на ногахъ башмаки, подбитые гвоздями.

Съ убитаго животнаго охотникъ тотчасъ снимаетъ шкуру. Камчадалы и жители Курильскихъ острововъ съ удивительной ловкостью и быстротой совершаютъ эту операцію; такъ, они менѣе, чѣмъ въ два часа, безъ труда могутъ распотрошить тридцать-сорокъ животныхъ.

Случается, и довольно часто, что льдина отрывается отъ берега. Тогда положеніе охотника становится весьма опаснымъ. Чтобы не быть унесеннымъ въ открытое море, онъ принужденъ броситься въ воду и добраться до берега вплавь; въ этомъ ему помогаетъ его собака: онъ держится за веревку, привязанную къ ея шеѣ.

Крупное торгово-промышленное американское общество, извѣстное подъ названіемъ компаніи Гудсонова залива, занимается спеціально добываніемъ и продажей пушного товара; это общество владѣетъ въ заливѣ площадью въ 153 версты, раздѣленною на 33 участка.

Впрочемъ, своей охоты на этихъ владѣніяхъ компанія не организуетъ, а довольствуется мѣновой торговлей съ эскимосами и индѣйцами. Мѣха по рѣкамъ сплавляются въ Гудсоновъ заливъ, который остается доступнымъ для судовъ только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Общество Гудсонова залива отправляетъ въ Англію ежегодно 800.000—1.200.000 различныхъ шкурокъ.

Славится обиліемъ пушного звѣря также Лабрадоръ, гдѣ оперируетъ другое значительное общество Harmony Company; членами этого общества состоятъ моравскіе миссіонеры.

*
* *

Швеція, Норвегія, Германія, даже Франція также доставляютъ на рынокъ нѣкоторые мѣха: кроликовъ, кошекъ, куницъ и горностаевъ.

Куница встрѣчается во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ сѣвернаго полушарія, какъ въ Европѣ, такъ равно въ Азіи и Америкѣ. Куній мѣхъ у насъ въ большомъ почетѣ: изъ него выдѣлываютъ воротники, муфты и нарукавники.

Рис. 118. **Куница.**

Хвостъ ея въ послѣднее время получилъ широкое распространеніе, въ видѣ самаго моднаго боа.

Хвостъ куницы идетъ на приготовленіе дамскихъ боа.

Тѣло куницы, длиною въ 50 сантиметровъ, оканчивается хвостомъ, длина котораго доходитъ до 30 сант. Спина у этого животнаго темно-бурая, морда и и лобъ—свѣтло-бурые, бока и брюхо—желтоватые, лапы—черно-бурыя, шея желтая, хвостъ рыжевато-бурый. Окраска, впрочемъ, находится въ извѣстной зависимости съ одной стороны отъ времени года: зимою она въ общемъ темнѣе, чѣмъ лѣтомъ, съ другой—отъ климатическихъ условій. Такъ въ Швеціи встрѣчаются только сѣрыя куницы; въ Германіи—буро-желтыя; въ Тиролѣ и въ Америкѣ—темно-бурыя; въ сѣверной Италіи, наоборотъ,—свѣтло-бурыя съ сѣрымъ или желтоватымъ оттѣнкомъ; въ Пиринелѣ—свѣтло-бурыя и въ Македоніи—темныя.

Куній мѣхъ состоитъ изъ длинныхъ шелковистыхъ волосъ, лежащихъ среди короткаго, тонкаго пуха.

Куница живетъ въ самыхъ густыхъ и темныхъ лѣсахъ. Съ удивительной ловкостью карабкается она на деревья; пищей ей служатъ различныя мелкія животныя, крысы, мыши, маленькія птички и т. д.; даже проворная ящерица нерѣдко дѣлается ея добычей. Куница обыкновенно спитъ цѣлый день и отправляется на охоту только ночью; нору свою она устраиваетъ либо въ дуплѣ дерева, либо въ расщелинѣ скалы.

На куницъ охотятся съ ружьемъ и собакой, очень смѣлой и зубастой; пользуются также и капканами; лучшей приманкой для животнаго считается кусокъ хлѣба съ чеснокомъ, масломъ, медомъ или камфорой.

Рис. 119. **Горностай.**

Цѣна на куній мѣхъ въ зависимости отъ качества его, колеблется отъ 1 до 20 рублей за шкурку

Горностай имѣетъ бѣлый мѣхъ только зимою, и то лишь въ извѣстныхъ странахъ. Въ Англіи, напр., сѣроватая шерсть животнаго начинаетъ блѣднѣть съ наступленіемъ холодовъ, но никогда не достигаетъ безупречной бѣлизны.

Горностай живетъ въ лѣсахъ, гдѣ занимается преслѣдованіемъ птицъ и мелкихъ грызуновъ. Его ловятъ капканами. Мѣхъ среднеевропейскаго горностая не можетъ идти на изготовленіе царскихъ порфиръ и королевскихъ мантій, но онъ тѣмъ не менѣе находитъ себѣ теперь довольно широкое примѣненіе, такъ какъ въ послѣднее время этотъ мѣхъ служитъ украшеніемъ дамскихъ туалетовъ.

Австралія присылаетъ намъ мѣхъ кенгуру; это животное убивается также ради мяса, изъ котораго приготовляютъ консервы. Мѣхъ кенгуру очень густой, гладкій и пушистый, имѣетъ буровато-сѣрый цвѣтъ.

Хомякъ, весьма распространенный въ Европѣ и Сибири, даетъ очень хорошій прочный мѣхъ.

* * *

Мѣхъ шиншилля употреблялся уже жителями Перу, во время господства инковъ; перуанцы дѣлали изъ волосъ этого животнаго дорогія ткани. Въ Европѣ мѣхъ шиншилля сдѣлался извѣстнымъ въ 1590 г. и съ тѣхъ поръ успѣлъ получить довольно широкое распространеніе.

Шиншилля живутъ въ южной Америкѣ; по своему внѣшнему виду они напоминаютъ собою кроликовъ съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ. Мѣхъ ихъ очень тонкій и мягкій, имѣетъ въ общемъ серебристый цвѣтъ съ кое-гдѣ просвѣчивающими темными оттѣнками; лапки и брюхо бѣлаго цвѣта.

Путешественники, взобравшись на высоту 2.600—3.600 метровъ по восточному склону Южной Америки, видятъ множество шиншиллей, сидящихъ на горахъ и утесахъ. Нѣкоторые путешественники утверждаютъ, что имъ въ теченіе дня удавалось насчитать болѣе тысячи этихъ звѣрьковъ. Видѣть ихъ можно обыкновенно по утрамъ и по вечерамъ. Ихъ любимое мѣстопребываніе—покрытыя скудной растительностью скалы. Они бѣгаютъ съ большой скоростью, ловко взбираются на самые высокіе обнаженные утесы, на почти совершенно отвѣсныя скалистыя стѣны, гдѣ, повидимому, никакой точки опоры найти нельзя, и такъ

Рис. 120. Шиншилля.

проворно, что съ трудомъ можно услѣдить за ихъ движеніями. Хотя эти звѣрьки въ общемъ не боязливы, но на близкое разстояніе все-таки къ себѣ не подпускаютъ. Замѣтивъ враждебныя намѣренія со стороны человѣка, животныя тотчасъ убѣгаютъ. Иногда они собираются въ одномъ мѣстѣ въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ штукъ; если грянетъ выстрѣлъ, то всѣ животныя, точно по мановенію волшебнаго жезла, мгновенно исчезаютъ, прячась въ расщелинахъ скалъ.

Но, если человѣкъ не дѣлаетъ никакого вреда звѣрькамъ, то шиншилля скоро привыкаютъ къ нему и нисколько не стѣсняются его присутствіемъ: пустынныя скалы оживаютъ, изъ каждой щели выглядываетъ маленькая мордочка. Любопытные звѣрьки мало-по-малу становятся все смѣлѣе и довѣрчивѣе, такъ что подъ конецъ начинаютъ перебѣгать подъ ногами муловъ.

Подобно крысамъ, шиншилля скорѣе скачутъ, чѣмъ ходятъ. Желая отдохнуть, они садятся на заднія лапки, переднія прижимаютъ къ груди, и отбрасываютъ хвостъ въ сторону. Карабкаясь по скаламъ, животныя упираютъ свои лапки въ расщелины; малѣйшая неровность служитъ имъ точкой опоры.

Всѣ наблюдатели единогласно подтверждаютъ, что эти животныя отлично приспособились къ мѣстнымъ условіямъ — умѣютъ находить себѣ пищу на дикихъ безплодныхъ возвышенностяхъ, на которыхъ живутъ, и своимъ видомъ, своими быстрыми движеніями развлекаютъ и забавляютъ человѣка, забравшагося въ эти далекія пустынныя мѣста.

Относительно ихъ размноженія ничего опредѣленнаго неизвѣстно; мы не знаемъ, въ какое время самки рожаютъ и сколько дѣтенышей за разъ онѣ производятъ на свѣтъ. Туземцы утверждаютъ, что число ихъ колеблется между 4—6, что они тотчасъ начинаютъ жить самостоятельно, лишь только получаютъ возможность выйти изъ той расщелины, въ которой родились. Какъ только этотъ моментъ наступилъ, самка перестаетъ заботиться о своихъ дѣтенышахъ.

Въ прежнее время шиншилля встрѣчались на значительно меньшей высотѣ, чѣмъ теперь; безпрестанныя преслѣдованія, которымъ они подвергались въ теченіе многихъ лѣтъ, заставили ихъ подняться выше въ горы.

Европейцы идутъ на охоту за этими животными теперь, какъ и прежде, съ ружьемъ; но нужно признаться, что этотъ способъ охоты не самый лучшій: если звѣрекъ не убитъ на мѣстѣ, онъ въ мгновеніе ока исчезаетъ въ какой-нибудь норѣ и долженъ, поэтому, считаться потеряннымъ для охотника.

У индѣйцевъ эта охота поставлена на болѣе раціональныхъ основаніяхъ. они разставляютъ силки передъ разсѣлинами въ скалахъ, для чего имъ нерѣдко приходится взбираться на головоломныя крутизны, гдѣ чаще всего встрѣчаются шиншилля. Звѣрьки идутъ на приманку, и, такимъ образомъ, въ теченіе дня удается захватить нѣсколько дюжинъ ихъ.

Существуетъ еще другой способъ охоты,—точно такой же, какой употребляется въ Европѣ для ловли кроликовъ: индѣйцы пользуются услугами ручныхъ перуанскихъ ласокъ, которыя проникаютъ въ норы, гдѣ нашли себѣ убѣжище шиншилля, и передушивъ ихъ, возвращаются съ своей добычей къ хозяину

Мѣхъ шиншилля имѣетъ очень большое примѣненіе: имъ подбиваютъ шубы,

главнымъ образомъ дамскія, изъ него выдѣлываютъ различныя мѣховыя вещи, напр., муфты и пр. Съ 1828 до 1832 г. было продано въ Лондонѣ 18.000 шкурокъ. Обыкновенные шиншилля продаются по 6—8 руб. за дюжину; пушистые шиншилля стоятъ значительно дороже—именно 20—28 руб. дюжина.

Для поддѣлки шиншилля употребляется болѣе дешевый мѣхъ американскаго тушканчика (Lagostomus trichodactylus). Этотъ грызунъ живетъ на восточномъ склонѣ Андъ; его истребляютъ, между прочимъ, еще потому, что онъ приноситъ большой вредъ полямъ.

Лондонъ—главный центръ мѣховой торговли: въ 1822 г. сюда было доставлено мѣховъ на сумму 16 милл. руб. Мѣха продаются съ торговъ, устраиваемыхъ главными коммерческими фирмами въ опредѣленные дни въ январѣ, мартѣ, іюнѣ и октябрѣ. Мѣховщики всѣхъ странъ съѣзжаются сюда для покупки товара. Цѣны на мѣха подвержены сильнымъ колебаніямъ: онѣ находятся въ большой зависимости отъ моды, подъ вліяніемъ которой могутъ подняться на 75 и даже на 100% и выше.

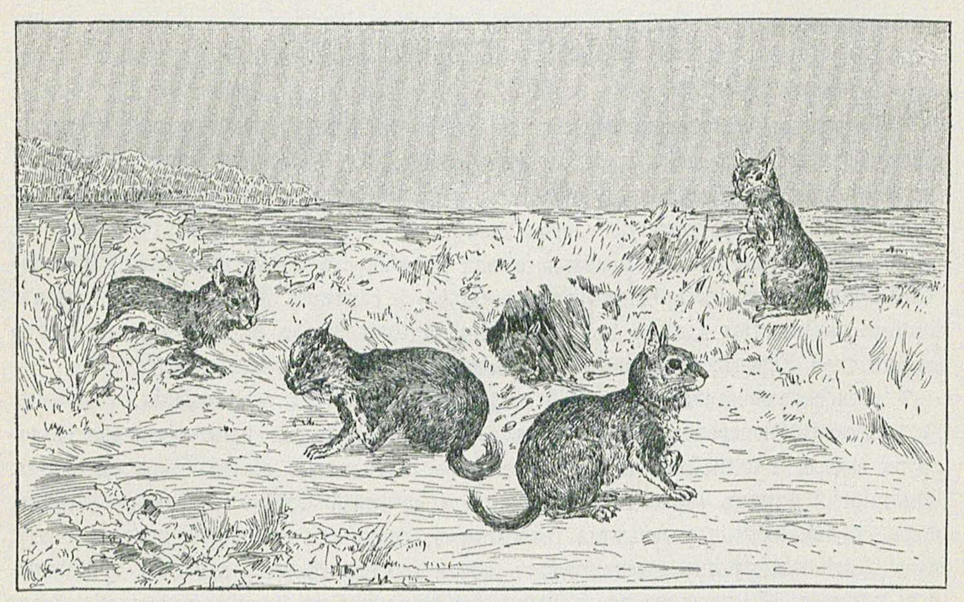


Рис. 121. **Тушканчики.**

Шкурками этихъ животныхъ часто пользуются для того, чтобы поддѣлать очень дорогіе сорта мѣховъ.

Другой значительный центръ мѣховой торговли находится въ Копенгагенѣ. Тутъ торгуютъ главнымъ образомъ медвѣжьими и лисьими мѣхами.

Большое количество мѣховъ отправляется также въ Парижъ, гдѣ они идутъ на отдѣлку дамскихъ мѣховыхъ вещей. Парижскія издѣлія, издавна славившіяся своимъ изяществомъ, вывозятся во всѣ страны міра. Среднимъ числомъ изъ Франціи вывозится готовыхъ мѣховыхъ вещей на 15 милл. франковъ.

ГЛАВА XX.

Рѣдкія лягушки.

Рядомъ съ обыкновенными лягушками существуютъ другія, рѣже встрѣчающіяся, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе интересныя. Къ семейству круглоязычныхъ лягушекъ принадлежитъ, между прочимъ, видъ alytes или жаба-повитуха. Жаба-повитуха имѣетъ треугольную слегка закругленную, выпуклую морду; кожа на брюшкѣ зернистая; спинка пепельнаго или буро-сѣраго цвѣта; брюшко сѣровато-бѣлое. Длина тѣла въ среднемъ равняется 4—5 сантим.; попадаются, впрочемъ, изрѣдка экземпляры длиною въ 10 сантим. Жаба-повитуха водится исключительно въ западной Европѣ; область ея распространенія весьма ограничена.

Самое замѣчательное въ этой жабѣ, это способъ ея размноженія.

Самецъ, попеременно вытягивая и притягивая заднія ноги, обматываетъ вокругъ бедеръ и задней части своего тѣла выпускаемые самкой цѣпочки икры. Обмотанный такимъ образомъ самецъ ходитъ со своей ношею нѣсколько недѣль, пока въ яичкахъ не разовьются головастики, тогда самецъ отправляется въ воду, куда одинъ за другимъ выскакиваютъ почти вполнѣ сформировавшіеся дѣтеныши.

Самецъ обыкновенно очень заботливо вынашиваетъ свое потомство; но если онъ находится въ неволѣ или если его сильно безпокоятъ, то онъ бросаетъ яички на произволъ судьбы.

* * *

Особый родъ лягушекъ представляютъ жерлянки (Bombinator), такъ часто встрѣчающіяся въ Франціи. Съ перваго взгляда жерлянку можно принять за жабу въ виду ея морщинистой кожи. Спинка жерлянки глинисто-темная, брюшко оранжевое съ темно-синими почти черными пятнами. Цѣлое лѣто жерлянка живетъ въ водѣ вблизи берега; только съ наступленіемъ осени она выходитъ на сушу, гдѣ двигается поспѣшными, короткими шагами; если ее вспугнуть, ей спастись бѣгствомъ нѣтъ никакой возможности; она въ страхѣ бросается на спину, загибаетъ голову назадъ и переднія лапки приближаетъ къ глазамъ, точно плачущій ребенокъ, у котораго отняли любимую игрушку; благодаря такому своеобразному положенію тѣла, выступаетъ на первый планъ яркая желтая окраска брюшка и груди, которая, повидимому, является орудіемъ самозащиты: она пугаетъ многихъ мелкихъ животныхъ, питающихся земноводными. Звуки, издаваемые жер-

ляпкой, довольно мелодичны—они напоминаютъ то звонъ колокольчика, то отдаленное кукованіе кукушки.

* * *

Всѣ эти маленькія животныя очень красивы, но красивѣе всѣхъ ихъ квакша или древесная лягушка ярко-зеленаго цвѣта.

Квакша, хотя и не спитъ днемъ, но при солнечномъ свѣтѣ имѣетъ очень вялый безучастный видъ; она оживляется только съ наступленіемъ сумерекъ; тогда она становится рѣзвой, дѣятельной, веселой и принимается громко квакать. Иногда въ теплые лѣтніе вечера въ одномъ прудѣ собираются сотни лягушекъ и тогда дружный хоръ ихъ слышится на довольно большомъ разстояніи.

Квакшу нерѣдко держатъ въ неволѣ, вслѣдствіе приписываемой ей способности предсказывать погоду; но опыты показали, что барометрическія указанія, которыя выводятся на основаніи движеній этой лягушки, далеко не всегда оправдываются на дѣлѣ.

* * *

Существуетъ животное, которое можно было бы смѣло назвать образцовымъ календаремъ, до такой степени правильны совершаемыя имъ періодическія перемѣщенія.

Въ лагунахъ, образуемыхъ коралловыми рифами, живутъ многія съѣдобныя животныя, какъ, напр., трепанги, голотуріи и др.; въ копченомъ видѣ они представляютъ собою весьма лакомое блюдо, которое отправляютъ даже за границу, главнымъ образомъ въ Китай, гдѣ очень любятъ заморскія блюда.

Къ числу съѣдобныхъ животныхъ, встрѣчающихся въ лагунахъ, относится еще одно, менѣе извѣстное, чѣмъ упомянутыя выше, но зато очень интересное съ біологической точки зрѣнія. Это животное—червь, который прибрежные жители называютъ palolo, а натуралисты—lysidice viridis. Червь этотъ обыкновенно живетъ на днѣ моря; никто поэтому, можетъ-быть, не догадался бы объ его существованіи, если бы онъ не имѣлъ привычки всплывать на поверхность воды аккуратно два раза въ годъ, именно въ октябрѣ и въ ноябрѣ въ тотъ день, когда луна находится въ послѣдней четверти, а равно въ предшествующій и въ послѣдующій день.

Точность періодическихъ появленій червя такова, что туземцы, основываясь на нихъ, приводятъ въ порядокъ свой календарь, которому они вообще мало удѣляютъ вниманія. Октябрю и ноябрю они дали названіе малаго и большого мѣсяца палоло, потому что въ эту пору на поверхности моря появляются цѣлыя полчища этихъ червей.

Туземцы едва успѣваютъ собирать богатую добычу, которую они поѣдаютъ съ большимъ удовольствіемъ; появленіе палоло въ морѣ—это по истинѣ народный праздникъ.

Червь-палоло чаще всего встрѣчается у острововъ Самоа, а также вблизи острововъ Фиджи и Тонга. Этотъ червь имѣетъ въ длину 50 сантиметровъ, въ

ширину 3—5 миллиметровъ, и по своей формѣ имѣетъ сходство съ длиннымъ тонкимъ шнуркомъ.

Что особенно интересно—это то, что на поверхности воды плаваетъ не весь червякъ, а только часть его: голова остается на днѣ, повидимому, для того, чтобы посредствомъ почкованія давать жизнь новымъ индивидамъ; такимъ образомъ, на поверхность всплываетъ только обезглавленное туловище, которое переполнено яичками, яички разсѣиваются по пути, и въ этомъ процессѣ, по всей вѣроятности, кроется причина удивительнаго расчлененія животнаго.

Прибрежнымъ жителямъ извѣстно, что палоло выпускаютъ изъ себя яички. Слово «палоло» означаетъ животное, которое даетъ масло (лоло), разрываясь на части (па).

Освободившись отъ яичекъ, которыми они заполнены, черви снова опускаются на дно моря, лишь только солнце начинаетъ показываться на горизонтѣ.

* * *

Вернемся, однако, къ древеснымъ лягушкамъ; нѣкоторыя изъ нихъ, встрѣчающіяся въ тропическихъ странахъ, весьма интересны. На Явѣ, напр., встрѣчается древесная лягушка, извѣстная подъ названіемъ гасорһоге; отличительный признакъ ея состоитъ въ томъ, что лягушка обладаетъ очень широкими, перепончатыми лапками, которыя служатъ парашютомъ и даютъ возможность перелетать съ одного дерева на другое.

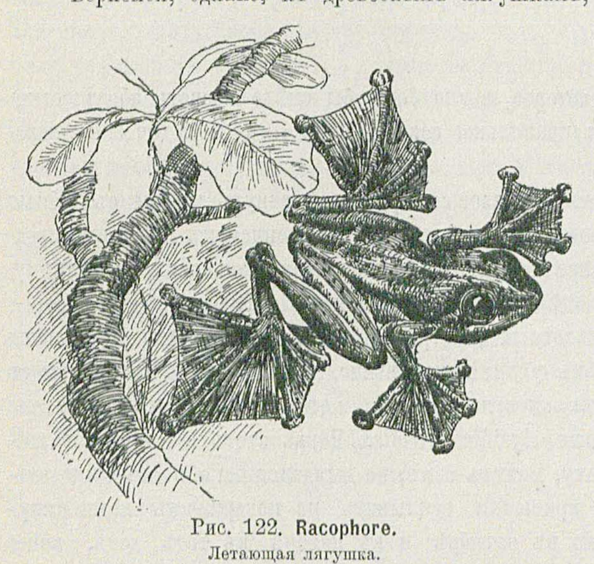


Рис. 122. Racophore.
Летающая лягушка.

* * *

Изъ всѣхъ безхвостыхъ земноводныхъ наиболѣе интересное, хотя и наиболѣе некрасивое,—это такъ-называемая жаба-пипа.

Первое сообщеніе о ней сдѣлала Сибилла де-Меріанъ. Въ своемъ произведеніи, посвященномъ описанію насѣкомыхъ, встрѣчающихся въ Суринамѣ, Сибилла де-Меріанъ говоритъ, что у жабы дѣтеныши выходятъ на свѣтъ Божій изъ кожи спины, что водится жаба-пипа въ болотахъ и что негры употребляютъ ее въ пищу.

Филиппъ Фирминъ, практиковавшій въ Суринамѣ въ качествѣ врача, въ 1792 г., замѣтилъ, что самка отличается бòльшими размѣрами тѣла, чѣмъ самецъ, что этотъ послѣдній размѣщаетъ яички на спинѣ самки, и что дѣтеныши выходятъ на свободу, лишь только получаютъ возможность двигаться, а происходитъ это послѣ кладки яицъ черезъ восемьдесятъ два дня.

Разсказы путешественниковъ отчасти подтверждаютъ эти наблюденія.

Пипа любитъ болота, затерянныя въ глубинѣ темныхъ лѣсовъ. По землѣ она передвигается медленно и неуклюже, распространяя вокругъ себя сильный запахъ сѣры. Икру она мечетъ въ водѣ, подобно другимъ лягушкамъ; заботу о яичкахъ беретъ на себя самецъ, но онъ не обматываетъ ихъ вокругъ своихъ бедеръ, какъ это дѣлаетъ жаба-повитуха, а раскладываетъ ихъ на спинѣ самки въ маленькихъ углубленіяхъ, которыя образуются въ это время. Каждое яичко

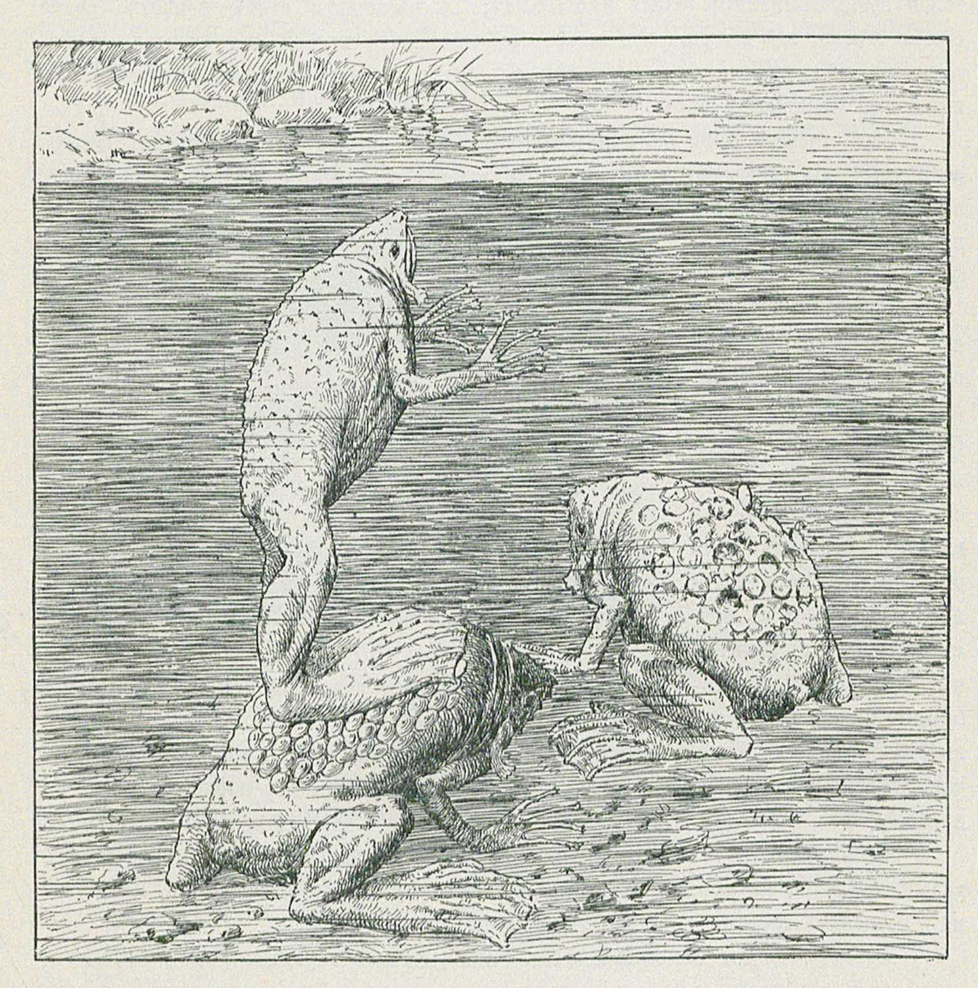


Рис. 123. **Жаба-пипа (Гвіана).**
Размножается очень оригинальнымъ способомъ (см. текстъ).

помѣщается въ особомъ углубленіи, своей гексагональной формой напоминающемъ сотовую ячейку. Находясь въ этой ячейкѣ, молодое поколѣніе проходитъ всѣ стадіи своего развитія; наконецъ, ему дѣлается тѣсно въ маленькихъ кельяхъ: тутъ начинаетъ показываться голова, тамъ лапки; проходитъ еще нѣ-

которое время и юныя жабы, сформировавшись окончательно, оставляютъ свои ячейки.

Жаба-пипа живетъ въ Гвіанѣ и Бразиліи.

* * *

Заканчивая эту главу, мы считаемъ нужнымъ упомянуть еще о протеѣ, животномъ, совершенно слѣпомъ, являющемся единственнымъ южно-европейскимъ представителемъ семейства рыбообразныхъ. Съ 1797 года родиной протея считался гротъ Магдалины близъ Адельсберга; въ настоящее время извѣстно болѣе сорока мѣстъ, гдѣ водится это животное; чаще всего протей встрѣчается въ пещерныхъ водахъ Крайны и Каринтіи; онъ былъ найденъ даже въ Далмаціи и въ пещерахъ Кроатскихъ горъ.

Сэръ Гумфри Дэви далъ подробное описаніе протея въ одномъ изъ своихъ сочиненій; мы позволимъ себѣ привести даже это описаніе, весьма интересное, по содержанію и по своей необычной, оригинальной формѣ.

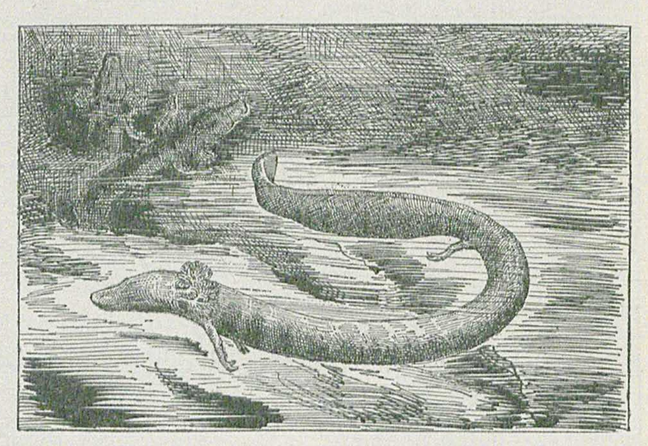


Рис. 124. Протей.
Слѣпое животное, умѣющее отлично оріентироваться въ темныхъ пещерахъ, въ которыхъ оно обитаетъ.

«Гротъ Магдалины въ Адельсбергѣ казался намъ болѣе заслуживающимъ вниманія, чѣмъ подземное озеро Циркницъ. Мы осматривали его нѣсколько разъ очень внимательно, такъ какъ онъ представлялъ большой интересъ и съ геологической, и съ біологической точки зрѣнія: особенно интересно было выяснить, какое вліяніе эта пещера оказала на животный міръ, обитавшій въ ней. Не разъ мы бесѣдовали здѣсь о любопытныхъ явленіяхъ, наблюдающихся въ природѣ.

Я припоминаю, что относительно протея и его метаморфозъ мнѣ пришлось услышать очень поучительный разговоръ; постараюсь воспроизвести его, насколько мнѣ позволитъ память, во всей его полнотѣ.

Евбатъ. — Мы находимся здѣсь на порядочной глубинѣ; отъ поверхности земли насъ отдѣляетъ разстояніе въ нѣсколько сотъ футовъ; несмотря на это, температура окружающаго воздуха довольно пріятна.

Неизвѣстный.—Воздухъ въ этой пещерѣ имѣетъ среднюю температуру атмосферы; это явленіе наблюдается въ подземельяхъ, находящихся внѣ сферы дѣйствія солнечныхъ лучей. Въ жаркіе августовскіе дни, по-моему, наиболѣе здоровый и наиболѣе пріятный способъ принимать прохладную ванну, — это спуститься въ глубокую пещеру, куда не проникаетъ дневной зной.

Евбатъ. — Часто ли вы бывали въ подобныхъ пещерахъ во время своихъ многочисленныхъ научныхъ экскурсій?

Неизвѣстный.—Вотъ уже третье лѣто я посѣщаю ихъ. Независимо отъ красотъ природы, которыми славится Иллирія, эта страна имѣетъ для меня еще особый интересъ: въ здѣшнихъ пещерахъ водится одно замѣчательное животное—протей, proteus anguinus, изученіе котораго представляетъ благодарную задачу для каждаго ученаго.

Филалетъ.—Путешествуя по Иллиріи, я имѣлъ уже случай видѣть этихъ животныхъ; мнѣ, однако, было бы очень любопытно поближе познакомиться съ ними.

Неизвѣстный.—Мы сейчасъ войдемъ въ ту часть грота, гдѣ ихъ можно встрѣтить. Я охотно подѣлюсь съ вами тѣми немногими свѣдѣніями, которыя у меня имѣются относительно ихъ образа жизни.

Евбатъ.—Двигаясь по этой обширной тихой пещерѣ, я чувствую невольное волненіе, глядя на геологическія отложенія, которыя въ теченіе такого долгаго времени были скрыты отъ взоровъ человѣка. Эти естественныя колонны, эти обширные своды кажутся чѣмъ-то диковиннымъ, сказочнымъ. Я первый разъ въ своей жизни вижу такую великолѣпную пещеру. Ея неправильная поверхность, виднѣющіяся повсюду крупныя глыбы камня, которыя имѣютъ такой видъ, будто оторвались отъ горъ вслѣдствіе какого-нибудь мірового переворота, темная окраска стѣнъ—все это составляетъ удивительный контрастъ съ правильными изящными сталактитовыми образованіями, сверкающими на высокихъ сводахъ. Пламя нашихъ факеловъ, разсыпаясь множествомъ блестящихъ искръ по этимъ известковымъ бриллiантамъ, создаетъ вокругъ насъ чудесную феерическую обстановку.

Филалетъ.—Если мрачныя разсѣлины этихъ огромныхъ черныхъ скалъ, окружающихъ насъ, кажутся дѣломъ рукъ могучихъ демоновъ, вырвавшихся изъ преисподней, то этотъ блестящій роскошный потолокъ напоминаетъ тѣ великолѣпные сказочные дворцы, которые въ такихъ яркихъ краскахъ описываются въ «Тысячѣ и одной ночи».

Неизвѣстный.—Конечно, поэтъ съ полнымъ правомъ могъ бы описать эту пещеру, какъ дворецъ короля гномовъ, которые, можетъ-быть, создали разстилающееся передъ нами маленькое темное озеро. Я надѣюсь найти здѣсь своеобразное животное, съ давнихъ поръ составляющее предметъ моихъ настойчивыхъ наблюденій.

Евбатъ.—Я вижу нѣсколько животныхъ, похожихъ на рыбъ, которыя двигаются въ илѣ на глубинѣ двухъ-трехъ футовъ подъ водою.

Неизвѣстный.—А, вотъ они, наконецъ! Это протеи! Попробуемъ поймать ихъ сѣтями.

Судьба намъ благопріятствуетъ—въ нашихъ рукахъ теперь нѣсколько штукъ, и мы можемъ разсматривать ихъ, сколько угодно.

Съ перваго взгляда можно было бы предположить, что это животное—ящерица, если бы оно своими движеніями не напоминало рыбу. По формѣ своей головы, нижней части тѣла и хвоста, протей имѣетъ большое сходство съ угремъ. Жабры протея, весьма своеобразныя, на тѣ, которыми обладаютъ рыбы, совсѣмъ

не похожи. Вы тутъ имѣете передъ собою сосудистое образованіе, расположенное вокругъ горла, точно гребень, который можно перерѣзать, оставляя при этомъ животное въ живыхъ. Дѣло въ томъ, что протей, кромѣ жабръ, имѣетъ еще легкія; благодаря обладанію двойного аппарата, при посредствѣ котораго кислородъ проникаетъ въ кровь, животное можетъ съ одинаковой легкостью жить какъ на поверхности воды, такъ и подъ нею.

Его переднія лапы похожи на руки, но на нихъ находятся всего три когтя или пальца, которые слишкомъ слабы для того, чтобы цѣпляться за какой-нибудь предметъ, или выдерживать вѣсъ его собственнаго тѣла; заднія лапы имѣютъ всего по два пальца, но эти послѣдніе такъ слабо развиты, въ особенности у крупныхъ экземпляровъ, что разглядѣть ихъ подчасъ бываетъ очень трудно.

Тамъ, гдѣ должны быть глаза, находятся двѣ маленькія точки, точно для того, чтобы сохранилось сходство съ прочими представителями животнаго царства.

Протей, въ естественномъ состояніи, отличается бѣлой прозрачной кожей; но подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей его кожа начинаетъ темнѣть, пріобрѣтая подъ конецъ оливковый оттѣнокъ.

Органы обонянія въ общемъ довольно хорошо развиты; челюсти снабжены отличными зубами, изъ чего можно заключить, что протей — животное хищное; несмотря на многочисленныя наблюденія, произведенныя для того, чтобы выяснить условія его существованія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда за нимъ слѣдили въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ, возобновляя отъ времени до времени воду въ сосудѣ, гдѣ его держали, ни разу не удавалось замѣтить, какимъ образомъ протей ѣстъ.

Евбатъ.—Встрѣчаются ли эти животныя и въ другихъ мѣстахъ Крайны?

Неизвѣстный.—Баронъ Zoïs открылъ ихъ здѣсь; но съ тѣхъ поръ ихъ находили изрѣдка и на разстояніи нѣсколькихъ лье отсюда: они были отнесены теченіемъ подземныхъ водъ.

Евбатъ.—Озеро, въ которомъ живутъ протеи, отличается незначительными размѣрами. Можно ли предположить, что эти животныя родились здѣсь?

Неизвѣстный.—Ни въ коемъ случаѣ. Во время засухи они встрѣчаются тутъ очень рѣдко. По моему мнѣнію, ихъ естественнымъ мѣстопребываніемъ является, несомнѣнно, какой-нибудь обширный подземный водный бассейнъ, откуда черезъ трещины земли они во время наводненій выводятся сюда поднявшеюся водою.

Принимая во вниманіе особый характеръ мѣстности, гдѣ мы теперь находимся, можно предположить, что одинъ и тотъ же водоемъ, по всей вѣроятности, довольно обширный по своимъ размѣрамъ, снабжаетъ протеями и Адельсбергъ.

Евбатъ.—А нельзя ли допустить, что протей—это есть зачаточная форма какого-нибудь крупнаго неизвѣстнаго животнаго, живущаго въ подземныхъ пещерахъ? Его лапы не гармонируютъ съ туловищемъ; если удалить эти лапы, то тѣло животнаго пріобрѣтаетъ форму рыбы.

Неизвѣстный.—Я не могу согласиться съ вашимъ мнѣніемъ. Я не думаю, чтобы въ природѣ можно было отыскать хоть одинъ примѣръ метаморфозы, аналогичной этому виду превращенія животнаго болѣе совершенной организаціи въ

животное менѣе совершенной. Головастикъ имѣетъ сходство съ рыбой, прежде чѣмъ превратиться въ лягушку; гусеница и червь получаютъ не только болѣе совершенные органы движенія, но пріобрѣтаютъ еще такіе, которые имъ необходимы для того, чтобы жить въ другой стихіи.

Возможно, что животное въ своихъ родныхъ мѣстахъ достигаетъ бо́льшей величины, чѣмъ здѣсь, но изученіе его анатомическаго строенія показываетъ, что считать протея за переходную форму неизвѣстнаго животнаго нельзя. Величина протеевъ, найденныхъ до сихъ поръ, весьма различна: были такіе, которые достигали длины птичьяго пера, но извѣстны также такіе, которые имѣли въ длину не больше дюйма. Несмотря на эту разницу въ размѣрахъ тѣла, форма органовъ не подверглась ни малѣйшему измѣненію: она одинакова какъ у болѣе крупныхъ, такъ и у совсѣмъ мелкихъ экземпляровъ.

По моему мнѣнію, протей представляетъ собою вполнѣ сформировавшееся животное совершенно особаго рода.

Филалетъ.—Когда, лѣтъ десять тому назадъ, я въ первый разъ посѣтилъ эту страну, я возымѣлъ такое сильное желаніе увидѣть протея, что тотчасъ, по пріѣздѣ въ Адельсбергъ, отправился сюда съ проводникомъ, чтобы взглянуть на диковинное животное; мы внимательно осмотрѣли дно всей пещеры, но несмотря на самые тщательные поиски, отыскать его не могли. На слѣдующій день мы возобновили наши поиски, которыя увѣнчались успѣхомъ; въ илѣ, покрывавшемъ дно озера, мы нашли цѣлыхъ пять штукъ: вода въ озерѣ, ничѣмъ не волнуемая, была необыкновенно прозрачна.

Животныя, очевидно, прибыли ночью откуда-то, и это обстоятельство меня очень поразило. Я не могъ открыть ни одной трещины, ни одной скважины, черезъ которую они могли бы проникнуть извнѣ, озеро покоилось мертвымъ сномъ, и вотъ мнѣ невольно пришла въ голову мысль о самопроизвольномъ зарожденіи этихъ существъ.

На крыльяхъ воображенія я мысленно перенесся въ ту отдаленную эпоху, когда только зарождалась жизнь на поверхности земного шара, когда большія животныя изъ рода ящерицъ создавались, можетъ-быть, подъ давленіемъ тяжелой атмосферы. Я еще больше утвердился въ своемъ предположеніи, когда я узналъ отъ одного извѣстнаго анатома, которому были посланы пойманные мною протеи, что структурой своихъ спинныхъ шиповъ эти послѣдніе напоминаютъ собою животное изъ рода ящеровъ, остатки котораго покоятся въ самыхъ древнихъ отложеніяхъ вторичной эпохи.

Наконецъ, я раздобылъ еще одинъ доводъ, потверждавшій мою мысль о самопроизвольномъ зарожденіи протеевъ: въ то время ни одинъ физіологъ не могъ отыскать у нихъ органовъ размноженія. Конечно, вамъ эта мысль должна показаться фантастической, и во всякомъ случаѣ не укладывающейся въ рамки строго-научнаго позитивнаго мышленія.

Евбатъ.—Судя по тону, съ какимъ вы произнесли послѣднюю фразу, мнѣ кажется, что и вы сами не вѣрите въ это самопроизвольное зарожденіе. Что касается меня, то я его совершенно не признаю. Съ такимъ же правомъ можно

было бы сказать, что угри—новыя существа, созданныя процессомъ самозарожденія, потому что никто не видѣлъ ихъ яичниковъ въ пору зрѣлости; кромѣ того, извѣстно, что они изъ моря перекочевываютъ въ рѣки, но способъ передвиженія ихъ до того своеобразенъ, что начертить путь, по которому они совершаютъ свое путешествіе, чрезвычайно трудно.

Неизвѣстный.—Вопросъ о размноженіи протея и обыкновеннаго угря не рѣшенъ еще. Однако, яичники были найдены у представителей обоихъ этихъ видовъ, и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, находитъ себѣ потвержденіе знаменитый принципъ Гарвея: *omne vivum ex ovo* (все живое происходитъ изъ яица).

Евбатъ.—Вы сказали, что протей въ теченіе продолжительнаго времени составлялъ предметъ вашихъ научныхъ изысканій. Изучали ли вы это животное, какъ ученый, который, пользуясь методомъ сравнительной анатоміи, старается выяснить проблему о зарожденіи этого животнаго?

Неизвѣстный.—Нѣтъ. Изслѣдованія этого рода были сдѣланы болѣе извѣстными учеными, именно Шрейберсомъ и Конфигліачи; я занимался только наблюденіями, касающимися способа дыханія и тѣхъ измѣненій, которымъ подвергается вода подъ вліяніемъ жизнедѣятельности жабръ этого животнаго.

Евбатъ.—Вы пришли къ какимъ-нибудь положительнымъ результатамъ, не правда ли?

Неизвѣстный.—Я доказалъ, что животное, живя въ водѣ, пользуется для своего дыханія не только кислородомъ, раствореннымъ въ ней, но также и азотомъ.

Евбатъ.—Вы, значитъ, раздѣляете мнѣніе Александра Гумбольдта и французскихъ ученыхъ, признающихъ, что для дыханія водяныхъ животныхъ необходимы главныя составныя части атмосфернаго воздуха?

Филалетъ.—Я слышалъ столько различныхъ мнѣній о сущности процесса дыханія какъ во время моего ученія, такъ и послѣ, что мнѣ было бы весьма желательно узнать отъ васъ, какъ спеціалиста въ этомъ вопросѣ, какую теорію нужно считать наиболѣе обоснованной, наиболѣе согласной съ данными науки.

Неизвѣстный.—Я съ большимъ удовольствіемъ сообщу вамъ все, что самъ знаю; къ сожалѣнію, мнѣ самому немного извѣстно. Изученіе неодушевленной матеріи привело къ открытію нѣкоторыхъ общихъ принциповъ, даже больше, нѣкоторыхъ законовъ, которымъ подчиняются многія явленія природы; но изученіе той области, гдѣ начинается жизнь, не имѣло такихъ успѣховъ: несмотря на обиліе матеріала, на массу сдѣланныхъ наблюденій, общіе законы, управляющіе жизненными процессами, до сихъ поръ не найдены, а это равносильно признанію въ полномъ невѣжествѣ, въ полномъ безсиліи разгадать сложную таинственную загадку жизни».

Протей снабженъ маленькими лапами, которыя до извѣстной степени облегчаютъ ему передвиженіе. Представьте себѣ, что этихъ лапъ нѣтъ, и вы тогда будете имѣть передъ собою чешуйчатыхъ длиннотѣлыхъ гадовъ, живущихъ въ землѣ наподобіе червей, съ которыми они имѣютъ большое сходство по своему внѣшнему виду.

ГЛАВА XXI.

Студенистыя животныя.

Мнѣ часто припоминается забавный случай съ однимъ студентомъ, который, желая поработать на одной морской зоологической станціи, обратился ко мнѣ съ просьбой дать ему возможность заняться изученіемъ медузъ. Я посовѣтовалъ ему прежде всего отправиться въ гавань и выловить нѣсколько медузъ, которыхъ тамъ такъ много. Спустя полчаса студентъ возвратился, очень разсерженный: онъ мнѣ заявилъ, что я вѣроятно пошутилъ надъ нимъ, потому что ему не удалось поймать ни одной медузы. Вмѣсто всякаго отвѣта, я взялъ тонкую сѣтку и отправился въ сопровожденіи молодого натуралиста въ гавань. Выбравъ удобное мѣсто, я закинулъ сѣтку въ воду, и тотчасъ вытащилъ очень красивую маленькую медузу; я снова закинулъ сѣтку и у меня въ рукахъ очутилась прекрасная медуза—beroë; я въ третій разъ взялся за сѣтку и захватилъ еще нѣсколько медузъ.

Трудно описать недоумѣвающее растерянное лицо студента: онъ таращилъ глаза и ничего ровно не видѣлъ.

Впрочемъ, въ этомъ не было ничего удивительнаго: тѣла этихъ животныхъ, прозрачныхъ, какъ кристаллъ, до такой степени смѣшиваются съ водою, что различить ихъ почти невозможно. Я говорю *почти*, потому что при нѣкоторомъ навыкѣ ихъ не трудно узнать, какъ по плавательнымъ движеніямъ, которыя они совершаютъ, такъ и по особому, едва замѣтному цвѣту, свойственному ихъ тѣлу.

Медузы живутъ всегда на поверхности моря; ихъ можно также найти на морскомъ берегу послѣ прилива.

На французскомъ побережьи, въ Атлантическомъ океанѣ и въ проливѣ Ла-Маншъ чаще всего попадается медуза, которая извѣстна подъ названіемъ ризостомы Кювье. Она плаваетъ обыкновенно на поверхности воды, но нерѣдко случается, что ее прибиваетъ къ берегу, гдѣ благодаря своему тѣлу, имѣющему студенистую желатиновую консистенцію, возбуждаетъ чувство отвращенія у купальщиковъ.

Но если вы преодолѣете это непріятное чувство, и опустите животное въ сосудъ, наполненный водою или въ аквaріумъ, вы будете поражены ея очень красивой изящной внѣшностью. Строеніе этой медузы весьма простое: она въ общемъ, имѣетъ видъ колокола, снабженнаго внутри языкомъ.

Колоколъ, который называется также «зонтикомъ», прозраченъ, какъ стекло, и если бы не слабый голубоватый отблескъ, онъ былъ бы совершенно незамѣтенъ въ морской водѣ; наиболѣе крупные экземпляры имѣютъ въ діаметрѣ около 50 сантиметровъ.

Языкъ колокола въ своей нижней части развѣтвляется на многочисленные тонкіе извилистые придатки, на концѣ которыхъ находятся ротовыя отверстія животнаго.

Подъ медузой, какъ извѣстно изъ миѳологіи, древніе разумѣли страшное фантастическое существо, на головѣ котораго, вмѣсто волосъ, вились черныя шипящія змѣи. Что такое существо всѣмъ внушало ужасъ, понятно само собою.

Морскимъ животнымъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, было дано названіе медузъ потому, что зонтикъ ихъ въ извѣстной степени напоминаетъ собою голову, а языкъ вмѣстѣ съ длинными развѣтвленіями имѣетъ нѣкоторое, правда, весьма отдаленное сходство со змѣями.

Вотъ отвѣтъ на извѣстный вопросъ Мишле: «Почему дали такое страшное имя такому прелестному животному?».

Медузы обыкновенно отдаются на произволъ волнъ, вмѣстѣ съ ними передвигаясь съ мѣста на мѣсто. Но отъ времени до времени онѣ принимаются плавать. Для этого они сначала расширяютъ свое тѣло, которое наполняется водою, затѣмъ сильно сокращаютъ его; благодаря этимъ послѣдовательнымъ движеніямъ, животное пріобрѣтаетъ возможность перемѣщаться.

Расширенія и сокращенія тѣла у медузы были замѣчены уже древними, которыя дали этому животному названіе «морскихъ легкихъ». Плавая, медузы наклоняются немного на бокъ, вытягивая колоколъ впередъ, а языкъ отбрасывая назадъ. Благодаря такому положенію, онѣ перемѣщаются гораздо быстрѣе, чѣмъ можно было бы предположить съ перваго взгляда.

Эти ризостомы, если хотите, своего рода кочевники—онѣ часто переселяются съ мѣста на мѣсто; этимъ и объясняется, почему въ данномъ мѣстѣ ихъ бываетъ либо очень много, либо очень мало; иногда онѣ совершенно отсутствуютъ тамъ, гдѣ раньше попадались очень часто. Однажды я прожилъ два мѣсяца на морскомъ побережьи у пролива Ла-Маншъ и не видѣлъ ни одной медузы, тогда какъ въ прошломъ году въ то же самое время ихъ было такъ много, что онѣ стѣсняли собою движенія купальщиковъ, выплывавшихъ въ море.

Все тѣло ризостомы усѣяно множествомъ маленькихъ такъ-называемыхъ стрекательныхъ или жгучихъ капсюль; если раздражать животное, то эти капсюли выбрасываютъ изъ себя небольшія колючія волоконца и выдѣляютъ въ то же время каплю ѣдкой жидкости, смертоносной для маленькихъ животныхъ, которыми медузы питаются.

Прикосновеніе къ медузѣ можетъ вызвать на кожѣ человѣка, въ особенности женщинъ и дѣтей, непріятный зудъ и даже легкую лихорадку. Поэтому, купающимся совѣтуютъ никогда не трогать медузъ; по отношенію къ ризостомамъ эта предосторожность, пожалуй, излишняя, но вообще совѣтъ хорошъ, и хорошо дѣлаютъ тѣ, которые ему слѣдуютъ, потому что существуютъ такія медузы, уколъ

которыхъ, весьма чувствительный, вызываетъ часто на тѣлѣ красноту, похожую на экзему.

Самой непріятной въ этомъ отношеніи является волосатая медуза (Cyanea capillata). Свѣшивающіеся внизъ придатки колокола имѣютъ форму настоящихъ развѣвающихся волосъ; они обвиваются вокругъ рукъ и ногъ купальщиковъ такъ крѣпко, что остаются тутъ даже въ томъ случаѣ, если животное, испуганное чѣмъ-нибудь, удаляется прочь. Эта медуза отличается между прочимъ еще желтоватымъ цвѣтомъ своего тѣла. Другая медузы, также встрѣчающаяся довольно часто, это— aurelia aurita; ея молочно-бѣлое тѣло имѣетъ красивый розоватый оттѣнокъ.

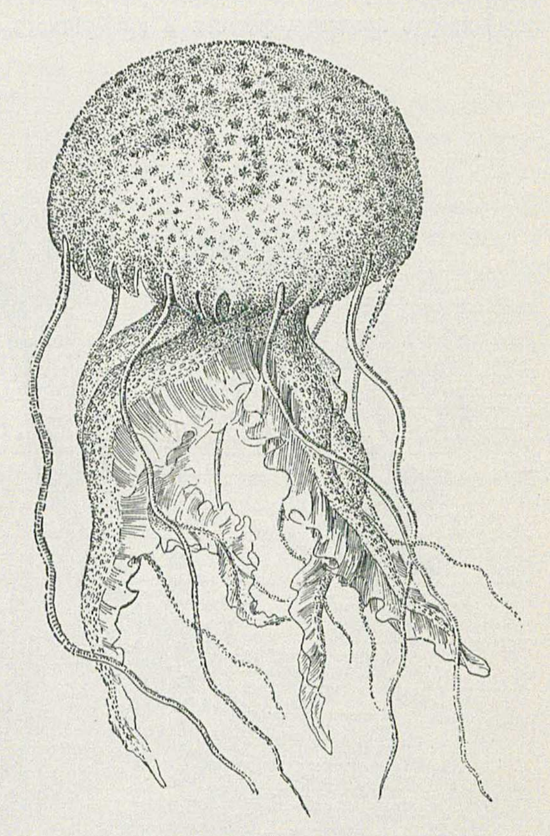


Рис. 125. **Медуза.**
Красивая зонтичная медуза, испускающая ночью слабый фосфорическій свѣтъ.

Многіе виды обладаютъ способностью свѣтиться фосфорическимъ свѣтомъ; этотъ свѣтъ, повидимому, испускаютъ микроорганизмы, живущіе на тѣлѣ этихъ животныхъ.

Сохраненіе медузъ для коллекцій является дѣломъ почти не выполнимымъ: держать ихъ въ спирту нельзя, потому что подъ вліяніемъ спирта онѣ теряютъ совершенно свою окраску, высыхаютъ, становятся жесткими и въ концѣ-концовъ превращаются въ твердую безформенную массу.

Если оставить медузу на берегу, она скоро расплывается, такъ сказать, таетъ и исчезаетъ почти безслѣдно.

Нѣкоторыя медузы, вѣсъ которыхъ въ нормальномъ состояніи достигаетъ 12—15 фунтовъ, послѣ сушки вѣсятъ не болѣе 2—3 золотниковъ.

Медузы—животныя пелагическія: они могутъ жить только въ морской водѣ; опущенныя въ прѣсную воду, онѣ скоро умираютъ. Въ пищу онѣ употребляютъ различныхъ животныхъ, плавающихъ на поверхности воды—ракообразныхъ, мелкихъ рыбъ, моллюсковъ, червей и т. д. Медузы глотаютъ свою добычу, не разжевывая ее, а если она объемиста, то нерѣдко можно видѣть слѣдующее любопытное явленіе: втянутая внутрь часть животнаго почти вся переварилась, тогда какъ другая, оставшаяся свободной, продолжаетъ жить.

Всѣ эти явленія очень интересно наблюдать въ акваріумѣ: но, къ сожалѣнію, медузы не могутъ долго жить въ неволѣ, — онѣ скоро умираютъ, какъ бы хорошо ихъ ни кормить и какъ бы часто ни возобновлять воду въ акваріумѣ.

Размножаются медузы весьма своеобразно. На тѣлѣ животнаго появляются ярко окрашенныя пятна, которыя представляютъ собою не что иное, какъ скопленія яичекъ.

Каждое яичко проходитъ всѣ стадіи полной сегментаціи, ведущей къ образованію червеобразной личинки, покрытой ворсинками. Личинка усаживается на какой-нибудь предметъ, растетъ и пріобрѣтаетъ сначала форму бокала, края ко-

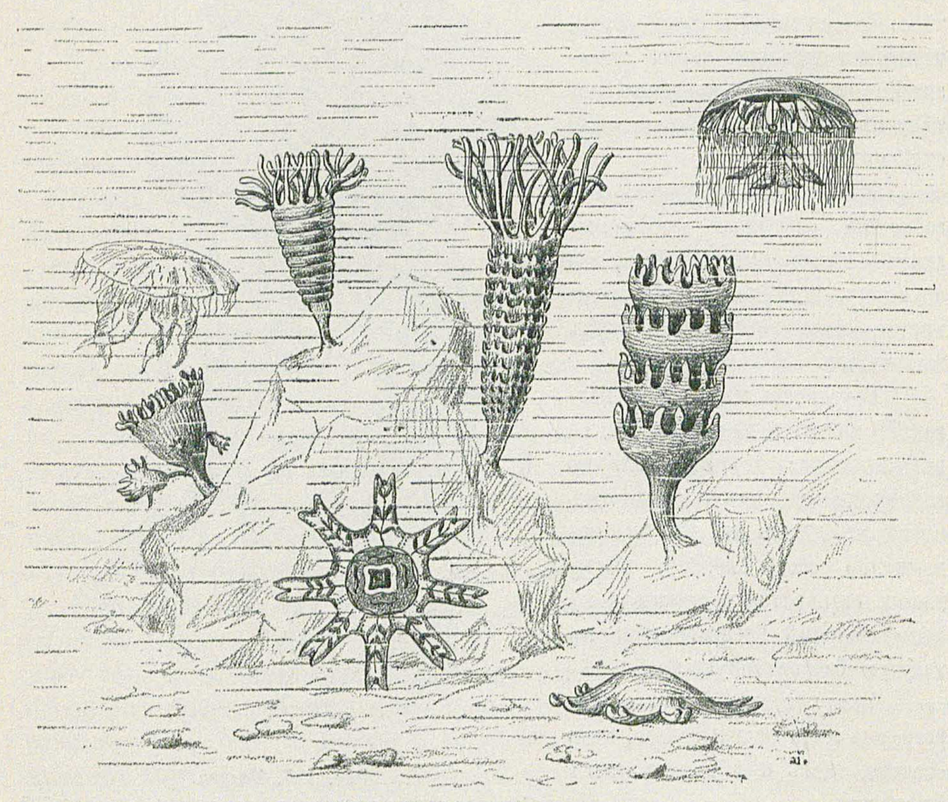


Рис. 126. **Рожденіе медузы.**
Изъ зачаточной формы, имѣющей сначала видъ бокала, затѣмъ стопы тарелокъ, развивается впослѣдствіи новое поколѣніе медузы.

тораго покрыты щупальцами. Бокалъ постепенно увеличивается въ длину, на немъ ниже вѣнчика щупалецъ появляется кольцевая бороздка, подъ нею вторая, третья и т. д., и такимъ образомъ весь бокалъ раздѣляется вертикальными плоскостями на нѣсколько кружковъ, имѣющихъ видъ колонны поставленныхъ другъ на друга тарелокъ. Отдѣльные кружки все больше отшнуровываются другъ отъ друга, и, наконецъ, происходитъ полное распаденіе колонны: каждый кружокъ отдѣляется, начинаетъ носиться по водѣ, чтобы затѣмъ превратиться въ самостоятельную медузу.

Такой способъ размноженія наблюдается не у всѣхъ видовъ; медузы, преимущественно мелкіе виды ихъ, размножаются еще другимъ путемъ. Существуетъ классъ животныхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ полипомедузъ. Этотъ классъ животныхъ заключаетъ въ себѣ двоякаго рода формы, изъ которыхъ одна—*полипы*—не обладаетъ способностью къ передвиженію, прикрѣплена на мѣстѣ, за рѣдкими впрочемъ исключеніями, тогда какъ другая—*медузы*—приспособлена по своей организаціи къ тому, чтобы вести жизнь подвижную, дѣятельную. Эти двѣ формы тѣсно связаны между собою общимъ происхожденіемъ, часто составляя только чередующіяся поколѣнія одного и того же вида животныхъ.

Въ колоніи полиповъ наблюдается слѣдующее явленіе: группа животныхъ, снабженныхъ стрекательными пузырьками, слѣдовательно играющихъ роль защитниковъ всего общества, отдѣляются отъ полипняка и начинаютъ вести самостоятельную жизнь, принявъ форму маленькихъ элегантныхъ медузъ. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что изъ яичекъ этой послѣдней образуются не медузы, а полипы. У большинства видовъ два поколѣнія чередуются между собою такимъ образомъ, что медуза производитъ изъ яица полипа, а этотъ—путемъ поперечнаго дѣленія или почкованія—сидящую или плавающую генерацію медузъ. Это есть явленіе такъ-называемой «*перемѣны генераціи*».

* * *

Рядомъ съ медузами можно видѣть на поверхности моря другихъ животныхъ, имѣющихъ такую же студенистую консистенцію и такихъ же прозрачныхъ, какъ онѣ.

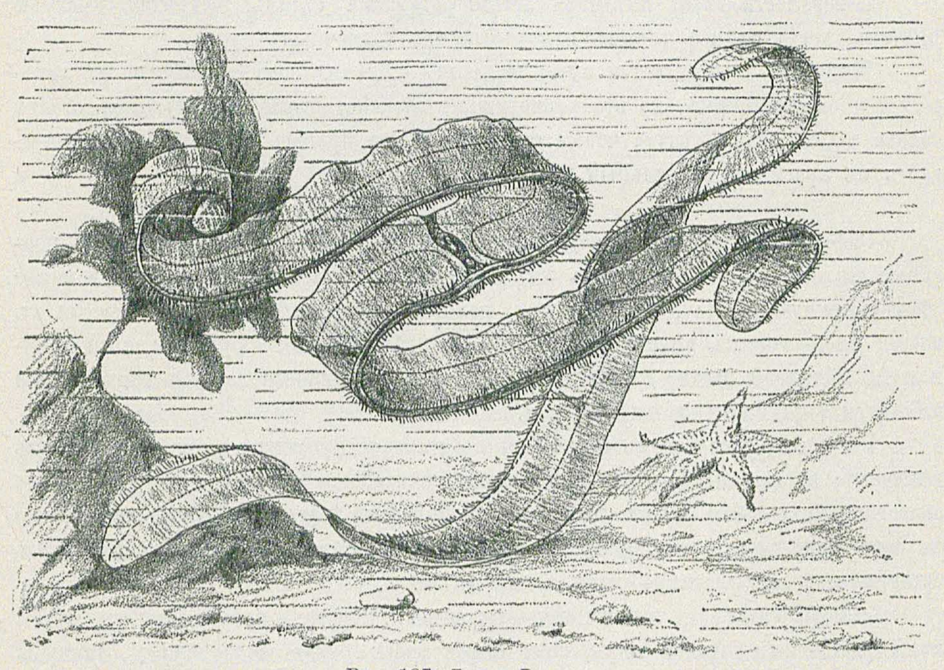


Рис. 127. **Поясъ Венеры.**

Животное, имѣющее видъ прозрачной ленты, свертывающейся спиралью, лишь только къ ней прикасаются.

Часто встрѣчается, напр., животное, имѣющее форму валика или скорѣе корнишона; тѣло его до такой степени прозрачно, что его съ трудомъ можно отличить отъ воды. Это животное beroë, принадлежащее къ отдѣлу ктенофоръ или гребневиковъ, двигается посредствомъ равномѣрнаго, но очень быстраго колебанія мерцательныхъ пластинокъ, расположенныхъ продольными рядами на поверхности тѣла.

Другое животное, носящее названіе cydippe, по своимъ главнымъ отличительнымъ признакамъ очень похоже на описанное выше beroë, оно отличается отъ этого послѣдняго только тѣмъ, что имѣетъ форму шара величиною съ орѣхъ, тогда какъ beroë по формѣ своего тѣла болѣе или менѣе приближается къ цилиндру. Cydippe кромѣ плавательныхъ пластинокъ имѣетъ еще два щупальца, усаженныхъ арканчиками, съ помощью которыхъ они ловятъ свою добычу. У beroë, лишеннаго этихъ хватательныхъ органовъ, имѣется для той же цѣли весьма широкій ротъ, которымъ животное можетъ ловить даже рыбъ и переваривать ихъ въ своемъ желудкѣ.

Къ отдѣлу ктенофоръ относится также очень интересное семейсто cestidae. Наиболѣе виднымъ представителемъ этого семейства является животное, извѣстное подъ названіемъ «поясъ Венеры» (Cestum Veneris). Студенистое тѣло этого животнаго сжато съ боковъ до такой степени, что оно получаетъ видъ длинной ленты, которую можно было бы принять за стеклянную, если бъ она не обладала способностью свертываться, образуя самыя причудливыя складки.

Поверхность тѣла, имѣющая легкій радужный отливъ, искрится тысячью цвѣтовъ, когда на нее падаетъ пучокъ яркихъ солнечныхъ лучей.

Животное передвигается очень медленно и, повидимому, нисколько не интересуется окружающимъ; но это равнодушіе и спокойствіе только кажущіяся: стоитъ только задѣть эту «ленту», чтобы она тотчасъ же пришла въ движеніе, свертываясь въ красивый спиральный поясъ.

* * *

Сифонофоры по всей справедливости считаются наиболѣе красивыми морскими животными. Чтобы понять ихъ строеніе, представимъ себѣ болѣе или менѣе обезображенную медузу, которая при помощи процесса почкованія вызвала къ жизни много новыхъ индивидовъ, исполняющихъ различныя функціи: одни занимаются доставкой пищи, другіе носятъ на себѣ обязанности защитниковъ, третьи заботятся о размноженіи вида и т. д.

Въ метеорологическомъ отношеніи сифонофора примыкаетъ къ гидроиднымъ полипамъ; но функціи отдѣльныхъ членовъ, входящихъ въ ея составъ, такъ тѣсно связаны между собою и онѣ такъ существенны для поддержанія ея жизни, что съ физіологической точки зрѣнія сифонофору можно разсматривать, какъ одинъ организмъ, а ея придатки—какъ органы цѣлаго.

«Очень мало есть животныхъ,—говоритъ Э. Перрье:—которыя возбуждали бы наше удивленіе въ такой мѣрѣ, какъ сифонофоры; очень мало такихъ, которыя отлагаются такими же разнообразными, причудливыми, неожиданными формами, какъ эти послѣднія.

«Представьте себѣ живыя люстры, небрежно покачивающіяся на поверхности слабой морской зыби; ихъ многочисленные придатки,—по виду настоящіе прозрачные, какъ кристаллъ, бра, отливающіе пурпуромъ и изумрудомъ, то свертываются и поджимаются, то неожиданно разбрасываются въ всѣ стороны, разсыпаясь дождемъ блестящихъ алмазовъ, ослѣпляющихъ глазъ своей великолѣпной игрой,—вотъ каковы эти удивительныя существа, похожія на волшебные самодвижущіеся драгоцѣнные камни, брошенные въ море царицей подводнаго царства. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе эффектное и богатое, — вотъ по-

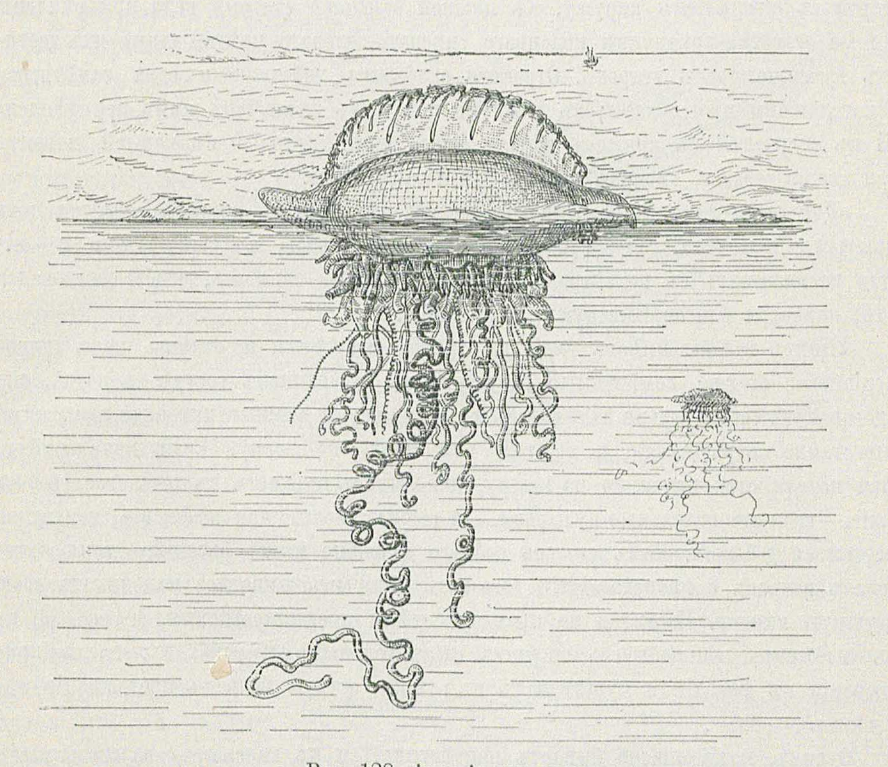


Рис. 128. **Физалія или галера.**

чему, должно-быть, холодный анализъ натуралистовъ долгое время оставался безплоднымъ въ присутствіи этихъ удивительныхъ существъ, которыя кажутся дѣломъ рукъ какого-нибудь божественнаго художника-ювелира.

«Сифонофоры хорошо извѣстны морякамъ, которые дали одной изъ нихъ, именно физаліи, имя галеры. Сифонофоръ особенно много въ теплыхъ моряхъ. Въ тихую погоду онѣ выплываютъ на поверхность и безпечно отдаютъ себя на произволъ теченія, но въ то же самое время не забываютъ принимать необходимыя мѣры, чтобы спастись отъ преслѣдованія враговъ; слѣдя за сифонофорой, покоящейся на поверхности воды, можно иногда видѣть, какъ она рѣзко измѣняетъ свое положеніе и начинаетъ стремительно двигаться впередъ, повидимому, встревоженная приближеніемъ какого-нибудь опаснаго животнаго».

Сифонофоры отличаются такимъ нѣжнымъ прозрачнымъ тѣломъ, что многія изъ нихъ совершенно невидимы простымъ глазомъ, когда находятся въ водѣ. Галера, кажется, единственная сифонофора, которая извѣстна морякамъ.

Объ этомъ животномъ князь Монакскій разсказываетъ слѣдующее:

«Среди многочисленныхъ маленькихъ животныхъ, плавающихъ въ теплыхъ моряхъ, особое вниманіе своей своеобразной формой обращаетъ на себя физалія, называемая также галерой или португальскимъ кораблемъ». Плавательный стволъ этого животнаго, имѣющій видъ большого пузыря, снабженъ громадной воздушной камерой съ отверстіемъ наружу. Къ нижней брюшной сторонѣ тѣла прикрѣплены длинные отростки-арканчики красиваго синевато-зеленаго цвѣта; длина ихъ достигаетъ трехъ-четырехъ метровъ. Отростки снабжены небольшими едва замѣтными стрекательными пузырьками; въ каждомъ изъ нихъ заключенъ шипъ, прикрѣпленный къ свернутой въ кружокъ ниткѣ; этотъ шипъ, готовый въ каждой моментъ броситься на добычу, смоченъ весьма ѣдкой жидкостью.

«Двигается ли физалія произвольно, или нѣтъ? Этотъ вопросъ остается пока открытымъ; замѣчено только, что свой поплавокъ—свою воздушную камеру—она всегда располагаетъ съ подвѣтренной стороны такимъ образомъ, чтобы образовался уголъ, наиболѣе благопріятствующій плаванію.

«Цвѣтъ галеры имѣетъ такіе же красивые оттѣнки и отливы, какъ старое венеціанское стекло; помѣщенная въ большомъ прозрачномъ сосудѣ съ водой, она представляетъ собою весьма занимательное зрѣлище: ея длинные нитевидные отростки безпрестанно сокращаются, и каждый изъ нихъ по-своему. Если какая-нибудь рыбка натолкнется нечаянно на галеру, она тотчасъ пускаетъ въ ходъ свое грозное оружіе,—свои стрекательные пузырьки,—и рыбка, пораженная на-смерть, мгновенно дѣлается ея добычей. Намъ удалось собрать довольно много физалій;—меня интересовалъ вопросъ о происхожденіи того газа, которымъ животное наполняетъ свою воздушную камеру. Несмотря на принятыя мѣры предосторожности, я все же не могъ избѣжать дѣйствія его жгучихъ стрекательныхъ пузырьковъ: послѣ прикосновенія къ физаліи я чувствовалъ въ рукахъ острую боль въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ».

О томъ, какъ опасно бываетъ притрагиваться къ галерамъ, разсказываютъ морскіе путешественники.

«Однажды,—повѣствуетъ Леблонъ въ своемъ «Путешествіи къ Антильскимъ островамъ»:—я купался въ обществѣ нѣсколькихъ своихъ друзей въ бухтѣ, неподалеку отъ того дома, гдѣ я жилъ.

«Въ то время, когда другіе ловили сардинокъ къ завтраку, я забавлялся тѣмъ, что, по примѣру караибовъ, нырялъ, бросаясь въ воду внизъ головою. Эта удаль, однако, чуть не стоила мнѣ жизни. Одна галера уцѣпилась за мое плечо въ то время, когда я подплывалъ къ берегу; я быстрымъ движеніемъ отбросилъ ее прочь, но многіе изъ ея длинныхъ отростковъ остались у меня на тѣлѣ. Выйдя на берегъ, я скоро почувствовалъ подъ мышками такую сильную боль, что едва не лишился чувствъ.

«Меня стали растирать масломъ, но это не помогло: боль распространилась

въ область сердца, и я упалъ въ обморокъ. Но, прійдя въ себя, я оправился настолько, что могъ безъ посторонней помощи добраться домой. Спустя два часа все прошло, осталось только незначительное жженіе въ ранѣ, которое прекратилось ночью».

* * *

Медуза, beroë, сифонофоры, — все это близкія, родственныя формы, общимъ отличительнымъ признакомъ которыхъ является желатинозная консистенція тѣла. Интересно отмѣтить, что аналогичные организмы встрѣчаются также среди другихъ группъ животныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ описанными выше.

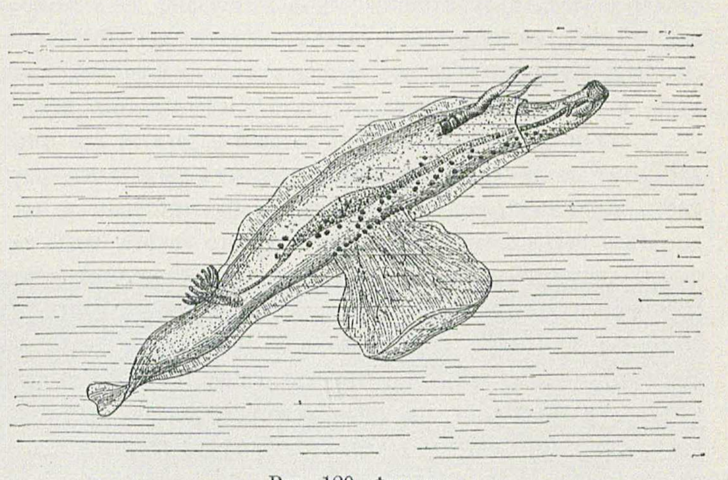


Рис. 129. **Фирола.**
Животное съ прозрачнымъ, какъ кристаллъ, тѣломъ, принадлежащее къ классу моллюсковъ.

Кто бы могъ подумать, что среди моллюсковъ, животныхъ, такихъ тяжеловѣсныхъ, неповоротливыхъ на видъ, медленно передвигающихся съ мѣста на мѣсто, встрѣчаются такія формы, которыя можно было бы поставить на одну линію съ медузами по образу жизни и строенію тѣла? А между тѣмъ, такія формы въ дѣйствительности существуютъ. Для примѣра укажемъ на фиролу; это животное, съ прозрачнымъ студенистымъ тѣломъ, похожее на длинный тонкій ремень, нужно безспорно причислить къ классу моллюсковъ, несмотря на его нѣсколько фантастическій видъ. Форма и расположеніе отдѣльныхъ частей тѣла у этого животнаго дѣйствительно оригинальны: спереди у него находится что-то въ родѣ трубы, изображающей собою ротъ; посрединѣ виднѣется не то лопатка, не то палитра, при помощи которой фирола перемѣщается: этотъ органъ, слѣдовательно, замѣняетъ собою ноги; наконецъ, сзади на спинѣ лежатъ жабры въ формѣ султана.

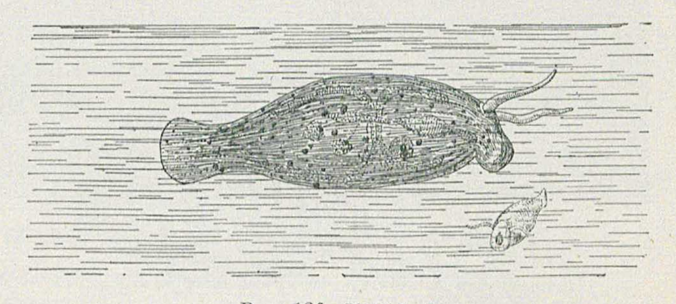


Рис. 130. **Phyllirhoë.**
Очень мирное, спокойное животное. Благодаря своему прозрачному тѣлу, ускользаетъ отъ взоровъ своихъ враговъ; оно обладаетъ способностью свѣтиться.

Наиболѣе интереснымъ представителемъ группы прозрачныхъ моллюсковъ является phyllirhoë,—животное, отличающееся къ тому же способностью свѣтиться.

«Phyllirhoë—это моллюски, принадлежащіе къ классу брюхоногихъ изъ отряда заднежаберныхъ; они не имѣютъ раковины; тѣло ихъ удлиненное, сплюснутое съ боковъ, снабженное спереди двумя длинными роговидными щупальцами, по своей формѣ напоминаетъ рыбу. Оно отличается такой прозрачностью, что разглядѣть его въ водѣ подчасъ бываетъ очень трудно; но эта прозрачность, съ другой стороны, является очень цѣнной особенностью животнаго, такъ какъ даетъ возможность до мельчайшихъ подробностей изучить его организацію. Эти животныя—морскія, пелагическія; живутъ въ Тихомъ и Атлантическомъ океанѣ, частью въ Средиземномъ морѣ, и въ высокой степени отличаются способностью испускать изъ себя свѣтъ.

«Если взволновать воду, въ которой находится это животное, или если прикоснуться къ нему какимъ-нибудь твердымъ предметомъ, phyllirhoë тотчасъ начинаетъ свѣтиться; особенно сильный свѣтъ получается въ томъ случаѣ, когда животное раздражаютъ каплей нашатырнаго спирта: тогда на поверхности его тѣла и на длинныхъ щупальцахъ вспыхиваетъ голубоватаго цвѣта сіяніе; оно отличается наибольшей яркостью на верхней и нижней части тѣла животнаго; такимъ образомъ, въ этомъ своеобразномъ освѣщеніи очень отчетливо выступаютъ его контуры. Нужно замѣтить, что это сіяніе не передается жидкимъ и твердымъ тѣламъ, находящимся въ соприкосновеніи съ phyllirhoë, въ противоположность тому, что наблюдается у другихъ свѣтящихся животныхъ». (Гадо-де-Кервилль).

* * *

Аналогичные организмы наблюдаются далѣе среди тѣхъ животныхъ, которыя относятся къ типу оболочниковъ или туникатъ (tunicata) и по своей организаціи стоятъ гораздо выше, чѣмъ моллюски.

Тѣло туникатъ лежитъ внутри мягко-хрящеватой или желатиновой оболочки; эта оболочка прежде разсматривалась, какъ покровъ тѣла, аналогичный створкамъ моллюсковъ; она можетъ быть такъ велика, что во много разъ превосходитъ массу внутренняго тѣла животнаго; но, какъ показали дальнѣйшія изслѣдованія, это сходство чисто внѣшнее.

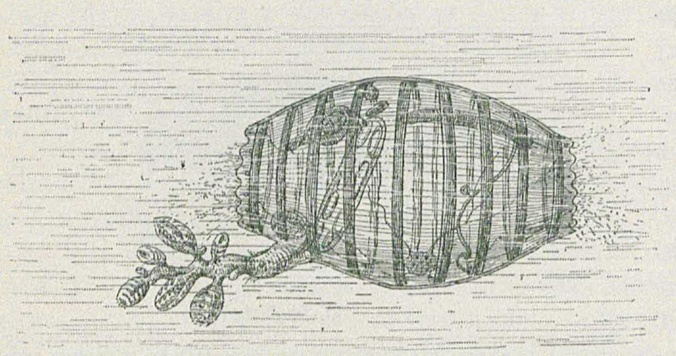


Рис. 131. **Doliolum.**
Животное съ прозрачнымъ бочковиднымъ тѣломъ.

Въ группѣ оболочниковъ особое вниманіе обращаетъ на себя животное, извѣстное подъ названіемъ doliolum. По своей формѣ оно поразительно напоминаетъ собою бочку, снабженную параллельными круглыми обручами; эти обручи — не что иное, какъ правильно расположенныя лентовидныя мышцы,

кольцомъ охватывающія прозрачное тѣло животнаго (рис. 131). Бочка внутри пуста; по ней постоянно циркулируетъ токъ воды, необходимый для дыханія.

Очень интересенъ также способъ размноженія этого своеобразнаго животнаго. Тѣло его снабжено придаткомъ, который, несмотря на свой сравнительно большой объемъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ краномъ, прилаживаемымъ обыкновенно къ виннымъ бочкамъ. Этотъ придатокъ называется зародышевымъ бугромъ; въ извѣстную пору онъ начинаетъ удлиняться и превращается въ длинный побѣгъ, такъ-называемый *столонъ*, на которомъ вскорѣ появляются маленькія почки. Изъ этихъ почекъ впослѣдствіи развиваются молодые индивиды, которые, достигнувъ полной зрѣлости, отдѣляются отъ тѣла матери, чтобы вести самостоятельную жизнь.

* * *

Къ типу оболочниковъ принадлежитъ также классъ животныхъ, которыхъ раньше причисляли то къ моллюскамъ, то къ полипамъ. Мы имѣемъ въ виду

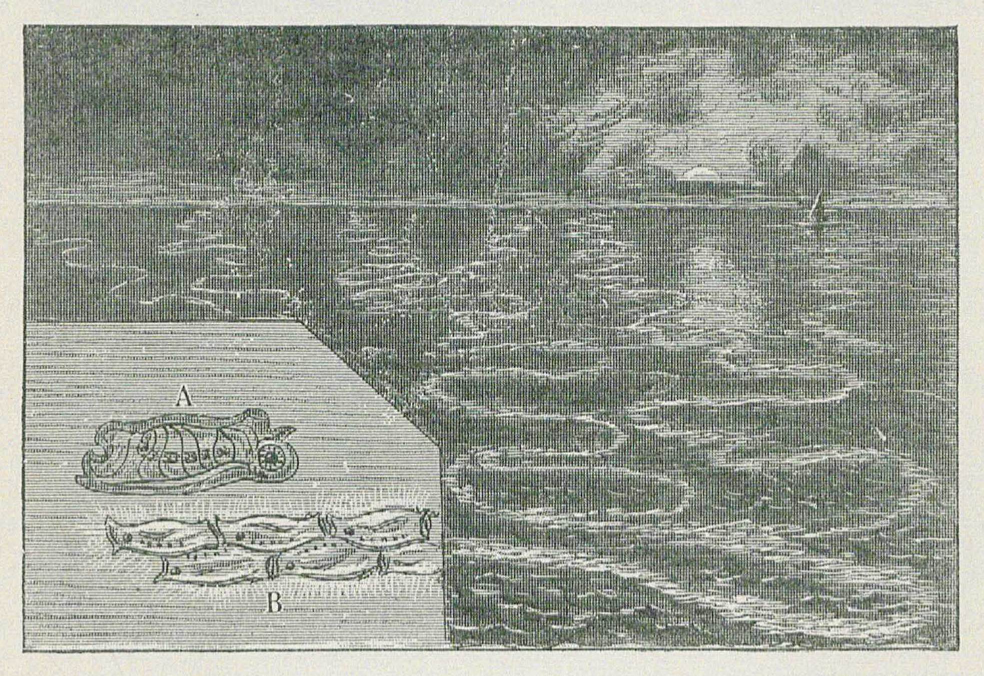


Рис. 132. **Колоніи свѣтящихся сальпъ, плавающихъ на поверхности моря.**
A—изолированная сальпа.
B—шесть соединенныхъ вмѣстѣ сальпъ, искрящихся, какъ самый дорогой бриллiантъ.

такъ-называемыхъ сальпъ. Сальпы — это свободно плавающія, прозрачныя, какъ стекло, животныя, тѣло которыхъ состоитъ изъ желатинозно-хрящевого вещества. Они живутъ или отдѣльными особями, или же соединяются въ многочисленныя колоніи, которыя имѣютъ видъ длинной, большею частью двурядной цѣпи или колонны, плавающей непосредственно подъ поверхностью моря.

Попарно расположенныя сальпы одновременно сокращаютъ и расширяютъ

свои кольцевидные мускулы, благодаря чему вся колонна равномѣрно перемѣщается, точно рота солдатъ, шагающихъ въ ногу. Каждая колонна имѣетъ видъ самостоятельнаго организма, передвигающагося по извилистымъ линіямъ. Моряки называютъ цѣпь сальпъ «морской змѣей».

Эти животныя лежатъ на водѣ брюшкомъ вверхъ. При сокращеніи и расширеніи кольцевидныхъ мускуловъ вода входитъ въ заднее отверстіе тѣла и выбрасывается черезъ переднее; благодаря этому, происходитъ толчокъ въ обратную сторону, и цѣпь, такимъ образомъ, всегда должна двигаться назадъ. Когда вынимаютъ изъ воды подобную цѣпь, то входящія въ ея составъ звенья скоро отдѣляются другъ отъ друга, и индивиды, прежде тѣсно связанные между собою, получаютъ свободу: въ колоннѣ, шагавшей прежде такъ стройно, происходитъ полная дезорганизація...

Въ морѣ иногда встрѣчаются совершенно изолированныя одинокія сальпы; можно было бы предположить, что онѣ представляютъ собою обособленный видъ, если бы новѣйшія изслѣдованія не доказали ихъ кровнаго родства съ тѣми сальпами, которыя живутъ цѣлыми обществами. Многочисленными наблюденіями установленъ тотъ фактъ, что маленькія изолированныя сальпы въ извѣстное время соединяются вмѣстѣ, образуя длинныя ленты, отъ которыхъ рождаются одинокія сальпы. Однимъ словомъ, цѣпевидныя сальпы производятъ на свѣтъ не-цѣпевидныхъ сальпъ, а одинокихъ, а эти послѣднія, въ свою очередь, даютъ начало не отдѣльнымъ особямъ, а цѣлымъ колоніямъ. Вслѣдствіе этого сальпа по своей организаціи не похожа ни на свою мать, ни на свою дочь, а имѣетъ сходство лишь со своей бабушкой или внучкой.

Сколько потребовалось времени и кропотливаго труда, чтобы проникнуть въ эту удивительную тайну природы, которую теперь можно такъ легко и скоро постигнуть! Несмотря на свою довольно простую организацію, сальпы живутъ и размножаются точно такъ же, какъ и другія животныя; у нихъ есть свои инстинкты, свои потребности, можетъ-быть, даже свои желанія... Въ общемъ сальпы — животныя довольно лѣнивыя и безпечныя: они беззаботно носятся по безбрежному морю, не зная ни волненій, ни усталости... (А. Фредоль) (Мокенъ-Тандонъ).

ГЛАВА XXII.

Игрушки у животныхъ.

Дѣти любятъ бѣгать, плясать, прыгать, шалить со своими сверстниками, устраивать всякія продѣлки, но больше всего дѣтямъ нравятся такія игры, гдѣ они могутъ проявить свою самостоятельность, забавляясь такими предметами, съ которыми могутъ дѣлать все, что имъ заблагоразсудится. Маленькая дѣвочка играетъ своей куклой, мальчикъ — волчкомъ; на берегу моря мальчикъ играетъ валунами или пескомъ. Очень маленькія дѣти довольствуются катушкой отъ нитокъ; можно наблюдать, какъ они забавляются цѣлые дни кусочками бумаги, ниткой кораллoвъ или простыми пуговицами. Какъ ни просты эти игрушки, онѣ все же игрушки; какая дѣвочка не предпочтетъ самую простую, дешевую куклу, которую она сама могла бы одѣвать, прекрасной дорогой игрушкѣ, къ которой ей дозволено прикасаться только развѣ кончиками пальцевъ?

Животныя тоже имѣютъ въ своемъ распоряженіи такія простыя игрушки и отлично умѣютъ ими пользоваться для своего развлеченія; они то довольствуются камешками, если не имѣютъ ничего лучшаго, то пользуются болѣе сложными вещами, если онѣ предоставлены въ ихъ распоряженіе.

Въ первомъ ряду такихъ животныхъ безспорно нужно помѣстить обезьянъ. Пешюэль-Лошъ, напримѣръ, зналъ обезьяну, которая сама себѣ устраивала качели. Это была очень умная, ручная обезьяна. Отыскавъ рядъ насѣчекъ на деревѣ, на крышѣ хижины или на бочкѣ, которая служила ей постелью, она пользовалась ими для того, чтобы укрѣпить на нихъ длинную веревку, на другомъ концѣ которой она могла качаться во свое полное удовольствіе; она дѣлала это очень прилежно и, прикрѣпляя веревку въ какомъ-нибудь мѣстѣ, всегда принимала въ разсчетъ и длину ея и особенности того предмета, къ которому она ее привязывала.

Пешюэль-Лошъ разсказываетъ о павіанахъ, которые употребляли въ качествѣ игрушекъ различные неодушевленные предметы. Отправляясь спать, они брали ихъ съ собой, точь-въ-точь какъ дѣти, которыя любятъ класть съ собою въ постель свои игрушки. Обезьянъ, какъ и дѣтей, забавляетъ пламя зажженныхъ спичекъ. Въ этомъ отношеніи интересно наблюденіе, сдѣланное Фр. Эллендорфомъ надъ одной черной обезьянкой съ бѣлой головой.

«Когда я ее выпустилъ изъ клѣтки, стоявшей въ комнатѣ, она тотчас

усѣлась противъ меня на столѣ и стала осматривать каждую вещь на немъ. Вниманіе ея привлекла прежде всего коробка со спичками; она пыталась открыть эту коробку, долго обнюхивала ее и кончила тѣмъ, что бросила ее на столъ. Я взялъ одну спичку, зажегъ и показалъ обезьянѣ. Она съ изумленіемъ раскрыла свои большіе глаза и не сводила ихъ съ пламени. Я зажегъ вторую и третью спичку и затѣмъ передалъ одну изъ нихъ обезьянкѣ. Она протянула лапку, нерѣшительно приблизила горящую спичку къ лицу и осматривала ее съ большимъ любопытствомъ. Спичка начала догорать и она бросила ее, чтобы не обжечься. Я оставилъ коробку, думая, что обезьянка сейчасъ схватитъ ее, но она только обнюхала ее, и приблизилась ко мнѣ, точно желая спросить, что это за вещь. Спустя нѣкоторое время она вернулась къ коробкѣ, пыталась ее открыть, открыла, но до спичекъ не рѣшилась дотронуться. Я снова зажегъ спичку, вынулъ одну и далъ ей. Она начала тереть ее о стѣнку коробки, но не тѣмъ концомъ. Я перевернулъ спичку въ ея лапкѣ. Спичка зажглась, это привело животное въ великое восхищеніе».

Не менѣе любопытенъ шимпанзе, принадлежавшій Брему. Эта обезьяна чувствовала потребность чѣмъ-нибудь развлечься послѣ обѣда, хотя бы ея игрушка состояла изъ куска дерева или изъ туфель, которыя она одѣвала, какъ перчатки, на лапы. Ея страстью было чистить, мыть каждый предметъ въ комнатѣ. Утащивъ какую-нибудь тряпку, которую она употребляла для чистки разныхъ вещей, обезьяна отдавала ее съ большимъ неудовольствіемъ. Въ игрушкахъ, очевидно, она была мало разборчива, но все же это были игрушки.

Обезьяны обнаруживаютъ большую сноровку, когда имѣютъ дѣло съ игрушками, обладающими такъ-называемыми «секретами». Это ихъ любимая забава; они приходятъ въ восторгъ, когда имъ удается разгадать секретъ. Прекрасно иллюстрируютъ этотъ фактъ наблюденія миссъ Романесъ, сестры знаменитаго натуралиста, надъ одной капризной обезьянкой, долгое время находившейся у нея. Обезьянка выбирала себѣ въ качествѣ игрушекъ хозяйственные предметы.

Однажды она взяла опахало съ навинченной рукояткой; обезьянка тотчасъ же сумѣла отвинтить ручку и попробовала завинтить ее обратно. Черезъ нѣкоторое время ей это удалось. Сначала она вставила рукоятку въ отверстіе и стала ее поворачивать. Видя, что она не держится, обезьянка догадалась перевернуть ее другимъ концомъ и снова начала ее поворачивать. Это, дѣйствительно, была трудная работа. Приходилось держать обѣими руками рукоятку и одновременно поворачивать ее въ одномъ и томъ же направленіи. Длинныя свѣшивавшіяся внизъ перья опахала мѣшали приставить, какъ слѣдуетъ, ручку къ отверстію; она стала придерживать опахало ногой. Тѣмъ не менѣе она работала очень усердно, пока первая нарѣзка винта не вошла въ отверстіе. Затѣмъ обезьяна уже быстро завинтила рукоятку до конца. Достигнувъ цѣли, животное снова развинтило рукоятку, завинтить теперь ей стоило меньше труда. Она повторила это упражненіе нѣсколько разъ, и когда пріобрѣла въ немъ достаточную ловкость, бросила эту забаву, чтобы взяться за что-нибудь другое.

Всякій знаетъ, что собаки очень любятъ рѣзвиться. Онѣ играютъ щепками,

камушками, но особенно любятъ возиться съ предметами, которые имъ кидаетъ ихъ хозяинъ.

Однажды моя собака нашла на землѣ еловую шишку и принесла ее мнѣ. Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю ея находки. Тогда она стала ласкаться, какъ это дѣлаютъ избалованныя дѣти. Я взялъ шишку и высоко подбросилъ ее въ воздухъ. Собака съ величайшимъ удовольствіемъ пустилась за ней бѣгомъ и, конечно, принесла шишку въ зубахъ.

Аликсъ разсказываетъ про собаку, которая играла тѣнью, бросаемой ея головой на стѣну: то укорачивая, то удлиняя свои длинныя уши или пригибая ихъ къ стѣнѣ, наклоняя ихъ то вправо, то влѣво, она получала на стѣнѣ причудливыя тѣневыя фигуры, которыя, видимо, сильно ее забавляли.

Этотъ же наблюдатель, описываетъ еще одинъ не менѣе любопытный случай.

«Послѣ маневровъ, на которыхъ я присутствовалъ съ эскадрономъ моего полка въ альпійскихъ горахъ, я однажды отправился гербаризировать въ окрестностяхъ Бріансона (въ Верхнихъ Альпахъ) въ сопровожденіи одной изъ тѣхъ бродячихъ собакъ, которыя такъ часто увязываются за войсками во время похода. Лишь только я намѣренъ былъ ступить на тропинку, которая вела къ холму, моя собака, вмѣсто того чтобы послѣдовать за мной, направилась къ довольно отлогому склону, гдѣ скопился въ большомъ количествѣ снѣгъ. Заинтересованный этимъ, я сталъ слѣдить за собакой, стараясь не терять ее изъ виду, и вскорѣ сдѣлался свидѣтелемъ поразительной сцены, которая удивила меня, хотя мнѣ были довольно хорошо знакомы различныя шалости, на которыя способны собаки: животное легло на спину, вытянуло вверхъ свои четыре лапы, наклонило голову и скользя въ такомъ положеніи по замерзшему снѣгу спустилось до подошвы горы.

«Очутившись внизу, гдѣ не было больше снѣга, собака спокойно поднялась, бросила взглядъ въ мою сторону, повертѣла немного хвостомъ и опустилась на землю, въ ожиданіи моего прихода».

Если собаки не находятъ предметовъ для забавы, онѣ начинаютъ играть своимъ хвостомъ.

*

Въ этомъ отношеніи собаки напоминаютъ кошекъ, которыя очень часто и охотно упражняются такимъ же образомъ. Онѣ, какъ извѣстно, могутъ по цѣлымъ часамъ играть клубкомъ нитокъ, катушками, пробкой, бумагой, свернутой шарикомъ,—всѣ ихъ движенія при этомъ полны граціи и изящества.

Всѣ кошачьи породы чрезвычайно охотно играютъ. Ягуары, напр., подолгу забавляются бросаніемъ плодовъ, кусочковъ дерева и т. п.

*

Бѣлые медвѣди, живя въ неволѣ, отыскиваютъ кусочки камня или дерева и катаютъ ихъ по полу, — это занятіе доставляетъ имъ, повидимому, огромное удовольствіе.

«Медвѣди, — говоритъ Гроссъ: — иногда бросаютъ предметы, которыми они играютъ, въ ванну, наполненную водой, и точно стараются вымыть ихъ. Со стороны кажется, что они это продѣлываютъ очень усердно и осмысленно».

*

Нѣкоторыя породы крысъ точно такъ же охотно играютъ съ предметами, попавшими къ нимъ,—это можно наблюдать во всѣхъ зоологическихъ садахъ, гдѣ онѣ содержатся; на ярмаркахъ этихъ крысъ часто показываютъ публикѣ, которая съ любопытствомъ слѣдитъ за ихъ проворными движеніями въ то время, когда онѣ играютъ.

Крысенокъ-прачка, какъ показываетъ его названіе, охотно полощетъ вещи, попадающія къ нему. Въ продолжительные часы досуговъ, которыми пользуется каждый крысенокъ въ неволѣ, онъ, по словамъ Л. Бекманна, развлекается на тысячу ладовъ,—то онъ садится въ уединенномъ уголку и съ серьезной миной старается обвязать вокругъ своей мордочки соломинку, то онъ играетъ пальцами одной изъ своихъ заднихъ лапъ или старается поймать кончикъ своего длиннаго хвоста.

Послѣ довольно продолжительной засухи крысенокъ зорко высматриваетъ какой-нибудь источникъ и стоитъ ему только замѣтить гдѣ-нибудь хоть немного воды, онъ начинаетъ волноваться и изо всѣхъ силъ старается добраться до нея. Приблизившись къ источнику, онъ весьма осторожно изслѣдуетъ глубину его своими лапками. Убѣдившись въ томъ, что источникъ не глубокъ, — крысенокъ весело входитъ въ воду и старается отыскать на днѣ предметъ, который можно было бы вымыть.

Старый осколокъ горшка, обломокъ фарфоровой посуды, раковина улитки— его излюбленные предметы; поймавъ одинъ изъ нихъ, крысенокъ усердно берется за дѣло и полощетъ его очень долго.

Вдругъ онъ замѣчаетъ на нѣкоторомъ разстояніи старую бутылку и ему хочется во что бы то ни стало достать ее. Тотчасъ онъ выбѣгаетъ изъ воды, и не долго думая, быстро одной лапой начинаетъ катить бутылку по направленію къ ручью.

Если кто-нибудь мѣшаетъ ему привести въ исполненіе его планы, онъ начинаетъ злиться, какъ капризный ребенокъ: бросается навзничь и крѣпко сжимаетъ лапками бутылку, такъ что отнять ее у него не легко.

Когда ему надоѣстъ пребываніе въ водѣ, онъ оставляетъ ее и, захвативъ съ собой какой-нибудь предметъ, которымъ игралъ, усаживается на немъ и начинаетъ вновь забавляться на различные лады.

* * *

Всѣмъ извѣстно, что попугаи обыкновенные, хохлатые и пр. очень любятъ играть кусочками дерева, которые они, между прочимъ, охотно гложутъ.

Они особенно любятъ развинчивать винтики и просверливать дырочки.

Мы могли бы еще очень долго описывать различныя забавы животныхъ и тѣ предметы, которые служатъ имъ для этого, но это завело бы насъ слишкомъ далеко и мы ограничимся лишь сказаннымъ. Во всякомъ случаѣ, замѣтимъ, что животныя, желая поиграть, не ограничиваются только тѣми простыми незатѣйливыми вещами, о которыхъ мы упоминали выше.

ГЛАВА XXIII.

Спруты.

Среди морскихъ животныхъ есть очень мало такихъ, которыя имѣютъ такой непривлекательный видъ, какъ спрутъ или осьминогъ: его слизистое тѣло съ многочисленными присосками, вызываетъ отвращеніе и даже страхъ; тѣмъ не менѣе образъ жизни и привычки этого животнаго довольно любопытны, и поэтому, мы на нихъ немного остановимся.

Спрута можно найти подъ прибрежными утесами; его не трудно также поймать на удочку, на которую въ видѣ приманки насаженъ крабъ, а лучше всего, чтобы раздобыть его, отправиться съ рыбаками на тоню близи; когда вы вдругъ услышите ругательства, то съ увѣренностью можете сказать, что рыбачьи сѣти захватили либо осьминога, либо каракатицу.

Осьминогъ живетъ въ расщелинахъ скалъ, залитыхъ водою; отъ времени до времени онъ оставляетъ свое убѣжище и отправляется въ море; этимъ и объясняется, почему онъ нерѣдко попадается въ сѣти рыбаковъ. На его мясистомъ овальной формы тѣлѣ сидитъ довольно плотная голова, снабженная парой большихъ глазъ, поразительно похожихъ на тѣ, которые имѣютъ рыбы или кошки. Голова оканчивается восемью длинными отростками, такъ называемыми ногами, съ внутренней стороны усѣянными многочисленными присосками, которыми животное пользуется для схватыванія добычи.

Ротъ снабженъ роговиднымъ придаткомъ, который имѣетъ большое сходство съ клювомъ попугая. Животное отличается довольно большими размѣрами: оно имѣетъ въ длину 1—2 метра. Разсказы моряковъ о колоссальной величинѣ этого животнаго надо отнести къ категоріи фантастическихъ; моряки, описывая свои впечатлѣнія, какъ извѣстно, нерѣдко «увлекаются». Такъ, нѣкоторые съ самымъ серьезнымъ видомъ утверждаютъ, что они видѣли осьминоговъ, величиною съ броненосецъ; другіе говорятъ, что огромный осьминогъ на ихъ глазахъ проглотилъ цѣлую барку и т. д.

Находясь въ расщелинѣ скалы, осьминогъ принимаетъ такое положеніе, что ноги его, изгибаясь кзади, касаются присосками стѣнокъ ея, а мѣшкообразное тѣло принимаетъ форму дуги: животное имѣетъ такой видъ, точно ходитъ на чуть согнутыхъ ногахъ.

Подобно многимъ морскимъ животнымъ, отличающимся мягкимъ тѣломъ,

осьминогъ становится безобразнымъ, когда его кладутъ на песокъ или вообще на сушу; наоборотъ, въ водѣ, гдѣ животное имѣетъ возможность расправить свои члены, оно пріобрѣтаетъ довольно красивый видъ, въ особенности, когда принимается плавать. Обыкновенно осьминогъ двигается назадъ, и къ тому же скачками; онъ можетъ также перемѣщаться впередъ, но въ этомъ случаѣ ноги, соединенныя въ два симметричныхъ пучка, отбрасываются взади напоромъ воды.

Осьминогъ или спрутъ, какъ его называютъ обыкновенно матросы, отличается крайней прожорливостью. Онъ употребляетъ въ пищу множество разныхъ животныхъ, между прочимъ ракушекъ, устрицъ и т. д. Несмотря на то, что створки у этихъ послѣднихъ обыкновенно крѣпко закрыты, осьминогъ всегда находитъ средство раздвинуть ихъ и добраться до скрывающагося за ними животнаго, которое онъ тутъ же съѣдаетъ.

Жанетта Пауеръ, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, которыя находятъ удовольствіе въ изученіи естественныхъ наукъ, разсказываетъ, что она видѣла однажды, какъ осьминогъ всадилъ осколокъ камня въ створки большой раковины; раковина вслѣдствіе этого не могла закрыть свои створки, и такимъ образомъ легко сдѣлалась добычей хищника.

Самымъ любимымъ блюдомъ осьминога являются крабы.

«Когда осьминогъ,—разсказываетъ М. Фишеръ:—замѣчаетъ краба, онъ тотчасъ бросается на него, охватывая цѣликомъ все его тѣло своими цѣпкими ногами. Несчастная жертва сначала тщетно дѣлаетъ попытки освободиться изъ этихъ страшныхъ объятій; но вскорѣ изнемогаетъ въ неравной борьбѣ. Осьминогъ тащитъ краба въ свое убѣжище и тутъ заставляетъ его принимать всевозможныя положенія, играя съ нимъ, точно кошка съ мышью, но при этомъ никогда не отпускаетъ своей жертвы: спустя нѣкоторое время, осьминогъ выбрасываетъ вонъ остатки животнаго, которые онъ не могъ доѣсть.

«Нѣсколько разъ отымая у осьминоговъ ихъ добычу, я убѣдился, что крабы, побывавшіе только одну минуту во власти осьминога, всегда были мертвы, хотя на тѣлѣ ихъ не замѣчалось никакихъ замѣтныхъ поврежденій».

Осьминогъ—животное довольно смышленое; чтобы обезопасить свое убѣжище, онъ строитъ баррикады у входа, и какъ матеріаломъ для нихъ пользуется либо остатками своихъ роскошныхъ трапезъ, главнымъ образомъ створками раковинъ, либо маленькими камушками, которые ему приходится иногда тащить издалека. Когда пытаются захватить его въ собственномъ убѣжищѣ, осьминогъ выставляетъ наружу свой клювъ и сложенныя вмѣстѣ ноги, при этомъ кожа его темнѣетъ и покрывается ощетинившимися сосочками; животное принимаетъ тогда, дѣйствительно, страшный видъ.

Осьминогомъ рыбаки пользуются иногда въ качествѣ приманки. На югѣ Франціи, въ особенности въ Испаніи, его употребляютъ въ пищу точно такъ же, какъ каракатицъ и другихъ двойножаберныхъ.

Изъ него приготовляютъ различныя блюда, къ которымъ обыкновенно прибавляютъ много шафрану. Осьминогъ на вкусъ представляетъ собою нѣчто среднее

между рыбой и вареной ракушкой, но особой пикантностью не отличается. На средиземномъ побережьѣ рыбаки, кажется, ѣдятъ осьминоговъ сырыми, какъ устрицъ.

Выше мы упоминали о тѣхъ фантастическихъ разсказахъ, циркулирующихъ среди моряковъ по поводу колоссальныхъ размѣровъ, которыми будто бы отли-отличаются морскіе осьминоги. Естествоиспытатели прошлыхъ столѣтій передавали эти разсказы въ своихъ произведеніяхъ, не подвергая ихъ критическому разбору.

Вотъ что, напр., пишетъ въ своей «Естественной исторіи» Эрикъ Понтоппиданъ,—епископъ и въ то же время небезызвѣстный зоологъ:

«Сѣверные рыбаки,—говоритъ этотъ авторъ:—единогласно утверждаютъ, что проѣхавъ нѣсколько миль по открытому морю, они нерѣдко, въ особенности въ жаркіе лѣтніе дни, замѣчали слѣдующее явленіе: измѣрительный лотъ, брошенный въ море, показывалъ не 80—100 саженъ глубины, какъ обыкновенно, а гораздо

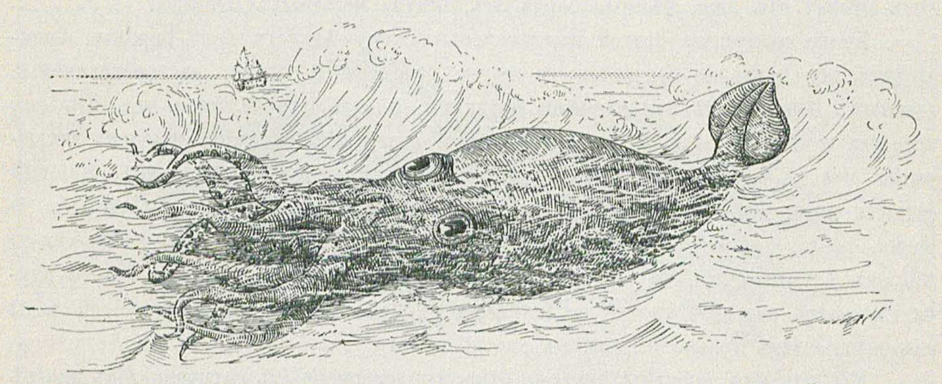


Рис. 133. Огромный спрутъ, котораго наблюдалъ и срисовалъ М. Руйе.

меньше, именно 28—30 саж. Это значитъ, что на этой глубинѣ плаваетъ громадный спрутъ, заслоняющій своимъ необъятнымъ тѣломъ морское дно.

«Рыбаки тотчасъ закидываютъ сѣти, такъ какъ по опыту знаютъ, что въ этомъ мѣстѣ ихъ ждетъ богатый уловъ рыбы, въ особенности трески.

«Если измѣрительный лотъ показываетъ все меньшую и меньшую глубину моря, если, значитъ, его случайное подвижное «дно» начинаетъ подыматься кверху, то рыбаки, не теряя золотого времени, поспѣшно удаляются прочь, изъ опасенія встрѣтиться со страшнымъ чудовищемъ, которое выплываетъ на поверхность моря, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ.

«Когда рыбаки, дружно работая веслами, отъѣзжаютъ на такое значительное разстояніе, что могутъ считать себя въ безопасности, они, направивъ взоры къ тому мѣсту, гдѣ нѣсколько времени тому назадъ ловили рыбу, видятъ въ отдаленіи огромнаго спрута, который, распластавшись на поверхности воды, занимаетъ своимъ гигантскимъ тѣломъ иногда $1^1/_2$ *мили въ окружности.* Изъ темной безформенной массы постепенно подымаются вверхъ громадныя ноги, которыя, развернувшись во всю свою длину, пріобрѣтаютъ сходство съ большими корабельными

мачтами, снабженными реями. Сила этихъ страшныхъ ногъ такова, что если имъ случается захватить снасти линейнаго корабля, то онъ долженъ неминуемо потонуть.

«Пробывъ нѣкоторое время на поверхности воды, спрутъ начинаетъ медленно опускаться на дно, и при этомъ приводитъ въ движеніе такую массу воды, что появляется сильный водоворотъ, опасный даже для большихъ судовъ».

«*Естественная исторія*» Эрика Понтоппидана весьма любопытна въ томъ отношеніи, что въ ней собранъ огромный матеріалъ, который, къ сожалѣнію, не подвергся критической обработкѣ: вѣрныя наблюденія перемѣшаны съ безусловно вымышленными въ такой степени, что невозможно узнать, что, по мнѣнію автора, истина, и что—плодъ досужей фантазіи. Ученый епископъ, правда, былъ настолько образованъ, что не повѣрилъ приведенному выше разсказу,—на что и намекаетъ въ своемъ сочиненіи, но онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки разобраться въ томъ матеріалѣ, который онъ такъ прилежно собиралъ, и такимъ образомъ отдѣлить правду отъ лжи, цѣнныя зерна отъ никуда негодныхъ плевелъ.

Иначе поступилъ другой естествоиспытатель,—Августъ фонъ-Бергенъ. Сопоставивъ всѣ ходившіе относительно спрута разсказы и слухи, распространяемые главнымъ образомъ скандинавскими моряками, и отдѣливъ въ нихъ все, что ему казалось существеннымъ и правдоподобнымъ, онъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: что въ морѣ безусловно живетъ крупныхъ размѣровъ спрутъ, имѣющій большія ноги; что онъ обладаетъ особымъ специфическимъ запахомъ; что въ то время, когда туловище его подымается вверхъ, ноги его бываютъ опущены книзу; что онъ подымается и опускается по прямой линіи; что въ рѣдкихъ только случаяхъ можно разсмотрѣть его щупальца, и, наконецъ, что на поверхность воды онъ выплываетъ только лѣтомъ въ хорошую погоду.

Мы увидимъ впослѣдствіи, что открытія современныхъ натуралистовъ вполнѣ подтвердили выводы этого автора. Линней вначалѣ допускалъ существованіе крупныхъ осьминоговъ въ своей «Шведской фаунѣ», и въ первыхъ изданіяхъ «Системы природы»; но въ послѣдующихъ изданіяхъ этого знаменитаго сочиненія онъ, неизвѣстно почему, измѣнилъ свое мнѣніе.

Прибрежные жители, въ особенности на югѣ Франціи, всегда крѣпко вѣрили въ то, что въ морѣ живутъ чудовищной величины и силы осьминоги. Тамъ даже сложилась слѣдующая пословица: «спрутъ—это самое маленькое и самое огромное морское животное». Во многихъ церквахъ и часовняхъ находятся данныя по обѣту приношенія, напоминающія о тѣхъ опасностяхъ, которымъ подвергались различныя суда въ борьбѣ съ этими страшными морскими чудовищами.

Въ церкви Нотръ-Дамъ-де-ла-Гардъ въ Марселѣ до сихъ поръ хранится даръ, принесенный по обѣту матросами въ память благополучнаго исхода борьбы со спрутомъ, происходившей у береговъ южной Каролины. Другое подобное же приношеніе находится въ капеллѣ Сентъ-Тома́, въ С.-Мало; оно было получено отъ экипажа одного рабовладѣльческаго судна, которое подверглось нападенію осьминога въ тотъ моментъ, когда оно только-что распустило паруса, чтобы отплыть отъ береговъ Анголы.

Извѣстный путешественникъ Граппре говоритъ, что обитатели этой африканской территоріи питаютъ благоговѣйный ужасъ къ чудовищу, но утверждаютъ, что водится оно только въ открытомъ морѣ.

Въ 1783 г. д-ръ Сведіоръ напечаталъ въ «Journal de Physique» сообщеніе, сдѣланное какимъ-то китоловомъ: китоловъ утверждалъ, что въ пасти одного кита онъ нашелъ щупальце, принадлежавшее, повидимому, спруту, длиною въ 27 футовъ.

Дени Монфоръ, прочитавъ это сообщеніе, рѣшилъ опросить всѣхъ китолововъ, которые по приглашенію Колонны пріѣхали изъ Америки, чтобы воскресить промыселъ, когда-то процвѣтавшій у береговъ Нормандіи. Двое изъ этихъ китолововъ, жившихъ въ Дюнкирхенѣ, заявили, что имъ, дѣйствительно, приходилось видѣть громадныя ноги спрута. Одинъ изъ нихъ, Бенджонсонъ, сказалъ, что въ зѣвѣ кита онъ нашелъ однажды ногу осьминога, длиною въ 35 футовъ, а другой, Рейнольдъ, сообщилъ, что онъ выудилъ въ морѣ ногу, длиною въ 45 футовъ, которая отличалась темно-краснымъ цвѣтомъ. (А. Ландренъ).

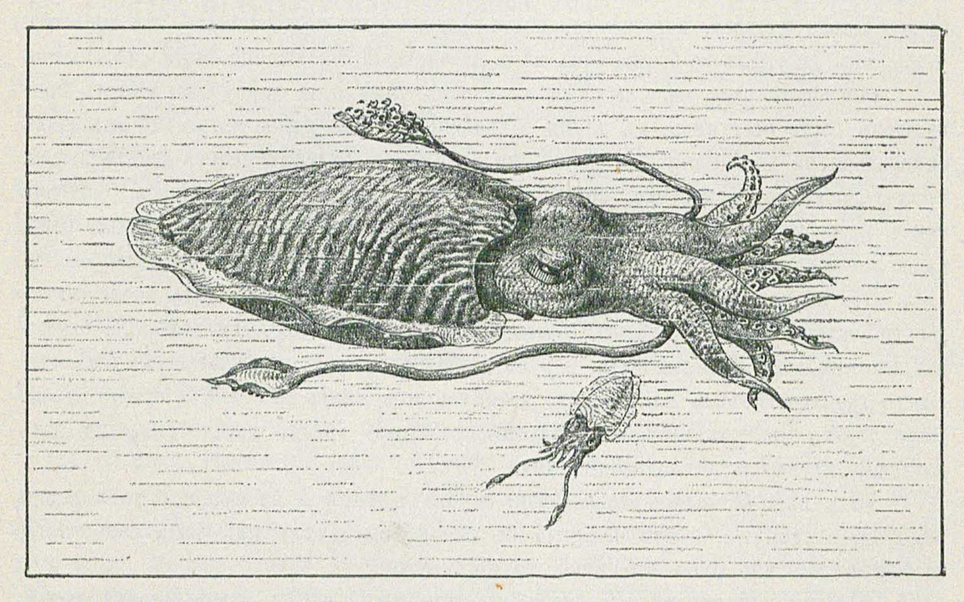


Рис. 134. **Каракатица.**
Въ прежнее время изъ чернильнаго мѣшка этого животнаго добывали краску—сепію; теперь имъ пользуются рыболовы въ качествѣ приманки, которую насаживаютъ на удочку.

Вышеупомянутый Дени Монфоръ опубликовалъ въ 1786 г. слѣдующій разсказъ:

«Капитанъ Жанъ-Магнусъ Денсъ, человѣкъ почтенный и правдивый, послѣ своихъ продолжительныхъ плаваній (онъ нѣсколько разъ отправлялся въ Китай по дѣламъ компаніи Готтенбургъ), поселился для отдыха въ Дюнкирхенѣ, гдѣ онъ и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ весьма преклонномъ возрастѣ. Онъ мнѣ разсказалъ, что однажды, находясь вблизи береговъ Африки, подъ 15 градусомъ южной широты, неподалеку отъ острова св. Елены, онъ былъ

застигнутъ штилемъ, который длился нѣсколько дней, и, поэтому, рѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы немного почистить и покрасить корпусъ корабля. Къ его бортамъ были, какъ водится, приложены доски, на которыхъ усѣлись два матроса, держа въ рукахъ необходимыя принадлежности. Но едва они принялись за работу, какъ вблизи появился громадный спрутъ, по-датски ancher-troll, съ быстротой молніи обвилъ одну изъ своихъ длинныхъ ногъ вокругъ обоихъ матросовъ и вмѣстѣ съ доской, гдѣ они сидѣли, увлекъ ихъ въ море; въ то же время чудовище схватило второй ногой третьяго матроса, который желая подняться на мачту, сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ по вантамъ; но унести эту жертву спруту не удалось: его нога застряла въ сплетеніяхъ снастей, на которыхъ стоялъ кричавшій благимъ матомъ матросъ. Весь экипажъ тотчасъ прибѣжалъ къ нему на помощь. Одни, схвативъ гарпуны и копья, глубоко вонзили ихъ въ тѣло животнаго, другіе взялись за ножи и топоры и стали рубить громадную ногу, обхватившую бѣднаго матроса, котораго товарищи должны были поддерживать, изъ опасенія, чтобы онъ не упалъ за бортъ, такъ какъ несчастный совершенно лишился сознанія.

«Потерявъ одну ногу и имѣя въ своемъ тѣлѣ пять гарпуновъ, спрутъ принужденъ былъ отступить: съ двумя захваченными имъ ранѣе матросами онъ сталъ опускаться на дно. Капитанъ Денсъ, не теряя еще надежды спасти своихъ людей, приказалъ спускать веревки, которые были прикрѣплены къ гарпунамъ. Одну изъ этихъ веревокъ капитанъ лично держалъ въ рукахъ и отпускалъ ее всякій разъ, какъ ощущалъ дерганіе снизу. Но вотъ веревки уже на исходѣ; капитанъ, замѣтивъ это, велѣлъ поднять ихъ на бортъ; но едва удалось вытащить около пятидесяти саженъ, какъ пришлось бросить работу: животное, вначалѣ не оказывавшее никакого сопротивленія, вдругъ заупрямилось, и, налегши всей тяжестью своего громаднаго тѣла на веревки, потянуло ихъ внизъ за собою. Тѣмъ не менѣе, былъ отданъ приказъ крѣпко привязать свободные концы ихъ, чтобы не дать возможности спруту безнаказанно уйти.

«Эта мѣра оказалась безполезной: спустя нѣкоторое время, четыре веревки лопнули, а гарпунъ, прикрѣпленный къ пятой, выскочилъ изъ тѣла животнаго, сообщивъ довольно чувствительный толчокъ судну.

«Доблестный капитанъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы спасти своихъ людей, но все было напрасно: матросы сдѣлались жертвою чудовища, всѣ разсказы о которомъ онъ до тѣхъ поръ считалъ вымышленными; но ему пришлось отбросить всякія сомнѣнія послѣ этого несчастья, очевидцемъ котораго онъ самъ былъ.

«Что касается матроса, котораго освободили отъ страшныхъ объятій, то ему была немедленно оказана медицинская помощь; несчастный открылъ глаза и получилъ возможность говорить, но полу-раздавленный, полу-задушенный, онъ страшно страдалъ, и на слѣдующій день умеръ въ бреду.

«Застрявшая въ снастяхъ и отрѣзанная матросами нога осьминога, въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ произведенъ разрѣзъ, имѣла приблизительно такую же толщину, какъ рея фокъ-мачты; противоположный конецъ, тонкій и заостренный, былъ снабженъ присосками, широкими какъ суповая ложка. Лежавшая на палубѣ нога имѣла въ длину 25 футовъ, но такъ какъ она была отрѣзана не у самаго основанія,—

голова животнаго совсѣмъ не показывалась изъ воды,—то, по мнѣнію капитана, длина всей ноги равнялась, по всей вѣроятности, 35—40 футамъ».

Вотъ, наконецъ, разсказъ болѣе современный, сдѣланный Руйе, лейтенантомъ корабля «Алектонъ».

«Ко мнѣ является матросъ и докладываетъ:

— Капитанъ, сигнальщикъ заявилъ, что со стороны лѣваго борта виднѣются обломки корабля.

— Это опрокинутая лодка.

— Нѣтъ, предметъ окрашенъ въ красный цвѣтъ,—это, по всей вѣроятности трупъ лошади.

— Это просто пукъ травы.

— Это бочка!

— Нѣтъ, не бочка, а животное: видны лапы!..

«Посмотрѣвъ въ сторону того предмета, относительно котораго я услышалъ столько разнорѣчивыхъ мнѣній, я узналъ въ немъ большого осьминога, существованіе котораго вообще до сихъ поръ считалось проблематичнымъ.

«Передо мною находилось одно изъ тѣхъ странныхъ животныхъ, которыхъ океанъ изрѣдка выбрасываетъ изъ своихъ нѣдръ, какъ будто для того, чтобы кинуть вызовъ ученымъ естествоиспытателямъ. Случай былъ слишкомъ рѣдкій и неожиданный, и я немедленно рѣшилъ сдѣлать попытку овладѣть удивительнымъ животнымъ, чтобы имѣть возможность поближе изучить его. Я отдалъ приказаніе, и на борту все оживилось: стали поспѣшно заряжать ружья, приводить въ порядокъ гарпуны, вязать арканы, словомъ, дѣлать всѣ приготовленія, необходимыя для подобнаго рода охоты.

«Къ несчастью, вѣтеръ въ это время развелъ сильную волну, и боковая качка стѣсняла свободныя движенія корабля, а животное между тѣмъ, оставаясь все время на поверхности воды, безпрепятственно двигалось впередъ, и, точно инстинктивно угадывая наши намѣренія, хотѣло избѣгнуть встрѣчи съ нами. Въ него было пущено десятка два пуль, но онѣ, повидимому, ему никакого вреда не причинили. Наконецъ, намъ удалось подойти такъ близко къ осьминогу, что явилась возможность дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Я первый вонзилъ ему въ спину гарпунъ и накинулъ арканъ; матросы готовились уже сдѣлать то же самое, какъ вдругъ произошелъ сильный толчокъ: не то животное рванулось впередъ, не то судно сдѣлало рѣзкій поворотъ, но результатъ былъ тотъ, что гарпунъ вообще непрочно державшійся въ студенистомъ тѣлѣ животнаго, сорвался, и мы вытащили на бортъ только кусокъ хвоста: осьминогъ, такимъ образомъ, выскользнулъ изъ нашихъ рукъ.

«Тѣмъ не менѣе, я успѣлъ хорошо разсмотрѣть его: въ длину онъ имѣлъ 5—6 футовъ; у него было *восемь* щупалецъ, изъ которыхъ каждое отличалось почти такими же размѣрами, какъ все тѣло, вздутое посрединѣ. Глаза плоскіе, на-выкатѣ, неподвижные, были *велики, какъ тарелки*. Мы преслѣдовали его около трехъ часовъ, и въ теченіе этого времени животное выпускало изъ себя пѣну, кровь и клейкія

вещества, распространявшія *сильный запахъ мускуса.* Хвостъ двудольный, какъ вообще у всѣхъ животныхъ, принадлежащихъ къ роду кальмаровъ.

«Офицеры и матросы просили у меня разрѣшенія спустить лодку, чтобы снова сдѣлать попытку захватить животное. Можетъ-быть, имъ и удалось бы это сдѣлать, если бы я уступилъ ихъ просьбѣ; но я не далъ согласія, по слѣдующимъ соображеніямъ: я боялся, что при непосредственной встрѣчѣ животное можетъ ударить одной изъ своихъ длинныхъ, вооруженныхъ присосками ногъ, по лодкѣ, и, опрокинувъ ее, схватить нѣсколько человѣкъ и задушить ихъ своими страшными щупальцами, которыя, какъ говорятъ, заряжены къ тому же электричествомъ. Я не хотѣлъ ради пустого любопытства рисковать жизнью своихъ людей, и, сдѣлавъ усиліе, чтобы овладѣть собою и отдѣлаться отъ охватившаго всѣхъ насъ увлеченія охотой, я приказалъ прекратить преслѣдованіе и оставить въ покоѣ изуродованное животное, которое изо всѣхъ силъ старалось теперь подальше уйти отъ насъ.

«Обрубокъ хвоста, оставшійся въ нашихъ рукахъ, вѣсилъ 14 килограммъ; онъ имѣлъ мягкую студенистую консистенцію; средина, а въ особенности тотъ край, который былъ непосредственно сорванъ гарпуномъ, были нѣсколько тверже; въ этихъ мѣстахъ хвостъ легко ломался; изломъ имѣлъ цвѣтъ бѣлаго алебастра.

«Все животное, на мой взглядъ, должно было имѣть вѣсу двѣ-три тонны. Оно шумно пыхтѣло, но я не замѣтилъ, чтобы оно выпускало изъ себя черноватую жидкость, съ помощью которой маленькіе осьминоги, встрѣчающіеся у береговъ Новой Земли, мутятъ воду, чтобы скрыться отъ своихъ враговъ.

«Матросы разсказывали мнѣ, что они видѣли къ югу отъ мыса Доброй Надежды нѣсколько осьминоговъ, подобныхъ тому, за которымъ мы охотились, и отличавшихся нѣсколько меньшими размѣрами. Матросы утверждаютъ, что осьминогъ—злѣйшій врагъ кита. Въ этомъ, пожалуй, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ самомъ дѣлѣ, что мѣшаетъ осьминогу принять гигантскіе размѣры? У него нѣтъ ни костей, ни панцырнаго щита, которые могли бы остановить его ростъ; нельзя поэтому, точно опредѣлить границы его тѣлеснаго развитія.

«Какъ бы то ни было, это странное морское чудище впослѣдствіи долго мерещилось мнѣ въ то время, когда меня мучилъ кошмаръ. Я чувствовалъ устремленный на меня тяжелый взглядъ громадныхъ стеклянныхъ глазъ, и видѣлъ простирающіяся ко мнѣ восемь длинныхъ, извивающихся, точно змѣи, ногъ. Глубоко врѣзалась мнѣ въ память встрѣча съ осьминогомъ, произошедшая во время моего командованія «Алектономъ» 30 ноября 1861 г., въ 2 часа пополудни, въ 40 лье отъ Тенериффа.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я собственными глазами видѣлъ странное животное, я не могу уже съ прежнимъ скептицизмомъ относится къ разсказамъ моряковъ о приключеніяхъ со спрутами. Мнѣ кажется, что морская фауна не сказала еще своего послѣдняго слова и что море въ своихъ нѣдрахъ хранитъ много такихъ своеобразныхъ животныхъ, о которыхъ мы не имѣемъ никакого представленія».

Съ своей стороны Ричардъ Лектонъ увѣряетъ, что въ 1873 г. два рыбака

выудили въ одной изъ бухтъ у Новой Земли огромную каракатицу, лапы которой имѣли въ длину 35 футовъ, а тѣло,—60 футовъ, съ поперечнымъ разрѣзомъ въ 5 ф. Рыбаки срѣзали отъ одной лапы кусокъ, длиною въ 25 ф., и увезли къ себѣ на родину.

Собственно говоря, нѣтъ «гигантскихъ» спрутовъ, а есть только большіе спруты, да и тѣ встрѣчаются очень рѣдко, въ видѣ исключенія. Спруты — это моллюски, принадлежащія къ классу головоногихъ.

Каракатицы часто попадаются въ сѣтяхъ рыбаковъ; вокругъ зѣва у этихъ животныхъ, какъ у спрутовъ, расположены четыре пары мясистыхъ ногъ, покрытыхъ присосками; кромѣ того, онѣ имѣютъ еще пару длинныхъ щупалецъ или хватательныхъ рукъ.

Каракатицы кладутъ на водяныхъ растеніяхъ кучки большихъ черныхъ яицъ, которыя рыбаки называютъ «морскимъ виноградомъ». Если открыть созрѣвшее яйцо, то изъ него выскакиваетъ очень маленькая каракатица, которая немедленно принимается плавать, лишь только ее опускаютъ въ воду. Одинъ изъ этихъ недоносковъ пять разъ подъ рядъ пускалъ въ меня струю черной жидкости изъ своего такъ-называемаго чернильнаго мѣшка.

Чернильный мѣшокъ, которымъ обладаютъ головоногіе, принадлежитъ къ экскреторнымъ органамъ; онъ лежитъ близъ заднепроходнаго отверстія. Черная жидкость, которая выдѣляется животнымъ въ минуты опасности, употреблялась раньше, какъ краска, подъ именемъ сепіи.

Всѣ головоногія имѣютъ въ глубинѣ своего тѣла внутренній хрящевой скелетъ, служащій защитой головному мозгу и органамъ чувствъ. У кальмаровъ этотъ скелетъ довольно великъ и снабженъ многочисленными отростками; его называютъ «перомъ».

Элендоны—это маленькіе осьминоги, имѣющіе на ногахъ только одинъ рядъ присосковъ. Они распространяютъ очень сильный, но не особенно пріятный запахъ мускуса.

Сепіолы (рис. 135), снабженныя сбоку двумя маленькими закругленными плавниками, живутъ въ стоячихъ приморскихъ лужахъ; это очень маленькія животныя: длина ихъ тѣла не превышаетъ 4—5 сантиметровъ. Особымъ изяществомъ сепіолы не отличаются, но ихъ радужная окраска съ нѣжными переливами очень красива.

* * *

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ представителей класса головоногихъ является *аргонавтъ*. Это животное, живущее въ Средиземномъ морѣ, долгое время привлекало къ себѣ вниманіе натуралистовъ. Самецъ похожъ на маленькаго осьминога, съ той только разницей, что одна изъ его восьми ногъ устроена иначе, чѣмъ прочія, тогда какъ у осьминога, какъ извѣстно, всѣ ноги совершенно одинаковы.

Самка имѣетъ очень мало сходства съ самцомъ. Прежде всего она значительно больше: самецъ по сравненію съ нею кажется карликомъ; затѣмъ тѣло ея заключено въ широкую изогнутую раковину, которой самецъ не имѣетъ. Кромѣ того, у нея есть пара лапъ, представляющихъ собою двѣ широкія пластинки,

соединенныя между собою перепонкой. Эти пластинки носятъ названіе парусныхъ лопастей.

Зоологи долго обсуждали вопросъ о роли, которую играютъ въ организмѣ животнаго эта раковина и лапы.

Дѣло въ томъ, что среди многочисленныхъ представителей мягкотѣлыхъ, аргонавтъ — единственное животное, у котораго раковина, напоминающая сплюснутый съ боковъ рогъ изобилія, не прикрѣплена къ тѣлу при помощи мышцъ. Въ настоящее время извѣстно, что то, что прежде считали раковиной, есть въ сущности простой приборъ, предназначенный для сохраненія оплодотворенныхъ яичекъ, и въ то же время служащій для охраны самого животнаго.

Что касается перепончатыхъ лапъ, то въ прежнее время думали, что животному онѣ замѣняютъ паруса, тогда какъ раковина служитъ ему лодочкой.

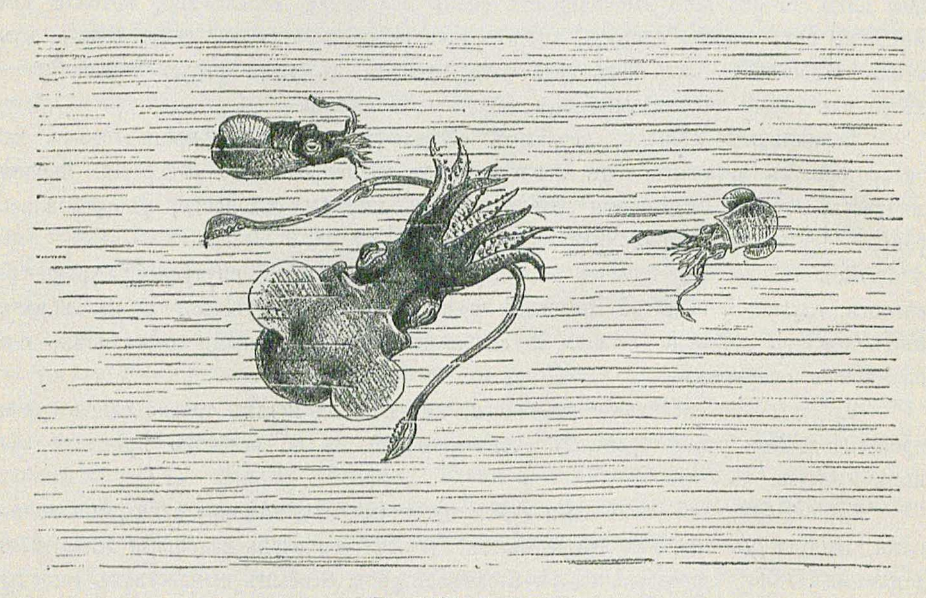


Рис. 135. **Сепіола.**
Маленькій осьминогъ не больше орѣха.

Это неточно. Лаказъ-Дютье, долгое время изучавшій аргоновта, никогда не видѣлъ, чтобы онъ развертывалъ парусныя лопасти надъ поверхностью воды; эти лопасти всегда плотно прижаты къ раковинѣ.

«Если сильно нажать вершину раковины, выступающую изъ воды,—говоритъ Лаказъ-Дютье:—то животное падаетъ на дно бассейна, но оно вскорѣ снова появляется на поверхности воды, гдѣ оно, повидимому, удерживается отчасти сокращеніями сильныхъ мышцъ такъ-называемой мантіи, а главнымъ образомъ, присутствіемъ водолазнаго колокола, расположеннаго въ вершинѣ конусообразной раковины; тутъ, безъ сомнѣнія, находится извѣстное количество воздуха; къ сожалѣнію, я не могъ сдѣлать соотвѣтствующихъ наблюденій, чтобы убѣдиться въ

этомъ, изъ опасенія подвергнуть животное черезчуръ большому безпокойству: въ моихъ интересахъ было, чтобы оно оставалось въ живыхъ какъ можно дольше, а, поэтому, я избѣгалъ дѣлать такіе опыты, которые могли бы повредить ему».

По своему внѣшнему виду аргонавтъ очень отличается отъ обыкновеннаго осьминога. Это животное въ общемъ весьма смирное и спокойное; дышитъ оно только довольно шумно и производитъ, поэтому, такое впечатлѣніе, будто постоянно страдаетъ одышкой. Взглядъ у осьминоговъ, какъ извѣстно, не лишенъ выраженія; у аргонавта, однако, ничего подобнаго не наблюдается. Его круглые, окаймленные черной полоской глаза безжизненны; зрачокъ, — правильный, чернаго цвѣта кружокъ, совершенно неподвиженъ: въ немъ нѣтъ блеска, нѣтъ жизни.

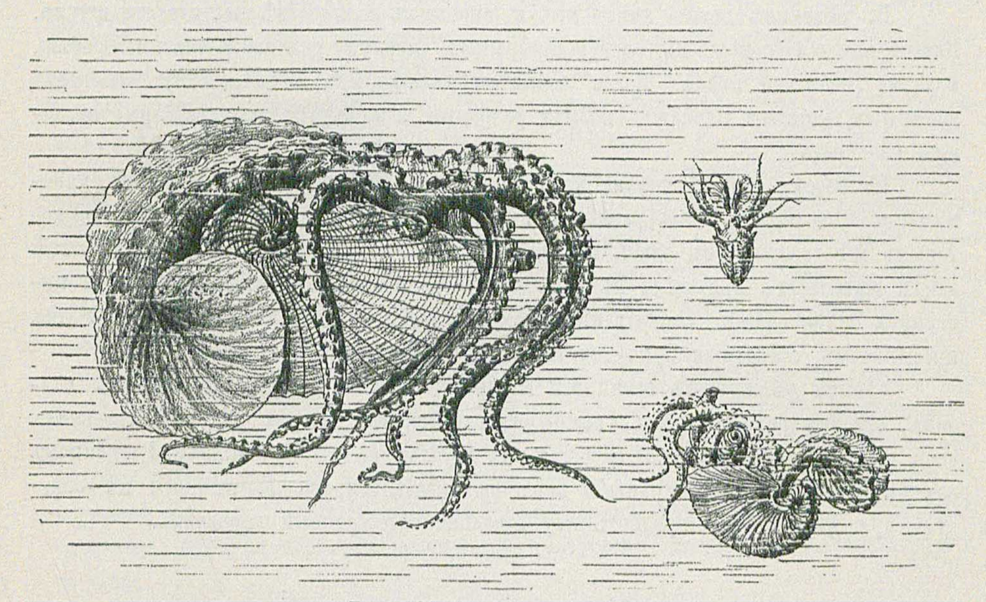


Рис. 136. **Аргонавтъ (самка).**
Древніе утверждали, что это животное пользуется своей раковиной, какъ лодочкой, а плоскими лапами, какъ парусами, но въ дѣйствительности ничего подобнаго не наблюдается.

Глаза лишены хрусталика и, повидимому, совсѣмъ не служатъ для зрѣнія; по крайней мѣрѣ, доказано, что различать предметы съ ихъ помощью животное не въ состояніи: если мимо аргонавта на очень близкомъ разстояніи отъ него шмыгаютъ маленькія рыбки, до которыхъ онъ весьма лакомъ, то онъ совсѣмъ не помышляетъ броситься на нихъ; но стоитъ рыбкѣ задѣть одинъ изъ его присосковъ, чтобы она немедленно была схвачена и отправлена въ ротъ, снабженный роговиднымъ придаткомъ, который чрезвычайно похожъ на крючковатый клювъ попугая.

* * *

Заканчивая эту главу, упомянемъ еще объ одномъ животномъ, которое относится къ классу головоногихъ и носитъ названіе octopus Digueti.

Это животное величиною съ кулакъ окрашено въ нѣжный розовый цвѣтъ; въ противоположность своимъ сородичамъ, оно не ведетъ кочевого образа жизни, а избираетъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ одну изъ большихъ пустыхъ раковинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ раковинъ святого Жака, и живетъ въ ней, какъ улитка въ своемъ домикѣ. Распластавъ свое тѣло на внутренней поверхности раковины, животное крѣпко присасывается къ ней своими присосками, расположенными на ногахъ, и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ возможность по своему желанію раскрывать и запирать створки этой раковины.

Несмотря на свою незначительную величину, octopus Digueti кажется очень страшнымъ, тѣмъ болѣе, что стòитъ прикоснуться къ нему, чтобы онъ тотчасъ выпустилъ изрядное количество черной жидкости, отъ которой вода въ морѣ мутнѣетъ на довольно значительномъ пространствѣ вокругъ.

Въ раковинѣ можно найти яички, иногда въ количествѣ шестидесяти штукъ. Каждое яичко заключено въ толстую прозрачную скорлупу удлиненно-овальной формы, перламутро-бѣлаго цвѣта. Когда яички созрѣваютъ, изъ нихъ выходятъ маленькія животныя, которыя плаваютъ вблизи раковины и прячутся въ нее при малѣйшей опасности.

По своему образу жизни, какъ замѣчаетъ Эдмондъ Перрье, octopus напоминаетъ нѣкоторыхъ ракообразныхъ, именно бернардинцевъ отшельниковъ, о которыхъ мы говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ. Инстинктъ, заставляющій этихъ животныхъ прятаться въ раковину, есть частная видоизмѣнная форма инстинкта болѣе общаго, свойственнаго всему классу осьминоговъ; движимыя этимъ инстинктомъ, животныя прячутся въ разныя углубленія, для кладки яицъ.

Своимъ убѣжищемъ осьминоги избираютъ обыкновенно расщелины въ скалахъ, створки ракообразныхъ, панцыри моллюсковъ; octopus Digueti остановилъ свой выборъ исключительно на большихъ двустворчатыхъ раковинахъ. Въ данномъ случаѣ инстинктъ самосохраненія какъ бы спеціализировался, вылился въ опредѣленную форму,—что придаетъ ему довольно своеобразный характеръ.

ГЛАВА XXIV.

Морскія змѣи.

Съ давнихъ временъ существуетъ легенда о томъ, что въ морѣ водятся страшныя морскія змѣи, наводящія ужасъ на людей однимъ своимъ видомъ. Много есть разсказовъ на эту тему, но, къ сожалѣнію, во всѣхъ этихъ разсказахъ страшное животное описывается различно. Этого удивительнаго водяного пресмыкающагося, имѣющаго, по отзыву нѣкоторыхъ, въ длину 30 метровъ, въ сущности никто не видѣлъ отчетливо; всѣ наблюдали его на очень большомъ разстояніи, причемъ, приблизиться къ нему, чтобы разсмотрѣть его поближе, не было никакой возможности.

Тѣмъ не менѣе, почти каждый много плававшій морякъ утверждаетъ, что хоть разъ въ жизни имѣлъ случай встрѣтить на морѣ это чудовище, длинное кольчатое тѣло котораго показывалось на поверхности воды, полу-скрытое набѣгающими волнами.

Интересно, что эта легенда циркулировала среди людей уже въ древности— о ней упоминаютъ въ своихъ произведеніяхъ Аристотель и Плиній. Скандинавскіе ученые, какъ напр., Олай Магнусъ (1522), Альдрованъ Пусъ (1640), Адамъ Обарисъ (1640) собрали множество разсказовъ, гдѣ описываются приключенія съ морскими змѣями; эти животныя изображаются въ видѣ огромныхъ страшныхъ чудовищъ, которыя глотаютъ несчастныхъ матросовъ, имѣвшихъ несчастіе упасть въ море.

Гансъ Егеде (1740) даетъ болѣе точное описаніе морской змѣи, которую онъ встрѣтилъ вблизи береговъ Гренландіи. Животное, на-половину высунувшись надъ поверхностью моря, пускало ртомъ длинную струю воды; оно было покрыто шерстью и имѣло четыре пары плавниковъ. Это «страшное чудовище», какъ его называетъ Егеде, показалось изъ волнъ вблизи корабля и голова его поднялась довольно высоко надъ поверхностью воды.

Эрикъ Понтоппиданъ, — авторъ, о которомъ мы уже упоминали въ прошлой главѣ, горячо опровергалъ мнѣнія тѣхъ скептиковъ, которые сомнѣвались въ существованіи большихъ морскихъ змѣй. Онъ лично, правда, не имѣлъ случая ихъ видѣть, но ихъ наблюдалъ Торлакъ Торлаксенъ, утверждавшій, что онъ собственными глазами неоднократно видѣлъ чудовище во время своихъ странствованій по морю.

По мнѣнію Понтоппидана, «большая морская змѣя должна быть весьма достойнымъ

предметомъ изученія для всякаго, кто съ благоговѣніемъ взираетъ на все, что было создано Творцомъ. Если это животное встрѣчается рѣдко, то только потому, что оно обыкновенно держится на большой глубинѣ, чтобы согласно предопредѣленію Всевышняго, не имѣть возможности вредить человѣку».

Со временъ Понтоппидана прибавилось много новыхъ разсказовъ, но пользы отъ нихъ было мало. Одно изъ лучшихъ наблюденій было сдѣлано въ 1848 году капитаномъ фрегата «*Daedalus*», который набросалъ карандашомъ контуры животнаго, поскольку это было возможно: животное плавало почти на поверхности воды,— при этомъ, хорошо можно было видѣть лишь одну его голову. Змѣя на рисункѣ капитана имѣетъ тупое рыло, губы, похожія на тѣ, которыми обладаютъ китообразныя и замѣчательно круглыя глаза, отличающіяся довольно добродушнымъ выраженіемъ.

Въ 1857 г. д-ръ Биккаръ нарисовалъ заднюю часть головы и часть туловища, выступавшую изъ воды. Другой интересный рисунокъ былъ сдѣланъ

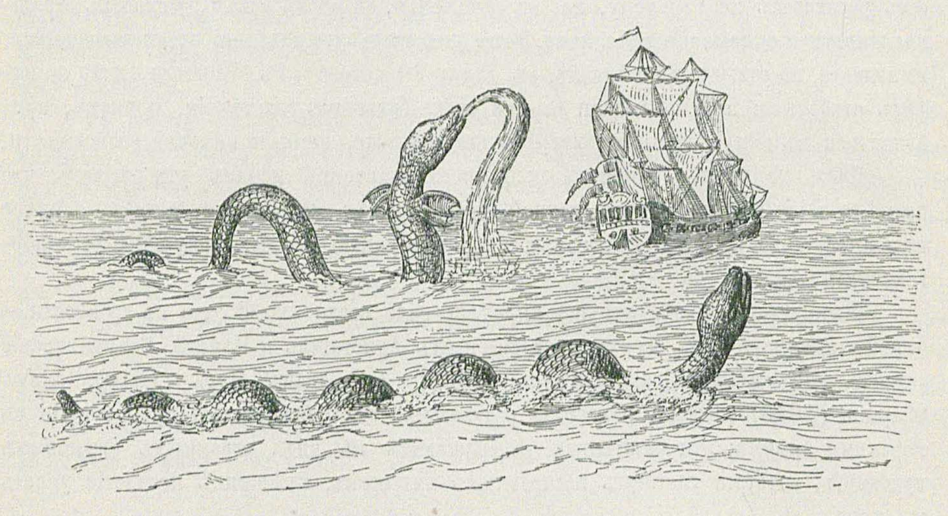


Рис. 137. **Большая морская змѣя.**
(Этотъ рисунокъ, изображающій фантастическихъ животныхъ, взятъ изъ сочиненія Понтоппидана).

капитаномъ Пирсаномъ на борту корабля «Осборнъ»; тутъ мы видимъ спину животнаго, два боковыхъ плавника и спинной гребень.

Всѣ разсказы о морскихъ змѣяхъ такъ сбивчивы и запутаны, что трудно разобраться, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается вымыселъ. Самые фантастическіе разсказы печатались одно время въ газетѣ «*Constitutionnel*», которая составила себѣ благодаря этому громкое имя. Ежегодно, когда наступали вакаціи, т. е. то именно время, когда, какъ извѣстно, періодическія изданія ощущаютъ большой недостатокъ въ матеріалѣ для печатанія, «Constitutionnel» обязательно помѣщалъ «подлинное» сообщеніе какого-нибудь моряка, видавшаго, будто бы морскую змѣю; по поводу этого сообщенія подымалась полемика и столбцы газеты были заполнены, а это только и нужно было редактору.

Недавно, именно 24 февраля 1898 г., экипажъ «Баярда» имѣлъ случай видѣть диковинное животное, о которомъ стали-было забывать.

Вотъ депеша, которая была напечатана въ одной изъ издающихся въ Марселѣ газетъ:

«Капитанъ Менье, адмиралъ Жиго-де-ла-Бедолліеръ и десять офицеровъ «Баярда» видѣли на близкомъ разстояніи отъ корабля двухъ животныхъ, имѣвшихъ въ длину приблизительно тридцать метровъ, и въ ширину около трехъ; эти животныя не походили ни на китовъ, ни на кашалотовъ, вообще ни на одинъ видъ китообразныхъ, но принять ихъ за змѣй также нельзя было.

«Ихъ, по мнѣнію наблюдателей, слѣдовало бы назвать драконами, по причинѣ сходства съ этими миѳическими животными».

Адмиралъ Жиго-де-ла-Бедолліеръ, которому этотъ случай показался заслуживающимъ особаго вниманія, составилъ по этому поводу протоколъ, подписанный всѣми офицерами-очевидцами; содержаніе протокола было по телеграфу сообщено Думеру, бывшему тогда генералъ-губернаторомъ Индо-Китая.

Но что такое драконъ? И какъ это могло случиться, чтобы на борту «Баярда» не было фотографическаго аппарата?

Самый маленькій фотографическій снимокъ или самый ничтожный клочокъ тѣла животнаго пролили бы безспорно больше свѣта, чѣмъ самыя подробныя описанія.

Въ 1845 году въ Нью-Іоркѣ много говорили о скелетѣ большой морской змѣи, найденномъ рыбаками; но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что этотъ скелетъ былъ поддѣланъ: его изготовили изъ костей различныхъ ископаемыхъ, главнымъ образомъ принадлежащихъ къ типу zanglodon.

Что можно сказать о всѣхъ этихъ сообщеніяхъ?

Несомнѣнно, большинство наблюдателей—люди добросовѣстные: они видѣли что-то, имѣвшее сходство со змѣею. Но вотъ вопросъ—была ли это дѣйствительно змѣя? На основаніи существующихъ до сихъ поръ описаній можно съ увѣренностью сказать, что то, что эти люди видѣли, могло быть чѣмъ угодно, но только не змѣею. Можетъ-быть, это были водоросли или цѣпи сальпъ, колыхавшіяся на поверхности моря? Это весьма возможно. Или, можетъ-быть, то, что люди принимали за громадную змѣю, было группой морскихъ свинокъ, которыя имѣютъ обыкновеніе плыть, растягиваясь гуськомъ и вплотную прикасаясь другъ къ другу? Или, наконецъ, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ какимъ-нибудь представителемъ класса головоногихъ, съ какимъ-нибудь гигантскимъ осьминогомъ? Все возможно.

Удемансъ издалъ цѣлую книгу подъ названіемъ «The great sea-serpent» (большая морская змѣя). Въ этой книгѣ описано все, что извѣстно относительно морскихъ змѣй. Вотъ, по Лаббе, характерные отличительные признаки этихъ животныхъ:

«Тѣло весьма удлиненное; на длинной гибкой шеѣ сидитъ маленькая голова съ выпуклымъ черепомъ; морда короткая и тупая. Глаза круглые, снабженные отчетливо выступающими вѣками. Тѣло не имѣетъ вовсе чешуи, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и не голое, а покрыто волосами, густыми и короткими. На спинѣ на-

ходится что-то въ родѣ гривы, которая занимаетъ все пространство отъ затылка до хвоста, тонкаго и длиннаго. Животное имѣетъ четыре лапы,—двѣ переднія и двѣ заднія, превращенныя въ плавники.

Размѣры тѣла весьма различны. Животное, которое наблюдали съ борта «Osborne», имѣло въ ширину 22 метра, а то, которое видѣлъ путешественникъ Дасъ-Палусъ—не болѣе 14 метровъ. Нѣкоторые видѣли гигантовъ, длина которыхъ достигала 83 метр.—(голова—3 м., шея—18 мет., туловище—62 мет. и хвостъ—40 м.). При такой огромной длинѣ голова имѣетъ въ ширину приблизительно 2 метра, а туловище 7 м. Цвѣтъ варьируетъ между сѣро-бѣлымъ, сѣрымъ, сѣровато-желтымъ, бурымъ, коричневымъ и чернымъ.

Какъ полагаетъ Удемансъ, самецъ отличается отъ самки бо́льшими размѣрами тѣла, кромѣ того самецъ имѣетъ гриву.

Большая морская змѣя—животное недовѣрчивое, робкое, скрывающееся при приближеніи судовъ; пищу его, по всей вѣроятности, составляютъ рыбы, дельфины, морскія свинки.

Морская змѣя отлично плаваетъ—ее всегда видѣли на очень большомъ разстояніи отъ берега. Въ тихую погоду она любитъ показываться на поверхности воды и, распластавши свое длинное тѣло, плыть по волѣ теченія.

Область распространенія этого животнаго очень велика—его встрѣчаютъ во всѣхъ моряхъ земного шара. Большую морскую змѣю, согласно свѣдѣніямъ, собраннымъ старыми скандинавскими авторами, видѣли у береговъ Норвегіи и Швеціи, въ Сѣверномъ морѣ, въ проливѣ Ла-Маншъ (на разстояніи 100 миль отъ Бреста), въ Атлантическомъ океанѣ, затѣмъ въ Мексиканскомъ заливѣ, въ Средиземномъ морѣ, въ Беринговомъ морѣ, наконецъ, въ Тихомъ океанѣ.

Удемансъ, тщательно провѣривъ всѣ данныя, касающіяся большой морской змѣи, пришелъ къ слѣдующему заключенію:

Большая морская змѣя несомнѣнно существуетъ, это есть млекопитающее megophias megophias, принадлежащее къ отряду ластоногихъ. Если длина его тѣла, опредѣляемая нѣкоторыми въ 83 метра, и кажется преувеличенной, то во всякомъ случаѣ, нужно думать, что это животное отличается крупными размѣрами.

Удемансъ, однако, не опровергъ легенды, не уничтожилъ тотъ сказочный ореолъ, который окружаетъ съ древнѣйшихъ временъ это таинственное морское чудовище. Реальность его существованія только тогда будетъ несомнѣнно доказана и мѣсто, занимаемое имъ въ животномъ царствѣ только тогда будетъ съ точностью опредѣлено, когда натуралистамъ удастся изслѣдовать анатомическое строеніе этого загадочнаго животнаго, которое до сихъ поръ никѣмъ еще не было поймано.

* * *

Если позволительно сомнѣваться въ существованіи большой морской змѣи, то отсюда нельзя еще сдѣлать заключенія, что вообще морскія змѣи—миѳъ; обыкновенныя морскія змѣи, въ дѣйствительности хорошо извѣстны, но онѣ отличаются относительно небольшой величиной, далеко уступающей той, о которой въ

свое время распространялся «Constitutionnel», описывая со словъ «очевидцевъ» гигантскихъ пресмыкающихся.

Морскія змѣи принадлежатъ къ семейству Hydrophidae. Туловище ихъ сдавленное посрединѣ, оканчивается широкимъ веслообразнымъ хвостомъ. Въ длину онѣ могутъ достигать 2 метр.; кожа оливково-зеленаго цвѣта покрыта мѣстами темными пятнами. Живутъ въ морѣ; особенно часто встрѣчаются у береговъ Индіи.

Къ семейству Hydrophidae относятся виды: Pelamis bicolor, съ тѣломъ почти цилиндрической формы, и pelamis, съ сильно приплюснутымъ туловищемъ, широкой ладьеобразной спиной, и тонкимъ узкимъ брюхомъ. Pelamis bicolor—двуцвѣтная змѣя, черная сверху и желтая снизу, чрезвычайно распространена у береговъ Бенгальскаго залива, у Суматры, Явы, острововъ Товарищества и пр.

Морскія змѣи по своему внѣшнему виду имѣютъ большое сходство съ наземными, хотя живутъ постоянно въ морѣ и никогда не выходятъ на берегъ.

«Морскія змѣи, въ отличіе отъ наземныхъ,—говоритъ англійскій натуралистъ Канторъ:—всегда живутъ многочисленными обществами; встрѣча съ ними служитъ для моряковъ вѣрнымъ указаніемъ близости берега».

Замѣчательно, что всѣ морскія змѣи ядовиты, тогда какъ значительное большинство змѣй, живущихъ на землѣ, безвредно.

Въ противоположность мнѣнію Шлегеля, который изъ всѣхъ ядовитыхъ пресмыкающихся считаетъ морскихъ змѣй наименѣе ядовитыми, Канторъ утверждаетъ, что изъ личнаго опыта онъ, наоборотъ, убѣдился, какой большой вредъ могутъ причинять эти животныя. Они по натурѣ своей очень свирѣпы и даже, по примѣру очковой змѣи, свернувшись клубкомъ, кусаютъ самихъ себя.

Морская змѣя, выброшенная на сушу, какъ бы теряетъ зрѣніе,—въ такой сильной степени суживаются у нея зрачки глазъ; кромѣ того, ей очень трудно съ ея ладьевиднымъ брюхомъ сохранять равновѣсіе тѣла; вотъ почему, движенія, такія свободныя и легкія въ водѣ, становятся неловкими и неувѣренными, когда змѣя попадаетъ на землю.

Какъ показали изслѣдованія веществъ, содержащихся въ пищеварительномъ каналѣ этихъ животныхъ, молодыя змѣи употребляютъ въ пищу только маленькихъ ракообразныхъ, тогда какъ взрослыя питаются преимущественно рыбами.

Злѣйшій врагъ морскихъ змѣй—это орелъ-рыболовъ.

Кожи, сброшенныя ими во время линянія, встрѣчаются въ большомъ количествѣ, но онѣ очень хрупки и легко разрываются.

Подобно многимъ другимъ животнымъ, живущимъ въ морѣ, морскія змѣи даютъ убѣжище нѣкоторымъ организмамъ, которые присосѣживаются къ нимъ; но, въ противоположность обыкновеннымъ змѣямъ, которыя пожираютъ клещей, сидящихъ на ихъ спинѣ, морскія змѣи не трогаютъ маленькихъ животныхъ, ищущихъ въ нихъ поддержку для себя, какъ во всякомъ другомъ предметѣ, плавающемъ на поверхности воды.

Канторъ нашелъ на спинѣ одной морской змѣи цѣлую колонію усоногихъ вида Anatifa, крѣпко присосавшихся къ кожнымъ покровамъ животнаго.

Морскія змѣи живутъ почти на самой поверхности моря, опускаясь въ глубь только въ ненастную погоду.

Благодаря особому устройству глазъ, животныя могутъ, кажется, различать предметы на всевозможныхъ глубинахъ. Дѣло въ томъ, что онѣ обладаютъ зрачкомъ, способнымъ сильно сокращаться: надъ водою, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, зрачокъ суживается настолько, что превращается въ едва замѣтную точку; подъ водою, наоборотъ, онъ сильно расширяется, концентрируя въ себѣ, такимъ образомъ, наибольшее количество свѣтовыхъ лучей, проникающихъ вглубь путемъ преломленія.

Морскія змѣи двигаются очень быстро, причемъ высовываютъ изъ воды одну лишь голову; онѣ всегда плаваютъ группами, болѣе или менѣе многочисленными.

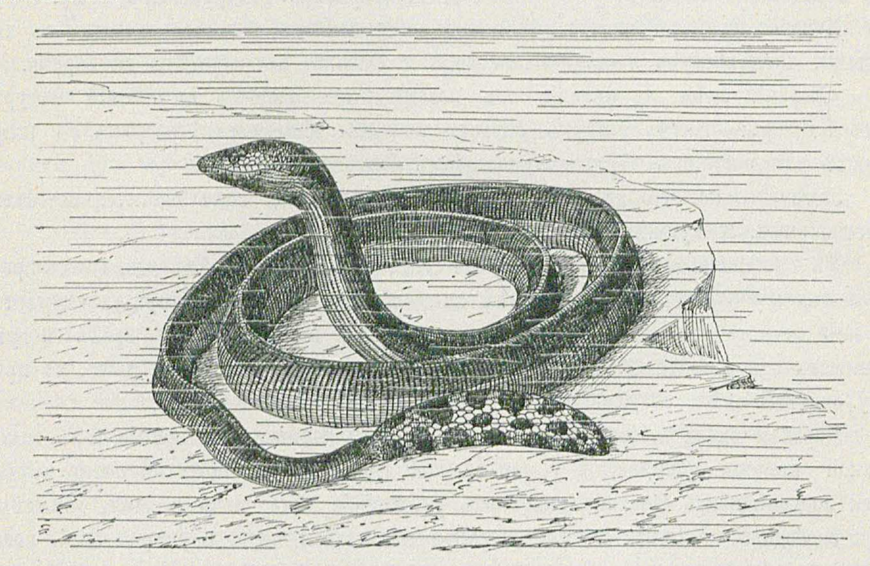


Рис. 138. **Двуцвѣтная морская змѣя (Pelamis bicolor).**

Встрѣтится имъ по дорогѣ коралловый рифъ, животныя дѣлаютъ остановку,— и отдохнувъ немного, продолжаютъ путь.

Когда море спокойно, змѣи лежатъ неподвижно на поверхности воды и нѣжатся на солнцѣ, не обращая никакого вниманія на проходящія мимо суда. Впрочемъ, извѣстны также нѣкоторые боязливые виды, которые немедленно скрываются, лишь только увидятъ на морѣ какой-нибудь необычный предметъ. Морскія змѣи рождаютъ живыхъ дѣтенышей.

Рыбаки-малайцы нерѣдко вылавливаютъ сѣтями морскихъ змѣй; эти животныя внушаютъ имъ непреодолимый ужасъ, и туземцы спѣшатъ, поэтому, поскорѣе убить ихъ.

И не безъ основанія—укушеніе морской змѣи чрезвычайно опасно. Такъ, въ 1837 г. матросъ военнаго корабля «Algerine» былъ укушенъ морской змѣею въ указательный палецъ правой руки; ранка была настолько ничтожна, что

матросъ не обратилъ на нее вниманія и продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ. Но уже спустя полчаса обнаружились первые признаки отравленія—рвота и холодный потъ; затѣмъ зрачки стали расширяться и пульсъ началъ биться неправильно. Нѣкоторое время спустя укушенный палецъ сильно распухъ и лицо матроса приняло сѣроватый оттѣнокъ. Подъ конецъ дыханіе стало прерывистымъ, и смерть наступила спустя четыре часа послѣ укушенія.

Въ 1869 г. умеръ одинъ капитанъ корабля, спустя трое сутокъ, послѣ того, какъ морская змѣя укусила его въ ногу.

Относительно дѣйствія, оказываемаго ядомъ морской змѣи на животный организмъ, Канторъ собралъ множество наблюденій, которыя Дюмерилъ и Биброиъ резюмируютъ слѣдующимъ образомъ:

«Птица, укушенная морской змѣею изъ семейства Hydrophidae, тотчасъ падаетъ на землю и дѣлаетъ напрасныя усилія подняться. По прошествіи четырехъ минутъ все тѣло ея начинаетъ трепетать въ слабыхъ судорогахъ. Зрачокъ неподвиженъ и расширенъ; изо рта обильно течетъ слюна и животное, восемь минутъ спустя послѣ введенія яда въ его организмъ, умираетъ въ сильныхъ конвульсіяхъ».

Другая птица, укушенная той-же змѣею, умерла спустя десять минутъ послѣ укушенія; симптомы агоніи были тѣ-же, что у первой. Анатомическое вскрытіе обѣихъ птицъ, произведенное полчаса спустя послѣ ихъ смерти, обнаружило: слабое кровоизліяніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась ранка, да небольшое скопленіе кровянистой жидкости подъ кожей; никакихъ другихъ измѣненій въ органахъ не нашли.

Третья птица, укушенная морской змѣею другого вида, длиною въ 2 ф. 3 дюйма, тотчасъ начала биться въ судорогахъ; смерть наступила черезъ семь минутъ.

Канторъ не ограничился этими опытами, а сталъ изучать дѣйствіе яда морскихъ змѣй на пресмыкающихся и рыбахъ.

Онъ заставилъ гидрофида, длиною въ 2 фута 7 дюймовъ, укусить въ губу черепаху изъ семейства Trionycidae — Trionyx ferox, вытащенную изъ Ганга. По прошествіи пяти минутъ животное начало тереть одной изъ своихъ лапъ раненое мѣсто; спустя шестнадцать минутъ всякое движеніе прекратилось—всѣ члены были парализованы, а глаза плотно закрыты. Когда раздвинули вѣки, то нашли, что зрачокъ былъ неподвиженъ и сильно расширенъ. Смерть наступила спустя 25 минутъ послѣ укушенія. Кромѣ незначительныхъ измѣненій въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ сдѣланъ укусъ, въ тѣлѣ животнаго не было найдено ничего ненормальнаго.

Аналогичный опытъ былъ произведенъ съ другой черепахой, укушенной морской змѣей того же вида: смерть наступила спустя сорокъ шесть минутъ.

Кольчатый ужъ, длиною въ 3½ фута, былъ укушенъ полосатой морской змѣей въ области, расположенной неподалеку отъ сердца.

Прошло три минуты и ужъ началъ испытывать на себѣ дѣйствіе яда; онъ сталъ извиваться изъ стороны въ сторону, но скоро задняя часть его туловища и хвостъ перестали двигаться. По прошествіи шестнадцати минутъ ужъ конвуль-

сивно раскрылъ зѣвъ и застылъ въ этомъ положеніи; челюсти не закрывались болѣе. Прошло еще четверть часа,—и животное перестало жить.

Довольно большая рыба изъ семейства скалозубовыхъ, Tetraodon — четверозубка, была укушена въ губу морской змѣею, имѣвшей въ длину 4 фута. Жертва, опущенная въ бассейнъ, наполненный морской водою, сначала быстро плавала, по обыкновенію лежа на спинѣ и растягивая животъ, но уже по прошествіи трехъ минутъ это растяженіе прекратилось. Началась агонія; сдѣлавъ нѣсколько сильныхъ движеній хвостомъ, рыба умерла, проживъ всего десять минутъ послѣ укушенія.

Хотя обыкновенныя морскія змѣи невелики, но ихъ слѣдуетъ больше бояться, чѣмъ легендарныхъ большихъ морскихъ змѣй, существованіе которыхъ до сихъ поръ никѣмъ еще не было доказано.

ГЛАВА XXV.

Животныя въ рыцарскихъ доспѣхахъ.

Во многихъ музеяхъ можно видѣть прекрасныя коллекціи предметовъ вооруженія, которые носили встарину военные люди; но всѣ эти панцыри, кольчуги, щиты и пр., выходившіе изъ употребленія по мѣрѣ совершенствованія огнестрѣльнаго оружія, возбуждаютъ въ насъ невольную улыбку: мы легко можемъ себѣ представить, какую неловкость и стѣсненность во всемъ тѣлѣ долженъ былъ ощущать человѣкъ, съ ногъ до головы закованный въ броню и латы. Средневѣковое вооруженіе, интересно, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что оно представляетъ собою усовершенствованное человѣкомъ средство защиты, существующее въ природѣ, которымъ пользуются нѣкоторыя животныя для самообороны, какъ, напр., ракообразныя. Тѣло ихъ покрываетъ крѣпкая известковая броня, оставляющая извѣстную свободу движеній только лапамъ и нѣкоторымъ другимъ органамъ. Броня тверда и нерастяжима; поэтому, когда животныя увеличиваются въ своихъ размѣрахъ, они принуждены, чтобы имѣть возможность достигнуть полнаго развитія, сбросить этотъ твердый покровъ; они принуждены, другими словами, *линять*. Старая броня лопается въ различныхъ мѣстахъ и животныя, сбрасываютъ ее съ себя, какъ мы сбрасываемъ нашу одежду. Кожные покровы, вначалѣ очень мягкіе и нѣжные, постепенно твердѣютъ, образуя новый прочный панцырь. Въ эту пору животныя, временно лишенныя своего вооруженія, тщательно прячутся по темнымъ закоулкамъ, чтобы избѣгнуть встрѣчи со своими врагами.

Разсмотримъ наиболѣе интересныхъ представителей этой группы животныхъ: начнемъ нашъ обзоръ съ тѣхъ ракообразныхъ, которыя живутъ въ морѣ.

Лангуста (Palinurus) имѣетъ очень грубый отвердѣлый панцырь, снабженный короткими жесткими волосами. Цвѣтъ ея—зеленовато-бурый при варкѣ измѣняется въ красный. На головѣ красуются два глаза и двѣ большіе антенны (усики), почти такіе же длинные, какъ все туловище. Такихъ большихъ клешней, которыми обладаетъ омаръ, лангуста не имѣетъ.

Лангусты очень прожорливы; онѣ поѣдаютъ рыбъ, моллюсковъ, червей, морскихъ звѣздъ и т. д. Эти животныя водятся главнымъ образомъ въ трещинахъ подводныхъ скалъ; онѣ рѣдко плаваютъ, но зато любятъ лазить по камнямъ. Осенью—отъ сентября до октября самка кладетъ свыше двухсотъ тысячъ яичекъ, которыя располагаются на хвостовыхъ лапкахъ.

Согласно наблюденіямъ де-ла-Блашера, періодъ развитія яичекъ длится шесть мѣсяцевъ. Самка выпускаетъ кучу зародышей, подымая и опуская свой хвостъ. Костъ замѣтилъ, что лангусты иногда пускаютъ даже въ ходъ свои двураздѣльные зубчатые органы послѣдней пары ногъ, чтобы этими своеобразными гребенками соскоблить послѣднія яички.

Появившись на свѣтъ, молодыя лангусты-личинки тотчасъ уплываютъ въ открытое море. Онѣ по своему внѣшнему виду такъ мало похожи на взрослыхъ, что ихъ долгое время принимали за отдѣльный видъ, который получилъ названіе Phillosoma.

Личинки плоской и широкой формой своего тѣла напоминаютъ, перепончатый, прозрачный листъ, раздѣленный на двѣ части, изъ которыхъ передняя, овальная представляетъ собою голову и отличается бо̀льшими размѣрами, чѣмъ задняя; вторая часть, сложенная, какъ сѣтка, заключаетъ въ себѣ ноги; она оканчивается сзади короткимъ и узкимъ брюшкомъ. Ноги длинны и тонки. По истеченіи четырехъ дней плавающія въ водѣ личинки, превращаются въ маленькихъ вполнѣ сформированныхъ лангустъ.

Искусственно разводить лангустъ въ акваріумахъ или садкахъ невозможно, потому что личинки, какъ мы уже упоминали, должны уплыть въ море для того, чтобы завершить свое развитіе.

Лангусты встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ Средиземномъ морѣ и въ Атлантическомъ океанѣ. Ихъ ловятъ круглыми, сплетенными изъ ивовыхъ вѣтвей корзинами, похожими на верши.

Увѣряютъ, будто лангусты, съѣденныя въ то время, когда ихъ брюшко переполнено яичками, вызываютъ различныя недомоганія, но это не доказано. Не надо упускать, однако, изъ виду, что лангустъ можно ѣсть только совершенно свѣжими, потому что мясо ихъ очень быстро портится.

* * *

Омаръ (Homarus vulgaris) не есть, какъ многіе думаютъ, лангуста-самецъ. Омары принадлежатъ къ совершенно другому виду. Есть омары-самцы и омары-самки. Омара можно узнать по его сплошному панцырю, зеленовато-бураго цвѣта и двумъ огромнымъ клешнямъ, изъ которыхъ одна больше другой. Усики его не такъ велики, какъ у лангустъ. Омары встрѣчаются по всему сѣверо-западному побережью Европы отъ Норвегіи до Средиземнаго моря. Ихъ особенно много вблизи береговъ Норвегіи и Англіи.

Омары живутъ постоянно въ водѣ; ихъ излюбленное мѣстопребываніе—морскія отмели, въ особенности такія, которыя обладаютъ каменистымъ дномъ, покрытымъ водорослями.

Зимою омары держатся на большой глубинѣ, лѣтомъ они перемѣщаются поближе къ берегу. Эти животныя очень драчливы—они нерѣдко вступаютъ другъ съ другомъ въ ожесточенный бой.

Самка кладетъ болѣе двѣнадцати тысячъ яичекъ, которыя въ теченіе шести мѣсяцевъ держитъ на своемъ брюшкѣ. Личинки, выйдя изъ яйчекъ, уплываютъ въ море, гдѣ большинство ихъ дѣлается жертвой многочисленныхъ враговъ.

На четвертой или пятый день молодые омары мѣняютъ кожу, теряютъ свои плавательные органы, падаютъ на дно и изъ плавающихъ животныхъ превращаются въ ползающихъ.

Омаровъ, какъ и лангустъ, ловятъ въ помощью ивовыхъ корзинъ, которыя называются «ящиками». На французскомъ побережьи ежегодно вылавливаютъ среднимъ числомъ около двухъ милліоновъ омаровъ; наиболѣе богатый уловъ даютъ берега Британіи и острова Атлантическаго океана. Такъ какъ уловъ измѣняется чуть ли не каждый день, то пойманныхъ омаровъ обыкновенно сажаютъ въ большіе садки, откуда ихъ вынимаютъ по мѣрѣ надобности.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ французскаго побережья сооружены обширныя хранилища для омаровъ. Въ эти хранилища сажаютъ также омаровъ и лангустъ, которые получаются изъ Норвегіи и Испаніи.

Возлѣ Саутгамптона находится огромный садокъ, могущій вмѣстить пятьдесять тысячъ омаровъ. Всѣ эти садки и хранилища устроены такимъ образомъ, что морская вода смѣняется въ нихъ безпрестанно: въ стоячей водѣ омары, отличающіяся, какъ извѣстно, воинственными наклонностями, скоро передрались бы и изувѣчили бы другъ друга. Тѣмъ не менѣе, считается необходимымъ принять еще слѣдующую мѣру предосторожности: у основанія подвижной части каждой клешни вставляютъ маленкій гвоздикъ: клешня, вслѣдствіе этого, не можетъ открываться и омаръ такимъ образомъ теряетъ способность владѣть своимъ главнымъ нападательнымъ оружіемъ.

Въ Америкѣ ловятъ массу омаровъ, изъ которыхъ приготовляютъ дешевые и довольно вкусные консервы.

*
* *

Сѣрая креветка водится въ огромномъ количествѣ на побережьи Атлантическаго океана и Ла-Манша. Ловля креветокъ, кстати сказать, съ нѣкоторыхъ поръ вошедшая въ моду на морскихъ курортахъ, производится съ помощью сѣтки, снабженной рукояткой, въ то время, когда начинается отливъ. Уловъ въ эту пору всегда бываетъ хорошій. Тѣло креветки, почти совершенно прозрачное, имѣетъ цвѣтъ морской воды. Спереди у него нѣтъ того органа, напоминающаго собою острую зубчатую пилу, которымъ обладаетъ розовая креветка. Мѣсто этого органа занимаетъ рядъ сплюснутыхъ пластинокъ.

Вареныя сѣрыя креветки—превосходное блюдо, на мой взглядъ, болѣе вкусное, чѣмъ розовыя креветки.

*
* *

Розовую креветку легко узнать по ея сжатому съ боковъ тѣлу, по пилообразно зазубренному лобному отростку, такъ-называемому «корабельному носу», и наконецъ, по ея очень длиннымъ усикамъ. Живая креветка этого вида имѣетъ прозрачное бѣлое тѣло, которое пріобрѣтаетъ розовый цвѣтъ послѣ варки.

Если безпокоить ее въ то время, когда она плаваетъ, розовая креветка, сдѣлавъ нѣсколько сильныхъ ударовъ хвостомъ по водѣ, быстро начинаетъ двигаться назадъ, описывая зигзагообразную линію.

Креветки любятъ типу, темные уголки — главнымъ образомъ мѣста, поросшія морской травой. Тутъ ихъ ловятъ въ изобиліи посредствомъ большихъ сачковъ; эта ловля не легкая, такъ какъ для извлеченія сачковъ изъ заросли требуется довольно значительное напряженіе мышцъ.

Креветки часто перемѣщаются съ мѣста на мѣсто, и тотъ уголокъ, который вчера былъ весьма богатъ ими, оказывается сегодня почти пустымъ. Питаются онѣ чѣмъ попало; ихъ легко можно разводить въ садкахъ, если кормить ихъ кусочками швейцарскаго сыра. Забавно смотрѣть, какъ онѣ отбиваютъ другъ отъ друга кормъ; благодаря прозрачности ихъ тѣла можно видѣть пищу, попавшую въ желудокъ животныхъ.

Подобно сѣрой креветкѣ, розовая держитъ свои яички подъ хвостомъ.

*

Очень любопытный видъ ракообразныхъ, извѣстный подъ названіемъ birgus живетъ въ Азіи. Birgus или король крабовъ, какъ его называютъ обитатели Филиппинскихъ острововъ, имѣетъ выступающій впередъ «носъ» и покрытое панцыремъ брюхо. Но самый интересный органъ этого животнаго—это воздухоносный отдѣлъ жаберной полости, функціонирующій, какъ легкое. Birgus, поэтому, можетъ часто выходить изъ воды, чтобы погулять по берегу. Онъ взбирается на кокосовыя пальмы и пожираетъ зеленые плоды и молодыя почки.

Этотъ ракъ отличается большой силой. Римфіусъ разсказываетъ, что birgus, расположившійся въ кустарникѣ, своими клешнями схватилъ однажды за уши проходившую мимо козу и поднялъ ее надъ землею. Этотъ разсказъ, конечно, преувеличенъ.

Туземцы съ большимъ удовольствіемъ ѣдятъ раковъ вида birgus; ихъ истребляютъ, впрочемъ, не только люди, но и свиньи, и поэтому, birgus становится изъ году въ годъ все малочисленнѣе.

Всѣмъ купальщикамъ приходилось, по всей вѣроятности, видѣть маленькихъ, передвигающихся прыжками животныхъ, которыхъ называютъ *морскими блохами* (Talitrus saltator). Эти ракообразныя водятся въ пескѣ; перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто, онѣ слѣдуютъ направленію, которое принимаютъ волны во время прилива и отлива. Въ большомъ количествѣ онѣ ютятся подъ морскими водорослями, такъ-называемыми пузырчатыми фукусами; стоитъ поднять пукъ этихъ водорослей, чтобы открыть цѣлое скопище морскихъ блохъ, разбѣгающихся во всѣ стороны.

Морскія блохи пожираютъ всѣхъ мертвыхъ животныхъ, выбрасываемыхъ волнами на берегъ. Трупъ птицы, напр., они въ очень короткое время очищаютъ такъ, что отъ него остаются только кости.

Эти животныя не съѣдобны. Нѣкоторыя изъ нихъ издаютъ фосфорическій свѣтъ. Какъ показали микроскопическія изслѣдованія, свѣтъ исходитъ не отъ самого животнаго, а отъ микроорганизмовъ, гнѣздящихся въ его тѣлѣ. Если ихъ перенести на другое ракообразное, то оно, въ свою очередь, начинаетъ свѣтиться, когда эти микроорганизмы размножаются въ достаточномъ количествѣ.

* * *

Упомянемъ въ числѣ ракообразныхъ еще пенеевъ, обладающихъ непомѣрно длинными придатками; алфеевъ, которые производятъ извѣстный звукъ, когда закрываютъ свои клешни; прозрачныхъ мизидъ и пр.

Нѣкоторыя ракообразныя по своему внѣшнему виду совсѣмъ не похожи на представителей этого класса животныхъ, какъ, напр., семейство Balanidae и Anatifae.

Первыя встрѣчаются въ большомъ числѣ на раковинахъ, подводныхъ скалахъ и утесахъ. Онѣ имѣютъ видъ маленькихъ усѣченныхъ конусовъ, верхняя часть которыхъ открыта. Спросите у купальщиковъ, что это за животныя, и они вамъ навѣрно отвѣтятъ, что это устрицы. Этотъ отвѣтъ безусловно

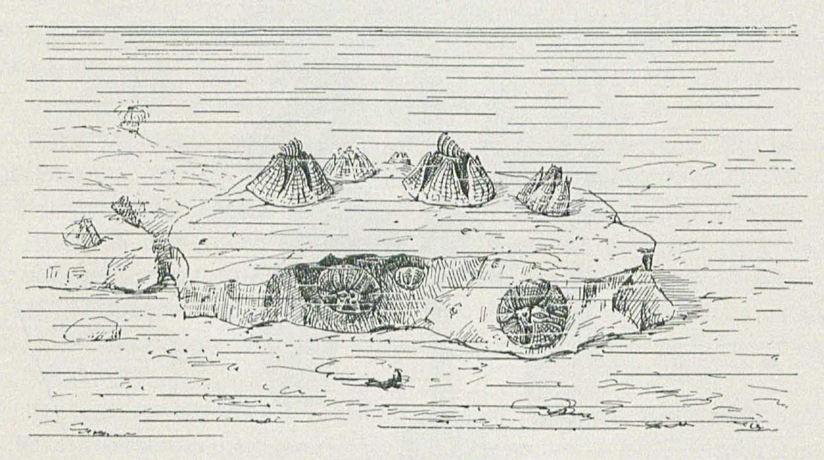


Рис. 139. **Баланиды.**
Маленькія ракообразныя, живущія на подводныхъ скалахъ.

невѣренъ, потому что баланиды ничего общаго съ устрицами не имѣютъ, а относятся къ классу ракообразныхъ.

Внутри известковаго конуса расположены двѣ вертикальныя пластинки, между которыми помѣщается странное животное, снабженное длинными искривленными ножками. Во время отлива, находясь внѣ воды, оно какъ бы замираетъ, и пробуждается снова, когда наступаетъ приливъ; тогда замѣчается интересное явленіе: животныя выскакиваютъ изъ своихъ домиковъ, затѣмъ черезъ мгновеніе возвращаются, снова выскакиваютъ и т. д.

Баланиды никакой пользы не приносятъ: онѣ только и дѣлаютъ, что царапаютъ ноги купальщиковъ.

На разныхъ обломкахъ, вообще на предметахъ, выбрасываемыхъ моремъ на берегъ, можно иногда найти длинные бѣловатые мягкіе стебельки (длина 10—20 сантим., ширина 1 сантим.), которые оканчиваются раковиной, составленной изъ различныхъ кусочковъ. Это—анатифы, не моллюски, а ракообразныя: они очень похожи на описанныхъ выше баланидъ.

* * *

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о ракообразныхъ, живущихъ въ прѣсной водѣ.

Въ самыхъ мелкихъ стоячихъ водахъ можно наблюдать нѣкоторыхъ интересныхъ представителей этой группы, отличающихся, правда, очень незначительными размѣрами тѣла. Къ этимъ маленькимъ ракообразнымъ принадлежатъ водяныя мокрицы, очень похожія на обыкновенныхъ мокрицъ, маленькихъ насѣкомыхъ, съ многочисленными ножками, встрѣчающихся въ углубленіяхъ подъ камнями, въ

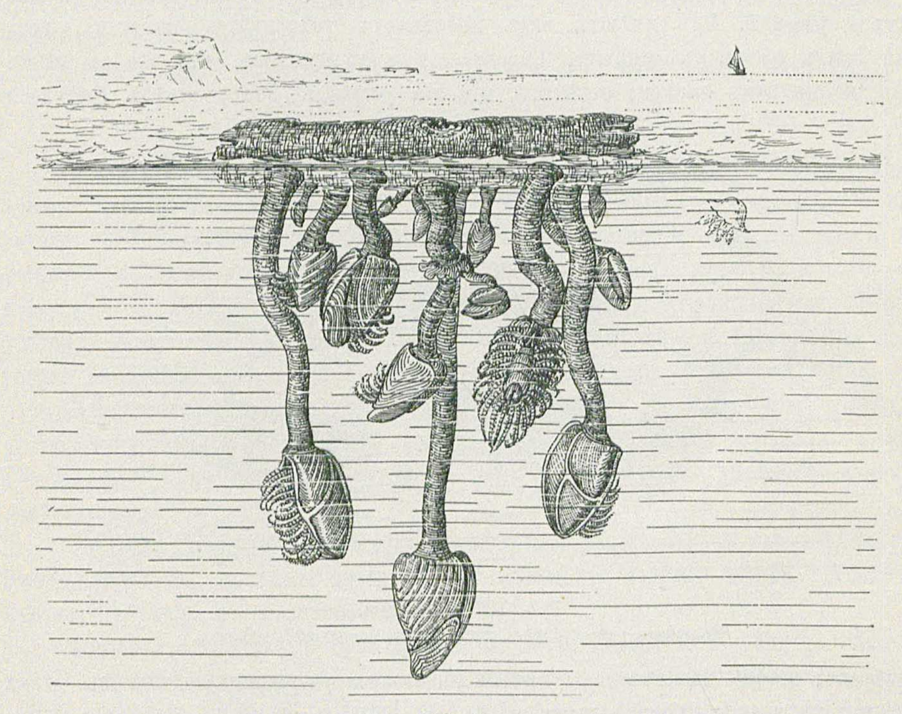


Рис. 140. Анатифы.
Эти животныя не въ состояніи сами двигаться, но ведутъ все-таки бродячую жизнь, такъ какъ цѣпляются за различныя предметы, плавающіе въ морѣ.

погребахъ и пр. Разница между ними та, что у послѣднихъ тѣло болѣе приплюснуто и ножки длиннѣе.

Водяная мокрица имѣетъ въ длину 1—1½ сантим., рѣдко больше. Она обыкновенно не плаваетъ, а бѣгаетъ съ довольно большой скоростью по стволамъ водяныхъ растеній или по илистому дну, постоянно оставаясь подъ водою. Тѣло ея сѣроватаго цвѣта; на немъ виднѣется нѣсколько бѣлыхъ пятенъ неправильной формы.

*

Другое прѣсноводное ракообразное, еще болѣе распространенное, чѣмъ предыдущее—есть креветка ручейная, маленькій ракъ, встрѣчающійся въ самыхъ глубокихъ ручьяхъ, въ особенности въ такихъ, гдѣ лежатъ разлагающіяся растенія,

напр., опавшіе листья. Стоячей воды это животное, однако, не любитъ, а всегда отдаетъ предпочтеніе такой, въ которой замѣчается хоть слабое теченіе.

Креветка ручейная имѣетъ сплюснутое съ боковъ тѣло, слегка изогнутое въ той части, гдѣ находится желудокъ. Головка снабжена двумя парами щупальцевъ; послѣднія кольца брюшка имѣютъ многочисленные отростки, которые постоянно двигаются, давая этимъ возможность животному плавать съ довольно большой скоростью.

Самцы значительно больше самокъ. Самка держитъ яички въ кармановидной складкѣ, находящейся въ нижней части брюха вблизи среднихъ ножекъ; зародыши, вышедшіе изъ созрѣвшихъ яичекъ остаются сначала въ складкѣ, затѣмъ спустя нѣкоторое время они оставляютъ свое убѣжище, чтобы немного погулять на свободѣ, но при малѣйшей тревогѣ возвращаются подъ защиту матери.

*

Короткохвостый щитень (apus cancriformis)—очень красивое ракообразное изъ подотряда жаберноногихъ. Это животное, вооруженное щитовидной раковиной, вообще рѣдко встрѣчается, но появляется во множествѣ только послѣ наводненій.

Короткохвостый щитень былъ извѣстенъ уже древнимъ натуралистамъ, утверждавшимъ, что это животное появляется на свѣтъ процессомъ самопроизвольнаго зарожденія. Въ подтвержденіе своего мнѣнія они приводили слѣдующій доводъ: замѣчено, что лужи, гдѣ щитней не видѣли въ теченіе трехъ четырехъ лѣтъ, въ одинъ прекрасный день вдругъ начинаютъ кишѣть ими. Эти животныя, говорили древніе, не могли быть произведены на свѣтъ ихъ родичами, потому что этихъ послѣднихъ вовсе не было,—значитъ, они зародились сами. Доводъ, повидимому, убѣдительный.

Научныя изслѣдованія послѣдняго времени показали, однако, что этотъ доводъ не выдерживаетъ критики,—дѣло объясняется очень просто: животныя вида apus cancriformis кладутъ въ илистое дно лужи свои яички, окруженныя крѣпкой скорлупой. Когда лужа высыхаетъ окончательно, эти яички, хорошо защищенныя своими твердыми внѣшними покровами, могутъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лежать въ землѣ, не подвергаясь никакимъ измѣненіямъ и не теряя своей жизнеспособности. Но вотъ происходитъ наводненіе,—на мѣстѣ, гдѣ когда-то была лужа, снова появляется вода, и яички, попавъ такимъ образомъ въ благопріятную для своего развитія среду, даютъ жизнь новому поколѣнію короткохвостыхъ щитней, которое, такимъ образомъ, находится въ прямой преемственной связи съ прежними.

Въ прѣсной водѣ живутъ еще и другія ракообразныя, большею частью очень маленькія. Къ нимъ относятся: дафниды, маленькія округлой формы животныя; тѣло ихъ, сжатое съ боковъ, заключено въ большой панцырь, изъ котораго высовываются только сяжки да переднія ножки. Яички скопляются на спинной части панцыря. Далѣе слѣдуютъ циприды, объемистый панцырь которыхъ состоитъ изъ двухъ створокъ; животное, чуя опасность, плотно захлопываетъ эти створки, и такимъ образомъ скрывается изъ виду.

Упомянемъ еще о такъ-называемыхъ циклопахъ, животныхъ, которыхъ легко

узнать по ихъ бѣлому цвѣту и ихъ манерѣ плавать толчками; ихъ главный отличительный признакъ состоитъ въ томъ, что они обладаютъ лишь однимъ глазомъ, чѣмъ и объясняется названіе, данное имъ. У самки сбоку лежатъ два длинныхъ бѣлыхъ или темныхъ мѣшка, въ которыхъ хранятся яички.

* * *

Самыя большія ракообразныя, населяющія прѣсныя воды—это рѣчные раки. Они водятся преимущественно въ быстро-текущихъ рѣкахъ съ каменистымъ дномъ, гдѣ они легко могутъ найти убѣжище. Раковъ бываетъ больше въ рѣкахъ, текущихъ съ востока на западъ, чѣмъ въ тѣхъ, которыя текутъ съ юга на сѣверъ, такъ какъ эти послѣднія менѣе тѣнисты, чѣмъ предыдущія.

Боясь палящихъ лучей солнца, ракъ проводитъ дни неподвижно, лежа подъ камнями или въ береговыхъ норкахъ; ночью онъ выходитъ изъ своего убѣжища и отправляется на добычу. Зимою ракъ погружается въ спячку, забираясь либо въ трещины и углубленія, находящіяся на днѣ рѣки, либо въ тѣ норки, которыя самъ устраиваетъ. Эти норки, сдѣланныя въ мягкой торфяной почвѣ, имѣютъ видъ галлерей, которыя отличаются подчасъ довольно обширными размѣрами.

Замѣчено, что эти норки бываютъ тѣмъ глубже, чѣмъ больше подвержены замерзанію рѣки, въ которыхъ живутъ раки. До тѣхъ поръ, пока холодъ не даетъ себя сильно чувствовать, они сидятъ у самаго входа своихъ норокъ, высовывая въ воду только свои усики, съ помощью которыхъ они различаютъ плывущую мимо добычу, которую и вылавливаютъ клешнями. Увѣряютъ даже, будто раки осмѣливаются хватать за лапы водяныхъ крысъ, очутившихся вблизи нихъ, и держатъ ихъ подъ водою до тѣхъ поръ, пока животныя не погибаютъ.

Пища раковъ очень разнообразна: они весьма прожорливы и пожираютъ безъ разбора все, что ни попадется. Моллюски, головастики, остатки мяса, капуста, морковь,—все это дѣлается ихъ добычей. Говорятъ, будто раки очень любятъ протухлое мясо,—но это невѣрно. Если имъ бросить два куска мяса, — свѣжаго и испорченнаго, то они сначала бросаются на свѣжее, а потомъ уже берутся за гнилое.

Самцы очень часто поѣдаютъ самокъ, — фактъ, установленный многочисленными наблюденіями. Самецъ хватаетъ свою жертву клешнями за голову, разрываетъ ея спинной панцырь до самаго хвоста и съѣдаетъ живьемъ.

Искусственное разведеніе раковъ вслѣдствіе этого становится дѣломъ весьма труднымъ, что наглядно можно видѣть изъ слѣдующаго опыта, произведеннаго въ Германіи въ 1892 г. Въ прудъ, наполняемый ключевой водою, были посажены 165 раковъ-самцовъ и столько же самокъ. Прудъ не имѣлъ никакихъ трещинъ, никакихъ входовъ и выходовъ. Когда спустя шесть мѣсяцевъ осушили этотъ прудъ, оказалось, что изъ 165 самокъ осталось въ живыхъ всего 52: остальныя 113 были съѣдены самцами.

Органомъ дыханія у раковъ служатъ жабры, расположенныя по обѣимъ сторонамъ тѣла подъ панцыремъ, какъ разъ у мѣста прикрѣпленія ножекъ.

Мы не будемъ распространяться о внутреннемъ строеніи рака: отмѣтимъ только слѣдующее, не лишенное интереса явленіе. Лѣтомъ въ желудкѣ рака можно найти кусочки известковой массы, которые когда-то употреблялись въ медицинѣ и которые извѣстны подъ именемъ «рачьихъ глазъ». Этимъ запасомъ извести животное пользуется въ періодѣ линянія: «глаза», упавшіе въ желудокъ, постепенно начинаютъ крошиться, растворяются, всасываются тканями, затѣмъ снова выдѣляются наружу черезъ кожу, чтобы впослѣдствіи послужить матерьяломъ для новаго панцыря.

Процессъ линянія довольно любопытенъ: животное сбрасываетъ съ себя совершенно свои верхніе покровы, точно человѣкъ, снимающій съ себя одежду передъ тѣмъ, какъ лечь спать.

Въ то время, когда происходитъ процессъ образованія новаго панцыря, раки, лишенные своего естественнаго оборонительнаго оружія, становятся очень робкими и боязливыми; они прячутся тогда въ самыхъ глухихъ уголкахъ рѣчного дна.

Раки линяютъ по крайней мѣрѣ разъ восемь въ первый годъ своей жизни, пять разъ—во второй, два раза—въ третій, и затѣмъ по разу въ годъ до самой смерти.

Кладка яичекъ происходитъ въ началѣ зимы. Самка ложится на спину и выпускаетъ около 200 яичекъ, которыя посредствомъ клейкой жидкости прикрѣпляются къ брюшнымъ ножкамъ. Періодъ эмбріональнаго развитія длится почти всю зиму.

Появившись на свѣтъ, юные раки тотчасъ цѣпляются за плавательные органы своей матери. По своему внѣшнему виду они въ общемъ мало отличаются отъ взрослыхъ, если не принимать во вниманіе ихъ вздутый выпуклый панцырь.

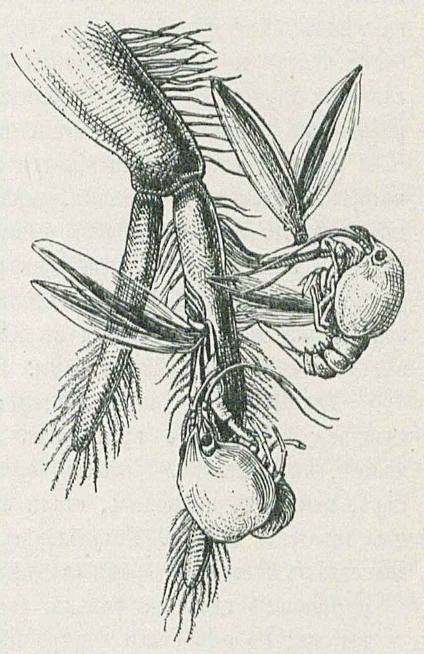


Рис. 141. Юные рачки, уцѣпившіеся за ногу своей матери.

Подъ конецъ перваго года жизни рѣчной ракъ имѣетъ въ длину около 5,5 сантим.; по истеченіи второго—7,5 сантим., третьяго—9,5 сантим., четвертаго—12 сантим., пятаго 13,5 сантим.

Медленно увеличиваясь въ ростѣ, ракъ при благопріятныхъ условіяхъ достигаетъ въ длину 19—20 сантим. Раки могутъ жить, какъ полагаютъ, пятнадцать—двадцать лѣтъ.

Въ Европѣ живутъ четыре главныхъ вида раковъ: раки съ красными ножками, раки съ бѣлыми ножками, каменные раки и раки тонконогіе.

Первые два вида встрѣчаются почти повсемѣстно въ медленно текущихъ или стоячихъ водахъ съ илистымъ дномъ; третій видъ любитъ каменистое дно и

быстро текущую воду и водится, поэтому, въ горныхъ рѣкахъ центральной Европы; самое широкое географическое распространеніе имѣетъ послѣдній видъ — тонконогіе раки.

Раки имѣютъ помимо человѣка массу враговъ; къ этимъ врагамъ относятся: піявки, которыя присасываются къ нижней поверхности брюшка и къ жабрамъ, маленькіе моллюски, цѣпляющіеся за кончики ножекъ, грибки, распространяющіеся по всему тѣлу, наконецъ, черви-паразиты, которыми нерѣдко бываютъ переполнены всѣ мышцы животнаго.

Въ зависимости отъ условій, мѣста и времени, побѣда остается за тѣмъ или инымъ паразитомъ.

Раки дѣлаются жертвой не одного какого-либо заболѣванія, какъ часто говорятъ, а цѣлаго ряда болѣзней. По этому поводу сдѣлано много изслѣдованій, но къ сожалѣнію нужно признаться, что зоологи своими изысканіями не только ничего не выяснили, но, наоборотъ, еще болѣе запутали вопросъ. Наиболѣе частая и наиболѣе опасная болѣзнь, которой подвержены раки, вызывается глистомъ-двуусткой; этотъ паразитъ и произвелъ сильныя опустошенія среди раковъ въ Эльзасѣ, во Франціи въ 1878 г. и въ Германіи въ 1881 г.

Однако, эти опустошенія все же очень незначительны по сравненію съ тѣми, которыя производитъ человѣкъ, вылавливая сѣтями множество раковъ. Нужно имѣть въ виду, что ракъ начинаетъ размножаться только на пятомъ году своей жизни. Поэтому, если желаютъ, чтобы въ рѣкѣ всегда находилось приблизительно одно и то же число раковъ, необходимо вылавливать только пятую часть ихъ; обыкновенно эти животныя уничтожаются въ несравненно большемъ числѣ, чѣмъ и объясняется замѣтное обѣднѣніе рѣкъ раками.

Раки издавна употребляются въ пищу и славятся какъ лакомое и вкусное кушанье; въ прежнее время ихъ истребляли въ несравненно меньшемъ количествѣ, чѣмъ теперь. *Главный врагъ раковъ—это желѣзныя дороги.* Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ появились, стали отправлять цѣлые транспорты раковъ въ крупные городскіе центры. Потребленіе раковъ въ городахъ, прогрессивно возростая, достигло въ настоящее время солидныхъ размѣровъ.

Вначалѣ цѣны на раковъ, доставляемыхъ изъ провинціи—въ Парижъ, были не высоки; но онѣ стали быстро повышаться по мѣрѣ того, какъ росло потребленіе и параллельно уменьшался уловъ раковъ. Тогда стали ихъ вывозить изъ сосѣднихъ странъ. Въ Парижѣ стоимость раковъ повышается главнымъ образомъ въ февралѣ, во время сезона большихъ званныхъ обѣдовъ: за сотню раковъ платятъ иногда 100 франковъ (37 руб.); наиболѣе низкія цѣны стоятъ въ августѣ: тогда сотня раковъ стоитъ 15, 10 и даже 8 франковъ.

Въ настоящее время уловъ раковъ во Франціи чрезвычайно ничтоженъ. Франція уже въ теченіе многихъ лѣтъ должна обращаться за этимъ продуктомъ въ Германію и Австрію; но эти государства въ свою очередь обѣднѣли раками и выписываютъ ихъ теперь изъ Россіи, но и тутъ уловъ раковъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Тѣмъ не менѣе ихъ у насъ еще очень много, и продаются они очень дешево; такъ наприм., въ Вольскѣ Саратовской губерніи сотня раковъ стоитъ

въ среднемъ 7 копеекъ. Въ Петербургѣ, гдѣ раки истребляются въ изрядномъ количествѣ, они продаются по 3—4 коп. за штуку. Но столица получаетъ раковъ изъ близлежащихъ мѣстностей, большею частью изъ Финляндіи, изъ Псковской и Новгородской губерній. Раки другихъ губерній отправляются частью за границу, частью идутъ на приготовленіе консервовъ.

Первый удачный опытъ фабричнаго изготовленія раковъ-консервовъ былъ сдѣланъ М. Лавровымъ въ Вольскѣ.

По словамъ «Вѣстника Рыбоводства», откуда мы заимствуемъ эти подробности, фабрика Лаврова хотя и работаетъ очень успѣшно, но далеко не въ состояніи исполнять всѣ поступающіе къ ней многочисленные заказы, которые могли бы дать работу десятку другихъ подобныхъ заведеній. Новыя фабрики не устраиваются потому единственно, что способъ консервированія раковъ многимъ не извѣстенъ. Каждый фабрикантъ тщательно охраняетъ тайну своего производства, какъ бы это послѣднее ни было просто. Способы консервированія раковъ подробно описаны въ нѣкоторыхъ спеціальнымъ книгахъ, которыя къ сожалѣнію совершенно неизвѣстны нашимъ предпринимателямъ.

Относительно приготовленія раковъ-консервовъ «Вѣстникъ Рыбоводства» сообщаетъ слѣдующее. Шейки свѣжихъ раковъ освобождаются отъ ихъ чешуйчатыхъ покрововъ, разрѣзываются ножницами съ двухъ сторонъ; затѣмъ удаляется задняя кишка и приготовленные такимъ образомъ шейки кладутся въ жестяныя коробки рядами, которые отдѣляются другъ отъ друга слоемъ соли. Жестяныя коробки, тщательно запаянныя, спускаются въ чаны съ кипящей водою, откуда вынимаются спустя 10—20 минутъ. Иногда передъ запаиваніемъ консервы посыпаются извѣстнымъ препаратомъ, главной составной частью котораго является борная кислота. Эта предосторожность совершенно излишняя, если жестяная коробка была хорошо запаяна и нагрѣта до 80° Р. въ кипящей водѣ, т. е. до такой температуры, при которой погибаютъ всѣ микро-организмы, обусловливающіе разложеніе и гніеніе животнымъ тканей. При этихъ условіяхъ консервы, къ которымъ не проникаетъ атмосферный воздухъ, не могутъ портиться.

Раки, отправляемые изъ Россіи во Францію, идутъ большею частью морскимъ путемъ, по крайней мѣрѣ до портовъ Германіи. Недавно пароходъ «*Karl von Linen*» привезъ изъ Финляндіи въ Германію 400.000 живыхъ раковъ.

Эти раки, какъ утверждаютъ гастрономы отличаются далеко не столь пріятнымъ вкусомъ, какъ мѣстные; въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что привозные раки должны совершать длинный переѣздъ, прежде чѣмъ попасть въ Германію, а оттуда во Францію; во время этого продолжительнаго пути животныя частью съѣдаютъ, частью калѣчатъ другъ друга.

Интересенъ способъ полученія хорошихъ сочныхъ раковъ, который съ такимъ успѣхомъ примѣняется въ Римѣ.

Журналъ «Éleveur» сообщаетъ по этому поводу слѣдующее:

«Къ длиннымъ шестамъ, расходящимся лучеобразно, наподобіе колесныхъ спицъ, прикрѣпляются тысячи маленькихъ глиняныхъ горшковъ, сообщающихся

между собою общимъ каналомъ, въ которомъ циркулируетъ свѣжая вода. Въ каждомъ горшкѣ находится только одинъ ракъ; если бы ихъ помѣстить вдвоемъ, они обязательно стали бы драться, что, конечно, дурно отразилось бы на качествѣ ихъ мяса. Раковъ, которыхъ обыкновенно разсаживаютъ въ изолированныя помѣщенія въ маѣ, кормятъ хлѣбомъ и маисомъ; благодаря изоляціи, съ одной стороны, и обильному корму—съ другой, они скоро жирѣютъ и пріобрѣтаютъ превосходный вкусъ».

Какими средствами можно было бы остановить все возрастающее уменьшеніе раковъ въ Европѣ? Существуютъ только два способа: либо населять рѣки привозными раками, либо разводитъ ихъ искусственно.

Первый способъ безспорно, лучшій; но онъ только въ томъ случаѣ дастъ, можетъ-быть, хорошіе результаты, когда на подмогу ему выступитъ строгій охранительный законъ, долженствующій запретить ловлю раковъ по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ пяти-шести лѣтъ.

Что касается искусственнаго разведенія, то оно большихъ трудностей не представляетъ; почти всякій, кто за него брался, добивался успѣха. Раковъ разводятъ либо въ маленькихъ прудахъ, либо въ большихъ садкахъ, гдѣ дно выложено камнями и гдѣ, это самое главное,—часто мѣняется вода. Для корма употребляются кусочки мяса, остающіяся на бойняхъ.

Къ сожалѣнію, раки растутъ очень медленно; приходится, поэтому, ждать довольно долго—нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ явится возможность получать прибыль на затраченный капиталъ. Далѣе, плодовитость раковъ въ общемъ невелика, и наконецъ, эти животныя, какъ мы видѣли, часто поѣдаютъ другъ друга.

Разведеніе раковъ только въ томъ случаѣ можетъ оказаться практичнымъ, если оно будетъ имѣть своею цѣлью полученіе возможно болѣе многочисленнаго молодого поколѣнія. Когда молодь достигнетъ одного года, ее нужно взять изъ садка и препроводить въ естественные ручьи, которые она населитъ медленно, но вѣрно.

Нужно удивляться, какъ до сихъ поръ общество не позаботилось о томъ, чтобы создать въ различныхъ мѣстахъ опытныя станціи для искусственнаго разведенія раковъ въ странѣ.

* * *

Существуетъ не мало животныхъ, которыя подобно ракообразнымъ, имѣютъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ твердые кожные покровы. Чешуя рыбъ, броня черепахъ (описанію этихъ животныхъ мы посвятимъ отдѣльную главу), твердый внѣшній покровъ морскихъ звѣздъ, цѣлый лѣсъ шиповъ или колючекъ, подъ защиту которыхъ прячутся ежи, роговыя пластинки различныхъ пресмыкающихся,— всѣ эти органы играютъ ту же роль, что панцырь у ракообразныхъ.

У обыкновеннаго броненосца находятся на спинѣ очень твердыя подвижныя пластинки, расположенныя рядами другъ на другѣ.

Если испугать броненосца вида mataco, то онъ тотчасъ свертывается калачикомъ, окружая себя настоящей крѣпостью: это его единственное оборонитель-

ное оружіе, такъ какъ броненосецъ—животное безобидное; его пищу составляютъ муравьи, термиты и растенія.

Броненосецъ—Chlamydophorus truncatus, или щитоносецъ обладаетъ спиннымъ кожистымъ панцыремъ, который состоитъ изъ 24 поперечныхъ рядовъ четырехсторонних щитковъ и, какъ мантія, отдѣляется отъ нижней половины тѣла, покрытой длинными шелковистыми волосами.

Щитоносецъ роетъ подъ землею обширные ходы, пользуясь которыми проникаетъ снизу въ гнѣзда термитовъ и муравьевъ и разоряетъ ихъ.

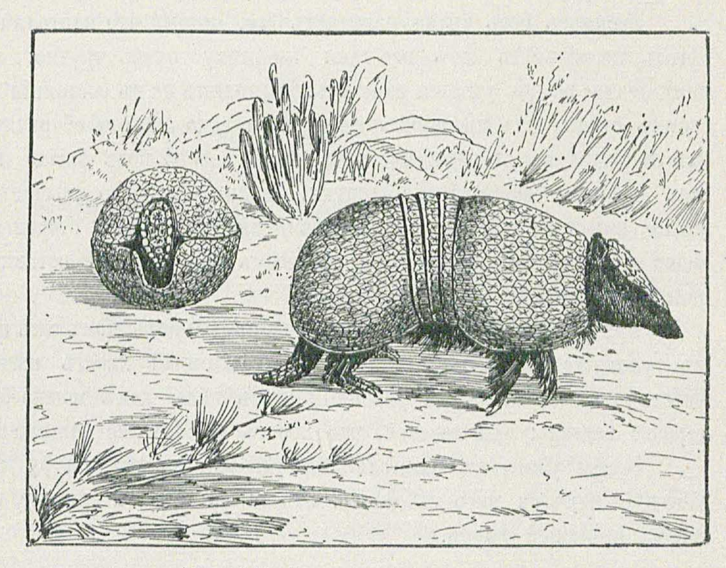


Рис. 142. Броненосецъ вида Mataco.
Животное, подвергшись нападенію, въ мгновеніе ока свертывается, принимая шарообразную форму.

Очень любопытно животное, извѣстное подъ названіемъ панголинъ: его туловище, лапы и хвостъ покрыты широкими и крѣпкими щитками, которыя расположены такъ, какъ черепицы на крышѣ.

«Это животное,—говоритъ Демарше:—имѣетъ очень длинный липкій языкъ,

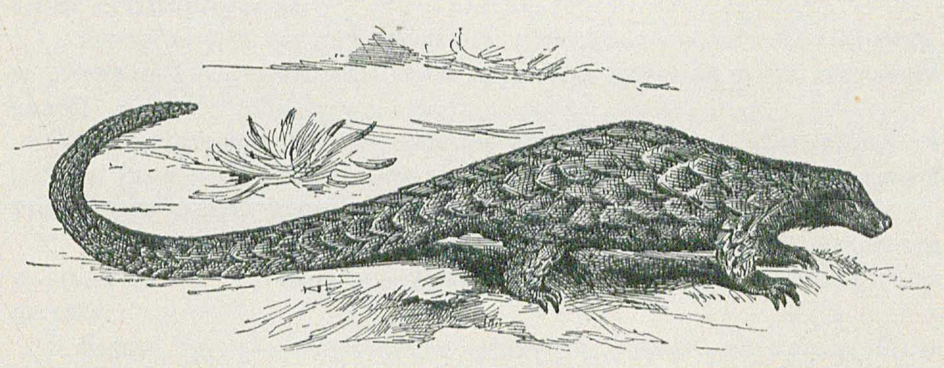


Рис. 143. Панголинъ.
Крѣпкіе роговидные щитки защищаютъ это животное отъ нападенія хищниковъ.

который оно либо прямо опускаетъ въ гнѣзда муравьевъ, либо кладетъ на дорогу, по которой обыкновенно двигаются эти послѣдніе. Привлеченные своеобразнымъ запахомъ, испускаемымъ слизью языка, муравьи стекаются къ нему со всѣхъ

сторонъ. Когда языкъ покроется весь муравьями, панголинъ быстрымъ движеніемъ втягиваетъ его въ свою пасть и проглатываетъ захваченную добычу».

Панголинъ—животное весьма спокойное и мирное; онъ ни на кого не нападаетъ, ни кого не обижаетъ, за исключеніемъ развѣ муравьевъ, которыми питается. Главный врагъ панголина—это леопардъ, который безпрестанно его преслѣдуетъ.

Леопардъ безъ труда нагоняетъ его, потому что панголинъ не можетъ быстро бѣгать, но овладѣть имъ все-таки хищнику очень трудно: маленькому животному почти всегда удается спастись. Панголинъ не въ состояніи открыто бороться со своимъ страшнымъ противникомъ,—онъ только можетъ обороняться: для этой цѣли онъ свертывается и поджимаетъ кончикъ хвоста подъ брюхо и ощетиниваетъ всѣ свои твердые заостренные щитки. Леопардъ тщетно пытается вытащить животное изъ-подъ его брони, переворачивая его во всѣ стороны; побившись напрасно и поцарапавъ себѣ лапы, хищникъ принужденъ оставить свою жертву въ покоѣ и уйти не солоно хлебавши.

Прячась отъ враговъ, панголинъ не принимаетъ, какъ ежъ шарообразной формы; его туловище свертывается клубкомъ, а длинный хвостъ изгибается дугообразно. Хвостъ совсѣмъ не самая уязвимая часть тѣла, какъ можно было бы подумать съ перваго взгляда; оказывается, что хвостъ еще лучше защищенъ, чѣмъ туловище.

Негры убиваютъ панголиновъ ударами палки; шкуру животнаго они продаютъ бѣлымъ, а мясо съѣдаютъ. Это мясо, бѣлое и нѣжное, повидимому, имѣетъ весьма пріятный вкусъ.

ГЛАВА XXVI.

Животныя-хирурги.

У животныхъ, вооруженныхъ панцыремъ, о которыхъ рѣчь была въ предыдущей главѣ, очень часто наблюдается одно очень любопытное явленіе, о которомъ стоитъ поговорить подробнѣе.

Если потревожить краба, спрятавшагося подъ камнемъ на берегу моря, то онъ тотчасъ же торопливо бросается въ сторону.

Попробуйте, все-таки, догнать это животное и схватить его за ножку, къ вашему удивленію — эта ножка останется въ вашихъ рукахъ! Попробуете поймать его за другую ножку, но и эта, безъ всякаго съ вашей стороны усилія, останется въ вашихъ рукахъ.

Этотъ опытъ вы съ тѣмъ же успѣхомъ можете повторить столько разъ, сколько у такого животнаго имѣется ножекъ.

Это интересное явленіе заслуживаетъ глубокаго изученія. Л. Фредерикъ, профессоръ физіологіи въ Ліежѣ, изслѣдовалъ этотъ вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ; онъ соединилъ подъ однимъ общимъ названіемъ «самодѣленія» различные случаи самоампутированія.

Первый вопросъ, который возникаетъ при изученіи этого явленія, слѣдующій: не обусловлено ли это отдѣленіе ножки хрупкостью организма и его составныхъ частей?

Это предположеніе, которое, невольно напрашивается, въ дѣйствительности невѣрно. Разсмотримъ внимательнѣе это явленіе; предметомъ нашего изслѣдованія пусть будетъ морской ракъ.

Каждая ножка его составлена изъ мягкихъ частей, которыя находятся внутри и окружены на периферіи серіей известковыхъ трубочекъ, расположенныхъ въ рядъ.

Каждая трубочка соединяется со слѣдующей перепончатой тканью; благодаря этому, каждая изъ нихъ сохраняетъ свою подвижность по отношенію къ остальнымъ.

У морского рака семь отдѣльныхъ сочлененій въ ножкѣ. Первые два сочлененія, находящіеся у основанія, соединены неподвижно; они слиты, только поперечная линія въ достаточной степени указываетъ намъ оригинальную двой-

ственность. Остальные члены соединены межъ собой мягкими перепонками и сохраняютъ благодаря этому свою подвижность.

Очевидно, если бы отрываніе было вызвано хрупкостью, оно происходило бы въ мѣстѣ наименьшаго сопротивленія, т. е. на уровнѣ мягкой связки, находящейся между отдѣльными суставами.

Въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ; отрываніе совершается какъ разъ посрединѣ твердой части, въ направленіи поперечной бороздки, о которой мы упоминали выше.

Однако, что убѣждаетъ насъ въ томъ, что эта бороздка въ дѣйствительности есть часть, менѣе способная къ сопротивленію, чѣмъ связка или сочлененіе?

Опытъ даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Возьмемъ мертваго краба, повѣсимъ на одной изъ его ножекъ шнурокъ съ чашкой вѣсовъ и помѣстимъ на ней разновѣски.

Мы увидимъ, что ножка можетъ выдержать значительный грузъ: она не ломается даже въ томъ случаѣ, когда грузъ въ сто разъ превышаетъ вѣсъ тѣла животнаго.

Не представляя собой хрупкій придатокъ, ножка является, такимъ образомъ, очень способнымъ къ сопротивленію органомъ. Межъ тѣмъ, если вѣсъ становится слишкомъ значительнымъ, ножка разрывается, но этотъ разрывъ никогда не происходитъ въ срединѣ твердой части, а, наоборотъ, всегда на уровнѣ сочлененія.

Далѣе, при самоампутаціи мѣсто, гдѣ произошелъ разрывъ, имѣетъ круглую форму, тогда какъ поверхность разрыва, произведеннаго искусственно, имѣетъ неправильные контуры, причемъ отъ нея свѣшивается внизъ пучокъ мышцъ, разорванныхъ силой тяжести: разница между естественнымъ и искусственнымъ разрывомъ очевидна.

Итакъ, хрупкость исключается; очевидно, что самоампутированіе есть явленіе физіологическое.

Но какова его природа? Есть ли это явленіе сознательное или безсознательное? Есть ли это произвольный актъ или рефлекторный, т. е. такой, который совершается безъ участія воли?

Вотъ вопросъ, который необходимо теперь разрѣшить. Гексли и Паризъ присоединяются къ первому взгляду.

Если бы наблюденія, которыя они описываютъ, были очень точны, то можно было бы не сомнѣваться въ томъ, что животное способно произвольно калѣчить себѣ ноги.

Однако, опыты Л. Фредерика заставляютъ насъ отнестись скептически къ этимъ наблюденіямъ и признать второе мнѣніе болѣе справедливымъ.

«Вколачиваютъ до половины, — говоритъ ліежскій профессоръ:—полдюжину гвоздей въ дно большого деревяннаго ящика, въ которомъ, при помощи нѣсколькихъ мокрыхъ губокъ, поддерживается влажная атмосфера; къ каждому гвоздю за ножку привязывается большой ракъ (cancer moenas).

У нѣкоторыхъ раковъ ножка привязывается непосредственно къ гвоздю, а у другихъ такимъ образомъ, что ракъ не теряетъ возможности двигаться.

Отъ времени до времени въ этомъ ящикѣ производятъ сильный шумъ для того, чтобы побудить раковъ къ бѣгству. Плѣнники тотчасъ же дѣлаютъ энергичныя, но безплодныя усилія, чтобы освободиться, но ни одинъ изъ нихъ, повидимому, не обнаруживаетъ желанія сломать себѣ ногу, которая находится на привязи и держитъ животное въ неволѣ.

Но, можетъ-быть, эти раки случайно лишены способности къ самоампутированію? Вовсе нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, отвяжемъ морского рака и нажмемъ съ силой на его ножку—она тотчасъ же оторвется. Для того, чтобы ножка сломалась, необходимо, чтобы производимое на нее давленіе было достаточно сильно и могло въ свою очередь оказать вліяніе на соотвѣтственные нервы.

Итакъ, когда животное привязано въ ящикѣ, стоитъ только надавить на какую-нибудь изъ его ножекъ, и она оторвется, тогда какъ ножка, прикрѣпленная къ гвоздю при помощи шнурка, хотя и сокращается сильно, но остается невредимой.

Очевидно, самоампутація вызывается рефлекторнымъ актомъ, который обусловленъ раздраженіемъ чувствительнаго нерва, лежащаго въ ножкѣ.

Когда мы хотимъ схватить морского рака за ножку, мы сильно сжимаемъ ее и параллельно сдавливаемъ чувствительный нервъ, который и передаетъ полученное раздраженіе нервнымъ центрамъ.

Если быстро разрѣзать ножку въ одной какой-нибудь изъ ея частей при помощи ножницъ—это вѣрный способъ заставить ее сломаться въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ.

Доказательствомъ этого служитъ опытъ, сдѣланный Г. Фредерикомъ.

Берутъ живого морского рака за середину ножки (приблизительно на уровнѣ третьяго сустава) между большимъ и указательнымъ пальцами. Подвѣсивъ животное такимъ образомъ, чтобы туловище его находилось внизу, быстро отрѣзываютъ конецъ ножки посрединѣ четвертаго или пятаго сустава.

Раздраженіе чувствительнаго нерва, вызванное разрѣзомъ, обусловливаетъ тотчасъ же сильное сокращеніе мускуловъ ножки, которая; сгибаясь и разгибаясь ломается, наконецъ, у своего основанія на уровнѣ второго сустава; конецъ ножки остается въ рукѣ оператора, морской ракъ падаетъ на землю и быстро обращается въ бѣгство.

Можно повторить этотъ опытъ надъ каждой изъ десяти ножекъ, которыя животное имѣетъ: ножки ломаются одна за другою.

Опытъ можно также произвести на другой ладъ, я рекомендую его всѣмъ тѣмъ, которые отправляются на морскія купанья; это представляетъ очень любопытное зрѣлище. Морского рака кладутъ на спину—это положеніе ему крайне непріятно,—онъ изо всѣхъ силъ безнадежно двигаетъ ножками, чтобы такимъ образомъ перевернуться.

Ножницами быстро надрѣзываютъ свободный конецъ одной ножки,—тотчасъ же ножка отрывается въ другомъ мѣстѣ, у основанія ея и въ результатѣ два разрыва вмѣсто одного.

Можно вновь начать опытъ съ другими двигательными придатками. Такого рода операція кажется нѣсколько жестокой; на самомъ дѣлѣ она не приноситъ животному вреда, въ особенности, если операція производится только надъ одной или двумя ножками.

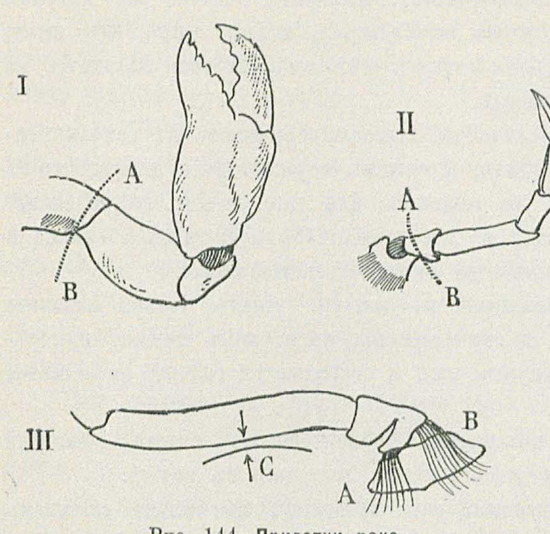


Рис. 144. **Придатки рака.**
I. Клешня съ линіей разрыва въ *AB*. II. Ножка съ линіей разрыва въ *AB*. III. Мускулы *A* и *B*, прижимая часть ножки къ панцырю *C*, вызываютъ переломъ ея.

Какимъ образомъ совершается переломъ?

На рисункѣ (рис. 144, III) иллюстрируется схематическое расположеніе активныхъ (дѣятельныхъ) мускуловъ. Видно, что суставъ основанія соединенъ съ сосѣднимъ суставомъ при помощи двухъ мускуловъ: одинъ изъ нихъ—разгибатель (A), другой—сгибатель (B).

Послѣдній изъ названныхъ мускуловъ не очень необходимъ; повидимому, его можно разрѣзать и это нисколько не вліяетъ на процессъ самоампутаціи. Нельзя того же сказать о мускулѣ A. Сокращаясь, этотъ мускулъ вплотную придвигаетъ ножку къ панцырю C, гдѣ движеніе разгибанія пріостанавливается. Мускулъ, продолжая свои сокращенія, производитъ такое сильное натяженіе сустава, находящагося у основанія, что онъ ломается по направленію средней линіи, которая представляетъ мѣсто наименьшаго сопротивленія.

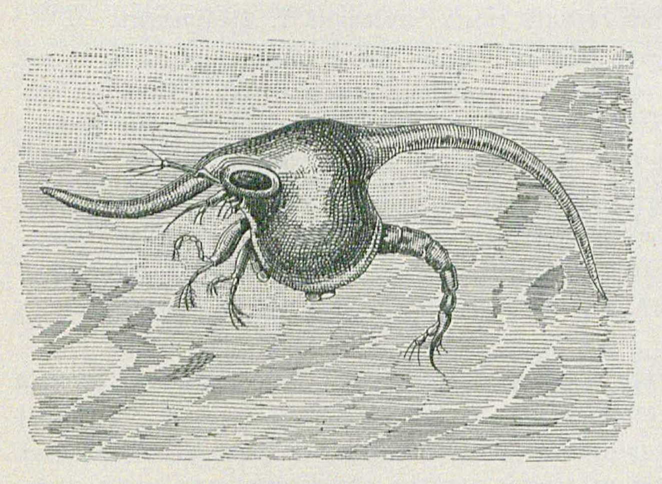


Рис. 145. **Личинка рака (Zoё).**

Теперь предъ нами сломанная ножка. Тотчасъ является мысль, что кровь животнаго льется изъ зіяющей раны и морской ракъ, избѣжавъ одну опасность, подвергается другой, бóльшей; — онъ попалъ изъ Сциллы въ Харибду? Совсѣмъ нѣтъ.

На самомъ дѣлѣ, сократившійся мускулъ стягиваетъ рану и предупреждаетъ кровотеченіе. Кромѣ того, эта кровь имѣетъ свойство очень быстро свертываться,

прійдя въ прикосновеніе съ окружающимъ воздухомъ: первая вылившаяся капля крови свертывается и закрываетъ собой рану.

Но это еще не все; больше или меньше одной ножкой — это не представляетъ для морского рака большой важности; но если такая потеря возобновляется три или четыре раза, легко понять, что животное становится инвалидомъ.

Къ счастью для него, его ножки одарены, способностью къ регенераціи (возстановленію). Это любопытное наблюденіе уже было замѣчено въ 1712 году Реомюромъ, который отрѣзалъ ножки у рака и видѣлъ, какъ у него образовались новыя на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ находились прежнія. Послѣ удаленія рубца, на его мѣстѣ появляется маленькая культя, которая постепенно разрастается, дѣлится на суставы и по истеченіи нѣкотораго времени превращается въ новую, совершенно нормальную ножку.

Прежде чѣмъ покончить со всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ морскимъ ракамъ, упомянемъ еще объ ихъ личинкѣ, или, какъ ее называютъ, «Zoë» (рис. 145); она совершенно не походитъ на взрослыхъ раковъ своимъ панцыремъ, украшеннымъ рогами, своимъ твердымъ животомъ, своими огромными глазами. Но съ теченіемъ времени, всѣ эти различія сглаживаются.

* * *

Воспользуемся тѣмъ, что мы знаемъ о явленіи самоампутаціи, наблюдаемаго у морского рака, чтобъ прослѣдить его дальше у другихъ животныхъ. Это явленіе существуетъ у многихъ ракообразныхъ животныхъ, но въ различной степени, въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ тому или другому виду.

Стоитъ только слегка прикоснуться къ ракообразному—stenorhynchus longirostrum, какъ его два длинные двигательные придатка падаютъ какъ хрупкія стеклянныя пластинки. Эд. Ванъ-Бенеденъ видѣлъ большихъ ракообразныхъ животныхъ, которыя оставляли свои ножки, когда ихъ для консервированія погружали въ спиртъ.

Ракъ, извѣстный подъ названіемъ бернардинца-отшельника, очень легко теряетъ свои огромныя клешни. Въ общемъ разрывъ тѣмъ легче совершается, чѣмъ животное отличается большей силой.

Морскіе раки въ періодѣ линянія мало пригодны для опытовъ самоампутаціи. Омары и раки въ этомъ періодѣ очень стойкіе.

«Итакъ,—говоритъ Фредерикъ:—благодаря общимъ мускульнымъ сокращеніямъ, сильному сотрясенію, передающемуся всему тѣлу, омаръ, которому ущемляютъ одну изъ его четырехъ послѣднихъ ножекъ, освобождается, отрывая ножку на уровнѣ сочлененія, находящагося между двумя сосѣдними суставами».

Животное, мнѣ кажется, не способно совершить эти переломы такъ, какъ это дѣлаетъ морской ракъ — сокращеніемъ одного или нѣсколькихъ мускуловъ.

Омаръ и ракъ представляютъ виды менѣе усовершенствованные, съ точки зрѣнія развитія этого способа защиты.

Практическій выводъ изъ изложеннаго въ этой главѣ, слѣдующій: если вы хотите угостить своихъ гостей морскими раками или лангустами изъ вашего улова, старайтесь поймать животное за панцырь, а не за ножку, потому что вы рискуете испортить блюдо.

* * *

Менѣе часто и въ менѣе совершенной формѣ явленіе самоампутаціи наблюдается у насѣкомыхъ. Долгоножки — это безобидныя насѣкомыя, похожія на большихъ комаровъ; онѣ встрѣчаются на каждомъ шагу на поляхъ; у нихъ длинныя, тонкія и хрупкія ножки, которыя отпадаютъ при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ. Всѣ собиратели насѣкомыхъ знаютъ, что при ловлѣ бабочки, большинство ея ножекъ часто остается въ ихъ рукахъ.

Рис. 146. **Долгоножка.**

Это насѣкомое изъ отряда двухкрылыхъ похоже на большого комара, но отличается отъ него тѣмъ, что не кусается и оставляетъ свою ножку въ рукахъ того, кто пытается поймать его.

Наконецъ, кто въ дѣтствѣ ловилъ кузнечиковъ, тому приходилось не разъ видѣть, какъ насѣкомое обращается въ бѣгство, оставляя одну изъ своихъ ножекъ.

Въ этомъ случаѣ переломъ совершается только въ двухъ послѣднихъ ножкахъ, т. е. въ самыхъ большихъ, которыя способствуютъ передвиженію насѣкомаго.

Можно повторить на кузнечикѣ всѣ тѣ опыты, которые продѣлывались съ морскимъ ракомъ; и такимъ образомъ показать, что давленіе на ножку должно быть довольно энергичнымъ для того, чтобы затронуть чувствительный нервъ.

Для насѣкомыхъ самоампутація имѣетъ другое значеніе, чѣмъ для ракообразныхъ животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, ножка, разъ сломанная, вообще не выростаетъ вновь, и такъ какъ число двигательныхъ придатковъ не превышаетъ шести, то отсюда ясно видно, что потеря одного изъ органовъ движенія должна быть весьма чувствительна.

Правда, насѣкомыя живутъ очень недолго; возстановленіе новыхъ органовъ, такимъ образомъ не успѣло бы у нихъ совершиться.

Остающихся пяти ножекъ достаточно для насѣкомаго, чтобы передвигаться, чтобы класть яица въ укромномъ мѣстечкѣ. Животное все-таки становится до извѣстной степени инвалидомъ.

* * *

У пауковъ самоампутація—явленіе очень обыкновенное; каждый, должно-быть, не разъ имѣлъ случай наблюдать его.

Такъ, напримѣръ, съ паукомъ вида epeira можно повторить тѣ же опыты, которые мы уже продѣлали съ морскимъ ракомъ и кузнечикомъ.

* * *

Покровы животныхъ, которые мы разсматривали до сихъ поръ, были твердые и стойкіе; можно было, слѣдовательно, понять, что такія ткани при случаѣ могутъ «сломаться». Если же покровы мягкіе, «ломкость» ихъ гораздо труднѣе себѣ представить; между тѣмъ, это явленіе зачастую наблюдается у моллюсковъ.

Куа и Гемаръ, во время своихъ зоологическихъ изысканій, которыя они производили, плавая на «Astrolabe», видѣли, какъ моллюски изъ отряда заднежаберныхъ—doris cruenta—лишали себя части своихъ покрововъ. Они также констатировали, что моллюскъ изъ отряда переднежаберныхъ—harpa ventricosa—можетъ отрывать заднюю часть своей ножки, которая, впрочемъ, очень быстро выростаетъ вновь.

То же самое наблюдалось у улитокъ на островѣ Кубѣ. Спинные сосочки у

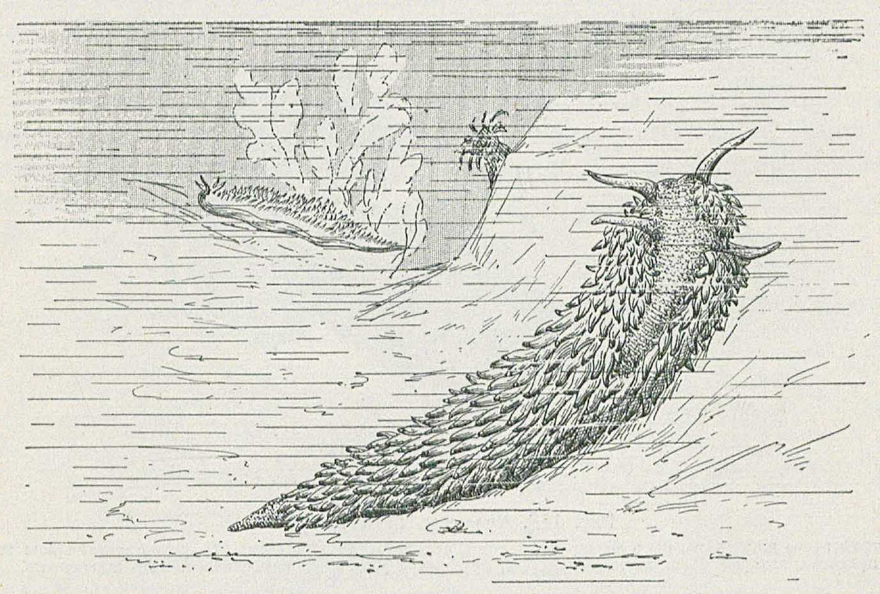


Рис. 147. Aeolis papillosa.
Сосочки, покрывающіе тѣло этого животнаго, отпадаютъ при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ.

маленькихъ красивыхъ моллюсковъ, которыхъ часто находятъ въ морскихъ водоросляхъ и которые носятъ названіе Aeolis (рис. 147), отпадаютъ также очень легко.

Моллюскъ Tethys изъ семейства Tritonidae (рис. 148) по этому поводу пріобрѣлъ извѣстность въ наукѣ. Этотъ моллюскъ имѣетъ сплющенное съ боковъ тѣло, которое спереди кончается широкимъ головнымъ щитомъ, обрамленнымъ неправильной бахромкой.

На спинѣ, по направленію двухъ продольныхъ линій, изъ которыхъ одна расположена вправо, другая—влѣво,—находятся два зіяющихъ отверстія; каждое изъ нихъ украшено двумя щупальцами; эти отверстія сообщаются съ внутренней полостью тѣла и соединяютъ, такимъ образомъ, внѣшнюю часть тѣла съ внутренней.

У этихъ животныхъ, осторожно захваченныхъ сѣтью въ морѣ, часто нахо-

дили большія удлиненныя, массивныя тѣльца; эти тѣльца, покрытыя черными пятнами, расположены какъ разъ у спинныхъ отверстій tethys'а.

Ученые рѣшили, что эти тѣльца представляютъ собою паразитовъ, которымъ дали названіе phenicurus varius. Знаменитый зоологъ Лаказъ-Дютье основательно изучилъ этого паразита—открылъ въ немъ нервную систему, пищеварительную трубку, аппаратъ кровообращенія и пр., однимъ словомъ, всѣ органы, свойственные животному.

Вопросъ казался разрѣшеннымъ. Но вотъ одинъ нѣмецкій естествоиспытатель сталъ изучать не изолированнаго паразита, какъ это дѣлали его предшественники, а такого, котораго нашли прикрѣпленнымъ къ tethys'у, при этомъ онъ дѣлалъ разрѣзы и изготовлялъ изъ нихъ гистологическіе препараты.

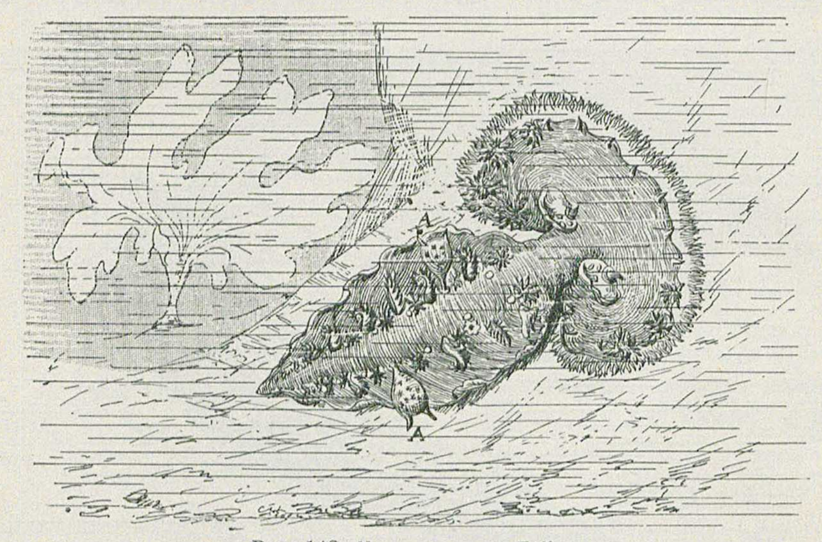


Рис. 148. **Моллюскъ вида Tethys.**
На тѣлѣ этого животнаго, какъ видно на рисункѣ, находятся два придатка *(A)*—другіе отвалились; эти придатки, которые очень легко отпадаютъ, принимали раньше за самостоятельныхъ животныхъ.

Такимъ образомъ онъ пришелъ къ заключенію, что каждый phenicurus—это только спинной придатокъ моллюска, и что каждый изъ его такъ-называемыхъ органовъ представляетъ не что иное, какъ продолженіе тѣхъ же самыхъ органовъ этого животнаго, т. е. моллюска tethys'а, Но эти придатки представляютъ высшую форму явленія самоампутированія — вотъ почему, мы находимъ такъ рѣдко моллюсковъ вида tethys, которые обладали бы всѣми этими придатками. Если быстро схватить раковину пластинчатожабернаго моллюска вида Solen, зарывшагося въ песокъ, животное сильнымъ сокращеніемъ мышцъ отдѣляетъ часть своей ножки, которая падаетъ на землю.

* * *

Случаи самоампутаціи наблюдаются часто также среди червей. Немертины—морскіе черви, которые отличаются чрезвычайно длиннымъ тѣломъ.

Черви-трубчатники изъ семейства Cirrhatulidae и Terebellidae имѣютъ много-

численные чрезвычайно длинныя щупальца, расположенныя въ области головы; эти по виду очень изящныя щупальца, которыя животное вытягиваетъ въ водѣ во всѣ стороны, очень часто отрываются; оторванныя отъ тѣла, они продолжаютъ еще нѣкоторое время двигаться.

Легко дѣлятся на части также аннелиды, кольчатые черви, тѣло которыхъ состоитъ изъ цѣлой серіи расположенныхъ въ рядъ суставовъ. Когда дѣлаютъ попытку поймать такого червя, онъ разрываетъ свое тѣло на два-три куска: овладѣть вполнѣ цѣлымъ удается очень рѣдко.

«Интересный примѣръ самоампутаціи,—говоритъ М. Жіаръ:—представляютъ группы enteropneusta, именно balanoglossus Robinii и balanoglossus salmoneus,—виды, родственные иглокожимъ, обыкновенно причисляемые къ червямъ. Эти животныя часто встрѣчаются у береговъ острововъ Гленанъ (у юго-западн. берега Франціи); они высовываютъ изъ воды только заднюю часть своего тѣла; при попыткѣ схватить ихъ, они поспѣшно скрываются, оставляя болѣе или менѣе значительную часть своихъ конечностей».

Когда пытаются взять боннелію—червя изъ отряда щетинконосныхъ гефиреевъ, животное торопливо убѣгаетъ въ свое убѣжище, оставляя въ рукахъ человѣка свою вилообразную конечность, которую древніе натуралисты принимали за хвостъ, но которая въ дѣйствительности представляетъ собою голову, имѣющую форму раздвоеннаго хоботка (Лаказъ-Дютье).

* * *

Аналогичныя явленія наблюдаются среди иглокожихъ: напр., среди офіуръ.

Рис. 149. **Синапта.**
Въ мѣстахъ съуженій, которыя видны на тѣлѣ этой голотуріи, происходитъ впослѣдствіи разрывъ: животное дѣлится на нѣсколько частей.

Офіуры—это морскія звѣзды безъ заднепроходнаго отверстія съ длинными цилиндрическими руками, расположенными на периферіи центральнаго кружка. Съ по-

мощью этихъ рукъ, очень подвижныхъ, животное перемѣщается, т. е. ползаетъ по водорослямъ и подводнымъ камнямъ.

Стоитъ, однако, только прикоснуться къ этимъ рукамъ, чтобы онѣ отвалились. Одинъ изъ видовъ офіуръ называется ophiothrix fragilis (fragilis — ломкій, хрупкій); хрупкость тѣла этихъ животныхъ, дѣйствительно, очень велика. Я собралъ на морскомъ берегу тысячи офіуръ, но видѣть цѣлые невредимые экземпляры среди нихъ мнѣ случалось весьма рѣдко.

У коматулъ,—животныхъ, принадлежащихъ къ классу морскихъ лилій, способность къ самодѣленію чрезвычайно развита: можно легко заставить животное отдѣлить одну за другой всѣ его конечности. Обыкновенныя морскія звѣзды также отличаются способностью къ самодѣленію, но не въ такой высокой степени. Конечности морской звѣзды постепенно сами-собою отваливаются, когда начинаютъ вскрывать ея тѣло,—это затрудняетъ диссекцію.

Голотурія отличается совершенно особымъ способомъ самоампутаціи: когда ее раздражаютъ, она выталкиваетъ свой пищеварительный органъ черезъ заднепроходное отверстіе.

Безногая голутурія-синапта (рис. 149), какъ только ее вытащатъ изъ песка, гдѣ она живетъ, начинаетъ извиваться въ разныя стороны, причемъ тѣло ея суживается въ различныхъ точкахъ и подъ конецъ дѣлится на нѣсколько частей. Если тронуть пальцемъ какую-нибудь изъ этихъ частей, она, въ свою очередь, дѣлится на-двое.

* * *

Способностью къ самоампутаціи отличаются не только безпозвоночныя животныя, но и нѣкоторыя позвоночныя. Для примѣра укажемъ не ящерицъ, которыя хорошо извѣстны въ этомъ отношеніи. Когда подобные случаи наблюдаются среди животныхъ такой высокой организаціи, то невольно снова напрашивается вопросъ, не обусловливается ли самоампутація воздѣйствіемъ сознательнаго волевого акта. Но это предположеніе невѣрно, потому что разрывъ хвоста происходитъ только въ томъ случаѣ, если этотъ органъ подвергается сильному тренію или растяженію. Такъ, если съ помощью клея хвостъ ящерицы прикрѣпить къ какому-нибудь шероховатому предмету, гдѣ она могла бы безъ труда производить движенія растяженія, то животное будетъ, правда, дѣлать всѣ усилія, чтобы вырваться на свободу, но никогда ради этого не обломаетъ себѣ своего хвостового придатка.

Способность къ самоампутаціи есть одинъ изъ главныхъ отличительныхъ признаковъ мѣдяницы; ее поэтому прозвали *стеклянной змѣей*. Но хвостъ ея не отличается хрупкостью самъ-по-себѣ: чтобы разорвать хвостъ мертвой мѣдяницы необходимо подвѣсить къ нему гирю, которая въ двадцать пять разъ тяжелѣе всего тѣла животнаго.

«У живой мѣдяницы,—говоритъ Фредерикъ:—дѣло происходитъ иначе. Если повѣсить ее за хвостъ головою внизъ, она начинаетъ вертѣться въ разныя стороны, не стараясь вовсе купить себѣ свободу цѣною потери хвостового придатка. Но когда я вызвалъ сильное раздраженіе этого послѣдняго, срѣзавъ кончикъ его

острыми ножницами, то произошло слѣдующее: въ той части хвоста, которая лежала ниже точки подвѣса, стали замѣчаться боковыя движенія; они производились до тѣхъ поръ, пока хвостъ не обломился: тогда животное упало на землю и убѣжало. Но я поймалъ его и снова подвѣсилъ за уцѣлѣвшій обрубокъ хвоста, который сталъ сильно тереть пальцами. Снова произошелъ разрывъ непосредственно надъ тѣмъ мѣстомъ, которое я подвергалъ раздраженію, причемъ механизмъ разрыва былъ тотъ же, что и раньше, именно, состоялъ изъ послѣдовательныхъ сокращеній правой и лѣвой стороны тѣла.

«Я полагаю, что въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ активнымъ разрывомъ, который вызывается рефлекторнымъ путемъ, благодаря сильному раздраженію чувствительныхъ нервовъ хвоста».

Во всѣхъ приведенныхъ выше примѣрахъ, самоампутаціи подвергалось либо само тѣло, либо, что бываетъ чаще — придатки. Объектомъ самоампутаціи можетъ быть также только одинъ анатомическій элементъ, — именно клѣтка. Въ поверхностномъ слоѣ кожи у большинства кишечнополостныхъ, къ которымъ относятся медузы, морскія анемоны, гидры и пр. находится множество маленькихъ клѣтокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *нематоцистъ*. Каждая клѣточка содержитъ въ себѣ волоконце, свернутое кольцомъ, наподобіе пружины. Если задѣть рукою щупальце морской анемоны, то каждая нематоциста тотчасъ выбрасываетъ изъ себя свое волоконце, которое, точно пущенная изъ лука стрѣла, впивается въ кожу. Такъ какъ животное выпускаетъ такимъ образомъ миріады маленькихъ стрѣлъ, то въ результатѣ въ мѣстѣ прикосновенія получается очень явственное ощущеніе укола и жженія. Весьма возможно, что въ то же самое время стрѣла выдѣляетъ въ произведенную ею ранку немного ѣдкой жидкости.

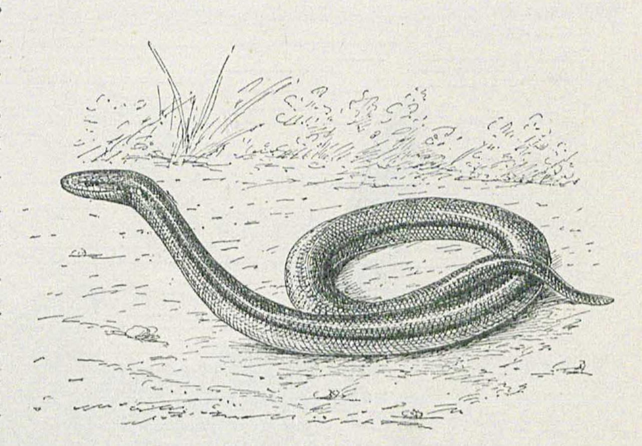


Рис. 150. **Мѣдяница.**
Получила названіе „стеклянной змѣи“ вслѣдствіе той легкости, съ какой ломается ея хвостъ.

Большая медуза своими нематоцистами производитъ настолько опасный уколъ, что послѣдствіемъ его является весьма сильная лихорадка, а иногда даже смерть.

Турбелляріи, или рѣсничные черви изъ семейства convoluta, имѣютъ въ своемъ распоряженіи клѣтки, изъ которыхъ каждая содержитъ маленькую твердую палочку, заостренную съ обоихъ концовъ. Когда животное раздражаютъ чѣмъ-нибудь, то оно сокращаетъ свои клѣточки, немедленно выбрасывая цѣлую тучу микроскопическихъ дротиковъ.

* * *

М. Жіаръ подводитъ подъ общее понятіе *оборонительнаго самодѣленія* всѣ описанные выше случаи самоампутаціи. Самодѣленіе, разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, имѣетъ своей цѣлью защиту, охрану животнаго. Далѣе М. Жіаръ подъ словомъ «воспроизводительное самодѣленіе» понимаетъ цѣлый рядъ явленій самоампутаціи, цѣль которой состоитъ въ сохраненіи вида.

Морская звѣзда имѣетъ пять заостренныхъ по краямъ рукъ, которыя своими основаніями сливаются на периферіи центральнаго кружка. Нерѣдко случается, что въ мѣстѣ сліянія образуется поперечная бороздка, повидимому, безъ всякаго внѣшняго повода—животное никакому давленію, никакому раздраженію не подвергалось, поэтому о самозащитѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Бороздка дѣлается все глубже и глубже, одна изъ рукъ отрывается и начинаетъ странствовать. Морская звѣзда имѣетъ тогда, кромѣ центральнаго кружка,

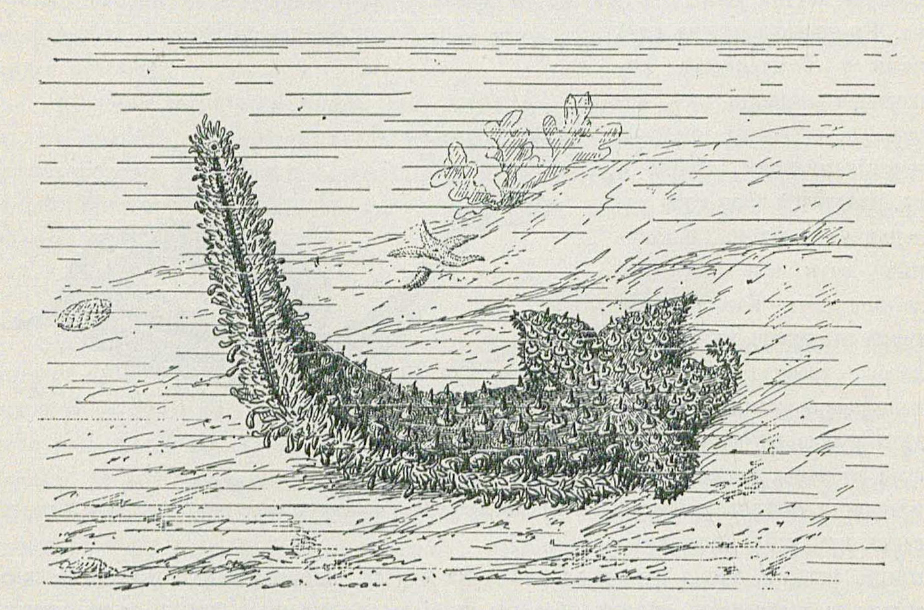


Рис. 151. **Морская звѣзда въ той стадіи своего развитія, когда она носитъ названіе „**
На заднемъ планѣ рисунка видна морская звѣзда, у которой отвалилась одна изъ ея рукъ; эта рука впослѣдствіи превращается въ „комету“.

только четыре руки; на томъ мѣстѣ, гдѣ была сдѣлана ампутація, скоро образуется почка; почка постепенно увеличивается и превращается въ руку; утраченный органъ, такимъ образомъ, возстановляется.

Что касается оторвавшейся руки, то она продолжаетъ жить; на томъ концѣ ея, который раньше находился въ соединеніи съ тѣломъ животнаго, выростаетъ кружокъ, по краямъ котораго появляются четыре маленькихъ отростка — получается нѣчто въ видѣ морской звѣзды, имѣющей длинный хвостъ; вотъ почему животному въ этой стадіи развитія дали имя *кометы*. Четыре маленькихъ отростка, постепенно увеличиваясь въ размѣрахъ, достигаютъ величины хвоста ко-

меты: этимъ заканчивается періодъ роста, и передъ нами вполнѣ сформировавшаяся морская звѣзда.

Способъ размноженія этого животнаго является такимъ образомъ примѣромъ типичнаго воспроизводительнаго самодѣленія.

Другія морскія звѣзды, обладающія большимъ числомъ рукъ, размножаются иначе: онѣ просто дѣлятся пополамъ, при чемъ каждая половина впослѣдствіи пріобрѣтаетъ недостающіе ей органы.

Кольчатые черви изъ семейства Naidae, у которыхъ темянная лопасть нерѣдко вытягивается въ хоботокъ, превращаютъ одно изъ среднихъ колецъ своего тѣла въ голову; непосредственно надъ нею туловище животнаго раздваивается и въ результатѣ получаются два червя, способные вести самостоятельную жизнь.

Посредствомъ почкованія и дѣленія размножаются очень многіе организмы, именно низшіе, обладающіе простымъ строеніемъ, какъ, напр., простѣйшія животныя, водоросли, грибки, бактеріи, микробы и т. д.

Всѣ случаи подобнаго рода размноженія относятся къ категоріи явленій воспроизводительнаго самодѣленія.

ГЛАВА XXVII.

Черепахи.

Черепахъ логически слѣдовало бы отнести къ группѣ животныхъ, которымъ мы дали названіе «животныхъ въ рыцарскихъ доспѣхахъ», потому что своимъ типичнымъ строеніемъ тѣла онѣ какъ нельзя болѣе оправдываютъ это названіе. Но черепахи заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ ихъ панцырь служитъ имъ не только оборонительнымъ оружіемъ, но и домомъ.

Организація черепахъ отличается весьма любопытными анатомическими и физіологическими особенностями. Обширный панцырь, въ которое животное входитъ съ головою и лапами, играетъ, какъ мы только-что упомянули, роль настоящаго дома, и это обстоятельство уничтожаетъ всѣ наши знанія по сравнительной анатоміи, потому что приходится какъ бы допустить, что есть животныя, которыя могутъ прятаться въ свою собственную грудную клѣтку.

Съ другой стороны, съ какими животными по своимъ анатомическимъ признакамъ черепахи имѣютъ наибольшее сходство? Съ змѣями? Нѣтъ. Съ крокодилами? Тоже нѣтъ. Съ лягушками? Еще менѣе. Значитъ?.. Оказывается, что онѣ по своей организаціи приближаются... къ птицамъ, которыя, меньше всего напоминаютъ черепахъ, какъ по своему оперенію, такъ и по своей подвижности.

Черепахи замѣчательны также своей необыкновенной живучестью; объ этомъ мы поговоримъ болѣе подробно въ главѣ, посвященной долговѣчнымъ животнымъ.

Черепахи очень апатичны; онѣ вяло и съ трудомъ тащутся по землѣ; тѣмъ не менѣе, мышечная сила ихъ очень велика. Сухопутная черепаха средней величины легко тащитъ на себѣ ребенка и даже взрослаго мужчину. Морскія черепахи значительно слабѣе: чтобы «покататься» на нихъ, необходимо запречь не одно, а нѣсколько животныхъ. Если болотная черепаха схватитъ своими крѣпкими челюстями брошенную ей палку, то она ни за что не выпуститъ ее: черепаху можно поднять на воздухъ на этой палкѣ,—животное долго будетъ висѣть на ней, даже въ томъ случаѣ, если стараться насильно оторвать его.

Интеллектуальныя способности черепахъ представляютъ мало интереса. Единственное, что можно отмѣтить въ этомъ отношеніи, это то, что выросши въ неволѣ, черепаха научается узнавать своего хозяина, выходить на его зовъ и брать пищу изъ его рукъ.

Черепахи, живущія въ дикомъ состояніи, имѣютъ много враговъ.

Ихъ крѣпкій панцырь представляетъ, правда, хорошую защиту, но не противъ всѣхъ животныхъ. Ягуары и другіе хищники изъ породы кошачьихъ, умѣютъ съ помощью своихъ острыхъ когтей вытащить животное изъ его крѣпости, чтобы полакомиться имъ.

Многіе острова, славившіеся обиліемъ черепахъ, опустѣли, лишь только тамъ появились кошки.

Свиньи поѣдаютъ цѣликомъ маленькихъ, еще не успѣвшихъ отвердѣть, мягкихъ черепахъ. Наконецъ, хищныя птицы, въ особенности ястребы, также усердно охотятся за черепахами; чтобы овладѣть животнымъ, ястребъ бросаетъ

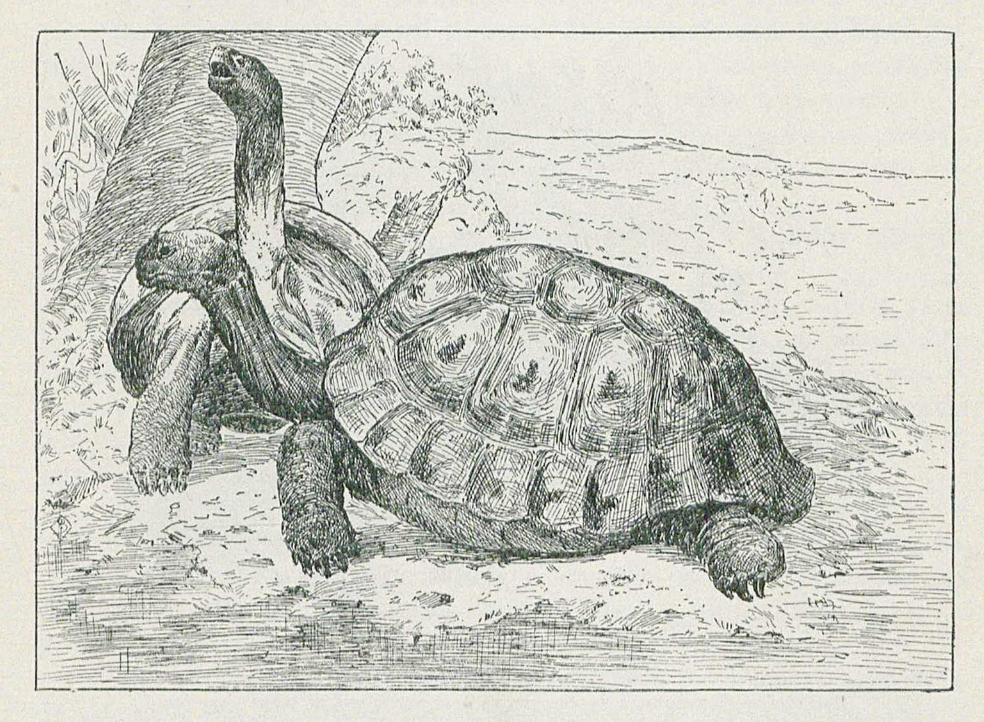


Рис. 152. **Исполинская или слоновая черепаха.**

его съ большой высоты на скалы:—панцырь разбивается, и тогда взять черепаху очень легко.

Замѣтимъ, между прочимъ, что черепахѣ мы въ извѣстной степени обязаны изобрѣтеніемъ... лиры. Согласно легендѣ, Меркурію, по другой версіи Аполлону, нашедшему однажды пустой черепашій панцырь, пришла въ голову мысль натянуть на немъ струны, которыя красотой своего звука очаровали юнаго бога. Такимъ путемъ былъ изобрѣтенъ наиболѣе древній музыкальный инструментъ.

Черепахи измѣняютъ свой внѣшній обликъ и образъ жизни въ зависимости отъ условій среды, въ которой живутъ. Поэтому, черепахъ дѣлятъ обыкновенно на три категоріи: сухопутныхъ, прѣсноводныхъ и морскихъ.

*
* *

Отличительнымъ признакомъ сухопутныхъ черепахъ является большой выпуклый спинной щитъ, въ который животное можетъ войти цѣликомъ съ шеей и лапами. Во Франціи разводятъ такъ-называемую греческую черепаху, которую легко узнать по ея желто-чернымъ пластинкамъ. Это животное питается главнымъ образомъ растеніями; зимою оно зарывается въ землю и погружается въ спячку вплоть до наступленія весны.

Нѣкоторыя сухопутныя черепахи отличаются гигантскими размѣрами; эти животныя тѣмъ болѣе интересны, что вслѣдствіе черезчуръ хищнической охоты на нихъ онѣ почти уничтожены и скоро о нихъ останется одно лишь воспоминаніе,

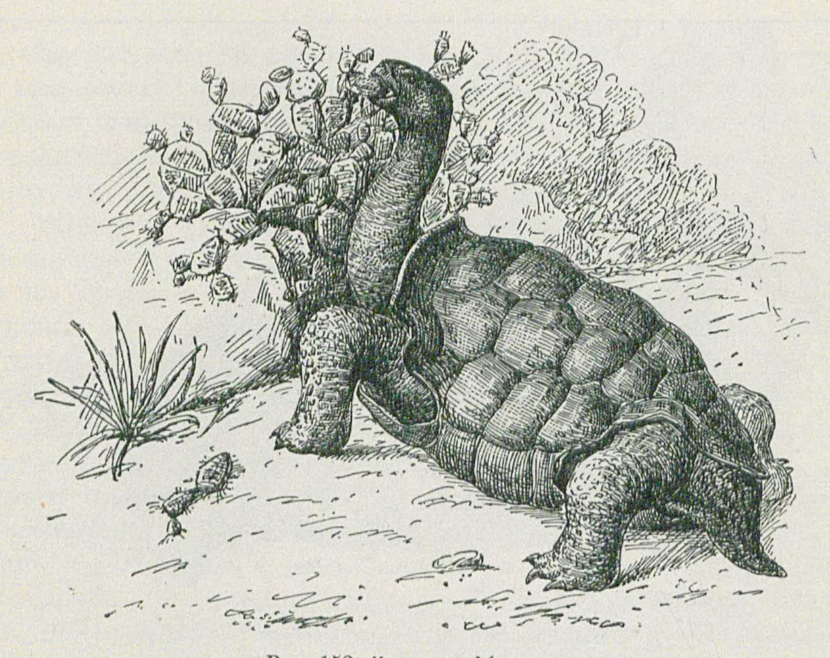


Рис. 153. **Черепаха Абингтона.**
Панцырь этого животнаго прочностью не отличается: онъ не тверже картона.

какъ о сиренахъ вида Rhytina Stelleri, въ настоящее время совершенно вымершихъ, но еще въ прошломъ столѣтіи жившихъ въ Беринговомъ морѣ.

Наиболѣе извѣстны исполинскія или слоновыя черепахи, которыя когда-то наводняли Маскаренскіе острова: тутъ попадались часто многочисленные отряды черепахъ въ двѣ-три тысячи штукъ.

Въ виду очень пріятнаго вкуса, которымъ отличается мясо этихъ животныхъ, за ними стали такъ усердно охотиться, что отъ когда-то многочисленнаго вида, въ настоящее время осталось всего нѣсколько экземпляровъ, охрану которыхъ приняло на себя правительство.

Мясо слоновой черепахи имѣетъ по вкусу большое сходство съ бараниной. Попадаются экземпляры вѣсомъ въ 500 фунтовъ. Одна черепаха, вѣсив-

шая 385 фунтовъ, имѣла въ длину 1,36 метра, а въ окружности — 2,05 метра; окружность передней лапы равнялась—0,54 метра.

На Галапагосскихъ островахъ въ прежнее время водилось множество черепахъ; теперь ихъ сравнительно мало.

Осталось только нѣсколько видовъ, изъ которыхъ наиболѣе интереснымъ является видъ, носящій названіе черепахи Абингтона (рис. 153).

Отличительные признаки этой черепахи: длинная шея, толстыя лапы и широко раскрытый спереди спинной щитъ, который не тверже картона.

Дарвинъ, во время своего знаменитаго путешествія по Галапагосскимъ островамъ, имѣлъ случай наблюдать этихъ животныхъ.

«Я встрѣтилъ на пути,—разсказываетъ онъ:—большихъ черепахъ, изъ которыхъ каждая должна была вѣсить не менѣе 250 фунтовъ. Одна изъ нихъ, разрывавшая стволъ кактуса, посмотрѣла на меня, когда я приблизился, и спокойно удалилась; другая издала свистящій звукъ и спрятала голову подъ панцырь.

«Эти громадныя пресмыкающіяся, окруженныя кусками черной лавы, гигантскими кактусами и кустарниками, лишенными листьевъ, произвели на меня впечатлѣніе допотопныхъ животныхъ.

«Онѣ водятся главнымъ образомъ на возвышенныхъ и влажныхъ мѣстахъ, но посѣщаютъ также сухія низины.

«Нѣкоторыя достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Англичанинъ Лоусонъ, въ то время носившійся съ проектомъ колонизаціи этихъ острововъ, разсказалъ мнѣ, что тамъ встрѣчаются иногда колоссальныхъ размѣровъ экземпляры, которые съ трудомъ могутъ поднять шесть—восемь человѣкъ; такіе гиганты даютъ около 100 килогр. мяса каждый. Самцы больше по величинѣ, чѣмъ самки, отъ которыхъ отличаются, кромѣ того, болѣе широкимъ хвостомъ.

«Черепахи, живущія на островахъ, лишенныхъ воды, или въ низменныхъ и сухихъ мѣстностяхъ, питаются главнымъ образомъ сокомъ кактусовъ; тѣ животныя, которыя живутъ на возвышенныхъ и влажныхъ мѣстахъ, употребляютъ въ пищу листья различныхъ деревьевъ, кислыя и терпкія ягоды и блѣдно-зеленыя лишаи, свѣшивающіеся фестонами съ вѣтвей различныхъ деревьевъ.

«Всѣ эти черепахи любятъ воду, которую пьютъ въ большомъ количествѣ. Только самые большіе острова, принадлежащіе къ группѣ Галапагосскихъ, имѣютъ ключевую воду; источники находятся всегда въ центральной части острова и на довольно значительной высотѣ.

«Вслѣдствіе этого, черепахамъ, населяющимъ низменную безводную полосу, приходится совершать длинный и трудный путь, чтобы добраться до воды. Пробираясь безпрестанно сквозь заросли кустарниковъ, черепахи проложили широкія, хорошо утрамбованныя, тропинки, которыя тянутся въ различныхъ направленіяхъ отъ источниковъ вплоть до берега. Двигаясь по этимъ тропинкамъ, испанцы и отыскали воду на открытыхъ ими островахъ.

«Когда я въ первый разъ посѣтилъ островъ Чатамъ, я сначала не могъ понять, кто прокладывалъ эти дороги, содержавшіяся въ такомъ образцовомъ порядкѣ. Я скоро узналъ, кто ихъ строилъ, когда увидѣлъ вблизи воды много

черепахъ; однѣ изъ нихъ спѣшили къ источникамъ, вытянувъ впередъ свои длинныя шеи; другія, напившись съ жадностью, возвращались къ береговой полосѣ.

«Животное, добравшись до источника, погружаетъ въ воду голову до самыхъ глазъ, не обращая вниманія на присутствіе людей, и начинаетъ торопливо глотать.

«Туземцы разсказываютъ, что черепахи остаются вблизи источниковъ три-четыре дня и затѣмъ возвращаются въ мѣста своего постояннаго жительства.

«Въ какое собственно время идутъ черепахи на водопой, неизвѣстно въ точности; возможно, что это стремленіе къ водѣ, находится въ зависимости отъ способа питанія.

«Замѣчено, впрочемъ, что нѣкоторые виды, живущіе на маленькихъ островкахъ, гдѣ нѣтъ вовсе источниковъ, пьютъ воду черезъ неправильные и довольно большіе промежутки времени, именно тогда, когда начинаютъ идти такіе сильные дожди, что образуются лужи, въ которыхъ черепахи могутъ утолить свою жажду.

«Извѣстно, что мочевой пузырь у лягушекъ играетъ главнымъ образомъ роль резервуара для воды, которая такъ необходима для этихъ животныхъ. Повидимому, этотъ органъ исполняетъ ту же функцію и у черепахъ. Туземцы, мучимые жаждой, убиваютъ нѣсколько черепахъ, чтобы выпить содержащуюся въ ихъ мочевыхъ пузыряхъ жидкость, которая представляетъ собою почти совершенно чистую воду.

«На моихъ глазахъ убили черепаху; жидкость, находившаяся въ ея мочевомъ пузырѣ, была совершенно прозрачна и имѣла горьковатый вкусъ.

«Черепахи, отправившись къ источникамъ, двигаются безъ устали днемъ и ночью и притомъ значительно быстрѣе, чѣмъ отъ нихъ можно было бы ожидать. На основаніи своихъ наблюденій, мѣстные жители утверждаютъ, что въ двa-три дня, онѣ могутъ пройти 8 миль. Одна большая черепаха, за движеніями которой я лично наблюдалъ, перемѣщалась со скоростью 60 ярдовъ въ 10 минутъ, или 360 аршинъ въ часъ, значитъ могла дѣлать 4 англійскія мили въ день».

Интересно отмѣтить, что ночью черепахи, повидимому, лишаются способности слышать и видѣть: самый сильный шумъ, даже ружейная пальба, не производитъ на нихъ въ это время никакого впечатлѣнія.

* * *

Очень много черепахъ живетъ въ прѣсныхъ водахъ или же въ болотахъ; ихъ легко узнать по плоскому спинному щиту. Въ средней и южной Европѣ больше всего распространенъ видъ болотныхъ черепахъ (Cistudo europaea).

Болотныя черепахи превосходно плаваютъ, но предпочитаютъ сидѣть неподвижно на днѣ рѣки или болота.

Онѣ кладутъ яица весною; процессъ кладки совершается слѣдующимъ образомъ.

Вскорѣ послѣ спариванья самка выходитъ изъ воды и начинаетъ рыть въ землѣ конусообразную ямку, сначала хвостомъ, потомъ задними лапами. Спустя

часъ такой работы, ямка имѣетъ десять сантиметровъ въ діаметрѣ. Когда появляется первое яицо, самка осторожно беретъ его лапой и опускаетъ на дно ямки. Затѣмъ появляется послѣдовательно другое яицо, третье и т. д.; всѣ они укладываются рядомъ съ первымъ. Ямка прикрывается землею и яица предоставляются ихъ собственной участи.

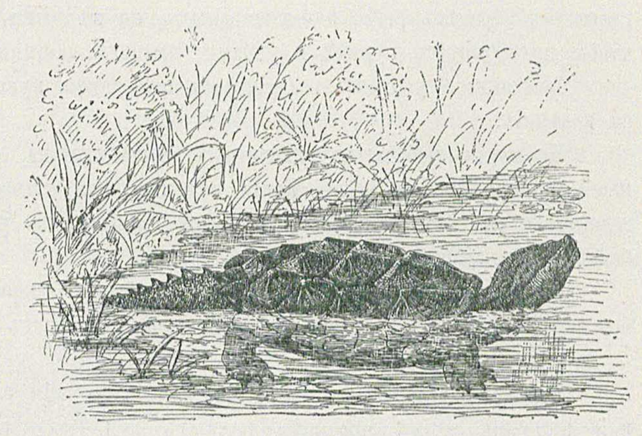


Рис. 154. **Серпентина.**
Одна изъ самыхъ злыхъ и свирѣпыхъ черепахъ.

Молодыя черепахи выходятъ изъ скорлупы не ранѣе апрѣля слѣдующаго года; появившись на свѣтъ, онѣ отправляются въ воду, гдѣ тотчасъ начинаютъ плавать, какъ утята, съ той только разницей, что не находятся, подобно послѣднимъ, подъ постояннымъ наблюденіемъ матери

Черепахи въ общемъ отличаются очень мирнымъ нравомъ; но это правило имѣетъ исключенія. Такъ, напримѣръ, черепаха вида Chelydra Serpentina, отличающаяся змѣевидной формой тѣла (рис. 154), очень зла; живетъ она въ Америкѣ.

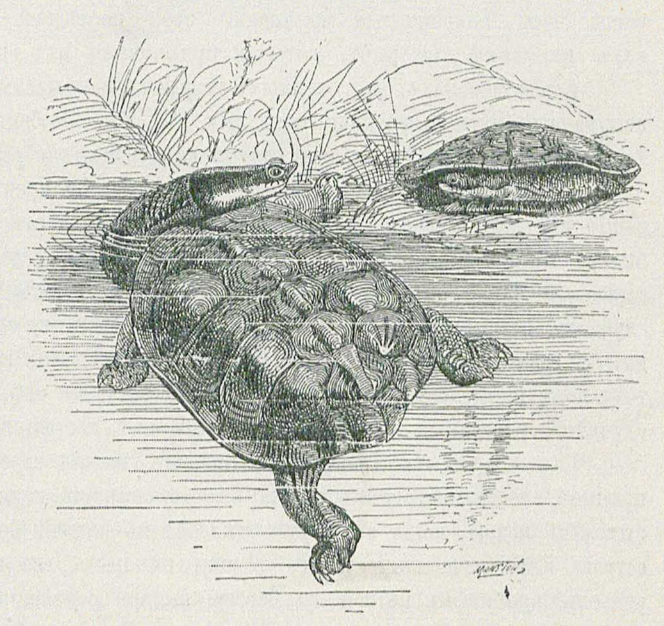


Рис. 155. **Гидромедуза.**
Черепаха со змѣиной головой, которую она кладетъ въ желобокъ, находящійся на щитѣ, въ то время, когда отдыхаетъ.

«Едва успѣли бросить въ лодку вытащенную изъ рѣки черепаху-серпентину, — разсказываетъ Вейнландъ:—какъ взбѣшенное животное, ставъ на заднія лапы, сдѣлало большой скачокъ, и кинулось на насъ: весло, которое въ нее бросили, черепаха стала яростно кусать».

Въ то время, какъ по замѣчанію Мюллера, глаза у большинства черепахъ выражаютъ глуповатое простодушіе, взглядъ серпентины полонъ злости; многіе, въ первый разъ

увидѣвшіе животное, пугаются, и на будущее время стараются избѣгать встрѣчи съ нимъ.

Серпентина питается только живымъ мясомъ; она употребляетъ въ пищу главнымъ образомъ рыбъ и земноводныхъ, но выходитъ также изрѣдка на сушу, чтобы полакомиться курами и утками, принадлежащими береговымъ жителямъ.

Жестокими укусами награждаетъ она также купальщиковъ, попавшихъ въ ея владѣнія.

Не менѣе любопытна гидромедуза Максимиліана, своей длинной, подвижной шеей, напоминающая змѣю. Когда эта черепаха отдыхаетъ, она прячетъ свою голову, но не втягиваетъ ее подъ свой панцырь, а укладываетъ ее въ желобокъ, находящійся на щитѣ.

Замѣтивъ приближеніе врага или добычи, гидромедуза съ поразительной быстротой вытягиваетъ свою голову и яростно кусаетъ животное.

*
* *

Весьма своеобразенъ видъ matamata, живущій въ южной Америкѣ. Спинной панцырь этихъ черепахъ покрытъ коническими бугорками, а длинная, поднятая вверхъ шея, украшена свѣшивающимися внизъ бахромчатыми придатками; морда остроконечна. Матамата издаетъ очень непріятный запахъ, что, однако, не мѣшаетъ караибамъ съ наслажденіемъ кушать ее. Эта черепаха любитъ сидѣть въ болотистомъ илѣ, держа на поверхности воды только голову да часть шеи. Бахромчатыя перепонки этой послѣдней туземцы употребляютъ, какъ приманку для рыбъ, которыя принимаютъ ихъ, надо полагать, за червей.

Кромѣ черепахъ, вооруженныхъ твердымъ панцыремъ, существуютъ еще такъ-называемыя мягкія черепахи, живущія въ Азіи. Особенно характерно семейство Trionycidae, которое Бремъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Къ этому семейству принадлежатъ виды, по преимуществу водяные, выходящіе изъ воды только въ пору кладки яицъ. Хотя эти черепахи могутъ довольно быстро бѣгать по землѣ, онѣ, однако, никогда не предпринимаютъ далекихъ путешествій. Когда рѣка, въ которой онѣ живутъ, высыхаетъ, черепахи въ рѣдкихъ случаяхъ перемѣщаются въ сосѣднія рѣки, обыкновенно онѣ зарываются въ илистое дно, ожидая наступленія дождей. Черепахъ вида Trionyx находили иногда въ открытомъ морѣ на извѣстномъ разстояніи отъ берега; но онѣ, очевидно, попадали туда случайно, унесенныя теченіемъ отъ мѣстъ ихъ постояннаго пребыванія»

Какъ передаютъ Дюмериль и Бибронъ, мягкія черепахи, названныя такъ по причинѣ своего не совсѣмъ окостенѣвшаго спинного щита и неполнаго грудного, выходятъ ночью, когда онѣ считаютъ себя въ полной безопасности, на маленькіе острова и растягиваются всѣмъ тѣломъ на пескѣ, на камняхъ, на стволахъ деревьевъ, прибитыхъ волной къ берегу, но при появленіи людей или вообще при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ животныя тотчасъ бросаются въ воду.

Днемъ эти черепахи лежатъ на д. рѣки, полузарывшись въ илъ; онѣ особенно любятъ неглубокія мѣста, гдѣ солнечнымъ лучамъ открытъ свободный доступъ.

Всѣ мягкія черепахи очень прожорливы и очень подвижны; отлично плавая, онѣ преслѣдуютъ главнымъ образомъ рыбъ и земноводныхъ, и когда настигаютъ

добычу, съ быстротою молніи вытягиваютъ впередъ свою голову, чтобы схватить жертву крѣпкими челюстями. Trionyx, помимо животной пищи, употребляетъ еще и растительную. Рюппель сообщаетъ, что въ желудкѣ нильскаго Trionyx'а онъ ничего не нашелъ, кромѣ кусочковъ финиковъ, тыквъ, арбузовъ и тому подобныхъ плодовъ.

На основаніи этого наблюденія нельзя, однако, сдѣлать заключенія, что параллельно съ плотоядными мягкими черепахами, существуютъ также плодоядныя, потому что въ звѣринцахъ Trionyx'ы кромѣ живыхъ животныхъ да говядины ничего въ пищу не употребляютъ.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія, что мягкія черепахи—животныя плотоядныя, можно привести еще тотъ фактъ, что они оказываютъ мужественное сопротивленіе, когда ихъ стараются поймать, въ особенности, когда онѣ ранены. Всѣ видѣвшіе ихъ единогласно утверждаютъ, что мягкія черепахи чрезвычайно опасны, и что, поэтому, съ ними нужно обходиться весьма осторожно. Онѣ очень больно кусаются; поймавъ, напр., руку своими челюстями, онѣ не оставляютъ ее до тѣхъ поръ, пока не оторвутъ кусочка мяса.

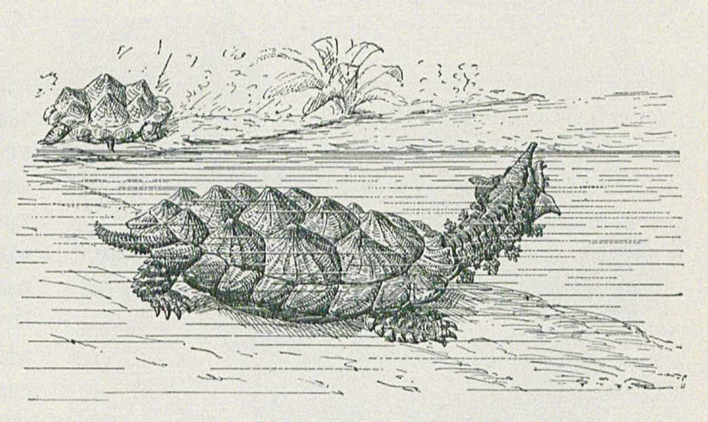


Рис. 156. **Матамата.**
Южно-американская черепаха со спиннымъ щитомъ, состоящимъ изъ конусообразныхъ возвышеній.

Самцы уступаютъ численностью самкамъ, а, можетъ-быть, они въ меньшемъ количествѣ выходятъ на берегъ, чѣмъ послѣднія, которыя кладутъ тамъ яица и складываютъ ихъ въ вырытыя ямки въ количествѣ 50—60 штукъ.

Количество снесенныхъ яицъ мѣняется въ зависимости отъ возраста самокъ: чѣмъ онѣ моложе, тѣмъ онѣ плодовитѣе. Яица имѣютъ сферическую форму, скорлупа ихъ твердая, хотя содержитъ мало извести.

Мы имѣли случай въ звѣринцѣ Парижскаго музея наблюдать нѣсколько разъ большихъ trionyx'овъ, родиной которыхъ былъ Индо-Китай. Это были очень воинственныя животныя; они постоянно преслѣдовали другихъ черепахъ, жившихъ съ ними вмѣстѣ въ одной клѣткѣ; больше всего они безпокоили серпентинъ.

Ихъ пища состояла изъ мертвыхъ рыбъ морскихъ или прѣсноводныхъ, а также изъ мяса, изрѣзаннаго на кусочки.

Увѣренія путешественниковъ, утверждавшихъ будто черепаха вида trionyx пренебрегаетъ мертвой добычей, оказываются такимъ образомъ неосновательными.

Большая часть черепахъ сухопутныхъ и водяныхъ разрываютъ свою добычу; trionyx'ы при помощи своихъ острыхъ челюстей разрѣзаютъ ее на кусочки.

Въ виду того, что эти животныя достигаютъ довольно большихъ размѣровъ (нѣкоторыя изъ нихъ вѣсятъ около ста килограммъ и больше) и мясо ихъ нѣжно и вкусно, за ними очень усердно охотятся; ихъ ловятъ либо удочкой, причемъ, приманкой служатъ живыя рыбки или другія животныя, либо сѣтями, либо вилами, которыя втыкаются въ мягкій рѣчной илъ, гдѣ обыкновенно живутъ черепахи.

Если попадается черепаха большихъ размѣровъ, которая находится на большой глубинѣ, ей вонзаютъ остроконечную рогатину въ спину и вытаскиваютъ ее затѣмъ на берегъ.

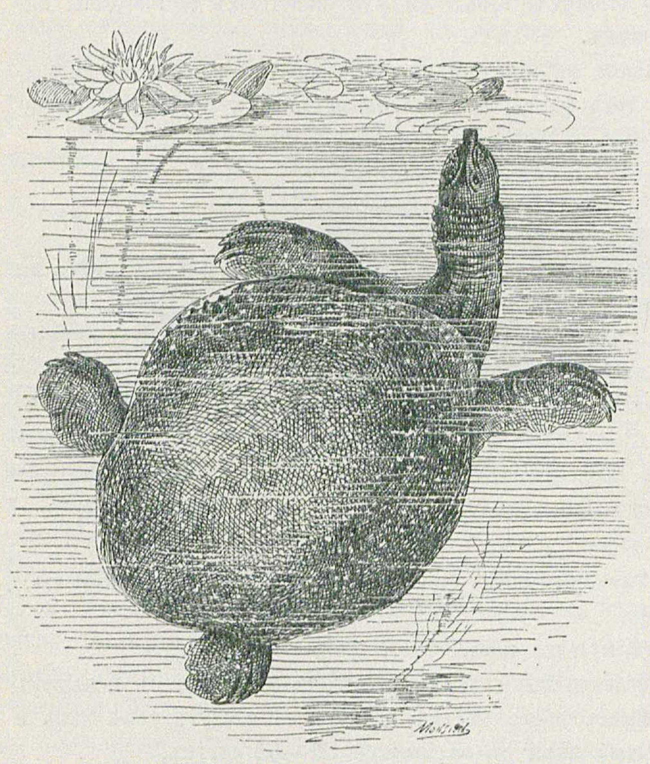


Рис. 157. **Trionyx ferox.**
Самый опасный представитель такъ называемыхъ мягкихъ черепахъ.

Но горе неосторожному, который очутится вблизи челюстей пойманнаго животнаго! Я однажды видѣлъ, какъ trionyx однимъ ударомъ своихъ челюстей отсѣкъ всѣ пальцы на ногѣ рыбака. Изъ предосторожности не мѣшаетъ всадить нѣсколько пуль въ черепаху, или отрубить ей голову ударомъ топора.

Монголы очень боятся trionyx'овъ, которые живутъ въ ихъ рѣкахъ; они хорошо знаютъ изъ личнаго опыта, насколько эти животныя злы и опасны и разсказываютъ о нихъ различныя легенды.

«Наши казаки,—говоритъ Пржевальскій:—совершенно отказывались купаться въ рѣкѣ Тагилѣ. Они приписывали trionyx'амъ различныя магическія свойства и ссылались на распространенное въ краѣ повѣрье, будто на задней части панцыря этихъ животныхъ выгравированы тибетскія буквы. Коренные жители этихъ странъ напугали нашихъ казаковъ, увѣряя ихъ, что страшная черепаха можетъ крѣпко присосаться въ тѣлу человѣка, причемъ пострадавшій перестаетъ узнавать дорогу, по которой онъ до сихъ поръ свободно двигался.

«Чтобы избавиться отъ этого несчастья, нужно прибѣгнуть къ помощи бѣлаго верблюда или бѣлой косули: когда эти животныя, увидя черепаху, начинаютъ кричать, послѣдняя оставляетъ свою жертву и навожденіе исчезаетъ.

«Было время, когда въ Тагилѣ не было tríопух'овъ. Эти ужасныя животныя внезапно появились тамъ; туземцы, удивленные и устрашенные, сначала не знали, что предпринять, а потомъ рѣшили обратиться къ начальнику сосѣдняго тибетскаго монастыря за совѣтомъ. Настоятель сообщилъ имъ, что черепаха, появившаяся въ этой мѣстности должна отнынѣ считаться повелительницей рѣки и занять мѣсто въ числѣ священныхъ животныхъ. Съ того времени каждый мѣсяцъ въ память этого причисленія къ священнымъ животнымъ совершаются богослуженія у источника рѣки Тагила».

Мясо мягкихъ черепахъ не употребляется въ пищу повсюду, но оно очень цѣнится тѣми, кто испробовалъ его вкусъ. Бакеръ говоритъ, что изъ этого мяса изготовляется превосходный супъ. Яица этихъ черепахъ не отличаются особенно хорошимъ вкусомъ.

*

Не менѣе причудливой кажется черепаха platysterna. Это животное эксцентрично въ истинномъ смыслѣ этого слова; особенно поражаетъ его голова своими размѣрами — она до того велика, что выходитъ за предѣлы панцыря и потому не покрыта имъ. Голова животнаго вдавлена, сплющена, точно ее кто-нибудь раздавилъ тяжелымъ камнемъ. Что касается хвоста, украшеннаго очень замѣтными черепицеобразными чешуйками, то величина его соотвѣтствуетъ величинѣ всего тѣла, которая составляетъ приблизительно 20 сантиметровъ.

Platysterna живетъ въ Сіамѣ и на югѣ Африки.

Чтобы покончить со всѣмъ тѣмъ, что касается болотныхъ черепахъ, остается еще описать видъ podocnemides, которые живутъ повсюду въ южной Америкѣ; благодаря имъ тамъ создался особый родъ производства — именно, изготовленіе масла изъ яицъ черепахъ. Александръ Гумбольдтъ въ свое время сообщилъ интересныя свѣдѣнія объ этомъ родѣ промышленности, которая какъ все, что относится къ черепахамъ—вымирающей группѣ животныхъ—съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаетъ.

«Около 11 часовъ поутру,—пишетъ онъ:—мы высадились, на островъ, расположенный посрединѣ рѣки Ориноко. Индѣйцы считаютъ своей собственностью этотъ островъ, который извѣстенъ тѣмъ, что на немъ охотятся за черепахами.

Тамъ живетъ болѣе трехсотъ индѣйцевъ въ хижинахъ, построенныхъ изъ пальмовыхъ листьевъ. Кромѣ гвіанцевъ и отомаковъ, мы встрѣчаемъ тамъ караибовъ и другихъ индѣйцевъ съ нижняго теченія Ориноко. Каждое племя живетъ особнякомъ, отличаясь другъ отъ друга цвѣтомъ и формой своей татуировки. Среди группъ индѣйцевъ находились также и бѣлые, главнымъ образомъ торговцы; они поднимались вверхъ по рѣкѣ, чтобы скупать у туземцевъ масло, добытое изъ черепашьихъ яицъ. Мы встрѣтили тамъ, между прочимъ, католическаго миссіонера; онъ разсказалъ намъ, что явился сюда за тѣмъ, чтобы достать себѣ масла для лампадки; главная же цѣль его пріѣзда заключалась въ томъ, чтобы водворить порядокъ среди туземцевъ, представляющихъ собою помѣсь индѣйцевъ и испанцевъ.

Въ сопровожденіи этого миссіонера и купца, утверждавшаго, будто онъ ве-

детъ съ туземцами торговлю въ теченіе десяти лѣтъ, мы объѣздили островъ, куда съѣзжаются, какъ у насъ на ярмарку.

Мы очутились на ровномъ песчаномъ мѣстѣ. Намъ сказали, что мы можемъ найти тамъ огромное количество яицъ. Миссіонеръ имѣлъ въ рукѣ длинный шестъ; онъ показалъ намъ, какъ нужно пользоваться имъ, чтобы добраться до того мѣста, гдѣ находятся яица черепахъ; онъ работалъ при этомъ какъ рудокопъ, который киркою откалываетъ куски мергеля, желѣза или каменнаго угля. Вонзивъ

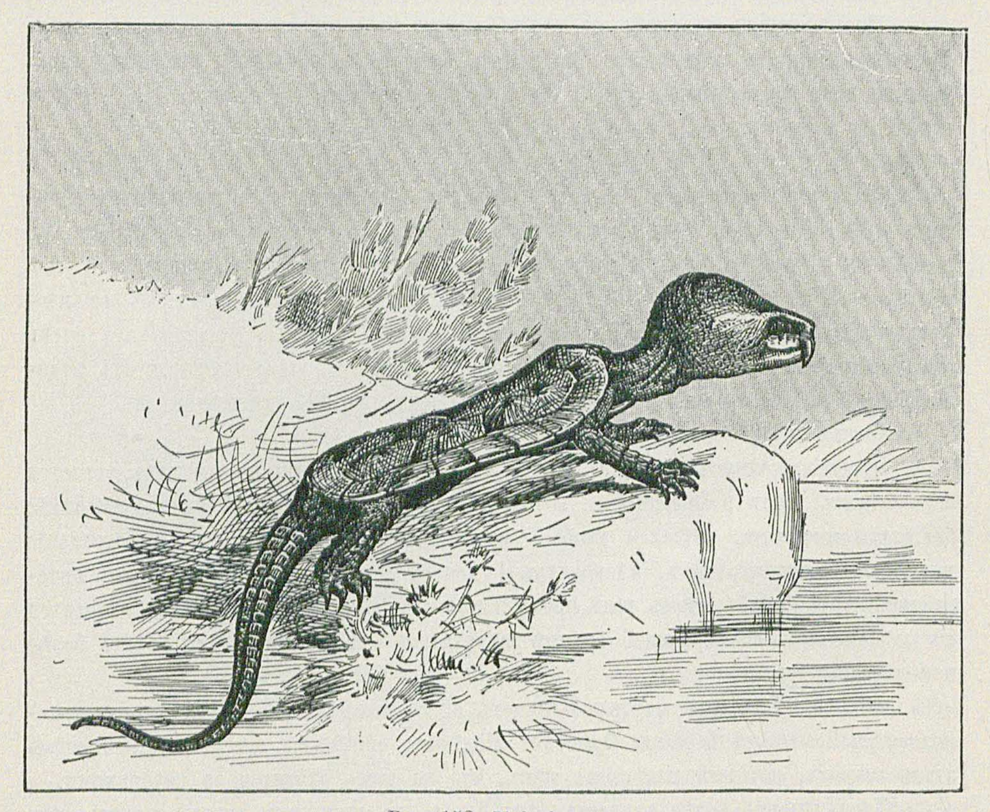


Рис. 158. **Platysterna.**
Отличительные признаки этой черепахи, живущей въ морскихъ странахъ,—сплюснутый и вдавленный внутрь панцырь и непомѣрно большая голова.

въ вертикальномъ направленіи шестъ въ землю, сначала чувствуешь, что сопротивленіе уменьшается, затѣмъ натыкаешься на пластъ земли, въ который заложены яица.

Этотъ пластъ занимаетъ пространство приблизительно въ 10 саженъ; шестъ, опущенный для изслѣдованія почвы, непремѣнно натыкается на этотъ пластъ.

Шесты для отыскиванія яицъ имѣютъ четырехугольную форму. Землю раздѣляютъ на участки и ихъ эксплуатируютъ, какъ это дѣлаютъ съ почвой, въ которой находятся залежи минераловъ. Эти пласты черепашьихъ яицъ встрѣча-

ются, однако, не на всемъ островѣ; они отсутствуютъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля образуетъ возвышенія; это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что черепахи не могутъ взбираться на эти небольшія возвышенія. Я передавалъ моимъ спутникамъ слова знакомаго священника, заявлявшаго, что на берегахъ Ориноко находится меньше песчинокъ, чѣмъ черепахъ въ рѣкѣ; если бы люди и тигры ежегодно не убивали ихъ въ значительномъ количествѣ, пароходы едва ли могли бы двигаться по рѣкѣ. Этотъ разсказъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался сильно преувеличеннымъ, что и подтвердилъ мнѣ купецъ.

Индѣйцы утверждали, что отъ устья Ориноко до сліянія ея съ Апуре, нѣтъ ни острова, ни берега, гдѣ можно было бы собрать въ достаточномъ количествѣ черепашьи яица. Мѣста, гдѣ почти всѣ черепахи Ориноко ежегодно собираются, простираются отъ сліянія Апуре съ Ориноко до большихъ пороговъ. Одинъ изъ видовъ черепахъ podocnemys expansa, повидимому, никогда не заходитъ далѣе этихъ послѣднихъ; съ другой стороны, насъ увѣряли, что выше Апуре и Майпуресъ находятся только черепахи, извѣстныя подъ названіемъ terekay.

Черепаха podocnemys извѣстна среди туземцевъ подъ названіемъ «аррау». Время, когда этотъ видъ черепахъ кладетъ яица, совпадаетъ съ низкимъ стояніемъ водъ. «Аррау» собираются въ многочисленныя общества съ января мѣсяца; когда мелкія рѣки начинаютъ высыхать, черепахи выходятъ изъ воды и грѣются на солнцѣ; въ февралѣ онѣ весь день остаются на берегу, а въ началѣ марта вмѣстѣ плывутъ къ островамъ, гдѣ по обыкновенію кладутъ свои яица.

По всей вѣроятности, черепахи ежегодно возвращаются къ одному и тому же мѣсту. За нѣсколько дней до кладки яицъ эти животныя останавливаются длинными рядами вблизи пустынныхъ острововъ; они вытягиваютъ шею, высовываютъ голову изъ воды, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли поблизости тигровъ или людей, которыхъ они такъ боятся. Индѣйцы очень заинтересованы въ томъ, чтобы черепахи не разбѣгались въ разныя стороны и для этого размѣщаютъ вдоль берега часовыхъ, которые не даютъ животнымъ разсѣяться и оберегаютъ ихъ покой, безъ котораго невозможна успѣшная кладка яицъ.

Черепахи обыкновенно кладутъ яица ночью; кладка никогда не начинается ранѣе заката солнца. При помощи своихъ заднихъ лапъ, снабженныхъ очень длинными и искривленными когтями, животное роетъ въ пескѣ ямку, шириной въ метръ и глубиной въ шестьдесятъ сантиметровъ и орошаетъ его мочей для того, чтобы, какъ увѣряютъ индѣйцы, сдѣлать песокъ менѣе рыхлымъ.

Эти черепахи иногда до того спѣшатъ снести свои яица, что нѣкоторыя изъ нихъ второпяхъ опускаютъ ихъ въ ямки, которыя другія вырыли и не успѣли еще засыпать землей; такимъ образомъ онѣ помѣщаютъ въ ней вторую серію яицъ непосредственно надъ первой.

По словамъ миссіонера, черепахи во время кладки нечаянно разбиваютъ по крайней мѣрѣ треть всего количества яицъ. Вокругъ гнѣзда черепахи насыпаютъ кучки кварцоваго песку и обломковъ раковинъ. Количество животныхъ, которое въ ночное время роетъ ямки на берегу, очень велико; нѣкоторыя изъ нихъ не успѣваютъ окончить гнѣздо до разсвѣта, и ихъ можно тогда еще застать за работой.

Завидѣвъ кого-нибудь на берегу, онѣ спѣшатъ освободиться отъ яицъ и тщательно закрыть ямки, чтобы никто не могъ до нихъ добраться. Эти запоздалыя черепахи вовсе не думаютъ объ опасности, которая имъ угрожаетъ: онѣ заканчиваютъ свою работу на глазахъ индѣйцевъ, которые чуть свѣтъ являются сюда.

Индѣйцы принимаются за поиски черепашьихъ яицъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля. Сборъ яицъ каждый разъ совершается по одному и тому же способу.

До появленія миссіонеровъ въ этой области, туземцы собирали въ умѣренномъ количествѣ то, что природа разбросала здѣсь въ изобиліи. Каждое племя откапывало яица на близъ лежащемъ берегу; при этомъ умышленно разбивали огромное количество яицъ, если не могли донести всей добычи домой.

Этотъ даръ природы эксплуатировался первобытнымъ способомъ, крайне неумѣло. Іезуитамъ принадлежитъ заслуга урегулированія добычи черепашьихъ яицъ. Они прежде всего возстали противъ того, что туземцы производили раскопки на всемъ берегу и предложили ограничиться однимъ какимъ-нибудь участкомъ, изъ опасенія, что черепахи, прогрессивно уменьшаясь количественно въ концѣ-концовъ окончательно вымрутъ. Въ настоящее время эксплуатируется все побережье и на предупрежденіе іезуитовъ совершенно не обращаютъ вниманія; полагаютъ, однако, что число черепашьихъ яицъ изъ года въ годъ убываетъ.

Явившись на островъ, миссіонеръ поручаетъ одному изъ туземцевъ раздѣлить всю площадь, гдѣ зарыты яица на извѣстные участки. Этотъ послѣдній съ помощью шеста опредѣляетъ прежде всего границы яиценосной площади, которая, согласно нашимъ измѣреніямъ, простиралась на разстояніи сорока метровъ отъ берега и имѣла въ глубину около одного метра.

Начальникъ намѣчаетъ участки, которые каждое племя должно разработать. Здѣсь сборомъ яицъ населеніе столь же заинтересовано, какъ и уборкой хлѣба. Пространство, шириной въ десять метровъ содержитъ столько яицъ, что изъ нихъ можно добыть около ста кувшиновъ масла, которые продаются за тысячу франковъ (около 400 руб.). Индѣйцы кладутъ яица въ маленькія корзины «mappiri»; затѣмъ они уносятъ ихъ въ свои палатки и погружаютъ ихъ въ большія деревянныя корыта, наполненныя водой и спустя нѣкоторое время принимаются раздавливать ихъ лопатами; послѣ этого они выставляютъ ихъ на солнце и оставляютъ тамъ до тѣхъ поръ, пока маслянистая часть (яичный желтокъ), которая всплываетъ на поверхность, не начнетъ густѣть.

Эту массу, такъ-называемое масло, туземцы собираютъ и подвергаютъ дѣйствію высокой температуры въ теченіе извѣстнаго времени; чѣмъ больше уварится эта масса, тѣмъ лучше она сохраняется.

Въ хорошемъ приготовленіи масло имѣетъ бѣлый цвѣтъ съ желтоватымъ оттѣнкомъ, и лишено всякаго запаха. Это масло употребляютъ не только какъ освѣтительный матеріалъ, но также и для кухни, такъ какъ оно не придаетъ кушаньямъ непріятнаго вкуса.

Однако, очень трудно достать черепашье масло совершенно чистое; чаще всего оно имѣетъ гнилостный запахъ; это происходитъ отъ того, что среди яицъ,

которыя служили для изготовленія масла, находились и такія, въ которыхъ уже начался процессъ эмбріональнаго развитія.

Берега Ориноко доставляютъ ежегодно тысячу кувшиновъ масла; кувшинъ стоитъ въ Ангостурѣ отъ двухъ до трехъ съ половиной піастровъ. Количество ежегодно добываемаго масла доходитъ до 5.000 кувшиновъ; для того, чтобы получить одну бутылку масла, требуется 200 яицъ; изъ 500 яицъ выжимается одинъ кувшинъ масла; если предположить, что каждая черепаха кладетъ отъ 100 до 116 яицъ и что третья часть этихъ яицъ разбивается во время кладки, то можно заключить, что для наполненія 3.000 кувшиновъ масломъ нужно собрать яйца отъ 30.300 черепахъ; число этихъ яицъ должно простираться приблизительно до 33 милліоновъ.

Во многихъ яйцахъ процессъ эмбріональнаго развитія заходитъ очень далеко уже до появленія туземцевъ, которые занимаются сборомъ ихъ. Мнѣ, напримѣръ, приходилось видѣть на берегу Ориноко массу молодыхъ черепахъ, которыя только-что вылупились изъ яицъ и съ трудомъ спасались отъ преслѣдованій дѣтей туземцевъ.

Молодыя черепахи днемъ разбиваютъ свою скорлупу; онѣ выходятъ, однако, изъ нея только ночью.

По словамъ индѣйцевъ, онѣ не переносятъ солнечнаго зноя. Туземцы хотѣли намъ показать, какъ маленькія черепахи тотчасъ же отыскиваютъ кратчайшій путь къ рѣкѣ, хотя бы ихъ отнести въ мѣшкѣ далеко отъ берега и опустить тамъ на землю, спиной къ водѣ. Я констатировалъ, что этотъ опытъ, о которомъ упоминалъ уже патеръ Сумилла, не всегда удается; мнѣ кажется, однако, что эти молодыя животныя, хотя бы они находились вдали отъ морского берега или на одномъ изъ острововъ, чувствуютъ, откуда несется сырой воздухъ. Если вспомнить, какое большое пространство занимаетъ площадь кладки яицъ и сколько тысячъ черепахъ погружается въ воду тотчасъ послѣ появленія на свѣтъ, нельзя допустить, что всѣ черепахи, которыя выкопали свои ямки въ одномъ и томъ же мѣстѣ, сумѣли бы отыскать своихъ дѣтенышей и отвести ихъ въ воды Ориноко, какъ это дѣлаютъ крокодилы. Какимъ образомъ отыскиваютъ молодыя черепахи воду? Сопровождаютъ ли ихъ туда старики, или онѣ сами находятъ дорогу?

«Аррау» безъ сомнѣнія, почти такъ же, какъ и крокодилъ, узнаетъ мѣсто, гдѣ она построила свою ямку; но такъ какъ она не рѣшается приблизиться къ берегу въ то время, когда индѣйцы раззоряютъ гнѣзда, то естественно, что ей очень трудно отличить своихъ дѣтенышей отъ чужихъ.

Отомаки утверждаютъ, что они видѣли самокъ-черепахъ въ періодѣ высокаго стоянія водъ въ сопровожденіи довольно значительнаго числа дѣтенышей; это были черепахи, которыя отдѣльно клали свои яйца на уединенномъ островѣ и которыя могли вернуться туда обратно. Самцы теперь рѣдко встрѣчаются среди аррау; съ трудомъ можно отыскать одного изъ нѣсколькихъ сотенъ черепахъ.

Сборъ яицъ и приготовленіе масла продолжаются три недѣли и только въ теченіе этого времени миссіонеры вступаютъ въ сношенія съ культурными людьми. Францисканцы, которые живутъ къ югу отъ пороговъ, присутствуютъ при сборѣ

яицъ не для того, чтобы запастись масломъ, а чтобы повидаться съ бѣлыми людьми. Торговцы масломъ наживаютъ 60—70%. Индѣйцы продаютъ имъ кувшинъ за 1 піастръ, расходы же по отправкѣ каждаго кувшина не превышаютъ пятой части піастра. Всѣ индѣйцы, уносятъ домой также массу высушенныхъ на солнцѣ или слегка сваренныхъ черепашьихъ яицъ. Наши гребцы всегда возили ихъ въ своихъ корзинахъ или мѣшкахъ. Такія яица—хорошо сохраненныя—имѣютъ недурной вкусъ.

* * *

Отличительный признакъ черепахъ, къ описанію которыхъ мы теперь приступаемъ, состоитъ прежде всего въ особомъ строеніи ихъ тѣла.

Вмѣсто болѣе или менѣе округленныхъ обрубковъ, которые изображали собою лапы у описанныхъ выше видовъ, мы видимъ здѣсь широкія пластинки, лишенныя ясно выраженныхъ пальцевъ; лапы у этихъ животныхъ, такимъ образомъ, превращены въ настоящіе плавники.

Далѣе, ихъ спинной щитъ не имѣетъ равномѣрно-округленной поверхности, какъ у сухопутныхъ черепахъ; онъ очень сплюснутъ, причемъ болѣе широкій конецъ его находится спереди, такъ что весь панцырь имѣетъ форму сердца. Этотъ панцырь, кромѣ того, сравнительно очень малъ,—ни члены животнаго, ни голова, спрятаться подъ нимъ не могутъ.

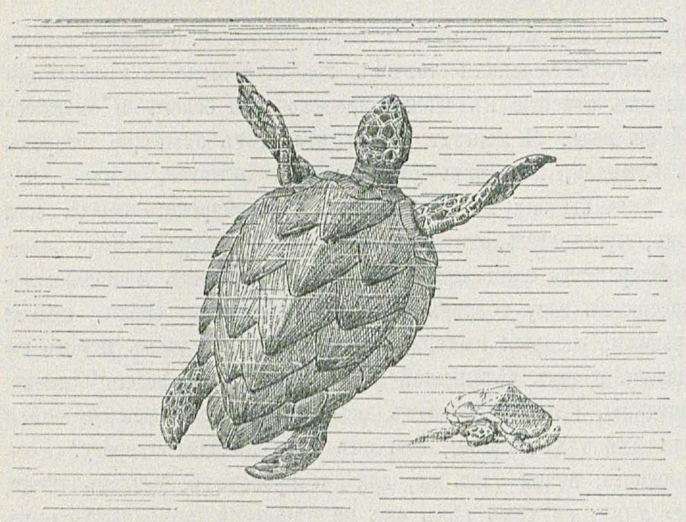


Рис. 159. **Морская черепаха, изъ панцыря которой выдѣлываются различныя вещи.**

Несмотря на то, что описываемыя черепахи живутъ постоянно въ водѣ, онѣ дышатъ только атмосфернымъ воздухомъ—и поэтому принуждены отъ времени до времени показываться на поверхности воды, чтобы запастись необходимымъ количествомъ кислорода.

Когда этотъ запасъ добытъ, животныя снова скрываются подъ водою: отверстія ноздрей у нихъ снабжены клапаномъ, который плотно закрывается, такъ что вода не можетъ проникнуть въ легкія.

Голова въ височной области имѣетъ почти четырехугольную форму. Челюсти, очень сильныя и твердыя, снабжены крѣпкими мышцами и изогнутымъ спереди роговиднымъ придаткомъ, имѣющимъ нѣкоторое сходство съ клювомъ хищ-

ной птицы. Пища состоитъ главнымъ образомъ изъ морскихъ растеній, а также изъ разнообразныхъ моллюсковъ.

Морскія черепахи, которыя плаваютъ иногда многочисленными группами, живутъ въ открытомъ морѣ; на берегъ онѣ выходятъ только для кладки яицъ. Ихъ встрѣчаютъ иногда на разстояніи нѣсколькихъ сотъ километровъ отъ материка. Эти животныя плаваютъ необыкновенно быстро, держась почти на самой поверхности воды; при малѣйшей тревогѣ онѣ ныряютъ вглубь, но разъ пойманныя, онѣ оказываютъ очень слабое сопротивленіе и скоро покоряются своей участи.

Когда наступаетъ время кладки яицъ, морскія черепахи въ большомъ количествѣ приближаются къ берегу, — обыкновенно къ какому-нибудь маленькому необитаемому острову. Самцы остаются въ водѣ; выходятъ на сушу однѣ самки, которыя, найдя подходящее мѣсто, роютъ задними лапами ямки, куда и кладутъ свои яица.

Интересно отмѣтить, что въ продолженіе періода кладки яицъ черепахи, прежде такія боязливыя и недовѣрчивыя, становятся очень храбрыми и хладнокровными. Принцъ Видъ, имѣвшій случай наблюдать однажды процессъ кладки яицъ, говоритъ, что присутствіе людей нисколько не страшитъ самокъ— ихъ можно толкать, подымать на воздухъ, кричать вблизи нихъ,—черепахи при этомъ не обнаруживаютъ никакихъ непріязненныхъ чувствъ.

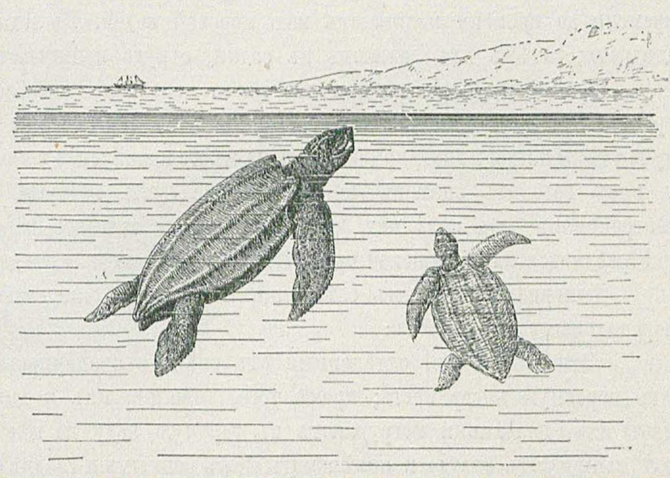


Рис. 160. **Особый видъ морскихъ черепахъ.**
Съ большими лапами—плавниками.

Самки, покрывъ пескомъ яица, опущенныя въ вырытыя ими углубленія, возвращаются въ открытое море.

Тропическое солнце способствуетъ скорому развитію зародышей. Едва вылупившись изъ яица, молодыя черепахи, движимыя тѣмъ же инстинктомъ, который заставляетъ новорожденныхъ утятъ искать воды, тотчасъ отправляются въ море, гдѣ многія изъ нихъ являются жертвами рыбъ и хищныхъ птицъ; панцырь юныхъ черепахъ еще очень мягокъ для того, чтобы служить имъ достаточной защитой.

Охота за морскими черепахами очень прибыльна.

Обитатели тропическаго пояса ловятъ этихъ животныхъ, чтобы воспользоваться ихъ мясомъ и панцыремъ, и для этой цѣли отправляются изрѣдка на лод-

кахъ въ море; тутъ они пускаютъ въ ходъ либо сѣти съ широкими петлями, либо гарпуны, которые бросаютъ въ животныхъ въ тотъ моментъ, когда они показываются на поверхности воды, чтобы подышать воздухомъ.

Чаще всего, однако, туземцы охотятся за черепахами на сушѣ, выбирая для этого то время, когда самки выходятъ на берегъ для кладки яицъ. Это время, а также мѣста, которыя избираются обыкновенно животными для этой цѣли, хорошо извѣстны мѣстнымъ жителямъ.

Охотники прячутся за выступами скалъ; замѣтивъ, что черепахи, показавшiяся на сушѣ, удалились на довольно значительное разстоянiе отъ береговой полосы, они выходятъ изъ засады и прежде всего стараются поскорѣе опрокинуть черепахъ навзничь съ помощью шестовъ.

Животное, лежащее на спинѣ, напрасно болтаетъ въ воздухѣ своими лапами: находясь въ этомъ положенiи, оно становится безпомощнымъ и спастись не можетъ. На слѣдующiй день черепахъ кладутъ въ лодки брюхомъ вверхъ, причемъ отъ времени до времени поливаютъ ихъ морской водой. Въ лодкахъ онѣ остаются дней двадцать; затѣмъ ихъ сажаютъ въ садки, откуда вынимаютъ по мѣрѣ надобности.

Въ Европу перевозятъ очень много черепахъ; онѣ лежатъ въ пароходныхъ трюмахъ на спинѣ, и несмотря на то, что въ продолженiе всего переѣзда не получаютъ никакой пищи, прибываютъ на мѣсто назначенiя живыми. Изъ мяса черепахъ у насъ готовятъ знаменитые черепаховые супы, которые такъ высоко цѣнятся гастрономами; изъ сала ихъ добываютъ особое жировое вещество, которое частью употребляется какъ пищевой продуктъ, частью примѣняется для техническихъ цѣлей.

Дюмериль и Бибронъ слѣдующимъ образомъ описываютъ способъ обработки черепаховыхъ пластинокъ:

«Эти пластинки, отдѣленныя отъ свѣже-отпрепарированнаго панцыря, имѣютъ неровную поверхность; кромѣ того, толщина ихъ неодинакова. Чтобы выпрямить ихъ, пластинки погружаютъ въ горячую воду на нѣсколько минутъ, затѣмъ, ихъ вынимаютъ оттуда и помѣщаютъ межъ ровныхъ и гладкихъ стѣнокъ металлическаго или деревяннаго пресса, который ихъ сплющиваетъ и выравниваетъ.

«Послѣ этого черепаховыя пластинки тщательно обстругиваютъ маленькимъ рубанкомъ, стараясь дѣйствовать имъ такимъ образомъ, чтобы потерять какъ можно меньше дорогого матерiала.

«Пластинки, отшлифованныя и выровненныя, могутъ быть уже употреблены въ дѣло, но большею частью ихъ подвергаютъ еще спецiальной обработкѣ: пластинки, которыя вышли очень тонкими или которыя не имѣютъ достаточной длины и ширины, спаиваются попарно такимъ образомъ, что тонкiя части одной соотвѣтствуютъ толстымъ частямъ другой, и наоборотъ. Для этого ихъ опускаютъ въ кипящую воду и подвергаютъ дѣйствiю маленькаго пресса; пластинки спаиваются такъ хорошо, что ни малѣйшихъ слѣдовъ искусственнаго соединенiя замѣтить невозможно.

«Подъ влiянiемъ горячей воды вещество черепаховыхъ пластинокъ размягчается, — оно превращается въ мягкую, гибкую массу, которой можно придать какую угодно форму».

На спинномъ щитѣ морскихъ черепахъ нашли себѣ пріютъ многіе паразиты—моллюски и ракообразныя, которыхъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ найти нельзя.

Нѣкоторыя морскія черепахи, какъ, напримѣръ, черепаха-лира, имѣютъ сплошной панцырь: никакихъ черепицеобразныхъ чешуекъ на немъ не замѣчается.

* * *

Не однѣ только черепахи носятъ свой домикъ на своей спинѣ: то же самое дѣлаютъ многія брюхоногія; эти послѣднія часто бываютъ снабжены раковиной, иногда очень обширной и тяжелой, которая имѣетъ своимъ назначеніемъ защищать животное въ минуты опасности.

Наиболѣе извѣстныя брюхоногія — обладающія твердымъ защитительнымъ покровомъ—это обыкновенныя улитки. Дѣти, какъ извѣстно, очень любятъ наблю-

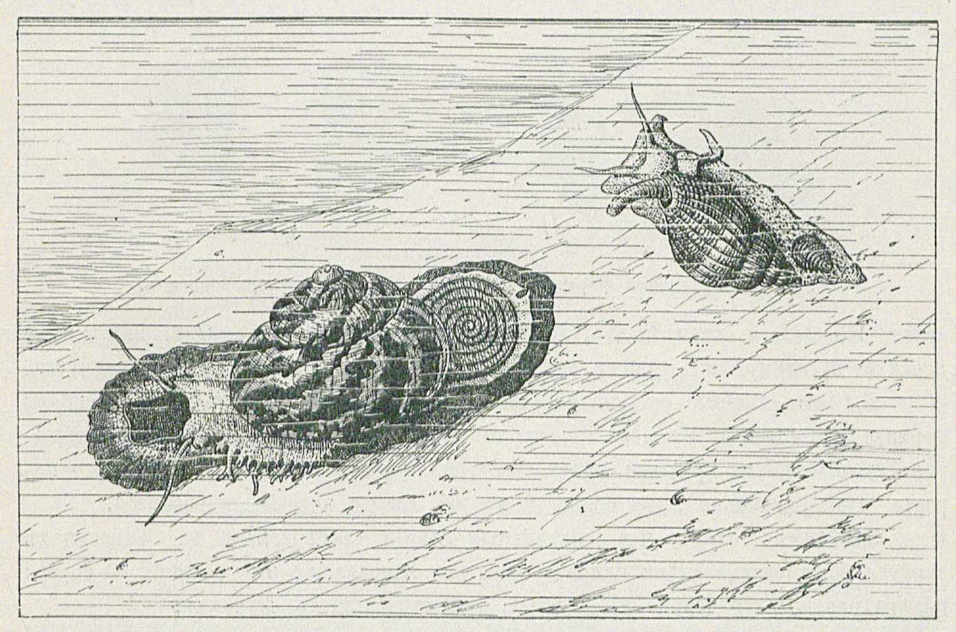


Рис. 161. **Ползающія на днѣ моря брюхоногія, имѣющія на хвостѣ крышку.**

дать, какъ онѣ сокращаютъ свое тѣло, чтобы укрыться въ раковину. Отверстіе этой раковины остается въ обыкновенное время открытымъ, но зимою, когда животныя погружаются въ спячку, зарывшись въ пескѣ, оно ограждаетъ себя отъ нападенія маленькихъ животныхъ известковой пластинкой, которая, точно пробка, плотно закупориваетъ отверстіе раковины.

Другія брюхоногія, главнымъ образомъ морскіе виды (см. рис. 161), тащутъ на себѣ не только свой домикъ, но и дверь, которая закрываетъ входъ въ него. Извѣстно, что эти животныя ползаютъ на брюхѣ при помощи толстой мускулистой пластинки, такъ-называемой ноги, которая продолжается кзади, представляя собою что-то въ родѣ хвоста. На ея спинной части находится крышка, назначеніе которой нельзя понять, если наблюдать животное въ то время, когда оно ползетъ. Но если потревожить его, то сейчасъ же можно видѣть, какую роль

играетъ крышка: испуганное животное начинаетъ изгибаться и извиваться на разные лады и входить въ свою раковину, причемъ ея отверстіе захлопывается крышкой.

Благодаря такому остроумному устройству, животное оказывается защищеннымъ со всѣхъ сторонъ.

Крышка (рис. 162) представляетъ собою часто либо роговую пластинку

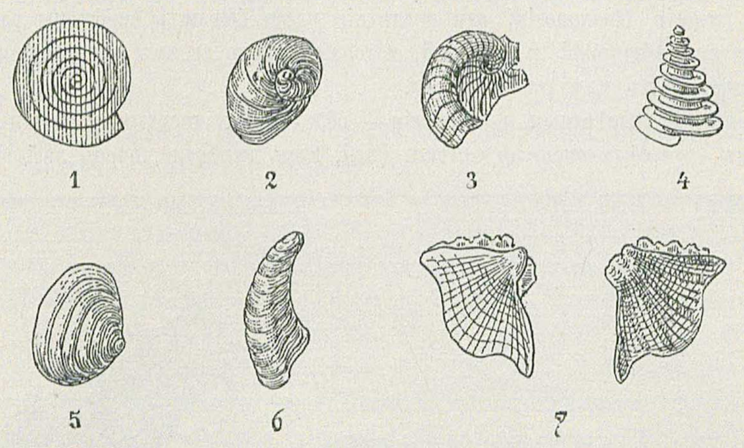


Рис. 162. **Различной формы крышки, встрѣчающіяся у брюхоногихъ.**

такого же состава, какъ поготь, либо толстый известковый кружокъ, похожій на плоскую пуговицу, либо разныя кремнистыя завитушки причудливыхъ рисунковъ.

Мы не станемъ останавливаться на тѣхъ необыкновенно разнообразныхъ формахъ, которыми отличаются нѣкоторые виды раковинъ: стоитъ зайти въ магазинъ какого-нибудь продавца «рѣдкостей», въ окрестностяхъ любого морского курорта, чтобы узнать о нихъ болѣе, чѣмъ изъ самаго подробнаго описанія.

Замѣтимъ только, что спиральныя линіи, замѣчаемыя на раковинахъ тянутся обыкновенно слѣва направо; обратное направленіе этихъ линій — справа налѣво наблюдается только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ.

* * *

Двустворчатыя раковины нѣкоторыхъ безголовыхъ моллюсковъ могутъ быть также разсматриваемы, какъ домики, куда они запираются, когда имъ заблагоразсудится.

Мы здѣсь, конечно, не имѣемъ въ виду устрицъ, которыя, какъ извѣстно, неподвижно прикрѣплены къ своимъ створкамъ. Но, существуетъ, однако, не мало такъ называемыхъ свободныхъ моллюсковъ, которые тянутъ за собою свою раковину, какъ, напримѣръ, большія ракушки св. Жака, хорошо знакомыя всѣмъ гастрономамъ: животное довольно быстро движется назадъ въ водѣ, поспѣшно раскрывая и захлопывая свои обѣ створки. Къ этой же группѣ животныхъ относятся: лима (изъ семейства гребневиковъ), которая приводя въ быстрое движеніе свои створки, летаетъ въ водѣ, какъ бабочка по воздуху; затѣмъ *венера*, круглая раковина съ тремя расходящимися зубьями съ каждой стороны, которая пользуясь своей мускулистой ногой, ползетъ по илу съ такой же легкостью, какъ

червь. Съѣдобная ракушка двигается очень медленно, разбивая роговидныя нити, прикрѣпляющія ее къ створкамъ, и тотчасъ же выпускаетъ изъ себя новыя на смѣну старымъ. Двустворчатые домики очень полезны этимъ животнымъ, такъ какъ даютъ имъ возможность укрываться отъ враговъ.

* * *

Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что въ классѣ животныхъ, совершенно непохожихъ на моллюсковъ, именно въ классѣ ракообразныхъ, встрѣчаются виды, которые обладаютъ органами, аналогичными двустворчатой раковинѣ. Циприды, напримѣръ, имѣютъ обширный панцырь, облегающій ихъ тѣло со всѣхъ сторонъ. Панцырь устроенъ, какъ двустворчатая раковина. Когда животное чѣмъ-нибудь напугано, оно поджимаетъ свои ножки подъ брюхо и захлопываетъ послѣдовательно одну за другой обѣ половинки своего панцыря и такимъ образомъ окружаетъ себя очень прозрачной стѣной, сквозь которую можно видѣть глаза и двигательные придатки животнаго.

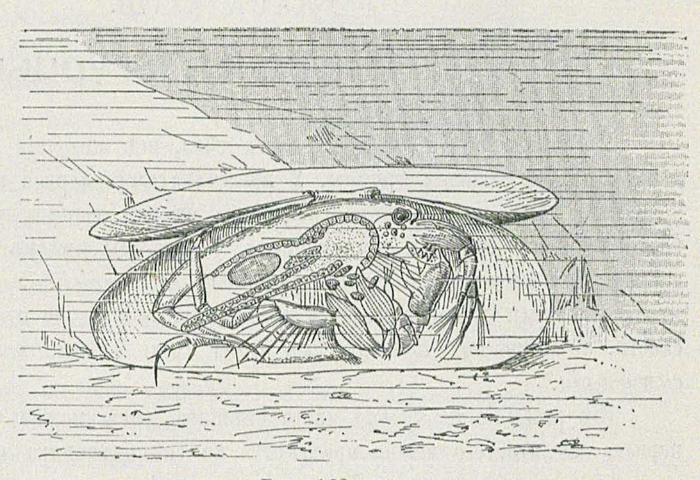


Рис. 163. **Циприда.**
Ракообразное, панцырь котораго имѣетъ видъ настоящей раковины съ двумя створками.

* * *

Животныя, о которыхъ мы говорили въ этой главѣ, получили свои защитительные органы отъ природы; въ созданіи этихъ органовъ они сами не принимали никакого участія. Нѣкоторыя животныя, къ которымъ природа не была такъ милостива и благожелательна, стараются сами пріобрѣсти то, въ чемъ имъ было отказано, и для этой цѣли прибѣгаютъ къ помощи постороннихъ предметовъ, устраивая себѣ нѣчто въ родѣ скорлупы или оболочки, которая такъ или иначе защищаетъ ихъ по крайней мѣрѣ во время ихъ странствованій и въ которыя они торопятся войти, лишь только подвергнутся нападенію своихъ враговъ.

Вотъ нѣкоторые примѣры: гусеница-психея (изъ подотряда шелкопрядовъ) устраиваетъ себѣ подвижное жилище при помощи сложенныхъ вмѣстѣ соломинокъ; моль, какъ извѣстно, ищетъ себѣ убѣжище въ нашихъ платьяхъ, а фриганиды (насѣкомыя изъ отряда пухокрылыхъ) возводятъ настоящія крѣпости, пользуясь какъ строительнымъ матеріаломъ—землей, пескомъ, гравіемъ и разными обломками.

ГЛАВА XXVIII.

Движущіеся огурцы.

Съ точки зрѣнія симметричности тѣла, всѣ живущія существа можно раздѣлить на двѣ большія группы. У представителей первой группы, напримѣръ, у человѣка, тѣло можетъ быть раздѣлено на двѣ совершенно одинаковыя части вертикальнымъ сѣченіемъ; въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такъ-называемой *билатеральной (двусторонней) симметріей*. У животныхъ, напр., у морской звѣзды, тѣло оказывается симметричнымъ не по отношенію ко всей плоскости, а лишь по отношенію къ одной средней оси: это примѣръ *лучистой симметріи*.

Это различіе не только чисто внѣшнее, какъ можно было бы подумать съ перваго взгляда: его можно прослѣдить на всѣхъ тканяхъ и органахъ тѣла; оно какъ бы составляетъ основной принципъ строенія организма.

Этотъ выводъ, къ которому приходишь поневолѣ, имѣетъ большой интересъ: опираясь на него, можно утверждать, что всякое уклоненіе отъ первой или второй типической симметріи есть явленіе *второстепенное*, обусловленное, по всей вѣроятности, вліяніемъ среды. Существуютъ животныя, извѣстныя подъ названіемъ «огурцовъ»; ихъ можно видѣть на морскомъ берегу во время отлива — они медленно ползаютъ по камнямъ, на-половину залитымъ водою. Это — голотуріи, принадлежащія къ группѣ иглокожихъ. Во всю длину ихъ тѣла тянутся пять полосъ, усѣянныхъ присосками, съ помощью которыхъ животное перемѣщается. Впереди виднѣются жабры, имѣющія форму красиваго султана. Все тѣло имѣетъ видъ продолговатаго валика, окруженнаго щупальцами, простыми или вѣтвистыми, и снабженнаго спереди ртомъ, а сзади—заднепроходнымъ отверстіемъ.

Вдоль всего валика тянутся въ рядъ пять совершенно одинаковыхъ полосъ, состоящихъ изъ своего рода хоботковъ, съ помощью которыхъ животное передвигается. Лучистая симметрія въ строеніи видна здѣсь очень ясно — животное можетъ перемѣщаться какой угодно стороной своего тѣла.

Нѣкоторыя голотуріи живутъ постоянно на днѣ моря, и совсѣмъ не двигаются съ мѣста, чтобы поискать себѣ пищу. Ихъ тѣло, изогнутое въ видѣ буквы U, отличается большой толщиной въ средней части; по краямъ возвышаются сравнительно тонкія и узкія трубочки, концы которыхъ высовываются на поверхность илистаго дна. Такимъ свойствомъ отличается hypsilothuria attenuata (рис. 164);

это животное было впервые открыто М. Перрье на глубинѣ 800 метровъ. Въ строеніи его тѣла замѣчается сліяніе обѣихъ типическихъ формъ симметріи— билатеральной и лучистой.

Двусторонней симметріей отличается также rhopalodina hertеli: это животное по своей формѣ напоминаетъ бутылку, горлышко которой, направленное вверхъ, имѣетъ два отверстія (рис. 165).

Въ этихъ двухъ случаяхъ двусторонняя симметричность обусловлена сидячимъ образомъ жизни, который ведутъ эти животныя. Она замѣчается, впрочемъ, и у тѣхъ обитателей морского дна, которые отличаются бо́льшей подвижностью, чѣмъ обыкновенныя голотуріи. Вотъ для примѣра psolus squamatusy у этого животнаго, передвигающагося съ извѣстной быстротою, одна изъ наружныхъ поверхностей тѣла нѣсколько сплющена, а ротъ, и окружающія его щупальца находятся на спинѣ (рис. 166).

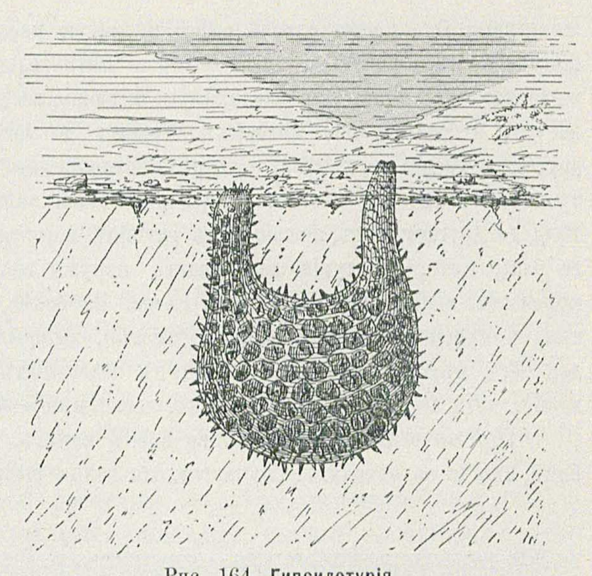


Рис. 164. **Гипсилотурія.**
Голоторія прячетъ въ илѣ свое тѣло, изогнутое въ видѣ буквы U, выставляя наружу лишь ротовое отверстіе.

У георизіи, подобранной капитаномъ фрегата Немтелемъ въ Мозамбиксомъ каналѣ на глубинѣ 25 метровъ, тѣло еще болѣе сплющено; на немъ ясно можно различить три части: 1) голову, 2) туловище съ брюшкомъ, на которомъ животное ползаетъ, 3) довольно ясно очерченный хвостъ.

Въ теплыхъ моряхъ часто встрѣчается съѣдобная голотурія, извѣстная подъ названіемъ «трепанга». Вотъ что разсказываетъ Викторъ Менье объ этомъ животномъ:

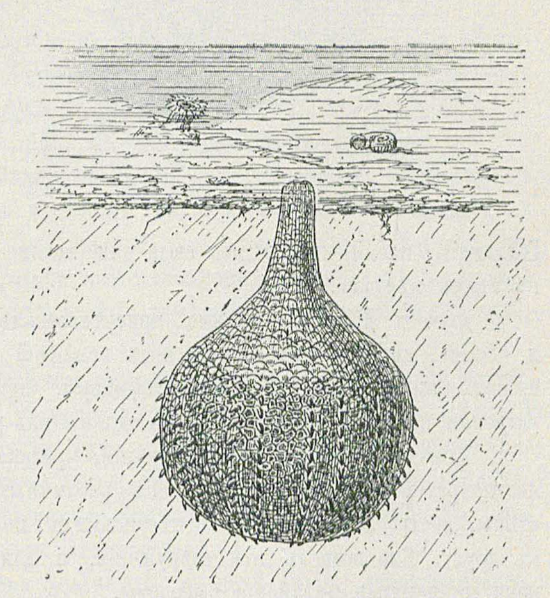


Рис. 165. **Rhopalodina, видъ голотуріи, имѣющей форму бутылки.**

«Его обыкновенно называютъ корнишономъ или морскимъ огурцомъ; это названіе очень удачное, такъ какъ вѣрно опредѣляетъ внѣшній обликъ этого

животнаго. Оно представляетъ собою мясистую массу, которая имѣетъ форму либо цилиндра, либо веретена, либо палицы, пятиугольной призмы и т. д. Величина животнаго различна: есть экземпляры, имѣющіе въ длину нѣсколько сантиметровъ, но есть и такіе, длина которыхъ доходитъ до метра. У однихъ кожа мягка, у другихъ—тверда и жестка; у однихъ видовъ она прозрачна и гладка, у другихъ тускла и очень шероховата. Пищеварительный каналъ тянется отъ одного конца тѣла до другого; ротъ, лежащій въ глубинѣ воронки, окруженъ придатками. Если ее раздражать, голотурія выпускаетъ наружу всѣ свои внутренности, и спустя нѣкоторое время подбираетъ ихъ снова. На болѣе или менѣе большомъ участкѣ тѣла помѣщаются сократительные хоботки, которыми животное пользуется отчасти для того, чтобы цѣпляться за выступъ подводныхъ скалъ, отчасти для передвиженія, хотя голотурія, какъ и змѣя, можетъ перемѣщаться, ползая на брюхѣ».

Это животное встрѣчается во всѣхъ моряхъ, иногда на очень большой глубинѣ, иногда на отмеляхъ. Случается, что волны выбрасываютъ трепанговъ прямо на берегъ, но это бываетъ очень рѣдко, такъ что за ними приходится отправляться въ море.

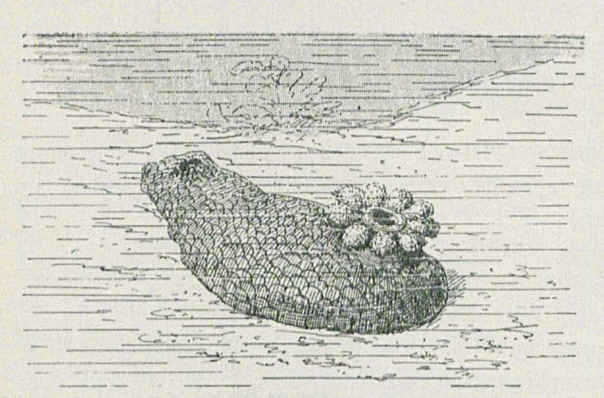


Рис. 166. **Голотурія psolus.**

Голотурія считается весьма лакомымъ блюдомъ въ Италіи, въ особенности же въ Китаѣ. Къ виду голотурій относится также знаменитый трепангъ, который потребляется въ огромномъ количествѣ въ Небесной Имперіи. Говорятъ, что когда европейцы открыли Новую Голландію, малайцы являлись сюда для ловли голотурій, которыхъ такъ много въ этихъ мѣстахъ.

Дюмонъ Д'Ирвилль лично присутствовалъ на подобной ловлѣ. «Astrolobe» и «Zelie», которые находились подъ командой этого знаменитаго изслѣдователя, бросили якорь въ бухтѣ Рафль; офицеры, принимавшіе участіе въ экспедиціи, устроили наблюдательный постъ на одномъ изъ расположенныхъ вблизи островковъ.

«Во время моихъ странствованій,—разсказываетъ Дюмонъ Д'Ирвилль:—мнѣ неоднократно случалось видѣть въ различныхъ мѣстахъ маленькія каменныя стѣны, построенныя въ формѣ нѣсколькихъ полукруговъ, примыкающихъ другъ къ другу. Кто возвелъ эти сооруженія, и для какой надобности, я не зналъ, пока не явились малайскіе рыболовы.

«Четыре небольшихъ судна, такъ-называемымъ «прао», плавающія подъ голландскимъ флагомъ, вошли въ бухту и остановились на разстояніи одной мили отъ нашего наблюдательнаго пункта. Вскорѣ малайцы, прибывшіе на этихъ судахъ, снесли на берегъ нѣсколько большихъ чугунныхъ котловъ, діамет-

ромъ въ 1 метръ, и поставили ихъ на полукруглыя стѣны, о которыхъ я упоминалъ выше: эти стѣны, очевидно, представляли собою родъ очаговъ или печей. Вблизи нихъ малайцы возвели бамбуковые навѣсы. Навѣсъ дѣлался изъ четырехъ вбитыхъ въ землю шестовъ, съ небольшой настилкой вмѣсто крыши, гдѣ подвѣшивались корзины-плетенки, въ которыхъ трепанги подвергались сушкѣ.

«Судохозяева, замѣтивъ французскихъ моряковъ, не замедлили явиться, чтобы поздороваться съ ними.

«Они мнѣ сообщили, что выѣхавъ изъ Манассары въ концѣ октября, когда начинаетъ дуть западный муссонъ, они отправились въ Новую Голландію, чтобы ловить трепанговъ вдоль ея побережья; отсюда они двинулись къ острову Мельвиллю, затѣмъ къ заливу Карпентарія, и теперь явились сюда. На обратномъ пути они посѣтятъ всѣ бухты, гдѣ можно надѣяться найти добычу и такимъ образомъ увеличить свой уловъ».

Малайскіе рыбаки энергично принялись за работу; выбранный ими уголокъ бухты скоро преобразился, принялъ необычный видъ, который не замедлилъ привлечь вниманіе дикарей, населяющихъ восточную часть Гваделупы—Grande Terre.

«Туземцы стали появляться со всѣхъ сторонъ; нѣкоторые добирались до островка, гдѣ мы расположились, вплавь, другіе, болѣе терпѣливые, перешли вбродъ небольшой и мѣстами весьма неглубокій проливъ, отдѣляющій этотъ островокъ отъ Grande Terre; я замѣтилъ только одну пирогу, сдѣланную изъ древесной коры; на ней прибыли три туземца.

«Когда наступилъ вечеръ, малайцы окончили свою работу; всѣ они, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, оставленныхъ на берегу для охраны находящихся тамъ вещей, отправились на свои суда».

Дюмонъ Д'Ирвилль, осмотрѣвъ одно изъ нихъ, сообщаетъ слѣдующее:

«Подводная часть судна сдѣлана очень прочно, наружный видъ его не лишенъ изящества, но въ верхнемъ отдѣленіи царилъ большой безпорядокъ: на палубѣ, сдѣланной изъ бамбуковыхъ тростей, въ маленькихъ каютахъ, похожихъ на курятникъ, было разбросано много пакетовъ, ящиковъ, мѣшковъ, наполненныхъ рисомъ и т. д. Внизу находились помѣщенія для матросовъ и складочное мѣсто для трепанга.

«Суда типа «прао»—всѣ парусныя; они имѣютъ двѣ не оснащенныя мачты, которыя укрѣплены на шарнирахъ и, поэтому, по желанію могутъ быть сложены на палубу; якоря—деревянные; желѣзо, какъ строительный матеріалъ, рѣдко употребляется малайцами не только въ судостроеніи, но и вообще при постройкахъ. Канаты сдѣланы изъ индѣйскаго тростника. Экипажъ состоитъ изъ 30—35 человѣкъ; на каждомъ суднѣ находится по шести лодокъ.

«На слѣдующій день эти лодки разсѣялись по всей бухтѣ: ловля началась. Хорошій рыбакъ долженъ умѣть прежде всего прекрасно плавать и нырять; кромѣ того, онъ долженъ обладать отличнымъ зрѣніемъ, чтобы легко видѣть голотуріи, ползающихъ по дну. Въ воду бросались всѣ малайцы за исключеніемъ судохозяевъ, остававшихся въ своихъ лодкахъ.

«Былъ полдень—время, наиболѣе благопріятное для ловли трепанговъ: чѣмъ выше солнце стоитъ надъ горизонтомъ, тѣмъ легче пловцамъ разсмотрѣть добычу. Палящій зной нисколько не безпокоилъ малайцевъ, которые очень усердно занимались своимъ дѣломъ. Каждый изъ нихъ, показываясь на поверхность воды, держалъ въ рукахъ одного или двухъ трепанговъ, и бросивъ ихъ въ лодку, снова исчезалъ подъ водою. Лодка, нагруженная добычей, отправлялась къ берегу, а ея мѣсто занимала другая».

Трепанги, прежде чѣмъ попасть въ трюмъ судна, подвергаются слѣдующей обработкѣ: прежде всего ихъ бросаютъ живыми еще въ котелъ съ кипящей морской водой, которую часто помѣшиваютъ деревяннымъ шестомъ. По прошествіи двухъ минутъ трепанговъ вынимаютъ изъ котла: человѣкъ, вооруженный широкимъ ножомъ, вскрываетъ ихъ и вынимаетъ внутренности; затѣмъ они препровождаются въ другой котелъ, содержащій очень незначительное количество воды и немного мимозной коры. Когда разводятъ огонь подъ котломъ, онъ вскорѣ наполняется дымомъ, потому что мимозная кора начинаетъ пригорать: эта операція, очевидно имѣетъ цѣлью лучшее консервированіе трепанговъ: прокопченные въ дыму тлѣющей мимозной корки, они дольше сохраняются. Подвергшись процессу копченія, голотуріи укладываются въ плетенки, находящіяся подъ навѣсами, сушатся тамъ на солнцѣ въ теченіе нѣкотораго времени и затѣмъ препровождаются на суда.

Въ два часа дня ловля была прекращена: пловцы, которые занимались ею, вышли на берегъ и тотчасъ окружили палатку французскаго путешественника. Хозяинъ судна, которое онъ посѣтилъ наканунѣ, предложилъ ему цѣлую корзину трепанговъ. Дюмонъ Д'Ирвилль попробовалъ это блюдо, нашелъ, что оно по своему вкусу напоминаетъ омара, но видъ животнаго внушалъ ему такое отвращеніе, что ѣсть его онъ не могъ. 135 фунтовъ трепанга продавались тогда на китайскихъ рынкахъ за 32 франка; судовладѣлецъ, съ которымъ познакомился Д'Ирвиль, оцѣнивалъ свой уловъ, на который потратилъ три мѣсяца, въ 3.000 франковъ (около 900 рублей).

Къ четыремъ часамъ малайцы окончили всѣ свои работы по препарированію трепанговъ. Тогда навѣсы были разобраны, и вся добыча, а также всѣ снаряды, шесты, плетенки, котлы и т. д. были снесены на бортъ. Въ 8 часовъ вечера были подняты паруса и маленькія суда оставили бухту.

Голотуріи, которыя водятся на европейскомъ побережьи, не имѣютъ никакой цѣнности съ гастрономической точки зрѣнія.

ГЛАВА XXIX.

Стоустыя животныя.

Губки, находящіяся въ продажѣ, состоятъ изъ пористой очень упругой ткани, которая легко сжимается и тотчасъ возвращается къ своему первоначальному состоянію, лишь только прекращается производимое на нее давленіе. Эта ткань, какъ извѣстно, жадно поглощаетъ воду, которую и удерживаетъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Губки, поэтому, употребляются для двухъ противоположныхъ цѣлей: съ одной стороны для того, чтобы осушать предметы влажные, съ другой—чтобы увлажнять сухіе.

Несмотря на свою тонину и гибкость, ткань губки, благодаря своей роговой консистенціи, отличается замѣчательной прочностью. Ткань эта испещрена безчисленными каналами; нѣкоторые изъ этихъ каналовъ такъ велики, что въ нихъ свободно можно вложить палецъ, другіе наоборотъ, такъ малы, что разглядѣть ихъ можно только съ помощью лупы.

Всѣ эти каналы сообщаются между собою; они оканчиваются на поверхности губки отверстіями, которыя обыкновенно имѣютъ круглую форму.

Различаются два рода отверстій: очень крупныя, величиною съ 10-ти или 20-ти копеечную монету, которыя называются выводными (oscula) и очень маленькія, которыя носятъ названіе дыхательныхъ поръ.

Тѣло губки состоитъ изъ амебоидныхъ, подвижныхъ желатинозной—консистенціи клѣтокъ, прикрѣпленныхъ къ такъ-называемому скелету, который составленъ изъ роговыхъ, кремнеземныхъ или известковыхъ иглъ. Практическое значеніе имѣетъ только скелетъ губки; поэтому, губка, прежде чѣмъ поступить въ продажу, должна подвергнуться извѣстной обработкѣ, цѣль которой состоитъ въ удаленіи мягкихъ студенистыхъ частей, лишающихъ скелетъ его прочности и эластичности. Къ этой обработкѣ мы вернемся впослѣдствіи.

Губки живутъ въ морѣ на болѣе или менѣе значительной глубинѣ; онѣ постоянно прикрѣплены къ подводнымъ камнямъ, къ которымъ присасываются частью своего тѣла. Губки совершенно неподвижны; что касается пищи, то онѣ довольствуются той, которая заключается въ морской водѣ. Эта вода постоянно циркулируетъ въ многочисленныхъ извилистыхъ каналахъ, пересѣкающихъ тѣло губки въ различныхъ направленіяхъ. Дѣло въ томъ, что внутренняя поверхность каналовъ мѣстами покрыта мерцательными рѣсничками, которыя колеблются

всегда въ одномъ и томъ же направленіи и такимъ образомъ вгоняютъ морскую воду въ каналы: клѣточки, расположенныя по ихъ краямъ, пользуются этой водой для того, чтобы захватить заключенные въ ней питательные матеріалы, а также для того, чтобы поглотить растворенный въ ней кислородъ, необходимый для дыханія.

Размноженіе губокъ происходитъ преимущественно путемъ дѣленія и почкованія; но извѣстны также случаи размноженія посредствомъ яицъ.

Внѣшній видъ губокъ, какъ всѣмъ извѣстно, очень разнообразенъ: есть губки толстыя, тонкія, круглыя, продолговатыя, вѣтвистыя и т. д. Разнообразіе наружныхъ формъ соотвѣтствуетъ разнообразію видовъ или разновидностей одного и того же вида.

Сообразно съ тѣмъ примѣненіемъ, какое онѣ находятъ въ жизни, губки можно раздѣлить на три категоріи, смотря по тому, употребляются ли онѣ для туалетныхъ, для хозяйственныхъ или для техническихъ надобностей.

Туалетныя губки добываются главнымъ образомъ на сирійскомъ побережьи. Это самыя красивыя, самыя тонкія и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя дорогія губки. Различаютъ три главныхъ сорта: тонкій, венеціанскій и тонко-твердый. Первый сортъ продается по 40—120 фр. за килогр., второй по 25—30 фр. и третій по 5—15 фр. Губки, приблизительно того же качества, собранныя въ греческомъ архипелагѣ продаются $^1/_2$—1 фр. за штуку. Большая часть губокъ, вылавливаемыхъ въ Средиземномъ морѣ идетъ на хозяйственныя нужды; губки, доставляемыя съ Антильскихъ островоьъ, находятъ себѣ примѣненіе на фабрикахъ и заводахъ, гдѣ онѣ употребляются для чистки машинъ.

Наибольшее количество губокъ доставляетъ Средиземное море: ихъ ловятъ главнымъ образомъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: на сирійскомъ побережьи отъ Яффы до Александретты, въ греческомъ архипелагѣ (Цикладскіе острова) и на берегахъ Триполи и Туниса.

Обработка губокъ, предназначенныхъ для продажи, производится, какъ сообщаетъ Годфруа слѣдующимъ образомъ:

«Свѣжая губка, только-что вытащенная изъ воды, имѣетъ видъ шарообразной темной массы, окруженной желатинозной оболочкой.

«Всѣ внутреннія углубленія и полости губки наполнены слизистымъ клейкимъ веществомъ, которое быстро улетучивается. Оболочка губки отъ соприкосновенія съ воздухомъ чернѣетъ и пріобрѣтаетъ отталкивающій видъ; чтобы снять эту оболочку, которая своимъ присутствіемъ можетъ испортить губку, нужно тотчасъ промыть ее въ водѣ. Промывка производится до тѣхъ поръ, пока всѣ студенистыя части, входящія въ составъ губки, не удалены совсѣмъ. Такъ поступаютъ вездѣ на Средиземномъ побережьи, но на Антильскихъ островахъ промывки не дѣлаютъ, а предоставляютъ дѣло разрушенія оболочки горячимъ солнечнымъ лучамъ. Послѣ этой предварительной сушки губки опускаются на огороженныя частоколомъ отмели, гдѣ вода бываетъ не глубже двухъ-трехъ футовъ. Тутъ губки остаются въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, охраняемыя только пеликанами, неподвижно сидящими на шестахъ изгороди. Затѣмъ, когда мягкія, слизистыя

части губокъ успѣли сгнить и раствориться въ морской водѣ, губки вынимаются и снова сушатся на солнцѣ; послѣ этой операціи ихъ вкладываютъ въ мѣшки, которые подвергаютъ давленію пресса для того, чтобы въ сравнительно маломъ пространствѣ помѣстить какъ можно большее количество губокъ. На побережьи Средиземнаго моря подобные прессы не употребляются: тутъ просто укладываютъ руками въ мѣшки средней величины столько губокъ, сколько въ нихъ можетъ помѣститься. Каждый такой мѣшокъ вѣситъ 10—20 килогр.; большій или меньшій вѣсъ обусловливается во-первыхъ сортомъ губокъ, во-вторыхъ, тѣмъ количествомъ песка, которое въ нихъ содержится. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ продаются не по-штучно, а на вѣсъ, торговцы, чтобы получить больше прибыли, прибѣгаютъ къ обманнымъ пріемамъ,—именно всыпаютъ въ каналы выдѣланныхъ губокъ мелкаго песку; аналогичные пріемы пускаютъ въ ходъ африканскіе негры, продающіе европейцамъ каучукъ: чтобы увеличить его вѣсъ, они вкладываютъ въ него камни или кусочки желѣза. Этотъ обманъ легко раскрыть,—стоитъ только разрѣзать ножомъ этотъ каучукъ. Точно такъ же легко обнаружить продѣлки торговцевъ губками: если есть подозрѣніе, что губки имѣютъ постороннія примѣси, ихъ слѣдуетъ опустить въ слабый растворъ соляной кислоты, которая освободитъ ихъ отъ всѣхъ примѣсей.

«По прибытіи въ Европу, антильскія губки подвергаются спеціальной обработкѣ, пріемы которой варьируютъ въ зависимости отъ мѣста и тѣхъ цѣлей, для которыхъ эти губки предназначаются.

«Въ Германіи губки, большая часть которыхъ имѣетъ примѣненіе въ промышленности, обрабатываются слабымъ воднымъ растворомъ брома: подъ вліяніемъ брома губки, окрашенныя въ темный цвѣтъ, пріобрѣтаютъ болѣе свѣтлую окраску. Для того, чтобы получить еще болѣе свѣтлые тона, губки обрабатываются слабой соляной кислотой.

«Во Франціи придерживаются другого способа обработки: тутъ губка сначала очищается механически отъ приставшихъ къ ней постороннихъ тѣлъ, затѣмъ погружается въ 5% растворъ марганцово-кислаго кали, послѣ чего обрабатывается сѣрнистой кислотой и хлористой известью».

Въ Европѣ ведется довольно крупная торговля губками: въ одной Франціи торговые обороты достигаютъ 15 милл., изъ которыхъ 10 приходятся на ввозъ и 5 на вывозъ. Нѣкоторые торгово-промышленныя предпріятія имѣютъ надобность въ очень большомъ количествѣ губокъ. Такъ, общество омнибусовъ въ Парижѣ ежегодно закупаетъ среднимъ числомъ около 12.000 губокъ, которыя употребляются для чистки лошадей и каретъ.

Въ Европѣ находятся три главныхъ рынка по продажѣ губокъ, именно въ Парижѣ, гдѣ сбываются средніе сорта, въ Лондонѣ, гдѣ торгуютъ тонкими, лучшаго качества губками, и наконецъ въ Тріестѣ, куда свозятся обыкновенные дешевые сорта.

*
* *

Ловля губокъ производится различными способами; наиболѣе простой заключается въ томъ, что за губками отправляются на дно моря.

«Для этого промысла, распространеннаго на сирійскомъ побережьи, требуются очень смѣлые, ловкіе и мужественные пловцы. Собираясь нырнуть, они привязываютъ одну веревку къ куску бѣлаго мрамора съ квадратнымъ или четыреугольнымъ основаніемъ, затѣмъ обматываютъ вокругъ кисти лѣвой руки другую веревку, одинъ конецъ которой прикрѣпляютъ къ лодкѣ, гдѣ сидятъ другіе пловцы, а другой къ первой веревкѣ нѣсколько повыше мраморной плиты. Держа высоко надъ головой эту плиту, искатели губокъ бросаются въ море; они нерѣдко достигаютъ глубины 35—40 метровъ и остаются подъ водою около 2-хъ минутъ. Опустившись на дно, искатель сбрасываетъ мраморъ, бѣлый цвѣтъ котораго служитъ ему для оріентированія и начинаетъ бродить вокругъ него, собирая руками встрѣчающіяся на пути губки; эти губки онъ складываетъ въ сѣтку, висящую у него на шеѣ, и когда чувствуетъ, что дышать болѣе не въ состояніи, дергаетъ за веревку: замѣтивъ сигналъ, сидящіе въ лодки немедленно вытаскиваютъ «ныряльщика» на поверхность. Очень ловкій пловецъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ успѣваетъ собрать при каждомъ погруженіи въ воду около дюжины губокъ. За эту удачу онъ правда иногда расплачивается легкимъ обморокомъ, но въ общемъ можно сказать, что ловля губокъ такимъ способомъ менѣе рискована, чѣмъ обыкновенно представляютъ себѣ. Конечно, она требуетъ отъ искателя губокъ большой физической стойкости, но нужно замѣтить, что эта стойкость и закаленность пріобрѣтается здоровыми людьми довольно быстро: надежда на хорошій заработокъ съ одной стороны и соревнованіе—съ другой сильно подбадриваютъ ихъ. Ловля описаннымъ выше способомъ производится только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не водятся акулы; искатель губокъ, опустившись на дно моря, можетъ натолкнуться въ крайнемъ случаѣ только на морскую собаку, привлеченную блескомъ мраморной плиты; эта самая непріятная встрѣча, какая только можетъ угрожать «ныряльщику»; но чтобы предотвратить ее, ему стоитъ только потянуть сигнальную веревку» (Годфруа).

Этотъ способъ ловли губокъ, къ сожалѣнію, пробовали примѣнить и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ акулы. Какой-то грекъ пытался ввести его на берегахъ Флориды, и сдѣлалъ уже довольно значительныя предварительныя затраты, но правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ запретило этотъ способъ ловли, которая могла бы окончиться очень печально для искателей губокъ.

Изъ всѣхъ способовъ ловли губокъ самый варварскій—это тотъ, который производится съ помощью такъ-называемой «гангавы». Гангава — это особаго устройства большая сѣть, которую волочатъ по морскому дну: она захватываетъ въ свои петли всѣ попадающіяся на ея пути губки, какъ старыя, такъ и совсѣмъ юныя. Эти послѣднія гибнутъ совершенно напрасно—никакой пользы изъ нихъ извлечь нельзя, а между тѣмъ, оставаясь на мѣстѣ, онѣ могли бы окрѣпнуть и достигнуть полнаго развитія. При такомъ способѣ эксплоатаціи мѣстности, очень богатыя губками, опустошаются совершенно. Этотъ способъ и понынѣ практикуется на побережьи Флориды.

«Портъ Кей-Вестъ—главный центръ торговли морскими губками въ Флоридѣ. Тутъ обыкновенно снаряжаются всѣ суда, которыя отправляются въ море

для ловли губокъ. Эти суда—легкой конструкціи шкуны, пестро раскрашенныя съ короткой фокъ-мачтой и бугшпритомъ. Такія суда можно видѣть по всему побережью Флориды; лучшія губки ловятся на западномъ берегу этого полуострова.

«Рыбацкія шкуны по своей величинѣ не больше шлюпки большого парохода, однако, онѣ не гибнутъ на морѣ, несмотря на то, что на Мексиканскомъ заливѣ довольно часто свирѣпствуютъ ураганы.

«Когда шкуна прибываетъ въ портъ послѣ экспедиціи, которая длится обыкновенно три недѣли, то по болѣе или менѣе сильному запаху, который испускаютъ губки, можно уже издали узнать, возвращается ли судно съ богатымъ уловомъ или нѣтъ.

«Флотилія, находящаяся въ Кей-Вестѣ, состоитъ изъ трехсотъ судовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ собственность коммерсантовъ, торгующихъ губками, но значительное большинство принадлежитъ рыбакамъ-хозяевамъ. Чѣмъ больше судно, тѣмъ большій доходъ оно можетъ принести. Шкуна съ водоизмѣщеніемъ въ пять тоннъ, съ экипажемъ, состоящимъ изъ хозяина-капитана и четырехъ матросовъ, можетъ въ теченіе одной трехнедѣльной экспедиціи добыть двѣсти тюковъ губокъ.

«1890 годъ былъ особенно счастливъ для флоридскихъ рыбаковъ: въ этомъ году каждая шкуна, совершивъ одиннадцать «кампаній», доставила губокъ на 25.000 фр.

«Вернувшись съ добычей въ портъ, рыбаки выгружаютъ ее у верфи Кей-Веста и продаютъ ее съ аукціона. Нерѣдко они вступаютъ между собою въ соглашеніе, уговариваясь уступать свой товаръ не ниже установленной ими цѣны. Двѣсти тюковъ губокъ продаются обыкновенно за двѣ тысячи франковъ. Владѣлецъ судна получаетъ третью часть вырученной отъ продажи суммы, двѣ остальныя трети идутъ въ пользу экипажа. Вернувшись съ добычей, шкуна остается на берегу недѣлю, затѣмъ снова уходитъ въ море; ловля производится въ общемъ круглый годъ, за исключеніемъ октября, когда начинаютъ свирѣпствовать бури,—тогда рыбаки остаются на берегу цѣлыхъ четыре недѣли, ожидая наступленія благопріятной погоды».

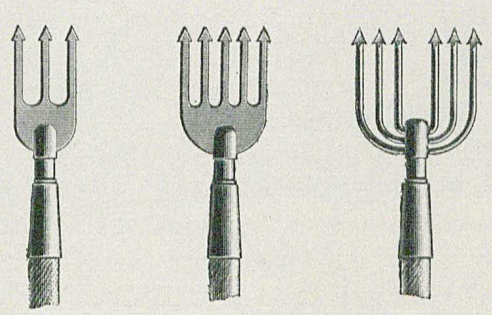


Рис. 167. **Вилы, употребляющіяся для ловли губокъ.**

Гангавой можно пользоваться только въ томъ случаѣ, когда дно, гдѣ производится ловля, имѣетъ ровную поверхность. Если же оно шероховато, покрыто камнями, обломками скалъ и т. д., то сѣть, зацѣпившись за нихъ, легко можетъ оборваться, а потеря сѣти—это весьма значительный убытокъ для рыбака.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ губки не живутъ на большой глубинѣ, ихъ можно добыть не сходя съ лодки, при помощи (рис. 167) особыхъ вилъ, устроенныхъ

наподобіе небольшого гарпуна. Эти вилы называются «фоэнъ», «камаки», «гарабато».

Посредствомъ этого орудія рыбакъ можетъ захватить каждую замѣченную имъ губку, но для этого онъ долженъ обладать извѣстной ловкостью, чтобы, подымая вилами губку, не порвать ея тканей. Такого рода ловля можетъ производиться только на такой глубинѣ, которая не превышаетъ 10—12 метровъ; кромѣ того нужно, чтобы вода въ этомъ мѣстѣ была прозрачна, и чтобы стояла тихая безвѣтренная погода.

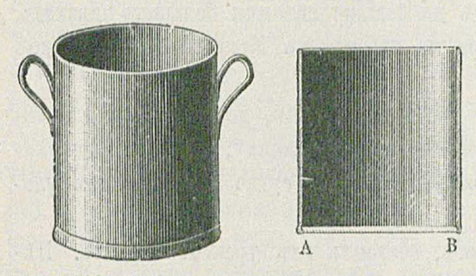


Рис. 168. Этимъ аппаратомъ, такъ называемымъ «черпаломъ», пользуются для того, чтобы разглядѣть лежащія на днѣ моря губки.

Если, однако, неожиданно подуетъ вѣтеръ, то искатели губокъ своего занятія все-таки не бросаютъ. Они тогда прибѣгаютъ къ помощи такъ-называемаго подводнаго зеркала. Это зеркало представляетъ собою жестяной цилиндръ, къ основанію котораго плотно придѣланъ стеклянный кругъ. Погрузивъ слегка этотъ аппаратъ въ воду, рыбакъ отлично видитъ мельчайшія детали морского дна.

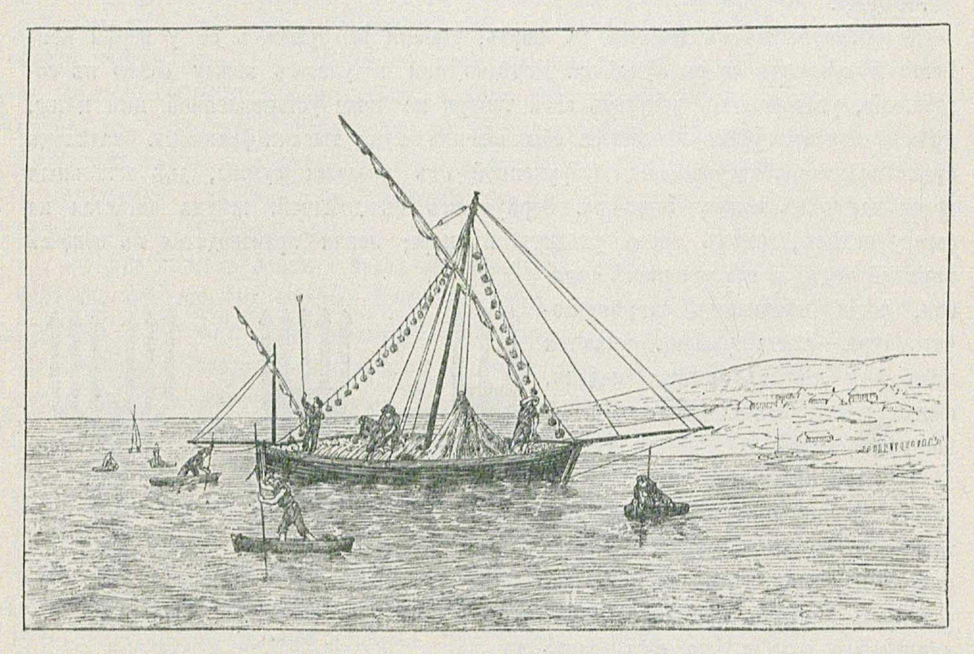


Рис. 169. Ловля губокъ при помощи вилъ.

«Ловля губокъ посредствомъ вилъ производится вездѣ на Средиземномъ морѣ, а также у Антильскихъ острововъ. Кубанскіе рыбаки, какъ мнѣ неоднократно лично приходилось видѣть, съ удивительной ловкостью владѣютъ этимъ дешевымъ

незатѣйливымъ орудіемъ: захвативъ имъ губку, замѣченную на днѣ, они вытаскиваютъ ее безъ малѣйшихъ поврежденій, безъ единой царапины» (Годфруа).

Самая большая трудность при подобнаго рода ловлѣ состоитъ въ томъ, чтобы вѣрно направить вилы, не поддаваясь оптическому обману, который создается подъ вліяніемъ преломленія свѣта. Искатели губокъ скоро пріучаются такъ соразмѣрять свой ударъ, что никогда почти не даютъ промаха. Когда море неспокойно, то на волны льютъ масло, которое выравниваетъ поверхность и позволяетъ такимъ образомъ видѣть дно.

При ловлѣ губокъ употребляютъ также водолазные аппараты и такой способъ ловли есть, конечно, самый лучшій (рис. 170).

«Лѣтъ двадцать тому назадъ,—говоритъ Годфруа:—торговый домъ Денайрузъ въ Парижѣ сталъ пользоваться услугами водолазовъ для ловли губокъ. Такая ловля безспорно наиболѣе раціональна и наиболѣе продуктивна.

«Водолазъ имѣетъ возможность выбрать самыя лучшія губки; кромѣ того, онъ можетъ заглянуть въ такіе уголки, куда ни гангава, ни вилы проникнуть не въ состояніи. Но этотъ способъ имѣетъ одну невыгодную сторону — онъ очень дорогъ. Одинъ водолазный аппаратъ стоитъ 2—2$^1/_2$ тысячи франковъ; кромѣ того, необходимо содержать цѣлый штатъ служащихъ для накачиванія воздуха и для наблюденія за сигналами, которые подаются водолазомъ. Странное дѣло, при ловлѣ губокъ съ помощью водолазнаго аппарата погибаетъ больше людей, чѣмъ при другихъ способахъ ловли. Наибольшее число смертныхъ случаевъ является послѣдствіемъ жестокой простуды, которой подвергаются люди, когда выходятъ изъ воды. Каучуковая ткань, плотно облегающая тѣло водолаза, не только не пропускаетъ влаги извнѣ, но не пропускаетъ ея также изнутри: испаренія, выдѣляемыя кожей, не имѣютъ выхода и обусловливаютъ

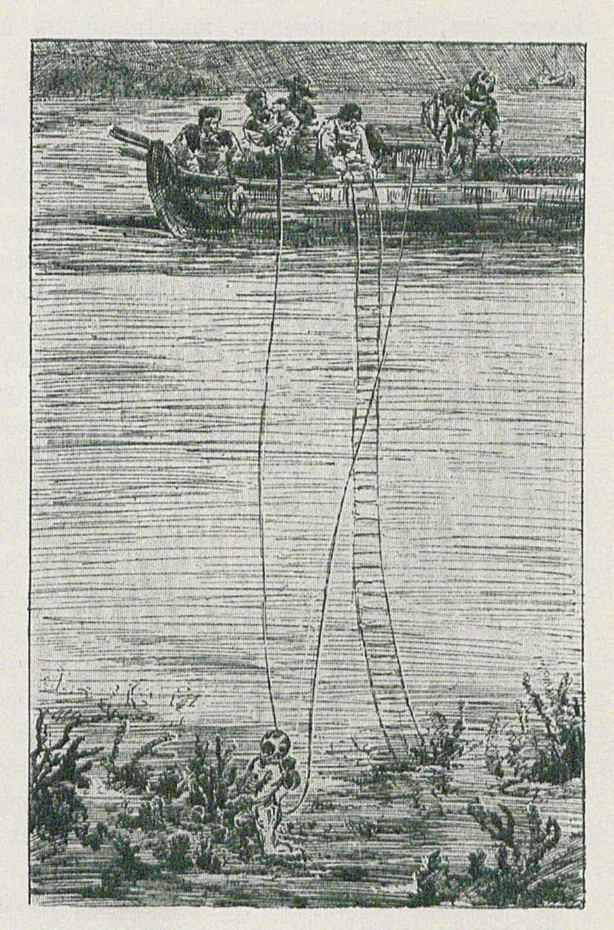


Рис. 170. Ловля губокъ при посредствѣ водолазныхъ аппаратовъ.

такимъ образомъ сильное потѣніе. Поэтому, поднявшись наверхъ, водолазъ долженъ принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы не простудиться. Но большинство не обращаетъ на это никакого вниманія и дѣлается жертвою своей безпечности. Въ 1891 г. сто двадцать рыбаковъ умерли отъ воспаленія легкихъ, а почти сто человѣкъ заболѣли тяжелой формой остраго ревматизма, и принуждены были оставить свою профессію».

Если бы водолазы вмѣсто каучуковой одежды одѣвали полотняную, то, можетъ-быть, число опасныхъ заболѣваній въ ихъ средѣ значительно уменьшилось бы.

ГЛАВА XXX.

Птицы, питающіяся змѣями.

Среди такихъ птицъ нужно поставить на первомъ планѣ такъ называемаго змѣевика. Эта хищная птица, живущая въ Африкѣ, имѣетъ большія крылья и длинныя ноги; она чаще ходитъ по землѣ, чѣмъ летаетъ; ее можно было бы принять за представителя голенастыхъ, если бы крѣпкіе острые когти и искривленный клювъ не указывали на принадлежность ея къ той группѣ хищниковъ, къ которой относятся орлы и ястребы.

Арабы называютъ эту птицу «конемъ злого духа», а также «птицей судьбы», и разсказываютъ о ней различныя легенды.

Змѣевикъ водится главнымъ образомъ въ открытыхъ равнинахъ, по которымъ бѣгаетъ съ большой быстротой, наклоняя тѣло впередъ, какъ дрохва. Пробѣжавъ большое пространство, птица рѣшается, наконецъ, взлетѣть на воздухъ; она дѣлаетъ это не безъ труда; но разъ ей это удалось, она подымается на большую высоту и долго рѣетъ съ распластанными крыльями, вытянувъ шею впередъ, а лапы назадъ, какъ это дѣлаютъ аисты.

Змѣевикъ питается змѣями и другими пресмыкающимися, но не пренебрегаетъ также маленькими млекопитающими и птицами. Змѣевикъ чрезвычайно прожорливъ. Во время степныхъ пожаровъ онъ пожинаетъ обильную жатву: масса мелкихъ животныхъ, испуганныхъ видомъ пылающей равнины, спасаются бѣгствомъ, но ихъ настигаютъ змѣевики и пожираютъ всѣхъ безъ разбора.

«Въ зобу убитаго мною змѣевика-самца,—говоритъ Ле-Вайянъ:—я нашелъ двадцать цѣлыхъ маленькихъ черепахъ, изъ которыхъ большинство имѣло около двухъ дюймовъ въ діаметрѣ; далѣе, одиннадцать ящерицъ, длиною въ 7—8 дюймовъ и трехъ змѣй, величиною съ руку. Кромѣ этихъ животныхъ я отыскалъ еще множество кузнечиковъ и другихъ насѣкомыхъ, большая часть которыхъ не подверглась еще никакому замѣтному измѣненію. У всѣхъ животныхъ первой категоріи, т. е. у змѣй, ящерицъ и черепахъ на головѣ зіяло отверстіе, пробитое, очевидно, клювомъ. Въ обширномъ желудкѣ этой птицы лежала свернутая въ комокъ масса, величиною съ гусиное яйцо: эта масса состояла изъ позвонковъ змѣй и ящерицъ, щитковъ черепахъ, крыльевъ и ножекъ кузнечиковъ и отдѣльныхъ частей различныхъ жуковъ. Змѣевикъ, подобно другимъ хищнымъ птицамъ, выбрасываетъ черезъ клювъ всѣ негодные отбросы.

«Онъ безстрашно нападаетъ на такое опасное животное, какъ змѣя. Если змѣя убѣгаетъ, птица преслѣдуетъ ее безъ устали, причемъ для передвиженія никогда не пускаетъ въ ходъ своихъ крыльевъ, которыми пользуется въ такихъ случаяхъ, какъ оборонительнымъ и наступательнымъ оружіемъ. Когда змѣя застигнута врасплохъ на большомъ разстояніи отъ своего убѣжища, она не пытается спасаться бѣгствомъ и принимаетъ вызовъ: чтобы испугать своего противника, она вытягивается вверхъ, сильно раздуваетъ шею и принимается шипѣть. Тогда птица опускаетъ одно крыло передъ собою, прикрывая имъ, какъ щитомъ, нижнюю часть тѣла и ноги. Змѣя, между тѣмъ, переходитъ въ наступленіе: птица подпрыгиваетъ, наноситъ ударъ, отскакиваетъ, кидается въ сторону, дѣлая при этомъ очень смѣшныя движенія и опять бросается въ бой, прикрываясь своимъ крыломъ. Въ то время, какъ змѣя напрасно старается поразить своего противника, съ ожесточеніемъ кусая его жесткія нечувствительныя перья, и тщетно выпускаетъ свой ядъ, змѣевикъ, защищаясь однимъ крыломъ, другимъ наноситъ ей сильные удары. Змѣя, ошеломленная этими ударами, падаетъ на землю,—птица пользуется этимъ моментомъ, ловко подхватываетъ ее клювомъ и подбрасываетъ вверхъ до тѣхъ поръ, пока не замѣтитъ, что змѣя, упавъ на землю, лежитъ совершенно обезсиленная: тогда хищникъ разбиваетъ ей черепъ ударомъ своего клюва и тотчасъ же проглатываетъ всю цѣликомъ, если только она не очень велика; въ противномъ случаѣ онъ предварительно разрываетъ ее на части».

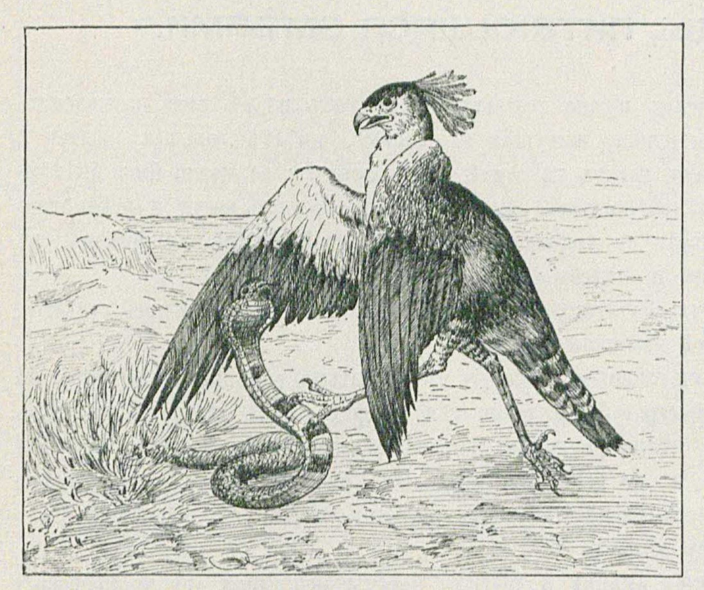


Рис. 171. **Змѣевикъ.**

Бой кажется не равнымъ, потому что змѣя, какъ извѣстно, считается чрезвычайно опаснымъ противникомъ; однако побѣду одерживаетъ не змѣя, а птица.

Если змѣевикъ, летая высоко надъ землею, замѣчаетъ внизу добычу, онъ останавливается и, по примѣру другихъ хищныхъ птицъ, прямо кидается внизъ, чтобы неожиданно напасть на свою жертву.

* * *

Другое хищное животное, питающееся змѣями, — это короткохвостый гелотарсъ (рис. 172).

Летая по воздуху, эта птица дѣлаетъ подчасъ весьма забавныя движенія:

усѣвшись на какое-нибудь мѣсто, она распускаетъ свои перья, что дѣлаетъ ее очень комичной, несмотря на то, что видъ у нея въ это время бываетъ весьма серьезный. Въ Африкѣ она извѣстна подъ именемъ птицы-лѣкаря: туземцы разсказываютъ, что она издалека приноситъ цѣлебныя травы. Эта легенда сложилась вслѣдствіе того, что эта птица, летая, часто держитъ въ своемъ клювѣ что-то длинное, цилиндрическое: но это не лѣкарственный корень, а пресмыкающееся,—змѣя или ящерица. Гелотарсъ ѣстъ всевозможныхъ змѣй, одинаково какъ ядовитыхъ, такъ и безвредныхъ. Когда въ степи начинается пожаръ, эта птица кружится въ облакахъ дыма и усердно охотится за пресмыкающимися, которыя въ испугѣ разбѣгаются въ разныя стороны.

Рис. 172. **Гелотарсъ.**
Эта птица глотаетъ змѣй съ удивительной быстротой.

*

Короткопалый крачунъ также очень усердно истребляетъ пресмыкающихся, но не щадитъ и лягушекъ, крысъ, маленькихъ птицъ и т. д.

«Мой молодой крачунъ, — разсказываетъ Мекленбургъ:— съ быстротою молніи кидается на змѣй, какъ бы велики и злы онѣ ни были. Своими крѣпкими когтями онъ хватаетъ змѣю за шею, взлетаетъ съ нею на воздухъ, на лету перегрызаетъ клювомъ сухожилія и связки, на которыхъ держится ея голова, и змѣя теряетъ всякую возможность защищаться. Спустя нѣкоторое время, птица принимается ѣсть свою добычу; начинаетъ она обыкно-

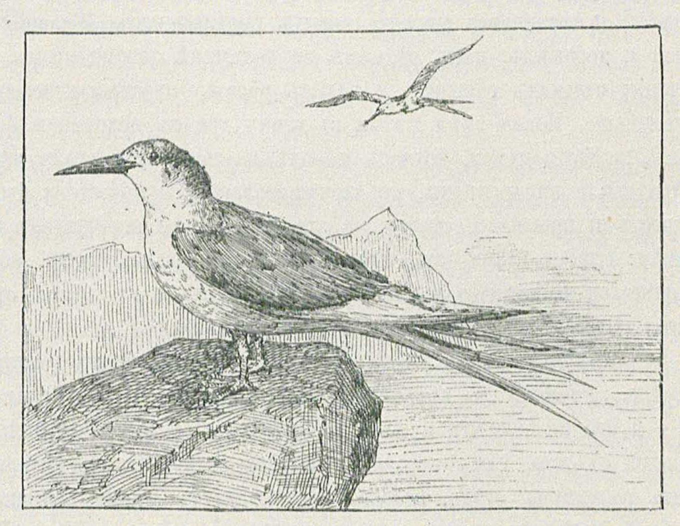


Рис. 173. **Крачка.**

венно съ головы, причемъ то и дѣло ударяетъ клювомъ по спинному хребту пресмыкающихся.

«Въ одно утро она съѣла трехъ большихъ змѣй, изъ которыхъ одна имѣла около 1,3 метра въ длину. Никогда эта птица не разрываетъ животнаго на куски, чтобы ѣсть его по частямъ. Спустя нѣкоторое время послѣ ѣды она начинаетъ извергать проглоченную чешую. Змѣй она предпочитаетъ всякой другой добычѣ; я давалъ ей сразу змѣй, крысъ, птицъ, лягушекъ: раньше всего она бросалась на змѣй»

Укусы змѣи не всегда, однако, сходятъ благополучно этому хищнику: одинъ изъ нихъ, укушенный гадюкой, умеръ на третій день. Но такіе случаи сравнительно рѣдки: опереніе птицы представляетъ такую толстую броню, которую зубы пресмыкающихся пробиваютъ съ большимъ трудомъ.

* * *

Сарычъ, когда не имѣетъ лучшей добычи, нападаетъ на пресмыкающихся. Очень интересны въ этомъ отношеніи наблюденія, сдѣланныя Ленцомъ.

«Къ 26-му іюня,—разсказываетъ онъ:—мои молодые сарычи, которые были взяты изъ родительскаго гнѣзда въ очень юномъ возрастѣ, подросли настолько, что достигли уже двухъ третей своего нормальнаго роста. Ихъ кормили все время мясомъ, мышами, лягушками, маленькими птичками, но никогда не давали имъ змѣй. Въ этотъ день, не обращая никакого вниманія на молодыхъ сарычей, я впустилъ въ ту комнату, гдѣ они находились, большую змѣю изъ породы неядовитыхъ; въ ней было около четырехъ футовъ длины. Эту змѣю я хотѣлъ показать своимъ гостямъ. Сарычи сидѣли позади насъ, но лишь только замѣтили пресмыкающееся, тотчасъ набросились на него, нисколько не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Змѣя извиваясь спиралью, сильно шипѣла, раскрывъ свою пасть, и готовилась укусить своихъ противниковъ. Желая сохранить змѣю, которой я дорожилъ, какъ рѣдкимъ по величинѣ экземпляромъ, я вмѣшался въ сраженіе; отогнавъ сарычей, я велѣлъ убрать пресмыкающееся и принести другое поменьше. Новая змѣя имѣла въ длину два съ половиною фута. Одинъ изъ сарычей, не долго думая, тотчасъ напалъ на нее. Змѣя стала шипѣть, и такъ сильно придавила лапы птицы, что та зашаталась и принуждена была опереться на свой хвостъ и крылья. Несмотря на это, сарычъ не переставалъ нападать, кусая спину змѣи: спустя двѣнадцать минутъ, онъ разодралъ ей кожу, послѣ чего онъ тотчасъ принялся ѣсть змѣю живьемъ и, разорвавъ ее на куски, сталъ ихъ быстро глотать. Одинъ изъ кусковъ болѣе фута длиною.

«Другой сарычъ, которому я помѣшалъ принять участіе въ нападеніи, смотрѣлъ злобными и завистливыми глазами на то, какъ лакомился его товарищъ. Но я его не обидѣлъ и далъ ему также одну змѣю. Этотъ сарычъ скорѣе справился съ нею, чѣмъ первый: онъ разорвалъ змѣю на-двое и принялся ѣсть одну изъ половинокъ тѣла, которое продолжало еще конвульсивно сжиматься. Та половинка, гдѣ находилась голова, извивалась очень сильно, и употребляла, повидимому, всѣ усилія, чтобы увернуться отъ клюва. Птицѣ стоило не малаго труда овладѣть этой частью; она побѣдила послѣ того, какъ ей удалось сложить обѣ половинки вмѣстѣ и сильно сдавить ихъ.

«Сарычи стали осматриваться кругомъ, желая получить новую жертву, но я имъ ничего болѣе не далъ, потому что было уже поздно. Сарычи потомъ отправились на покой. Одинъ изъ нихъ переварилъ проглоченную змѣю, другой не могъ этого сдѣлать: его вырвало, но когда на слѣдующій день онъ, проснувшись, увидѣлъ куски змѣи, выброшенные имъ наканунѣ, то сейчасъ принялся глотать ихъ: отсюда видно, какимъ лакомымъ блюдомъ являются для сарычей змѣи.

«Съ этого времени мои сарычи стали получать ежедневно ужей и змѣй, которыхъ моментально хватали и пожирали. Маленькихъ змѣй они глотали цѣликомъ, а болѣе крупныхъ разрывали предварительно на части и только послѣ этого принимались ихъ ѣсть.

«На 20-е іюля было назначено первое сраженіе ихъ съ гадюкой; на это зрѣлище собралось много людей, что немного смутило моихъ сарычей. Я ихъ разъединилъ: одного я помѣстилъ за спиной зрителей, другого посадилъ на столярный станокъ. Принесли гадюку. Я ждалъ, что сарычъ, который, какъ мнѣ хорошо было извѣстно, былъ очень голоденъ, тотчасъ кинется на нее; но я ошибся— птица сразу поняла, съ какимъ опаснымъ противникомъ ей придется имѣть дѣло, и сидѣла неподвижно, не сводя глазъ съ своего врага. Гадюка въ свою очередь насторожилась, замѣтивъ сарыча: она свернулась кольцомъ и не двигалась съ мѣста.

«Когда я щипцами поднялъ ее за хвостъ и положилъ на станокъ, сарычъ, привыкшій брать пищу изъ моихъ рукъ, приблизился-было, но гадюка сильно зашипѣла, сдѣлала движеніе челюстями, чтобы укусить—птица испустила крикъ ужаса, ощетинила свои перья и отскочила въ сторону; затѣмъ сѣла на прежнее мѣсто и стала, какъ раньше, пристально смотрѣть на гадюку. Чтобы подзадорить сарыча, я бросилъ на змѣю нѣсколько кусочковъ сырого мяса; онъ направился къ нимъ; но угрожающее движеніе гадюки снова заставило его отступить въ страхѣ. Тогда я сталъ подталкивать змѣю впередъ, чтобы приблизить ее къ сарычу; но тотъ сейчасъ же началъ пятиться назадъ, и дойдя до конца станка, перелетѣлъ въ другой конецъ комнаты.

«Я опустилъ гадюку на полъ, и принесъ другого сарыча. Чтобы вызвать его на бой, я бросилъ кусокъ мяса около змѣи. Повторилась прежняя исторія. Сарычъ подошелъ-было, чтобы взять предложенную ему добычу, но испуганный грознымъ видомъ змѣи, поспѣшно отступилъ назадъ, высоко поднявъ крылья. Птица потомъ нѣсколько разъ дѣлала попытку приблизиться къ приманкѣ, но напуганная шипѣніемъ и угрожающимъ видомъ, который принимала змѣя, всякій разъ уходила прочь. Видя, что несмотря на всѣ мои старанія, вызвать сарычей на бой никакъ не удастся, я велѣлъ убрать гадюку и принести нѣсколько ужей и обыкновенныхъ змѣй—эти животныя были моментально растерзаны и съѣдены сарычами.

«Исходъ этого опыта не оправдалъ моихъ ожиданій. Меня удивляло, что птица, которая истребила уже много обыкновенныхъ змѣй и мышей, инстинктивно поняла опасность, которая угрожала ей отъ ядовитой гадюки, и не рискнула напасть на нее. Правда, мои сарычи не достигли еще полной возмужалости, кромѣ того, они могли быть напуганы многочисленной компаніей, собравшейся въ ихъ комнатѣ, чтобы посмотрѣть, какъ они будутъ сражаться съ гадюкой; запахъ

этой послѣдней не могъ ихъ устрашить, потому что сарычи руководятся не обоняніемъ, а зрѣніемъ. Очевидно, они съ перваго взгляда узнали своего смертельнаго врага, хотя раньше никогда его не видѣли. Тѣмъ не менѣе, я не терялъ надежды, и возобновилъ свой опытъ спустя два дня, но въ присутствіи всего нѣсколькихъ человѣкъ.

«Я сначала бросилъ сарычу ужа,—сарычъ тотчасъ проглотилъ его живьемъ. Я тогда поднесъ ему небольшую, бурую гадюку. Птица тотчасъ растопырила свои перья, подняла вверхъ крылья, и испустила пронзительный крикъ; однако, чувствуя свое превосходство, рѣшила атаковать змѣю: сарычъ схватилъ гадюку за середину тѣла своими крѣпкими когтями и захлопалъ крыльями. Вообще онъ держалъ себя совсѣмъ иначе, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ дѣло съ обыкновенными безвредными змѣями: сознавая опасность, которая ему грозила отъ его страшнаго противника, сарычъ откинулъ голову назадъ; а гадюка обвилась вокругъ его лапъ, пронзительно шипѣла, яростно кусалась, но ея укусы были безвредны, такъ какъ объектомъ ихъ были лишь жесткія перья. Наконецъ, сарычъ, улучивъ удобный моментъ, нанесъ ей клювомъ такой сильный ударъ въ голову, что пробилъ ей черепъ. Змѣя судорожно извивалась еще нѣкоторое время, а затѣмъ, когда она перестала двигаться, сарычъ сталъ ѣсть ее: раньше всего проглотивъ голову мертвой змѣи.

«Сарычъ, торжествуя побѣду, гордо озирался по сторонамъ, точно высматривалъ новую жертву. Я пошелъ навстрѣчу его желаніямъ и предоставилъ въ его распоряженіе молодую гадюку, длиною въ 13 дюймовъ. Животное тотчасъ стало въ оборонительную позицію и свернулось кольцомъ; ея злобное шипѣніе, широко раскрытая пасть, сверкающіе глаза, устремленные на сарыча,—все это указывало, что она узнала въ немъ врага и рѣшила защищаться до послѣдней крайности. Осторожно, съ поднятыми вверхъ крыльями, сарычъ началъ медленно приближаться; это была такая интересная захватывающая сцена, что нарушить ее мнѣ не хотѣлось, но въ концѣ концовъ, мнѣ все же пришлось положить ей конецъ, чтобы дать сигналъ къ сраженію; я бросилъ на спину гадюки лягушку, и сарычъ тотчасъ кинулся въ бой: онъ схватилъ когтями одновременно и лягушку, и змѣю. Эта послѣдняя немедленно повернула голову къ птицѣ и начала кусаться. Сарычъ, не выпуская добычу изъ своихъ лапъ, безпрестанно хлопалъ крыльями, кричалъ, и вдругъ неожиданно нанесъ гадюкѣ клювомъ сильный ударъ въ голову. Гадюка шарахнулась въ сторону и снова сдѣлала попытку укусить; новый ударъ оглушилъ ее, но она скоро пришла въ себя и опять принялась дѣйствовать своими зубами. Но вотъ сарычъ третьимъ ударомъ клюва проломилъ ей черепъ; птица прождала нѣкоторое время, пока змѣя не обезсилѣла совсѣмъ, и тогда принялась глотать ее.

«Прошло два дня; никакой рвоты у сарыча я не замѣчалъ. На другой день, послѣ того, какъ я ему далъ клёста, котораго онъ тотчасъ съѣлъ, сарычъ выбросилъ черезъ клювъ плотную массу, величиною съ куриное яйцо; въ этой массѣ я нашелъ перья, клювъ и самыя большія кости клёста, а также нѣсколько змѣиныхъ чешуекъ; ядовитыхъ зубовъ гадюки тамъ не было: очевидно, сарычъ переварилъ эти зубы, равно какъ и кости гадюки.

«2-го августа мои сарычи достигли почти полной возмужалости. Одному изъ нихъ я предложилъ большую гадюку, которая тотчасъ принялась шипѣть. Сарычъ, растопыривъ крылья, спокойно стоялъ на мѣстѣ, ожидая благопріятнаго момента, чтобы напасть на змѣю. Когда я бросилъ лягушку около гадюки, сарычъ кинулся къ ней, ухватился когтями за среднюю часть ея туловища и намѣревался оттащить ее въ противоположный конецъ комнаты, когда другой сарычъ, въ свою очередь, напалъ на змѣю и уцѣпился за ея хвостъ. Птицы стали оспаривать добычу, одной лапой удерживая гадюку, а другой нанося другъ другу удары. Я поторопился разнять ихъ и отдалъ виперу тому сарычу, который раньше бросился на нее. Онъ держалъ ее въ своихъ когтяхъ, хлопалъ крыльями и кричалъ; змѣя шипѣла, и кусала то перья птицы, то крѣпкую роговую ткань ея лапъ: до головы, запрокинутой назадъ, она добраться не могла. Сарычъ выпустилъ свою жертву изъ когтей, но въ слѣдующее мгновеніе снова схватилъ ее, и сильнымъ ударомъ клюва размозжилъ гадюкѣ голову. Когда змѣя перестала извиваться, сарычъ принялся завтракать: сначала онъ отгрызъ голову, затѣмъ съѣлъ шею, потомъ переднюю часть туловища и т. д. Этотъ завтракъ былъ очень обильный: гадюка имѣла въ длину болѣе двухъ футовъ и содержала много яичекъ. Сарычъ съѣлъ все, и въ заключеніе проглотилъ еще лягушку, которая ему подвернулась.

«Второй сарычъ, когда я ему предложилъ большую виперу, поступилъ точно такъ же, какъ и первый: онъ схватилъ ее когтями поперекъ туловища, и пронзительно крича, сталъ хлопать крыльями. Змѣѣ удалось было вырваться, но сарычъ снова поймалъ ее, не за середину тѣла, а за хвостъ: пользуясь этимъ, гадюка могла бы выпрямиться и нанести опасную рану своему противнику, если бы обладала большей ловкостью. Сарычъ выпустилъ свою жертву, но затѣмъ снова схватилъ ее, но на этотъ разъ не за хвостъ, а за голову. Въ то время, когда гадюка дѣлала напрасныя усилія, чтобы выскользнуть изъ его цѣпкихъ когтей, сарычъ нанесъ ей клювомъ смертельный ударъ въ голову. Спустя нѣсколько минутъ онъ уже лакомился ею, начиная по обыкновенію съ головы.

«Первый сарычъ поплатился однако за одержанную побѣду. Еще въ то время, когда онъ уписывалъ мертвую гадюку, я замѣтилъ, что лѣвая лапа его потеряла способность къ движенію: она была парализована; кромѣ того, возлѣ когтей появилась опухоль. Въ этомъ мѣстѣ лапа сарыча защищена маленькими чешуйками, которыя могъ пробить только ядовитый зубъ гадюки. Зубы крысы, какъ бы остры они ни были, никогда не въ состояніи этого сдѣлать. Сарычъ, по всей вѣроятности, чувствовалъ боль, но ничѣмъ этого не обнаруживалъ; онъ ограничился только тѣмъ, что поджалъ раненую лапу, и стоя такимъ образомъ на одной ногѣ, спокойно продолжалъ ѣсть. Другая лапа также была изранена: она кровоточила; одна изъ ея чешуекъ была содрана, но не гадюкой, а его товарищемъ, съ которымъ сарычъ подрался изъ-за нея. Къ вечеру, однако, опухоль замѣтно уменьшилась; на слѣдующій день ее едва можно было разсмотрѣть и сарычъ началъ понемногу двигать парализованной лапой. На третій день птица выздоровѣла совершенно».

ГЛАВА XXXI.

Птицы-буревѣстники.

Едва ли кому изъ живыхъ существъ выпали на долю такія неблагопріятныя условія существованія, какъ морскимъ птицамъ. Живя на морскомъ берегу, онѣ вынуждены постоянно приспособляться къ суровой природѣ и различнымъ лишеніямъ; имъ часто приходится выдерживать бури и ураганы, благодаря этому у нихъ развилась значительная мышечная сила. Съ трудомъ добывая себѣ пищу, эти птицы обладаютъ органами, которые присущи ныряющимъ и плавающимъ животнымъ—это явилось необходимымъ въ средѣ, гдѣ пища состоитъ исключительно изъ рыбъ. Всегда занятыя борьбой со стихіями, онѣ не имѣютъ досуговъ и не распѣваютъ пѣсенъ, по примѣру нашихъ лѣсныхъ птицъ; звуки, издаваемые ими,—дикіе пронзительные крики, которыми онѣ изрѣдка оглашаютъ воздухъ, носясь надъ волнами безбрежнаго моря. Борьба—это ихъ удовольствіе, буря—ихъ жизнь.

* * *

По своему внѣшнему виду всѣ морскія птицы очень похожи другъ на друга. Не только обыкновенные любители, но также охотники и естествоиспытатели часто очень затрудняются въ прінсканіи имъ названія. Ихъ называютъ чайками, морскими чайками, поморниками, буревѣстниками и пр. Всѣ эти названія—синонимы.

Обыкновенно представляютъ себѣ, что чайки и буревѣстники ныряютъ въ волнахъ, чтобы поймать рыбу, которая служитъ имъ пищей. Это, однако, только кажется, въ виду того, что эти птицы летаютъ низко надъ водою и почти скрываются волнами. На самомъ дѣлѣ, онѣ въ очень рѣдкихъ случаяхъ ныряютъ, а довольствуются добычей, которая носится на поверхности воды или которая прибита къ берегу. При высокомъ стояніи воды, онѣ летаютъ безъ устали, хватая встрѣчающуюся по пути живую добычу—рыбку или моллюска.

Лишь только начинается отливъ, лишь только уровень воды на побережьѣ понижается, птицы слетаются на берегъ, куда волны выбросили не мало рыбъ, которыя не успѣли во-время уплыть въ море. Онѣ безпрерывно бѣгаютъ посреди валуновъ, подпрыгивая и испуская сиплые, непріятные крики, такъ что со стороны кажется, будто онѣ ссорятся. Вообще чайки и буревѣстники питаются только живой добычей, они не ѣдятъ гнилого мяса, какъ это почему-то нѣкоторые думаютъ; ясно видно, насколько ошибоченъ эпитетъ «морской ястребъ» или «морской воронъ», которымъ ихъ часто награждаютъ, желая сдѣлать на-

мекъ, будто они пожираютъ всякую падаль. Мнѣ часто приходилось видѣть трупы китообразныхъ, прибитые къ берегу: никогда я не видѣлъ, чтобы чайка или буревѣстникъ прикасались къ нимъ.

Впрочемъ, въ неволѣ эти птицы ѣдятъ только свѣжую рыбу и свѣжее мясо. Болѣе того, если пища покрыта пылью, чайки полощутъ ее въ водѣ, прежде чѣмъ проглотить ее; хищныя птицы, находясь въ неволѣ, далеко не такъ чистоплотны.

Морскихъ птицъ почему-то считаютъ очень глупыми, на томъ основаніи, что онѣ подпускаютъ къ себѣ на близкое разстояніе, такъ что убить ихъ не стоитъ никакого труда. Тѣ, которые это утверждаютъ, по всей вѣроятности, никогда ихъ не наблюдали, какъ слѣдуетъ, потому что въ дѣйствительности эти птицы прекрасно умѣютъ отличать охотниковъ отъ публики, мирно гуляющей по берегу, и во-время улетаютъ, когда замѣчаютъ направленное въ нихъ дуло ружья. Впрочемъ, такого образа дѣйствія онѣ придерживаются только на пустынномъ побережьѣ, гдѣ, какъ это имъ хорошо извѣстно, ихъ единственное спасеніе заключается въ томъ, чтобы поскорѣе скрыться изъ виду. Въ приморскихъ городахъ и береговыхъ деревняхъ эти птицы чувствуютъ себя въ безопасности и, поэтому, перестаютъ дичиться людей; но это скорѣе доказываетъ ихъ умъ, чѣмъ глупость.

*

Что касается охоты на этихъ птицъ, то на этотъ счетъ Луи Терпье сообщаетъ слѣдующее.

Чтобы пристрѣлить ихъ, необходимо либо застать ихъ врасплохъ, либо обмануть. Для того, чтобы застигнуть ихъ врасплохъ, нужно при наступленіи отлива прятаться за откосами и покатостями, которые образовались отъ скопленія валуновъ, а чтобы обмануть—нужно гулять вблизи, дѣлая видъ, что не обращаешь на нихъ никакого вниманія. Съ охотника онѣ не сводятъ глазъ; онѣ до того подозрительны, что стоитъ кому-нибудь остановиться и пристально посмотрѣть въ ихъ сторону, все равно на какомъ разстояніи, чтобы онѣ тотчасъ улетѣли.

На морѣ онѣ менѣе недовѣрчивы: встрѣчая часто рыбачьи лодки и парусныя суда, которыя имъ никакого вреда не причиняютъ, птицы-буревѣстники часто приближаются къ нимъ на разстояніе выстрѣла.

Поморники и чайки имѣютъ привычку присоединяться къ своимъ родичамъ, гдѣ бы они ихъ ни встрѣтили.

Этимъ пользуются, чтобы привлечь ихъ на близкое разстояніе. Для этого передъ охотничьей сторожкой привязываютъ на шнуркѣ ручную чайку; когда замѣчаютъ въ отдаленьи ея вольныхъ товарищей, направляющихся къ морю, то дергаютъ за шнурокъ, къ которому привязана плѣнница: она начинаетъ хлопать крыльями, и это привлекаетъ вниманіе птицы, которая вмѣсто того, чтобы продолжать путь, направляется къ плѣнной подругѣ и принимается кружиться вблизи нея.

Если нѣтъ другой дичи, то охотятся за чайками и поморниками. охота, дающая возможность провести нѣсколько пріятныхъ часовъ, имѣетъ двоякій интересъ: во-первыхъ, къ этимъ птицамъ трудно приблизиться, и чтобы убить ихъ нужно прибѣгнуть къ хитрости; если она удается, если ваша попытка

увѣнчалась успѣхомъ, то у васъ является чувство удовлетворенія, благодаря сознанію, что ваши труды не пропали даромъ, что вы добились цѣли. Во-вторыхъ, на этой охотѣ представляется случай изучать морскихъ птицъ, наблюдать ихъ привычки, распознавать ихъ виды и разновидности и т. д.

Охота на берегу моря труднѣе, чѣмъ на равнинѣ: она требуетъ много терпѣнія и опытности. Кромѣ того, она изобилуетъ неожиданностями, а эти неожиданности больше всего, въ сущности, привлекаютъ завзятыхъ охотниковъ.

Когда чайки замѣчаютъ раненаго товарища, онѣ начинаютъ кружиться надъ нимъ. Это обстоятельство подало поводъ предположить, что онѣ дѣлаютъ это съ той цѣлью, чтобы прикончить раненаго или что онѣ, во всякомъ случаѣ, ждутъ его смерти, въ надеждѣ полакомиться имъ. Ничего подобнаго, однако, въ дѣйствительности не наблюдается: покружившись надъ своимъ товарищемъ, раненымъ или мертвымъ, птицы улетаютъ, убѣдившись, очевидно, что присутствіе ихъ безполезно.

Мясо поморниковъ и морскихъ чаекъ, довольно жесткое и немного жирное, не очень пріятно на вкусъ; тѣмъ не менѣе, если его хорошо приготовить, его можно ѣсть; особенно хороши молодыя чайки, если онѣ приготовлены, какъ заячье рагу.

Поморники и чайки никогда не удаляются на большое разстояніе отъ берега; одни изъ нихъ живутъ осѣдло, другіе ведутъ кочевой образъ жизни. Эти птицы летаютъ необыкновенно быстро; высчитано, что чайка можетъ въ минуту пролетѣть разстояніе въ 900 метровъ, слѣдовательно въ часъ она можетъ сдѣлать 54 километра (50 верстъ),—скорость, которой можетъ позавидовать любой велосипедистъ. Когда она устаетъ во время полета, чайка опускается на воду, на которой держится очень свободно, легко скользя по волнамъ.

Морскія птицы гнѣздятся на пустынныхъ берегахъ. Чтобы устроить гнѣздо, птица роетъ въ землѣ небольшую ямку, которую выстилаетъ вѣтками, сучками, мхами, лишаями, водорослями и т. д. Самка, сидящая на яицахъ, находится подъ покровительствомъ самца, который заботится о ней и защищаетъ ее. Гнѣзда часто бываютъ расположены въ рядъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга, и въ этихъ случаяхъ, чайки и поморники, точно по взаимному соглашенію, дружно нападаютъ на каждаго пришельца, который тревожитъ ихъ, чтобы общими усиліями заставить его удалиться.

*

Интересное наблюденіе было сдѣлано однимъ натуралистомъ, который посѣтилъ островокъ, гдѣ гнѣздились сотни птицъ обоихъ этихъ видовъ.

«Гнѣзда были устроены на болотистой почвѣ. Нѣкоторыя, покрытыя внутри маленькими рогожками, были сдѣланы очень аккуратно, другія были построены небрежно. Въ каждомъ гнѣздѣ лежали три большихъ яица, съ толстой сѣроватой скорлупой, испещренной пятнышками и крапинками бураго или оливково-пепельнаго цвѣта.

«Эти яица оберегались весьма ревниво обоими родителями. Когда я высадился на островокъ, воздухъ огласился пронзительными криками. Птицы, сидѣвшія въ этотъ моментъ на яицахъ, не трогались съ мѣста: онѣ, повидимому, были увѣ-

рены, что ихъ товарищи не подпустятъ меня близко и заставятъ меня уйти. Дѣйствительно, меня атаковали со всѣхъ сторонъ; чайки и поморники, слетѣвшись во множествѣ, начали съ крикомъ кружиться вокругъ меня, имѣя явное намѣреніе принудить меня къ отступленію».

Поморники очень похожи на чаекъ какъ внѣшнимъ видомъ, такъ и привычками и образомъ жизни. Существуютъ даже многочисленныя переходныя формы обоихъ этихъ видовъ; тѣмъ не менѣе, все же между ними есть различіе, которое не ускользаетъ отъ вниманія опытнаго наблюдателя. У чаекъ черные глаза окаймлены узкой радужной оболочкой темно-бураго цвѣта, которая не подвергается никакимъ измѣненіямъ въ продолженіе всей ихъ жизни; далѣе, онѣ меньше поморниковъ и клювъ ихъ тоньше и острѣе, чѣмъ у послѣднихъ.

Самые большіе поморники это тѣ, которымъ благодаря ихъ сѣрому оперенію дали прозвище бургомистровъ; они достигаютъ въ длину 0,69—0,72 метра, а при распластанныхъ крыльяхъ—2 метра. Эти птицы встрѣчаются довольно рѣдко; онѣ водятся главнымъ образомъ на сѣверѣ.

Гораздо болѣе распространенъ поморникъ съ чернымъ опереніемъ, имѣющій въ среднемъ 0,37 метра въ длину.

Лѣтомъ голова и шея этой птицы окрашены въ безукоризненно бѣлый цвѣтъ, тогда какъ нижняя часть тѣла своей окраской напоминаетъ черный бархатъ; клювъ у нея желтый, вѣки красныя, а ноги блѣдно-тѣлеснаго цвѣта съ голубоватымъ оттѣнкомъ. У молодыхъ замѣчаются буроватые оттѣнки на грязно-бѣломъ фонѣ,—но это не отдѣльный видъ, какъ вообще думаютъ.

Поморники сидятъ на яицахъ въ маѣ и іюнѣ; въ свое гнѣздо, которое они выстилаютъ травою, эти птицы кладутъ два-три яица зеленовато-сѣраго цвѣта. Крики, издаваемые ими—насмѣшливое «*ква! ква! ква!*», очень непріятны. Вотъ что интересно отмѣтить: когда два поморника ранены одновременно, они вступаютъ другъ съ другомъ въ ожесточенный бой, который длится до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не падаетъ мертвымъ; по всей вѣроятности, каждый изъ нихъ считаетъ другого виновникомъ своей раны.

Такъ-называемый бурый поморникъ въ дѣйствительности бурой окраски совсѣмъ не имѣетъ. Все тѣло его бѣлаго цвѣта, за исключеніемъ темно-сѣрой спины, покрытой бѣлыми пятнами. Клювъ и ноги—желтые. Во время сезона лѣтнихъ купаній эту птицу часто можно видѣть на морскомъ берегу. Ее не трудно узнать по бѣлой каймѣ на крыльяхъ на уровнѣ плечъ; крикъ, издаваемый ею — рѣзкое «*а-а-а!*». Свое гнѣздо она наполняетъ травой и сухими водорослями.

Поморникъ съ голубой или серебристой мантіей, согласно наблюденіямъ Тернье, занимаетъ по величинѣ своего тѣла среднее мѣсто между двумя описанными выше разновидностями; онъ по своей величинѣ нѣсколько больше дикой утки. У поморника этого вида голова и шея совершенно бѣлы; клювъ желтый, но уголъ нижней челюсти окрашенъ въ ярко-красный цвѣтъ. Свѣтло-желтая радужная оболочка глаза придаетъ взгляду птицы хищническое выраженіе.

Опереніе свѣтло-пепельнаго цвѣта съ голубоватымъ оттѣнкомъ, хвостъ бѣлый,

равно какъ вся нижняя часть тѣла; крылья такого же цвѣта, какъ и мантія; попадаются, впрочемъ, въ нихъ большія черныя перья, покрытыя кое-гдѣ бѣлыми пятнами. Ноги блѣдно-тѣлеснаго или ярко-желтаго цвѣта; послѣдняя окраска рѣдко наблюдается зимою; на головѣ и шеѣ замѣчаются буроватыя полоски. Молодыя птицы этого вида имѣютъ буро-бѣлую окраску, но эта окраска у нихъ свѣтлѣе, чѣмъ у другихъ видовъ, кромѣ того, спина у нихъ скорѣе пріобрѣтаетъ голубоватые оттѣнки.

Взрослый поморникъ съ голубымъ опереніемъ—птица очень красивая.

Великолѣпная мантія, бѣлоснѣжная грудь, гордый взоръ,—все это придаетъ ему величественный видъ. Если онъ раненъ, то защищается съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ прочія морскія птицы. Поморникъ этого вида извѣстенъ, какъ страшный истребитель яицъ: это настоящій бичъ всѣхъ птицъ, которыя сидятъ на яицахъ, вблизи того мѣста, гдѣ онъ устроилъ свое гнѣздо, а гнѣздится онъ на побережьѣ сѣверной Европы, Англіи, Франціи, на берегахъ Ла-Манша и пр. Яица онъ кладетъ либо прямо на землю въ траву, либо въ углубленіяхъ недоступныхъ скалъ; яица имѣютъ буровато-оливковый или буро-красный цвѣтъ съ крапинками. Въ Англіи эту птицу называютъ «сельдянымъ поморникомъ» (herring-gull). Ея обычный крикъ во время полета, это «*гіан-гіан!*», а когда она напугана, то издаетъ рѣзкое «*ки-іокъ!*»

Пепельный поморникъ занимаетъ среднее мѣсто между настоящими поморниками-чайками. По формѣ своего клюва онъ примыкаетъ къ первому виду, а по черному цвѣту глазъ—ко второму. Зимою онъ имѣетъ голубыя ноги. На нашемъ побержьѣ онъ появляется въ августѣ.

*

Чайки весьма распространены въ Европѣ. Представителямъ того вида, который чаще всего встрѣчается, дали прозвище хохотушекъ, потому что ихъ обычный крикъ напоминаетъ собою смѣхъ человѣка.

Подобно представителямъ родственныхъ видовъ, чайки—самцы и самки—лѣтомъ имѣютъ такъ-называемый черный капюшонъ: голова и часть шеи окрашены у нихъ тогда въ черный цвѣтъ. Зимою этотъ капюшонъ исчезаетъ—голова и шея становится бѣлыми, какъ всѣ другія части тѣла, за исключеніемъ спины, которая сохраняетъ свой пепельно-сѣрый цвѣтъ.

Этихъ чаекъ можно видѣть на побережьи только весною и лѣтомъ; осенью онѣ улетаютъ и проводятъ зиму въ теплыхъ краяхъ. Вотъ вкратцѣ тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ Бремъ относительно этихъ птицъ.

Чайка-хохотушка возвращается къ намъ въ ту пору, когда весна вступила уже въ свои права. Бывали случаи, когда ее видѣли уже въ мартѣ, но обыкновенно она появляется лишь въ апрѣлѣ.

Чайка считается очень красивой морской птицей. Ея движенія полны граціи и изящества; она ходитъ по землѣ быстро и свободно; по цѣлымъ часамъ можетъ слѣдовать за крестьянами, работающими въ полѣ; любитъ гоняться за насѣкомыми на лугахъ. Она плаваетъ хорошо, хотя и не быстро; подымается на воздухъ

одинаково легко съ суши или съ воды, и летаетъ очень скоро и красиво, описывая самыя причудливыя кривыя линіи.

Чайку по справедливости считаютъ осторожной и даже немного недовѣрчивой птицей, хотя она охотно селится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ человѣкомъ; однако, она только тогда рѣшается избрать опредѣленное мѣстопребываніе вблизи людей, когда убѣждается, что они не относятся къ ней враждебно. Въ маленькихъ городахъ Южной Европы, расположенныхъ вблизи моря, на чайку смотрятъ почти какъ на домашнюю птицу. Она свободно разгуливаетъ среди людей, увѣренная, что никто ей не причинитъ зла. Но если задѣть ее, ударить и т. д., птица становится недовѣрчивой и не скоро забываетъ нанесенную ей обиду. Съ своими товарищами чайка находится въ хорошихъ отношеніяхъ, хотя зависть и жестокость—главныя черты ея характера. Чайки живутъ въ большомъ согласіи между собою; то, что пословица говоритъ о вӧронахъ,—«вӧронъ вӧрону глазъ не выклюнетъ»,—можно безъ всякихъ оговорокъ сказать и о нихъ.

Съ другими пернатыми чайки совсѣмъ знаться не хотятъ, и если какая-нибудь изъ живущихъ по сосѣдству птицъ—ворона, аистъ, или даже безобидная утка приблизится къ ихъ гнѣздамъ, чайки дружно нападаютъ на нее, чтобы принудить ее удалиться. Такія же враждебныя чувства чайки питаютъ по отношенію къ представителямъ родственныхъ видовъ, и если тѣ имѣютъ неосторожность очутиться вблизи ихъ жилищъ, то чайки яростно кидаются на нихъ и гонятъ прочь.

Голосъ чаекъ очень непріятенъ—этимъ и объясняется, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имъ дали прозвище морскихъ воронъ. Пронзительное «*кріа*» — это ихъ призывный крикъ; когда чайка раздражена, она издаетъ рѣзкое «*керрекекед*» или хриплое «*гирр*».

*

Чайки питаются главнымъ образомъ насѣкомыми и маленькими рыбками, но не брезгаютъ также грызунами. За насѣкомыми онѣ гоняются на сушѣ и на водѣ, ловятъ ихъ также на листьяхъ и схватываютъ на лету. Чтобы поймать маленькую рыбу, чайка либо неожиданно кидается въ воду, либо носится надъ поверхностью воды; къ первому способу ловли чайки прибѣгаютъ на морѣ, ко второму—на рѣкахъ и озерахъ. Своихъ птенцовъ чайка кормитъ исключительно насѣкомыми. Несмотря на то, что силой эта птица не отличается, она все же рѣшается нападать на довольно большихъ животныхъ, когда представляется удобный случай, и очень ловко разрываетъ большіе куски мяса на маленькія части, примѣнительно къ своему небольшому пищеводу. Хотя чайка не любитъ растительной пищи, она тѣмъ не менѣе скоро пріучается ѣсть хлѣбъ и потомъ истребляетъ его съ явнымъ удовольствіемъ. Чайка гоняется за добычей цѣлый день; отдохнувъ немного, она снова принимается рыскать. Не найдя ничего подходящаго для себя на озерѣ, она отправляется на луга и поля, затѣмъ возвращается къ водѣ, чтобы напиться и выкупаться, и послѣ непродолжительнаго отдыха опять пускается на поиски за добычей.

Чайки начинаютъ класть яица въ концѣ апрѣля. Многочисленная стая

птицъ устремляется въ одно и то же мѣсто и подымаетъ страшный шумъ, споря изъ-за мѣстъ. Чайки-хохотушки никогда не гнѣздятся отдѣльно, рѣдко — маленькими колоніями, и всегда почти многочисленными обществами, состоящими изъ сотенъ, а иногда тысячъ птицъ, которыя размѣщаются кое-какъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Гнѣзда свои чайки устраиваютъ въ камышахъ, вблизи тихихъ водъ или на болотѣ, всегда въ густой почти непроходимой чащѣ; матеріаломъ для постройки служатъ сухія вѣтки, солома, тростникъ, осока и т. д. Къ началу мая въ каждомъ гнѣздѣ находится три-пять яицъ. Яйца нѣжно зеленаго цвѣта покрыты маленькими сѣро-пепельными пятнышками съ красноватымъ оттѣнкомъ. Впрочемъ, какъ цвѣтъ, такъ и форма этихъ яицъ подвергаются иногда нѣкоторымъ измѣненіямъ.

*

Сидѣніе на яйцахъ продолжается восемнадцать дней. Если гнѣздо окружено водою, то птенцы не выходятъ изъ него въ первые дни; наоборотъ, если оно построено на твердой землѣ, они спустя нѣкоторое время послѣ рожденія начинаютъ бродить вокругъ своего жилья. На восьмой день птенцы пробуютъ свои силы въ плаваніи, черезъ двѣ недѣли они уже летаютъ довольно свободно, а въ концѣ третьей становятся почти самостоятельными.

Родители всегда на сторожѣ и при малѣйшей опасности, угрожающей ихъ птенцамъ, подымаютъ тревогу. Стоитъ показаться неподалеку какой-нибудь хищной птицѣ—воронѣ, цаплѣ и пр., какъ вся стая приходитъ въ движеніе: воздухъ оглашается страшными криками; снимаются съ мѣста даже тѣ чайки, которыя сидятъ на яицахъ, и птицы, слетѣвшись со всѣхъ сторонъ, дружно бросаются на врага и употребляютъ всѣ усилія, чтобы прогнать его. Онѣ храбро нападаютъ на собаку, заглянувшую въ ихъ владѣнія, на лисицу, и даже на человѣка, приэтомъ кричатъ изо всѣхъ силъ, такъ что требуется извѣстная доля мужества, чтобы спокойно переносить эти отчаянные крики.

Бѣглеца онѣ яростно и долго преслѣдуютъ; проходитъ не мало времени, прежде чѣмъ птицы успокаиваются и нарушенная-было тишина возстановляется.

Чайка-хохотушка держитъ себя въ неволѣ прекрасно, въ особенности, если она была взята изъ гнѣзда въ очень юномъ возрастѣ. Ихъ кормятъ мясомъ или рыбой, но постепенно ихъ можно пріучить ѣсть хлѣбъ и тогда содержаніе ихъ обходится очень дешево. Чайка скоро привязывается къ человѣку, который ихъ кормитъ, слѣдуетъ за нимъ, какъ собака, радостно привѣтствуетъ его, когда онъ приближается къ ней и сопровождаетъ его, летая, по полямъ и садамъ, по деревнѣ. Отъ времени до времени прирученную чайку выпускаютъ на свободу; она удаляется отъ дома иногда на разстояніи нѣсколькихъ миль, но всегда возвращается, въ опредѣленное время, въ особенности, если она пріучена получать пищу въ извѣстный часъ. Встрѣтивъ по пути своихъ родичей, ручныя чайки стараются завлечь ихъ въ свое жилье, и такъ умѣютъ усыпить ихъ подозрительность, что вольныя птицы, всегда очень осторожныя и недовѣрчивыя, пере-

стаютъ бояться человѣка, свободно входятъ въ клѣтку своего прирученнаго товарища, но пробывъ въ ней нѣкоторое время, улетаютъ прочь.

Излюбленнымъ мѣстомъ чаекъ, какъ передаетъ Терьне, являются илистыя лагуны на взморьѣ. Тутъ онѣ ищутъ себѣ пищу, но какія предосторожности онѣ принимаютъ, чтобы не испачкать своей бѣлоснѣжной груди, когда проносятся надъ этими тинистыми мѣстами!

Ничего нѣтъ прелестнѣе молодыхъ чаекъ—все въ нихъ красиво: и черные глаза, и тонкій изящный клювъ, и мягкія очертанія ихъ пропорціональныхъ формъ. Сравните внѣшность чайки и голубя: первая несравненно красивѣе; чайка обладаетъ большими ногами длина которыхъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ величиной всего тѣла, тогда какъ голубь имѣетъ довольно неуклюжій видъ со своими короткими лапами; чайка—стройна и граціозна, голубь—приземистъ и коренастъ. Чайки очень легковѣсны, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и достигаютъ величины вяхиря: онѣ состоятъ почти только изъ костей, перьевъ да пуха.

Взрослыя чайки съ ихъ черными капюшонами не такъ красивы, какъ молодыя, лишенныя этого страннаго украшенія. Крики, издаваемыя чайками, отличаются нѣкоторой мягкостью только осенью; весною они дѣлаются очень рѣзкими и непріятными.

Кромѣ весьма распространенныхъ чаекъ-хохотушекъ существуютъ еще нѣкоторые другіе болѣе рѣдкіе виды этихъ птицъ, именно чайка-карликъ, серебристая чайка, чайка-буревѣстница и др.

* * *

Поморники и чайки отлично летаютъ, но все же не такъ быстро и неутомимо, какъ морскія ласточки, которыя почти никогда не отдыхаютъ. Стоитъ лишь взглянуть на нихъ, чтобы придти къ заключенію, что эти птицы созданы для того, чтобы рѣять въ воздухѣ, подобно простымъ ласточкамъ, милымъ вѣстницамъ весны. Морскія ласточки—водныя птицы съ стройнымъ тѣломъ, узкими, длинными крыльями, раздвоеннымъ хвостомъ, гладкимъ и жесткимъ опереніемъ; прямой твердый клювъ такой же длины, какъ голова, оканчивается острымъ концомъ, и бываетъ иногда слегка изогнутъ съ внѣшней стороны.

Морскія ласточки встрѣчаются почти вездѣ на нашемъ побережьи. Цѣлый день онѣ носятся надъ поверхностью моря, и когда летаютъ, кажутся необыкновенно стройными и граціозными; но когда онѣ садятся, чтобы немного отдохнуть, что, впрочемъ, случается, очень рѣдко, то эти птицы производятъ своей внѣшностью менѣе выгодное впечатлѣніе: хвостъ у нихъ выше головы, а голова какъ будто ушла въ плечи. Ходятъ онѣ очень плохо, въ припрыжку.

Изрѣдка морскія ласточки опускаются на поверхность моря для отдыха; онѣ держатся на водѣ довольно свободно, хотя плавать хорошо не умѣютъ, потому что плавательныя перепонки на ихъ лапахъ не въ достаточной степени развиты. Зато быстротою полета онѣ ни въ чемъ не уступаютъ настоящимъ ласточкамъ. Полетъ ихъ очень красивъ и вычуренъ: птицы то слабо машутъ крыльями и описы-

ваютъ удлиненные зигзаги, то приводятъ ихъ въ быстрое колебаніе и летятъ по прямой линіи, какъ стрѣла. Въ хорошую погоду онѣ любятъ рѣзвиться, низко носясь надъ поверхностью воды, которую чуть-чуть задѣваютъ кончиками своихъ крыльевъ. Иногда, находясь на довольно значительной высотѣ, морскія ласточки складываютъ крылья и камнемъ падаютъ въ море; нырнувъ въ воду, онѣ черезъ мгновеніе снова взлетаютъ на воздухъ.

Морскія ласточки ныряютъ вообще очень рѣдко, потому что питаются онѣ добычей, которую находятъ либо въ воздухѣ, либо на поверхности воды. Длина ихъ тѣла составляетъ въ среднемъ 50 сантиметровъ; цвѣтъ оперенія свинцово-сѣрый, черный или бѣлый. Голосъ у нихъ крикливъ и рѣзокъ; ихъ «*кріэ-кріэ*» звучитъ очень непріятно.

Морскія ласточки весьма общительны; онѣ живутъ большими обществами особенно въ періодѣ сидѣнія на яицахъ. Чувство состраданія у нихъ развито въ довольно высокой степени: эти птицы со всѣхъ сторонъ слетаются къ своему раненому товарищу; густыми рядами летаютъ онѣ надъ нимъ, испуская жалобные крики, и не обращаютъ никакого вниманія на выстрѣлы, къ величайшему удовольствію охотника, который въ короткое время можетъ такимъ образомъ перебить цѣлую стаю.

«Самецъ и самка, составляющіе одну пару,—говоритъ Бремъ:—очень привязаны другъ къ другу, а къ своему потомству выказываютъ такую сильную любовь, что ради него часто подвергаются опасностямъ, которыхъ въ обыкновенное время стараются всѣми силами избѣгнуть. Если во время гнѣздованія эти птицы составляютъ многочисленныя общества, то дѣлаютъ это, по всей вѣроятности, потому, что сознаютъ, что могутъ лучше защищать свои семьи отъ нападеній враговъ, если будутъ отражать ихъ соединенными силами, чѣмъ если будутъ дѣйствовать отдѣльно».

За нѣсколько недѣль до кладки яицъ, морскія ласточки слетаются въ мѣста своего гнѣздованія, которыхъ обыкновенно никогда не мѣняютъ.

Живущія у моря избираютъ для гнѣздованія либо песчаную отмель, либо открытый островокъ, либо, наконецъ, коралловый рифъ, покрытый растительностью. Тѣ морскія ласточки, которыя своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ избрали мѣста, нѣсколько удаленныя отъ береговой полосы, для той же цѣли отыскиваютъ приблизительно такіе же уголки, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко устраиваются въ болотахъ или вблизи озеръ. Обыкновенно каждый видъ во время гнѣздованія селится отдѣльно, образуя многочисленныя колоніи; въ исключительныхъ случаяхъ, однако, встрѣчаются такъ-называемые одинокія парочки, которыя устраиваются отдѣльно или въ обществѣ водяныхъ птицъ другого вида. Настоящія гнѣзда строятъ только тѣ морскія ласточки, которыя живутъ на болотѣ; прочія же для кладки своихъ яицъ дѣлаютъ въ землѣ небольшое углубленіе, которое въ сущности мало походитъ на гнѣздо.

Гнѣзда морскихъ ласточекъ, устроенныя на болотѣ, находятся на извѣстномъ разстояніи одно отъ другого. Морскія ласточки, живущія не на болотѣ, а въ другихъ мѣстахъ, сидятъ на яицахъ такими густыми рядами, что буквально по-

крываютъ собою весь берегъ; птицы почти касаются другъ друга, и должны поворачиваться всѣ въ одну сторону, чтобы не стѣснять себя и своихъ сосѣдей. Нельзя пробираться сквозь частые ряды этихъ гнѣздъ, не разбивая яицъ, которыя лежатъ въ нихъ. Тѣ птицы, которыя устраиваются на деревьяхъ, кладутъ яйца въ углубленія, образованныя неровностями коры, или же прямо на вѣточки съ двойными развѣтвленіями.

Большинство кладетъ на землю три яйца; попадаются, впрочемъ, въ ямкахъ два, а иногда даже четыре яйца; тѣ птицы, которыя устраиваютъ гнѣзда на деревѣ или въ кустарникѣ, кладутъ обыкновенно не болѣе одного.

Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ поочередно; но въ тѣ часы дня, когда очень жарко, они оставляютъ на нѣкоторое время гнѣздо, и яйца, такимъ образомъ, согрѣваются только солнечными лучами. По истеченіи двухъ-трехъ недѣль начинаютъ показываться птенцы, покрытые пухомъ; въ первый же день появленія на свѣтъ они выходятъ изъ гнѣзда и принимаются бѣгать по берегу, обнаруживая, пожалуй, большую рѣзвость, чѣмъ ихъ родители, которые зорко слѣдятъ за ними и доставляютъ имъ обильный кормъ. Птенцы растутъ очень быстро, но достигаютъ полнаго развитія лишь тогда, когда научаются въ совершенствѣ владѣть крыльями. У нихъ много враговъ, которыми являются всѣ хищныя птицы, главнымъ же образомъ вороны и крупные виды чаекъ, таскающіе ихъ прямо изъ гнѣзда. Высоко летающіе хищники охотятся также на взрослыхъ морскихъ ласточекъ; поморники-рыболовы часто подолгу гоняются за ними и мучаютъ ихъ всѣми способами, заставляя выбросить пойманную ими добычу.

Человѣкъ также относится къ числу враговъ морской ласточки, потому что истребляетъ въ немаломъ количествѣ ея маленькія очень вкусныя яйца. За этими птицами охотятся очень рѣдко, потому что нельзя воспользоваться ни ихъ мясомъ, ни ихъ перьями, а неволи онѣ не переносятъ совсѣмъ.

Извѣстны два отличные другъ отъ друга вида морскихъ ласточекъ: крачки-чегравы и крачки рѣчныя (тростниковыя ласточки). Послѣднія отличаются короткимъ, тонкимъ, немного загнутымъ клювомъ: крылья у нихъ длиннѣе и хвостъ не въ такой степени раздвоенъ, какъ у чегравъ. Перепонка на ногахъ такъ слабо развита, что на пальцахъ видны только зачатки этой ткани въ видѣ маленькой бахромки. Нижняя часть тѣла окрашена болѣе интенсивно, чѣмъ верхняя, что въ животномъ царствѣ наблюдается очень рѣдко. Чегравы устраиваютъ свои гнѣзда на морскомъ берегу, крачки на стволахъ тростниковъ въ болотахъ.

* * *

Морскимъ птицамъ приходится терпѣть немало невзгодъ вслѣдствіе недостатка въ пищѣ и дурной погоды; кромѣ того, онѣ имѣютъ многочисленныхъ враговъ въ лицѣ различныхъ пернатыхъ хищниковъ, наконецъ, ихъ преслѣдуютъ даже нѣкоторыя птицы, принадлежащія къ родственнымъ видамъ, какъ, напримѣръ, рыболовы.

Поморникъ-рыболовъ—это большая птица съ крѣпкой грудью, короткой шеей и маленькой головою. Клювъ у основанія покрытъ веществомъ, похожимъ на воскъ; какъ у нѣкоторыхъ хищныхъ птицъ, онъ загнутъ на концѣ крючкомъ. Нижняя че-

люсть болѣе или менѣе угловата; среднія правильныя перья хвоста по своей величинѣ значительно больше другихъ, что придаетъ этой части тѣла видъ остроконечнаго копья.

Блестящіе глаза своимъ насмѣшливымъ выраженіемъ напоминаютъ глаза хищныхъ птицъ. Поморники-рыболовы безпрестанно преслѣдуютъ маленькихъ поморниковъ, чаекъ, морскихъ ласточекъ: они гоняются за ними съ такимъ видомъ, будто имѣютъ намѣреніе съѣсть ихъ. Но на самомъ дѣлѣ, они этого не дѣлаютъ. Если слѣдить за рыболовомъ въ бинокль, то можно видѣть, что онъ преслѣдуетъ и мучитъ этихъ птицъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не выбросятъ изъ себя бѣловатую или зеленоватую массу, которую онъ подхватываетъ на лету и въ мгновеніе ока проглатываетъ.

Натуралисты, въ первый разъ замѣтившіе это явленіе, предположили, что преслѣдуемыя птицы выдѣляютъ экскременты, и на этомъ основаніи сдѣлали заключеніе, что рыболовы-поморники пользуются птичьими выдѣленіями, какъ питательнымъ матеріаломъ.

Но въ дѣйствительности, ничего подобнаго нѣтъ. Та масса, которую выдѣляетъ чайка или поморникъ, есть не что иное, какъ недавно проглоченная рыба, которая нужна рыболову-поморнику; онъ гоняетъ этихъ птицъ безъ устали и нерѣдко бьетъ ихъ клювомъ по головѣ для того, чтобы заставить ихъ выпустить свою добычу. Если, несмотря на эти преслѣдованія, птица упорствуетъ и не отдаетъ того, что у нея такъ настойчиво требуютъ, разсерженный рыболовъ-поморникъ разрываетъ ее на части.

Этотъ хищникъ чрезвычайно прожорливъ: не довольствуясь добычей, отнятой у другихъ птицъ, онъ отправляется на взморье и собираетъ тамъ все болѣе или менѣе съѣдобное, что было выброшено волнами на берегъ. Онъ, кромѣ того, опустошаетъ гнѣзда птицъ, и истребляетъ какъ лежащія въ нихъ яйца, такъ и неоперившихся птенцовъ.

«Крикъ ужаса вырывается изъ тысячи грудей,—говоритъ Науманъ:—когда этотъ смѣлый грабитель приближается къ владѣніямъ птицъ, сидящихъ на яйцахъ. Хотя всѣ единогласно протестуютъ противъ его вторженія, тѣмъ не менѣе среди нихъ не находится ни одного смѣльчака, который рѣшился бы дать ему энергичный отпоръ. Хищникъ, между тѣмъ, хватаетъ перваго попавшагося птенца и удаляется съ нимъ, въ то время какъ самка отчаянно кричитъ и нѣкоторое время летитъ вслѣдъ за похитителемъ. Этотъ послѣдній продолжаетъ лѣтѣть до тѣхъ поръ, пока не очутится вблизи воды: тогда онъ опускается внизъ, душитъ свою жертву, проглатываетъ ее, затѣмъ направляется къ своему гнѣзду, и выдѣливъ недавно проглоченную добычу, отдаетъ ее своимъ птенцамъ».

Наѣвшись, до-сыта, поморникъ-рыболовъ, удаляется въ укромный уголокъ, гдѣ онъ можетъ на свободѣ предаваться пищеваренію. Но отдыхаетъ онъ такимъ образомъ не долго: спустя нѣкоторое время онъ расправляетъ крылья, чтобы снова приняться за свое ремесло грабителя.

Летаетъ онъ съ необыкновенной легкостью и быстротой. Науманъ справедливо замѣчаетъ, что изъ всѣхъ птицъ поморникъ-рыболовъ отличается наи-

болѣе своеобразнымъ полетомъ, который онъ умѣетъ варьировать на тысячу ладовъ. То онъ летаетъ спокойно и медленно, плавно разсѣкая воздухъ своими длинными крыльями, точно соколъ, и паритъ на большой высотѣ; издали его легко можно принять за коршуна. Но вотъ неожиданно онъ начинаетъ быстро махать крыльями, спускается по наклонной линіи, снова подымается, описывая извилистую кривую, затѣмъ кидается внизъ съ головокружительной быстротой, медленно взвивается вверхъ, затѣмъ останавливается, точно утомившись вслѣдствіе труднаго подъема; но минуту спустя, «точно въ него вселился злой духъ», начинаетъ вертѣться, кружиться, дѣлать самыя неожиданныя экстравагантныя движенія.

Поморникъ-рыболовъ кричитъ, какъ павлинъ; его громкое раскатистое «*мяу*» принимаетъ особыя интонаціи въ періоды спариванія, такъ что его можно даже сравнить съ пѣніемъ, потому что издаваемые птицей звуки «*же-же*» состоятъ изъ цѣлой серіи нотъ.

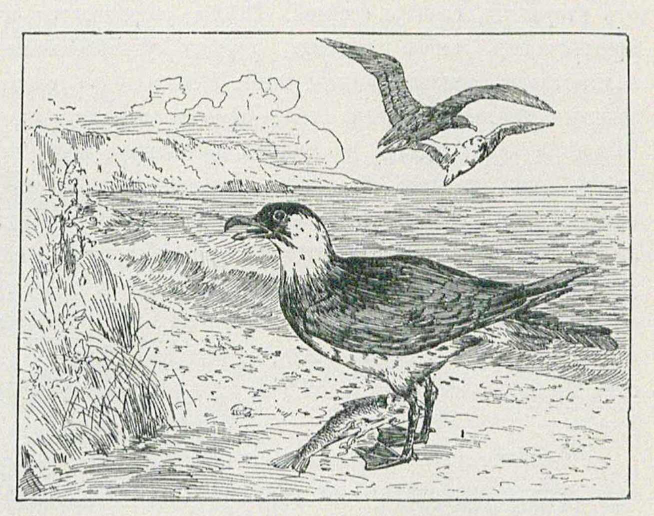


Рис. 174. **Поморникъ-рыболовъ.**
Настоящій грабитель, дерзко отбирающій добычу у другихъ морскихъ птицъ, которыя слабѣе его.

По своему образу жизни и привычкамъ поморникъ-рыболовъ очень походитъ во многихъ отношеніяхъ на птицу родственнаго вида, именно на поморника-разбойника; какъ и этотъ послѣдній, рыболовъ смѣлъ, мужественъ, жаденъ и беззастѣнчивъ; отличается въ извѣстной мѣрѣ только своими общественными инстинктами.

Когда наступаетъ время сидѣнія на яицахъ, эти птицы разселяются въ различныхъ мѣстахъ: каждая пара устраиваетъ свое гнѣздо совершенно отдѣльно, въ противоположность тому, что наблюдается у представителей родственныхъ видовъ, которые соединяются въ многочисленныя общества въ эту пору. Мелкія морскія птицы боятся поморника-рыболова въ такой же степени, какъ большія—поморника-разбойника. Тѣмъ не менѣе, нерѣдко случается видѣть, что ржанка, морскіе кулики, буревѣстники гнѣздятся вблизи этой птицы, находясь съ ней, очевидно, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

«На Лофотенскихъ островахъ (въ Норвегіи),—говоритъ Бремъ:—я имѣлъ случай ежедневно наблюдать поморниковъ-рыболововъ въ продолженіе цѣлыхъ недѣль; я замѣтилъ, что въ лѣтнее время они бываютъ такъ же дѣятельны днемъ, какъ и ночью; часто я видѣлъ, какъ они по цѣлымъ часамъ гоняются за насѣкомыми; однако, въ желудкѣ убитыхъ мною птицъ я не нашелъ ничего кромѣ маленькихъ рыбъ. Я никогда не замѣчалъ, чтобы они грабили чужія гнѣзда; за то они

безпрестанно преслѣдуютъ малыхъ качурокъ (Thalassidroma pelagica), заставляя ихъ отдавать имъ добычу, которую тѣмъ удалось захватить. Они преслѣдуютъ крачекъ-чегравъ и тростниковыхъ ласточекъ еще въ большей степени, чѣмъ чаекъ».

*

«Въ среднихъ числахъ мая поморникъ-рыболовъ появляется на сушѣ, чтобы заняться устройствомъ гнѣзда; для этой цѣли онъ избираетъ низменныя болотистыя мѣста. Я замѣтилъ, что въ Лапландіи онъ избѣгаетъ высотъ, которыя посѣщаются другими птицами и рѣдко показывается на вершинахъ горъ, гдѣ гнѣздятся родственные виды птицъ. Одно большое болото занимаютъ 50—100 паръ, но при этомъ каждая пара имѣетъ свои владѣнія, которыя заботливо оберегаетъ отъ вторженія своихъ сосѣдей. Гнѣздо устраивается въ болотѣ, на кочкѣ; оно представляетъ собою простое, хорошо утрамбованное углубленіе. Яица появляются не раньше средины іюля; ихъ матовая скорлупа оливкаго или темнозеленаго цвѣта, испещрена темно-сѣрыми крапинками, колечками и черточками. Самецъ и самка сидятъ на яицахъ поочередно; когда кто-нибудь приближается къ гнѣзду, они тотчасъ бросаются навстрѣчу пришельцу, начинаютъ кружиться вокругъ него, бросаются на землю, затѣмъ подымаются вверхъ, и принимаются летать, описывая замысловатыя фигуры въ воздухѣ, словомъ, употребляютъ всѣ усилія, чтобы отвлечь вниманіе посѣтителя отъ гнѣзда. Эти птицы, все-таки, не въ такой степени неустрашимы, какъ крупные виды этого семейства; я, по крайней мѣрѣ, никогда не замѣчалъ, чтобы какая-нибудь пара поморниковъ-рыболовъ болѣе мужественно защищала свое гнѣздо, чѣмъ буревѣстники». (Бремъ).

* * *

Качурка малая (буревая ласточка), единственная морская птица, которая любитъ бури на морѣ. Буря—это ея стихія, она съ радостью носится надъ бушующими волнами, и чѣмъ яростнѣе дѣлается ураганъ, тѣмъ веселѣе и жизнерадостнѣе становится эта птица. Вотъ несется ей навстрѣчу огромный валъ—онъ захлестнулъ ее; вамъ кажется, что она погибла, но черезъ мгновеніе она выскакиваетъ изъ воды, еще болѣе оживленная, чѣмъ раньше, послѣ неожиданно принятой ванны.

Эта удивительная птица буквально летаетъ вслѣдъ за бурями, и появленіе ея служитъ для моряковъ примѣтой скораго наступленія сильнаго шторма.

Глядя на буревую ласточку въ то время, когда она отдыхаетъ, трудно предположить, чтобы ей нравилась дѣятельная, кипучая жизнь среди расходившихся стихій. По своей величинѣ качурка не больше обыкновенной ласточки: голова и нижняя часть ея тѣла окрашена въ темно-бурый цвѣтъ; хвостъ, бѣлый у основанія и черный на концѣ, не длиннѣе, чѣмъ крылья; клювъ черный, загнутый, лапы средней величины снабжены широкими перепонками.

Буревыя ласточки ведутъ дѣятельную жизнь не только днемъ, но и ночью. Онѣ встрѣчаются цѣлыми стаями въ открытомъ морѣ, но послѣ продолжительнаго урагана направляются къ берегу, очевидно, для того, чтобы отдохнуть. Случается при этомъ, что онѣ забираются довольно далеко вглубь материка. Такъ, года три-четыре тому назадъ ихъ, между прочимъ, видѣли въ Парижѣ. Подобно обыкновеннымъ ласточкамъ, онѣ низко носятся надъ водою, соразмѣряя свой полетъ

съ движеніями большихъ волнъ. Эти пернатыя совершенно безобидны; они питаются маленькими ракообразными и рыбками, плавающими на поверхности моря. Мясо качурки очень невкусно и въ пищу не употребляется: оно такъ жирно, что имъ можно пользоваться для освѣщенія; для этой цѣли къ тѣлу качурки прикрѣпляютъ фитиль и зажигаютъ его: получается что-то въ родѣ пылающаго факела.

Что касается кладки яицъ, то на этотъ счетъ Граба́ сообщаетъ слѣдующее:

«Мой хозяинъ Джонъ Дальегаардъ, которому я сказалъ, что хотѣлъ бы поймать качурку, спросилъ своихъ людей, не знаетъ ли кто изъ нихъ гнѣзда этой птицы. Какой-то мальчикъ отвѣтилъ, что онъ знаетъ, гдѣ ее можно найти, и вызвался проводить насъ къ каменной стѣнѣ конюшни, находившейся на извѣстномъ разстояніи

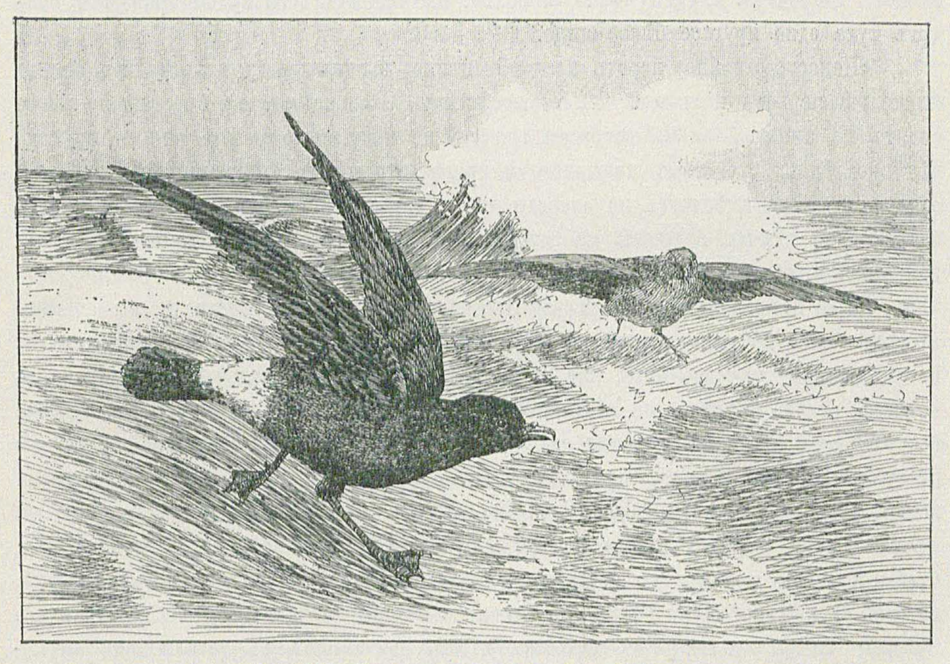


Рис. 175. **Буревая ласточка (качурка малая).**
Этой птичкѣ доставляетъ величайшее удовольствіе носиться надъ волнами бушующаго моря.

отъ дома. Мальчикъ сказалъ, что въ этой стѣнѣ среди камней должна гдѣ-то сидѣть качурка, но не знаетъ въ точности, въ какомъ именно мѣстѣ она находится.

«Однако, мальчикъ скоро разыскалъ ее довольно оригинальнымъ способомъ: прикладывая губы къ трещинамъ стѣны, онъ сталъ издавать звукъ «*клирр*», и спустя нѣкоторое время въ отвѣтъ послышалось слабое «*кекерики*». Тогда мы принялись разнимать стѣну въ этомъ мѣстѣ ломами и кирками и послѣ получасовой работы открыли гнѣздо, сдѣланное изъ травы; но птицы мы въ немъ не нашли,—она, какъ оказалось потомъ, спряталась межъ камней, которые были сдвинуты нами; тѣмъ не менѣе мы ее отыскали и вытащили наружу; качурка лишь только очутилась въ нашей власти, тотчасъ стала раскачивать изъ стороны въ сторону голову и шею и три раза подъ рядъ выпустила изъ зоба струю желтоватой

маслянистой жидкости; она пыталась еще разъ сдѣлать то же самое, но безуспѣшно: кромѣ нѣсколькихъ капель она ничего не могла получить.

«Многіе жители Фарёрскихъ острововъ знаютъ буревую ласточку только по наслышкѣ; они утверждаютъ, что ея крики слышатся подъ землею, и что за исключеніемъ того времени, когда ей приходится сидѣть на яицахъ, ея никогда нельзя видѣть на сушѣ. Во время своего пребыванія на Фарёрскихъ островахъ я ни разу не встрѣчалъ на побережьѣ качурокъ, которыхъ такъ много въ открытомъ морѣ, въ особенности вблизи сѣверныхъ острововъ.

«За нѣсколько недѣль до кладки яицъ качурки удаляются въ гроты и пещеры, расположенныя вблизи морского берега. Тутъ онѣ роютъ ямки, которыя имѣютъ иногда въ глубину футъ и болѣе, выстилаютъ ихъ сухой травою и кладутъ туда одно круглое бѣлое яицо.

«Непосредственно передъ кладкой птица выщипываетъ изъ груди и брюха нѣсколько перьевъ, и кладетъ ихъ въ свое гнѣздо. Сколько времени буревыя ласточки сидятъ на яицахъ,—я въ точности сказать не могу, потому что не имѣлъ случая прослѣдить это; тѣмъ не менѣе, я предполагаю, что во время этого процесса самецъ и самка смѣняютъ по очереди другъ друга: въ гнѣздѣ никогда не видали болѣе одной птицы, сидящей на яицахъ; съ другой стороны, я во всякое время дня встрѣчалъ какъ самцовъ, такъ и самокъ».

Граба прибавляетъ, что буревая ласточка принадлежитъ къ числу самыхъ мирныхъ птицъ: пойманная, она не оказываетъ никакого сопротивленія, никогда не пытается даже укусить того, кто лишилъ ея свободы, и только лишь выпускаетъ изъ себя струю маслянистой жидкости. Приручить эту птицу очень легко: у Граба была буревая ласточка, которая садилась къ нему на руки, сопровождала его на прогулкахъ и пр. Однако, привыкнуть къ неволѣ буревая ласточка не могла и имѣла очень удрученный видъ,—она по цѣлымъ часамъ неподвижно сидѣла на одномъ мѣстѣ, свѣсивъ голову на грудь, никогда не пускала въ ходъ свои крылья, чтобы полетать немного по комнатѣ, и изрѣдка только дѣлала нѣсколько шаговъ, тяжело ступая по полу. Когда ее толкали, она подгибала свои ноги. Она ничего не ѣла; какъ большинство морскихъ птицъ, попавшихъ въ неволю, она тосковала по морю; ее брали въ поле, предоставляли ей полную свободу, но она и не подумала воспользоваться ею и даже тогда, когда ее принесли на взморье: она прикурнула на пескѣ и не трогалась съ мѣста. Но когда ее подбросили въ воздухъ, она стрѣлою взвилась вверхъ и съ неимовѣрною быстротою полетѣла по направленію къ морю.

* * *

Въ открытомъ морѣ довольно часто можно встрѣтить большую бѣлую птицу, величиною съ дикаго гуся; моряки называютъ ее сумасшедшей птицей, потому что она, повидимому, не догадывается, что на кораблѣ находятся люди; она не только слѣдуетъ за судами на близкомъ разстояніи, но нерѣдко садится на мачты и на палубу. Поймать ее очень легко, потому что она съ трудомъ можетъ сняться съ мѣста, на которомъ усѣлась. Физіономія у нея довольно глуповатая, тѣло тяжеловѣсно и неповоротливо, — вотъ почему англійскіе матросы прозвали эту птицу

«балбесомъ». Туловище у нея длиннѣе, чѣмъ у гуся; крылья довольно велики и имѣютъ значительный размахъ; клювъ очень крѣпкій. Эта птица гнѣздится въ расщелинахъ скалъ, употребляя на постройку своего гнѣзда водоросли, траву и мохъ. Мясо ея, имѣющее запахъ мускуса, въ пищу не годится.

* * *

Точно такъ же мало съѣдобнымъ оказывается мясо баклана; оно издаетъ непріятный запахъ и имѣетъ такой отвратительный вкусъ, что про него давно уже сложилась поговорка: «кто хочетъ угостить дьявола, долженъ преподнести ему жаренаго бобра или баклана». Тѣмъ не менѣе, несмотря на дурное качество своего мяса, эта птица представляетъ большой интересъ для натуралиста. Она имѣетъ въ длину около метра. Верхняя часть головы, шеи, груди, брюха и нижняя часть спины окрашены въ красивый темно-зеленый цвѣтъ съ металлическимъ отблескомъ. Опереніе на спинѣ и на крыльяхъ кажется составленнымъ изъ чешуекъ, потому что въ этихъ мѣстахъ перья имѣютъ болѣе темную окраску. Въ періодъ спариванія на головѣ появляется пучокъ маленькихъ, очень тонкихъ и нѣжныхъ перьевъ, въ формѣ небольшого султана, который спустя нѣкоторое время исчезаетъ.

Бакланы очень общительны, — они всегда летаютъ стаями, и только въ исключительныхъ случаяхъ можно видѣть одиноко парящую птицу. Иногда они собираются въ очень большомъ числѣ на пустынныхъ островахъ или на безлюдномъ побережьи. Движенія баклановъ на сушѣ весьма неловки и неуклюжи; эти птицы ходятъ плохо, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, такъ что одно время утверждали, будто онѣ перемѣщаются не иначе, какъ опираясь о землю хвостомъ. Когда приближаются къ бакланамъ, которые усѣлись на утесѣ, они вытягиваютъ шею, топчутся нѣкоторое время на одномъ мѣстѣ, затѣмъ всѣ, точно по данному сигналу, поднимаются съ мѣста, причемъ одни, взлетѣвъ на воздухъ, принимаются парить, другіе начинаютъ кружиться, поднявшись на значительную высоту, третьи, наконецъ, кидаются въ море, дѣлая прыжки, какъ лягушки.

Бакланы превосходно плаваютъ и отлично ныряютъ. Когда ихъ преслѣдуютъ на морѣ, они погружаются въ волны и плаваютъ подъ водою съ такой быстротой, что лучшія лодки съ самыми сильными гребцами съ трудомъ догоняютъ ихъ. Преслѣдуя добычу, бакланы носятся по волнамъ съ необыкновенной быстротой. Ихъ пищу составляютъ главнымъ образомъ рыбы, за которыми они гоняются обыкновенно по утрамъ. Долго оставаться на морѣ они не могутъ; окунувшись нѣсколько разъ въ морскихъ волнахъ, бакланы отправляются на береговыя скалы, чтобы стряхнуть съ себя воду; они составляютъ исключеніе изъ всѣхъ водяныхъ птицъ—-ихъ перья пропитываются влагой и, поэтому, нуждаются въ просушкѣ. Бакланы очень осторожны, хитры и недовѣрчивы.

«Они всегда держатся враждебно по отношенію къ другимъ птицамъ, которыхъ они встрѣчаютъ, и иногда заставляютъ ихъ даже работать для себя. Намъ приходилось, напр., наблюдать, какъ жившіе въ неволѣ бакланы заставляли пеликановъ ломать для нихъ тонкую пленку льда, который мѣшалъ имъ добраться до воды, гдѣ они имѣли обыкновеніе нырять. Эти хитрыя птицы замѣтили, что

пеликаны погружали въ воду ледъ, который не могли сломать, и поспѣшили воспользоваться своимъ наблюденіемъ: бакланы, плавая позади своихъ товарищей по неволѣ, болѣе сильныхъ, чѣмъ они сами, стали толкать ихъ и щипать, заставляя, такимъ образомъ, пеликановъ подвигаться впередъ и очищать имъ дорогу». (Бремъ).

* * *

Извѣстное сходство съ поморниками имѣютъ пуффины, но отличаются отъ нихъ приподнятымъ клювомъ и маленькими трубочками, которыя образуютъ у нихъ ноздри. Подобно качуркамъ, они имѣютъ привычку летать низко надъ поверхностью воды, опустивъ туда свои лапки; вслѣдствіе этого довольно долго полагали, что они умѣютъ ходить по волнамъ.

Оригинальной наружностью отличаются пингвины.

Эмилъ Раковитцъ, который побывалъ въ полярныхъ странахъ, прекрасно описалъ нравы этихъ странныхъ птицъ. Мы приведемъ слова, сказанныя имъ на одномъ изъ засѣданій, происходившемъ въ Сорбоннѣ.

«Ничто такъ не удивляетъ, какъ встрѣча съ этой странной и причудливой птицей, которая носитъ названіе пингвина. Пингвинъ—это толстая, неповоротливая птица; у нея широкіе вальки вмѣсто рукъ; голова ея очень мала по сравненію съ ея крупнымъ тучнымъ тѣломъ; спина окрашена въ темный цвѣтъ съ синими пятнами; сзади виднѣется заостренный хвостъ, который тащится по землѣ, а спереди сверкаетъ бѣлая гладкая грудь.

«Эти птицы не умѣютъ летать, потому что ихъ крылья имѣютъ очень мало перьевъ. Межъ тѣмъ, какіе они чудесные пловцы! Сильными взмахами крыльевъ они разсѣкаютъ волны, или передвигаются по нимъ послѣдовательными скачками, какъ морскія свинки. На землѣ они двигаются очень неуклюже; это, однако, не мѣшаетъ имъ взбираться на очень высокія скалы. Они довольно ловко прыгаютъ съ утеса на утесъ.

«Два вида пингвиновъ населяютъ мѣстность Герлахъ. Они тамъ основали цѣлые города, лишенные, однако, всякихъ санитарныхъ учрежденій. Тутъ всѣ необходимыя отправленія совершаются на мѣстѣ: вѣтеръ издалека приносилъ намъ на бортъ «*Belgica*» не совсѣмъ пріятный ароматъ. Параллельно къ намъ доносился изъ окрестностей сильный шумъ. Мы невольно спросили себя, не попали ли мы на выборы. Я сошелъ на берегъ, чтобы выяснить этотъ вопросъ.

«Обитатели этихъ шумныхъ городовъ были антарктическіе пингвины (Pygoscelis antarctica). Эта птица имѣетъ въ вышину 0,6 м.; тонкая черная линія, которая виднѣется на ея бѣлой щекѣ, изгибается, точно усъ мушкатера. Это придаетъ южно-полярному пингвину задорный видъ, который, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ его характеру.

«Когда я, сошелъ на берегъ, пингвины встрѣтили меня хоромъ недружелюбныхъ криковъ. Я надѣялся, что, можетъ-быть, они съ теченіемъ времени привыкнутъ къ моей особѣ; въ ожиданіи этой благопріятной перемѣны, я усѣлся неподалеку на скалѣ. Однако, мой привѣтливый видъ и терпѣливое выжиданіе не привели ни къ чему—успѣха я не добился. Всѣ пингвины повернулись въ мою сторону, выпрямились во весь

ростъ, перья растопырились на ихъ головѣ, клювы широко раскрылись и не унимались кричать.

«Тогда я обходами вернулся назадъ и скрылся за скалами; оттуда я безпрепятственно могъ наблюдать за этими животными; такимъ образомъ ихъ покой не нарушался присутствіемъ непрошеннаго гостя.

«Поверхность почвы была неровная; поселокъ былъ расположенъ на отлогомъ морскомъ берегу, усѣянномъ утесами; земля была раздѣлена на участки, на каждомъ изъ нихъ устраивалась семья пингвиновъ, состоявшая изъ отца, матери и двухъ птенцовъ. Круглое гнѣздо отличается очень простой конструкціей; поломъ ему служитъ земля; низкія стѣны сдѣланы изъ маленькихъ камней—голышей. Эти стѣны, по всей вѣроятности, были возведены спеціально для того, чтобы препятствовать яицамъ скатываться внизъ по наклону возвышенія. Птенцы были покрыты еще сѣрымъ пухомъ; ихъ большое брюхо, набитое пищей, почти касалось земли. При своей маленькой головкѣ, маленькихъ ножкахъ и маленькихъ лапкахъ, скрытыхъ подъ огромнымъ брюхомъ, они походили на большой клубокъ сѣрой шерсти. Родители, расхаживавшіе возлѣ гнѣзда, заботливо охраняли своихъ птенцовъ и часто кормили ихъ.

«Вокругъ каждаго гнѣзда находилась небольшая площадка, составлявшая собственность каждаго семейства. Эти площадки порождали безконечные споры въ птичьемъ поселкѣ; лишь только одинъ пингвинъ ставитъ ногу на землю, принадлежащую его сосѣду, какъ тотъ начинаетъ энергично протестовать, и споръ разгорается очень скоро. Оба противника, къ которымъ обыкновенно присоединяются еще 1—2 постороннихъ наблюдателя, становятся одинъ противъ другого, пристально разглядывая другъ друга: туловищемъ наклонившись впередъ, съ откинутыми кзади лапами, съ раскрытымъ клювомъ и растопыренными на головѣ перьями одинъ пингвинъ кричитъ на другого, какъ бы ругаясь съ нимъ.

«Этими постоянными ссорами и вызывался тотъ громкій шумъ, который доносился до «Belgica».

«Встрѣчаются въ этихъ мѣстахъ другіе густо населенныя птичьи поселенія, но только они не такъ шумливы, какъ первые, и обитатели ихъ, повидимому, болѣе степенны и спокойны. Мы имѣемъ въ виду другой родъ пингвиновъ, именно: пигвиновъ-папуа (Pygoscelis papua), отличающійся болѣе роскошнымъ опереніемъ и нѣсколько бо́льшими размѣрами, чѣмъ обыкновенный. Спина ихъ покрыта мантіей, украшенной синими пятнами. На груди и на животѣ блеститъ чистый бѣлый нагрудникъ съ шелковистыми отсвѣтами; черная голова украшена бѣлой діадемой; вѣнецъ, клювъ и лапки у нихъ ярко-красные. Во время нашей высадки поселки, въ которыхъ жили пингвины, были густо населены; я полагаю, что число гражданъ, населявшихъ видѣнный мною поселокъ, доходило до десяти тысячъ. Я скоро замѣтилъ, что по своему характеру эти два вида пингвиновъ замѣтно отличаются другъ отъ друга. Дѣйствительно, когда я очутился въ скалистой мѣстности, густо населенной пингвинами-папуа, я съ удовольствіемъ могъ констатировать, что птицы отнеслись довольно равнодушно къ моему появленію въ ихъ владѣніяхъ. Естественно, что всѣ повернулись въ мою

сторону и стали меня внимательно разглядывать; нѣкоторыя болѣе чувствительныя изъ нихъ стали издавать протестующіе безпокойные крики, но замѣтивъ, что я спокойно усаживаюсь среди нихъ, не доставляя имъ при этомъ никакихъ неудобствъ, они перестали обращать на меня вниманіе и принялись за свои прерванныя дѣла.

«Такимъ оброзомъ я могъ спокойно наблюдать ихъ, даже дѣлать съ нихъ фотографическіе снимки. Я не раскаиваюсь, что посвятилъ имъ тогда много времени, потому что зрѣлище, которое представилось моимъ глазамъ, было очень любопытно.

«Гнѣзда этихъ пингвиновъ-папуа были пусты въ тотъ моментъ, когда я ихъ осматривалъ. Всѣ птенцы, уже довольно большіе, одѣтые въ пуховый плащъ съ бѣлымъ нагрудникомъ, собрались въ кучу, образуя живописныя группы. Какъ и у южно-полярнымъ пингвиновъ—у нихъ широкое брюхо, которое волочится по землѣ, маленькія лапы и походка съ развальцемъ; вмѣсто того, чтобы опять отправиться въ родныя гнѣзда, они всѣ соединились посреди города: повидимому, это сборище было вызвано особыми условіями соціальной жизни этихъ птицъ. Наблюденія, показали, что я не ошибся. Чтобы получить ясное представленіе о цѣляхъ этого сборища, необходимо предварительно немного познакомиться съ мѣстностью, гдѣ устроенъ городъ пингвиновъ-папуа. Онъ лежитъ на площади у подножія высокаго утеса, возвышающагося надъ уровнемъ моря приблизительно на тридцать метровъ. Эта площадь имѣла почти четыреугольную форму; одна изъ сторонъ ея упиралась въ утесъ; двѣ стороны непосредственно выходили въ море; четвертая сторона замыкалась отлогимъ скатомъ, который граничилъ съ кремнистымъ морскимъ берегомъ. Птенцы, числомъ около шестидесяти, находились въ сборѣ посреди города и только восемь взрослыхъ птицъ были въ это время съ ними. Эти послѣднія расположились на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга по краямъ площади, но только на тѣхъ трехъ сторонахъ, которыя выходили въ море; со стороны утеса не было никого. Эти восемь взрослыхъ птицъ были въ нѣкоторомъ родѣ «наставниками» молодого поколѣнія; имъ, очевидно, былъ порученъ надзоръ за молодыми пингвинами, за которыми нужно было слѣдить, чтобы они не скатились внизъ.

«Старые пингвины стояли на своихъ тяжелыхъ лапахъ, проникнутые всей важностью возложенныхъ на нихъ обязанностей. Лишь только какой-нибудь юнецъ приближался къ краю площади, «наставникъ», ближе всего находившійся къ этому мѣсту, широко раскрывалъ свой клювъ и строгимъ начальническимъ голосомъ кричалъ на него. Если этого было мало, то вслѣдъ за окрикомъ слѣдовалъ довольно сильный ударъ клювомъ. Испуская пронзительные крики, покачивая округлое брюшко и размахивая маленькими обрубками лапъ, юный пингвинъ догонялъ своихъ сверстниковъ, а воспитатель возвращался на свое прежнее мѣсто и клалъ возлѣ себя пучекъ перьевъ, которыя остались у него въ клювѣ, послѣ того какъ онъ проучилъ молодого озорника.

«Эти взрослыя птицы, на обязанности которыхъ лежало попеченіе о молодомъ поколѣніи, смѣнялись отъ времени до времени. Когда кто-нибудь изъ нихъ уста-

валъ, онъ подымалъ голову вверхъ, открывалъ клювъ и издавалъ пронзительный крикъ, очень похожій на ревъ осла; на этотъ крикъ отвѣчали съ морского берега, который находился у подножія утеса. Въ этомъ мѣстѣ виднѣлось нѣсколько взрослыхъ птицъ, которыя въ ожиданіи своей очереди разглаживали свои перья или лѣниво лежали на пескѣ. Крики старыхъ пингвиновъ, находившихся на посту повторялись еще нѣсколько разъ и каждый такой крикъ сопровождался отвѣтомъ. Крики птицы, находившейся на возвышенности становились все болѣе и болѣе торопливыми, тѣ же которыя долетали со стороны подножія утеса—все болѣе и болѣе лѣнивыми. Наконецъ, птица, находившаяся внизу рѣшилась идти на смѣну; съ трудомъ она начала взбираться по кремнистой тропинкѣ до площади и тамъ становилась на мѣсто той птицы, которая требовала, чтобы ее смѣнили. Эта послѣдняя, сдавши такимъ образомъ свой постъ, торопливо спустилась къ морскому берегу съ сознаніемъ исполненнаго долга и радостно бросилась въ море, разбрасывая во всѣ стороны брызги воды.

«Воспитатели» не заботятся о доставленіи пищи птенцамъ, — это дѣло ихъ родителей. Воспитатели ударами клюва обучаютъ неопытное юношество житейской премудрости; кормъ юнымъ пингвинамъ приносятъ самецъ и самка, которые произвели ихъ на свѣтъ. Дѣйствительно взрослыя птицы поочередно прибывали, съ зобомъ, наполненнымъ маленькими ракообразными, морскими животными, которыя служатъ пищей для всѣхъ пингвиновъ. Уже издали малыши узнавали ихъ и стремительно бросались къ нимъ на встрѣчу; птенцы опускались на землю, присѣдали на корточки, широко раскрывали свой клювъ, въ это время родители, сгибая шею и скрещивая свой ротъ со ртомъ птенчика, опускали въ него содержимое своего широкаго зоба».

Въ другихъ поселкахъ, расположенныхъ на уровнѣ воды, юныхъ пингвиновъ также держатъ отдѣльно, но надзоръ за ними не такъ строгъ, такъ какъ въ этомъ и нѣтъ особенной надобности. Это показываетъ, что пингвины настолько умны, что умѣютъ видоизмѣнять свои установленія согласно топографическимъ условіямъ данной мѣстности и что ими слѣдовательно не руководитъ только слѣпой инстинктъ.

Разница въ характерѣ двухъ видовъ пингвиновъ обусловливается различной организаціей. Антарктическій пингвинъ шумливый и сварливый, строгій индивидуалистъ, вѣчно враждуетъ и ссорится, чтобы защитить свою собственность; честный папуа — предусмотрительный коммунистъ: ему нечего защищаться отъ своихъ согражданъ, такъ какъ земля у нихъ общая; кромѣ того дѣло воспитанія онъ упростилъ устройствомъ общаго воспитательнаго заведенія. Благодаря такому устройству, у него и выработалось спокойствіе философа благоразумно пользующаго своими досугами.

Мнѣ остается сообщить еще объ одномъ видѣ пингвиновъ, который имѣетъ весьма представительную внѣшность, благодаря большимъ размѣрамъ и красивому оперенію. Король пингвиновъ (Aptenodytes Forsteri) дѣйствительно заслуживаетъ это лестное названіе: ростъ его равняется $1^{m},_{10}$, вѣсъ — 40 килограммъ. Его черная съ зеленоватымъ оттѣнкомъ голова относительно не велика; на про-

долговатомъ черномъ клювѣ видны двѣ полосы: одна синяя, другая ярко-красная. Спина покрыта обыкновеннымъ опереніемъ, которое имѣютъ всѣ пингвины; основной цвѣтъ его темный съ синими пятнами, бѣлая грудь имѣетъ золотистый оттѣнокъ. По обѣимъ сторонамъ головы горделиво возвышаются оранжевые хохолки, на плечахъ чернѣютъ двѣ узкія полоски точно погоны.

Упираясь въ землю своими широкими перепончатыми лапами и хвостомъ, состоящимъ изъ прочныхъ и гибкихъ перьевъ, птица небрежно опускаетъ вдоль дороднаго тѣла свои крылья, преобразованныя въ широкія весла. Слегка согнувъ шею и полузакрывъ глаза, стоитъ король пингвиновъ во всемъ своемъ величіи и спокойствіи. По цѣлымъ часамъ на высокомъ берегу узкаго пролива, защищеннаго ледяной глыбой, онъ медленно, степенно перевариваетъ безчисленное множество мелкихъ ракообразныхъ, которыми наполнилъ свой желудокъ; такъ какъ у него нѣтъ враговъ и никто изъ окружающихъ не смѣетъ нападать на него, онъ мало интересуется тѣмъ, что происходитъ вокругъ. Мы были поражены, съ какимъ необыкновеннымъ презрѣніемъ онъ встрѣтилъ наше приближеніе. Онъ даже не далъ себѣ труда разглядѣть насъ, но лишь только мы прикасались къ нему, онъ отбивался ударами клюва. Сцена тотчасъ же мѣнялась, когда мы обнаруживали желаніе схватить его: своими широкими крыльями онъ сыпалъ удары направо и налѣво; одному человѣку удалось овладѣть имъ, при этомъ онъ употребилъ не мало усилій и получилъ изрядное количество ударовъ.

Медленно ступалъ плѣненный король пингвиновъ по сплошному льду, съ трудомъ волоча лапы. Его огромное брюхо колебалось во время ходьбы, голова ушла въ плечи, а хвостъ чертилъ слѣдъ по снѣгу—вся его фигура была преисполнена королевскаго величія.

Разглядываемый сзади, въ то время, когда онъ ступалъ на своихъ лапахъ, короткихъ и едва замѣтныхъ подъ тучнымъ туловищемъ, онъ походилъ на больного старика едва волочащаго за собою ноги.

Пингвинъ, встрѣчаемый въ Аделаидѣ (Pygoscelis Adeliae), менѣе представителенъ и имѣетъ менѣе красивое опереніе. Голова и клювъ окрашены въ черный цвѣтъ, а глаза обрамлены бѣлыми вѣками; спина черная съ синими пятнами, животъ и грудь бѣлыя. Ростомъ онъ значительно меньше, онъ едва достигаетъ 60 сантиметровъ въ вышину, его живость рѣзко отличаетъ его отъ спокойнаго и медлительнаго короля пингвиновъ. Любопытный и наивный, онъ неизмѣнно выходилъ къ намъ на встрѣчу. На разстояніи трехъ шаговъ отъ насъ онъ садился на свои лапы и съ любопытствомъ разглядывалъ насъ, испуская при этомъ недоумѣвающіе крики и размахивая своими крыльями. Онъ имѣетъ привычку широко шагать на своихъ двухъ лапахъ, наклонивъ впередъ голову и опустивъ крылья вдоль туловища. Лежа на снѣгу и подвигаясь при помощи крыльевъ и ногъ, этотъ пингвинъ перемѣщается съ такой быстротой, что человѣкъ, слѣдуя за нимъ съ трудомъ можетъ догнать его. Онъ также питается морскими ракообразными; его проворство въ водѣ по истинѣ изумительно. Чтобы стать на ледъ, онъ порывисто описываетъ широкій кругъ въ водѣ и взбирается на льдины, которыя имѣютъ 2—3 метра въ вышину.

Обыкновенно мы ихъ встрѣчали маленькими группами, а часто также въ одиночку; къ концу осени они собираются въ большомъ числѣ подъ прикрытіемъ ледяного холма, чтобы приступить къ необходимой, но деликатной операціи. Здѣсь они линяютъ для того, чтобы имѣть болѣе свѣжія перья, которыя съ успѣхомъ могли бы противостоять суровой зимѣ. Линяніе продолжается двѣ или три недѣли и въ теченіе этого времени эти животныя не могутъ отправляться за добычей. Въ этотъ печальный періодъ они теряютъ весь жиръ и округлость формъ, которую они пріобрѣли въ лѣтнее время. Эта операція линянія вызываетъ у нихъ мрачное настроеніе духа, которое усиливается еще болѣе лихорадкой, сопровождающей процессъ линянія. Лежа на снѣгу съ головой, ушедшей въ плечи, несчастныя животныя дрожатъ отъ холода и горе тому, кто приблизится къ нимъ: тюлень или птица, чужой пингвинъ или человѣкъ, словомъ, каждое живое существо подвергается жестокому нападенію со стороны всей колоніи озлобленныхъ птицъ, которыя быстро вскакиваютъ на свои лапы и яростно кидаются на пришельца. Съ ними бываютъ различныя приключенія, я опишу одно изъ нихъ въ такомъ видѣ, какъ оно было внесено въ свое время въ мою записную книжку.

«*Среда, 22-го февраля 1899 г.* Этотъ день хорошо начался, но плохо окончился для маленькой колоніи Pygoscelis, находившейся въ періодѣ линянія. Солнце ярко свѣтило, воздухъ былъ спокоенъ и шестнадцать членовъ общества, находившіеся въ періодѣ линянія, наслаждалось прекрасной погодой. Лѣниво покачиваясь на животѣ или выпячивая спину, они грѣлись на солнцѣ. Къ двумъ часамъ пополудни они были обезпокоены восемью товарищами, явившимися издалека сухимъ путемъ, чтобы присоединиться къ ихъ обществу. Послѣ непродолжительнаго ворчанія старыхъ членовъ, новоприбывшіе расположились неподалеку отъ нихъ и приступили подобно имъ къ линянію. Вдругъ предъ ними появляется Pygoscelis, молодой еще, безъ сомнѣнія не старше одного года, судя по его короткому хвосту и маленькой фигурѣ. Это былъ очень шумливый и живой субъектъ, большой непосѣда; примкнувъ къ группѣ взрослыхъ пингвиновъ, онъ тотчасъ началъ кружиться изъ стороны въ сторону, безпокоя важныхъ и угрюмыхъ стариковъ. Со всѣхъ сторонъ раздались угрозы и ругательства по адресу нарушителя покоя, и молодой пришелецъ силою былъ изгнанъ, унося на память нѣсколько добрыхъ ударовъ клювомъ. Изгнанникъ, однако, не ушелъ: онъ сталъ бродить вблизи, постоянно стараясь съ той или другой стороны снова втереться въ общество, но лишь только его поползновеніе замѣчалось старыми пингвинами, какъ тотчасъ же ему на встрѣчу неслись громкія ругательства и угрозы.

«Вдругъ картина мѣняется. Подымается сильный вѣтеръ, вихри снѣга несутся въ воздухѣ и застилаютъ глаза. Холодный вѣтеръ пронизываетъ птицъ насквозь; онѣ начинаютъ выказывать явные признаки дурного расположенія духа и безпокойства. Нѣкоторые изъ нихъ ищутъ убѣжища за грудами льда и стараются принять болѣе удобныя позы. Можетъ быть, если лечь, то будетъ теплѣе? Можетъ быть, лучше всего повернуть спину въ томъ направленіи, откуда дуетъ вѣтеръ? Нѣтъ, отъ этого нисколько не дѣлается легче. Можетъ быть, направить въ эту сторону животъ? Это еще менѣе удобно. Увы, все это не помогаетъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ

замѣтилъ вдали ледяной холмикъ, который, по его мнѣнію, могъ служить серьезнымъ убѣжищемъ. Онъ, съ крикомъ направляется къ этому мѣсту, остальные члены слѣдуютъ за нимъ и всѣ во весь духъ мчатся туда. Наконецъ, они достигли желанной цѣли и тотчасъ же стали устраиваться на новомъ мѣстѣ. Молодой изгнанникъ тѣмъ временемъ не дремалъ; лишь только онъ замѣтилъ, что его враги начали двигаться, онъ изо всѣхъ силъ бросился вслѣдъ за ними и, воспользовавшись общимъ замѣшательствомъ, которое обыкновенно наблюдается во время переселенія, незамѣтно юркнулъ въ средину и смѣшался съ толпой. Продѣлка удалась какъ нельзя лучше—каждый былъ настолько занятъ самимъ собой, что ему не до пришельцевъ было.

«Увы, холмикъ оказался неудачно выбраннымъ мѣстомъ: вѣтеръ гулялъ здѣсь на просторѣ и кружилъ въ воздухѣ хлопья снѣга—лучше ужъ открытое поле,—и вотъ пингвины возвращаются на занятую ими раньше площадку; двѣнадцать изъ нихъ, повидимому тѣ, которые могутъ еще погрузиться въ воду, отправляются на поиски за другимъ, болѣе удобнымъ мѣстомъ, но тринадцать другихъ остаются, представляя самую уморительную картину, какую только можно вообразить себѣ. Съ головой, глубоко ушедшей въ плечи, съ растопыренными перьями, птицы уныло бродили по полю.

«Вотъ одинъ пингвинъ подымаетъ свой носъ противъ вѣтра, но онъ не можетъ долго выносить такое положеніе. Снѣгъ слипаетъ ему глаза; онъ отворачивается, представляя дѣйствію вѣтра менѣе деликатную оконечность. Снѣгъ, гонимый сильнымъ вѣтромъ, проникаетъ подъ перья и леденитъ тѣло. Измученное животное подымается на ноги, но вѣтеръ качаетъ его изъ стороны въ сторону, снѣгъ засыпаетъ ему глаза. Взбѣшенная птица принимается шагать, и горе тому, кто теперь попадется ей по пути.

«Японскій художникъ одинъ могъ бы живо изобразить комичную фигуру разъяреннаго пингвина, который тщетно ищетъ убѣжища среди разбушевавшейся стихіи...»

ГЛАВА XXXII.

Животныя причудливыхъ формъ.

На протяженіи всей этой книги предъ нашими взорами проходилъ цѣлый рядъ удивительныхъ животныхъ: стоитъ вспомнить броненосцевъ, которые сворачиваются въ шаръ, китообразныхъ, форма тѣла которыхъ напоминаетъ рыбъ, жирафъ съ гигантскими шеями, летучихъ мышей, которыя летаютъ, какъ птицы, и соперничаютъ съ ними въ обладаніи воздушной стихіей и т. д.

Казалось бы, что этимъ и исчерпывается рядъ этихъ странныхъ животныхъ Но на дѣлѣ ихъ такъ много, что понадобились бы цѣлые томы, чтобы описать всѣхъ. Мы упомянемъ изъ нихъ наиболѣе типичныхъ, описаніе которыхъ не вошло въ предыдущія главы.

Мы начнемъ съ описанія «рогатыхъ» животныхъ. Они очень многочисленны и, главнымъ образомъ, встрѣчаются среди жвачныхъ. Въ большинствѣ случаевъ самецъ обладаетъ длинными рогами, между тѣмъ какъ у самки ихъ нѣтъ или они у ней находятся въ зачаточномъ состояніи и во всякомъ случаѣ отличаются отъ роговъ самца. Рогами самцы, какъ кажется, пользуются только, чтобы драться между собой. Это оружіе не очень грозное и животныя имъ пользуются въ рѣдкихъ случаяхъ.

У оленей и у родственныхъ ему животныхъ рога мѣняются каждый годъ. Послѣ перваго года выростаетъ одна вѣтвь, послѣ второго года—вторая вѣтвь и т. д., такъ что по развѣтвленіямъ его роговъ можно опредѣлить возрастъ оленя.

Форма роговъ у животныхъ этой группы очень различна. У лося, напр., рога вѣсятъ около 20 килограммовъ. Они имѣютъ видъ вѣтвей, усаженныхъ острыми зубцами, число которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ и доходитъ до 20. Рогами обладаетъ только самецъ.

Рога самокъ сѣвернаго оленя гораздо короче и менѣе развѣтвлены, чѣмъ рога у самца. У послѣднихъ рога имѣютъ видъ стержня, въ началѣ круглаго, затѣмъ плоскаго; отъ него идутъ развѣтвленія, тоже болѣе или менѣе плоскія. Разстояніе между рогами очень незначительно, не болѣе пальца.

Раньше думали, что олень пользуется рогами, чтобы рыть снѣгъ, подъ которымъ онъ находитъ себѣ пищу, но ничего подобнаго не наблюдается. Онъ для этой цѣли пользуется своими передними копытами, что, конечно, ему гораздо удобнѣе дѣлать.

Рога оленей состоятъ изъ костнаго вещества, мало или вовсе непокрытаго нѣжной кожей.

Но существуетъ другой многочисленный классъ рогатыхъ млекопитающихъ, рога которыхъ по своему устройству сильно отличаются отъ роговъ прежде описанныхъ. Рога у этихъ животныхъ не падаютъ никогда; костное вещество роговъ покрыто особой роговой оболочкой. Это замѣчается у такъ-называемыхъ полорогихъ животныхъ; къ нимъ принадлежатъ: антилопы, газели, серны, козы, бараны, быки, бизоны и т. д. Для нихъ рога имѣютъ огромное значеніе и служатъ грознымъ оружіемъ противъ врага, въ то время какъ оленю и другимъ родственнымъ ему животнымъ рога не приносятъ никакой пользы.

Форма роговъ у полорогихъ мѣняется съ каждымъ видомъ. Описать это безконечное разнообразіе формъ нѣтъ никакой возможности. Скажемъ только, что они вообще несложнаго устройства, не развѣтлены, какъ у оленей; несмотря на это, рога бываютъ очень красивы, напр., у антилопы и др.; у козъ съ черными ногами, у нѣкоторыхъ барановъ рога имѣютъ форму лиры. Рога выгнуты впередъ у африканскаго бизона.

Упомянутые до сихъ поръ виды млекопитающихъ имѣютъ пару роговъ, расположенныхъ на лѣвой и правой части головы. Существуютъ и такія животныя, которыя имѣютъ нечетное число роговъ, расположенныхъ посреди головы. Представляя собою небольшое костистое возвышеніе, покрытое роговой оболочкой, чрезвычайно крѣпкой и твердой, эти рога служатъ страшнымъ несокрушимымъ

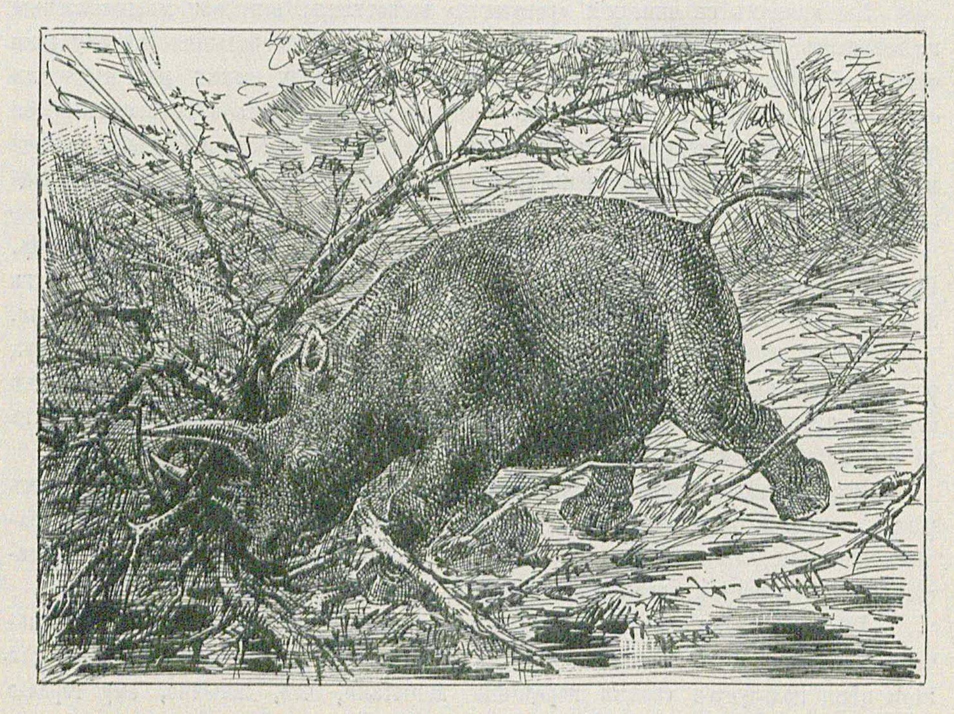


Рис. 176. Носорогъ keitloa.

оружіемъ для ихъ обладателя. Индійскій носорогъ имѣетъ только одинъ рогъ, конической формы и загнутый назадъ, длина котораго равняется 60 сант. Носороги другихъ видовъ обладаютъ двумя рогами, расположенными въ рядъ, одинъ за другимъ, не такъ, какъ у жвачныхъ, причемъ передній обыкновенно больше задняго. Только у носороговъ keitloa оба рога одинаковой величины. Носороги вообще неуклюжи и апатичны, но становятся очень опасными, когда ранены. Они бросаются стремительно впередъ, нагнувъ голову, и пронзаютъ врага страшнымъ ударомъ рога. Поэтому, охота на нихъ сопряжена съ большими опасностями. Вотъ что разсказываетъ Андерсонъ объ одной такой охотѣ: «Возвращаясь послѣ облавы на слона, я замѣтилъ на небольшомъ разстояніи бѣлаго носорога. Я сидѣлъ тогда на моей самой лучшей лошади; правда, у меня была привычка охотиться на носорога пѣшкомъ, такъ какъ на конѣ трудно подкрасться къ животному; но на этотъ разъ случилось такъ, что я направился къ нему верхомъ. «Друзья!—крикнулъ я своимъ товарищамъ: — у этого носорога слишкомъ красивый рогъ, я хочу его убить». Съ этими словами я пришпорилъ лошадь и, приблизившись къ носорогу, выстрѣлилъ Рана, очевидно, была не смертельна. Вмѣсто того, чтобы бѣжать, носорогъ вдругъ остановился и сталъ медленно приближаться ко мнѣ. Я не думалъ о бѣгствѣ, но хотѣлъ отвести лошадь нѣсколько въ сторону. На мою бѣду, лошадь моя, обыкновенно такая послушная, теперь заупрямилась и не двигалась съ мѣста. Еще моментъ и уже было поздно. Носорогъ былъ около меня. Яростно наклонивъ голову, онъ бросился къ лошади и съ такой силой ударилъ ее въ грудь своимъ рогомъ, что она упала навзничь. Ярость носорога послѣ этого утихла и онъ маленькимъ галопомъ удалился изъ этого мѣста. Въ это время подоспѣли мои товарищи. Схвативъ первую попавшуюся лошадь, я съ окровавленнымъ лицомъ, безъ шляпы, бросился догонять животное. Черезъ нѣсколько минутъ носорогъ, бездыханный, лежалъ у моихъ ногъ, къ моей великой радости».

Нѣкоторымъ видамъ млекопитающихъ вмѣсто роговъ орудіемъ защиты служатъ колючки и другіе подобные органы, имѣющіе чисто оборонительный характеръ.

Типичный представитель этой группы — дикобразъ. Наружность его очень странная; спина покрыта иглами, попеременно, бѣлыми и черными. Если животное чѣмъ-нибудь раздражено, оно взъерошиваетъ свои иглы и принимаетъ довольно грозный видъ; на самомъ же дѣлѣ онъ больше смѣшонъ, чѣмъ страшенъ, такъ какъ его иглы очень слабо держатся на кожѣ и часто падаютъ, даже если къ нимъ не притрагиваться. Вслѣдствіе этого сложилась легенда, будто дикобразъ пускаетъ въ непріятеля свои иглы, какъ стрѣлы, на что, конечно, онъ не способенъ вовсе.

Мексиканскій цѣпкохвостъ также извѣстенъ своими иглами. Когда животное находится въ покоѣ, иглъ не видно, такъ какъ онѣ хорошо скрыты шерстью. Если его разсердить, иглы сейчасъ же ощетиниваются,—это настоящій лѣсъ штыковъ, но, къ счастью, не очень страшныхъ. Какъ и всѣ подобныя животныя, цѣпкохвостъ безобиденъ и неспособенъ обидѣть даже муху.

Родственное ему животное—сѣверо-американскій дикобразъ—очень на него

похоже своею внѣшностью и привычками. «Когда мы приблизились къ нему,— разсказываетъ принцъ Видъ:—онъ ощетинилъ свои иглы, спряталъ голову и свернулся въ клубокъ, что онъ дѣлаетъ всегда, когда кто-нибудь къ нему приближается. Если къ нему подходили совсѣмъ близко, онъ двигалъ хвостомъ и катался по землѣ. Его кожа тонка и мягка. Иглы такъ слабо прикрѣплены къ ней, что остаются на рукѣ, если слегка коснуться ихъ».

Рис. 177. **Цѣпкохвостъ.**
Животное съ цѣлой серіей булавокъ, покрывающихъ его спину.

Излишне, конечно, упоминать о ежѣ, манера котораго сворачиваться въ клубокъ хорошо всѣмъ извѣстна. Всѣ эти животныя только страшны на видъ, но безопасны и не въ состояніи причинить кому-нибудь зла. Странно, что природа, снабдивъ ихъ для самозащиты иглами, не позаботилась о томъ, чтобы при-

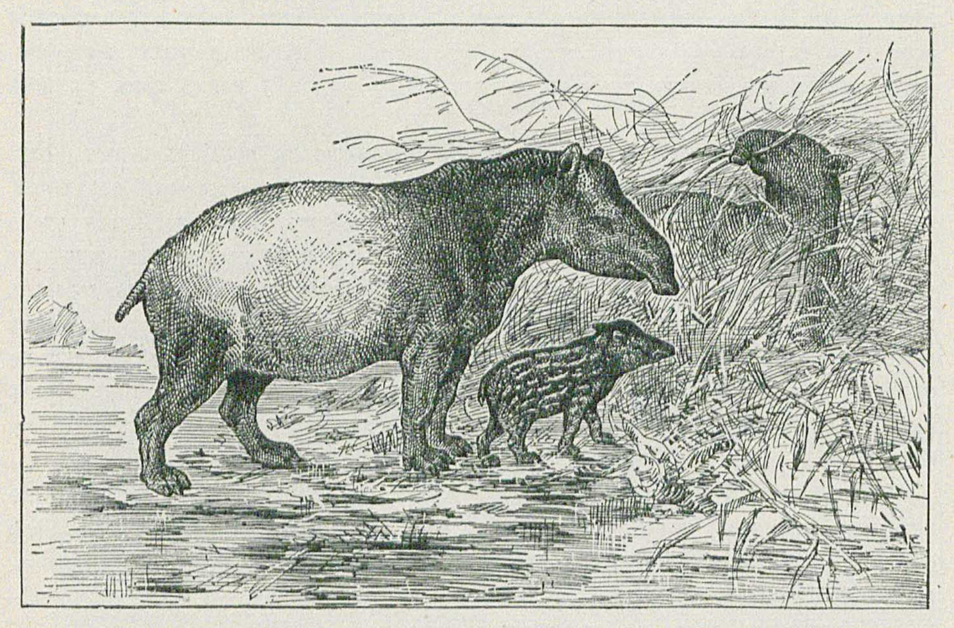


Рис. 178. **Тапиръ съ бѣлой спиной.**
Каррикатура на слона, хоботъ животнаго, небольшой правда, никакой пользы ему не приноситъ.

крѣпить ихъ покрѣпче къ тѣлу. Тогда это было бы, дѣйствительно, серьезнымъ оружіемъ.

За рогатыми и иглокожими слѣдующее мѣсто по причудливости своихъ внѣшнихъ органовъ занимаютъ животныя, имѣющія хоботъ. Кромѣ слона, который слишкомъ хорошо извѣстенъ съ этой стороны, существуютъ и другія животныя, обладающія хоботомъ. У тапира—самый настоящій маленькій хоботъ, который придаетъ ему довольно смѣшной видъ. Тапиры ходятъ медленно, съ видомъ философа, и все время двигаютъ хоботомъ, отыскивая пищу. Они часто купаются въ рѣчкахъ и ручьяхъ,—какъ разсказываетъ князь Видъ,—по утрамъ и вечерамъ. Съ помощью хобота они избавляются отъ докучливыхъ насѣкомыхъ и дѣлаютъ это очень ловко. Они не пропускаютъ ни одного ручейка, озера или просто болота, чтобы не выкупаться. Тапиры очень робки и боязливы; въ неволѣ они безобидны и съ ними можно дѣлать тогда все, что угодно. Имъ доставляетъ большое удовольствіе, когда ихъ гладятъ по шерсти; животныя выражаетъ пріятное ощущеніе, доставляемое имъ, тихимъ хрюканьемъ.

Тапиры питаются растительной пищей; они очень любятъ листья пальмъ и, не прочь иногда, если нѣтъ надзора, похозяйничать въ поляхъ, засѣянныхъ сахарнымъ тростникомъ, дынями или кокосами.

Американскіе тапиры сѣровато-чернаго цвѣта. Въ Индіи встрѣчаются тапиры съ спиной блестяще-бѣлаго цвѣта.

Очень любопытенъ видъ длинноносыхъ тюленей, которымъ моряки дали названіе «тюленей-слоновъ». Самецъ обладаетъ хоботомъ, длиною въ 30 сант., напоминающимъ хоботъ слона въ миніатюрѣ. Животное можетъ, по желанію, втягивать или выпускать свой хоботъ. Этотъ органъ сильно вытягивается, когда животное сердится.

Рис. 179. **Длинноносый тюлень (тюлень-слонъ) въ покойномъ состояніи.**

Образъ жизни ихъ мало отличается отъ образа жизни другихъ тюленей. Они тоже живутъ стадами; на землѣ они неуклюжи, въ водѣ отлично плаваютъ. Они распространены повсюду въ теплыхъ странахъ (Новая Зеландія), но встрѣчаются также гораздо южнѣе (напр., у Земли Короля Георга).

Въ періодѣ спариванія самцы становятся страшно свирѣпыми; между ними происходятъ ожесточенныя схватки и тогда-то ихъ хоботы принимаютъ наибольшія размѣры. Очень часто попадаются самцы, покрытые ранами, которыя они получили во время драки со своими соперниками.

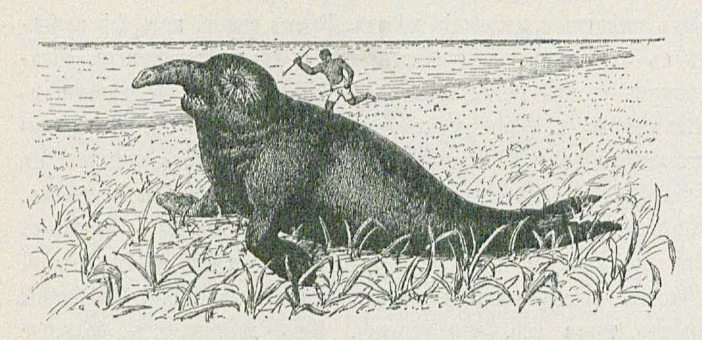


Рис. 180. Длинноносый тюлень (тюлень-слонъ) въ состояніи сильнаго раздраженія.

Къ млекопитающимъ съ удлиненными носами еще относится семья муравьѣдовъ, главнымъ образомъ, видъ Orycteropus capensis.

Муравьѣдъ этого вида—довольно фантастическое животное. Можно подумать, не безъ основанія, что это животное—живое ископаемое, принадлежащее къ отдаленной геологической эпохѣ. Его лапы, снабженныя огромными когтями, придаютъ ему особенно оригинальный видъ; кромѣ того, глаза безъ всякаго выраженія, длинныя уши, покрытая пятнами морда, языкъ узкій и длинный, какъ змѣйка, который иногда высовывается наружу—все это придаетъ животному удивительно странный видъ.

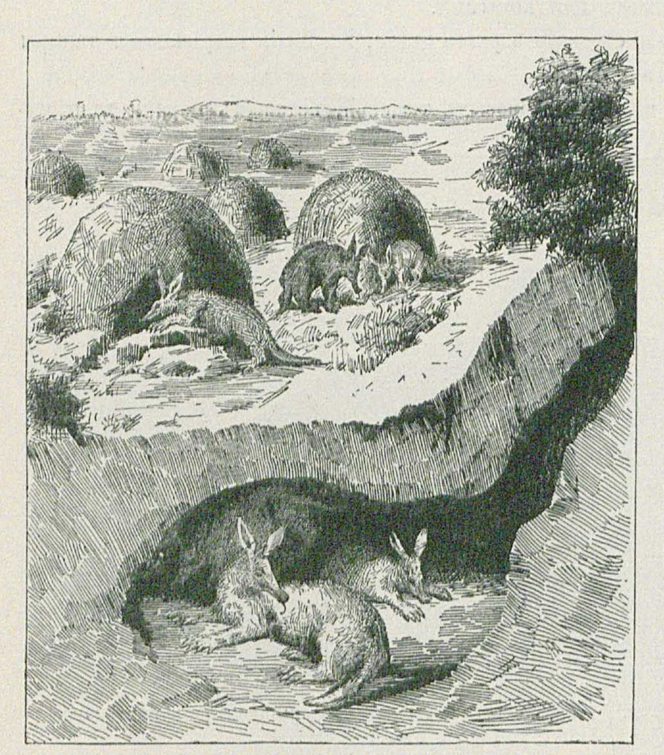


Рис. 181. Муравьѣды изъ сем. Orycteropus.

Онъ спитъ весь день, свернувшись гдѣнибудь въ глубокой ямкѣ, которую онъ самъ себѣ роетъ, а ночью отправляется на поиски добычи. Походка его не очень быстрая, но онъ дѣлаетъ по временамъ большіе скачки. Голову животное наклоняетъ къ землѣ такъ низко, что пушкомъ, который находится на его носу, онъ сдуваетъ песокъ по пути.

Отъ времени до времени онъ останавливается и осматривается, не угрожаетъ ли гдѣ опасность, и затѣмъ продолжаетъ свой путь. Его слухъ и обоняніе все время на-сторожѣ; онъ поворачиваетъ мордочку во всѣ стороны, высматривая добычу, пока не найдетъ дорогу къ муравейнику, къ которому тотчасъ направляется. Тутъ онъ принимается за охоту, какъ брононосецъ или, лучше сказать, какъ настоящій муравьѣдъ. Какъ бы ни была тверда почва, онъ въ нѣсколько мгновеній можетъ вырыть такую большую яму, что весь скроется въ ней. Онъ пускаетъ въ дѣло свои длинные когти, а вырытую уже землю отбрасываетъ далеко отъ себя съ помощью заднихъ лапъ. Густое облако пыли окружаетъ его во время работы. Почуявъ запахъ муравьевъ, онъ роетъ землю до тѣхъ поръ, пока не попадетъ хоботомъ въ центральное ихъ жилище или въ одинъ изъ главныхъ ходовъ. Онъ всовываетъ свой длинный и гибкій языкъ въ одинъ изъ такихъ корридоровъ, который иногда имѣетъ въ діаметрѣ 3 сант. и вынимаетъ его весь облѣпленный муравьями. Такъ онъ продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока не насытится. Одновременно онъ глотаетъ муравьевъ, хватая ихъ губами, и когда ему удается добраться до главнаго жилища муравьевъ, то принимается истреблять ихъ тысячами.

Такъ онъ переходитъ отъ одного муравьинаго гнѣзда къ другому, попутно уничтожая также и термитовъ. Когда начинаетъ свѣтать, муравьѣдъ прячется въ свою нору. Если ему угрожаетъ опасность, онъ продолжаетъ рыть: никакое животное не въ состояніи преслѣдовать его въ норѣ; онъ продолжаетъ копать землю и отбрасываетъ ее съ такой силою, что его преслѣдователь, оглушенный и ослѣпленный комками земли, принужденъ удалиться; поймать, его поэтому, очень трудно: въ нѣсколько минутъ охотникъ бываетъ съ головы до ногъ обсыпанъ кучей земли. (Бремъ).

*

Муравьѣдъ съ гривою на спинѣ представляетъ не меньшій интересъ.

Не будучи въ состояніи кусать, онъ довольствуется тѣмъ, что набираетъ муравьевъ на свой длинный липкій языкъ, къ которому тѣ плотно пристаютъ. Онъ умѣетъ энергично защищаться, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее описаніе, сдѣланное Рулэномъ.

«Третьяго февраля, вечеромъ, я вышелъ на прогулку вмѣстѣ съ священникомъ и замѣтилъ вдали на равнинѣ молодого пастуха, который верхомъ на лошади гналъ стадо коровъ; онъ мчался по направленію къ намъ, погоняя впереди себя ударами кнута муравьѣда, котораго онъ четверть часа тому назадъ настигъ при раскапываніи муравейника. При взглядѣ на животное, мы замѣтили, что оно очень утомилось и передвигалось не быстрѣе коровы. Я подошелъ къ нему, схватилъ за хвостъ, въ надеждѣ остановить его такимъ образомъ. Мнѣ это едва ли удалось бы; тутъ же до меня донесся громкій испуганный крикъ пастуха, который предупреждалъ меня не дѣлать этого, если мнѣ жизнь дорога.

«Хотя я не понималъ, въ чемъ собственно заключается опасность, но такъ какъ я не разъ уже переживалъ непріятные моменты изъ-за того, что не хотѣлъ довѣриться опытности простолюдиновъ, я на этотъ разъ рѣшилъ воспользоваться этимъ предостереженіемъ; тотчасъ же я убѣдился въ томъ, что мое упрямство обо-

шлось бы мнѣ слишкомъ дорого. Едва только я выпустилъ животное, оно, внезапно остановившись, стало на свои заднія ноги, какъ медвѣдь, и быстрымъ движеніемъ, похожимъ на то, которое дѣлаетъ косари, размахивая косою, начертилъ въ воздухѣ своей лапой кругъ, причемъ едва не задѣлъ меня когтями. Вдругъ на разстояніи двухъ пальцевъ отъ моего пояса промелькнулъ острый коготь, длиною, какъ мнѣ показалось, съ полфута; если бы я сдѣлалъ одинъ шагъ впередъ, этотъ коготь неминуемо вонзился бы мнѣ въ животъ. Гнѣвное рычаніе, сопровождавшее это движеніе, дало мнѣ понять, какъ безразсудно было мое желаніе овладѣть животнымъ, лапы котораго были гораздо сильнѣе вооружены, чѣмъ мои руки; я отодвинулся нѣсколько и рѣшилъ остаться въ роли простого наблюдателя. Маленькій пастухъ, который управлялъ своей лошадью съ большой ловкостью, привелъ муравьѣда въ деревню. Прибывъ туда, бѣдное животное, которое отъ усталости почти не могло больше ходить, скрылось подъ церковной галлереей; тотчасъ же были принесены изъ сосѣднихъ домовъ нѣсколько аркановъ, съ помощью которыхъ удалось поймать животное; со связанными передними лапами его увели въ какой-то сарай. Муравьѣдъ повидимому, рѣшилъ отказаться отъ всякаго сопротивленія; этимъ моментомъ я воспользовался, чтобы набросать съ него рисунокъ. Когда я оставался на извѣстномъ отъ него разстояніи, онъ велъ себя совершенно спокойно. Наоборотъ, когда мнѣ приходилось нѣсколько приближаться къ нему, чтобы яснѣе разглядѣть нѣкоторыя части его тѣла, онъ тотчасъ же принималъ воинственный видъ и готовился къ самозащитѣ, не къ такой, какую онъ проявилъ въ первый разъ, когда онъ сталъ на ноги, чтобы ударить меня; теперь онъ ложился на спину и раскрывалъ свои лапы, чтобы схватить меня.

Рис. 182. **Муравьѣдъ съ гривой.**
Курьезное животное, питающееся исключительно насѣкомыми, которыхъ ловитъ своимъ липкимъ языкомъ.

«Это положеніе, которое муравьѣдъ принимаетъ для своей защиты, едва ли не самое лучшее, какое можетъ принять животное, окруженное преслѣдователями со всѣхъ сторонъ, какъ это было въ данномъ случаѣ; оно иначе, конечно, защищается, когда ему угрожаетъ опасность съ одной только стороны: вмѣсто того, чтобы лечь, онъ довольствуется тѣмъ, что садится, и повернувшись къ своему врагу лицомъ, угрожаетъ ему своими ужасными когтями».

Утверждаютъ,—говоритъ Д'Азара,—что, когда ягуаръ видитъ муравьѣда, насторожившагося такимъ образомъ, онъ не осмѣливается напасть на него; если же онъ все-таки рѣшается, муравьѣдъ схватываетъ его и не отпускаетъ его до тѣхъ поръ, пока не умертвитъ его, вонзивъ ему въ тѣло свой страшный коготь. Несомнѣнно,—при-

бавляетъ авторъ,—что муравьѣдъ дѣйствительно пользуется такими средствами самозащиты. Однако, кажется невѣроятнымъ, чтобы эти орудія защиты были достаточны для одержанія побѣды надъ такимъ страшнымъ противникомъ, какъ ягуаръ, который можетъ убить муравьѣда однимъ ударомъ лапы. Наконецъ, ягуаръ очень ловокъ; врядъ ли, поэтому, неповоротливый муравьѣдъ съумѣетъ схватить его.

Когда я въ первый разъ услыхалъ объ этихъ странныхъ бояхъ, кончающихся смертью обоихъ враговъ (разсказы о нихъ распространены въ ліанахъ Новой Гренады, а также и въ пампасахъ Парагвая), я съ такимъ же недовѣріемъ отнесся къ нимъ, какъ и къ разсказу Д'Азара́. Теперь же я не считаю ихъ невѣроятными; но я полагаю, что такіе бои происходятъ чрезвычайно рѣдко и совершенно иначе, чѣмъ ихъ описываютъ. Ягуаръ, который желаетъ овладѣть муравьѣдомъ, какъ добычей, едва ли дастъ ему время опомниться и стать на стражѣ: онъ нападаетъ на него внезапно, добирается до него послѣ двухъ или трехъ скачковъ и часто поражаетъ его однимъ ударомъ. Иногда случается, что первый ударъ бываетъ неудаченъ, тогда нападающій оказывается въ критическомъ положеніи, потому что лежитъ распростертымъ предъ своимъ врагомъ и, такъ сказать, находится въ его полной власти. Этотъ моментъ въ дѣйствительности очень непродолжителенъ; но кто имъ воспользуется, тотъ рѣшитъ бой въ свою пользу. Случалось, напримѣръ, видѣть, какъ мулъ ударомъ своей передней ноги разбивалъ черепъ ягуару; муравьѣдъ въ подобномъ случаѣ постарался бы обвить своими лапами его туловище, и, если бы ему это удалось, гибель ягуара была бы несомнѣнна.

Д'Азара̀ утверждаетъ, что если муравьѣду удается вонзить свои большіе когти въ тѣло врага, который имѣлъ несчастье попасться ему въ лапы, то ничто не можетъ заставить его освободить свою жертву: даже послѣ смерти своего врага онъ продолжаетъ сжимать его тѣло.

Шомбургъ, который, не считаетъ это невозможнымъ, предполагаетъ, что въ такихъ случаяхъ большую роль играетъ трупное окоченѣніе, которое пріобрѣтаютъ послѣ смерти всѣ мускулы, въ особенности сгибатели пальцевъ. Но моментъ, когда мускульная система перестаетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ волевыхъ импульсовъ, отдѣленъ длиннымъ промежуткомъ отъ того момента, когда появляется трупное окоченѣніе; кажется, что ягуаръ имѣетъ достаточно времени, чтобы освободиться отъ когтей врага; объясненіе, данное ученымъ путешественникомъ, мнѣ кажется трудно допустимымъ. (Бремъ).

Въ неволѣ муравьѣды безобидны. Я видѣлъ ихъ въ зоологическомъ саду свободно блуждающими по аллеямъ; дѣти подходили и ласкали этихъ животныхъ, которыя не выказывали при этомъ никакого неудовольствія.

* * *

Замѣчательна, въ отношеніи своего органа обонянія, обезьяна-носачъ, хотя ея носовой придатокъ не представляетъ собою хобота. Носъ этихъ обезьянъ почти походитъ на человѣческій; благодаря этому и лицо нѣсколько походитъ на человѣческое. У молодыхъ обезьянъ носъ орлиный; у старыхъ онъ сильно удлиненъ.

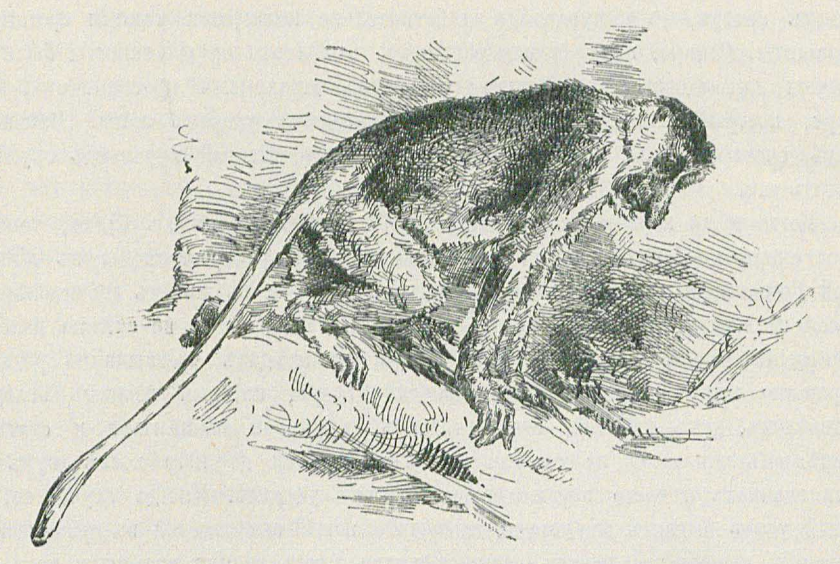


Рис. 183. **Обезьяна-носачъ.**

Носачъ живетъ на островѣ Борнео. Онъ очень хитеръ, его чрезвычайно трудно поймать; поэтому мы и имѣемъ о немъ мало свѣдѣній.

*

Наконецъ, существуютъ млекопитающія съ удлиненнымъ носомъ, принадлежащія къ насѣкомояднымъ. Таковъ, напримѣръ, сѣверо-американскій звѣздорылъ (condylura cristata). Это—своеобразный кротъ, у котораго рыло оканчивается вѣнчикомъ изъ маленькихъ хрящеватыхъ заостренныхъ и очень подвижныхъ пластинокъ. У землеройки—это настоящій маленькій хоботъ; пиринейская выхухоль пользуется такимъ хоботомъ, чтобы хватать маленькихъ животныхъ, которыхъ употребляетъ въ пищу.

Рис. 184. **Звѣздорылъ.**

Это животное, принадлежащее къ семейству кротовъ, имѣетъ рыло, оканчивающееся звѣздообразнымъ пятачкомъ; какую пользу этотъ послѣдній приноситъ животному, неизвѣстно.

* * *

Перейдемъ теперь къ другой группѣ животныхъ.

Описывая летучихъ мышей, мы изучили млекопитающихъ, которыя летаютъ

и въ общемъ довольно хорошо перемѣщаются въ воздухѣ — хотя съ птицами они въ этомъ отношеніи не выдерживаютъ, конечно, никакого сравненія.

Лучшимъ примѣромъ служатъ шерстокрылы (galeopithecidae), которые по своему анатомическому строенію занимаютъ среднее мѣсто между лемурами и летучими мышами. Ихъ летательная перепонка, замѣняющая имъ парашютъ, очень велика: начинаясь почти у конца суставовъ переднихъ членовъ, она соединяетъ передніе члены съ задними и разстилается даже до конца хвоста. Словомъ, все тѣло животнаго какъ бы обтянуто перепонкой, за исключеніемъ головы. Шерстокрылы очень подвижны; они карабкаются, какъ кошки, на вершины деревьевъ и оттуда бросаются внизъ, пробѣгая сотни метровъ. Они безъ труда перескакиваютъ съ одного дерева на другое, переправляются черезъ потоки и рѣчки. Кажется, будто это животное въ дѣйствительности летаетъ; на самомъ же дѣлѣ, это только кажется, потому что оно въ дѣйствительности не поднимается въ воздухъ.

Рис. 185. **Шерстокрылъ.**
Животное, занимающее среднее мѣсто между обыкновенными млекопитающими и летучими мышами; громадная летательная перепонка служитъ ему въ качествѣ парашюта.

Прибавимъ еще, что шерстокрылъ — ночное животное; своимъ парашютомъ онъ пользуется лишь ночью.

*

Летяга относится также къ ночнымъ животнымъ. Летяги или летающія бѣлки, какъ ихъ называютъ, живутъ въ сѣверной Россіи и въ Сибири. Ихъ движенія до того быстры, что съ трудомъ можно услѣдить за ними глазомъ. Благодаря своей летательной перепонкѣ, которая соединяетъ переднія лапки съ задними, онѣ безъ всякаго затрудненія перепрыгиваютъ съ одной вѣтки на другую. Во время полета, хвостъ служитъ имъ рулемъ.

*

Летяги, живущія въ Сибири, могутъ пробѣгать отъ двадцати до двадцати пяти метровъ. Эти грызуны, имѣющіе въ длину не болѣе восемнадцати или девятнадцати сантиметровъ, живутъ въ сосновыхъ или въ березовыхъ лѣсахъ. На землѣ они очень неловки; большая летательная перепонка мѣшаетъ имъ ходить; она путается подъ лапками, въ родѣ слишкомъ длиннаго платья.

Но на деревьяхъ они очень подвижны, легко перелетая съ вѣтки на вѣтку. Этотъ способъ передвиженія не облегчаетъ, повидимому, животнымъ борьбы за существованіе, потому что они становятся все болѣе и болѣе рѣдкими и въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ они нѣкогда часто встрѣчались, они теперь совершенно исчезли. У летягъ въ общемъ тѣ же привычки, что и у нашей бѣлки, съ той только разницей, что летяги бываютъ дѣятельны только ночью.

Самка пользуется своей перепонкой, между прочимъ, для того, чтобы согрѣвать своихъ дѣтенышей въ дуплѣ дерева.

ГЛАВА XXXIII.

Плачущія животныя.

Способность смѣяться принадлежитъ только людямъ, но выражать свои чувства слезами умѣютъ и очень многія животныя.

Рис. 186. Лось.

Особенно легко замѣтить это среди жвачныхъ. Жвачныя обладаютъ слезнымъ мѣшечкомъ, расположеннымъ подъ глазнымъ яблокомъ.

Всѣмъ охотникамъ извѣстно, что олени при послѣднемъ издыханіи проливаютъ потоки слезъ. То же самое замѣчается у косуль. Ламартинъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ агонію косули, которую онъ смертельно ранилъ.

«Она смотрѣла на меня глазами, полными слезъ. Голова ея лежала на травѣ. Я никогда не забуду этого взгляда, которому изумленіе,

боль и неожиданное приближеніе смерти придало глубину почти человѣческаго чувства».

Многіе увѣряютъ, что умирающіе медвѣди всегда плачутъ. Жираффа отличается большой чувствительностью. Это можно ожидать отъ такого кроткаго животнаго; глазами, полными слезъ, она смотритъ на охотника, который ее ранилъ.

Если вѣрить Гордону Гуммингу, лоси выражаютъ свои страданія подобнымъ же образомъ. Вотъ что онъ разсказываетъ про лося, котораго онъ долго преслѣдовалъ и, наконецъ, настигъ:

«Изо рта его текла густая пѣна. Обильный потъ выступилъ по всему его тѣлу и придалъ кожѣ пепельный оттѣнокъ. Слезы капали изъ большихъ черныхъ глазъ; видно было, что онъ предчувствовалъ свою близкую кончину».

Собаки плачутъ очень часто; если ихъ подолгу оставляютъ на привязи, они заливаются визгливымъ лаемъ, въ которомъ слышатся слезы.

Слезы наблюдаются также очень часто у обезьянъ: Cebus Azarae сейчасъ же начинаютъ плакать, если ихъ испугать чѣмъ-нибудь. Гумбольдъ разсказываетъ объ обезьянѣ callithrix sciureus, глаза которой наполнялись мгновенно слезами, когда она чувствовала страхъ. Водныя млекопитающія также способны плакать. Дельфины, какъ увѣряютъ многіе наблюдатели-натуралисты, умирая, стонутъ и проливаютъ обильныя слезы. Плачутъ также тюлени, если ихъ долго мучаютъ.

Жоффруа Сентъ-Илеръ и Ф. Кювье разсказываютъ, что малайцы, поймавъ на охотѣ дѣтеныша дюгонга (животнаго изъ семейства морскихъ коровъ), всегда

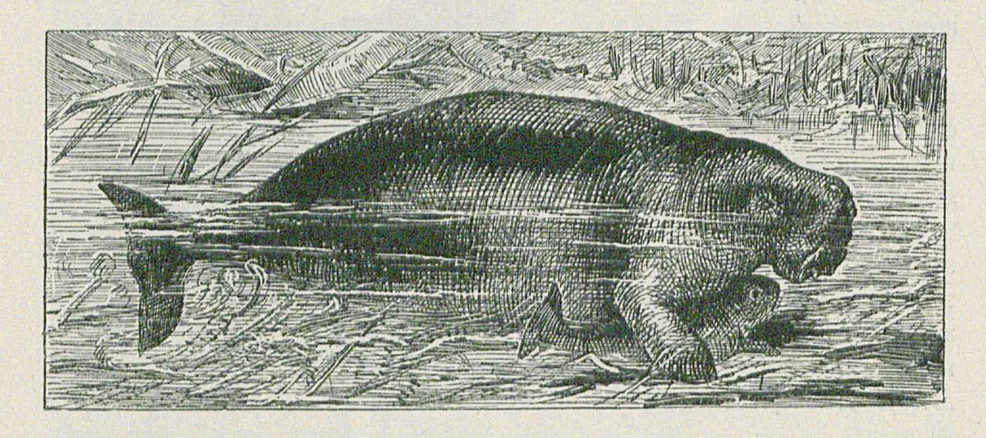


Рис. 187. Дюгонгъ (изъ семейства морскихъ коровъ).
Животное, которое начинаетъ плакать, когда у него хотятъ отнять дѣтеныша.

увѣрены, что поймаютъ также и мать, которая прибѣгаетъ на пронзительные крики своихъ плачущихъ дѣтенышей; туземцы собираютъ ихъ слезы и бережливо сохраняютъ, такъ какъ у нихъ существуетъ повѣрье, что эти слезы способны продлить любовь любимаго человѣка.

Согласно многочисленнымъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ разное время,

слоны имѣютъ обыкновеніе выражать свое горе слезами. Спарманъ увѣряетъ, что слонъ плачетъ, когда онъ раненый видитъ, что ему не избѣжать смертельной опасности; слезы у него льются изъ глазъ, какъ у человѣка, испытывающаго сильное горе.

Э. Тепанъ слѣдующимъ образомъ описываетъ слоновъ, которые попали въ плѣнъ. «Нѣкоторые изъ нихъ остались неподвижными и, нагнувшись къ землѣ, выражали свое отчаяніе слезами, которыя лились ручьемъ изъ глазъ».

Въ этой главѣ упомянуты главные представители животнаго міра, у которыхъ наблюдали слезы. Безъ сомнѣнія, число ихъ сильно увеличится, если увеличится число наблюденій; надо только посовѣтовать наблюдателямъ обратить особое вниманіе на причины, вызывающія эти слезы. Въ примѣрахъ, которые сейчасъ были описаны, слезы имѣли, повидимому, такое же значеніе и выражали то же чувство, что и у людей; но чтобы имѣть возможность сказать это съ увѣренностью, необходимо собрать еще много фактовъ.

ГЛАВА XXXIV.

Животныя, отличающіяся удивительной живучестью.

Животныя, вообще, превосходятъ людей своей жизнеспособностью. Среди нихъ встрѣчаются такія, которыя отличаются удивительной живучестью.

Есть такія, которыя совершенно нечувствительны ко всякаго рода пораненіямъ. Первое мѣсто среди такихъ животныхъ занимаютъ черепахи. Они не перестаютъ двигаться, даже если отрѣзать у нихъ голову, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и реагируютъ на всѣ внѣшнія раздраженія, напр., сокращаютъ мышцы лапки, если ее уколоть. Знаменитый естествоиспытатель Реди, сдѣлавъ трепанацію черепа одной черепахи, наблюдалъ, какъ она жила и двигалась послѣ этой операціи въ теченіе шести мѣсяцевъ. Это наблюденіе заставляетъ, не безъ основанія, полагать, что убить черепаху очень трудно, что подтверждается слѣдующимъ разсказомъ Керстена:

«Очень трудно было найти какое-нибудь средство умертвить черепаху и въ то же время какъ можно менѣе испортить ея кожу и панцырь. Я долго не могъ сладить съ нею. Мнѣ пришлось распилить панцырь, за которымъ черепаха скрывалась, и только тогда мнѣ удалось добить ее окончательно.

«Я производилъ многочисленные опыты съ цѣлью найти средство убить черепаху возможно быстрѣе. Я употреблялъ всевозможные способы: опускалъ черепаху головой внизъ въ сосудъ съ водой и затѣмъ тисками очень крѣпко сжималъ ей шею; несмотря на то, что животное въ теченіе нѣсколькихъ дней было совершенно лишено воздуха, оно, послѣ снятія тисковъ, обнаруживало еще признаки жизни. Въ другой разъ я воткнулъ иголку между головой и первымъ шейнымъ позвонкомъ и отдѣлилъ головной мозгъ отъ кости; но все было напрасно: животное жило попрежнему. Я пытался дѣйствовать ядомъ; съ помощью тонкой стеклянной трубки я вливалъ черепахѣ въ ротъ и носъ алкоголь, но безъ всякаго успѣха. Я замѣнилъ алкоголь растворомъ ціанистаго калія и вливалъ ей эту страшно ядовитую жидкость даже въ глазныя и ушныя отверстія; къ моему величайшему изумленію, животное оказалось нечувствительнымъ даже и къ этому яду. Если

даже обезглавить черепаху, тѣло ея продолжаетъ двигаться, а голова обнаруживаетъ поползновеніе укусить. Наиболѣе дѣйствительное средство — это опустить ее въ охлаждающую смѣсь: несмотря на удивительную живучесть этихъ животныхъ, они совершенно не выносятъ холода».

Такой же сильной живучестью отличаются и другіе пресмыкающіяся. Ящерица, опущенная въ алкоголь, продолжаетъ жить еще очень долго. Змѣю можно разрѣзать на куски, которые долго продолжаютъ выказывать признаки жизни, а голова въ теченіе нѣкотораго времени сохраняетъ способность кусать.

То же самое можно наблюдать и у насѣкомыхъ. Обезглавьте муху и вы увидите, что ея ножки продолжаютъ двигаться; муравьи, у которыхъ вырѣзанъ желудокъ, какъ ни въ чемъ не бывало продолжаютъ переносить своихъ куколокъ и заботиться о нуждахъ муравейника.

Многія животныя обладаютъ способностью удивительно долгое время обходиться безъ пищи. Обыкновенный клопъ можетъ остаться безъ пищи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Пьявки, живущія въ прудахъ, питаются кровью: имъ иногда приходится долго ждать, пока представится случай присосаться къ животному съ теплой кровью, напримѣръ, къ лошади.

У животныхъ, которыя зиму проводятъ въ спячкѣ, долговременное воздержаніе отъ пищи становится нормальнымъ явленіемъ; въ теченіе всей зимы сурки, сони и др. спятъ и, конечно, остаются безъ всякой пищи.

Встрѣчаются животныя, которыя чрезвычайно долго могутъ жить безъ воды. Къ этому особенно хорошо приспособлены животныя, живущія въ пустыняхъ. Наконецъ, существуютъ и такія, которыя вовсе никогда не пьютъ: необходимую для поддержанія жизни воду, они достаютъ изъ растеній, служащихъ имъ пищей, хотя въ послѣднихъ содержится очень малое количество воды. Черепахи тоже замѣчательны въ этомъ отношеніи; правда, неистощимымъ резервуаромъ воды является для нихъ мочевой пузырь.

Воздержаніе отъ воды достигаетъ апогея у животныхъ, которыя способны вновь оживать, какъ, напр., у коловратокъ и тардиградовъ (кольцеобразныхъ паучковъ). Если влажный мохъ, гдѣ онѣ живутъ, засыхаетъ, они замираютъ и остаются въ такомъ состояніи цѣлые годы. Но если увлажнить ихъ, они снова оживаютъ.

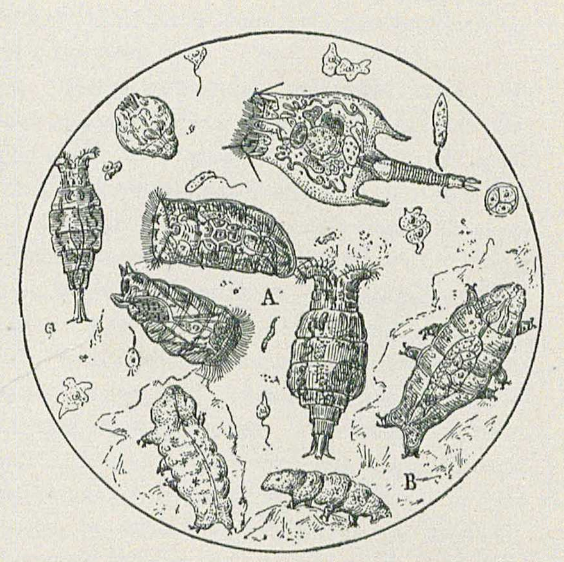


Рис. 188. **Группа маленькихъ, способныхъ къ оживанію животныхъ, разсматриваемыхъ подъ микроскопомъ.** *A.* Коловратки. *B.* Тардиграды.

Замѣчательно хорошо выносятъ холодъ рыбы и вообще морскія животныя. Онѣ остаются цѣлыми днями замороженными во льду и все-таки не гибнутъ. М. Пиклэ, понижалъ температуру льда, въ которомъ жили рыбы до 20° и рыбы не умирали. Лягушки переносятъ холодъ въ—28°, а улитки даже—130°!

Жаръ животными переносится не такъ легко. Однако, бывали случаи, когда морскія свинки выносили въ теченіе пяти минутъ 100 градусную жару, а голуби въ теченіе шести минутъ 90°.

Низшія животныя, напр., нѣкоторые микробы, переносятъ очень высокую температуру, особенно въ то время, когда они еще находятся въ зародышевомъ состояніи, т. е. имѣютъ видъ такъ-называемыхъ «споръ». Споры нѣкоторыхъ микроорганизмовъ не умираютъ, даже, если ихъ держать очень долго въ кипящей водѣ, или въ парахъ перегрѣтой воды!

ГЛАВА XXXV.

Животныя, предчувствующія свою смерть.

Существуетъ мнѣніе, раздѣляемое даже многими философами, что понятіе о смерти не существуетъ у животныхъ. Но это мнѣніе невѣрно: сознаніе смерти и ея предчувствіе удалось прослѣдить у многихъ животныхъ и при разныхъ обстоятельствахъ.

Мы хотимъ вкратцѣ познакомить читателей съ объемистымъ трудомъ доктора Поля Бальона, трудомъ, въ которомъ онъ собралъ въ строгомъ порядкѣ все, что написано натуралистами по этому вопросу.

Мы выберемъ изъ него наиболѣе убѣдительные примѣры, дополняя ихъ наблюденіями, добытыми еще и другими авторами.

Прежде всего нужно отмѣтить умѣніе животныхъ различать живое отъ мертваго. Хищники, которые питаются падалью, никогда не нападаютъ на живыхъ, даже если они спятъ или совершенно неподвижны. Степные волки очень ловко отыскиваютъ падаль и больныхъ животныхъ, напр. бизоновъ, истощенныхъ продолжительнымъ голодомъ, и слѣдятъ за ними днемъ и ночью, пока они окончательно не выбьются изъ силъ и тогда они разрываютъ ихъ на куски.

«Въ нашихъ бѣдныхъ поляхъ въ Жирондѣ,—замѣчаетъ П. Бальонъ:—гдѣ ходятъ стада тощихъ овецъ, изнуренныхъ худосочіемъ отъ недостатка воды, ихъ всегда сопровождаютъ стаи еще болѣе худыхъ воронъ, которыя терпѣливо выжидаютъ свою добычу. Когда овца падаетъ гдѣ-нибудь въ верескѣ, вороны ускоряютъ смерть бѣднаго животнаго, нападая на него, прежде чѣмъ оно испуститъ духъ. Дневные хищники поступаютъ такимъ же образомъ; они выслѣживаютъ животное, которое имъ кажется изнуреннымъ, неустанно и ждутъ момента, пока силы окончательно не оставятъ животное, и тогда оно становится ихъ добычей» Какъ замѣчаетъ Одибонъ, самымъ лучшимъ зрѣлищемъ для хищныхъ луней служитъ видъ умирающей лошади или быка, лани, завязнувшей въ болотѣ, чтобы какъ-нибудь защититься отъ мухъ, которыя сильно мучатъ бѣдныхъ животныхъ. А между тѣмъ эти самыя птицы пролетаютъ совершенно равнодушно мимо лошади, которая стоитъ неподвижно, грѣясь на солнцѣ.

Къ смерти одного изъ своихъ животныя относятся различно. Наряду съ

многочисленными представителями, которые къ этому относятся совершенно равнодушно, есть и такія, которыя просто съѣдаютъ своихъ павшихъ товарищей. Къ послѣднему классу принадлежатъ кроты, волки, крысы, если они доведены до крайняго состоянія голода. Другія ограничиваются однимъ удивленіемъ. Вайянъ разсказываетъ, что однажды въ его палатку принесли четырехъ убитыхъ обезьянъ, принадлежащихъ къ виду геноновъ; въ его палаткѣ находилась также и ручная обезьяна, которая сопровождала его повсюду. Она съ удивленіемъ осматривала своихъ мертвыхъ собратьевъ, обнюхивала ихъ, переворачивала съ боку на бокъ, точно желая лучше разсмотрѣть ихъ. Нерѣдко можно видѣть, какъ медвѣдь обнюхиваетъ мертваго товарища и тоже переворачиваетъ его съ боку на бокъ, чтобы понять, что сдѣлалось съ нимъ. Гордонъ Кэмингъ передаетъ аналогичный случай. Онъ убилъ дикаго осла, онагра; все стадо окружило трупъ, фыркая и волнуясь; потомъ всѣ онагры сразу, съ быстротою молніи, какъ будто чѣмъ-то испуганные, скрылись въ степи.

Особенно ясно замѣчаются подобнаго рода явленія у птицъ; если одна изъ нихъ падаетъ подстрѣленная, вся стая окружаетъ ее и оглашаетъ воздухъ жалобными криками, какъ будто призывая на помощь. Многіе, вѣроятно, наблюдали подобное явленіе у воронъ. Лишь только ружейный выстрѣлъ сразилъ одну изъ нихъ, тотчасъ со всѣхъ сторонъ слетаются вороны съ пронзительнымъ крикомъ и забывая, что имъ грозитъ подобная же участь, начинаютъ кружиться надъ раненымъ товарищемъ.

Еще болѣе любопытныя явленія можно наблюдать у насѣкомыхъ. Насѣкомыя, живущія колоніями, выносятъ мертвыхъ изъ своего жилья. «Шмели,—разсказываетъ докторъ Гофферъ:—обыкновенно очень спокойны и тихи, но во время кладки яицъ становятся совершенно иными; если случается, что самка умираетъ во время кладки, ея трупъ подвергается самому яростному нападенію; другія самки и шмели-работницы бросаются на него, кусаютъ за крылышки, ножки, усики; но всѣ ихъ усилія остаются тщетными, восторжествовать надъ смертью они не могутъ».

Что же касается муравьевъ, о которыхъ вѣчно узнаешь какой-нибудь удивительный новый фактъ, свидѣтельствующій объ ихъ замѣчательномъ интеллектуальномъ развитіи, то они не довольствуются только соблюденіемъ собственныхъ интересовъ, не ограничиваются тѣмъ, что выносятъ мертвыхъ изъ своего жилья, но, повидимому, отдаютъ своимъ умершимъ послѣдній долгъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить по наблюденіямъ различныхъ натуралистовъ; эти наблюденія, впрочемъ, нужно еще провѣрить. Мы сошлемся только на наблюденія Эрнеста Андрэ, который очень хорошо изучилъ нравы муравьевъ.

У большинства, если не у всѣхъ видовъ, говоритъ онъ, существуютъ настоящія кладбища. Это явленіе съ перваго взгляда невѣроятное, наблюдалось однако, многими извѣстными естествоиспытателями. Эти кладбища расположены на небольшомъ разстояніи отъ муравейника; сюда переносятся трупы и размѣщаются небольшими правильными кучами, либо болѣе или менѣе симметрическими рядами.

Удивительное дѣло, муравьи съ почестями хоронятъ лишь своихъ товарищей, къ останкамъ которыхъ они относятся съ большимъ почтеніемъ; совершенно иначе относятся они, однако, къ трупамъ непріятелей, павшихъ въ бою. Эти жертвы войны часто оставляются на полѣ брани или выбрасываются вонъ, какъ нечистые предметы; иногда побѣдители разрываютъ на части трупы побѣжденныхъ и разбрасываютъ эти части куда попало, высосавъ предварительно изъ нихъ кровь. Въ этомъ отношеніи муравьи напоминаютъ намъ людоѣдовъ — у нихъ военноплѣнные служатъ лакомымъ блюдомъ для побѣдителей, и по окончаніи пиршества, остатки, уцѣлѣвшіе отъ несчастныхъ плѣнниковъ, также выбрасываются куда попало.

Отдавая послѣдній долгъ своимъ мертвымъ, муравьи, несмотря на то, что всѣ пользуются совершеннымъ равноправіемъ, сохранили еще, правда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, нѣкоторые кастовые предразсудки. У нѣкоторыхъ видовъ муравьевъ-рабовладѣльцевъ погребеніе представителей господствующаго класса сильно отличается отъ погребенія ихъ рабовъ. Въ то время, какъ трупы первыхъ заботливо переносятся въ одно мѣсто и сохраняются, послѣднихъ опускаютъ въ одну общую яму. Эти разсказы казались бы очень невѣроятными, если бы ихъ не подтвердили наблюденія американки мистриссъ Тритъ, очень извѣстной въ наукѣ своими цѣнными работами, посвященными описанію жизни муравьевъ во Флоридѣ. Муравьи formicae sanguineae, которые встрѣчаются въ Европѣ и сѣверной Америкѣ, обращаютъ въ рабовъ муравьевъ вида formica fusca, которые тоже распространены въ Новомъ и Старомъ свѣтѣ. Мистриссъ Тритъ, изучая нравы этихъ муравьевъ, замѣтила большую разницу между отношеніемъ ихъ къ трупамъ sanguinea и къ трупамъ fusca. Трупы господствующаго класса переносятся въ довольно отдаленное отъ жилья мѣсто, гдѣ ихъ кладутъ рядомъ другъ около друга, между тѣмъ какъ трупы fusca складываются въ кучу неподалеку отъ муравейника; считаютъ лишнимъ перетаскивать ихъ подальше,—этой чести рабы не удостоиваются. Было бы интересно прослѣдить существуетъ ли что-нибудь подобное у муравьевъ sanguinea, живущихъ въ Европѣ или у другихъ муравьевъ-рабовладѣльцевъ. Новыя наблюденія въ этой области были бы весьма желательны.

Вайтъ, въ своей любопытной книгѣ, посвящаетъ нѣсколько главъ описанію кладбищъ у муравьевъ. Наблюденія его были бы очень интересны, если бы авторъ не выдавалъ за несомнѣнные факты такіе, которые, все-таки, кажутся очень сомнительными, чтобы не сказать, неправдоподобными. Намъ кажется, что трудно повѣрить безъ оговорокъ, слѣдующему разсказу о муравьяхъ lasius flavus, для которыхъ Вайтъ устроилъ искусственный муравейникъ въ одной стеклянной вазѣ. Чрезъ нѣсколько дней многіе муравьи изъ этого муравейника умерли и были другими бережно вынесены на поверхность ихъ жилища. На шестой день ихъ пребыванія въ этой вазѣ, Вайтъ помѣстилъ на импровизированномъ кладбищѣ около труповъ 3 картонныхъ желобка съ медомъ, ожидая, что муравьи, послѣ такого продолжительнаго голода набросятся на нихъ съ жадностью. Но ничего подобнаго не случилось: муравьи, какъ замѣчаетъ авторъ, превратили эти желобки

въ урны, куда и положили своихъ мертвыхъ и не прикасались больше къ этой соблазнительной пищѣ.

Несмотря на все мое уваженіе къ Вайту, я не могу повѣрить, чтобы муравьи были въ состояніи отказаться отъ матеріальныхъ благъ. Во всякомъ случаѣ, мои личныя наблюденія надъ этими муравьями не даютъ возможности заподозрить у нихъ столь большую умѣренность и воздержанность.

Немного далѣе, тотъ же авторъ разсказываетъ о томъ, какъ муравьи съ силой увели одного изъ своихъ товарищей, который хотѣлъ вырыть покойника, безъ сомнѣнія, чтобы взглянуть на него въ послѣдній разъ. Это, несомнѣнно, сильное преувеличеніе.

Вотъ, наконецъ, еще одно удивительное наблюденіе — оно, правда, не было сдѣлано Вайтомъ, но приводится имъ, какъ несомнѣнный фактъ, что, конечно, дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за тѣ явныя выдумки, которыя такъ вредятъ научной сторонѣ дѣла. Эти выдумки набрасываютъ тѣнь даже на факты, строго провѣренные, такъ какъ читатель, въ концѣ концовъ, не знаетъ, какъ отдѣлить правду отъ вымысла. Хотя я поставилъ себѣ за правило совершенно игнорировать такія наблюденія, гдѣ фантазія автора играетъ не послѣднюю роль, однако, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести одно такое наблюденіе, какъ образчикъ подобныхъ явныхъ преувеличеній. Наблюденіе, передаваемое Вайтомъ, принадлежитъ одной дамѣ изъ Сиднея, мистриссъ Гамтонъ, которая по этому поводу прочитала докладъ въ лондонскомъ обществѣ. Вотъ что сообщила эта дама: «маленькій мальчикъ, заснулъ случайно на бугоркѣ, въ которомъ находилось жилье муравьевъ. Насѣкомыя, разсерженныя этимъ незаконнымъ вторженіемъ въ ихъ владѣнія, напали сотнями на спящаго мальчика; тотъ скоро проснулся и началъ кричать; мать услышала эти крики, прибѣжала къ мѣсту происшествія, и освободила сына отъ опасности, но при этомъ раздавила около двадцати насѣкомыхъ. Прошло послѣ этого «побоища» минутъ двадцать, жертвы лежали на своемъ мѣстѣ, а вокругъ нихъ собралась большая толпа муравьевъ. Черезъ нѣсколько минутъ эта толпа отправилась къ сосѣднему бугорку, гдѣ тоже находилась колонія муравьевъ. Депутація, очевидно, изложила сосѣдямъ событія дня и затѣмъ возвратилась въ сопровожденіи многихъ муравьевъ-сосѣдей. Затѣмъ муравьи выступили по два впередъ, подняли бережно одинъ трупъ, за ними шли еще два для смѣны и т. д. Такимъ образомъ потянулись ряды по четыре муравья въ каждомъ, окруженные большой толпой товарищей. По дорогѣ муравьи, несущіе трупы, останавливаются; ихъ замѣняютъ ихъ помощники. Наконецъ, процессія доходитъ до песчанаго морского берега. Тутъ носильщики начинаютъ рыть могилы, въ которыя и опускаютъ мертвыхъ. Нѣкоторымъ муравьямъ, видно, надоѣдаетъ рытье, они хотятъ вернуться, но ихъ заставляютъ оставаться на своихъ мѣстахъ, а нѣкоторыхъ за такое нарушеніе дисциплины тутъ же убиваютъ. Однако, смерть не есть достаточное наказаніе. Имъ не отдаютъ погребальныхъ почестей, а зарываютъ кучей въ общую ямку, вырытую ихъ неумолимыми судьями».

Есть ли необходимость доказывать всю невѣроятность этого анекдотическаго разсказа, который я немного сократилъ, не измѣняя его содержанія. Безспорно, въ

его основѣ лежитъ какое-нибудь интересное наблюденіе, но оно совершенно лишено достовѣрности, благодаря слишкомъ живой фантазіи разсказчицы. Удивительно, какъ подобный докладъ могъ быть принятъ въ лондонскомъ обществѣ, которое считаетъ въ числѣ членовъ столько выдающихся ученыхъ и труды котораго читаются съ большимъ интересомъ.

У животныхъ погребальные обряды встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Мнѣ извѣстны, однако, два наблюденія подобнаго рода, сдѣланныя надъ быкомъ. Одно изъ нихъ приводитъ Андрэ Терье.

Дѣло происходило въ мѣстности, принадлежащей къ департаменту Верхней Марны; правдивость очевидца, какъ удостовѣряетъ знаменитый писатель, не подлежитъ сомнѣнію. Нѣкій землевладѣлецъ де-Бассиньи купилъ стадо быковъ и пустилъ его на пастбище. Отправившись однажды его провѣдать, онъ замѣтилъ группу изъ четырехъ быковъ, окружавшихъ пятаго, который лежалъ неподвижно на лугу. Быкъ лежалъ на травѣ въ странной позѣ, а товарищи, его окружавшіе, были неподвижны и казались какъ бы болѣе сосредоточенными, чѣмъ остальные. Подойдя поближе, Бассиньи замѣтилъ, что лежавшій быкъ былъ мертвъ. Ему стоило не малаго труда пробраться къ трупу, который окружали такимъ образомъ его товарищи, не допуская никого къ нему.

Второе наблюденіе сдѣлано извѣстнымъ писателемъ, Пьеромъ Лоти. Онъ описываетъ слѣдующій случай въ своей «Книгѣ состраданія». На пароходѣ, на на которомъ онъ ѣхалъ, находилось стадо быковъ, предназначенныхъ для убоя. Одинъ изъ нихъ, который пережилъ всѣхъ остальныхъ, видѣлъ приготовленія къ смерти послѣдняго своего товарища: «тогда, — пишетъ Лоти: — быкъ медленно повернулъ голову, чтобы слѣдить за уводимымъ товарищемъ; взглядъ его былъ вялъ и меланхоличенъ, но когда онъ увидѣлъ, что товарища ведутъ въ тотъ страшный уголъ, гдѣ погибли всѣ остальные, онъ, казалось, все понялъ: лучъ мысли освѣтилъ его бѣдную голову и онъ издалъ жалобный, отчаянный ревъ».

Нѣкоторыя животныя имѣютъ предчувствіе приближающейся смерти. Вотъ два наблюденія, сдѣланныя Киниссэ-Карно, который самъ, впрочемъ, считаетъ ихъ исключительными:

«У меня была прекрасная собака, смѣсь сетера съ лягавой, неутомимая, смѣлая и удивительно смышленая. Однажды она, бѣгая на дворѣ, ударилась со всего размаха головой о колъ, вбитый въ землю. Ударъ былъ такъ силенъ, что она осталась на мѣстѣ, и я думалъ, что она мертва. Однако чрезъ полчаса, она оправилась, но послѣ этого случая у ней осталось предрасположеніе къ обморочному состоянію. Бывало, она часто останавливалась на всемъ скаку въ полѣ, мотала головой, но сейчасъ же, видно, приходила въ себя и бѣгала весело, по-прежнему. Такіе случаи не представляли никакой опасности.

«Но однажды, въ очень жаркій полдень, собака, все время весело бѣгавшая впереди меня, вдругъ остановилась, какъ будто борясь съ чѣмъ-то, и затѣмъ повалилась на землю, какъ снопъ. Я бросился къ ней, она была какъ мертвая; лапы вытянуты, сердце перестало биться. Всѣ средства, къ которымъ я прибѣгалъ,

были напрасны,—собака оставалась неподвижной, точно пораженная молніей. Настоящіе охотники, которые любятъ своихъ четвероногихъ друзей, легко могутъ понять мое отчаяніе и огорченіе. Печально я направился домой, чтобы распорядиться перенести ее ко мнѣ, какъ вдругъ, не успѣвъ отойти сотни шаговъ, я услышалъ за собой радостный лай моей собаки; я оглянулся — это былъ мой славный «Фаустъ». Онъ избѣжалъ смерти, и умная собака понимала, какой страшной опасности она подвергалась. Воспоминаніе о смерти сохранилось въ ея темномъ сознаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ она поняла, что въ такихъ случаяхъ ей нужна помощь свыше, помощь ея хозяина, который обладаетъ въ ея глазахъ сверхъестественнымъ всемогуществомъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы переѣхали въ городъ, гдѣ собаки, какъ извѣстно, пользуются меньшей свободой, чѣмъ въ деревнѣ, и надзоръ за ними болѣе строгъ. Имъ не позволяли, напримѣръ, входить безъ разрѣшенія въ комнаты, развѣ только въ кухню, но не дальше передней. Умная собака, однако, вскорѣ сообразила, чего отъ нея требуютъ и освоилась съ новымъ положеніемъ. Однажды я работалъ въ своемъ кабинетѣ и услышалъ настойчивое царапаніе въ дверь. Разсерженный, готовый строго наказать виновную, я открылъ дверь; но весь мой гнѣвъ сразу пропалъ при взглядѣ на моего бѣднаго Фауста. Я понялъ, что собака пришла за чѣмъ-то очень для нея важнымъ, что она, въ противномъ случаѣ, не осмѣлилась бы нарушить установленное правило.

«Она не виляла привѣтливо хвостомъ, взглядъ ея былъ полонъ страха и безпокойства. Мы глядѣли другъ на друга; мною овладѣло предчувствіе несчастья. Это продолжалось минуту; собака упала навзничь,—съ ней опять случился тотъ припадокъ, который она пережила лѣтомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она почувствовала приближеніе потери силъ, которую она разъ испытала, и бросилась ко мнѣ за помощью.

«Наблюдать собаку еще разъ въ подобномъ состояніи я не могъ, такъ какъ эти припадки впослѣдствіи прекратились. Но я иногда замѣчалъ у нея слѣды какого-то страннаго безпокойства, которое очень трудно было опредѣлить—тутъ можно было усмотрѣть и предчувствіе смерти и боязнь ея, а также надежду, что ея хозяинъ, поможетъ ей въ трудную минуту и отвратитъ отъ нея неминуемую гибель.

«У меня была другая собака, по имени Томъ. Томъ, былъ очень старъ, почти инвалидъ, и мы дѣлали все возможное, чтобы облегчить ему его послѣдніе дни. У него была подагра; почти парализованный, онъ еле-еле могъ протащиться изъ своей конуры въ кухню, или къ уголку террасы, освѣщенному солнцемъ, гдѣ онъ лежалъ на коврѣ съ полузакрытыми глазами, живя, быть можетъ, воспоминаніями о былыхъ дняхъ, охотахъ, о смѣлыхъ подвигахъ. Онъ оставался на террасѣ, сколько хотѣлъ, иногда позже, если было потеплѣе. Однажды вечеромъ, вся моя семья собралась въ залѣ у террасы; дверь была, благодаря теплой погодѣ, открыта. Вдругъ мы увидѣли Тома, который нерѣшительно приближался къ намъ. Бѣдная собака знала и помнила запрещеніе, и, казалось, съ каждымъ шагомъ просила извиненія. Наше молчаніе ее ободрило, она дошла до средины зала. Взглядъ ея глазъ былъ серьезенъ, я скажу даже, торжественъ, какъ будто она хотѣла что-то сказать. Она сдѣлала

еще два шага, махая ласково хвостомъ, точно желая показать, что, несмотря на серьезный видъ, она никому зла не сдѣлаетъ, приблизилась ко мнѣ и положила свою голову ко мнѣ на колѣна. Я ее приласкалъ, она отошла къ другому и такъ обошла всѣхъ, получая отъ всѣхъ ласки и затѣмъ медленно вышла, оставивъ насъ удивленными и тронутыми этимъ страннымъ визитомъ. Она вернулась на свою солому и черезъ нѣсколько минутъ мы услышали тяжелый вздохъ. Я подошелъ къ ней: она была мертва.

«Смѣйтесь, сколько угодно, пожимайте плечами, но ничто меня не разувѣритъ въ томъ, что мой бѣдный Томъ, чувствуя приближеніе смерти, пришелъ къ намъ просить помощи и проститься съ нами».

* * *

Всѣмъ извѣстно, какъ сильно развиты материнскія чувства у животныхъ. Любопытно, однако, замѣтить, что это чувство замѣтно ослабѣваетъ, у нѣкоторыхъ при смерти дѣтенышей, о которыхъ мать, повидимому, не очень горюетъ. Однако, есть много млекопитающихъ, которые выказываютъ сильное отчаяніе и горе, когда умираютъ ихъ дѣтеныши. Медвѣдица, напр., долго остается у труповъ своихъ дѣтенышей, пораженныхъ пулей охотника, и испускаетъ жалобные стоны.

Я убѣжденъ, что, если дать себѣ трудъ дѣлать возможно больше наблюденій, можно было бы констатировать еще много аналогичныхъ примѣровъ. Любовь дѣтенышей къ самкѣ очень часто наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда самку убиваютъ. Наблюдали это не разъ у слоновъ. При одной охотѣ на слоновъ охотники видѣли, какъ молодой слоненокъ, не старше десяти лѣтъ, оставался у трупа матери, сраженной градомъ пуль, и ласками старался побудить ее встать. Въ другомъ мѣстѣ, Гаррасъ разсказываетъ о молодомъ слонѣ, не имѣвшемъ даже аршина въ вышину, который выказывалъ признаки сильнаго отчаянія и горя у трупа матери. Онъ съ жалобными криками прыгалъ вокругъ нея, тщетно стараясь ее приподнять своимъ маленькимъ хоботкомъ.

* * *

Гораздо тщательнѣе изучены выраженія печали у единобрачныхъ животныхъ, вызванныя смертью одного изъ нихъ. По разсказу Фредерика Кювье самецъ былъ неутѣшенъ, когда, въ зоологическомъ саду, умерла самка уистити (обезьяна-игрунка). Онъ долго оставался у трупа своей подруги, гладилъ ее; убѣдившись, что она мертва, онъ закрылся руками и остался безъ движенія отказываясь отъ пищи, пока и самъ не умеръ голодной смертью.

У антилопы смерть самца вызываетъ сильное отчаяніе. Она бѣгаетъ вокругъ его трупа и испускаетъ жалобные вздохи. То же самое замѣчается и у газели, которая въ этомъ случаѣ выражаетъ свое горе печальнымъ блеяніемъ.

*

Всѣмъ хорошо извѣстно, что птицы, называемыя «неразлучными», въ очень рѣдкихъ случаяхъ переживаютъ другъ друга. Другія птицы въ этомъ отношеніи выказываютъ не меньшее горе; изъ нихъ можно назвать ласточку, колибри и виргинскихъ куропатокъ. Ахиллъ Контъ, разсказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ куропатка-самка умерла оттого, что у нея забирали яица по мѣрѣ того, какъ

она ихъ клала. «Самецъ улеталъ и снова прилеталъ, испуская жалобные крики, которые я не могъ слушать равнодушно. Я быстро унесъ трупъ самки, но самецъ продолжалъ еще долго жалобно кричать. Я приблизился къ нему: онъ лежалъ на землѣ, еле дыша, безъ движенія. Я поднялъ его и хотѣлъ какъ-нибудь оживить бѣдную птичку, но тщетно—чрезъ нѣсколько часовъ она тоже умерла».

* * *

Ксавье Рапайль сдѣлалъ сообщеніе въ французскомъ зоологическомъ обществѣ объ одномъ подобномъ случаѣ, который онъ имѣлъ возможность прекрасно изслѣдовать. У него была охотничья собака, по имени Жипъ, которая находилась въ тѣсной дружбѣ съ другой собакой, по имени Кебиръ. Однажды Рапайль отправился па охоту въ сопровожденіи Кебира.

«Я слѣдовалъ за нимъ въ молодой рощѣ,—разсказываетъ онъ:—въ поискахъ за фазаномъ, котораго выслѣживала моя собака. Подойдя къ опушкѣ, гдѣ была проѣзжая дорога, я вдругъ услышалъ шумъ проѣзжающаго автомобиля и вслѣдъ за тѣмъ подавленный крикъ, на который тотчасъ побѣжалъ.

«Моимъ глазамъ вскорѣ представилось ужасное зрѣлище: собака была раздавлена автомобилемъ; она лежала на землѣ, въ лужѣ крови, безъ признаковъ жизни. Когда я вернулся домой, Жипъ меня встрѣтилъ съ обычными шумными знаками радости, а затѣмъ оставилъ меня, чтобы повидаться со своимъ другомъ. Очень удивленный, что не встрѣтилъ его, онъ побѣжалъ назадъ, всюду разнюхивая, чрезвычайно, видно, обезпокоенный этимъ необычнымъ отсутствіемъ своего друга. Къ вечеру его безпокойство все увеличивалось; онъ рѣшился ѣсть только очень поздно, когда сильно проголодался. На другое утро онъ сейчасъ же, какъ только былъ выпущенъ на свободу, побѣжалъ въ конуру Кебира, но, когда, благодаря своему тонкому обонянію, онъ понялъ, что его нѣтъ поблизости, онъ улегся на послѣднюю ступеньку террасы и лежалъ почти все утро, внимательно прислушиваясь къ малѣйшему шороху.

«Послѣ полудня я отправился съ нимъ въ лѣсъ, чтобы развлечь его вниманіе и самому разсѣяться отъ тяжелаго впечатлѣнія, вызваннаго вчерашнимъ случаемъ. Случайно, самъ того не замѣчая, я приблизился къ тому самому мѣсту, гдѣ погибла моя бѣдная собака. Я хотѣлъ удержать Жипа около себя, но было уже поздно: острое чутье собаки привело ее къ лужѣ крови, гдѣ плавали кусочки мозга Кебира; она приблизилась къ этому мѣсту и стала его обнюхивать. Я ее энергично отозвалъ, она послушалась; мы натолкнулись на дичь и Жипъ снова, съ обычной рѣзвостью и ловкостью, сталъ ее выслѣживать, такъ что, когда я вернулся, я былъ увѣренъ, что если онъ и не совсѣмъ еще забылъ Кебира, то во всякомъ случаѣ, не горюетъ больше. Но лишь только мы вернулись, онъ опять исчезъ. Его нашли въ огородѣ, обнюхивающаго садовую телѣжку; на этой телѣжкѣ привезли трупъ Кебира и на ней остались еще слѣды крови.

«Что случилось съ собакой, поняла ли она, что сталось съ ея другомъ, но вечеромъ она совершенно отказалась отъ своего супа, даже не прикоснулась къ молоку и мясу. Утромъ мнѣ сказали, что она, попрежнему, не притрагивается къ

пищѣ и, видно, чѣмъ-то больна. Я нашелъ ее сильно ослабѣвшей; она еле-еле дотащилась до меня, когда я сталъ ее настойчиво звать. Послѣ полудня она отказалась отъ воды и я велѣлъ ей влить немного молока, но ее сейчасъ же вырвало; ей влили тогда яйцо; вечеромъ ей дали вторично немного воды. На другое утро она, по-прежнему, отказывалась отъ воды; это былъ тревожный симптомъ —я рѣшилъ во что бы то ни стало заставить ее выпить немного молока. Слуга, который ей открылъ пасть вскрикнулъ отъ удивленія: внутренняя часть была совершенно обезкровлена и имѣла синеватый трупный оттѣнокъ. Жипъ однако, благодаря энергичному лѣченію, въ концѣ-концовъ, оправился. Онъ заболѣлъ анеміей въ острой формѣ, несомнѣнно вызванной смертью его друга».

* * *

Всѣ эти проявленія чувствъ любви животныхъ къ своимъ дѣтенышамъ, самца къ самкѣ, одного животнаго къ другому подобному, въ концѣ-концовъ, не должны представляться слишкомъ удивительными; скорѣе, вполнѣ естественными. Гораздо болѣе интересны проявленія привязанности однихъ видовъ животныхъ къ представителямъ другихъ видовъ. Примѣры, гдѣ собаки не переживали смерти своихъ хозяевъ, безчисленны. Наблюдаются также и случаи, когда эта печаль, если и не выражается такъ трагически, выказывается жалобнымъ воемъ. Собаки

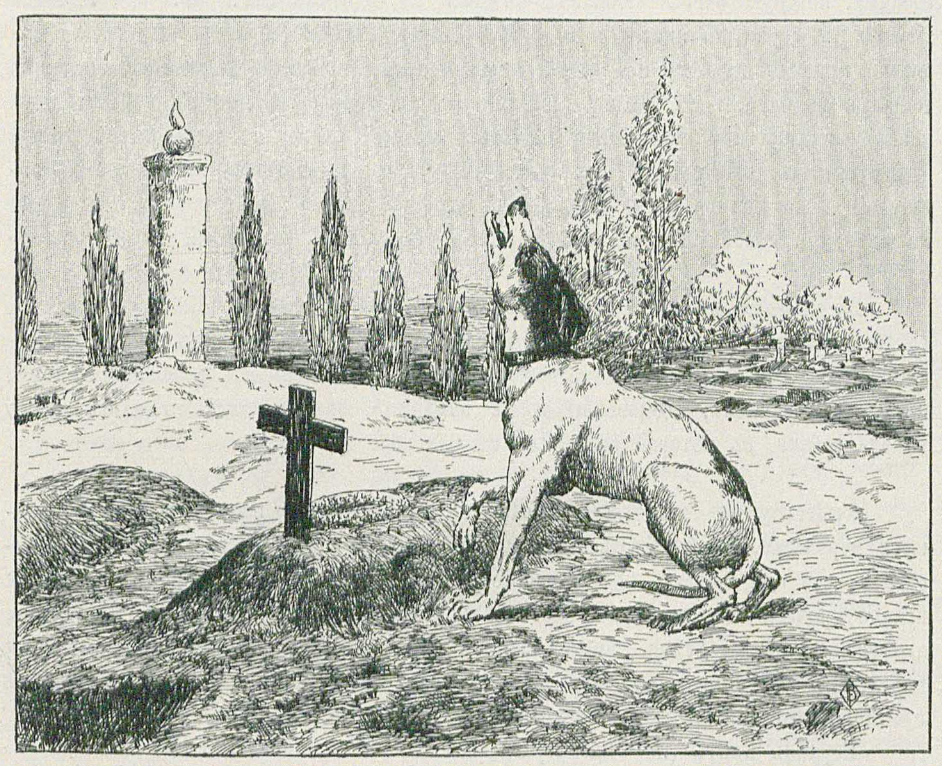


Рис. 189. **Собака, воющая на могилѣ своего хозяина.**
Трогательная картина, наглядно показывающая, въ какой высокой степени бываютъ иногда развиты у животныхъ чувства привязанности и вѣрности.

иногда провожаютъ гробъ хозяина до кладбища, остаются надъ могилой и долго жалобно и протяжно воютъ. Можно привести сколько угодно такихъ примѣровъ. Вотъ два историческихъ:

Во время французской революціи, когда на улицахъ въ Брото и въ Ліонѣ происходили ежечасно кровавыя сцены, за однимъ изъ осужденныхъ къ разстрѣлянію слѣдовала его собака. Когда ея хозяинъ упалъ, сраженный пулями, собака легла на его трупъ и ни за что не хотѣла уйти, отказывалась совершенно отъ пищи и, наконецъ, умерла съ горя чрезъ нѣсколько дней.

Весь Парижъ знаетъ, разсказываетъ другой авторъ, про собаку, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не отходила отъ могилы своего хозяина, похороненнаго на кладбищѣ des Innocents, нѣсколько разъ ее увозили, сажали на цѣпь въ другомъ концѣ города; но лишь только она вырывалась на волю, она снова занимала свое мѣсто у могилы, находясь при ней неотлучно, стойко перенося даже зимнюю стужу. Люди, жившіе вблизи, тронутые такой преданностью собаки, носили ей пищу, которую, казалось, та принимала, чтобы только поддержать жизнь. Какой прекрасный примѣръ любви и преданности!

Еще одинъ разсказъ по этому поводу приводитъ докторъ Салива со словъ г-жи Салива, подруга которой умерла внезапно ночью. Послѣдняя имѣла маленькую собачку, которую очень любила и которая ей платила тѣмъ же. Эта собачка никогда не обращала вниманія на г-жу Салива, хотя и близкую подругу ея хозяйки, приходившую къ ней почти каждый день. Но когда, вызванная поспѣшно дочерью умершей, г-жа Салива прибыла на квартиру своей подруги, собачка, безъ всякой видимой причины, стала ласкаться къ ней, жалобно визжа, точно желая этимъ сказать, что у нихъ есть общее горе. Это продолжалось во все время присутствія г-жи Салива. Замѣчательно то, что изъ всѣхъ бывшихъ въ то время на квартирѣ покойницы, собачка выражала свое горе только ей и дочери покойной.

Во многихъ книгахъ можно найти разсказъ Фредерика Кювье о собачкѣ, которая умерла съ горя послѣ смерти львицы, жившей вмѣстѣ съ ней и защищавшей ее отъ нападеній. Тозо, тоже передаетъ трогательный разсказъ о томъ, какъ горевалъ левъ, содержавшійся въ звѣринцѣ при парижскомъ музеѣ, когда умерла собака, съ которой онъ былъ въ большой дружбѣ.

*

Существуютъ животныя, которыя, въ случаѣ надобности, притворяются мертвыми, чтобы избѣжать опасности. Это служитъ яснымъ доказательствомъ, что они имѣютъ представленіе о томъ, что послѣ смерти прекращается всякое произвольное движеніе. Особенно часто это можно наблюдать у лисицъ, хитрость которыхъ всѣмъ хорошо извѣстна. О случаяхъ, гдѣ онѣ прикидываются мертвыми, столько разъ приходится слышать, что этотъ фактъ можно считать прочно установленнымъ. Вотъ выбранные наудачу два такихъ случая.

Корайль Вайтъ (изъ Нью-Іорка) разсказываетъ, что однажды лиса забралась въ курятникъ чрезъ очень узкое отверстіе. Она поѣла тамъ такъ плотно, что объемъ ея брюха увеличился почти вдвое и, конечно, прежнее отверстіе ока-

залось для нея слишкомъ узкимъ. Нечего было дѣлать. Пришлось остаться до утра на мѣстѣ преступленія. Утромъ, когда хозяинъ вошелъ въ курятникъ, онъ увидѣлъ, что лиса лежала на землѣ, вытянувъ лапы, безъ всякихъ признаковъ жизни. Думая, что она издохла отъ того, что объѣлась, онъ взялъ ее за переднія лапы и бросилъ во дворъ на кучу навоза. Лишь только лиса почувствовала себя на свободѣ, она сейчасъ же вскочила на ноги и убѣжала со свойственной ей быстротой.

Г. де-Шервиль разсказываетъ, что онъ поймалъ однажды живьемъ молодую лисицу. Несмотря на всяческія ласки, которыя ей расточали, несмотря на прекрасный уходъ, она не теряла своей дикости и всегда старалась укусить своими острыми зубами всякаго, кто слишкомъ близко къ ней подходилъ.

«Однажды,—разсказываетъ де-Шервиль:—проснувшись рано утромъ, я первымъ долгомъ пошелъ провѣдать мою лисицу, какъ я это часто дѣлалъ. Я увидѣлъ, что она лежитъ неподвижно, растянувшись во всю длину предъ боченкомъ. Я окликнулъ лисицу, она не шевельнулась. Хотя я видѣлъ по движенію ея груди, что она дышитъ, но подумалъ, что она чѣмъ-нибудь серьезно заболѣла, тѣмъ болѣе, что она и не думала теперь кусаться. Это меня встревожило. Я нѣсколько разъ совѣтовалъ расширить немного ея ошейникъ, который дѣйствительно былъ немного узокъ; мнѣ пришло на умъ, что она можетъ задохнуться въ такомъ положеніи и я сталъ пытаться слегка развязать его. Какъ только былъ снятъ ошейникъ, плутовка мигомъ воскресла, и не успѣлъ я опомниться, какъ она проскочила между моими ногами и быстро помчалась къ лѣсу; видно было, что она себя чувствовала какъ нельзя лучше. Со стороны можно было подумать, что удовольствіе, которое она получила, оставивъ меня въ дуракахъ, придавало ей храбрости».

*

Волки рѣже притворяются мертвыми; однако, есть много наблюденій, которыя не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что и они прибѣгаютъ къ этому средству, когда это имъ бываетъ нужно. Капитанъ Ліонъ приказалъ перевезти на пароходъ волка, который, какъ казалось, былъ убитъ наповалъ. Осматривая его, однако, замѣтили, что одинъ глазъ волка щурился. Для предосторожности ему связали лапы и повѣсили головой внизъ. Волкъ сдѣлалъ тогда отчаянный прыжокъ и этимъ ясно показалъ, что онъ еще не былъ мертвъ.

Часто даже случается, какъ удостовѣряетъ Романесъ, что волкъ, попавъ въ яму, такъ искусно притворяется мертвымъ, что человѣкъ, введенный въ заблужденіе его видомъ, можетъ вытащить его, даже ударить его въ голову и животное все-таки не выказываетъ признаковъ жизни.

Если перейти отъ плотоядныхъ къ грызунамъ, то можно тоже подмѣтить не мало интересныхъ явленій.

Я нѣсколько разъ замѣчалъ, да и всякій, по всей вѣроятности, не разъ видѣлъ, что мыши, въ лапахъ кошки, часто притворяются мертвыми; если послѣдняя ее оставляетъ въ покоѣ и удаляется немного, мышь сейчасъ же дѣлаетъ попытку спастись бѣгствомъ. Да и кошки сами хорошо понимаютъ эту уловку и часто дѣлаютъ видъ, будто и въ самомъ дѣлѣ вѣрятъ, что ихъ жертва мертва;

тѣмъ не менѣе онѣ не спускаютъ съ нея глазъ и бросаются на несчастную мышь съ быстротой молніи, когда та начинаетъ бѣжать.

Игра кошки съ мышкою требуетъ очень большой ловкости съ обѣихъ сторонъ, но всегда кошка торжествуетъ надъ бѣдной мышью и остается побѣдительницей. Если быстро открыть дверь въ темную комнату, гдѣ бѣгаютъ мыши, то животныя, застигнутыя врасплохъ, моментально падаютъ какъ мертвыя; ихъ можно даже взять въ руки, и онѣ все-таки не обнаруживаютъ ни малѣйшаго движенія.

Трудно повѣрить, чтобы грузный быкъ могъ воспользоваться подобной же хитростью, но вотъ разсказъ объ одномъ такомъ случаѣ. Разсказъ настолько интересенъ, что я приведу его цѣликомъ. Онъ принадлежитъ англичанину, военному врачу, г. Биди.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я жилъ въ одномъ изъ городовъ восточной Индіи. Я занималъ домъ, вокругъ котораго находилось нѣсколько акровъ прекраснаго луга. Превосходная сочная трава на лугу служила большой приманкой для окрестныхъ рогатыхъ животныхъ и они не упускали случая полакомиться ею, если ворота въ усадьбу случайно не были закрыты.

«Мои слуги, конечно, всѣми силами старались уберечь усадьбу отъ такихъ нашествій. Однажды они прибѣжали ко мнѣ встревоженные и заявили, что въ усадьбу зашелъ священный индійскій быкъ, который упалъ мертвымъ отъ нѣсколькихъ ударовъ. Я долженъ тутъ же замѣтить, что у браминовъ имѣются особые священные быки, которые пользуются большими привилегіями—они могутъ, напр., ѣсть что и гдѣ имъ угодно, даже въ частныхъ домахъ и лавкахъ, и т. д.

«Легко послѣ этого понять, что извѣстіе о смерти священнаго быка меня очень встревожило. Я немедленно отправился къ мѣсту, гдѣ находился убитый. Онъ лежалъ на лугу, распростертый на землѣ, съ виду совершенно мертвый. Осмотрѣвъ его, все-таки, хорошенько, я вернулся домой въ порядочномъ безпокойствѣ, боясь навлечь на себя гнѣвъ туземцевъ, и отправился извѣстить объ этомъ случаѣ власти округа. Я не успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ меня нагналъ мой слуга и съ радостью сообщилъ мнѣ, что быкъ ожилъ и преспокойно пасется на лугу. Мнѣ остается только добавить, что это хитрое животное всякій разъ притворялось мертвымъ и такимъ образомъ лишало возможности своихъ преслѣдователей выгнать его съ того мѣста, трава котораго ему пришлась по вкусу. Быкъ повторялъ эту хитрость у меня на лугу нѣсколько разъ!»

*

Даже слонъ и тотъ при случаѣ отлично умѣетъ притворяться мертвымъ. Е. Тенентъ передаетъ слѣдующій случай. Пойманнаго слона вели между двумя прирученными слонами въ загонъ. Находясь за оградой, слонъ вдругъ остановился, грузно повалился на землю и остался неподвижнымъ. Слона развязали, освободили отъ веревокъ, но напрасно старались вытащить его изъ загона. Лишь только люди удалились, слонъ быстро поднялся, и побѣжалъ обратно въ лѣсъ, издавая оглушительный ревъ.

*

Во всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ случаяхъ, животныя притворялись мертвыми въ цѣляхъ самозащиты. Чтобы покончить съ этимъ отдѣломъ, мнѣ остается привести нѣсколько случаевъ, гдѣ животныя прибѣгаютъ къ этому средству для нападенія. Дѣло идетъ объ одной ручной обезьянѣ. Она была привязана на желѣзной цѣпи, прикрѣпленной къ бамбуковому шесту. Когда обезьяна, забавляясь, взбиралась на шестъ, вороны пользовались этимъ временемъ и съѣдали пищу, которая ей была приготовлена на землѣ въ чашкѣ.

Однажды, когда вороны особенно досаждали ей, обезьяна рѣшила проучить ихъ

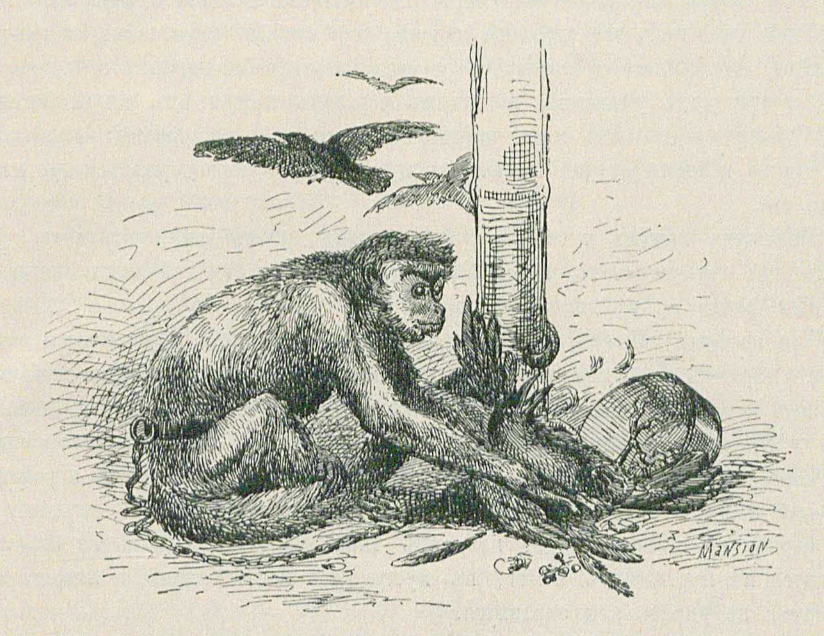


Рис. 190. **Обезьяна, ощипывающая ворону, которая сдѣлала попытку воспользоваться чужимъ обѣдомъ.**

хорошенько. Она, взобравшись на шестъ, притворилась серьезно больной: закрыла глаза, опустила голову и дѣлала видъ, что очень страдаетъ.

Ей поставили обычную порцію пищи въ чашкѣ у подножья шеста. Моментально слетѣлись за обычной добычей вороны и растащили сейчасъ же всю пищу. Обезьяна тогда стала медленно спускаться съ шеста, точно для нея это было необычайно трудно. Достигнувъ земли, она стала кататься, какъ бы мучимая страшными болями, пока она понемногу не добралась до своей чашки. Тутъ она совсѣмъ замерла и осталась неподвижной. Чрезъ нѣсколько времени одна изъ воронъ, которой придала смѣлость неподвижность обезьяны, подлетѣла, чтобы достать оставшіеся еще куски ея пищи. Но достаточно было только протянуть птицѣ клювъ, какъ обезьяна кинулась на нее и, схвативъ ее въ свои цѣпкія лапы, тотчасъ же стала ощипывать ея перья и оставила несчастной воронѣ только крылья да хвостъ. Удовольствовавшись такой жестокой местью, обезьяна подбросила ее въ

воздухъ. Слетѣвшіяся вороны добили свою подругу клювами, но больше уже съ тѣхъ поръ не трогали обѣда, принадлежащаго обезьянѣ.

* * *

Заканчивая эту главу, мы займемся еще однимъ вопросомъ. Прячутся ли животныя предъ смертью? Такъ поставленъ этотъ вопросъ докторомъ Полемъ Баліонъ, сочиненіе котораго мы цитировали выше. Замѣчено, что на поляхъ нигдѣ не встрѣчаются трупы животныхъ, начиная съ млекопитающихъ и птицъ и кончая лягушками и насѣкомыми. Этотъ фактъ становится тѣмъ болѣе поразительнымъ, если вспомнить, какое множество животныхъ населяютъ земной шаръ. Есть два способа объяснить это странное явленіе: или трупы чрезвычайно быстро уничтожаются, или животныя предчувствуя свою смерть, забираются въ свои норы или глухіе уголки, тамъ умираютъ и такимъ образомъ трупы ихъ не остаются на виду. Сдѣланныя до сихъ поръ наблюденія, если и не разрѣшаютъ всецѣло вопроса, то во всякомъ случаѣ намѣчаютъ путь, котораго надо держаться при изслѣдованіи его.

Привычка кошекъ и собакъ выбирать себѣ гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ уголокъ, гдѣ они умираютъ, несомнѣнно ведетъ начало отъ той эпохи, когда эти животныя были еще въ дикомъ состояніи.

Что касается зайцевъ, то они, наоборотъ, предъ смертью выходятъ изъ своихъ поръ и умираютъ въ открытомъ полѣ. Они выходятъ по своей собственной волѣ, а не подъ давленіемъ своихъ родичей, какъ раньше думали. То же самое наблюдается у полевокъ и пеструшекъ. У грызуновъ это не общее правило: мыши, напримѣръ, покидаютъ передъ смертью свою нору, но для того, чтобы перейти въ какое-нибудь другое укромное мѣсто, гдѣ-нибудь подъ крышей.

Серна, по словамъ Чуди, получивъ тяжелую рану, отдѣляется отъ стада и ложится въ пустынномъ мѣстѣ, въ кустарникѣ межъ камней, и лижетъ свою рану, пока не умретъ или оправится.

Слоны тоже уединяются передъ смертью. Когда они заболѣваютъ, они выбираютъ себѣ глухое, мало посѣщаемое мѣсто и тамъ терпѣливо ждутъ своей смерти.

Ламы не умираютъ гдѣ попало. У нихъ есть строго опредѣленное мѣсто, куда онѣ приходятъ умирать. Съ теченіемъ времени это мѣсто превращается въ обширное кладбище, покрытое массой костей. «Замѣчено,—говоритъ Гузо:—что ламы, которыя встрѣчаются въ дикомъ и прирученномъ состояніи, чуя приближеніе смерти, отправляются въ опредѣленный уголокъ, и тамъ умираютъ. На берегахъ рѣкъ находятъ обширныя пространства, гдѣ бѣлѣютъ ихъ кости». Этимъ можно объяснить также скопленіе ископаемыхъ костей медвѣдей, гіенъ, которыя иногда находятъ въ пещерахъ и гротахъ.

Умирающія птицы тоже бѣгутъ отъ дневного свѣта и выбираютъ самыя недоступныя и темныя мѣста, гдѣ оканчиваютъ свою жизнь. Этимъ Баліонъ объясняетъ, почему нигдѣ не попадаются трупы птицъ на аллеяхъ общественныхъ садовъ. Это подтверждаютъ и подметальщики Люксембургскаго и Ботаниче-

скаго садовъ въ Парижѣ. Можетъ-быть, объяснить это просто тѣмъ, что кошки и мыши принимаютъ на себя роль ихъ добровольныхъ могильщиковъ?

Наблюденій надъ безпозвоночными слишкомъ мало и ихъ не стоитъ перечислять. «На основаніи всего предыдущаго,—говоритъ Баліонъ:—можно заключить, что дикія животныя предъ смертью скрываются въ недоступныхъ мѣстахъ и такимъ образомъ мы не находимъ ихъ труповъ». Такъ и случается чаще всего. Нужно, однако, прибавить, что исчезновеніе труповъ можно отчасти объяснить тѣмъ, что они становятся добычей другихъ животныхъ, питающихся падалью.

Быстроту, съ которой уничтожается трупъ павшаго животнаго, можно особенно хорошо наблюдать въ ліанахъ, гдѣ мертвыя животныя встрѣчаются на каждомъ шагу въ огромномъ количествѣ. Раньше всѣхъ на добычу слетаются стаи плотоядныхъ мухъ; затѣмъ тотчасъ появляются сарычи, вороны и пожираютъ мягкія части и внутренности трупа. Когда спускается ночь, ихъ смѣняютъ другія животныя, грызуны, которые заканчиваютъ пиршество. Тѣмъ временемъ неустанно работаютъ полчища червей. Чрезъ нѣсколько дней отъ животнаго остаются только нѣкоторыя кости да клочья шерсти.

«Во всякомъ случаѣ, — прибавляетъ авторъ: — я не могу допустить, чтобы такая же участь могла постигнуть гигантскіе трупы слоновъ, съ которыми справиться очень трудно». И въ самомъ дѣлѣ, скелеты умершихъ слоновъ никогда не находятъ въ лѣсу или полѣ. Объяснить ли это явленіе тѣмъ, что слоны для своей смерти избираютъ чрезвычайно глухія недоступныя мѣста, или согласиться съ мнѣніемъ А. Г. Камерона, который утверждаетъ, что исчезновеніе костяковъ нужно приписать жвачнымъ животнымъ, которымъ, будто бы, доставляетъ большое удовольствіе грызть кости. Въ виду этого, достаточно бываетъ двухъ лѣтъ медленной, но непрерывной работы жвачныхъ, чтобы какой угодно скелетъ, какъ бы огроменъ онъ ни былъ, исчезъ безслѣдно. Наблюденіе, которое я сдѣлалъ надъ нѣкоторыми домашними животными, въ извѣстной степени подтверждаетъ мнѣніе Камерона. Я неоднократно замѣчалъ, что наши домашнія жвачныя животныя съ жадностью поглощаютъ всякія минеральныя вещества, которыя имъ попадаются, напр., куски извести, штукарки, даже землю, если въ ней содержится много кальціевыхъ солей, которыя, вѣроятно, составляютъ необходимый элементъ ихъ пищи. Послѣ этого становится понятнымъ, что трудно маленькому трупу птицы сопротивляться всѣмъ этимъ силамъ разрушенія. Ея мягкое, нѣжное мясо составляетъ лакомую пищу для всѣхъ хищныхъ животныхъ, подобно тому, какъ при жизни онѣ составляютъ лучшую составную часть пищи человѣка. Хищники либо глотаютъ мертвую птицу цѣликомъ, либо оставляютъ лишь нѣсколько косточекъ и перышекъ. Послѣднее, въ свою очередь, исчезаетъ съ теченіемъ времени, превращаясь въ пыль, истребляемую миріадами прожорливыхъ микробовъ, предъ которыми безсильно все на свѣтѣ.

Если бы не существовали микробы, міръ превратился бы въ огромное кладбище!

ГЛАВА XXXVI.

Исчезнувшія чудовища.

Земной шаръ измѣняется безпрестанно. Какъ и все въ мірѣ, онъ подверженъ медленнымъ, но непрерывнымъ процессамъ измѣненія, которыя отражаются какъ на состояніи ядра планеты, такъ и на ея поверхности. Параллельно этому измѣненію, и органическій міръ не остается въ одномъ и томъ же видѣ. Различныя геологическія эпохи рѣзко отдѣляются другъ отъ друга составомъ своего животнаго и растительнаго царства.

Въ различныхъ геологическихъ наслоеніяхъ, соотвѣтствующихъ различнымъ эпохамъ, находятъ во множествѣ скелеты существовавшихъ ранѣе животныхъ, изученіе которыхъ представляетъ громадный интересъ. Животныя, жившія задолго до насъ, чрезвычайно сильно отличаются отъ нынѣ существующихъ формъ. Если бы какой-нибудь могучій волшебникъ вызвалъ къ жизни всѣ исчезнувшіе виды животныхъ, то мы подумали бы, что попали въ какую-то невѣдомую фантастическую страну или очутились на другой планетѣ.

Мы не станемъ перечислять здѣсь всѣ виды исчезнувшихъ животныхъ, это можно найти въ трактатѣ по палеонтологіи. Мы обойдемъ молчаніемъ животныхъ низшей организаціи, къ которымъ относятся, напр., морскіе ежи, аммониты, коротконогія и др. Мы займемся только краткимъ описаніемъ исполинскихъ позвоночныхъ животныхъ, и то только тѣхъ, которыя поражаютъ своимъ удивительнымъ тѣлосложеніемъ.

Рисунки даютъ извѣстное представленіе объ этихъ животныхъ, но нужно имѣть въ виду, что далеко не въ такомъ видѣ изображены они на рисункѣ, какими ихъ находятъ при раскопкахъ. Большей частью находятся только нѣсколько разбросанныхъ костей и, въ особо-счастливыхъ случаяхъ, цѣлый скелетъ. Но геологамъ на помощь приходитъ наука: имъ достаточно одной кости, чтобы возстановить уже дальше все тѣло животнаго, которому эта кость принадлежитъ. Конечно, нельзя думать, что это будетъ точная копія, но приблизительное сходство будетъ существовать несомнѣнно. Ученые судятъ по длинѣ и толщинѣ костей о размѣрахъ животнаго, о толщинѣ мышцъ, покрывавшихъ скелетъ; если прибавить сюда кожу, болѣе или менѣе чешуйчатую, или покрытую шерстью, то мы будемъ имѣть образъ животнаго, возстановленнаго, частью по научнымъ даннымъ, частью помощью воображенія.

Въ отложеніяхъ такъ-называемой силлурійской эпохи, во время которой земля большей частью была залита водою, встрѣчаются только безпозвоночныя, рѣдко рыбы, но ни одного животнаго, живущаго на сушѣ или земноводнаго. Въ каменноугольную эпоху земля быстро освобождалась отъ воды и образовавшіеся материки покрылись роскошнѣйшей растительностью, изъ которой впослѣдствіи образовались запасы каменнаго ископаемаго угля. Это была эпоха, наиболѣе богатая флорой. Въ огромныхъ безконечныхъ лѣсахъ, состоявшихъ изъ папоротниковъ, плауновъ, не было еще земныхъ животныхъ, кромѣ развѣ немногочисленныхъ насѣ-

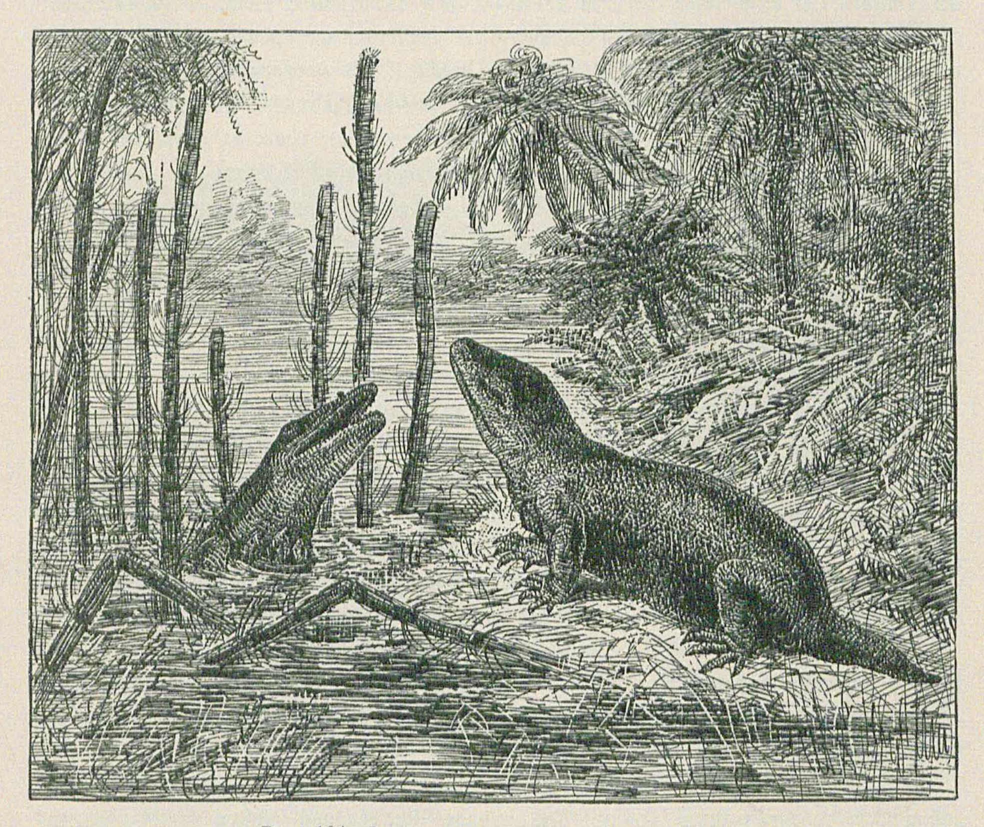


Рис. 191. **Допотопныя чудовища. Стегоцефалы.**

комыхъ. Тѣмъ не менѣе, подъ водой жизнь продолжалась и видоизмѣнялась, подъ вліяніемъ вѣчныхъ законовъ эволюціи: обитатели воды, привыкая постепенно къ пребыванію на сушѣ, мало-по-малу превращались въ земноводныхъ гадовъ и пресмыкающихся. Первичная эпоха, главнымъ образомъ, характеризуется этими двумя группами животныхъ.

Къ этой эпохѣ принадлежатъ многочисленные виды гадовъ, которые извѣстны подъ общимъ названіемъ стегоцефаловъ. Это были огромныя саламандры. Голова ихъ достигала 3—4 футовъ длины и была покрыта костными пластинками, по своему строенію напоминавшими чешую рыбъ предшествовавшей эпохи. Огромный

ротъ, весь покрытый зубами, которые виднѣлись не только на челюстяхъ, но и на другихъ костяхъ, представляли собой не очень страшное орудіе. Они пользовались ими только, чтобы хватать маленькихъ беззащитныхъ животныхъ, которыми они питались. Дѣтеныши стегоцефаловъ имѣли жабры. Слѣдовательно, стегоцефалы въ продолженіе своей жизни переживали слѣдующія стадіи: въ юности они жили, какъ водныя животныя, а въ зрѣломъ возрастѣ переселялись на сушу, и соотвѣтственно съ этимъ измѣняли строеніе своего тѣла. Нѣкоторые ихъ виды имѣли очень тонкое туловище: протритонъ, предокъ теперь существующаго тритона, былъ не толще нынѣшняго, но зато былъ гораздо длиннѣе. Его змѣевидное тѣло, почти лишенное конечностей, имѣло чрезвычайно сплюснутую форму, и достигало, по всей вѣроятности (цѣльнаго скелета до сихъ поръ не нашли), 15 метровъ въ длину.

Къ этой же группѣ нужно отнести такъ-называемыхъ лабиринтодонтовъ. Своимъ названіемъ они обязаны странной формѣ зубовъ, поверхность которой была покрыта сѣтью каналовъ и складокъ, напоминающихъ настоящій лабиринтъ. Эти огромныя животныя жили въ болотахъ и лагунахъ, отъ времени до времени переплывая изъ одного мѣста въ другое. Ихъ заднія конечности указываютъ на то, то это были плавающія животныя. Все тѣло ихъ было покрыто гладкой кожей, за исключеніемъ брюха, которое было защищено чешуей. Своей головой, маленькими глазными орбитами, остроконечными ноздрями, они сильно походили на крокодиловъ. Осматривая мѣста, гдѣ они жили, геологи были поражены странными пальцевидными отпечатками, сдѣланными въ почвѣ. Сначала думали, что это слѣды человѣка, жившаго въ ту эпоху. Это открытіе произвело большую сенсацію среди геологовъ, но потомъ оказалось, что эти отпечатки были произведены лабиринтодонтомъ. Были найдены также отпечатки хвоста животнаго въ илѣ и пескѣ.

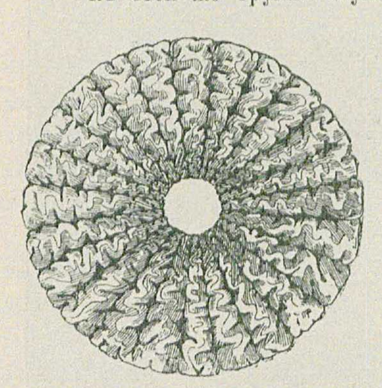


Рис. 192. **Поперечный разрѣзъ зуба, принадлежащаго лабиринтодонту.**
Эти зубы, не смотря на свое сложное строеніе, не были повидимому очень страшнымъ оружіемъ, потому что животныя, которымъ они принадлежали, скоро исчезли съ лица земли.

Появленіе, сначала очень медленное, позвоночныхъ животныхъ заканчиваетъ первичную геологическую эпоху. Въ началѣ слѣдующей эпохи они развиваются съ удивительной быстротой. Появляется большое количество новыхъ видовъ. Эта эпоха замѣчательна какъ количествомъ появившихся видовъ, такъ и ихъ удивительнымъ разнообразіемъ. Прежде чѣмъ описывать «четвероногихъ», мы еще упомянемъ про одно странное животное изъ отряда двоякодышащихъ, т. е. животныхъ съ легочнымъ и жабернымъ дыханіемъ. Мы имѣемъ въ виду сератодовъ. Странность ихъ заключается не въ формѣ тѣла, а въ ихъ дѣйствительно замѣчательной живучести. Въ то время, какъ остальныя животныя этой эпохи давно исчезли съ лица земли, сератоды, напротивъ, сохранились съ древнѣйшихъ временъ безъ всякихъ измѣненій до нашего времени и теперь преспокойно живутъ въ рѣкахъ Австраліи. Весьма вѣроятно, что своей изумительной жизнестой-

костью эти животныя обязаны тому, что природа снабдила ихъ и жабрами, и легкими: они могутъ одинаково хорошо жить въ водѣ и на сушѣ. Пусть климатъ будетъ сыръ и влаженъ, пусть будетъ жара и сушь африканской Сахары, пусть наводненіе затопитъ его жилище, сератоду это безразлично—ему вездѣ хорошо. Въ третичную эпоху лабиринтодонты, достигнувъ огромнаго роста, вдругъ совершенно исчезаютъ, а эти великолѣпно приспособленныя животныя, казалось, дожны были бы долго существовать. Подобные случаи часто приходится констатировать палеонтологамъ: въ извѣстное время неожиданно появляется новый видъ, сначала слабый, плохо приспособленный къ борьбѣ за существованіе; но, мало-по-малу подвергшись нѣкоторымъ измѣненіямъ, онъ пріобрѣтаетъ необходимыя качества для добыванія пищи и защиты, размножается благодаря этому очень быстро, а затѣмъ вдругъ совершенно исчезаетъ. Эволюціонисты объясняютъ

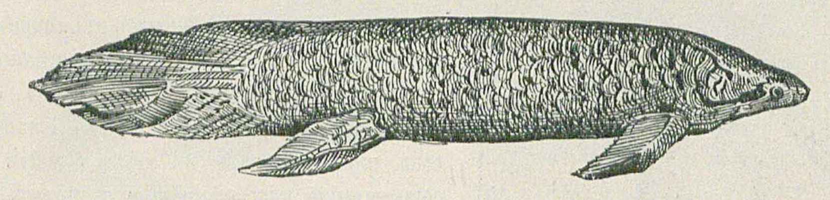


Рис. 193. **Сератодъ.**
Удивительно живучее животное, оно пережило всѣ древнѣйшія эпохи: первичную, вторичную и т. д. и уцѣлѣло до нашихъ дней.

это явленіе тѣмъ, что одинъ видъ преобразовался въ другой; сторонники же постоянства видовъ утверждаютъ, что Создатель вселенной уничтожилъ этотъ видъ, чтобы замѣнить его другимъ, отличающимся болѣе высокой организаціей. Пробѣлъ же этотъ въ промежуточныхъ стадіяхъ, съ своей стороны, эволюціонисты объясняютъ недостаткомъ палеонтологическихъ данныхъ, добытыхъ до сихъ поръ.

Встрѣчаются также окаменѣлые отпечатки только трехъ пальцевъ, сопровождаемые слѣдами дождевыхъ капель (см. рис. 194). Долго думали, что эти слѣды принадлежали какой-нибудь огромной птицѣ, имѣвшей на ногахъ по три пальца. Но это предположеніе впослѣдствіи было опровергнуто. Маршъ открылъ два рода этихъ отпечатковъ: одни болѣе слабые были произведены, очевидно, передними ногами, другіе задними четвероногаго животнаго, такъ что орнитологическую гипотезу пришлось оставить. Но узнать что-нибудь болѣе подробно объ этомъ животномъ, къ сожалѣнію, не удалось еще. Можетъ-быть, это былъ потомокъ лабиринтодонта. Ученые дали ему имя «бронзотоумъ» и дальше не пошли.

Пресмыкающихся въ ту эпоху было чрезвычайно много — они по истинѣ кишѣли на окраинахъ болотъ и поселиться среди нихъ едва ли было пріятно. Большинство ихъ по своему образу жизни имѣло большое сходство съ современными крокодилами; это значитъ, — они постоянно жили въ водѣ, мало плавая, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ лапы, снабженныя едва замѣтной перепонкой; по всей вѣроятности, они ползали по илу на днѣ болотъ. Отъ времени до времени эти животныя появлялись и вылѣзали на берегъ, чтобы погрѣться на солнцѣ. Къ этой группѣ относятся также белодоны, тѣло которыхъ было по-

крыто твердыми бугорками, служившими имъ защитой отъ болѣе сильныхъ пресмыкающихся. Ихъ очень длинныя челюсти были снабжены многочисленными зубами конической формы.

Одновременно съ этимъ животнымъ жило другое—дицинодонъ, который своимъ видомъ напоминалъ гигантскую черепаху, лишенную спинного щита. Это сходство увеличивалось еще огромной головой, которая, помимо двухъ большихъ выступающихъ глазныхъ зубовъ, была снабжена настоящими роговыми покровами. По странности своего вида, онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ занглодону, животному, которое ходило на заднихъ лапахъ. Среди звѣрей тріасовой эпохи, занглодонъ занималъ не послѣднее мѣсто, благодаря своему большому росту.

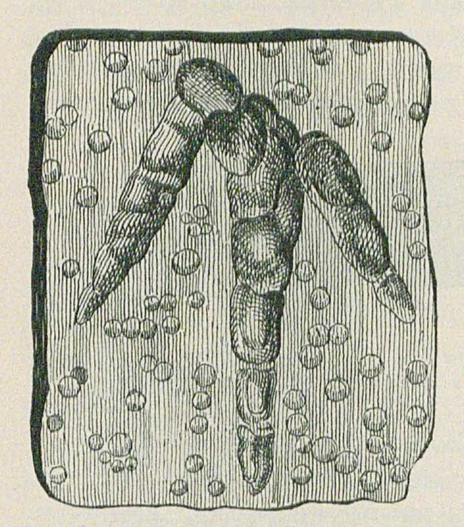


Рис. 194. **Окаменѣлый отпечатокъ лапы допотопнаго четвероногаго.**

Нужно замѣтить, что всѣ эти пресмыкающія сильно отличаются отъ современныхъ видовъ не только своимъ внѣшнимъ видомъ, но также, главнымъ образомъ, своимъ анатомическимъ строеніемъ. Большинство изъ нихъ даже не можетъ войти въ современную классификацію; пришлось создать для нихъ спеціальныя группы съ болѣе или менѣе причудливыми названіями, о которыхъ мы тутъ распространяться не будемъ.

Тріасовая эпоха представляетъ еще другой интересъ; въ это время появилось первое млекопитающее животное, очень скромное, именно: дроматерій, родъ маленькаго сумчатаго грызуна, — двуутробка въ миніатюрѣ, къ тому же еще не достигшая полнаго развитія.

* * *

Всѣ эти животныя были достаточно причудливы, но все же не въ такой высокой степени, какъ тѣ, которыя появились въ слѣдующую, юрскую эпоху. Природа какъ будто задалась цѣлью въ лицѣ ихъ создать небывалыя фантастическія существа, поражающія своими удивительными формами. Какая странная и фантастическая фауна! Скульптура и живопись у древнихъ и современниковъ вышли за предѣлы реальнаго дѣйствительнаго міра, создавъ образы существъ, которыя никогда не существовали. Нельзя ли, однако, предположить, что египетскіе сфинксы, центавры, фавны и сатиры, грифы, многоголовыя гидры и т. д. могли имѣть извѣстное сходство съ нѣкоторыми представителями до-исторической фауны? Вмѣстѣ съ Эдгаромъ Квине, мы имѣемъ основаніе думать, что первобытныя пресмыкающіяся, какъ динозавры, игванодоны, плезіозавры напоминали собою драконовъ и летающихъ змѣй, что наиболѣе древнія жвачныя животныя, какъ милодонъ, мегатерій, имѣли сходство съ огромными изваяніями быковъ на вавилонской башнѣ; невѣдомыя млекопитающія таинственныя

дроматеріи и динотеріи походили на гигантскихъ сфинксовъ ѳивъ; ихтіозавры— на гидръ Геркулеса и гомеровскихъ гарпій, а исполинскія лошади hippariоn съ пальцами на копытахъ—на коней Нептуна или на чудовище Рубенса съ развѣвающейся гривой и колоссальнымъ крупомъ. Стоило бы только послушать вой амфикіона, родоначальника нынѣшнихъ собакъ, животнаго, существовавшаго въ эпоху возникновенія млекопитающихъ третичнаго періода. Художники, которымъ пришла фантазія изобразить сочетанія необыкновенныхъ формъ, могли бы найти неистощимый матеріалъ въ первобытной фаунѣ, могли бы найти готовыя модели въ великой мастерской природы и при этомъ они остались бы строгими реалистами, не выходя изъ границъ того, что было создано природой. Каждое

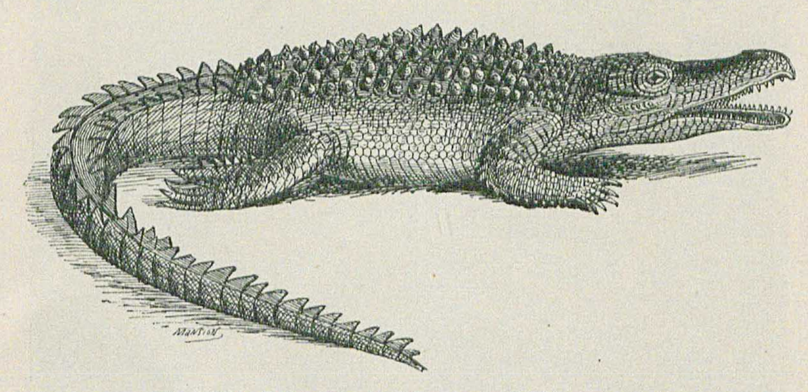


Рис. 195. **Белодонъ—родоначальникъ крокодиловъ.**

животное нужно разсматривать въ связи съ той эпохой, къ которой оно принадлежитъ. Подобно тому, какъ трудно себѣ вообразить верблюда, не представляя себѣ пустыни, для которой онъ созданъ, такъ и крокодиловъ юрской эпохи нужно разсматривать въ той обстановкѣ, въ которой они жили въ то время. Они выходили иногда на берегъ моря. Земля, которую они встрѣчали, низменная, болотистая не вызывала ни у кого изъ нихъ желанія поселиться на ней. Стада этихъ ящеровъ тащились по илу, отыскивая добычу: безформенныхъ, короткихъ, плоскихъ неуклюжихъ лапъ, изъ которыхъ заднія были прижаты къ тѣлу, имъ было достаточно, чтобы ползать по небольшой отмели, которая попеременно то заполнялась водой, то на время обнажалась изъ океана и представляла какую-то земноводную стихію для этихъ земноводныхъ животныхъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что состояніе земной коры въ той эпохѣ обусловило формы и образъ жизни своихъ обитателей.

Эта форма животныхъ—форма пресмыкающихся. Тамъ, гдѣ существуетъ недостатокъ въ сушѣ, не можетъ развиваться способность ходить. Нѣтъ нужды ни ходить, ни бѣгать, ни летать, совершенно достаточно умѣнья ползать.

На ряду съ пресмыкающимися попадаются и черепахи, тоже хорошо приспособленныя къ такимъ условіямъ существованія. При недостаткѣ твердой земли, когда не могли развиваться ноги животныхъ, о развитіи крыльевъ не могло быть и рѣчи.

Только тогда животныя могутъ имѣть необходимость въ крыльяхъ, когда вдали открываются обширныя пространства земли, которыя манятъ ихъ богатой добычей, или когда появляются мѣста съ климатомъ болѣе благопріятнымъ для жизни, куда желательна или иногда необходима была бы эмиграція. Зачѣмъ могли понадобиться крылья обитателямъ незначительнаго пространства земли, къ тому же періодически затопляемой моремъ? И, дѣйствительно, въ эту эпоху птицы еще совершенно отсутствуютъ. Первые слѣды крыльевъ встрѣчаются у птеродактилей,—

Рис. 196. Дицинодонъ.

летающихъ ящерицъ, обладавшихъ перепончатыми крыльями, правда, весьма несовершенными; но нужно имѣть въ виду, что этимъ животнымъ не приходилось ни перелетать огромныхъ океановъ, ни съ быстротой молніи бросаться съ вершины высокихъ горъ въ равнину за добычей: тогда не было еще ни горъ, ни возвышенностей; поверхность земли была ровна и однообразна. Для того же, чтобы ловить въ болотѣ насѣкомыхъ, совершенно достаточно было тѣхъ крыльевъ, которыя они имѣли. Время для завоеванія воздуха еще не наступило. Крылья разовьются

въ полномъ своемъ объемѣ и силѣ только послѣ того, какъ появится твердый материкъ, послѣ того, какъ возвысятся громады горъ, откроются глубокія долины, произойдутъ коренныя измѣненія климата, изъ океановъ поднимутся острова и континенты, куда можно будетъ періодически переселиться. Итакъ, вѣка протекаютъ за вѣками, эпоха за эпохой и каждая оставляетъ послѣ себя вѣчный памятникъ, въ видѣ остатковъ тѣхъ животныхъ и растеній, которыя тогда существовали. По этимъ остаткамъ можно возстановить общій видъ земного шара въ разныя эпохи: каждая изъ нихъ запечатлѣна, если можно такъ выра-

Рис. 197. **Занклодонъ.**

зиться, особымъ видомъ, разновидностью или семействомъ животныхъ. Съ этой точки зрѣнія рядъ исчезнувшихъ организмовъ возстановляетъ въ нашемъ воображеніи и рядъ великихъ минувшихъ эпохъ. Каждое растеніе, каждое животное служитъ какъ бы однимъ изъ хронологическихъ данныхъ въ исторіи земного шара. (К. Фламмаріонъ).

* * *

Среди пресмыкающихся, наиболѣе извѣстныхъ въ юрской эпохѣ, нужно отмѣтить ихтіозавровъ. Ихтіозавръ значитъ «рыба-ящерица». Эти животныя такъ же похожи на ящерицъ, какъ китообразныя на млекопитающихъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что существуетъ большое сходство между огромными ихтіозаврами

и ящерицами—этими маленькими животными, которыя часто встрѣчаются на полях, въ особенности въ хорошую погоду.

Это были огромныя животныя, длина которыхъ достигала 12 метровъ. На длинной, остроконечной головѣ, напоминавшей голову щуки, находились два огромныхъ глаза, величиной съ человѣческій черепъ, благодаря которымъ это чудовище обладало чрезвычайно острымъ зрѣніемъ. Пасть его была усажена рядомъ длинныхъ острыхъ зубовъ, которые могли справиться съ какой угодно добычей.

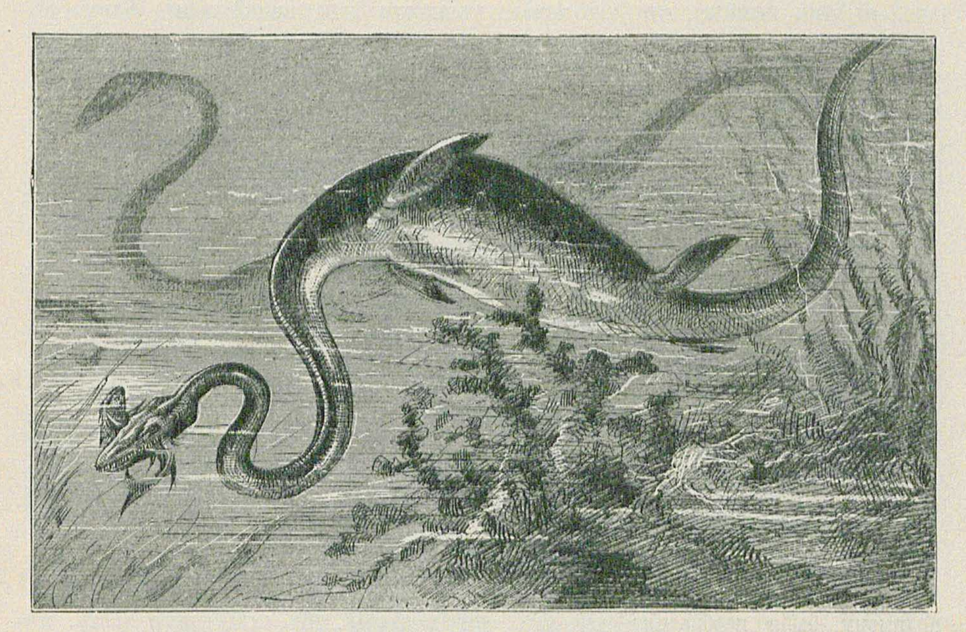
«Это было пресмыкающееся,—говоритъ Кювье:—съ хвостомъ средней величины, съ длинной, заостренной головой, вооруженной острыми зубами. Два огромныхъ глаза придавали, вѣроятно, его головѣ странный видъ, и давали ему возможность прекрасно видѣть въ темнотѣ. У него не было вовсе внѣшняго уха, гладкая кожа проходила надъ барабанной перепонкой, даже не дѣлаясь тоньше, какъ у саламандръ, хамелеона и жабы-пипы. Ихтіозавръ дышалъ атмосфернымъ воздухомъ не такъ, какъ рыбы и, поэтому, долженъ былъ появляться отъ времени до времени на поверхности воды. Тѣмъ не менѣе, судя по его короткимъ, плоскимъ, не раздѣленнымъ конечностямъ, ихтіозавръ не умѣлъ плавать, и есть большое основаніе думать, что онъ не умѣлъ и ползать по сушѣ, какъ тюлени; если съ нимъ случалось несчастіе, если, напримѣръ, его выбрасывало на берегъ, онъ лежалъ на пескѣ неподвижно, какъ киты или дельфины. Ихтіозавръ жилъ въ морѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ жили моллюски, вѣроятно, походившіе на каракатицу и осьминоговъ; огромное количество устрицъ и сверлянокъ плавало въ этомъ морѣ. Есть основаніе думать, что и крокодилы уже находились у береговъ, если только вообще они не жили въ одно время съ ихтіозаврами».

Въ отложеніяхъ юрской эпохи находятъ окаменѣлые экскременты ихтіозавровъ. Эти «копролиты», какъ ихъ называютъ, имѣютъ видъ спирали, что указываетъ на то, что у ихтіозавровъ въ кишечникѣ, какъ у нѣкоторыхъ теперь существующихъ пресмыкающихъ, находилась «спиральная затворка». Анализъ этихъ экскрементовъ далъ возможность сдѣлать нѣкоторыя заключенія о животныхъ, которыхъ ихтіозавръ употреблялъ въ пищу.

Не меньшій интересъ представляетъ плезіозавръ, слегка напоминающій тюленя. У него длинный хвостъ, лапы преобразованы въ широкіе плавники и, что придаетъ ему совсѣмъ особый характеръ,—чрезвычайно длинная и широкая шея, которая заканчивается головой ящерицы, очень маленькой сравнительно съ тѣломъ и снабженной многочисленными зубами. Родственный ему родъ—пліозавръ отличается только болѣе короткой шеей.

Подобно ихтіозаврамъ и плезіозавры (змѣи-ящерицы) жили большею частью въ открытомъ морѣ. Расположеніе и форма зубовъ прямо указываютъ на то, что они были плотоядными животными. Очень вѣроятно, что виды, которые, подобно plesiosaurus dolichodeirius (см. рис. 198), имѣли очень длинную шею, могли схватывать свою добычу на большомъ разстояніи или на поверхности воды; къ сушѣ пресмыкающееся, вѣроятно, не приближалось, боясь быть выброшеннымъ на берегъ. Всевозможные моллюски должны были служить пищей болѣе слабо вооруженнымъ рыбамъ, въ то время, какъ пліозавры съ короткой шеей, съ крѣпкой головой, съ

длинными и сильными зубами могли нападать на рыбъ, даже хорошо защищенныхъ чешуей, на ракообразныхъ, которыя въ изобиліи находились въ моряхъ этой эпохи и аммонитовъ, которые плавали на поверхности воды. Плезіозавры дышали атмосфернымъ воздухомъ; ихъ легкія были очень обширны, такъ что животное могло довольно продолжительное время оставаться подъ водой, не поднимаясь на поверхность. Плезіозавры, вообще, были большихъ размѣровъ. Кювье думаетъ, что плезіозавръ, остатки котораго найдены въ Англіи, имѣлъ не менѣе трехъ метровъ въ длину. Нѣкоторые достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. По сло-



Рис, 198. Плезіозавръ (змѣя-ящерица).

вамъ Ричарда Овена, челюсть пліозавра—pliosaurus grandis—имѣла, по крайней мѣрѣ, 5 футовъ 8 дюймовъ; черепъ 4 фута 9 дюймовъ, наибольшая ширина котораго два фута и одинъ дюймъ; зубы имѣли 0,30 m. въ длину; найдены челюсти, которыя имѣли въ длину не менѣе двухъ метровъ. Туловище животнаго, которому принадлежали эти челюсти, должно было быть, поистинѣ, колоссально. Какъ ни былъ огроменъ pliosaurus grandis, въ позднѣйшую юрскую эпоху существовали виды еще болѣе крупные. Бедренная кость pliosaurus trochanterius имѣла въ вышину 0,55 m., что заставляетъ предполагать, что лапа его была длиной около 1,40 m.; такими же размѣрами отличался pliosaurus brachyderus. Если длина лапы пропорціональна длинѣ бедренной кости, то у pliosaurus aequalis она достигаетъ 1,60 m., у pliosaurus brachyderus 1,78 m., у pliosaurus macromerus 2,20 m. Это были настоящіе киты!

* * *

Первыя животныя, населявшія только-что образовавшіеся материки, точно и такъ же, какъ описанныя выше морскія чудовища, поражали своими гигант-

скими размѣрами. Для примѣра укажемъ на динозавровъ, также принадлежащихъ къ группѣ пресмыкающихся. Съ анатомической точки зрѣнія эти животныя интересны въ томъ отношеніи, что они представляли оригинальную смѣсь пресмыкающагося и птицы и въ то же время имѣли нѣкоторое сходство съ млекопитающими. Появившись еще въ тріасовомъ періодѣ, они достигли наибольшаго развитія въ юрскую эпоху; благодаря имъ и нѣкоторымъ другимъ животнымъ, эта эпоха и называется, по справедливости, «царствомъ пресмыкающихся». На землѣ тогда царила тропическая жара, какъ это доказываютъ коралловыя отложенія, до такой степени мощныя, что они немало утолщили слой земной коры. Жара, по-

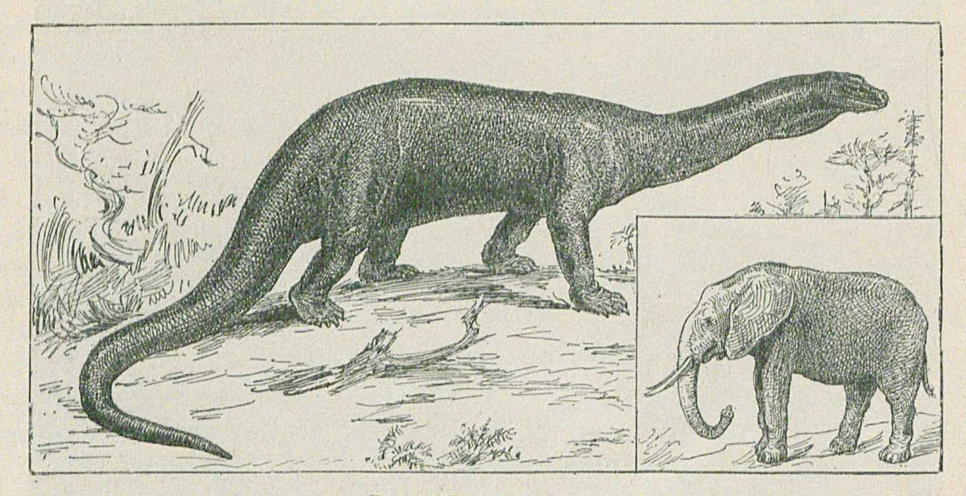


Рис. 199. Атлантозавръ.
Гигантское пресмыкающееся, въ сравненіи съ которымъ слонъ кажется карликомъ.

видимому, была необходима для ихъ существованія. Въ слѣдующую эпоху, мѣловую, когда температура воздуха значительно понизилась, они вымерли и больше не встрѣчаются въ послѣдующихъ отложеніяхъ.

Къ этимъ пресмыкающимся принадлежитъ еще одно животное, самое огромное, какое только когда-либо существовало на землѣ. Это—атлантозавръ, въ сравненіи съ которымъ нашъ слонъ кажется настоящимъ пигмеемъ. Атлантозавръ достигалъ 35 метровъ длины. Онъ тяжело ступалъ на своихъ четырехъ огромныхъ ногахъ, наподобіе нашихъ медвѣдей, а тяжелый его хвостъ волочился по землѣ. У него была длинная, подвижная и гибкая шея, которая оканчивалась непомѣрно малой, сравнительно съ остальнымъ туловищемъ головой, что наблюдается довольно часто у пресмыкающихся юрской эпохи. Это было тяжелое медлительное животное, и несомнѣнно очень ограниченное. Ступня этого колосса, какъ видно изъ сохранившагося отпечатка, имѣла не меньше 90 сантиметровъ въ діаметрѣ! Это, дѣйствительно, превосходитъ всякое вѣроятіе.

Мы еще упомянемъ про одно животное, которое особенно часто встрѣчается среди ископаемыхъ; мы имѣемъ въ виду знаменитаго игуанодона. Неподалеку отъ французской границы, въ Бельгіи,—разсказываетъ Е. Совэжъ—

находятся угольныя копи. Чтобы добраться до пластовъ угля, приходится раньше пройти слои, которые отложились вслѣдъ за эпохой образованія каменнаго угля. Эксплоатируя угольныя залежи въ этихъ мѣстностяхъ, натолкнулись на отложенія мѣлового періода. Эти отложенія, очевидно, засыпаны были внезапно, благодаря подземному удару, вызвавшему сильное землетрясеніе. Тысячи животныхъ, крокодиловъ, гигантскихъ пресмыкающихся остались здѣсь похороненными, приблизительно на глубинѣ трехсотъ пятидесяти метровъ, почти на томъ же

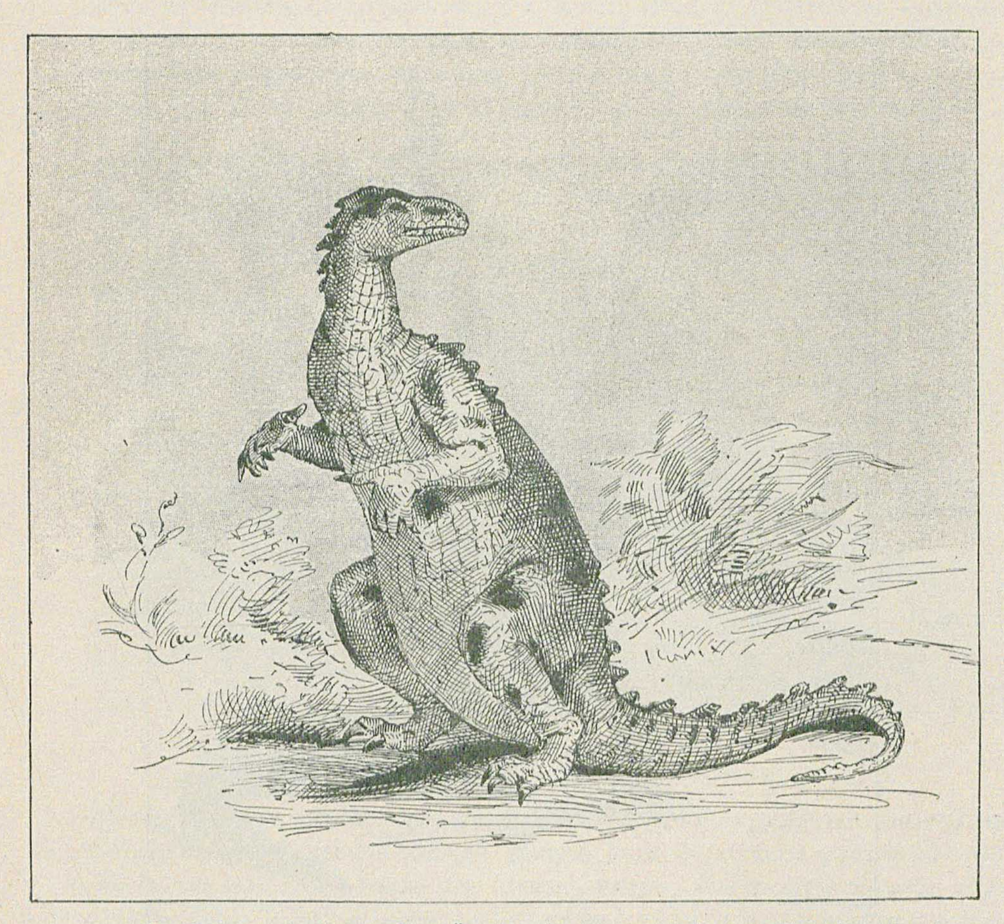


Рис. 200. Игуанодонъ, найденый въ мѣловыхъ отложеніяхъ въ Бельгіи.

мѣстѣ, гдѣ они жили; всѣ они погребены въ болотистой почвѣ, вперемежку съ многочисленными видами растеній, произраставшими въ ту эпоху. Все эти остатки принадлежатъ чрезвычайно отдаленной эпохѣ, столь отдаленной, что даже трудно составить себѣ ясное представленіе о ней. Гигантскія давнымъ давно исчезнувшія животныя, которыя стали для насъ извѣстными, благодаря неутомимымъ изысканіямъ такихъ ученыхъ, какъ де-По и Сопе, оказались динозаврами, принадлежащими къ роду игуанодоновъ. Остатки этихъ животныхъ были найдены Гедеономъ

Мантелемъ въ 1822 г. на островѣ Уайтѣ, въ Англіи. Благодаря трудамъ Буланже и др., и въ особенности Долло, мы имѣемъ свѣдѣнія объ самомъ причудливомъ и странномъ животномъ, какое когда-либо существовало на землѣ, полный скелетъ котораго теперь найденъ и хорошо изученъ. Открытіе этого животнаго въ Бельгіи пролило новый свѣтъ на цѣлую группу травоядныхъ животныхъ, динозавровъ.

Все въ этомъ животномъ странно устроено. Своимъ внѣшнимъ видомъ

Рис. 201. **Игуанодонъ, найденный въ скалистыхъ горахъ.**

оно способно привести въ недоумѣніе зоолога, который знакомъ только съ нынѣ существующими животными. Въ сравненіи съ другими современными имъ животными, игуанодоны были очень малы и тщедушны, а между тѣмъ въ той отдаленной эпохѣ они играли выдающуюся роль на землѣ, роль, которая предназначена развѣ самымъ крупнымъ земнымъ млекопитающимся.

Тѣло игуанодона, найденнаго въ Бельгіи, имѣетъ почти десять метровъ въ длину. Когда онъ стоялъ на своихъ заднихъ конечностяхъ—это положеніе онъ при-

нималъ во время передвиженія—игуанодонъ возвышался больше чѣмъ на четыре метра надъ поверхностью земли.

Голова его относительно мала и очень сплющена; обширныя ноздри какъ бы перегорожены; височная впадина ограничена костянымъ сводомъ какъ вверху, такъ и внизу—эта особенность встрѣчается, какъ исключеніе у теперешнихъ пресмыкающихся. Челюсти, наконецъ, по всей вѣроятности, были снабжены клювомъ, которымъ животное пользовалось для разрѣзанія большихъ папоротниковъ, произроставшихъ на берегахъ небольшихъ озеръ и болотъ; зубы, съ зазубринами по краямъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что эти животныя были, повидимому, травоядныя. Шея ихъ, должно-быть, была очень подвижная. Судя по очень крѣпкимъ ребрамъ, надо полагать, что легкія у нихъ были крупныя. Переднія конечности были значительно

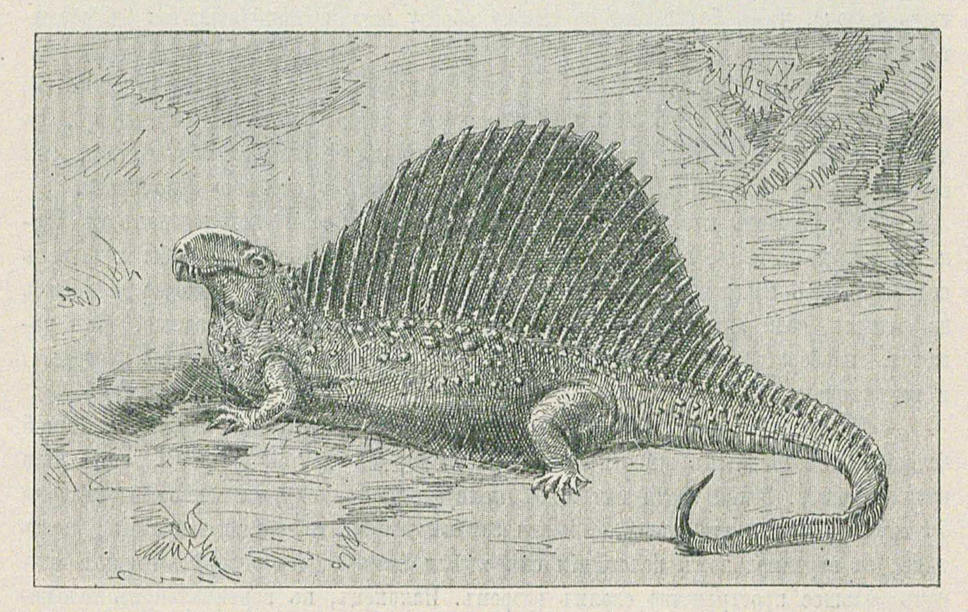


Рис. 202. **Диметродонъ.**

Животное, родственное нашимъ ящерицамъ, такое-же безобидное, какъ и онѣ.

короче заднихъ и оканчивались рукой, снабженной пятью пальцами; большой палецъ, снабженный огромной шпорой, долженъ былъ представлять собой грозное оружіе. Задняя лапа имѣла только три пальца, которые соединялись, по всей вѣроятности, между собою плавательной перепонкой; тазъ этихъ животныхъ больше походилъ на тазъ птицъ, чѣмъ на тазъ современныхъ пресмыкающихся. Хвостъ нѣсколько болѣе длинный, чѣмъ все туловище, имѣлъ почти пять метровъ въ длину и состоялъ, приблизительно, изъ пятидесяти позвонковъ; онъ сжатъ по бокамъ, какъ хвостъ крокодила и, по всей вѣроятности, облегчалъ имъ передвиженіе.

Л. Долло слѣдующимъ образомъ описываетъ образъ жизни игуанодоновъ:

«Зная, что игуанодоны проводили часть своей жизни въ водѣ, мы можемъ себѣ представить, на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ надъ крокодилами и большой

морской ящерицей, живущей на нѣкоторыхъ островахъ, два рода передвиженія въ водной стихіи, весьма отличныхъ отъ способа передвиженія, которымъ пользовался динозавръ.

«Медленно плавая, игуанодонъ пускалъ въ ходъ всѣ свои четыре конечности и хвостъ. Когда же онъ хотѣлъ быстро подвигаться впередъ, чтобы спастись отъ своихъ враговъ, онъ подбиралъ подъ себя переднія болѣе короткія лапы и дѣйствовалъ исключительно задними конечностями да хвостовымъ придаткомъ. При послѣднемъ способѣ передвиженія, ясно, что чѣмъ короче переднія конечности, тѣмъ легче ихъ скрыть и тѣмъ менѣе они, слѣдовательно, препятствуютъ животному перемѣщаться въ водѣ. Какъ подтвержденіе этого, мы замѣчаемъ, что у животныхъ, плавающихъ по указанному способу, переднія конечности тѣмъ короче, чѣмъ болѣе они по своему образу жизни приближаются къ обитателямъ водъ.

«По землѣ игуанодонъ двигался только при помощи заднихъ конечностей; въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ извѣстное сходство съ двуногими, напр., съ человѣкомъ и птицей. Игуанодоны не прыгали, какъ кенгуру; болѣе того, они совершенно не опирались на свой хвостъ и давали ему свободно волочиться.

«Но, скажетъ кто-нибудь, вы только-что сравнивали игуанодоновъ съ крокодилами, межъ тѣмъ, эти послѣдніе не приспособлены къ тому, чтобы ходить въ вертикальномъ положеніи. Зачѣмъ же понадобилась игуанодону походка двуногихъ животныхъ, если онъ велъ такой же образъ жизни, какъ земноводныя? Мнѣ кажется, наоборотъ, что способность держаться прямо есть большой прогрессъ, и вотъ почему.

«Игуанодоны, какъ травоядныя животныя, должны были служить добычей большимъ плотояднымъ животнымъ своей эпохи; съ другой стороны, они жили вблизи болотъ. Живя среди высокихъ папоротниковъ, окружавшихъ болота, они съ трудомъ могли или вовсе не могли замѣтить приближающихся враговъ; межъ тѣмъ, въ вертикальномъ положеніи они имѣли возможность смотрѣть вдаль и окинуть бо́льшее пространство своимъ взоромъ. Наконецъ, въ вертикальномъ положеніи они могли схватить нападающаго врага своими короткими, но сильными руками, и вонзить ему въ тѣло двѣ огромныя шпоры, которыя, навѣрно, были снабжены острымъ роговиднымъ придаткомъ.

«Наконецъ, передвиженіе на двухъ ногахъ, навѣрно, позволяло игуанодонамъ гораздо быстрѣе добраться до рѣки или озера, въ которыхъ они рѣзвились,—передвиженіе на четырехъ ногахъ постояннно затруднялось многочисленными водными растеніями, которыя въ изобиліи росли вблизи рѣкъ».

Въ эту же эпоху жили въ скалистыхъ горахъ такіе игуанодоны, тѣло которыхъ было покрыто многочисленными костяными пластинками и огромными иглами; эти послѣднія представляли собою, главнымъ образомъ, въ спинной и хвостовой областяхъ грозное оружіе.

Опишемъ еще диметродона — большую ящерицу, имѣвшую въ длину два метра; несмотря на свой грозный видъ, она была, въ сущности, очень безобиднымъ животнымъ.

Огромный гребень животнаго, который, безъ сомнѣнія, могъ сгибаться и разгибаться по желанію, вѣроятно, служилъ для того, чтобы наводить страхъ на другихъ животныхъ.

Не менѣе безобиднымъ является животное стегозавръ, имѣвшій въ длину двѣнадцать метровъ; спина его была покрыта роговыми бугорками и огромными

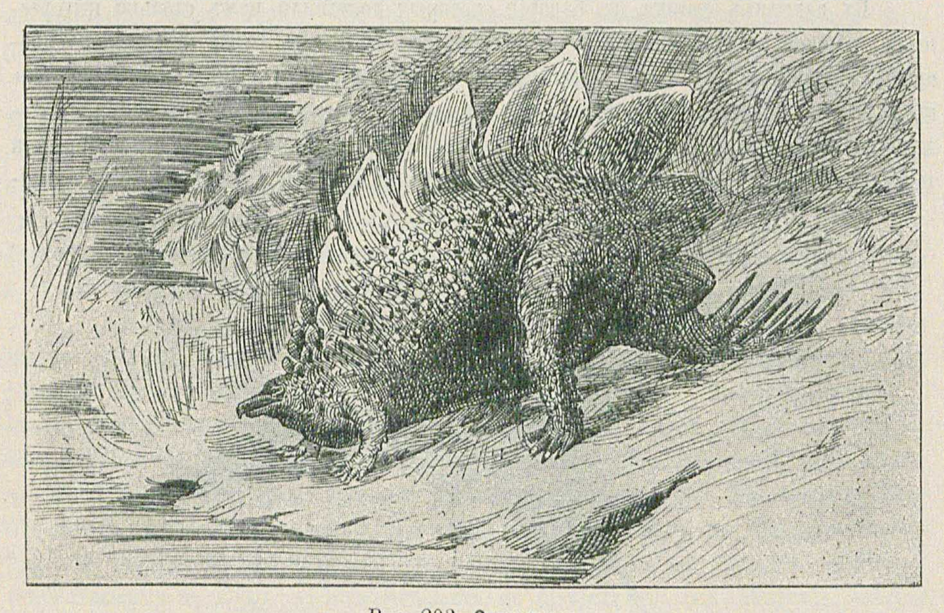


Рис. 203. **Стегозавръ.**
Животное далеко не такое страшное и грозное, какимъ оно кажется съ перваго взгляда.

костяными придатками; это было тяжеловѣсное, по всей вѣроятности, весьма лѣнивое животное. Его небольшой ротъ былъ мало вооруженъ и едва ли служилъ ему большимъ подспорьемъ для защиты отъ враговъ.

*

Эти два пресмыкающихся, какъ и многія другія, не обращались въ бѣгство, когда на нихъ нападали другія животныя, а энергично защищались оружіемъ, находившемся на ихъ покровахъ. Не такъ дѣло обстояло у птерозавровъ. Эти животныя, чуя опасность, пускали въ ходъ свои крылья, чтобы уйти отъ преслѣдователей.

У птеродактилей или пальцекрыловъ крылья совсѣмъ не такія, какими обладаютъ птицы; своимъ строеніемъ они до извѣстной степени напоминаютъ летательные органы летучихъ мышей. У пальцекрыла всѣ пальцы принимаютъ участіе въ образованіи крыла, за исключеніемъ сильно удлиненнаго мизинца, поддерживающаго широкую перепонку, которая тянется вдоль всего туловища до самаго хвоста.

Настоящіе пальцекрылы имѣютъ четыре пальца: большой палецъ состоитъ изъ двухъ фалангъ; слѣдующій палецъ составленъ изъ трехъ фалангъ; на третьемъ пальцѣ насчитываютъ четыре фаланги; палецъ, который поддерживаетъ крыло, имѣетъ четыре удлиненныхъ фаланги. Большой палецъ у пальцекрылыхъ

вида rhamphorуncus соотвѣтствуетъ мизинцу у человѣка,—эти животныя имѣютъ пять пальцевъ на переднихъ конечностяхъ.

Было высказано предположеніе, что перепонка пальцекрыла, должно быть, служила органомъ для плаванія, а не для летанія; мы теперь, однако, достовѣрно знаемъ, что пальцекрылъ умѣлъ летать, а вовсе не плавать.

Въ залежахъ сланца, въ Баваріи, которыя доставили намъ столько интересныхъ, хорошо сохранившихся ископаемыхъ, въ 1873 году былъ найденъ пальцекрылъ rhamphorуncus, съ неповрежденнымъ крыломъ. Это животное было изучено профессоромъ Маршемъ; оказалось, что крыло его представляло перепонку, похожую на ту, которую мы встрѣчаемъ у летучихъ мышей: она была гладкая и тонко-сѣтчатая. Перепонка изнутри была прикрѣплена къ рукѣ на всемъ протя-

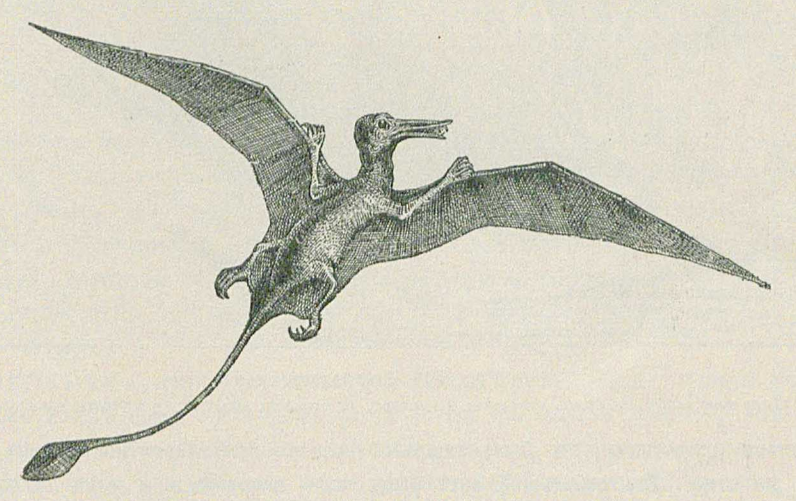


Рис. 204. **Пальцекрылъ (pterodactylus), вида Rhamphorуncus.**
Первый опытъ завоеванія атмосферы, сдѣланный пресмыкающимися.

женіи этой послѣдней; пятый палецъ, очень удлиненный, поддерживалъ длинную перепонку, которая продолжалась до основанія хвоста. Хвостъ былъ очень длинный и позвонки въ немъ скрѣплялись окостенѣвшими сухожиліями; онъ оканчивался перепонкой овальной формы, поддерживаемой перепончатыми стержнями, которые упирались въ позвонки; хотя и тонкіе, эти стержни, однако, были настолько упруги, что не ломались.

У настоящихъ пальцекрыловъ хвостъ былъ очень короткій и всѣ позвонки были подвижны по отношенію другъ къ другу.

Замѣчено было, что кости рукъ болѣе удлинены у животныхъ изъ семейства пальцекрылыхъ, которыя имѣютъ короткій хвостъ, чѣмъ у тѣхъ, у которыхъ этотъ органъ очень длинный.

Расположеніемъ костей запястья пальцекрылы болѣе походятъ на нѣкоторыхъ птицъ, напримѣръ, на страуса, чѣмъ на пресмыкающихся.

Количество позвонковъ, образующихъ тазъ, колеблется между тремя и

шестью; этотъ тазъ удивительно мало развитъ; подвздошная кость удлинена спереди и сзади, подобно тазу птицъ, однако, остальныя части скорѣе напоминаютъ то, что мы видимъ у пресмыкающихся.

У нѣкоторыхъ пальцекрыловъ бедряная кость имѣетъ сходство съ бедромъ извѣстныхъ млекопитающихъ — плотоядныхъ, тогда какъ у другихъ она напоминаетъ бедро птицъ. На ногѣ замѣчаются иногда четыре, иногда пять пальцевъ.

Благодаря оригинальному строенію своихъ органовъ, пальцекрылы разсматривались то какъ птицы, то какъ пресмыкающіяся, то какъ промежуточныя животныя между этими двумя послѣдними классами. Кювье и Окенъ считали пальцекрыла пресмыкающимся; Земерингъ видѣлъ въ этомъ животномъ млекопитающее, умѣющее летать; Гентеръ и Блюменбахъ разсматривали его какъ птицу; по Голдфуссу и де-Бленвиллю, пальцекрылъ долженъ занимать промежуточное мѣсто между классомъ птицъ и классомъ пресмыкающихся.

Съ открытіемъ ископаемыхъ понятія, которыя составили себѣ о различныхъ группахъ животныхъ, подверглись удивительнымъ измѣненіямъ: такъ узнали о существованіи птицъ, имѣвшихъ зубы, подобно млекопитающимъ, и познакомились съ такими млекопитающими, которыя имѣли такой же клювъ, какъ птицы; были найдены животныя до того странныя по своей организаціи, что они самыми компетентными анатомами могли разсматриваться, какъ пресмыкающіяся, снабженныя перьями, или какъ птицы, похожія на пресмыкающихся большой частью своего скелета. Группировка животныхъ по отрядамъ, классамъ, семействамъ и т. д. въ дѣйствительности не существуетъ въ природѣ, которая не знаетъ классификаціи; есть только длинный рядъ органическихъ формъ, связанныхъ между собою, какъ звенья безконечной цѣпи.

Профессоръ Гексли разсматривалъ какъ птицъ теплокровныхъ—позвоночныхъ, которыя имѣли мускульную затворку въ правомъ желудочкѣ (сердца), одну дугу аорты и особенно измѣненные органы дыханія.

Профессоръ Сели утверждаетъ, что пальцекрылы очень близко стояли къ птицамъ. Они имѣли, подобно этимъ послѣднимъ, и это не подлежитъ сомнѣнію, длинныя полыя внутри кости. По несовершенству своего летательнаго аппарата, пальцекрылъ, чтобы летать и подолгу держаться въ воздухѣ, долженъ былъ тратить много мускульной энергіи и, слѣдовательно, вырабатывать много теплоты; пальцекрылы поэтому должны были принадлежать, какъ и динозавры, къ категоріи теплокровныхъ животныхъ; ихъ кровообращеніе могло быть такое же, какъ у птицъ. «Если, однако,—говоритъ Гексли:—принять во вниманіе, что у летучей мыши,—животнаго, которое летаетъ, органы кровообращенія и дыханія не соотвѣтствуютъ тѣмъ же органамъ у птицъ, а имѣютъ сходство съ органами млекопитающаго, то можно предположить, что сердце и большіе сосуды у пальцекрыла были устроены не такъ, какъ у птицъ, хотя кровь у него и была теплая». На это возраженіе отвѣчаютъ, что пальцекрылы не представляютъ собой летающихъ пресмыкающихся, потому что они обладаютъ летательными приспособленіями,—какъ, напр., полыми костями, которыя мы встрѣчаемъ у птицъ,

межъ тѣмъ, летучія мыши не имѣютъ этихъ приспособленій, потому что онѣ не птицы, а млекопитающія, получившія возможность двигаться по воздуху.

Если считаетъ пальцекрыловъ птицами, придавая этому слову самое широкое значеніе,—именно такими птицами, которыя въ большей степени обладаютъ свойствами просмыкающихся, чѣмъ какой-нибудь изъ теперь существующихъ видовъ пернатыхъ. Между тѣмъ, существуютъ несомнѣнныя черты сходства между пальцекрылыми и пресмыкающимися. Германъ Майеръ выдѣлилъ пальцекрылыхъ динозавровъ въ особый классъ—классъ палеозавровъ, которому далъ мѣсто между классами птицъ и пресмыкающихся. Если динозавры представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ переходъ отъ пресмыкающихся къ птицамъ, то они во всякомъ случаѣ стоятъ ближе къ этимъ послѣднимъ, чѣмъ настоящія пресмыкающіяся.

Точно такъ же, какъ динозавры, птерозавры (летающія ящерицы), найдены лишь во вторичныхъ формаціяхъ какъ въ Европѣ, такъ и въ сѣверной Америкѣ. Существовали многія разновидности этого типа животныхъ, какъ мы уже отмѣчали: у однихъ хвостъ былъ очень короткій, у другихъ очень длинный и заканчивался перепонкой, служащей рулемъ.

Настоящіе пальцекрылы имѣли короткія челюсти, усѣянныя зубами; у другихъ очень удлиненныя челюсти, вѣроятно, оканчивались роговиднымъ клювомъ; зубы иногда были всѣ одинаковые и равной крѣпости; иногда, наоборотъ, передніе зубы были гораздо длиннѣе и болѣе остры, чѣмъ задніе; пальцекрылы, найденные въ Соединенныхъ Штатахъ, въ мѣловыхъ пластахъ Канзаса, повидимому, вовсе не имѣли зубовъ.

Нѣкоторые пальцекрылы юрской формаціи были не больше воробья. Проф. Маршъ, наоборотъ, нашелъ въ Канзасѣ кости, которыя принадлежали, по его мнѣнію, огромнымъ птеранодонамъ, у этихъ послѣднихъ ширина распростертыхъ крыльевъ равнялась приблизительно двадцати футамъ! Эти чудовищныя животныя, должно быть, были очень распространены въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ какъ профессоръ Маршъ утверждаетъ, что въ коллекціяхъ колледжа Іеля, въ Нью-Гэвенѣ (Кентукки), находятся кости, представляющія собою остатки приблизительно шестисотъ гигантскихъ птеранодоновъ. (Е. Соважъ).

*

Пресмыкающіяся, хотя и превращенныя въ пальцекрыловъ, потерпѣли, однако, неудачу въ своихъ попыткахъ утвердиться въ воздушномъ пространствѣ. Доказательствомъ служитъ то, что они не замедлили исчезнуть съ лица земли. Въ этомъ отношеніи они не больше успѣли, чѣмъ позднѣе млекопитающіе, какъ, напр., летучія мыши, которыя летаютъ, въ общемъ, очень плохо.

И тотъ и другой классъ животныхъ избралъ плохое средство для достиженія цѣли: желая устроить воздушный шаръ, которымъ можно было бы управлять, они создали лишь парашютъ.

Попытки, сдѣланныя пресмыкающимися первичныхъ и вторичныхъ эпохъ для завоеванія воздуха, любопытно сравнить съ тѣми усиліями, которыя дѣлалъ человѣкъ, чтобы добиться той же цѣли. Очень цѣннымъ является прекрасный трудъ М. Лекорну. «Воздухоплаваніе» въ которомъ чрезвычайно интересно описаны

попытки человѣка, сдѣланныя въ этомъ направленіи. Авторъ прослѣдилъ ихъ, начиная съ древнихъ временъ, до изобрѣтенія воздушныхъ шаровъ самаго усовершенствованнаго типа.

Главное, что нужно для крыла, одно изъ существенныхъ условій, необходимыхъ для его могущества—это перо.

Сознавая, быть-можетъ, что создавъ пальцекрыла, они сдѣлали неудачный шагъ, пресмыкающіяся постарались исправить свою ошибку и выдѣлили изъ своей среды археоптерикса, котораго нужно считать истиннымъ родоначальникомъ птицъ.

Эти остатки въ дѣйствительности дали не мало пищи уму. На каменной

Рис. 205. **Археоптериксъ.**
Родоначальникъ современныхъ птицъ, имѣющій птичьи крылья и лапы, но сохранившій челюсти пресмыкающагося.

плитѣ видны были слѣды костей и очень красивыхъ перьевъ съ тонкими зубчиками. Если бы изслѣдователь натолкнулся только на кости, онъ воскликнулъ бы: «Да вѣдь это пресмыкающееся! Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія! Но перья?.. Это значитъ птица?»

Спорамъ палеонтологовъ не было конца. Одни признали это ископаемое птицей, другіе—пресмыкающимся!

Наконецъ, рѣшили, что археоптериксъ есть пресмыкающееся животное въ томъ періодѣ развитія, когда оно преобразуется въ птицу и представляетъ собою, такимъ образомъ, соединительное звено между двумя большими группами животныхъ, связанныхъ между собою узами близкаго родства.

Археоптериксъ, вѣроятно, былъ похожъ на ястреба, съ обнаженной шеей, съ лапами, которыя оканчивались пятью крѣпкими когтями. Челюсти его были снабжены зубами; по бокамъ туловища были прикрѣплены крылья, которыя не совсѣмъ скрывали когти пресмыкающагося. Что касается хвоста, то онъ былъ составленъ изъ длинныхъ правильныхъ перьевъ не многочисленныхъ, правда, но зато красивыхъ.

* * *

Мѣловая эпоха, въ общемъ, была бѣдна фантастическими животными; тутъ

Рис. 206. **Гесперорнисъ.**
Зубастая птица, жившая въ мѣловой періодъ.

эра гигантскихъ пресмыкающихся оканчивается; ихъ мѣсто занимаютъ птицы, о которыхъ намъ теперешніе виды даютъ достаточное представленіе.

Птицы были найдены въ пластахъ сланца въ Золенгофенѣ, гдѣ онѣ отлично сохранились до нашихъ дней.

«Самая древняя и наиболѣе хорошо извѣстная изъ этихъ птицъ,—говоритъ

К. Фламмаріонъ въ своемъ интересномъ сочиненіи «Міръ до сотворенія человѣка»:— это hesperornis regalis» (рис. 206). Она, повидимому, была очень распространена въ срединѣ мѣлового періода. Это была водная птица, жившая на побережьяхъ сѣверной Америки; она отличалась большими размѣрами и могла походить на огромнаго пингвина».

Грудная кость ея имѣла такую же сплющенную форму, какая наблюдается у страуса. Заднія конечности съ перепончатыми лапами были очень сильныя; большой хвостъ состоялъ изъ двѣнадцати позвонковъ, расширенныхъ наподобіе весла или горизонтальной лопатки и по всей вѣроятности представлялъ собою могучій органъ передвиженія.

Клювъ былъ заостренъ, подобно тому, какъ мы это видимъ у нырка или у аиста. Верхняя челюсть была снабжена четырнадцатью зубами; нижняя челюсть имѣла тридцать три зуба съ каждой стороны, причемъ обѣ вѣтви соединялись между собой хрящевиднымъ сочлененіемъ и могли по всей вѣроятности, расширяться для того, чтобы дать возможность животному проглотить объемистую добычу. Такое же строеніе челюстей замѣчается у змѣй. Какъ и у пресмыкающихся, зубы у этихъ птицъ вросли своими корнями въ общій желобокъ; они покрыты гладкой эмалью, имѣютъ коническую форму, острыми концами направлены назадъ,—это значитъ, что они способны схватывать пищу, но не могутъ жевать ее.

Мозгъ напоминалъ собой мозгъ пресмыкающихся.

Открытіе этихъ ископаемыхъ птицъ заинтересовало весь ученый міръ. Долгое время думали, что это мистификація и только изслѣдованія Овена разсѣяли всякія сомнѣнія.

Рядомъ съ гесперорнисомъ нужно поставить родственное ему животное—ихтіорниса, которое, въ общемъ, напоминаетъ теперешнихъ птицъ, приближаясь къ пресмыкающимся только малымъ объемомъ своего мозга или двояковогнутыми позвонками. Особенно хорошо развиты крылья. По своей величинѣ онъ не больше голубя или ворона и, должно-быть, своимъ внѣшнимъ видомъ походилъ на нашу морскую ласточку. Сравненіе этихъ различныхъ первобытныхъ птицъ наводитъ на мысль, что эти птицы произошли не отъ одного, а отъ многихъ видовъ пресмыкающихся.

Мы очень мало знаемъ объ образѣ жизни этихъ любопытныхъ пернатыхъ, обладавшихъ зубами.

Можно, однако, допустить, имѣя въ виду строеніе его тѣла, что ихтіорнисъ любилъ парить въ воздухѣ.

Его крѣпкіе, загнутые зубы свидѣтельствуютъ о томъ, что это животное питалось живой добычей преимущественно рыбами—т. к. рядомъ съ его собственными остатками находятъ многочисленные остатки рыбъ.

Гесперорнисъ имѣлъ всѣ привычки водной птицы; заднія конечности и хвостъ образовали прекрасный аппаратъ для движенія въ водѣ, между тѣмъ какъ крылья, почти совсѣмъ атрофированныя, не могли приносить животному никакой пользы. Гесперорнисъ бывалъ на сушѣ лишь во время кладки яицъ и высиживанія птенцовъ. Въ обыкновенное время эта большая птица ловила рыбу, такъ какъ

она легко ныряла; шея ея была очень гибкая и ея челюсти, способныя растягиваться, какъ у змѣи, позволяли ей проглатывать объемистую добычу. (Буль).

* * *

Любопытныя пресмыкающіяся юрской эпохи, ихтіозавры, пальцекрылы, а также огромные динозавры, всѣ были прекрасно развиты физически и имѣли весьма малый по объему мозгъ. По величинѣ эти животныя напоминали слона, а мозгъ ихъ былъ величиной съ кулакъ. Статная, рослая фигура, красивая голова, но мало мозгу. Это обстоятельство погубило ихъ впослѣдствіи: они не сумѣли приспособиться къ новымъ климатическимъ условіямъ мѣлового періода и исчезли навсегда. Нѣкоторые виды, тѣмъ не менѣе, успѣшно боролись долгое время, какъ, напримѣръ, животное вида triceratops, голова котораго по обѣимъ сторонамъ была вооружена двумя рогами и однимъ посрединѣ; ротъ его имѣлъ форму клюва.

Голова пресмыкающагося этого вида имѣла въ длину два метра. Животное, которому она принадлежала, было травоядное, но это травоядное умѣло защищаться отъ сильныхъ враговъ, такъ какъ было такъ хорошо вооружено, какъ, можетъ-быть, ни одно четвероногое животное. Это пресмыкающееся имѣло острый клювъ, образованный костью, находившейся впереди челюстей. Нѣсколько кзади ноздри поддерживали сплющенный рогъ, имѣвшій форму топора. На верхушкѣ головы находилось еще три большихъ рога. Наконецъ, темянныя кости образовали въ задней части черепа костистое расширеніе, въ формѣ крыши, край которой былъ усѣянъ маленькими заостренными бугорками, расположенными лучеобразно въ видѣ зубцовъ круглой пилы. Всѣ костистыя выпуклости представляли отличныя средства защиты, такъ какъ были покрыты крѣпкой роговой тканью.

Такія существа не можетъ себѣ представить самая смѣлая фантазія. Художникамъ древности, которыя изобразили столько фантастическихъ животныхъ, никогда не снились необыкновенныя существа.

Эти животныя, въ свою очередь, исчезли. Въ эоценѣ мы не находимъ и слѣда отъ этихъ фантастическихъ существъ.

Оставимъ ихъ, однако, въ покоѣ и займемся исключительно млекопитающими, которыя получили преобладающее значеніе въ послѣдующія эпохи. Остатки млекопитающихъ встрѣчаются уже въ тріасовомъ періодѣ. Что эти животныя дѣлали въ столь отдаленной эпохѣ? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Возможно, что они спокойно жили, хотя такъ недолго, что ихъ остатки дошли до насъ въ очень несовершенномъ видѣ. Все приходитъ въ норму для того, кто умѣетъ выждать; лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служатъ млекопитающія. Они выжидали благопріятныхъ условій для своего развитія; эти условія представились въ началѣ третичнаго періода и наши млекопитающія не замедлили имъ воспользоваться. Гигантскія пресмыкающіяся, какъ уже было упомянуто, исчезли совершенно; рыбы уединились въ глубинѣ морей и въ прѣсной водѣ, птицы заняли господствующее положеніе въ атмосферѣ, млекопитающія овладѣли землей и не покидаютъ ее больше.

Періодъ эоцена характеризуется большимъ обиліемъ двуутробныхъ живот-

ныхъ—млекопитающихъ—съ весьма несложной организаціей, а также обиліемъ такъ-называемыхъ толстокожихъ животныхъ, родоначальниковъ современныхъ носороговъ и верблюдовъ.

Изъ нихъ особенно замѣчательны палеотеріи,—животныя, похожія на теперешнихъ тапировъ въ особенности, своимъ маленькимъ хоботомъ, затѣмъ аноплотеріи, ноги которыхъ имѣли два пальца, а зубы были расположены непрерывными рядами.

Въ Америкѣ первобытная фауна была еще болѣе любопытна.

Особенно интересны ископаемыя копытныя, именно, видъ dinoceras, открытый

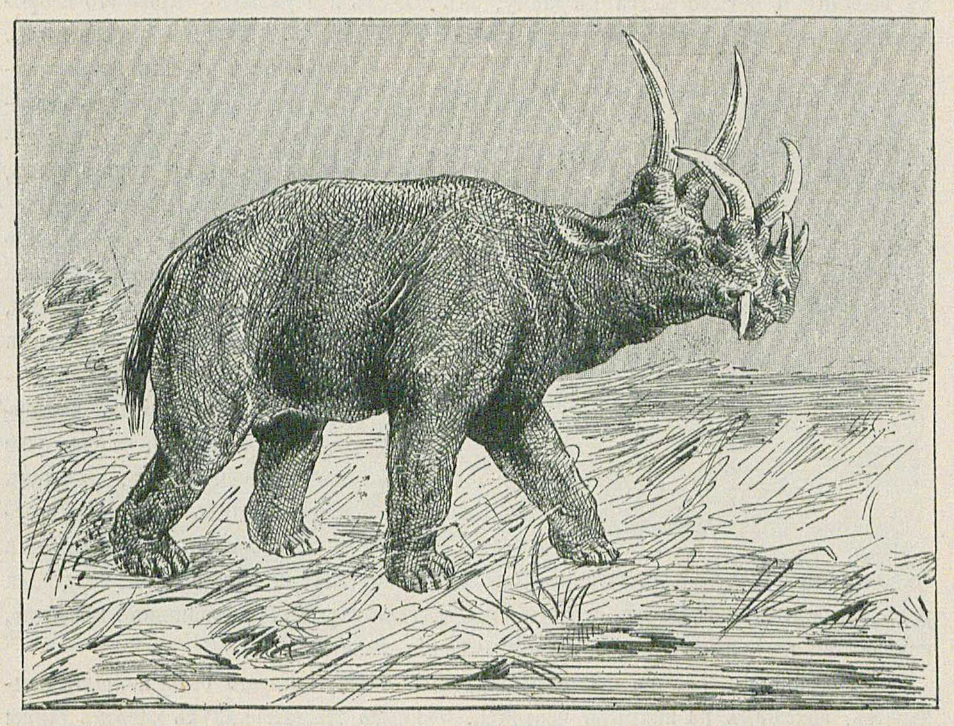


Рис. 207. Dinoceras.
Огромное животное, которое вооружено шестью рогами и мощными клыками.

Маршемъ въ верхнемъ эоценѣ. Судя по гигантскому скелету, это животное по своей величинѣ и строенію своихъ ногъ напоминало слона; но что поражало въ немъ больше всего,—это огромныя рога. Ихъ было три пары: одна возвышалась на носу, другая надъ колоссальными клыками, третья подымалась на задней части черепа.

Dinoceras считается промежуточнымъ видомъ между носорогомъ и слономъ. Эти послѣдніе появились вмѣстѣ съ динотеріемъ въ періодъ міоцена. Динотерій отличался громадными размѣрами: это было самое большое млекопитающее, существовавшее на землѣ. Три взрослыхъ человѣка, стоящихъ другъ на другѣ, едва могли бы добраться до его головы (рис. 208).

Чрезъ нѣкоторое время появился мастодонтъ. У него было четыре клыка, изъ нихъ два большихъ находились на верхней челюсти. Стоитъ только отбросить нижніе клыки и предъ нами предстанетъ слонъ,—животное, существующее и понынѣ.

Къ этой же эпохѣ относится появленіе тапировъ, носороговъ, антилопъ, газелей, жираффъ, дикихъ кошекъ, обезьянъ и т. д.

Слѣдуетъ еще отмѣтить среди причудливыхъ видовъ третичнаго періода, еще очень странное животное—именно: мегатерій.

Немного больше по величинѣ, чѣмъ носорогъ, мегатерій имѣлъ 2 метра въ вышину и четыре метра въ длину; онъ тяжелъ и неуклюжъ; голова его непропорціонально мала; хвостъ толстъ и крѣпокъ; на лапахъ крѣпкіе и острые когти. Строеніемъ своихъ зубовъ напоминаетъ теперешнихъ беззубыхъ. Это животное, относящееся къ типу травоядныхъ, питалось растеніями; предполагаютъ даже, что оно валило цѣлыя деревья, наваливаясь на нихъ своимъ могучимъ тѣломъ, чтобы полакомиться листьями и плодами. (Е. Костье).

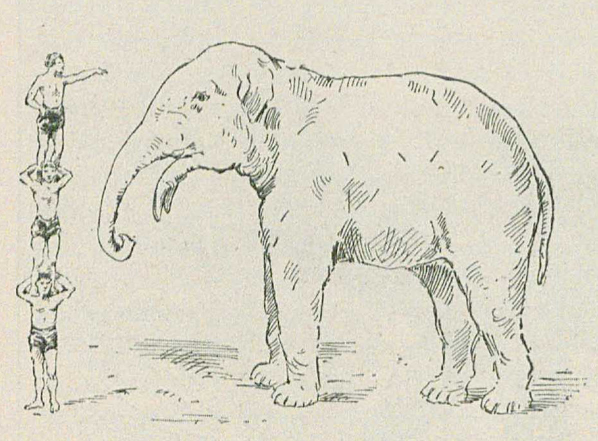


Рис. 208. **Динотерій.**

Въ отложеніяхъ четвертичной формаціи, когда уже появился человѣкъ, все-таки еще находятъ много интересныхъ ископаемыхъ. Въ Америкѣ жило странное беззубое—мегалониксъ съ огромными когтями; на его спинѣ находился рядъ костяныхъ пластинокъ, расположенныхъ полукругомъ. Мегалониксъ, вѣроятно, велъ такой же образъ жизни, какъ нынѣшніе лѣнивцы.

Довольно интересенъ также глиптодонтъ, спина котораго была покрыта панцыремъ, похожимъ на панцырь черепахи. Это было животное двухъ метровъ длины и сильно напоминало своимъ строеніемъ броненосца. Нѣкоторые виды четвертичнаго періода существовали еще до недавняго времени. Таковы, напримѣръ, динорнисы, гигантскія птицы, найденныя въ отложеніяхъ постпліоценовой формаціи, въ Новой Зеландіи. Эта птица, извѣстная у туземцевъ подъ именемъ «моасъ», представляла собою родъ гигантскаго страуса, достигавшаго четырехъ метровъ въ вышину. Были найдены ихъ яица, величина которыхъ соотвѣтствовала огромнымъ размѣрамъ птицъ. Яицо динорниса было въ 6—7 разъ больше яица страуса; вмѣстимость этого гигантскаго яица доходила до девяти литровъ. Люди часто употребляли въ пищу мясо динорнисовъ, чему существуетъ много доказательствъ. Въ Мадагаскарѣ тоже находятся громадныя птицы, именно «эпіорнисы». Въ огромномъ яицѣ этой птицы могутъ помѣститься 6 яицъ страуса, сто пятьдесятъ яицъ обыкновенной курицы и пятьдесятъ тысячъ яицъ колибри.

Европа служила родиной огромному животному, похожему на слона, но покрытому густой шерстью, именно мамонту. Найдены цѣлые трупы этихъ животныхъ, прекрасно сохранившіеся въ ледяныхъ поляхъ дальнаго Сѣвера. Клыки ихъ, имѣвшіе загнутую форму, часто находятъ и теперь еще; это, такъ-называемая ископаемая слоновая кость.

«Мамонтъ,—говоритъ Ф. Примъ,—былъ очень распространенъ на всемъ Сѣверѣ Европы и Азіи, встрѣчался также въ сѣверной Америкѣ. Область, въ которой онъ жилъ, простиралась далеко на югъ—до Италіи и Арменіи. Первобытный человѣкъ не только хорошо умѣлъ охотиться за нимъ, но даже умѣлъ рисовать его. По крайней мѣрѣ въ гротѣ Маделены нашли пластинку изъ слоновой кости, на которой было выгравировано изображеніе мамонта. Ни одно ископаемое не было

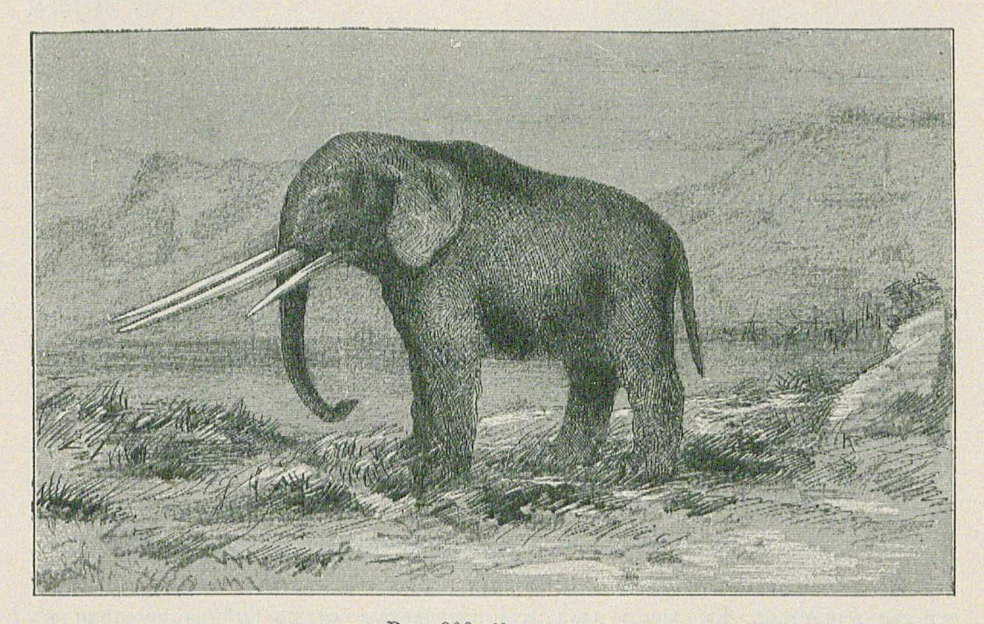


Рис. 209. **Мастодонтъ.**
Смирное и тихое животное, блуждавшее по обширнымъ пастбищамъ въ третичную эпоху, имѣло прекрасное вооруженіе въ формѣ огромныхъ клыковъ.

такъ распространено, какъ мамонтъ. Его огромныя кости, которыя находили въ большомъ количествѣ въ наносной почвѣ, встарину считались остатками великановъ, а также исчезнувшихъ первобытныхъ людей, и даже кимвровъ, убитыхъ Маріемъ въ равнинахъ Прованса. Зубы мамонта ошибочно принимались за зубы слоновъ; многіе ученые видѣли въ нихъ остатки слоновъ, которые были во времена великихъ войнъ Ганнибала.

Третья часть всего количества добытой слоновой кости обязана своимъ происхожденіемъ мамонтамъ. Въ Сибири находятъ не только скелеты мамонтовъ, но цѣлые, прекрасно сохранившіеся, благодаря низкой температурѣ, трупы, покрытые шерстью темно-краснаго цвѣта, которая защищала животныхъ отъ холода. Первая такая находка была сдѣлана въ 1799 году у устья Лены—цѣлый ма-

монтъ былъ найденъ тунгусомъ; спустя только семь лѣтъ это мѣсто посѣтилъ натуралистъ Адамсъ, отправившійся спеціально къ мѣсту находки. Животное уже было обглодано медвѣдями, волками, лисицами и собаками; уцѣлѣли только обрывки шерсти, кожи и сухожилія, но скелетъ былъ нетронутъ. Онъ былъ перевезенъ въ Петербургскій музей, гдѣ и сохраняется до настоящаго времени.

Трупы мамонтовъ, находящіеся въ цѣломъ видѣ въ мерзлой почвѣ Сибири, часто обнажаются, когда сильные разливы отмываютъ наносный слой почвы по берегамъ рѣкъ. Неизвѣстно еще въ достаточной мѣрѣ, въ какой собственно почвѣ сохранились остатки этихъ животныхъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, это были болота, куда погружались мамонты. Болота эти и находятся въ замерзшемъ состояніи, начиная съ ледниковаго періода. Впрочемъ, на мысѣ Эшгольцъ въ сѣ-

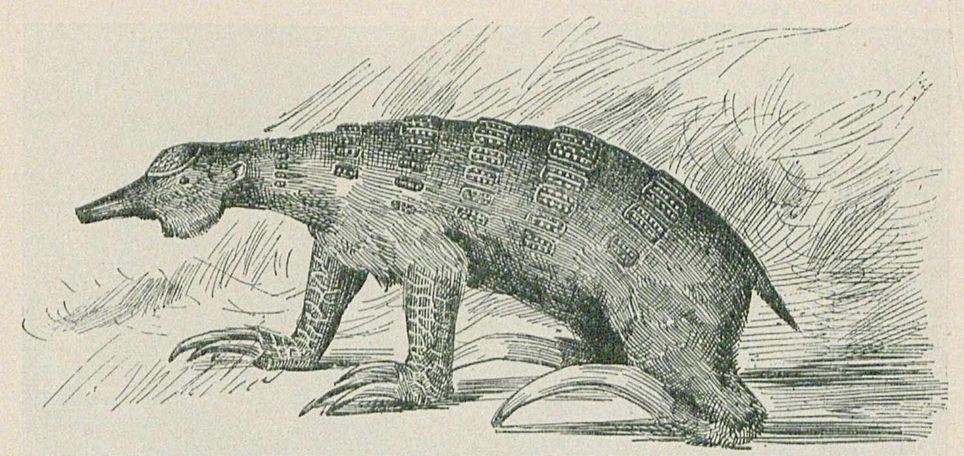


Рис. 210. **Мегалониксъ.**
Допотопное животное изъ отряда лѣнивцевъ, обладавшее огромными когтями.

веро-восточной Америкѣ, находится промерзшій пластъ, принадлежащій эпохѣ постпліоценовыхъ отложеній, гдѣ ясно видны линіи рѣкъ, въ которыхъ покоятся остатки мамонтовъ. Раньше думали, что ископаемые слоны Сибири не жили въ ней; думали, что воды рѣкъ, которыя текли съ юга, приносили съ собой трупы тропическихъ животныхъ. По мнѣнію Кювье, напротивъ, мамонты и носороги, которые обыкновенно сопровождали ихъ, жили въ Сибири, когда она имѣла гораздо болѣе теплый климатъ. По неизвѣстнымъ причинамъ произошла рѣзкая перемѣна въ климатическихъ условіяхъ, и мамонты погибли, такъ какъ не могли приспособиться къ новой средѣ. Такъ думалъ Кювье.

Однако, теперь предполагаютъ, что въ древности климатъ Сибири не многимъ отличался отъ нынѣшняго. Густая шерсть мамонтовъ позволяла имъ переносить холодъ и стужу. Кромѣ того, въ зубахъ и желудкѣ ихъ часто находятъ хорошо сохранившіеся слѣды шишконосныхъ растеній, которыя еще и теперь находятся и растутъ въ Сибири. Мамонты по строенію своего тѣла были близкими родичами современнаго индійскаго слона (elephas indicus). Мамонтъ отличался отъ него большими размѣрами, шерстью, гривой, висѣвшей на шеѣ, и формой клыковъ,

которые были длиннѣе и сильно загнуты, наконецъ, коренными зубами, которые у мамонта были больше, чѣмъ у слона.

Изъ мѣстъ, наиболѣе богатыхъ ископаемыми остатками мамонта, нужно еще отмѣтить Монъ-Доль (деп. Иль-и-Вилэнъ), изслѣдованный Сиридо. Тамъ нашли до четырехсотъ коренныхъ зубовъ этихъ животныхъ. За мамонтами слѣдуютъ носороги. Они занимали видное мѣсто среди животныхъ Европы въ эпоху плейстоцена. Часто находятъ вмѣстѣ съ костями мамонтовъ и кости огромныхъ насороговъ, у которыхъ въ ноздряхъ находились перепонки изъ костнаго вещества (Rhinoceros ticorhinus). Эта особенность строенія легко объясняется той большой тяжестью, которую должны были выносить кости носа, потому что носорогъ обладалъ двумя рогами, въ метръ высотой. Найдены цѣлые трупы носороговъ, лежавшіе рядомъ съ трупами мамонтовъ въ обледенѣлыхъ поляхъ Сибири. Трупы сохранили въ цѣлости кожу и густой мѣхъ, который покрывалъ ее. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе для насъ важенъ, что нынѣшній носорогъ тоже покрытъ шерстью. Отсюда нужно сдѣлать выводъ, что если онъ не потомокъ rhinoceros ticorhinus, то онъ происходитъ отъ другого какого-нибудь вида, имѣвшаго густую шерсть. Rhinoceros ticorhinus былъ гораздо менѣе распространенъ, чѣмъ мамонтъ. Его не находятъ ни въ сѣверной Америкѣ, ни въ Италіи или Арменіи, гдѣ мамонты еще встрѣчаются.

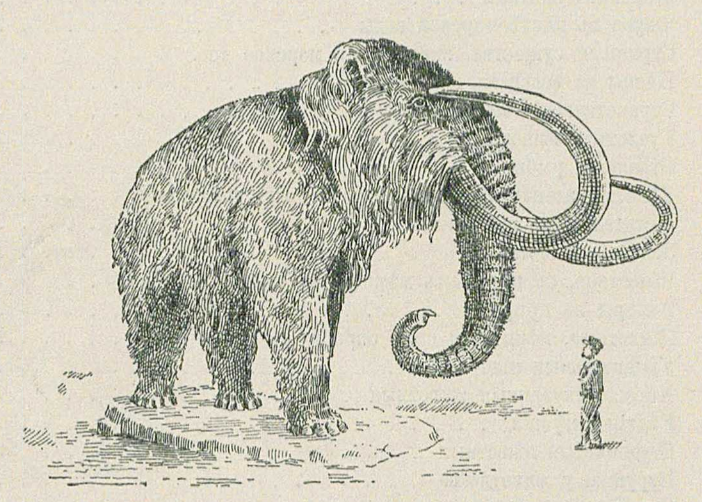
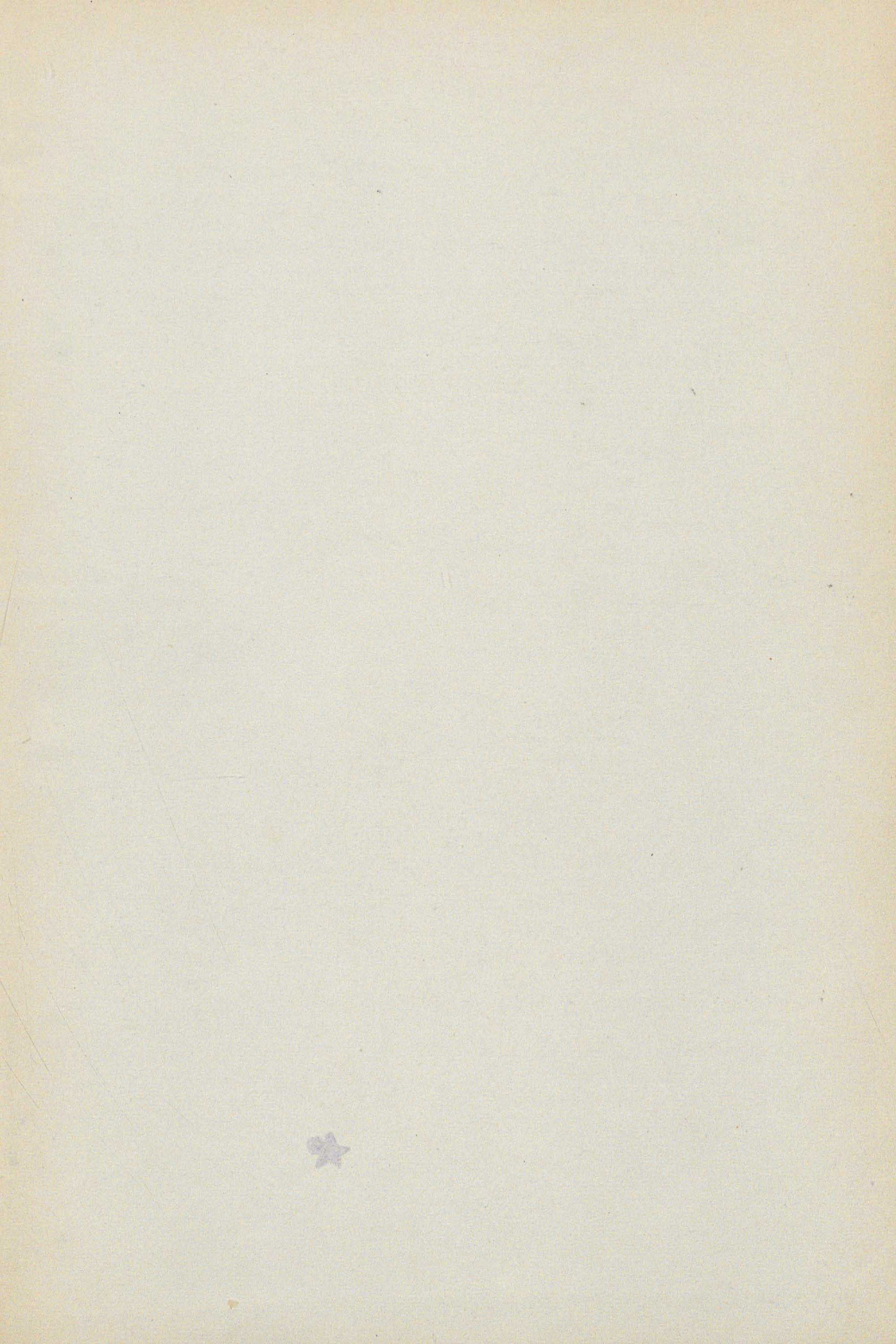


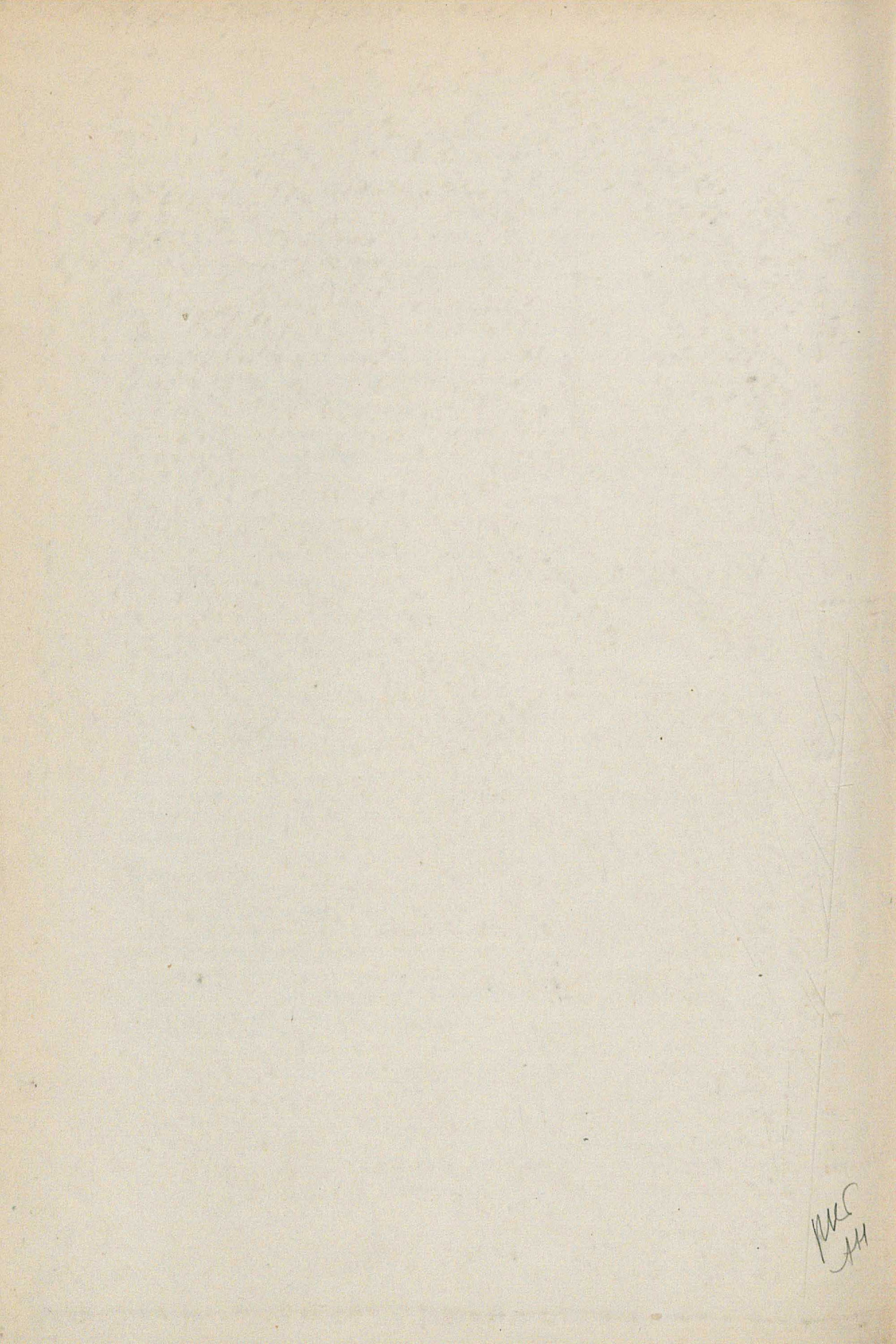
Рис. 211. Мамонтъ-слонъ съ искривленными рогами, покрытый густой шерстью; жилъ еще въ началѣ доисторическаго періода.

Со времени своего возникновенія, виды животныхъ непрерывно измѣняются и переходятъ въ другіе. Ничто не остается неподвижнымъ. Съ того времени, какъ люди стали заниматься этимъ вопросомъ, на ихъ глазахъ исчезли нѣкоторые виды. Такъ, напримѣръ, исчезла птица *додо*, которая еще въ 1598 году жила на островѣ Маврикія, исчезли зубры, а также европейскіе бизоны, кваггн и много другихъ животныхъ.

Болѣзни, которымъ подвержены люди, такъ многочисленны, что несомнѣнно, и родъ человѣческій подвергнется общей неизбѣжной участи вымиранія. Въ ожиданіи этого роковаго конца, будемъ жить, беря у жизни лучшее, что она можетъ дать: Gaudeamus et laboremus.

Оглавленіе.





2015148157